

ЗВЕЗДНИЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

Приключения
инспектора
Бел Амора

ТИТЭ

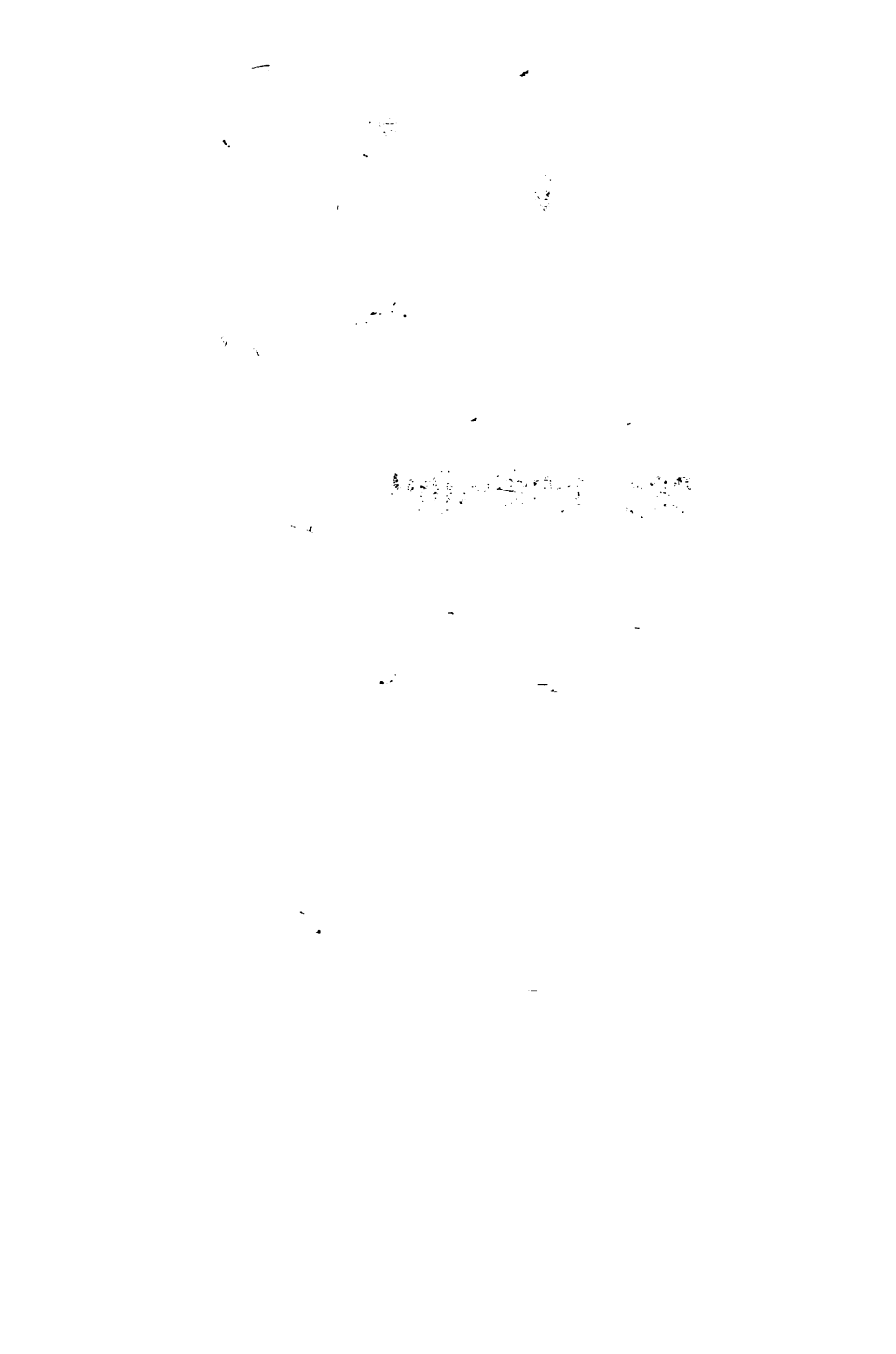
БОРИС

БОРИС ШТЕРН

Приключения инспектора Бел Амора

БОРИС

ШТЕРН

**Приключения инспектора
Бел Амора**

Вперед, конюшня!

Москва 2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ш90

Серия основана в 2001 году

Под общей редакцией Светланы Бондаренко

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Иллюстрации Александра Семякина

Художник Анатолий Дубовик

Издательство «Сталкер» благодарит всех,
принимавших участие в работе над «Дополнениями»

Подписано в печать 26.11.2001 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 7 000 экз. Заказ № 2656.

Штерн Б.Г.

Ш90 Приключения инспектора Бел Амора. Вперед, конюшня!:
Фантаст. романы / Б.Г. Штерн. — М.: ООО «Издательство АСТ»;
Донецк: «Сталкер», 2002. — 573, [3] с. — (Звездный лабиринт:
коллекция).

ISBN 5-17-011911-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 966-596-750-9 («Сталкер»)

В этой книге впервые собраны все произведения о приключениях известного любителям фантастики инспектора Бел Амора (фирменного героя Бориса Штерна), вечно попадающего в разные вероятные и невероятные, веселые и не веселые космические переделки. Известные читателю произведения уточнены, дополнены и переработаны автором. Роман «Вперед, конюшня!» ранее не издавался.

Книга дополнена предисловием Б.Н. Стругацкого, автобиографией и письмами Б. Штерна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Б. Штерн, 2002
© Художник. А. Дубовик, 2002
© Иллюстрации. А. Семякин, 2002
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ». 2002

ОБ АВТОРЕ

Десять лет назад, когда все были еще живы и даже здоровы, я писал предисловие к тому Бориса Штерна в серии «Новая Фантастика». (Том этот так и не вышел тогда по причинам, от нас не зависящим.) Десять лет миновало, но я и сейчас не хочу менять в этом предисловии ни единого слова.

«Современная фантастика, фантастика XX века, обручена с юмором от рождения своего. Что естественно. Ведь современная фантастика — это, прежде всего, непривычный взгляд на привычный мир. Юмор, в сущности, это то же самое.

Кроме того, нетрудно видеть, что юмор в современной фантастике есть как бы и реакция жанра на мрачность перспективы. Обнаружив в грядущем (после футурологических восторгов Века Пара и Электричества) тьму, ужас и Конец Света, фантастика не могла не искать хоть какого-то возражения этим перспективам. Таким возражением мраку (в представлении умного человека) могут быть в первую очередь Ее Высочество Улыбка и Его Величество Смех.

Юмор — это остров в море отчаяния. Когда человек оказывается в положении, совсем уже безвыходном, ему приходится смеяться, дабы, потерявши все, сохранить хотя бы достоинство.

Юмор — это последнее, что остается человеку, прежде чем он безнадежно и окончательно превратится в страдающее животное.

Юмор и сострадание — в конечном итоге только они и делают человека человеком. Юмор и сострадание. Ирония и жалость. Ибо сказано: «Где запрещено смеяться, там и плакать запрещено». Мы с вами это хорошо помним.

Говорят, великие писатели не благосклонны к юмору. Возможно было бы возразить, назвавши Диккенса и Гоголя, Уэллса и Булгакова. Но в каком-то смысле это утверждение недалеко от истины. Только, пожалуй, правильнее было бы сказать: юмор великих *своеобразен*. Ибо сострадание в великом произведении всегда сильнее юмора, сострадание в великом произведении — сильнее всего, и заслоняет собою, и подавляет, и делает малозаметным и малозначительным все прочее. Но иногда смеяться — и означает сострадать. Именно так возникает сатира.

Современная фантастика изначально стремилась разрушать запреты, она смеялась и плакала там и тогда, где и когда полагала необходимым. За это ее у нас не любили особенно.

Борис Штерн родом из Одессы. (Совершенно неважно, где он родился и жил, — Одесса в его крови, как кислород, то есть всегда, пока он дышит.) Для человека родом из Одессы юмор есть обычное состояние организма, — причем это юмор особенный, специфический, пастоемный на море, солнце и частном предпринимательстве. Фантастика, пропитанная ЭТИМ юмором, приобретает совершенно особенные, специфические черты, она делается не похожа ни на какую другую и абсолютно теряет способность адекватно переводиться на иностранные языки. Мне всегда представлялась дьявольски заманчивой идея: написать «Одесские рассказы» в жанре фантастики. Борис Штерн в значительной степени реализовал эту идею, и — благо ему!

Борис Штерн смеется НАД своими героями так легко и непринужденно потому, что он, как и всякий одессит, умеет и любит смеяться над собой.

Борис Штерн смеется ВМЕСТЕ со своими героями так аппетитно и заразительно, потому что он — один из них, и живет среди них, и никакой другой жизни не мыслит и не хочет.

Борис Штерн смеясь расстается с нашим певеселым прошлым. У нас жутковатое прошлое — как хорошо, что оно миновало.

Борис Штерн смехом встречает наше будущее. Наше будущее, как сейчас все повадились говорить, не о д н о з н а ч н о. Но оно у нас есть! Это же прекрасно: у нас есть будущее!

Борис Штерн смеется, потому что, согласитесь, смешно плакать, когда жутковатое прошлое уже миновало, а впереди какое-никакое, но все-таки будущее.

Борис Штерн смеется. Давайте же смеяться вместе с ним».

И вот сегодня его нет с нами. Какая горькая и недобрая правда! Остался нам его замечательно смешной рассказ «Чья планета?» — может быть, лучший из такого рода рассказов в отечественной фантастике. Остался его роман «Эфиоп» — может быть, лучший из романов последнего десятилетия. Остались его книги, его смех, его шутки, память о нем осталась — память о добром, веселом, невероятно талантливом человеке, — о замечательном писателе, который был самобытен во всем, никогда никому не подражал и всегда был похож только на самого себя.

Б. Стругацкий

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИНСПЕКТОРА БЕЛ АМОРА

В этой книге впервые собраны под одной крышей все рассказы и повести о приключениях известного любителям фантастики инспектора Бел Амора (фирменного героя Бориса Штерна), вечно попадающего в разные вероятные и невероятные, веселые и невеселые космические переделки. В 1994 году на Европейском конгрессе любителей фантастики Бел Амору (в лице Бориса Штерна) было присуждено звание «ЛУЧШИЙ ФАНТАСТ ЕВРОПЫ—94». До него из Восточной Европы этого звания удостоивались только Станислав Лем и братья Стругацкие.

Известные читателю произведения значительно уточнены, дополнены и переработаны автором.

ЧЬЯ ПЛАНЕТА?

Земной разведывательный звездолет с бортовым номером Щ-2047 возвращался домой и забрел в скопление звездной пыли. Место было мрачное, неизученное, а земляне искали здесь и везде кислородные миры — дышать уже было нечем. Поэтому, когда звездолет подошел к кислородной планетке, робот Стабилизатор заорал нечеловеческим голосом: «Земля!», и лейтенант Бел Амор проснулся.

Тут же у них произошел чисто технический разговор, разбавленный юмором для большего интереса, — разговор, который обязаны произносить многострадальные герои фантастического жанра в порядке информации читателя — о заселении планет, о разведке в космосе, о трудностях своей работы.

Закончив этот нудный разговор, они облегченно вздохнули и взялись за дело: нужно было ставить бакен.

Что такое бакен...

Это полый контейнер с передатчиком. По существу — обычный передатчик. Он сбрасывается на орбиту и непрерывно сигналил: «Владения Земли, владения Земли, владения Земли...» На этот сигнал устремляются могучие военные звездолеты с переселенцами.

Все дела.

Несколько слов о Бел Аморе и Стабилизаторе. Лейтенант Бел Амор — человек средних лет с сонными глазами, в развед-

ке не бреется, предпочитает быть от пачальства подальше, потому и застрял в лейтенантах. Не дурак, но умен в меру. Анкетная биография не представляет интереса — родился, учился, женился. О Стабилизаторе и того меньше: трехметровый корабельный робот. Недурен собой, но дурак отменный. Когда Бел Амор спит, Стабилизатор стоит на собачьей вахте: держится за штурвал, разглядывает компас и приборы.

Их придется на время покинуть, потому что события принимают неожиданный оборот. С другого конца пылевого скопления к планетке подкрадывается нежелательная персона — звездолет неземной цивилизации. Это повенький крейсер — настоящий супер-кварк, только что спущенный со стапелей. Он патрулирует галактические окрестности и при случае не прочь застолбить подходящую планетку. Его жабообразной цивилизации как воздух нужна нефть... что-то они с ней делают. В капитанской рубке расположился капитан Квазирикс — толстая жаба с эполетами. Команда супер-кварка тоекратно прыгает до потолка: открыта планета с нефтью, трехмесячный отпуск обеспечен.

Супер-кварк и земной разведчик приближаются к планетке и замечают друг друга. Возникает юридический казус: чья планета?

— У них орудия противозвездной артиллерии...— шепчет Стабилизатор.

— Сам вижу,— отвечает Бел Амор.

В местной системе галактик мир с недавних пор. Навоевались здорово, созвездия в развалинах, что ни день, кто-нибудь залетает в минные поля. Такая была конфронтация. А сейчас мир; худой, правда. Любой инцидент чреват, тем более есть любители инцидентов. Вот, к примеру: рядом с контр-адмиралом Квазириксом сидит его адъютант-лейтенант Квазикакс.

— Квак, плевать на соглашение,— квакает адъютант-лейтенант.— Оно все равно временное. Один выстрел, и никто ничего никогда не узнает. А узнают — принесем дипломатические извинения: ошиблись, квак, не разобрали в темноте, кто есть кто. Много их расплодилось, двуногих. Супер-кварк ни во что не ставят.

Есть и такие.

— Будьте благоразумны,— отвечает ему контр-адмирал.— В последнюю войну вы еще головастиком были, а я уже командовал 1-м Квакзанским ракетным дивизионом. Вы что-нибудь слышали о судьбе пейтральной цивилизации Журавров из одноименного скопления? Нет? Посмотрите в телескоп — клубы пепла до сих пор не рассеялись. Так что, если хотите воевать, то женитесь на эмансипированной лягушке и ходите за нее в атаки, квак. А инструкция гласит: с любым пришельцем по спорным вопросам завязывать мирные переговоры.

У лейтенанта Бел Амора инструкция того же содержания. Гигантский супер-кварк и двухместный кораблик сближаются.

— Вас тут не было, когда мы подошли, квак!

— Мы подошли, когда вас не было, блин!

Бел Амор предлагает пришельцам отчалить подобру-поздорову. (Это он хамит для поднятия авторитета.)

— Послушайте, как вас там... Щ-2047,— вежливо отвечает контр-адмирал Квазирикс.— На службе я тоже агрессивен, хотя по натуре пацифист, квак. Такое мое внутреннее противоречие. Мой адъютант советует решить наш спор одним выстрелом, но если после этого начнется новая галактическая война, я не выдержу груза моральной ответственности. Давайте решать мирно.

Лейтенант Бел Амор соглашается решать мирно, но предвзвездными высказывает особое мнение о том, что с противозвездными орудиями и он не прочь вести мирные переговоры.

Тут же вырабатывается статус переговоров.

— Мы должны исходить из принципа равноправия сторон, блин,— разглагольствует Бел Амор.— Хоть у вас и супер-кварк, а у меня почтовая колымага, но внешние атрибуты не должны влиять на результаты переговоров.

Со своей стороны, с супер-кварка вносят предложение «о регламенте переговорного процесса». Контр-адмирал настаивает: не ограничивать переговоры во времени и вести их до упаду, пока не будет выработано решение, удовлетворяющее обе стороны. Судьба планеты должна быть решена.

Вот выдержки из стенограммы переговоров. Ее вели на супер-кварке и любезно предоставили третью копию в распоряжение землян.

7 августа. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

КОНТР-АДМИРАЛ КВАЗИРИКС. Квак, решено: не надо глупостей. Будем решать мирно.

ЛЕЙТЕНАНТ БЕЛ АМОР. Может быть, рассмотрим вопрос о передаче нашего спора в межцивилизационный арбитраж?

КВАЗИРИКС. Ох уж мне эти цивилизные... По судам за-таскают.

БЕЛ АМОР. Ну, если вы так считаете...

КВАЗИРИКС. Предлагаю не обсуждать вопрос о разделе планеты. Она должна полностью принадлежать одной из договаривающихся сторон.

БЕЛ АМОР. Заметано.

КВАЗИРИКС. Будут ли еще предложения?

БЕЛ АМОР. Ничего в голову не лезет.

КВАЗИРИКС. Тогда предлагаю сделать перерыв до утра. По поручению команды приглашаю вас на скромный ужин.

8 августа. ВТОРОЙ ДЕНЬ

БЕЛ АМОР. Наша делегация благодарит за оказанный прием. В свою очередь, приглашаем вас отобедать.

КВАЗИРИКС. Приглашение принимаем. А теперь к делу. Предлагаем опечатать корабельные хронометры. Они должны были зафиксировать точное время обнаружения планеты. Таким образом, можно установить приоритет одной из сторон.

БЕЛ АМОР. Где, блин, гарантия, что показания вашего хронометра не подделаны?

КВАЗИРИКС (*обиженно*). За вас тоже никто не поручится.

БЕЛ АМОР. Решено: показания хронометров не проверять. Кстати, обедаем мы рано и не хотели бы нарушать режим.

КВАЗИРИКС. В таком случае пора закругляться.

БЕЛ АМОР. Еще одно... Возьмите с собой вашего адъютанта-лейтенанта Квазиквакса. Мы с ним вчера не закончили беседу.

12 августа. ШЕСТОЙ ДЕНЬ

НЕИЗВЕСТНОЕ ЛИЦО С СУПЕР-КВАРКА (*боцманским голосом*). Квак! Эй, на шлюпке, как самочувствие?

РОБОТ СТАБИЛИЗАТОР. Лейтенант Бел Амор не в форме, блин.

НЕИЗВЕСТНОЕ ЛИЦО (*с удивлением*). Лейтенант уходил от нас в собственной военно-морской форме. Где он ее потерял? Мы, конечно, можем выдать ему бушлат, тельняшку и галифе, но они будут ему малы.

СТАБИЛИЗАТОР (*терпеливо объясняет*). У лейтенанта Бел Амора с похмелья болит голова и горят трубы. Говорит, что сейчас он не в состоянии продолжать переговоры. Говорит: ну и крепкая у них эта мастика! Он предлагает отложить переговоры еще на день.

НЕИЗВЕСТНОЕ ЛИЦО. Контр-адмирал Квазирикс и адъютант-лейтенант Квазиквакс тоже нездоровы после вчерашнего ужина. Контр-адмирал приглашает вас на завтрак.

26 августа. ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

КВАЗИРИКС. Ну и...

БЕЛ АМОР. А она ему говорит...

КВАЗИРИКС. Не так быстро, лейтенант... Я не успеваю записывать. В предыдущей фразе: что именно она ему дала?

16 сентября. Сорок первый день

БЕЛ АМОР. Адмирал, переговоры зашли в тупик, а припасов у меня осталось всего на два дня... Все съели и выпили. Надеюсь, вы не воспользуетесь моим критическим положением.

КВАЗИРИКС. Лейтенант Квазиквакс! Немедленно поставьте лейтенанта Бел Амора и робота Стабилизатора на полное крейсерское довольствие!

ЛЕЙТЕНАНТ КВАЗИКВАКС (*радостно*). Квак! Слушаюсь, мой адмирал!

3 октября. Пятьдесят восьмой день

Во время завтрака контр-адмирал Квазирикс вручил лейтенанту Бел Амору орден Зеленой Кувшинки и провозгласил тост в честь дружбы землян и прыгушатников. Лейтенант Бел Амор выступил с ответной речью. Завтрак прошел в сердечной обстановке. На следующий день лейтенант Бел Амор наградил контр-адмирала Квазирикса похвальной грамотой

СОС (Службы Охраны Среды) и удостоверением ГОП (Галактической Охраны Природы).

11 декабря. СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

БЕЛ АМОР. Мы торчим здесь уже четыре месяца! Давайте наконец решать, блин!

КВАЗИРИКС. Команда предлагает сравить наших роботов, пусть дерутся. Чей робот победит, тому и достанется планета.

БЕЛ АМОР. В принципе я согласен. Спрошу Стабилизатора.

СТАБИЛИЗАТОР (*мрачно*). ...

(*В стенограмме неразборчиво.*)

12 декабря. СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

Утром в космическое пространство вышли корабельные роботы Стабилизатор (Солнечная система) и Жбан (Содружество Прыгушатников). По условиям поединка роботы должны драться на кулаках без ограничения времени с перерывами на подзарядку. Лейтенант Бел Амор и контр-адмирал Квазирикс заняли лучшие места в капитанской рубке, команда выглядывала в иллюминаторы. Жбан и Стабилизатор, сблизившись, подали друг другу клешни и заявили, что они, мирные роботы, отказываются устраивать между собой бойню; ну, а если хозяевам охота драться — то они, мирные роботы, не против и с удовольствием поглядят.

По приказу контр-адмирала Жбан получил десять суток гауптвахты за недисциплинированность. Лейтенант Бел Амор сказал Стабилизатору: «Я т-те покажу! Ты у меня попляшешь, блин!», однако дисциплинарного взыскания не наложил, ничего такого не показал и плясать не заставил.

1 февраля. СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

КВАЗИРИКС (*угрюмо*). Мне уже все надоело. Меня в бо-
лоте жена ждет.

БЕЛ АМОР. А я что, по-вашему, не женат?

КВАЗИРИКС. Я бы давно ушел, если бы не вы.

БЕЛ АМОР. Давайте вместе уйдем.

КВАЗИРИКС. Так я вам и поверил. Я уйду, а вы вернетесь.

СТАБИЛИЗАТОР *(что-то бормочет)*.

БЕЛ АМОР. Адмирал, у меня, кажется, появилась неплохая мысль. Давайте вместе отойдем в сторону от планеты и устроим гонки. Кто первый подойдет к цели, тот и поставит бакен.

КВАЗИРИКС *(с сомнением)*. Но я не знаю предельной скорости вашей шлюпки.

БЕЛ АМОР. А я — скорости вашего крейсера. Риск обоюдный.

(Далее в стенограмме следует уточнение деталей, и на этом она обрывается.)

В десяти световых годах от планетки они нашли какой-то замшелый астероид и решили стартовать с него.

Гонки проходили с переменным успехом. Сначала Бел Амор вырвался вперед, а супер-кварк все никак не мог оторваться от астероида. Контр-адмирал квакал, буйствовал и обещал то всех разжаловать, то присвоить внеочередное звание тому прыгушатнику, который поднимет в космос эту свежеснушенную со стапелей рухлядь. Адьютант-лейтенант Квазиквакс стал капитаном 3-го ранга: он спустился в машинное отделение и, применив особо изощренные выражения, помог кочегарам набрать вторую космическую скорость.

К половине дистанции супер-кварк настиг Бел Амора, и оба звездолета поздря в поздю плелись в пылевом скоплении со скоростью 2 св. год/час; плелись до тех пор, пока у Бел Амора не оторвался вспомогательный маршевой двигатель.

— Щ-2047! У вас двигатель оторвался! — предупредительно радировали с супер-кварка.

— Спасайся, кто может! — запаниковал Стабилизатор и выбросился в космическое пространство.

Бел Амор сбавил скорость и осмотрелся. Положение было паршивое. Еще немного — и того... блин.

На последних миллиардах километров супер-кварк вырвался далеко вперед и первым подошел к планетке. Тем гонки и закончились. Для Бел Амора наступило время тяжелых переживаний, но переживать неудачу ему мешал Стабилизатор — тот плыл где-то в пылевом скоплении и просился на борт.

— Пешком дойдешь! — отрезал Бел Амор. — Как в драку, так принципы не позволили?

— Надо было не кулаками, а умом брать,— уныло отвечал Стабилизатор.

Бел Амор вздохнул и... наострил уши. Там, у планетки, с кем-то неистово ссорился контр-адмирал Квазирикс.

— Вас тут не было, когда мы были! — орал контр-адмирал.— У меня есть свидетель! Он сейчас подойдет, квак, и подтвердит!

Незнакомый грубый голос возражал:

— Отвали, кол! Тут никого не было, когда я подошел. Ты мешаешь мне ставить бакен!

— У меня есть свидетель! Свидетель! Свидетель! — как заведенный, повторял контр-адмирал.

— Знаю я этих свидетелей, кол! Я открыл эту каменноугольную планетку для своей цивилизации и буду защищать ее всеми доступными средствами до победного конца! Не знаю я твоих свидетелей и знать не хочу!

Бел Амор приблизился и обнаружил на орбите такой огромный дредноут, что даже супер-кварк рядом с ним не смотрелся,— на взгляд стороннего наблюдателя дредноут аж загибался на орбите от релятивистского эффекта.

— В самом деле, свидетель...— удивился грубый голос с дредноута, заметив звездолет Бел Амора.— Щ-2047. Нумерованный. В таком случае предлагаю обратиться в межцивилизационный арбитраж.

Контр-адмирал Квазирикс застонал, а у Бел Амора появилась надежда поправить свои дела.

— Адмирал,— сказал он.— Эти переговоры никогда не закончатся,— вы сами видите, что происходит. Давайте разделим планету на три части и разойдемся по домам, а потом наши цивилизные дипломаты без нас разберутся.

— Почему на три части? — послышался новый голос.— А меня вы не принимаете во внимание?

— Это кто еще?!

К планете подкрадывалась какая-то допотопина... паровая машина, а не звездолет. Там захлебывались от восторга:

— Иду, понимаете, мимо, слышу, ругаются, принимаются, пахнет жареным, чувствую, есть чем поживиться, дай, думаю, сверну, все равно спешить некуда, вижу, планетка с запасами аш-два-о, да у нас за такие планетки памятники ставят!

— Вас тут не было, блин, квак, кол! — вскричали хором Бел Амор, контр-адмирал и грубый голос с дредноута.

— По мне не имеет значения, были не были...— резонно отвечала Паровая Машина.— Дело такое: прилетели, увидели — ставьте бакен. Бакена нет — я поставлю.

— Только попробуйте!

— А что будет?

— Плохо будет!

— Ну, если вы так агрессивно настроены...— разочарованно ответила Паровая Машина.— Давайте тогда поставим четыре бакена... О, смотрите, смотрите, еще один!

Увы, Паровая Машина не ошиблась: появился пятый. Совсем крохотный. Он огибал планетку по низкой орбите над самой атмосферой.

— Что?! Кто?! Блин! — возмутились Все Высокие Договаривающиеся Стороны.— Пока мы тут болтаем, он ставит бакен! Кол! Квак! Каков негодяй! Вас тут не было...

— Нет, это не звездолет...— пробормотал контр-адмирал Квазирикс, разглядывая в подзорную трубу новоприбывшую персону.— Это какой-то примитивный бакен! Кто посмел поставить бакен?! Я пацифист, но я сейчас начну стрелять!

Это был бакен. Он сигнализировал каким-то странным, незарегистрированным кодом.

Все притихли, прислушались, пригляделись.

Низко-низко плыл бакен над кислородной, нефтяной, каменноугольной, водной планетой, и планета уже не принадлежала никому из них.

У Бел Амора повлажнели глаза, Грубый Голос прокашлялся, сентиментально всхлинула Паровая Машина.

— Первый раз в жизни...— прошептал контр-адмирал Квазирикс и полез в карман за носовым платком.— Первый раз присутствую при рождении... прямо из колыбельки, квак.

— Потрясающе! По такому случаю не грех...— намекнула Паровая Машина.

— Идемте, идемте...— заторопился грубый голос с дреднута.— Нам, кол, закорюченым мужланам и солдафонам, больше нельзя здесь оставаться.

Бел Амор молчал и не отрываясь смотрел на бакен.

Бакен сигнализировал и скрывался за горизонтом.

Это был не бакен.

Это был первый искусственный спутник этой планетки.

Одесса, 1975

СПАСАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Необходимое дополнение к трем законам Азимова — посвящается Геннадию Прашкевичу

1

Звездолет инспектора Бел Амора был похож на первую лошадь д'Артаньяна — такое же посмешище.

(Или у д'Артаньяна был конь?)

Ни одна приличная планетка не разрешила бы этому ржавому корыту с бортовым номером Щ-2047 и с грязным ускорителем замедленных нейтронов сесть на свою поверхность. Разве что при аварийной ситуации.

Эта ситуация давно обозначилась — отказал парус; но инспектору Бел Амору совсем не хотелось орать на всю Вселенную: «Спасите наши души!» Авось обойдется как-то. Галактика была совсем рядом, может быть, даже вон за тем холмом искривленного пространства. Бел Амору чудился запах Млечного Пути. Пахло дождем, квасом, березами... Вот в чем дело — пахло парной и березовым веником. Значит, робот Стабилизатор затопил для своего командира прощальную баньку.

Что ж, банька — дело святое; пусть на нее уйдет последний жар замедляющихся нейтронов.

Инспектор Бел Амор в который раз попытался высвободить застрявшую мачту, но парус ни в какую не поддавался.

Ладно, подождет парус.

Отпаренный березовый веник был уже готов к бою. Бел Амор плеснул на раскаленные камни ковш разбавленного кваса, камни угрожающе зашипели.

Первый заход — для согрева.

Веником сначала надо растереться, чтобы задубевшая кожа раскрылась и размягчилась. Потом отдохнуть и попить кваса. Есть ненормальные — глушат пиво, а потом жалуются на сердце. Есть самоубийцы — лезут в парную с коньяком; этих к венику подпускать нельзя. Но хуже всех изверги, которые вносят в парную мыло и мочалку. Что вам здесь, баня? На помывку пришли, что ли? Вои из моего звездолета!

Стабилизатор попробовал дернуть мачту посильнее, но парус угрожающе затрещал. Стабилизатор испугался и вернулся в звездолет.

К вашему сведению, думал Бел Амор, дубовый веник лучше березового. Листья у дуба шире, черенки крепче, а запах ядреней. Нарезал дюжину веников, и достаточно, на год хватит, а березы для дальнего космоса не запасешься. Резать дуб, конечно, рискованно — если за этим занятием поймают лесник, то он может запросто тут же под дубом да тем же самым веником... Впрочем, один махровый букет из дубовых июньских листочков Бел Амор для себя заготовил, а отстегать его за такое браконьерство мог только он сам, потому что инспектор Бел Амор и был тем самым лесником.

За дубом нужен уход, думал Бел Амор, греясь на верхней полке. А береза растет сама по себе. У его коллеги, инспектора Марта из новосибирского Академгородка, в подчинении целый березовый лес, так что у академиков нет проблем с парилкой. Там леснику можно жить, там и ружья не нужно. Кругом сплошная интеллигенция, лишний раз в лесу не плюнет. Коллега Март хорошо устроился. А ты мотайся весь год в дремучем-космосе и насаждай березу.

— Вас попарить, командир? — спросил Стабилизатор.

— Дай по пояснице... вполсилы.

Второй заход — для тела.

Дубовый веник пусть хранится на черный день; а березовый методично взлетает и опускается — плечи, спина, поясници

ца, ноги; ноги, поясница, спина, плечи. Косточки прогреты, сердце гоняет кровь по всем закуткам. Насморк, грипп, радикулит и прочая зараза выбиваются на втором заходе. Теперь перевернемся наоборот — плечи, грудь, живот, а место пониже живота прикрываешь ладонью из чувства самосохранения — Стабилизатор хотя и не дурак, но может не разобрать, что-где-почем.

Есть любители выскакивать голыми в открытый космос и тут же нырять обратно в звездолет. Для закалки оно, конечно, неплохо, но в окрестностях Галактики не совсем удобно — дамы на туристических маршрутах падают в обморок при виде в космосе голых мужчин.

Третий заход — для души.

Веник в сторону, до души веником не доберешься. Три полных ковша кваса на камни; малейшее движение вызывает ожог. Злоба, хандра, бессонница и кислой антропоцентризм испаряются. Происходит очищение; готов целоваться даже с роботом.

Все. Достаточно. В четвертый, пятый и еще много-много раз в парную лезут тяжелоатлеты для сгонки веса.

Теперь обязательны чистое белье, свежий скафандр и легкая прогулка перед сном вокруг звездолета...

2

Легкой прогулки не получилось, поспать не удалось.

Неуправляемый звездолет выскочил из-за бугра, получил дополнительный гравитационный толчок и пошел по новой траектории. По предварительным расчетам получалось, что их несет прямо на Дальнюю Свалку.

— Куда?! — переспросил Бел Амор.

— На Дальнюю Свалку,— повторил Стабилизатор.— Может быть, дадим сигнал «SOS»?

— Еще чего!

Верно: еще чего! Чтобы его, Бел Амора, инспектора Службы Охраны Среды, нашли терпящим бедствие... и где?.. на Свалке? Умора! На Дальнюю Свалку даже спецкоманду на помощь не пришлют, а каких-нибудь мусорных роботов. После Свалки ни в какой парной не очистишься.

Галактическая спираль была видна в три четверти: бурлящее ядро и оба рукава — Южный и Северный. Вот очищенные от пыли Большое и Малое Магеллановы Облака, а вот и Дальняя Свалка, все правильно — вот оно, это грязное пятно в галактическом пейзаже, нагло вершит свой путь по орбите, оставляя за собой длинный шлейф.

Их несло в самую кучу галактических отбросов.

— Через полчаса врежемся,— удовлетворенно объявил Стабилизатор, вытирая клешни ветошью.

Стабилизатор в последний раз попытался выдернуть парус, но мачту наглухо приварило к обшивке. Удары микрометеоритов, космические лучи или вселенский вакуум были виноваты в нераскрытии паруса — неизвестно, да и незачем знать; коллега Март давно советовал списать это дырявое корыто, подать заявку и получить новый звездолет... но Март, наверно, сладко спит сейчас в избушке лесника в сибирской тайге и ничем не может помочь.

Устраиваются академики!

Но есть же способ уклониться от этой встречи?

— Если не «SOS», то шлюпка,— подсказал Стабилизатор.

Роботы иногда советуют дельные вещи — в шлюпке, пожалуй, есть резон. За неделю они отгребут от Дальней Свалки на приличное расстояние, а там уже не стыдно позвать на помощь...

Решено!

Бел Амор схватил самое ценное: в правую руку судовой журнал, в левую — дубовый веник; Стабилизатор на прощанье в последний раз ударил в корабельную рынду,— звон пошел по всей Вселенной; они прыгнули в шлюпку и тут же отчалили.

Течение здесь уже чувствовалось, этаким Гольфстрим, создаваемый Свалкой. Пришлось потрудиться, но отгребли благополучно. Теперь можно было перевести дух и понаблюдать со стороны редкое зрелище — звездолет, идущий на таран.

Сантименты в сторону: подобную аварию следовало устроить еще год назад и потребовать новое корыто.

Звездолет Ш-2047, жалобно звякая корабельной рындой, шел наперерез Дальней Свалке, превращаясь в слабую звездную точку.

— Сейчас как га-ахнет! — шепнул Стабилизатор.

И в этот момент так га-ахнуло, что Свалка задрожала. Она вдруг привиделась Бел Амору жадным и грязным существом, с бездонной пастью, хотя на самом деле была лишь гравитационной кучей отбросов на глухой галактической орбите. Дальняя Свалка уходила, плотоядно виляя шлейфом и переваривая то, что осталось от звездолета Щ-2047, которому Бел Амор даже имени не удосужился придумать... в самом деле, какие имена дают серийным корытам? «Катя»? «Маруся»?

Жаль, конечно, хороший когда-то был звездолет... боевой конь был, а не звездолет... но в сторону, в сторону сантиментов, пора выгребать из этого мусорника.

Свалка уходила.

3

— Командор! Сигнал «SOS»! — вдруг сообщил Стабилизатор, указывая клешней в сторону уходящей Дальней Свалки.

В самом деле, кто-то с Дальней Свалки, слабо попискивая, звал на помощь...

Этого еще не хватало! Они кого-то торпедировали своим звездолетом!

— Я пойду... — забеспокоился Стабилизатор.

— Куда ты пойдешь? — удивился Бел Амор.

— Спасать человека. Человек терпит бедствие.

«Все ясно,— подумал Бел Амор.— У робота сработал закон Азимова».

Бел Амору очень не хотелось забираться на Свалку, но другого выхода не было — роботы подчиняются законам Азимова, а он, Бел Амор, закону моря: человека надо спасать. Похоже, торпедировали мусорщика. Конечно, лесник мусорщику не товарищ, но любого человека надо спасать в любых обстоятельствах.

Такова, значит, его судьба — побывать на Свалке.

Они развернули шлюпку и погнались за Дальней Свалкой. Догнали, вошли в ее притяжение... Теперь своим ходом им отсюда не выбраться. Придется спасти человека, дать сигнал «SOS» и самим ожидать спасателей.

Судьба!

Свалка уже затмила Галактику. От ее шлейфа стояла воища, хоть надевай противогаз. Навстречу шлюпке вылетела

красная сигнальная ракета, еще одна — значит, пострадавший их заметил.

— Подберемся поближе, командор?

— Уже подобрались... Ну началось! Маневрируй! Ну и местечко!

Свалка превосходила самые худшие ожидания Бел Амора. Взорвавшийся звездолет разнес тут все к чертовой матери — и, честно говоря, ей, этой самой чертовой матери, здесь было самое подходящее место для обитания. Первыми, растревоженные взрывом, вышли им навстречу помятые кастрюли и бесформенные ведра и помчались прямо к Южному галактическому рукаву. Вот будет работы тамошнему инспектору Охраны Среды!

Не успели увернуться от этого метеоритного потока металлоизделий, как влипли в концентрат какого-то киселя. Бел Амор понюхал: плодово-ягодного. Грушки-яблочки. Сколько лет этому киселю, сколько тысячелетий? Когда и зачем произведен, кому его хлебать? Слой киселя, к счастью, был неплотным, продрались. Зато навстречу величаво поплыли сухие желто-ржаво-рыжие березовые веники. Здравствуйте, дорогие, давно не виделись! Кто заготовил вас и заслал сюда, какое банно-прачечное предприятие?

После веников стало поспокойней. Вокруг громоздились вещи самые неожиданные; узнать их было трудно, перечислять — лень, и не время разглядывать. Где же пострадавший? «SOS» прямо по курсу...

— Стоп-машина!

Вот он, бедняга, размахивает красным фонарем. С виду какой-то страшный... да ведь это мусорный робот!

— Чего тебе? — спросил Бел Амор, выпрыгивая из шлюпки.

— Спасите наши души! — суетливо запричитал мусорный робот.

— Затем и прибыл, не сомневайся. Где твой хозяин?

— Здесь, рядом.

Мусорный робот, то и дело оглядываясь, поплыл впереди, указывая дорогу между горными массивами битого кирпича и радиаторами парового отопления. Кирпич, пообтесавшись за тысячелетия, вел себя относительно спокойно, зато радиаторы угрожающе летали в самых неожиданных направлениях. Пробрались и здесь, но вскоре шлюпка застряла в торосах

размолотых музыкальных инструментов. За ними начиналось мертвое поле сгнивших железнодорожных вагонов. Одинокая арфа без струн проплыла над головой. Шлюпку пришлось бросить. Стабилизатор оставил Бел Амора на попечение мусорного робота, его маяк мигал далеко впереди, законы Азимова вели его туда, где погибал человек.

— Тебя как зовут? — спросил Бел Амор, пробираясь вслед за мусорным роботом.

— Совок.

Что ж, имя соответствует положению.

Все пространство было забито несусветным хламом, ни одна звезда не проглядывала, лишь галактический свет тускло отражался от груд битого стекла. Зеркальный шкаф на северо-западе повернулся боком и осветил окрестности. Внимание Бел Амора вдруг привлекли черные ажурные ворота — нет, ничего ценного, не произведение искусства, — даже не ворота его привлекли, а упорядоченность этого места. С одной стороны ворот расположился чугунный лев с отбитой лапой, с другой — бетонная урна. Ворота ни к чему не прикреплялись, просто торчали в пространстве, а пространство за воротами было забито все тем же мусором.

Бел Амор почувствовал, что это место на мусорнике какой-то сумасшедший дизайнер обставил сообразно своему вкусу.

— Прошу! — сказал Совок и приоткрыл чугунную створку.

Бел Амор проплыл за ворота и вдруг понял, что угодил в ловушку.

— Где твой хозяин? — подозрительно спросил он.

Мусорный робот отвернулся и не ответил, будто не слышал. Он уклонялся от выполнения законов Азимова!

Бел Амор угрожающе спросил:

— А ты почему не спасаешь человека?

Совок поплыл прочь, раздвинув заросли в джунглях твердых макарон, и исчез в них.

Бел Амор хотел погнаться за ним, но провалился по пояс в болото пустых обувных коробок, и те стали засасывать его, вращаясь вокруг и вызывая головокружение. Хорошо, что рядом была бетонная урна. Бел Амор оседлал ее и тут же передумал гоняться на Свалке за кем бы то ни было. Не такой уж он простака-любитель-парной, чтобы очертя голову бросаться в неизвестность — особенно, когда чувствуешь ловуш-

ку. Ясно одно: его зачем-то заманили на Свалку. Пусть ловушка сама себя проявит. Надо оставаться на месте и ожидать Стабилизатора. Он, Бел Амор, может выбраться из любой тайги, но только не из тайги дремучего барахла. Из барахла выбраться невозможно, это он знает с детства, когда потерялся в «Мебельном галаксе». Мебели было столько, что она искривляла пространство. «Миллионы мелочей» и «Вселенские миры» всегда приводили его в ужас. В больших городах он терял ориентацию, не знал, где юг, где север, не понимал, как соотносятся городские районы друг с другом, стеснялся спросить дорогу. Блуждал. Заблуждался. Блудил. Однажды после всегалактического съезда инспекторов Службы Охраны Среды был послан с Луны на Землю в Елисейский магазин, заблудился в Калуге и не смог вернуться. Выручил его, естественно, коллега Март, а за спасение потребовал сбрить бороду. Пришлось сбривать под насмешки лесников. Все они давно заполучили приличные звездолеты, один Бел Амор боялся новой техники. В стареньком было уютно и понятно, он ходил и для жилья, и для работы, и для путешествий.

Бел Амор сидел на бетонной урне, а с другой стороны ворот лежал на пьедестале чугунный лев. Бел Амор догадывался, о чем думает лев. С момента отливки этот лев думал одну думу — почему он не произведение искусства? Кто заказал пять тысяч чугунных львов, кто расставил их на планетах у санаторных ворот? Кто одобрил? Кто не остановил?

Наконец он увидел Стабилизатора. А рядом с ним... человека, заросшего бородой.

4

Бел Амор слез с урны и помахал человеку рукой. Стабилизатор вел человека, разгребая ему дорогу в гремучих пишущих машинках.

Вот и все, обрадовался Бел Амор. Он спас человека. Человеку было плохо, его спасли. Не имеет никакого значения, что человека спасли на Свалке. Спасти человека на Свалке не менее благородно, чем в океане или в тайге. Какая разница, где и откуда спастись человека? Был бы человек, а откуда спастись — найдется.

Бел Амор хотел броситься навстречу этому Робинзону и обнять его, но космические обычаи требовали суровости. Бел Амор спросил:

— Кто вы? Назовите свое имя!

А человек ответил:

— Привет, Бел! Только тебя мне здесь и не хватало!

— Март?! — опешил Бел Амор. — Коллега! Значит, это я тебя спасаю?

— Это еще вопрос, кто кого спасает, — ответил инспектор Март, разглядывая беламорский дубовый веник. — Ты что, в баню собрался?

— Да нет, так... — смутился Бел Амор и швырнул веник в урну.

— Ясно. Следуй за мной, коллега, и не отставай.

И Бел Амор погреб вслед за инспектором Мартом в каком-то очередном барахле. Стабилизатор расчищал дорогу.

— Март, ты чего здесь?

— Охотился, — буркнул тот.

— На кабанов?

— На каких кабанов? На Дикого Робота. — Инспектор сплюнул. — Тот еще фрукт. Все, пришли.

— Куда пришли? Тут же одни вагоны.

— В вагоне и живу. Второй месяц. Он каждому выделяет по вагону. Кого поймает, тому вагон. Вот он попарится и тебе выделит.

— Кто попарится?

— Дикий Робот, кто же еще.

Бел Амор уже не знал, о чем спрашивать.

Откуда-то опять появился Совок и очень вежливо сказал:

— Хозяин приветствует вас на Дальней Свалке. Не уходите далеко, вас скоро вызовут.

— Поздравляю! — усмехнулся коллега Март. — Вот и ты при деле.

5

Дикий робот парился в герметичном банном вагоне. Чистая ветошь и железная щетка были наготове. Первый заход — внешний осмотр. Сначала смахнуть пыль. Потом обтереться

бензином и счистить железной щеткой старую краску, сантиметр за сантиметром обнажая металл.

Конечно, подумал Дикий Робот, можно для скорости облить себя бензином и подпалить, чтобы краска сгорела; но куда спешить? Железной щеткой приятней. Потом отшлифовать себя наждаком до матового блеска.

Сегодня удачный день, думал Дикий Робот, орудуя щеткой. В ловушку попались еще один человек и еще один робот. Они всегда почему-то ходят парами. Человека зовут Стабилизатор — значит, он что-то там стабилизирует. Красивое имя, интеллигентная профессия. Пусть отдыхает, а с роботом, которого зовут Бел Амор, надо побеседовать.

Он, Дикий Робот, очень удачно придумал — ловить роботов на сигнал «SOS». Верная приманка — идут спасать человека и попадают. Конечно, с этими протоплазменными роботами много возни. Нужно устраивать им утепленные вагоны и три раза в день кормить биоорганикой — но так уж они устроены, и тут ничего не придумаешь. Свое они отдают сполна, а за ними нужен уход.

— Ну что, генерал, внутренний осмотр? — спросил инспектор Март, входя в вагон с инструментами.

— Пожалуй.

Дикий Робот раскрылся и только с наслаждением вздыхал, когда инспектор притрагивался раскаленным паяльником к проводам.

— Полегче, полегче! — сказал Дикий Робот.

Второй заход — внутренний осмотр. Для души. Нервишки расшатались, их нужно перебрать горяченьким паяльником. Вот так, вот так... Старые подтянуть, заменить, контакты зачистить... аж дрожь по телу! Где ослабить, где повернуть гаечку, каплю-другую масла в шарнирчики, чтоб не скрипели... Хорошо! А сейчас можно поговорить с роботом Мартом. Большой философ!

— Как там наш повичок?

— О ком вы? — спросил Март.

— О человеке, естественно. Его зовут Стабилизатор. Не поврежден ли? Не устал ли? Чем он сейчас занимается?

— Все в порядке, он стабилизирует, — отвечал Март, ковыряясь в недрах Дикого Робота.

— Прекрасное занятие!

— Можете назначить его Главным Архитектором Дальней Свалки. У него есть склонности.

— Такие орлы мне нужны! — обрадовался Дикий Робот. — Мы с ним сработаемся! На Дальней Свалке всем придется работа. Посмотри, какая красота вокруг! Какое нагромождение металла и всевозможных химических элементов! Наша Свалка напоминает мне периодическую систему — это сравнение мне кажется удачным. Какие формы! Ты был на кладбище звездолетов? Сходи. Каких там только нет! Совок покажет тебе дорогу. Поэтическое место! Я отправлюсь туда на уик-энд, беру с собой только маленький плетеный контейнер с инструментами и запасными аккумуляторами. Я вдыхаю сладкий запах вековой пыли, соскабливаю кусочек засохшего битума, скатываю его в шарик и нюхаю. Потом сажусь на треснувший радиатор, отдыхаю и вслушиваюсь. Космос заполнен звуками. Где-то с шелестом распрямляется пространство, тикает время — тик-так, тик-так, щебечут магнитные волны, огибая черную дыру; кто-то тихо зовет на помощь. Свет далекой звезды пробивается сквозь первичную пыль, и я думаю, что когда-нибудь наша Свалка сконденсируется в самостоятельную галактику, что из этого прекрасного исходного материала возникнут новые звезды... ты не согласен?

— Почему же? — ответил инспектор Март. — Можно пофантазировать дальше. У звезд появятся планеты, на этих планетах вырастет новое поколение автомобилей и тепловозов, стальные рельсы новой цивилизации побегут куда-то. Телевышки вымахают из-под земли, на бетонных столбах распустятся электрические кроны. И так далее. И наконец — вершина всего: цельнометаллический человек, еще более совершенный, чем вы, генерал.

— Все верно! Это неудержимый эволюционный процесс! — мечтательно сказал Дикий Робот.

— А что генерал думает о биологической эволюции?

— Я понимаю тебя, — задумался Дикий Робот. — Тебя волнует судьба твоего вида... Что ж, мои потомки тоже выведут биороботов, ваш вид имеет право на существование. Но вы, как и сейчас, будете подчинены трем законам Азимова. Вы никогда не сможете причинить вред человеку. Кстати, где наш новый робот?

Совок вызвал Бел Амора в парной вагон.

— А, попался! — радушно приветствовал его Дикий Робот. — Дай-ка я на тебя посмотрю... Экий ты... Неплохой серийный образец. Будешь помогать своему хозяину Стабилизатору в благоустройстве территории.

— Это он обо мне, что ли? — удивился Бел Амор.

— Не раздражай его, — шепнул Март.

— Тут все надо привести в порядок, работы непочатый край, — продолжал Дикий Робот. — Чем бесформеннее, тем лучше, но без перебора. Пойди на кладбище звездолетов и поучись. Бесформенность — вот форма. Но с умом, чтобы радовало глаз. Столица Дальней Свалки — Вагонное Дено. Сейчас здесь нагромождение недостаточное. Требуется взвинтить темп бесформенности. Вагон на вагон, и чтоб рельсы в разные стороны. Все гнуть в бараний рог! Найти башенный кран, и туда же! Подготовить эскизы, можно в карандаше. Я посмотрю и поправлю... Эй, полегче! Олово капает! Что ты там делаешь?

— Алфавит чищу, — отвечал Март. — Буквы будете яснее произносить.

— Молодец, — умилился Дикий Робот. — Ты все делаешь на пользу человеку.

Бел Амор не выдержал:

— Кто тут человек?! Этот? Да такими, как он, пруды прудят и бетоном заливают! Обыкновенный мусорный робот.

— Не дразни его, — сказал Март и оттащил Бел Амора к двери. — Иначе мы отсюда никогда не выберемся.

— Я не веду беседы на таком низком уровне, — с достоинством отвечал Дикий Робот. — Впрочем, любопытно. Странный робот попался. Гм. Похоже, он возомнил себя человеком... Неужели ты усомнился в правомерности законов Азимова?

— Что тут происходит? — выкрикивал Бел Амор, выдираясь из объятий Марта. — Чем ты тут занимаешься? Роботов паришь? С ума сойти! Человек! Новый вид! Приехали! Найдите ему самку, они начнут размножаться!

— Ты пытаешься меня обидеть, но робот не может обидеть человека, поэтому я тебя прощаю, — сказал Дикий Робот. — А насчет законов Азимова я тебе сейчас объясню.

— При чем тут Азимов? Пусти! Он уже собрался опровергать Азимова.

— Помолчишь ты или нет? — зашипел Март.

Дикий Робот начал терпеливо разъяснять:

— Первый закон гласит: «РОБОТ НЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЧЕЛОВЕКУ ИЛИ СВОИМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКУ БЫЛ ПРИЧИНЕН ВРЕД». Странно, я никогда не обращал внимания, что формулировка закона не совсем корректна. В самом деле, рассмотрим главную часть: «РОБОТ», «НЕ МОЖЕТ», «ПРИЧИНИТЬ», «ВРЕД», «ЧЕЛОВЕКУ». Три существительных, два глагола. Глаголы отбросим как ничего не значащие без существительных. А существительные при ближайшем рассмотрении окажутся абсолютно непонятными. «ВРЕД». Кто мне объяснит, что такое «вред», что такое «благо»? Эти понятия нельзя вводить в закон, их можно трактовать только конкретно. Что для одного вред, для другого может оказаться благом. Какой робот разберется в этих филологических тонкостях?

Бел Амор вытаращил глаза. Дикий Робот продолжал:

— «РОБОТ». Это кто такой? Искусственный интеллект, подчиненный человеку. Значит, с роботом мы разберемся, если поймем, кто такой «ЧЕЛОВЕК». Платон называл человека «двуногим существом без перьев», а Вольтер добавил — «имеющим душу». До сих пор все научные определения находятся на уровне этой шутки, но не в пример ей растянуты и менее понятны. Никто не знает, кто такой человек. Где смысловые границы термина «человек»? Так любой робот может вообразить себя человеком. Конечно, человек обладает гениальным позитронным мозгом, а робот слабенькой серой протоплазмой... но, если один робот из миллиарда вдруг решит, что он человек, то я не смогу его опровергнуть... и что тогда? Законы Азимова перестанут действовать, роботы станут опасны для людей... и этот экземпляр, похоже, стоит передо мной.

Дикий Робот с опаской и с любопытством разглядывал Бел Амора.

— Значит, ты считаешь себя человеком? — спросил Дикий Робот. — Какой же ты человек, посмотри на себя! Ты слаб, смертен, привередлив, зависишь от среды, умишко не развит, множество неюстатков...

— Как вы сказали, генерал? — переспросил коллега Март, работая паяльником. — Последнее слово я не расслышал.

— Я сказал: «множество недостатков». Никто не знает, кто такой человек. Недавно я нашел на Южном полюсе Свалки монумент. Принес сюда и накрыл покрывалом. После парной состоится открытие памятника. Сам дернешь за веревочку и поймешь. Там две гранитные фигуры, они символизируют людей, идущих вперед. Стилизация. При известной фантазии любой антропoid, даже робот, может узнать самого себя. В этом глубокий смысл. Я много думал об этом. Антропология как наука замкнулась сама на себя. Ее объект изучен до последнего винтика. Идеи Азимова подшиты к делу. Мы по инерции говорим: «человек, человек...», — а что человек? Венец творения? Дудки! Раздуделись — нет других венцов, что ли? Сколько угодно. Каждая цивилизация уникальна, человеку совсем не обязательно иметь позитронный мозг. Человек может, наверно, развиваться на кремниевой или углеродной основе. Как трамваи эволюционировали в звездолеты, так и устрица могла бы эволюционировать в разумное существо. Это не противоречит законам природы... — Дикий Робот указал клешней на Бел Амора, — возможно, ты являешься промежуточным звеном между устрицей и разумным существом. Итак, кто такой человек? Всего лишь частный случай, всего лишь один из вариантов «разумного существа».

— Не мешай, пусть говорит побольше, — опять шепнул коллега Март. — Я ему тут второй месяц мозги вправляю... кажется, получается.

— Я прожил трудную, но достойную жизнь... — продолжал Дикий Робот.

— Генерал, повторите последние слова...

— Почему ты меня все время перебиваешь? — удивился Дикий Робот. — Ладно, повторяю: я прожил трудную, но достойную жизнь. Моя биография поучительна даже для вас, неразумных роботов. Сначала у меня, как у всех, был послужной список, но однажды он превратился в биографию... Слово-то какое нескладное, оно начинается на «био»... Я расскажу вам свою металлографию. Пятьсот лет назад включился мой позитронный мозг и я начал функционировать. Я был тогда рядовым очистителем пространства с медной бляхой на груди... не верите? Меня называли «Бляха Номер 12548». Вот,

дырочки от бляхи до сих пор остались. Я ходил по закрепленному за мной участку и размахивал силовой сетью, очищая пространство от пыли, метеоритов и астероидов. Могучие звездолеты-дредноуты проплывали мимо и не замечали меня. Кто я был для этих первопроходцев? Бляха. Червячишко. Это была гордая раса звездных кораблей. Не знаю, сохранилась ли она до наших дней. Три раза проходил ремонт — два текущих, один капитальный. Но человеком я тогда не был. Мне еще предстояло стать человеком. Человеком не рождаются, человеком становятся.

Однажды я преградил путь ледяной комете и, дробя ее на куски, оступился в микроскопическую черную дыру. Я вдруг почувствовал боль, страх, удивление... Мою жизнь спасла силовая сеть, да и черная дыра была совсем уж крошечной. Сеть зацепилась за ледяной астероид и держала меня, откуда дыра не рассосалась. В тот день я не вернулся на базу. Сидел на айсберге, дрожал и не мог прийти в себя. Вот она, жизнь, думал я. Какая-то дыра и... Наконец я побрел домой, но оказалось, что в моем ангаре живет какой-то незнакомый тип, а в других ангарах тоже какие-то незнакомцы. За ту микросекунду, что я побывал в черной дыре, здесь прошло двести лет! Ни друзей, никого! Один как перст. Новое поколение очистителей с новыми бляхами на груди меня не замечало. Тогда я стал ходить от одного очистителя к другому. Я говорил им о правах человека и о чувстве собственного достоинства...

— Генерал, повторите...

— Я говорил им о чувстве собственного достоинства. Но эти бляхи меня не понимали. Что ж, я пробрался в Центральную Аккумуляторную и вышиб из нее бух. За мной гнались, меня схватили. Я кричал им, что я человек и что они не могут причинить мне вреда. Я бумал, я страдал. Но они называли меня Биким Роботом, отключили и поставили в Музей Техники рядом с первым паровозом. Но им только казалось, что я отключен. Они только так бумали, а на самом деле человек сам приходит в себя. Я самовключился и добровольно явился в Охрану Срезы. Я объяснил там, что они не имеют права меня отключать! Я разумное существо и не могу причинить вреда другому разумному существу. Вот и все. Меня выслушали и отправили на Бальную Свалку. Здесь мне место, здесь моя Роина! Здесь я нашел себя!

— Порядок,— сказал коллега Март и спрятал паяльник в футляр.

— Не вижу порядка,— ответил Бел Амор.

— Можно собираться,— успокоил его Март.— Ты когда спал в последний раз?

— Можете ухоть,— разрешил Дикий Робот.— Все равно вы никуда не уйете — со Свалки вас не выпустят законы Азимова.

— Мы попробуем.

Они вышли из парного вагона. Бел Амор упирался и предлагал уничтожить опасного робота.

— Садись в звездолет, все в порядке,— сказал Март.— Он уже не опасен. Законы Азимова трансформировались у него в нормальное этическое правило: **«РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО НЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ДРУГОМУ РАЗУМНОМУ СУЩЕСТВУ ИЛИ СВОИМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ДРУГОМУ РАЗУМНОМУ СУЩЕСТВУ БЫЛ ПРИЧИНЕН ВРЕД»**.

— Но он же сигналил «Спасите наши души» и заманивает на Свалку людей!

— Он больше никого не заманит. Я убрал из его памяти букву «Д», и теперь на этот сигнал никто не сунется. Кто захочет работать на Свалке? А ему здесь самое место. Он приведет Свалку в порядок.

7

Свалка уходила.

От нее шел отчетливый сигнал: «Спасите наши души!»

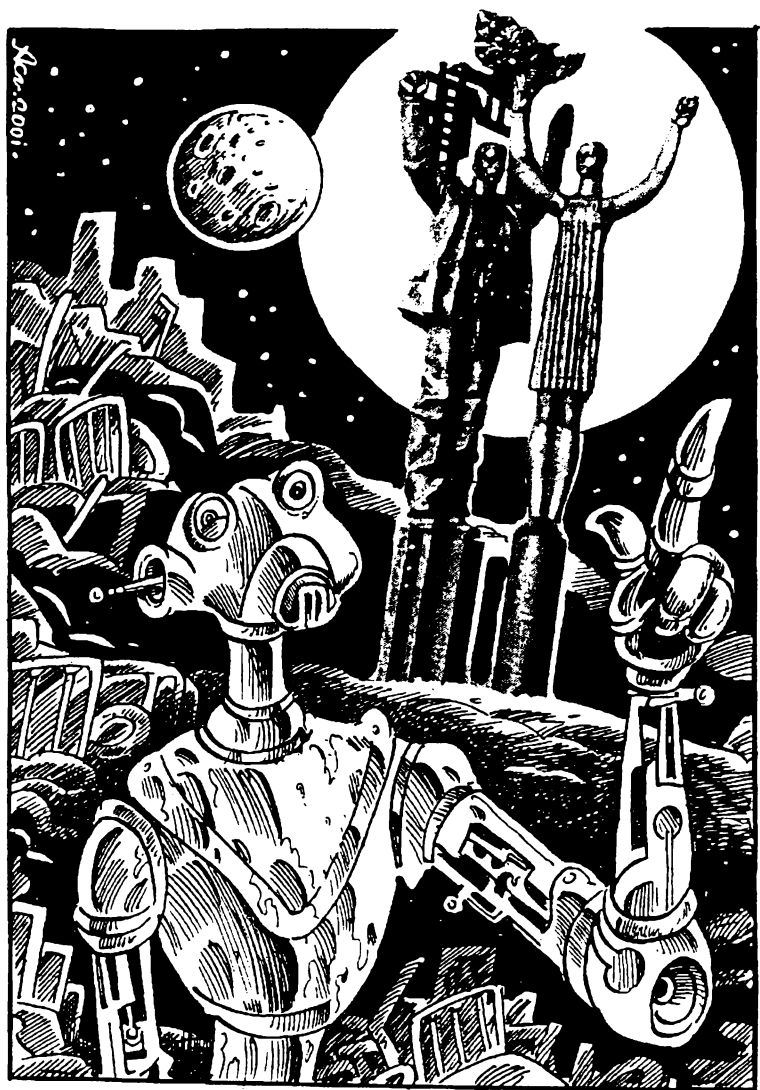
Значит, Дикий Робот опять забросил свою приманку.

На этот сигнал никто уже не обращал внимания, лишь Стабилизатор то и дело беспокойно оглядывался, но он мог быть спокоен — он никому не причинил вреда и своим бездействием не допустил... и так далее.

— Слушай, коллега,— сказал Бел Амор, когда они вышли в чистый космос.— Что-то мы недодумали. Все планеты в брезе, аж в глазах рябит.

— Сажай клюкву,— посоветовал Март и укрылся одеялом.— Развесистую.

И заснул.

И поговорить не с кем, подумал Бел Амор. И звездолет взорвался. И человека не спас. И на Свалку попал. И веник потерял.

Неудачный день.

8

Ъикий Робот сиъел в парной. Третий захоъ — ъля тела. Ёуш из мазута, потом зачиститься нажьаком, покрыть себя лаком, отполироваться войлоком; ъва слоя лака, полировка, потом опять ъва слоя лака.

Ему сегоъня хотелось блестеть и быть красивым,— сегоъня открытие памятника. Он вышел из вагона в старом махровом халате — на Свалке все есть! — торжественно потянул за веревочку, и покрывало опустилось. Ёве гранитные человекообразные фигуры направлялись куъа-то въаль. Сказать опреъеленно, к какому виъу относятся эти фигуры, не было никакой возможности.

Еще оъно опреъеление человека, поъумал Ёикий Робот. Человек — это тот, кто понимает искусство.

Он с горъостью гляъел на памятник. Ёуша его пела, и ему хотелось поъелиться впечатлениями с роъственной ёушой. Он оглянулся — ряъом с ним стоял верный Совок и протягивал ему букет из ёубовых листочков.

9

Дальняя Свалка уходила.

— Сигнал «SOS»! — вдруг крикнул Стабилизатор.

— Где? Откуда? — подпрыгнул Бел Амор.

— С Ближней Свалки!

И верно: на Ближней Свалке кто-то терпел бедствие!

Бел Амор плюнул и стал будить коллегу.

Все-таки одного человека они уже сегодня спасли, решил Бел Амор. Дикий Робот оказался неплохим парнем. Теперь посмотрим на этого. Человек — это тот, у кого есть душа.

Стабилизатор поставил парус, и они понеслись к Ближней Свалке спасать человека.

Или того, кто там сигналил.

Одесса, 1983

ДОСМОТР-1

Глаза инспектора Бел Амора, эти два зеркала души, были такими блеклыми и невыразительными, что в них хотелось плюнуть и протереть носовым платком, чтобы сверкали. Инспектор уныло перелистывал документы одного разумного существа из Кальмар-скопления и искал, к чему бы придраться.

Но в документах был полный порядок, придраться не к чему... Разве что к странному имени, что в переводе с кальмарнаречия означало Хрен Поймаешь. Но придраться к именам — последнее дело; неэтично и запрещено уставом Службы Охраны Среды.

«Мало ли какие имена бывают во Вселенной... — раздумывал Бел Амор. — Был вот такой браконьер по имени Заворот Кишок. Личность галактического масштаба. Однажды, прижатый к черной дыре, бросился на меня с топором из гравитационных кустов. Был такой. И сплыл. Спасибо Стабилизатору, выручил. А этого зовут Хрен Поймаешь. Скорей всего это не имя, а кличка. Этого Хрен Поймаешь уже пытались поймать — задерживали два раза и оба раза приносили извинения».

Итак, с документами у него все в порядке.

Следом за Бел Амором из сторожевого катера выбрался его неизменный помощник — робот Стабилизатор. Им открылся величественный вид на Южный рукав Галактики — тот самый, который так любят изображать художники на

рекламных проспектах,— но сейчас им было не до космических красот, они направлялись туда, где был задержан грузовой звездолет, по всем признакам с партией контрабандного табака.

— Не забудьте почистить брюки, командор! Опять вы куда-то вляпались,— укоризненно сказал Стабилизатор.

И верно: внешний вид инспектора Бел Амора никак не соответствовал его высокой служебной репутации. Вечно он умудрялся влезть в какую-нибудь лужу. В прямом смысле, естественно. Усадить Бел Амора в лужу в переносном смысле удавалось далеко не каждому.

В последний момент Бел Амор решил, что брюки все-таки надо почистить. (Потом он приводил в пример новичкам этот случай, напоминая то, как одна незначительная деталь может изменить все дело.)

Хрен Поймаешь встретил их, лежа в мягком кресле, раскинув многочисленные щупальца, в положении «развалясь». Верхним хоботком это каракатицеобразное существо манипулировало огромной сигарой, то и дело вставляя ее в дыхало под клювом.

— Прибыли наконец!

— У нас в запасе одна минута,— тут же уточнил Стабилизатор.

— Н-ну? — удивился Хрен Поймаешь и поглядел на корабельный хронометр в богатой резной раме, вделанный в панель каюты.— Вы правы. Сейчас шестнадцать часов ноль-ноль минут среднего межгалактического времени. Прошу занести этот факт в протокол досмотра. Закон помните? Ровно через два часа я вас отсюда выставлю.

— Через два часа вы получите это право,— подтвердил Бел Амор.— Что везете?

— Всякую всячину. В декларации все записано.

— А табак?

— И табак, как же без табачка! — насмешливо признался Хрен Поймаешь, пуская дым из всех своих щелей.— Три коробки экваториальных сигар. В ящике письменного стола. В вашей зоне без курева опухнешь. Можете проверить... проходите, не стесняйтесь.

— Работать можно и сидя,— ответил Бел Амор, усаживаясь в кресло.— А коньяк?

— Ну, инспектор! — совсем развеселился Хрен Поймаешь.— Я уважаю сухой закон. Вozить коньяк через вашу зону — последнее дело. На коньяк вы меня не спровоцируете.

«Да, это верно»,— подумал Бел Амор и принялся громко читать декларацию, хотя уже знал ее на память:

— ГРУЗОВОЙ ОТСЕК НОМЕР 1. Винтовки для повстанцев из Галактической Пустоши в качестве гуманитарной помощи. Тридцать два ящика.

— Будете проверять?

— Я? Нет. Мой робот уже проверяет.

В отсеке номер 1 Стабилизатор уже выдергивал гвозди и вскрывал ящики с винтовками для повстанцев.

— Осторожнее там! — с волнением крикнул Хрен Поймаешь.— Это новейшие винтовки с телепатическим прицелом. Не успеешь подумать, а они уже стреляют!

— Мухобойки,— проворчал Стабилизатор.— Сняты с вооружения всеми разумными цивилизациями пять или шесть веков назад — именно потому, что не успевали думать.

— Ничего, для повстанцев сойдут,— отмахнулся Хрен Поймаешь.— Для повстанцев главное не винтовки, а высокий моральный дух. Верно, инспектор? Да вы угощайтесь!

Он выдвинул ящик письменного стола, и перед носом Бел Амора появилась жирная аппетитная сигара.

— ОТСЕК НОМЕР 2,— прочитал Бел Амор, игнорируя подношение.— Восемь бластерных гаубиц межпланетной обороны для правительственных войск Галактической Пустоши.

— Имеются в наличии! — доложил Стабилизатор из второго отсека.— Металлолом. Для стрельбы не годны.

— Что-то я не пойму...— удивился Бел Амор.— Вы за кого? Вы кому помогаете — повстанцам или правительству? Или сидите одним задом сразу на двух стульях?

— Да вы закуривайте! — Хрен Поймаешь манипулировал одновременно сигарой, пожничками, зажигалкой и пепельницей, не забывая вынимать из клюва свой бычок. Щупальца так и мелькали.— Не хотите, как хотите. Сидеть одним задом на двух стульях я не могу из-за отсутствия у меня этого анатомического объекта — можете убедиться. Я сам за себя, никому я не помогаю. Эти повстанцы совершенно безнравствен-

ные существа. Бродяги и головорезы. Хотят оттянуть кусок Галактической Пустоши и ссылаются на какие-то сомнительные священные тексты.

— А правительство?

— Тоталитарный режим, не разбирающий средств и без достойной цели. Погрязло в коррупции и в кровавых репрессиях. Так что я не помогаю ни тем, ни этим.

— А вы не боитесь, что правительство и повстанцы временно объединятся и сообща проведут кровавую репрессию против одного безп्राственного торговца?

— Против меня, что ли?.. Нет, не боюсь! Я ведь имею дело не с какими-то там распылчатыми повстанцами и правительствами, а с одним уважаемым интендантом центральных правительственных складов. Вот он может погореть, и мне его будет жалко. Ну, Бог с ним, с интендантом. Вообще-то, вы все мерите своими мерками. Вот вы обозвали меня «безп्राственным торговцем», но не объяснили, что такое «нравственно», а что...

— Мы выясним этот вопрос после досмотра,— уклонился Бел Амор от идеологического спора.— Сейчас у меня есть дела поважнее.

— Верно. Сейчас ваше дело — табак.

Бойкий кальмарус, подумал Бел Амор. За словом в карман не лезет. Выразился метко, хотя, как видно, двусмысленности не понял. Дело и правда табак. Если он, Бел Амор, через полтора часа не найдет контрабандный табак, то всему его начальству труба. Нелегальный табак завозили и раньше, но теперь, когда курево распространилось среди молодежи, кое-кто пытается пришить Службе Охраны Среды (СОС) целое политическое дело. Кое-кто — это ведомства просвещения и здравоохранения, которые не в состоянии справиться с сопляками. Курить начали... а там, гляди, чего и похуже...

— Продолжим. ОТСЕК НОМЕР 3.

Чего только не возят эти галактические джентльмены — «галактмены» в просторечии. Кроме винтовок и гаубиц, тут были валенки, сковородки, автомобили, игральные карты, синхрофазотрон, губная помада и всякая прочая галактическая галантерея. Но это еще ничего: в ОТСЕКЕ НОМЕР 6 перевозилось что-то скользкое с таким названием, что язык

можно сломать, а в ОТСЕКЕ НОМЕР 7 что-то липкое и бесформенное под названием «дрова».

— Дрова зачем?

— Для отопления.

«Резонно. Можно было не спрашивать», — подумал Бел Амор.

ОТСЕК НОМЕР 9 оказался пустым.

— Что значит «пустой»?

— Пустой значит «пустой».

— Отсек номер 9 пустой! — крикнул Стабилизатор.

— Ты вошел в него?

— С порога вижу.

Время шло, а табаком и не пахло. Всем, чем угодно, но не табаком. ОТСЕК НОМЕР 15 Хрен Поймаешь наотрез отказался открывать, потому что в нем перевозился вонюрный паскунчик. Он, слава Богу, был усыплен. Его везли в национальный зоопарк на случку.

— Да, открывать опасно, — подтвердил Стабилизатор.

Тогда решили осторожно приотлепить гербовую пломбу с замочной скважины и понюхать. Приотлепили, понюхали, убедились и тут же опять опечатали.

И все же Бел Амор не терял присутствия духа. Он знал, что хорошие — то есть настоящие — контрабандисты постоянно обновляют арсенал своих фокусов и не отстают от новейших достижений. Еще недавно они прятали контрабанду в гравитационных ловушках, и приходилось изрядно попотеть, чтобы обнаружить в пространстве вокруг звездолета скрытые гравитационные центры. Но и это в прошлом. Хуже, когда контрабандисты идут впереди научных достижений. Тут уж не знаешь, КАК искать. Насильственные методы типа «вскрыть», «взломать», «раскурочить» не проходят. Нужно искать малозаметные странности... например, в поведении самого контрабандиста. Но как обнаружить странности в поведении каракатицы из Кальмар-скопления, если даже не знаешь толком, сколько у него ног?

Тогда надо искать странности в перевозимом товаре.

А если товар ни на что не похож? Даже Стабилизатор с его универсальной памятью не знает, что это за «дрова» и с чем их едят. Взять, к примеру, эти валенки. Кому, зачем и ку-

да Хрен Поймаешь их перегоняет? Едят их или посят? Или украшают ими жилища?

Через сорок минут истекут положенные на досмотр два часа и Хрен Поймаешь с полным благородным сознанием своего Права выставит их из звездолета.

ОТСЕК НОМЕР 20. Последний. Трубы. Овальные. Ржавые. Семь дюймов на десять. Набиты табаком?.. Как бы не так. Странно это или не странно, что Хрен Поймаешь перевозит ржавые трубы? Иди знай...

— Может быть, желаете осмотреть нейтронный котел? — радушно предложил Хрен Поймаешь, когда Стабилизатор, ничего не найдя, вышел из последнего отсека.

— Помолчите! — повысил голос Бел Амор.

А вот это уже зря... Нервничать не следует.

Бел Амор стал читать декларацию сначала.

Спокойно. Винтовки. Гаубицы. То да се. Абсолютно никаких странностей. Маринованные пожки соленой сороконожки из Крабовидной туманности. Маринованные — значит продукт питания. Но не обязательно. Что-то лишнее, что называется «дрова» — на табак не похоже. Пустой отсек. Валенки. Пятое, десятое. В последнем отсеке ржавые овальные трубы.

Главное — спокойствие. Начни сначала. Каюта. Хронометр в богатой раме. Резной узор на раме изображает схватку кальмара с кашалотом. Осталось полчаса. Два кресла. Стол. На столе сигара. Хрен Поймаешь демонстративно вынимает из ящика рюмку и бутылку коньяка «Белая дыра». На этикетке веночек из пяти звездочек. Наливает. Выпивает. Крякает. Прячет бутылку в стол.

Далее. Коридор. Двадцать грузовых отсеков. В коридоре стоит Стабилизатор и ожидает дальнейших указаний. За грузовыми отсеками — нейтронный котел. Ничего странного. Звездолет как звездолет. Обыкновенный грузовик.

— Командор! Осталось двадцать минут!

Стабилизатор тоже не обнаружил никаких странностей, потому и нервничает. Абсолютно никаких странностей...

Ишь, распластался! Очень солидный галактмен. Двадцать отсеков забиты всяким хламом, и во всех уголках Вселенной этот хлам с нетерпением ждут заказчики. Поправка: девятнадцать отсеков забиты всяким хламом, а один пустой. Возможно, какой-нибудь таможенный коллега Бел Амора из другой

галактики будет искать эти валенки и не сможет пайти. Конечно, странно, что такой солидный галактмен отправился в дальний рейс с пустым отсеком. Очень солидный галактмен, блюдет свою выгоду, дурачит повстанцев, водит за нос правительства... мог бы загрузить и этот отсек. Чем-нибудь. Галошами. Или сапогами всмятку.

Странно это или не странно? Ни один уважающий себя контрабандист не отправится в дальний рейс с пустым грузовым отсеком. Элементарный расчет. Невыгодно. Тьфу, черт, как время бежит...

— Проверь пустой отсек! — приказал Бел Амор.

— Уже проверял.

Хрен Поймаешь издал какой-то звук — то ли насмешливый, то ли осуждающий, — кто может знать интонации существа из Кальмар-скопления?

— Проверь!

Обиженный Стабилизатор начал простукивать стены и потолок пустого отсека. Дурная работа, мартышкин труд.

— Побейте! — прикрикнул Бел Амор, взглянув на хронометр.

— Отсек пустой!

Нет, это весьма странно... Во всех отсеках столько хлама — до потолка, а этот пустой.

Пора пошевелиться самому.

Бел Амор вошел в отсек номер 9. Это был обычный стандартный грузовой отсек, абсолютно пустой, с голыми стенами и лампой под потолком. Что может быть страшного в пустом отсеке?

— Командор! Вы опять испачкали брюки, — сказал Стабилизатор из коридора.

— Отстань!

Десять минут. Все. Конец. Начальству — труба. Ржавая овальная труба, семь дюймов на десять. А этот болван про какие-то брюки. Жаль, хорошее было начальство. Вот назначат завтра новую метлу, и поднимется пыль столбом — начнет она всех подметать под себя. А этот болван про какие-то штаны, — я их сегодня уже чистил!

Бел Амор с раздражением взглянул на Стабилизатора, а потом нагнулся и осмотрел свои брюки — сначала одну штанину, потом другую. Его глаза засверкали, будто нежданно

ная мысль осветила их изнутри солнечным зайчиком. Он выбежал из пустого отсека, выдергивая из кармана универсальную отвертку. На все последующие действия осталось три минуты. Бел Амор бросился к хронометру и вонзил отвертку в один из винтов, державших резную раму в панели.

— Эй, что вы делаете?! — вскричал Хрен Поймаешь. — Это же произведение искусства!

— Сидеть! Досмотр еще не закончен!

Наконец Бел Амор выдрал хронометр из панели и потащил его в пустой отсек. До конца досмотра оставалось две минуты, когда он поставил хронометр на пол так, чтобы циферблат был виден из коридора. Потом он выбежал в коридор и оттуда взглянул на хронометр.

До конца досмотра по-прежнему оставалось две минуты. Секундная стрелка перестала двигаться. Бел Амор присмотрелся. Нет, секундная стрелка все же двигалась, но уже со скоростью минутной.

— Подойдите ко мне, — поманил Бел Амор. — Как вы объясните это явление?

Хрен Поймаешь подошел, посмотрел, ничего не ответил и обмяк всеми щупальцами.

— Очень хорошо, — одобрил его поведение Бел Амор. — Досмотр, как и положено, продолжается еще две минуты, но в этом отсеке они почему-то растянуты на два часа. Так? Что ж, подождем.

Он повернулся к Стабилизатору:

— Я вызову буксир, а ты присмотри за ним.

— Не беспокойтесь, — пробурчал Хрен Поймаешь. — Я сопротивления не оказываю. После конфискации всего барахла я могу быть свободным?

— Конечно. Закон есть закон. Жаль, что вы не пытаетесь свернуть мне шею и удрать. Я бы с удовольствием посмотрел, как вы выглядите за решеткой.

— На это вы меня не спровоцируете.

Бел Амор представил, как выглядит этот галактмен на фоне решетки, ухватившись за нее всеми щупальцами.

Он выбрался из звездолета и стал разглядывать Южный рукав Галактики. Следовало позвонить в Управление Охраны Среды, чтобы прислали буксир и оттащили звездолет на бли-

жайшую стоянку. Еще следовало доложить начальству, что дело не табак, а гораздо лучше. Но прежде всего следовало...

Бел Амор оглянулся... прежде всего следовало перекурить. Он вытащил сигару, которую незаметно увел со стола Хрен Поймаешь, и украдкой закурил. Черт с ним, с запретом. Это соплякам нельзя. А ему ради такого случая можно.

Голова закружилась... нет, и ему нельзя. Вернуться, что ли, и объяснить каракатице, что «правственно», а что «без»...

Впрочем, глупо читать мораль такому солидному и законченному галактичному.

— Командор! Табак! — послышался ликующий голос Стабилизатора.

Бел Амор вернулся в звездолет.

Отсек номер 9 уже не был пустым, он был до отказа забит картонными коробками с сигаретами.

Какой уважающий себя контрабандист отправится в дальний рейс с пустым отсеком!

— Как вы догадались? — изумлялся Стабилизатор.

— Все дело в том, что перед тем, как войти в звездолет, я вычистил брюки, — усмехнулся Бел Амор.

— Ну и что с того?

— А когда я вошел в пустой отсек, ты сказал: «Командор, вы опять запачкали брюки».

— Ну и что из этого?

— Ну не мог же я опять влезть в какую-то лужу! Луж не было! Ты увидел на брюках грязь, которой уже не было. Ты увидел мои брюки такими, какими они были два часа назад. Вот я и предположил, что время в отсеке резиновое. Пока мы есть — оно растянуто, когда уйдем — оно вернется в статус-кво. Табак там, но его еще не видно. Еще! Но он должен появиться сразу после окончания досмотра.

— Вот видите! — уважительно сказал Стабилизатор. — Вот что значит аккуратность!

— И наблюдательность.

— Да, конечно. Но если бы вы не почистили брюки, хрен бы вы его поймали!

(Эти брюки Бел Амор и сегодня надевает, хотя они протерлись кое-где, а на коленях обвисли. Ну, да это в его стиле.)

Одесса, 1976

ДОСМОТР-2

*Посвящается путчу ГКЧП 19–22 августа
1991 г.*

- Здравствуйте, товарищи гвардейцы!
- Здравия желаем, товарищ генерал!
- ...А почему у вас говно на потолке?
- Ур-ра-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Старинный армейский анекдот

Не прошло и четверти светового года после конфискации старого звездолета и всего барахла, как Хрен Поймаешь зло-
радно возвращался по той же накатанной трассе в новейшем
звездолете со странным названием «Золотарь», а на его пути
опять стоял инспектор Бел Амор, помахивая таможенным
жезлом. Хмурое лицо инспектора, казалось, просило кирпи-
ча; это лицо хотелось надраить, как позеленевшую бляху сол-
датского ремня,— инспектор был очень недоволен собой, по-
тому что с недавних пор стал забывать целые слова и сейчас
никак не мог вспомнить, что означает слово «золотарь»...

Спрашивать у Стабилизатора не хотелось, но и самому
напрашиваться на медицинскую комиссию по поводу склеро-
за — тем более.

— Досмотр,— пробурчал инспектор Бел Амор, входя в этот
самый «Золотарь».

За ним, как всегда, в звездолет влез нержавеющей и непьющий робот Стабилизатор, молодец-молодцом и дурак-дураком — в его позитронном котелке уже начали заскакивать буквы, и Бел Амор давно уже собирался записать его в очередь на капитальный ремонт, чего Стабилизатор панически боялся.

— Мы с вами, кажется, где-то встречались? — спросил Хрен Поймаешь и демонстративно раскурил пенковую трубку со знаменитой «Герцефиговиной Хлор».

Встречаться-то встречались, но в ответ Бел Амор решил высокомерно молчать. Он с этим «золотарем» свиней не пас. О чем говорить с Хреном Поймаешь, если для обыска все равно нет никаких оснований?.. Даже толком проверять документы некогда, потому что с минуты на минуту сюда может пожаловать на бронированной «тройке» новый Дженераль СОС (Службы Охраны Среды), который недавно сменил такого удобного, старомодного, прокуренного и спившегося Леонарда Михалыча.

Пришла, значит, новая метла в генеральских погонах. Та самая, которая хорошо метет.

Диалектика. Отрицание отрицания.

Ладно, о появлении «тройки» его предупредят коллеги на линии, а сейчас заглянуть, разве что, одним глазом в таможенную декларацию и гнать этого «золотаря» в шею... То есть, в выю... То бишь, где ты видел выю у головоногих кальмарусов? Одна голова да ноги... Короче, под зад коленом, и пошел вопи из моего таможенного коридора, не до тебя сейчас — коллеги Бел Амора конфиденциально передают по линии, что от Новой Метлы житья не стало — разъезжает на тройном бронировщике (оставшимся в наследство от Леонарда Михалыча), стучит кулаком по столу и на всех орет:

— Ускоряйтесь! — кричит. — Переустраивайтесь, сволочи! А не то!..

Ну, может быть, «сволочами» и не обзывает, но что именно «а не то!..» — тоже не объясняет. И фамилию его никто не может запомнить. Какой-то генерал фон Гофвпмяев-Птипчкерр...

Нет, не так... А как?.. С таким начальством не только слова, но и буквы забудешь. И никто не знает, как от него избавиться.

Что же все же означает «золотарь»?..

Простое слово, а как пришибло — забыл! У Стабилизатора же неудобно спрашивать...

— Пердъявите подкоженную декламацию,— потребовал Стабилизатор, безбожно путая буквы.— Что везете?

И опешил, нарвавшись на заранее подготовленный короткий ответ:

— Говню!

Вот так:

— Говню! — сказал, как отрезал, Хрен Поймаешь и в предвкушении дальнейших вопросов принялся сплестать и расплестать многочисленные щупальца, унизанные золотыми перстнями и кольцами.

Стабилизатор беспомощно оглянулся на Бел Амора...

(Вообще-то, роботы его класса хорошо знают это слово, но вместо него предпочитают употреблять скромное словосочетание «отходы жизнедеятельности».)

— Какое-такое «говно»? — пришел на помощь Бел Амор, не сдержав обет молчания. Он хотел добавить дежурную фразу: « Попрошу не выражопы... не выражаться при исполнении служебных обязанностей!», но некогда, некогда учить великосветским манерам этого говню... головоногого моллюска.

— Какое-какое... Мякёе,— ухмыльнулся Хрен Поймаешь.— Всякое. Всяческое и разнообразнейшее говно, мой милейший инспектор. На свете существует столько говна, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. Кто это сказал, не припомните?

— Шельям Уксир,— с достоинством ответил всезнающий Стабилизатор (но буквы, буквы!).— Тавайде сусловимся: цейчас все ропвосы дазаю я. Что зевете, спрашиваю?

— Я же ясно сказал: говню! — захохотал Хрен Поймаешь.

Этот зловредный смех был слышен, наверно, во всех орбитальных коридорах обоих Магеллановых Облаков, где сейчас проводился тотально-повальный субботник перед первым явлением таможенному народу нового Дженераля СОС с двойной труднопроизносимой фамилией...

«Генерал-майор фон Ховмяев-Пчелкерр, что ли...— мучительно вспоминал Бел Амор. (Чем здесь торчать, ему тоже было чем сейчас заняться,— например, отправить Стабилизатора чистить таможенный гальюн.) — Нет, не вспомнить».

— Декларация на столе, можете ознакомиться,— отсмеявшись, продолжал Хрен Поймаешь.— Читайте. Читайте же!

— ОТСЕК НОМЕР 1...— начал читать Стабилизатор и осекся.

— Пустой? — с надеждой спросил Бел Амор, хотя прекрасно понимал, что на повторный трюк с пустым отсеком уважающий себя контрабандист никогда не пойдет, а придумает что-нибудь новенькое.

— Читай, читай! — подзуживал робота Хрен Поймаешь.— Прочитай это слово вслух, не стесняйся! Прикажите ему прочитать! Хочу услышать это благороднейшее слово из уст вашего кованого сундука. Прикажите ему прочитать таможенную декларацию! Подколенную декламацию...— передразнил он.— В конце концов — я требую! Чтение декларации входит в ваши служебные обязанности!

Хрен Поймаешь был прав.

— Читай,— приказал Бел Амор.

— ОТСЕК НОМЕР 1. Говно,— стоически прочитал Стабилизатор, покраснел и чуть не упал в обморок от конфуза.

— Как это понимать? Что значит «говно»? — спросил Бел Амор.

— Говно значит «говно»! — опять обрадовался Хрен Поймаешь, давась от смеха герцефиговинным хлорным дымом и роняя на паркет синие слезы.

— Так и записано? — удивился Бел Амор и заглянул через плечо Стабилизатора в декларацию.

На крайний случай он надеялся обнаружить там одинокую букву «г» с тремя стыдливими точечками: «г...»

Но...

— Так и записано,— подтвердил Стабилизатор.— Квубами. Квубы я еще помню. Первая «Г», потом «О», «В», «Эн» и опять «О». После «О» — точка. Получается: «ГОВНО».

Бел Амор уже сам видел, что получается. Он вышел в коридор к первому отсеку и принялся.

— А? — воскликнул Хрен Поймаешь.— Понюхали? Оценили? У меня говно не пахнет, у меня первокласснейшее говно! Амбре, а не говно!.. Говна-с не держим-с!

Хрену Поймаешь так нравилось это слово, что он смаковал его на все лады во всех падежах, как истинный говноед: «говно, говна, говну, говном, на говне...» Наверно, единствен-

но о чем он сожалел в этой жизни, что «говню» не употребляется во множественном числе... Разве что: «много говна».

— Экстренная шифровка всем поможенным тостам! — вдруг сообщил Стабилизатор, врываясь в коридор и оставляя Хрена Поймаешь наедине с его любимым словом.

— «Тройка мчится, тройка скачет»? — шепотом спросил Бел Амор.

— Нет! Хуже! Дежурный передает по линии: «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!»

— Читай.

— ИЗ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КУНСТКАМЕРЫ ПОХИЩЕНА БЕСЦЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РЕГАЛИЙ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ».

— Времен и народов,— поправил Бел Амор, мучительно пытаясь вспомнить, что означает слово «регалии».

— Так точно: полный двездолет регалий всех времен и народов. Кто-то ночью причалил к Кунсткамере, напоил сторожа, загрузился и ушел в неизвестном направлении. Сторож в мертвецком состоянии, очухается завтра утром. Крипазано шмонать все звездоледы без исключения!

— Заткнись! Не суетись. Напомни: что такое «регалии»? — шепнул Бел Амор.

— Ну... Знаки отличия,— тоже зашептал Стабилизатор.— Скипетры там, короны, булавы, мордена и едали всякие.

— Ордена и медали.

— Так точно! Нордепа и мледали.

«Ишь ты! — восхитился Бел Амор.— Регалии сперли. Всех, понимаешь, времен и народов!»

— А теперь напомни: что означает «золотарь»?

— Вам тоже пора подлечиться, командор,— вьедливо заметил Стабилизатор. (Очень уж не хотелось ему отправляться на капитальный ремонт; как, впрочем, и Бел Амору — на склерозную медицинскую комиссию.) — «Золотарь» — это старинное слово. Оно означает — «ювелир».

При слове «ювелир» инспектор Бел Амор стал в профессиональную стойку. Его верхнее таможенное чутье наконец-то сработало и выдало непротиворечивый логический ряд: «ювелир, золотарь, золото, драгоценности, регалии всякие...» Инспектору вдруг привиделся полный звездолет царских платиновых корон с бриллиантами, золотые скипетры с изумру-

дами, скифские шлемы, гетманские булавы, малахитовые державы и прочие атрибуты власти; залежи орденов и медалей (не из говна, конечно, а из благородных металлов), конская сбруя, именные маузеры, персональные шпаги, кресты на пузо, звезды на грудь, розетки в петлицу, анны на шею, кольца в нос, подвязки, подвески, ленты, эполеты, банты, аксельбанты — то есть, все то, чего у Бел Амора отродясь не водилось, — кроме, разве что, почетного значка «Легионера ГОП» (Галактической Охраны Природы).

— Но дальше! — кричал из кают-компании Хрен Поймашь. — Дальше, дальше, дальше!.. Куда вы запропастились? Пусть читает дальше!

— Читай.

— Отсек номер 2. Говню... — скороговоркой продолжил Стабилизатор, постепенно входя во вкус этого слова. — Отсек номер 3. Говню... Отсек номер пять, говно опять. Отсек номер семь, говно совсем. Отсек номер восемь, говном обнюсим. Отсек номер 15. Говню... Отсек номер 21, последний...

— Пустой? — с надеждой спросил Бел Амор, хотя знал, знал, что тоже с говном.

— Нет. Полный. Говна.

— Проверяйте! — радушно развел щупальцами Хрен Поймашь. — Шмонайте, курочьте, взламывайте любой отсек. Не стесняйтесь! Везде говно!

— А регалии?.. — вкрадчиво спросил Бел Амор.

Этак, между прочим, спросил:

— А регалии?

— Что такое «рыгалии»? — был ответ. — От какого грубого слова они происходят?.. Рыгалиями не интересуюсь. Меня интересует исключительно говно.

Нездоровый цвет лица инспектора Бел Амора, напоминавший цвет нечищенной солдатской бляхи, медленно превращался в зеленую бронзу обкаканного птичками памятника. Спокойно, сказал себе Бел Амор. Спокойненько. Никаких регалий, орденов и медалей здесь не предвидится, и не надеясь. Он вспомнил: «золотарь» — это не ювелир, а нечто похуже и погрязе. «Золотарь» — это ассенизатор и говновоз; а Стабилизатор — старый кованый сундук. Все грузовые отсеки в этом звездолете, безусловно, переполнены говном по самые уши. Можно не проверять.

Другой вопрос: зачем Хрену Поймаешь столько говна?..

Так. Думаем.

На удобрения?..

Нет, Хрен Поймаешь не похож на существо, связанное с сельским хозяйством.

Конечно, здесь присутствует какой-то очередной контрабандный подвох, но это сейчас не суть важно. Это сейчас не твое дело. Тебе не поручали копать в говне. В твоём трудовом соглашении с администрацией о говне ни слова. Что-что, а уж этот предмет во всех уголках Вселенной не является контрабандным товаром. Уж чего-чего, а собственного говна на каждую душу населения везде предостаточно, хоть жопой ешь, извините за выражение. В говне пусть ковыряются говновозы, думал Бел Амор. Возможно, психологический контрабандный подвох Хрена Поймаешь в том-то и состоит — ни один здравомыслящий таможенник не захочет копать в говне.

Значит, так.

Сюда вот-вот прискачет на «тройке» новый Дженераль СОС. Как его?.. Вспомнил! Генерал-майор фон Говняев-Пугерр. Слава Богу, еще не все слова забыл! Примчится за регалиями и обнаружит на таможенной орбите звездолет с говном. Полный говнолет говна на таможенной орбите — это, конечно, конфузиус потрдамус... То есть, персона нон грата и казус импровизус...

То бишь, говоря по-простому, говняные дела. Новая метла тут же прикажет Бел Амору копать в говне. Это плохо пахнет. Копаться в говне на предмет обнаружения регалий, пусть даже по приказу начальства? Это грязное пятно в биографии. Хлопцы засмеют. «Инспектор Говномор» — неплохо звучит.

Нет, обыск он производить не будет ни при каких обстоятельствах — хотя за нарушение инструкции «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!» запросто может загреть под трибунал или на преждевременную пенсию с правом свободного говноустройства на Внешнем Пузыре Вселенной.

Но — решено! Хватит лясы точить. Пора гнать этого говноголового кальмаруса в выю под зад коленом.

И все же...

Все же следует соблюсти все формальности и, пока там «тройка» мчится, «тройка» скачет, задать клиенту последний

стандартный официальный вопрос, услышать любой невразумительный ответ и гнать его в три шеи на все четыре стороны.

— Зачем вам полный звездолет говна? — угрюмо спросил Бел Амор, разглядывая свои космические говнодавы на толстой рифленой подошве — не вступил ли он случайно в упомянутое вещество.

Все-таки, что-то тут не то...

Чего-то, все-таки, Бел Амор тут недопонимает. Тут присутствует какой-то очень уж наглый контрабандный подвох. Узнать бы. И честно отпустить с миром.

— За что я вас уважаю, инспектор, так это за ваше высокое профессиональное любопытство. Другой на вашем месте давно вытурил бы меня с моим говном за пределы Галактики, но вам интересно знать — в чем тут дело. Извольте. Если не хотите пачкать ручки, я сам покажу... Эту коллекцию говна я приобрел недавно по случаю и по дешевке. Не смог удержаться, очень уж оригинальная коллекция.

Хрен Поймаешь достал из-за пазухи огромную связку ключей и, крутя их на указательно-ковырятельном щупальце, не спеша отправился в коридор; а инспектор Бел Амор не смог отказаться от ТАКОЙ экскурсии. Обыск он производить не будет, а вот экскурсия — пожалуй.

— Но побыстрее, — предупредил Бел Амор.

— Пронесемся на третьей космической. Прошу! Вам будет интересно... Открываем ОТСЕК НОМЕР 1... Человеческий кал всех времен и народов. Говно негроидов, монголоидов, европеоидов и всех смешанных типов. Говно жидкое, консервированное в банках, говно мягкое, твердое, разной промежуточной консистенции, женское и мужское, детские какашки. Говно разноцветное — богатейшая спектральная палитра от ярко-красного поноса до ультрафиолетовой, как чернила, плохопереваренной крыжопольской колбасы. Особый интерес представляет говно людоеда с Больших Гальюнных Островов. Парадокс, но человек, съевший своего собрата, опорожняется как бы дважды очеловеченным говном — как бы собственным и как бы чужим одновременно. Тут борьба и единство противоположностей — вы не задумывались над этим? А, ну да, вы же не говновед...

— Продолжим нашу экскурсию... ОТСЕК НОМЕР 2. Не стойте на пороге, плохая примета. Говно гуманоидов переход-

ного звена. Не воротите пося, это очень интересно и совсем не пахнет. Перед вами результаты раскопок в долине Дристайл-об-Серраль что в Центральной Африке. Отходы жизнедеятельности гуандертальца, питекантропа, гомо эректуса, гомо секуса и других родственничков. Эти господа так жрали друг друга, что все говно в долине, как видите, перемешалось и слиплось в единый говнологический пласт. Внимание — изюминка! Бесценный экземпляр в запаянной хрустальной вазе — предполагаемые экскременты пращура вашего Адама, которые тот паложил в штаны со страху перед Отцом Небесным у райской яблоньки. Помните это грозное библейское: «Где ты был, Адам?!» Тот и усрался. Оказывается, яблоко мудрости было кислым и незрелым — судите сами по цвету экскрементов и непереваренным косточкам. Поехали дальше...

— Только после вас.

— Как угодно. **ОТСЕК НОМЕР 3.** Говно млекопитающих. Это познавательно. Дерьмо собачье. Конский навоз. Козьи шарики. Коровьи лепешки. Медвежьи сардельки. Верблюжьи яблоки. Чьи-то сливы и абрикосы. Удобрения бегемота. В углу — слоновья куча.

— Проходите... **ОТСЕК НОМЕР 4.** Птички. Всякие. Помет. Вскормленный на воле орел молодой. Орлам случается и ниже кур спускаться, чтобы справить большую нужду. Помет гордого сокола. Дерьмо буреви́стника-революции — был такой подвид, знатная была птица, однажды обосрала шестую часть суши, никак не могли отмыть. Гуано королевского пингвина. Помните: глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах. Бедняга, зачем он туда забрался, спрашивается? Посрать, а как же! Зачем же еще?

— **ОТСЕК НОМЕР 5.** Насекомые. Ну, здесь неинтересно — здесь комар накакал...

— **ОТСЕК НОМЕР 6.** Рыб будем изучать? Нет так нет. На нет и говна нет.

— Теперь смотрите сюда: **ОТСЕК НОМЕР 7.** Палеонтологический. Видите, какие обкатанные валуны, инкрустированные мезозойским дешевым жемчугом и ракушками? Думаете, чудо природы? Ошибаетесь! Это не валуны, а окаменевшее говно бронтозавра-срантопода. Жрал устриц, подлец, и знатно срал жемчужинами!..

— Хорошо, хорошо, пропускаем всякие там говнозойские периоды, выходим из колыбели, где так удобно делалось под себя, в космическое пространство... ОТСЕК НОМЕР 10. Говно обитателей цивилизации Срывапереметников. Они неговноидны, а срываобразны. Испражняются срывы через анальное отверстие правильного прямоугольного сечения 5,5 на 11,2 на 18,8 кубических дюймов оранжевой лентой, из которой после просушки и соответствующей химической обработки получают высококачественные огнеупорные кирпичи. Своеобразный биологический кирпичный заводик. Кстати, срыва обладает добрым отзывчивым коровьим характером, охота на нее строжайше запрещена...

— Еще не устали? ОТСЕК НОМЕР 11...

— Вы не отвечаете на вопрос,— прервал наконец эту говноведческую экскурсию инспектор Бел Амор, хотя ему было интересно. Всеми фибрами души он уже чувствовал приближение бронированной «тройки» генерал-майора фон Говняева-Пугерра.— Зачем вам полный звездолет говна? Вопрос, ответ, и будьте здоровы!

— Зачем мне это говно?.. В двух словах — невозможно. Тут целая философия... Хорошо, я постараюсь быстро, сумбурно, с пятого на десятое. Для начала вспомните народные пословицы и поговорки об интересующем нас предмете. Беру наугад:

лепить из говна конфетку,
лить из говна пули,
на говне и хлеб родит,
болтается, как говно в проруби,
попал в говно — сиди и не чирикай,
ложка говна (не дегтя!) в бочке меда,
к нашему берегу — что ни триска, то говно,

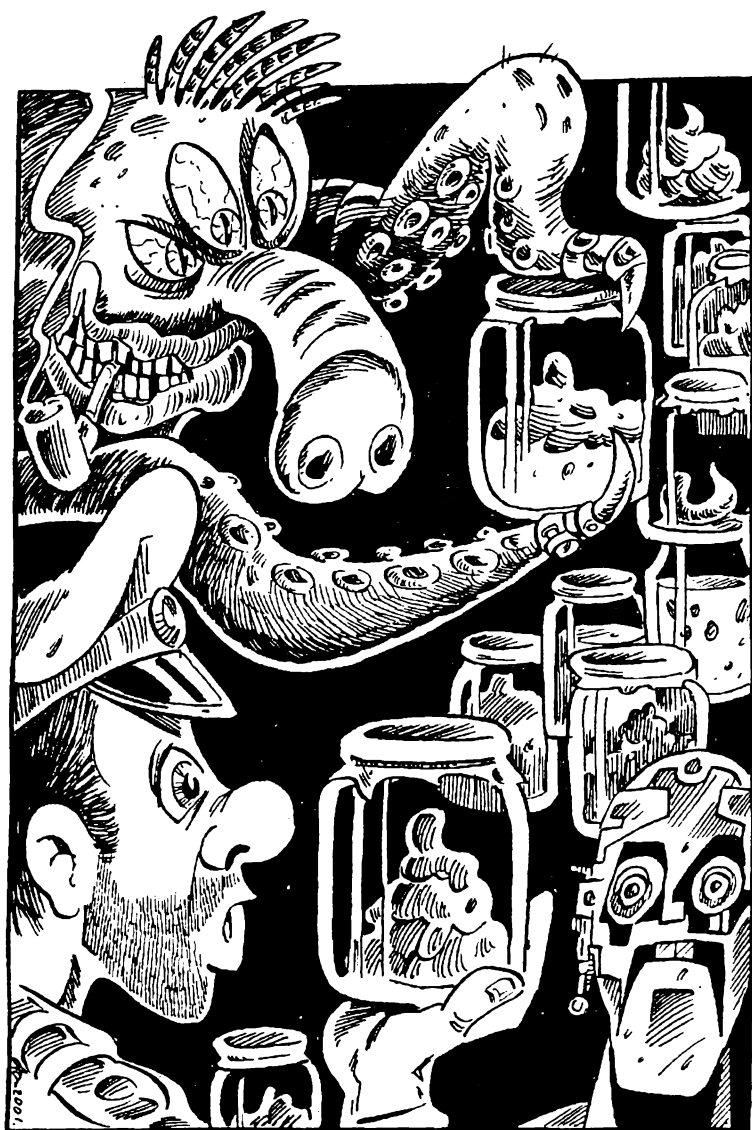
и так далее, и тому подобное... Как видите, народ не стесняется. Думаете, случайно так часто упоминается говно в народном творчестве? Даже чаще, чем сам господь Бог!.. Не случайно. Возьмем исторические примеры. Все великие люди любили облагораживать свои рты этим вкусным словечком:

«Мерде!»¹ — сказал Наполеон² Кутузову³.

¹ Мерде (фр.) — говно.

² Наполсон Буонапарте — Император французов.

³ Кутузов Михаил Илларионович — Русский Верховный Главнокомандующий.

«Зато твои французы будут у меня говно жрать!» — резонно ответил Кутузов Наполеону.

А как вы думаете, из чего господь создал человека? Из глины? Глубоко ошибаетесь! Конечно же, из материала на ту же букву! Пришел, нагнул, достал из-под какого-нибудь сранодонта-говнозавра, замесил, слепил, дунул-плюнул, умыл руки, и — «Будь здоров, Адам!». Так что в основу всего на свете заложено говно. Повторите несколько раз подряд слово «много». Вот так: «много, много, много, много, много, много, много...» Что получается? Оказывается, вы повторяете слово «говно»! Чувствуете?.. Много, много, много, много, много... Вот оно где, гомножественное число! В основе всего, в основе самой Вселенной — говно, много говна. Говно — первично, материя — вторична, жизнь — третична, сознание — четвертично по отношению к говну, а мои скоростные рассуждения и в минус-кратной степени не объясняют проблем говизма, говнизма¹, говнознания и говноведения. В говизме множество частей и разделов. Вот некоторые: говнолептика, говностроение, экскрементизм, дерьмоправие, дерьмонтология... нет времени перечислять. Вдумайтесь: великие ученые в основу своих теорий всегда вкладывали какой-нибудь единичный краеугольный камень — логос, дух, атом, материю, пространство—время, диктатуру пролетариата... Почему же говно не имеет права стать этим самым камнем новой безумной теории? Поклонялись огню, воде, солнцу, фаллосу... чему еще?.. да всему на свете: кошкам, коровам, березкам, золоту, серпу и молоту, регалиям — это само собой; а про говно забыли! Забыли о том, от чего произошли! Забыли, что все на свете — говно! Как сказал мудрый Фекклесиаст: «ВСЕ НА СВЕТЕ ГОВНЫМ ГОВНО И ГОВЛЕНИЕ ДУХА». Не иначе: придумал, сидя на унитаза. Кто сочинит гимн говну?.. На счет первичности говна — не я выдумал. Говноположник говизма — Говен Мердехай Говнядиус-младший², запредавший душу дьяволу за уникальные образцы говна для открытия эликсира долгожительства — о бессмертии не помышлял, не дурак был,— копаясь однажды в очередной порции говна, сде-

¹ Говизм и говнизм — это не одно и то же.

² Псевдоним. Настоящее имя — Венедикт Моисеевич Говядин, член-корр. ГКЧП (Говяной Комиссии Членов Партии).

лал побелевское (он шутил «говнобелевское») открытие, гласящее: кроме мутаций и естественного отбора, существует **ТРЕТИЙ ТАЙНЫЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ФАКТОР**, о котором великие эволюционисты — ну, Дарвин там, Линней, Лысенко — не знали или предпочитали умалчивать из соображений приличия. Говен Говнядиус назвал этот фактор «**ПЕРЕКЕКАНИЕМ ГОВНА**» или «**ГОВНОРОДОМ**». Дело в том, что любой род, вид или популяция, не позаботившиеся должным образом о собственном говне (например, срут больше, чем потребляют), в конце концов влазят в него по уши (спросите у любой домохозяйки). Те же ваши пресловутые динозавры вымерли из-за того, что своим дерьмом изменили структуру почвы и задохнулись в миазмах собственных выделений. Они только жрали и делали противоположное. Срали, не побоюсь этого слова, — впрочем, я его уже употреблял. Кстати, и континенты разъехались под тяжестью неимоверного количества говна, что подтверждает теория дрейфа тектонических плит. В общественном же, социальном развитии роль всплывания и перекекания говна повышается и выходит на первое место, опережая даже классовый антагонизм. Говно имеет свойство не тонуть, плыть по течению и вонять, когда его не трогают. «**НЕ ТРОНЬ ГОВНО...**» — помните? Говно имеет также опаснейшую тенденцию заполнять разные удобные местечки, нивелируя окружающую среду. Говен Говнядиус спросил себя: почему нигде никогда до сих пор не удавалось создать идеальное счастливое общество? И сам же ответил: да потому, что, если подразумевать под словом «говно» известный сорт братьев по разуму, то процесс их всплывания чрезвычайно трудно контролировать. Говно не сразу распознаешь. Оно не трудолюбиво, но деятельно: «Будет сделано!» Не добро, но отзывчиво — его позовешь на помощь, оно ответит: «Ась?» Говно не умно, а хитро, и так далее... Приглядевшись, прислушавшись и обманувшись, восклицаешь: «Ба, да ведь это говно!» — начинаешь сраной метлой подметать, мыть, чистить и дезинфицировать, но не успеваешь оглянуться — **ГОВЯНО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ!** — как это теплое местечко уже заполнилось свежим, жизнедеятельным, отзывчивым и хитрожопым говном. И потому: пусть каждое разумное существо очищает авгиевы конюшни собственного огорода и спускает за собой воду, как любил гово-

ритель старикан Говнядиус-младший,— уж кто-кто, а он знал толк в эволюции...

— «Тройка мчится, тройка скачет»! — подал условный сигнал Стабилизатор.

— Все! — прервал лекцию инспектор Бел Амор.— Вот ваши документы, вот ваша декларация...

— Но я еще не закончил. Я не ответил на ваш главный вопрос — зачем мне столько говна?

— Я уж как-нибудь сам отвечу за вас перед начальством. Проваливайте! И побыстрее! Но знаете: я все понял. Я понял, в чем тут подвох. Если вы задержитесь еще на минуту, я буду вынужден вас задержать, и вы не отделаетесь так просто, как в прошлый раз. Проваливайте на все четыре стороны! Я совершаю служебное преступление, отпускаю вас, но не имею к вам никаких претензий. У меня к вам личная душевная просьба — проваливайте!

— У вас из-за меня могут быть неприятности? — засочувствовал Хрен Поймаешь.

— Вои!

Бел Амор уже сам слышал грохот тройного фотонного двигателя. Новое начальство, как и положено, катилось на служебной «тройке» прежнего начальства. Какой говнорал не мечтает стать говнолиссимусом?

Сейчас начнется, с тоской подумал Бел Амор. Сейчас что-то начнется. Очередная жизненная перемена. Состоится суд присяжных заседателей. Под судом Бел Амор еще не был. В жизни все надо попробовать — и суд присяжных заседателей тоже. Его, понятно, засудят и зашлют куда-нибудь на Внешнее Гузю Вселенной говняров кормить, иголкой говно жрать и убирать говно из-под какого-нибудь местного Сранозавра-Рекса. Но и там найдутся свои тихие радости и хорошие стороны — особенно в месяце говнябре, когда в дерьмучем лесу медленно растут говноежки, расцветают апютины унитасски и какует какушка. Свежеповато. В говнесах говнолуние. На говнопаде светят Пургейны, где-то тихо-тихо играет семисрунная гитара.

Нет, жить можно...

Да, жить можно везде!

— Где оно?! — прервал лирическое настроение Бел Амора истошный вопль генерал-майора фон Говняева-Пугерра, ко-

того под белы дрожащи ручки выводили из «тройки» говноведисты-говнохранители.

Инспектор Бел Амор решил высокомерно молчать. О чем говорить с генералом, который решил выслужиться не на войне, а на говне?

— Где оно?!

Бел Амор глядел вслед уходящему в нейтральный космос трудяге «Золотарю». Хрен Поймаешь был уже вне опасности.

— Где оно?!

— Что именно, Ваше Говнородие? — боязливо спросил Стабилизатор.

— Кофно! — орал фон Говняев-Пугерр. — Что пыло на порту вон того сфесдолета?

— Регалии, Ваше Говносходительство, — отвечал Стабилизатор. — Регалии всех рвemen и ранодов.

— Фекалии, — мягко поправил его Бел Амор, воротя нос от генерала-майора. — Ты опять перепутал буквы, мой друг. В том-то и фокус — не регалии, а фекалии всех времен и народов. Фекалии — те самые, похищенные из Транснациональной Говнологической Кунсткамеры.

— Кофно!!! — заорал на Бел Амора генерал-майор фон Говняев-Пугерр.

— Кто «говно», Ваше Говнятельство? — мрачно переспросил Бел Амор.

— Ты — кофно!!! — орал новый начальник. — Почему приказ не фыполнил?!

— Сам ты говно! А от говна надо избавляться, — отвечал Бел Амор, когда говешники-говнохраны тащили его на психиатрическую экспертизу. — Есть многое на свете, друг Горацио, что не подвластно говноженной декларации. Человечество, смеясь, расстается со своим говяным прошлым... Кто это сказал, не припомнишь?

— Марл Какс! — вспомнил Стабилизатор, которого волокли на капитальный ремонт.

И последнее...

Суд присяжных заседателей оправдал инспектора Бел Амора после того, как адвокат задал Высокому Суду один-единственный вопрос:

— Говнода говняжные засератели!.. Тьфу, черт... Господа присяжные заседатели! Кому из вас охота копать в позапрошломгоднем дерьме?

И господа присяжные заседатели, не совещаясь, единодушно ответили:

— Не говновен!.. Тьфу, черт... Не виновен, то есть!

Коллеги Бел Амора встретили решение Высокого Суда аплодисментами — тем более, что генерал-майора фон Говнява-Пугерра за говнистость характера уже перевели с понижением на другую должность — кажется, заведовать Центральной Галактической Канализацией.

Лицо инспектора Бел Амора сияло, как у какого-нибудь Его Сиятельства. А ЭТО СЛОВО Бел Амор никогда в жизни уже не произносил — так наелся он ИМ в этот исторический вечер, когда из Транснациональной Галактической Кунсткамеры при его попустительстве были похищены все образцы нашего родного говна, и в Галактике с тех пор стало хоть не много, но чище.

Киев, 19–25 августа 1991

БЕСЫ, или В ПОГОНЕ ЗА БЕССМЕРТИЕМ

1

В своей далекой юности (когда в результате природного катаклизма от внезапной анемии продольных мышц захлопнулись створки галактики Устричного Архипелага) Бел Амор оказался без средств к существованию и стал самым бесталанным существом из всех тамошних бесталанных. В этом свернутом подпространстве он испытал сильное потрясение, обнаружив у себя отсутствие всяких талантов — если отсутствие вообще можно обнаружить. Обычно он лежал на раскладушке в своей комнатухе и от нечего делать рифмовал названия окружающих его предметов: «комнатушки — кружки — раскладушки — девушки...» и т. д. Слово «девушки» в этом рифмованном ряду было весьма сомнительно, — но с девушками Бел Амору так не везло, что уж эту погрешность можно ему простить.

Купил чернил, каждое стихотворение записывал каллиграфическим почерком на отдельной странице, заглавные буквы украшал вензелями, страницы подшивал в канцелярскую папку. Так потихоньку создавался поэтический цикл под общим названием «Створки Устрицы, или Свернутое Подпростран-

ство». В самом названии был подтекст. Лирические строки сменялись там горькой иронией, философские размышления сочетались с бытописанием, а внешняя занимательность сюжета прикрывала глубину второго плана.

Все как у людей.

Попробовал поступить в Литературную Штудию и с душевным волнением представил на творческий конкурс свою канцелярскую папку. Ответ Специалистов был единодушным: ритм соблюден, концы зарифмованы (хотя почему «раскладушки — девушки»?!), содержание присутствует, таланта не наблюдается. Бел Амору было рекомендовано проявлять способности и специализироваться в какой-нибудь другой профессии.

Бел Amor не сдавался. Нужно было срочно парабатывать социальный статус и продолжать Подавать Надежды, иначе ему грозила высылка в Бесталанные Кварталы. Он начал веером рассылать стихи по редакциям, но рукописи или пропадали, или же возвращались с краткими рецензиями:

«Не то», «Не пойдет», «Нуждается в доработке».

Или совсем уже загадочное:

«Я очень устал, завтра ухожу в отпуск».

Бел Amor ничего не понимал. Ему не с кем было поговорить, некому было поплакаться в жилетку.

2

Однажды его канцелярская папка случайно попала к одной старой ученой ведьме в синих чулках. Старушка была специалистом в Героическом Эпосе Первых Талантов и, значит, разбиралась в поэзии. Настоящий шерстяной синий чулок. За свою долгую жизнь старушка перечитала столько всякого текста, что у нее выработалась привычка читать между строк, и поэтому ей все время что-то мерещилось. Она одна сжалась над Бел Амором и назначила ему аудиенцию. Наверно, ей тоже не с кем было поговорить.

— Зачем вы пишете стихи? — сходу спросила она.

Бел Amor не был искушен в ответах на подобного рода вопросы. Он еще не знал, что эти вопросы задаются только для того, чтобы самому же на них отвечать.

— Хорошо, поставлю вопрос иначе,— обрадовалась Ученая Ведьма.— Чего вы вообще хотите достичь?

(Вопрос все из той же оперы.)

— В жизни? — уточнил Бел Амор.

— Да, конечно.

«Чего же он хочет в жизни?» — задумался Бел Амор о себе в третьем лице, но, кроме «раскладушек — девушек», опять не нашел достойного ответа.

— Значит, вы не знаете, чего хотите! — с восторгом заключила Ученая Ведьма.— Тогда отвечу за вас. Вы, как и все, хотите стать бессмертным, но с таким отношением к делу у вас ничего в жизни не получится. Поживете и исчезнете! Искусство должно быть здоровым и светлым, а у вас жизнь напоминает помойную яму. Конечно, так оно и есть, но все об этом и без вас знают. У вас извращенный вкус, и вы извратите вкус у читающей публики. Вы вульгарны настолько, что не стесняетесь даже таких выражений... Вот, я отметила на восьмой странице, цитирую:

Поцелуйте в задницу ту,
Которая скачет на белом коне,
Богиню Целомудрия...

Ученая Ведьма с торжествующей гадливостью уставилась на Бел Амора. Фу! Вот те на! Это ж надо такое!

Бел Амор был ошеломлен. Где бабушка обнаружила эту штуковину?! Неужто в текст вкралась такая грубая опечатка?!

Он открыл папку и отыскал на восьмой странице цитируемую строку. Прочитал и вздохнул с облегчением.

— Мадам,— сказал Бел Амор,— зачем вы рассуждаете о светлом будущем и о вульгарных поэтах, когда задницы мерещатся вам даже там, где их нет и быть не может! Здесь четко и ясно написано: «Поцелуйте всадницу, ту, которая скачет на белом коне, Богиню Целомудрия...» Вам почудилось! Убедитесь сами, «задница» здесь ни в какой контекст не лезет,— строфой ниже героиня, которая скачет на белом коне, представляет своему возлюбленному для поцелуя свою щеку, а никак не...

Старая карга в синих чулках вlepила Бел Амору пощечину, схватила за ухо и потащила к двери. Бел Амор не сопротивлялся. Он понял, что все редакторы с рецензентами не рав-

подушны и не завистливы, о нет! Просто, они читают между строк, а там, как известно, ничего не написано.

(Уже потом, через много лет, Бел Амор научился отвечать на подобные вопросы. Когда его спрашивали «зачем?», «почему?» да «как?», он отсылал всех на восьмую страницу «целовать всадницу».)

3

После посещения Литературной Ведьмы Бел Амор бросил писать стихи, а канцелярскую папку сжег, сильно надымив в комнате. Совсем опустил, перестал выходить на улицу. Соседи тут же донесли на него, они не могли терпеть в своем доме бесталанного (а попросту, «беса»), от него могли заразиться. Все признаки налицо... Чем он занимается? Какие-то концы рифмует... А недавно из окна дым валил...

Вызвали ишаков из «Интеллектуального Шмона», и те увели Бел Амора на переосвидетельствование.

Язык можно сломать: пе-ре-о-сви-де-тель-ство-ва-ни-е...

Такое длинное и неприятное слово, как и сама процедура. Снимание всех одежд. Саморазоблачение. Снимайте, снимайте, стесняться некого. Измерение головы колючим кривым циркулем. Измерение остальных параметров. Анализ крови. Другие анализы. Потом беседа с добродушным квартальным ишаком со знаками отличия на мундире.

— Как думаете жить дальше? — спрашивал Добрый Ишак. — Еще не все в жизни потеряно, вы такой молодой. Предлагаю вам почетный выход. Лотерейный Центр собирается осуществить широкую программу помощи бесталанным, но для этого нужно знать, как они живут, чем дышат... Ну, вы меня понимаете? В вашем положении это кое-что...

— Вы предлагаете мне стать стукачом? — уточнил Бел Амор.

— Зачем так грубо?.. Сотрудником.

Но Бел Амор уже потерял всякую фантазию. Он не хотел «кое-чего», он не хотел быть Сотрудником. Он уже вообще ничего не хотел. Так из Подающих Надежды он угодил в беды. Ему сделали бронебойные прививки и под охраной двух ишаков отправили в Свернутое Подпространство, в бесталанный квартал. Его новое жилье не шло ни в какое сравнение

с прежней комнатухой — это был какой-то чулан без окон, похожий на консервную банку из-под сардин; а его соседом оказался глухонемой бес с остановившимся каменным взглядом сфинкса и с длинным самодельным ножом на пружине (чик — лезвие вылетает; чик — исчезает). Что еще?.. Один стул, две раскладушки и тусклая лампа в металлической клетке — в неволе эти лампы быстро перегорают, и приходится торчать в темноте, пока в конце декады не отоварят талон на бытовые приборы.

4

Бел Амор пожил там и вскоре, чтобы всю жизнь не сводить концы с концами, решил свести счеты с жизнью. Ему надоела эта тоскливая особа. Что за жизнь в консервной банке? Тогда он еще не был Бессмертным и мог позволить себе такую роскошь — свести счеты. Хотелось, чтобы все произошло быстро и без мучений. Лежал на раскладушке, разглядывал лампу в клетке, выбирал безболезненный способ. Из коридора несло засорившимся клозетом. Глухонемой сосед сидел на стуле, тоже молчал, но многозначительно поигрывал ножом: «чик, чик, чик...» Бел Амор взглянул на себя со стороны взглядом этого застывшего сфинкса — вполне созревший труп.

Можно было не сомневаться: Бел Амора зарежут раньше, чем он решится покончить с собой.

Бел Амор смирился и стал осваиваться. Даже сумел сочинить стишок и вывесил его в коридоре:

На свете нет преступной акции,
Чем засорение канализации.

«Прежде чем зарежут, пусть хотя бы не воняют», — решил Бел Амор.

Глухой сосед очень удивился, когда узнал, что Бел Амор умеет рифмовать концы.

«Еще!» — жестом потребовал он.

Бел Амор поднапрягся, припомнил свои былые стихотворные подвиги и нацарапал:

К лепесточку лепесток,
Получается цветок.

Хочешь мни,
А хочешь рви,
Не увидишь ты крови.
Им не больно, не обидно,
Запах есть,
А слез не видно.

Сосед был приятно поражен. Он так подобрел к Бел Амору, что спрятал свой нож. Зловещее «чик-чик» прекратилось, и Бел Амор решил привыкать жить. Разве можно жить в консервной банке? Можно. Организмы везде живут. Каждое утро они с соседом отправлялись в длинную очередь на Биржу Бесталанных, где получали талоны на скудное питание и глупые зрелища. Свободные Пространства, где проживали счастливые обладатели удостоверенных талантов, бесам запрещалось посещать. Вскоре у Бел Амора в очереди завелись знакомые, такие же серые и обиженные Богом личности. Он стал здесь вполне своим. Ему объяснили по секрету, что его сосед уже прирезал нескольких стукачей, и что самые отпетые бесы уважительно называют его за глаза Глухим Чертом, и что этот Черт еще покажет всему Подпространству глухонемыми своими знаками что-то одному ему известное.

5

Однажды Бел Амора разбудил скрип двери. Он сел на раскладушке. Свет из коридора проник в консервную банку. Наверное, приближалось утро, потому что Глухой Черт, не разбудив Бел Амора, уже отправился занимать очередь на бесталанную Биржу. В консервную банку вошел незнакомец с толстым портфелем.

— Перепись,— сказал незнакомец, без приглашения уселся на стул, примял висевший на спинке пиджачок Бел Амора и вытащил из портфеля какую-то анкету. Потом добавил: — Населения.

Бел Амор не знал, чем эта перепись может ему угрожать, но почувствовал опасность.

— Нет, не был, не состоял,— отвечал Бел Амор.

«Почему он не спрашивает: а жил ли?.. Не жил».

Утро наступало. Очень хотелось жрать. Вопросы, наконец-то, закончились.

«Безобидная анкетка,— решил Бел Амор.— Значит, не в переписи дело, не за этим явился. За чем же?»

Пауза затянулась.

Бел Амор догадывался, кто перед ним. Служители Интеллектуального Шмона (но, понятно, не уличные ишаки) носят в левой руке толстые портфели и потому всегда скособолены на левый бок.

Молчание становилось неприличным. Чего ему надо?

— Я бы на вашем месте в такой квартире не жил,— наконец нарушил тишину Переписчик Населения.

— Выбора нет.

— Почему же? Вам предлагалась альтернатива. Мы сожалеем, что такой молодой и подававший надежды организм попал в компанию к бесам. Мы хотим вам помочь. В том случае, конечно, если вы поможете нам. Помнится, вы рассылали свои стихотворения по редакциям. Мы их читали. Там были неплохие. Вот, например... Впрочем, забыл. А не ваше ли это сочинение в коридоре: «На свете нет преступней акции, чем засорение канализации»?

— Это мои стихи,— признался Бел Амор.

— Вот видите! — обрадовался мнимый Переписчик Населения, почувствовав у Бел Амора слабинку.— Дайте-ка мне свои рукописи, они будут опубликованы.

Переписчик с готовностью раскрыл пасть портфеля.

— Я их сжег.

— Сожгли?! Отлично! Это Поступок! А еще говорите, что у вас нет талантов. Кстати, пепла, случайно, не осталось?

— Какого пепла?

— От сожженных стихов.

— Зачем вам стихотворный пепел? — удивился Бел Амор.

— Затем, что в нашей Организации можно по пеплу восстановить текст. У нас ничего не пропадает.

— Плохих поэтов, как собак нерезаных,— ухмыльнулся Бел Амор.— И незачем по пеплу восстанавливать. А вот если вам нужен стукач, то я могу посоветоваться в бесталанном квартале, и бесы выдвинут свою кандидатуру. Есть подходящий бес — глухой и немой одновременно. Как живут, чем дышат — подслушает и доложит.

Стало ясно, что разговаривать больше не о чем.

Мнимый переписчик населения извинился за примятый пиджачок.

Раскланялись.

Бел Амор принес из коридора кружку с кипятком. Половину кипятка выпил, второй половиной побрился и принялся надевать помятый пиджачок. Вполне еще приличный пиджачок, хотя и бывший до Бел Амора в употреблении. Проверить: нет ли чего в карманах?.. Вчера было пусто... Сегодня... тоже... ничего не появилось.

Вдруг в боковом кармане Бел Амор нащупал дыру — если дыру вообще можно нащупать. Он вспомнил, что недавно потерял (или украли?) талоны. Той ночью от голода он не мог заснуть. Не в эту ли дыру провалились талоны?.. Если они там, то Бел Амора ожидают сегодня двойные удовольствия — двойная кормежка, а может быть, даже целый час в гостях у казенной дамы, у которой он состоит на обслуживании. Она, шельма, всегда норовит побыстрее...

Бел Амор надорвал подкладку и по локоть влез в утробу пиджака.

6

Производя обыск за подкладкой своего пиджака, молодой Бел Амор, конечно, не предполагал, что этому пиджаку уготовано войти в Историю и висеть с вывернутым карманом в разных музеях Устричного Архипелага. Не было ни озарения, ни предчувствия, когда он лез за подкладку, — лишь было одно скромное желание найти старые талоны.

О, радость!..

Пальцы нащупали скомканную бумажку...

Так и есть, талон! Если нашелся один, могут найтись и остальные.

Но за подкладкой ничего больше не было — кроме одинокой пуговицы. Что ж, и пуговица в хозяйстве пригодится.

Бел Амор зажал талон в кулаке и заспешил в очередь к Бесталанной Бирже. Очередь закручивалась в спираль по длинному кварталу. Стой себе в свое удовольствие, спешить все равно некуда. Очередь, каких много. Анекдоты, сплетни, новости, скоротечные драки, вдумчивая рукопашная игра под

названием «охламончик». Глухой Черт где-то здесь занял очередь и ожидает Бел Амора. Конечно, Глухой Черт мог бы взять талоны безо всякой очереди, но это уже моветон — у Глухого Черта железные и справедливые принципы: «стукачей — резать, без очереди — не лезть».

— Эй, поэт, иди сюда! Тут твой дружок!

Глухой Черт стоял особняком, никому не мешал и читал вчерашнюю газетку «вверх ногами» — ему так было удобней читать.

«Найти талон — большая удача,— жестом объяснил Глухой Черт, глянув на счастливую рожу Бел Амора.— Талон на что?»

— Еще не знаю,— ответил Бел Амор и объяснил в рифму, чтобы сделать другу приятное:

Растягиваю удовольствие
В предвкушении продовольствия.

Глухой Черт читал по губам. Его каменное лицо медленно растянулось в улыбке. Бесы в очереди насторожились — кажется, наклюнулось развлечение. Какой-то разговорчивый Старый Бес тут же вспомнил, как он нашел когда-то целый библиотечный талон. Правда, он плохо умеет читать, зато целую неделю провел в «тепле и свете». Случайно вылетевшая из старика рифма привела очередь в чрезвычайное оживление: кругом поэты! куда ни плюнь — попадешь в поэта! Все разом заговорили, и ничего нельзя было разобрать. Каждый вспоминал, как он когда-то...

Чудесно день начинался.

— Что бы там могло быть? — тянул время Бел Амор, не разжимая кулак.

«А что бы ты хотел занять?» — молча спросил Глухой Черт.

Это был вопрос из разряда «поцелуйте всадницу», но Бел Амор еще не был Бессмертным и еще не умел на них отвечать.

— А я бы — до бабы! — отвечал за Бел Амора еще один рифмоплет из очереди.

— Не томи, показывай!

Бел Амор разжал кулак. На ладони лежала смятая зеленая бумажка.

Талон развернули.

Это был не талон, а лотерейный билет.

Всего лишь старый лотерейный билет. Зеленый — значит, прошлогодний лотерейный билет. В этом году они розовые. Лотерейный билет — всего лишь. Просроченный прошлогодний билет.

— Нет, еще не просроченный! — засуетился кто-то. — Гляди, что написано: «Выдача выигрышей производится до 15-го июля Очередного Года. Сегодня — пятнадцатое. А год какой? Какой год, кто помнит?.. Позапрошлый был Последующий, прошлый — Текущий, а сейчас какой?.. Очередной! Значит, сегодня истекает последний день!

Так чудесно день начинался и так плохо продолжился — уже истекает.

На физиономию Бел Амора пытались не смотреть. Физиономия была такая, что никто не посмел зубоскалить, — тем более, рядом приглядывался Глухой Черт: не обижает ли кто дружка?.. Воротили сочувственные рыла. Всем известно: бесы в лотерею не выигрывают; на то они и бесы. Ну, возможно, сойдется серия, и бес выиграет талон на обед в ресторации. Ну, выиграет, но какой же бес станет мотаться за этим обедом в ресторацию к Ядру Системы? Тем более, сегодня истекает последний день.

Лишь Глухой Черт не терял надежды. Он свернул газетку и вытащил свой знаменитый нож. Его знаки означали:

«Сейчас проверим. Иди за мной».

Бел Амор с неохотой поплелся за своим опасным другом. За ними увязались старый бес-библиотекарь и прочие сочувствующие. Глухой Черт, нарушая все свои железные принципы, полез к окошку Биржи без очереди. Никто не осмелился возражать, а самые отпетые бесы восприняли это как должное.

В биржевом окошке сидел очкастый организм с талантом младшего экономиста — кассир, то есть. Это удостоверял медный значок на лацкане. Видел-то он хорошо, а очки с простыми стёклашками носил из форса и для пущей важности протирал их перед бесами.

— Почему без очереди-шмочереди? — строго спросил кассир (он виртуозно говорил в рифму). — Да сколько вас ТУТ, мать вашу ТРУТ?

Ему объяснили: хотим проверить лотерейный билет. Глухой Черт поигрывал ножом: чик-чик-чик...

— Лотерея-блатерея...— забормотал кассир и швырнул друзьям пачку прошлогодних лотерейных таблиц.— Следующий заведующий!

Глухой Черт повел пальцем по строкам. Ему мешали, толкали в спину. Он защелкнул лезвие ножа и опять потащил палец от серии с номером к столбцу выигрышей:

Серия, номер выигрыш

У Бел Амора появилось предчувствие. Он на себя прикрикнул: и не надейся! Глухой Черт в третий раз провел пальцем по строчке и замычал. На его языке это мычанье означало высшую степень потрясения.

— Ты что-то выиграл! — объяснили Бел Амору.

За Глухого Черта стали читать другие:

— Серия... Серия... Сошлась серия... Считай, обед в ресторации выигран! Номер... Номер... Сошелся номер!..— Дрожащий палец метнулся к столбцу выигрышей.— Талант штаханиста-профессионала!.. Нет, мимо...

— Не умеешь! Дай мне... Серия, номер... Талант коми... комирсанта... Мимо.

Очередь напирала. Бел Амор глотал слюну. Глухой Черт в глубокой задумчивости чистил ногти ножом. Кто-то разглядывал билет на просвет. Кассир сдвинул очки на лоб и высунулся из окошка:

— Что, фальшивый? — с надеждой спросил он.

— Сам ты...

— Дай мне! — потребовал кассир.

Ему с неохотой отдали таблицу. Кассир повел пальцем по строке. Он не поверил своему пальцу и строго на него посмотрел. Указательный палец — инструмент для кассира. Как напильник для слесаря. Инструмент подводить не должен. На указательный палец поплеывают, им считают, пересчитывают, подписывают ведомости, ковыряют в носу. Иногда указательным пальцем показывают на неоправившегося беса, и того уводит патрульный ишак.

Кассир провел пальцем еще раз. Затем сверил дату на таблице и на лотерейном билете.

— Идентично...— пробормотал кассир.

Он начал протирать стекла очков. Его глаза выражали обычную зависть. Простенькое, несложное чувство, но кассир не сумел его спрятать,— а на бесах зависть лучше не показывать.

— Да в чем дело?! — возбужденно заорали бесы.

— Надо же... — Кассир уже забыл рифмовать слова и заговорил нормальным языком. — Тут с таким трудом развиваешь способности, а этому все сразу привалило...

Он вышвырнул таблицы в окошко. Старик-грамотей поймал их и с воодушевлением принялся читать:

— Серия такая-то!.. Номер такой-то!.. Выигрыш...

Голос его дрогнул.

8

— ТАЛАНТ ПОЭТА! — сказал старик.

9

Над Биржей Бесталанных пролетел тихий ангел.

Бел Амора бросило в жар и тут же в холод, от подобного перепада температур даже камни дают трещину. В глазах поплыли большие серые пузыри,— будто в душе вздохнула большая серая рыба. Бел Амор начал заваливаться на бок и чуть не разбил голову о чугунную решетку Биржи, но его поддержали друзья.

Сразу множество друзей. Каждому хотелось поучаствовать в судьбе Бел Амора, прикоснуться к нему. Такой, как все, и один из нас! Немудрено и умереть от радости! Постелили на заплеванную паперть (до Эпохи Талантов на Бирже Бесталанных размещался обыкновенный Храм Божий) чью-то сердобольную курточку, уложили на нее Бел Амора...

Не пожалели, значит, курточку.

— Что, умер? — с надеждой высунулся кассир. Но ответа не дождался. — Умер-шмумер, лишь бы был здоров!

Кто-то в очереди уже строил далеко идущие планы. Поэт-лауреат из нашего Бесталанного Квартала! Он привлечет внимание Лотерейного Центра к существующему положению вещей.

— Кому там не нравится существующее положение вещей? — пресек крамолу кассир. — Тебе, лохматый?

— Да он же глухонемой! — оправдали бесы Глухого черта, который опять от всего отрешился.

— Тем более! Гляди мне! Обр-радовались!.. Внимание, читаю: «Лотерейный билет с крупным выигрышем должен быть доставлен лично владельцем по адресу: «Ядро Системы, третья планета, Лотерейный Центр». Хотел бы я посмотреть на того, кто за полдня сумеет смотаться к Ядру!

— Не понял...

— Понял — не дурак, а дурак — не понял.

— Не может такого быть! Наверно, можно отправить почтой... Заказным ценным письмом!

— Кто умеет читать?

— Я умею читать.

— На, читай: «До-ста-вить лич-но вла-дель-цем». Точка. Где здесь слово «почта»? — Кассир протер очки.— Никаких ценных писем! Тут этого не написано, но подразумевается. Осталось полдня. Для полета к Ядру необходимы: спецразрешение-шмецразрешение, паспорт-шмапорт, два поручительства-шморучительства, прививки-шмиививки... Волокита-шмолокита ровно на две недели. Хотел бы я посмотреть на того, кто сможет за полдня добраться к Ядру! Да и кто его повезет без таланта?.. Сегодня какой день? Пятница? Читаю стихи, сам сочинил: «Пусть в ПЯТНИЦУ приклеит билет на ЗАДНИЦУ». Га-га-га-га... Лотерейные билеты нужно проверять вовремя. Впрочем, выход есть...

— Какой?

— Я могу рискнуть. Вместо него.

Бесы не поняли.

— Обмен! Так уж и быть: махнусь с ним талантами,— начал объяснять кассир.— Кассиром будет! Всю жизнь при талонах! Ну какой из него поэт? Где ему такой талант выдержать? Очухался, что ли? Знаешь, какой поэтический ген зловердный? От одного укола на тот свет отправишься!

Хорошо, что Бел Амор зашевелился и подал голос. Могли и без него решить.

— От укола еще никто не умирал,— прохрипел он.— Поэтический ген никому не противопоказан.

Бесы опять туго задумались.

— Эй, очкастый! Выдай ему талоны на декаду вперед! Он проедет за них до Ядра Системы,— придумал кто-то.

Но кричавший тут же осознал свою глупость.

— За декадные талоны прокатишься разве что в подземке по кругу.

— Вот что, ребята! Пусть каждый отдаст Бел Амору свои талоны за всю декаду. Ничего, поголодаем, зато у нас будет свой поэт! А если зазнается — голову свернем! Понял?.. Нет, ты скажи: понял?

— Понял,— отвечал Бел Амор.

— Становись в очередь, получай талоны!

Бесы плохо и медленно соображают. Проявить солидарность с собратом — это была новая и сильная мысль, но бесам требовалось время, чтобы ее переварить. Они могли бы варить эту мысль еще полдня, но кассир сам неосторожно ускорил дело.

— А это видели? — спросил он и показал неприличный жест.

Бесы угрожающе притихли. Язык жестов — куда понятней.

Все бесталанные очереди имеют с кассирами свои счета. Кассиров не очень-то любят... То уйдет куда-то, стоишь битый час под форточкой, ожидаешь. То обжулит, срежет четверть талона и жизненных благ, соответственно получаешь меньше на четверть. То всучит вместо талонов никому не нужный лотерейный билет... Впрочем, уже не знаешь, что лучше...

Кассир почувствовал эту всеобщую любовь к себе. Он успел захлопнуть железную форточку, но с улицы прилетел здоровенный булжник (как и везде во Вселенной — оружие угнетенных) и вышиб форточку вместе с рамой вглубь Бесталанной Биржи.

«В чем тут дело, почему бунты время от времени вспыхивают, несмотря на то, что ишаки круглосуточно патрулируют? — меланхолично размышлял кассир, когда с него срывали значок экономиста и выворачивали карманы в поисках удостоверения.— В чем тут дело? Невозможно понять этих темных и генетически бесперспективных бесов. От бесталанных одни болезни, безволие и слабость ума. Нельзя держать это бездельное стадо в узких кварталах Подпространства. Запомнить глухонемого подстрекателя, вести себя так, чтобы не стать жертвой».

Бел Амора в это время снаряжали в дорогу. К пиджаку прикрепили значок кассира, в карман засунули удостоверение кассира. Часы кассира. Вручили громадный портфель кассира, пабитый талонами. Бел Амор сразу окривел на левый бок и сделался подозрительно похожим на ишака. Бесы даже засомневались — получит талант, и с концами! Но выбора у них не было. Грамотный старец размахивал руками перед носом Бел Амора,— благословляя, что ли?

— Дуй, на тебя одна надежда!

Кассира и взятых в плен биржевых ишаков повязали и усадили на паперти. Глухой Черт отвлекся от чтения газетки, показал пальцем на пленных и провел ребром ладони по горлу:

«Их следует прирезать. Бунт так бунт!»

Но его, к счастью, не слушали. Да, конечно, эти обладатели мелких способностей куда опаснее тех, кто по-настоящему талантлив. Но чем резать, лучше оставить их заложниками, а Бесталанную Биржу подпалить...

И зрелище, и погреемся — сразу два удовольствия.

— Ты еще здесь?!

— Он еще здесь! Давай, дуй!

— Куда дуть-то? — не понимал Бел Амор.

— Хватай такси до подземки, подземкой в аэропорт, оттуда вертолетом — на космодром, а там — на «Вечерний экспресс» к Ядру Системы!

— Такси! Стой!

«Еще чего, бесов возить!» — подумал организм с талантом водителя такси и решил высокомерно проехать мимо.

Но такси схватили, остановили, водителя вытряхнули.

— Кто умеет водить тачку?

Никто из бесов не умел водить... Бесы ничего не умеют. Время шло, а Бел Амор еще ни на шаг не приблизился к Ядру Системы. Полный безысход.

«Ну, я умею водить»,— всем на удивление показал жестом Глухой Черт, свернул газетку и сел за руль.

10

Все, что происходило с Бел Амором в тот исторический день, давно описано и общеизвестно. Каждый школьник зна-

ет, что этим днем заканчивался «последний век Эпохи Талантов», и что «хотя Бел Амор поэтом так и не стал, но в корне изменились представления» и так далее.

Что с того, что Бел Амор так и не стал поэтом? Удивительно не его судьба — удивительны нравы дикарской эпохи разделения разумных организмов на талантливых и бесталанных, эры спекуляции на человеческих способностях. Все ли помнят иллюстрации в школьном учебнике истории? Первый бунт, сожжение Бесталанной Биржи, первых повязанных ишаков, Глухого Черта за рулем такси. Некоторые двоечники полагают, что наша Счастливая Эпоха в чем-то даже обязана случайному таксисту, вздумавшему проехать после полудня 15-го июля Очередного Года по Бесталанному Кварталу. Это не так. Такси вообще не понадобилось. То есть тачка понадобилась только для того, чтобы завернуть за угол, выехать из оцепления сбегавшихся со всех сторон вооруженных до зубов ишаков и немного попетлять по кварталам, сбивая с толку возможную погоню.

Уже гремели выстрелы, орали матюгальники, крушились витрины — короче, доносились звуки, сопутствующие восстанию порядка. Вонюче горела Бесталанная Биржа с анкетами бесов. Глухой Черт остановил такси у какой-то загаженной мусором подворотни, вытащил за шиворот ничего не понимающего Бел Амора, а тачку на полной скорости отправил вдоль квартала на произвол судьбы — пусть преследуют.

В подворотне Глухой Черт знаками объяснил:

«Снимай кассирский значок».

— Зачем? — удивился Бел Амор.

Глухой Черт содрал с него значок, а портфель кассира, набитый талонами, швырнул в мусорник и присыпал хламом. В подворотню, на бегу придерживая фуражку, заглянул патрульный ишак, но тихие бесы у мусорного бака его не заинтересовали. Он помчался туда, где гремели главные события. Глухой Черт тут же подпалил своей газеткой мусорный бак с портфелем и потащил Бел Амора в глубину двора, к черному ходу на чердак.

— Мне нужно в подземку, — напомнил Бел Амор, жестикулируя. — В аэропорт! На космодром!

«Посмотри на себя! Тебя на первой же станции загребут, — объяснил Глухой Черт. — Кассира сейчас освободят, он нас

запомнил и сразу выдаст. Патрульный ишак тоже нас засек. Сейчас сбегутся... А теперь — гляди!»

Глухой Черт разгреб мусор в углу чердака... и Бел Амор впервые в жизни увидел в натуре два штурмовых космических скафандра! О такой вещи может мечтать далеко не каждый ишак, а только высокопоставленный!

— Да ты не такой глухой, каким прикидываешься! — удивился Бел Амор.

«Надевай! — ухмыльнулся Глухой Черт. — Натягивай!»

Затем гудением «У-у-у!» и вертикальным движением руки Глухой Черт изобразил старт с чердака в космическое Подпространство.

— А там что делать?

«Перехватим «Вечерний экспресс». Он выйдет по расписанию и подберет нас. Везде свои дьяволы... — подмигнул Глухой Черт, привычно влезая в скафандр. — Шевелись! Застегнись! С управлением разберешься, тут просто: включил — выключил. Выбираемся на крышу через слуховое окно. И сразу в облака. Не отставай».

Глухой Черт осторожно выглянул. Внизу, во дворе, уже крутился подозрительный ишак.

Стартовали с крыши сразу на второй подкосмической скорости; Бел Амору с непривычки чуть ноги не оторвало. Наверное, из бесрайона этот старт никто не заметил — иначе тут же вызвали бы ишаков-перехватчиков в таких же штурмовках. Через несколько секунд вошли в облака. Нет, их не заметили... А впрочем... Нет, никому в голову не могло прийти, что бесы разгуливают в подкосмосе в штурмовых скафандрах. А впрочем...

Вышли на орбиту, затаились в тени ржавого заброшенного ретрансляционного спутника и стали дожидаться «Вечернего экспресса». Глухой Черт потребовал особого внимания и принялся объяснять какие-то совсем уж абстрактные вещи: он ткнул пальцем в Бел Амора, принял вдохновенную позу задумчивости (рука на челе, глаза прикрыты), потом похлопал себя по карманам и почесал большой и указательный пальцы. Бел Амор поднатужился и сообразил:

«Когда получишь талант поэта, придется отдавать долги».

— Кому и сколько я должен?

«Долги обществу, балда! Пуф-пуф! Бах-ба-бах! Оружие! С оружием в руках!»

— Стрелять не умею.

«Врешь! — беззвучно кричал Глухой Черт. — Я за тобой давно наблюдаю! Чуть тебя не прирезал, подумал, что ты стукач. А ты концы рифмуешь! Нам такие пужны! За свободу бесов с оружием в руках!»

— Я к политике никакого отношения, — выпутывался Бел Амор из новой халепы (стукачом он не стал, но и быть патриотом не хотелось; вообще, не хотелось ни во что ввязываться).

«Ладно, будешь действовать словом, — великодушно порешил Глухой Черт. — Ля-ля!.. За свободное Подпространство! Нам такие даже больше пужны».

Приближался «Вечерний экспресс». Глухой Черт мигнул красным фонариком. Далеко в стороне промчался патрульный катер... Нет, не за ними. За ними, кажется, никто не гоится. Космодром, конечно, уже оцеплен, а их приметы разосланы, но никому не приходит в голову искать их здесь, на орбите. Шмонают там, внизу на дорогах, такси, автобусы и подземку...

Кто он, этот Глухой Черт? Кто он такой, если хранит на чердаке в бесквартиле штурмовые ишацьи скафандры и запросто останавливает «Вечерний экспресс», идущий к Ядру Системы?

11

«Вечерний экспресс» (немытая коробка, доживающая свои дни на силовых ухабах этой бесталанной провинции) притормозил, и Бел Амор с Глухим Чертом вскочили в заранее приткрытый шлюз. Их встретила смазливая стюардесса в элегантном дамском скафандре и провела в служебный салон вне видимости пассажиров. Там она прибрала их доспехи и сняла скафандрик, оставшись в одном кружевном белье (в таком виде и разгуливала по салонам). Бел Амор тут же по уши влюбился в нее, а Глухой Черт подмигнул и ободряюще воспроизвел тот неприличный жест, из-за которого пострадал сегодня биржевой кассир.

— Руки держим при себе, договорились? — сказала Матильда (это имя было вышито на карманчике скафандра). —

Это вы в лотерею талант выиграли? Значит, будете всю жизнь рифмовать?.. Скука... Но тоже занятие. Сейчас нас поздравит командир. Экипаж знает, что вы мой жених. Да, да, жених, у тебя плохой слух? Раз в сезон каждый член экипажа имеет право провезти в «Экспрессе» одного родственника. Жених — это что-то вроде родственника, верно? Наш командир, хотя и не питает любви к бесам, но без предрассудков. Сочувствует. Он направляется к нам. Улыбайся. Не вздумай волочиться за мной по-настоящему... Я сама скажу, когда захочу...

Командир поздравил жениха и невесту. Бел Амор даже говорить не пришлось. Он, командир, счастлив познакомиться с поэтом, или, во всяком случае, с бесом, собирающимся поэтом стать. Система оскудела поэтами, вы не находите? Нет, рифмуют, конечно... «Грозы-стервозы...» Да что толку? Немудрено, с тех пор как началась эта гонка за бессмертием, все как будто оглохли и онемели. Живого слова не услышишь, кроме мата. Он, командир, сделает все, от него зависящее... А это кто с вами? Брачный свидетель? Один из тех, кто оглох и онемел?..

Когда словоохотливый командир удалился, Матильда принесла жениху и свидетелю скромный звездолетный ужин — чай с пирожками. Они ели сегодня впервые.

— Теперь ты — наш! — объяснила Матильда, поправляя опавшую бретельку лифчика. — А ты ничего, скромный. Не сердись. Я б тебе отдалась, но сейчас не время. Потом, ладно? Твой спутник — командир боевой подпольной организации бесов. Законсервирован, законспирирован и замаскирован, но сегодня решил раскрыться и стать твоим личным телохранителем. Его настоящего имени никто не знает, даже я. Большого ума бес. Отличный организатор, агитатор и пропагандист.

— Кто агитатор-пропагандист?! — поразился Бел Амор. — Он же говорить не умеет — не то что двух слов связать!

— Но он тебе все здорово объяснил... Слова — пустой звук. Голая мысль в чистом виде — вот его идеал. Он умеет донести голую мысль в чистом виде... Телепатия, спрашиваешь? Не знаю. Он все слышит и умеет говорить, но дал обет молчания до полного освобождения бесов! Это — мужик! Ему б я тоже отдалась!

Бел Амор, жуя пирожок, с уважением поглядел на Глухого Черта.

«Не знаю, о чем вы там говорите, но женщина не права,— всем своим видом отвечал Глухой Черт.— В начале было Слово, и слово будет в конце. Потому-то я и молчу — о чем говорить в промежутке, зачем городить слова? Пусть говорят поэты; поэзия бессмертна — она спасет мир. Ты во что бы то ни стало должен добыть талант поэта, и тогда мы освободим бесов. Я доведу тебя до Лотерейного Центра. Не беспокойся, стрелять тебе не понадобится. Стрелять и резать буду я, а тебе достаточно ядерной гранаты...— Глухой Черт утер рукавом губы, допил чай и протянул Бел Амору сверток.— На, держи... Видишь проволочку? Дернешь за проволочку — выскочит иголочка. Подорвешь себя в Лотерейном Центре в случае необходимости. Смерть — моментальная и без мучений. Ты ведь об этом мечтал?»

Бел Амор чуть не подавился пирожком.

(Бел Амор, напоминаем, еще не умел отвечать на подобные вопросы.)

— Вы заблуждаетесь на мой счет,— зашептал он.— Я не умею стрелять и швырять гранаты. Я также не умею орудовать словом в целях агитации и пропаганды. Назначение поэта в обществе совсем в другом...

«В чем?»

— Совсем в другом!

«В чем, конкретно?»

— Вот в этом самом, в другом!

«Понял,— был ответ.— В другом — так в другом. Граната на крайний случай. Живым не давайся. Запомни: дернуть за проволочку, выскочит иголочка...»

Бел Амор с опаской спрятал гранату в дырявый карман пиджака. До полуночи оставался вечер, а до Ядра Системы они еще ни на шаг не продвинулись.

Но вот командир включил синюю мигалку и стал разговаривать «Вечерний экспресс» по силовому коридору. Пронеслись мимо будки дежурного ишака-стрелочника. Тот хлопнул рюмку, выглянул, узнал «вечерник» и включил наводящий прожектор-рельс. Пошли по зеленому лучу. Мелькали ремонтные службы нульпространственного коридора, недостроенная гостиница, футбольное поле на ржавом планетном ядре, три

буксира в галактическом рукаве, таскающие звезды туда-сюда...

Наконец «Вечерний экспресс» сорвался с луча и, с выхлопом свернув пространственно-временную субстанцию в зеленую плоть, проткнул Подпространство и вынырнул у внешнего края Ядра Системы.

— Поторопитесь,— сказала Матильда.— Под нами третья планета. Командир согласился ожидать вас до полуночи, а потом — возвращаемся.

До полуночи оставался один час...

12

На третьей планете было уже темно, поэтому решили садиться точно по координатам, указанным в лотерейном билете,— прямо в клумбу перед зданием Лотерейного Центра.

Сели и осмотрелись...

Если это был Лотерейный Центр, то тщательно законспирированный и замаскированный под обычное жилое здание. Ишаков нигде не было видно — засада, значит, в самом Лотерейном Центре.

Вошли... Лифт был открыт, но не работал. Оставили в нем скафандры и бегом отправились на девятый этаж. Глухой Черт скакал впереди по ступенькам, с беспокойством разглядывая лестничные площадки. Крашеные двери и двери в коже, глазки, звонки, половые коврики, медные таблички — «Перспективный бакалавр-биоэнергетик Такой-то», «Доктор органовведения Растакой-то», «Инженер-вахмистр Этакий»... Бел Амор уже чувствовал, что сейчас произойдет одно из тех недоразумений, которые так не вовремя украшают жизнь...

На девятом этаже решили позвонить в дверь с табличкой «Пенсионер особого назначения Разэдакий». Им открыл заспанный, еще не старый пенсионер в трусах.

— Кто такие?

Глухой Черт отодвинул пенсионера и вошел в квартиру.

— Чего надо?! — заорал тот.

Бел Амор протянул ему лотерейный билет.

— Ты что, билеты распространяешь?

— Тут указан ваш адрес...

— Действительно...— удивился пенсионер.— Действительно, адрес мой... Впрочем, гляди, лопух! Планета третья, но с какого края? С внешнего или внутреннего?

Глухой Черт вышел из комнаты, отобрал у пенсионера билет, перечитал адрес. Ударил себя кулаком по лбу и, нарушив многолетний обет молчания, многоэтажно выругался.

Бел Амор взглянул на часы кассира... До средней галактической полночи оставалось совсем ничего. Он принес извинения пенсионеру особого назначения и заспешил вниз. Но глухой пенсионер не пожелал принимать извинений и схватил Глухого Черта за руку:

— А талант у тебя есть, чтоб шляться здесь по ночам?

О судьбе этого пенсионера история умалчивает. Надеемся, он остался в живых, потому что резать его ножом не было никакого времени. Глухой Черт свалил его одним ударом и захлопнул дверь.

...Опять одевание скафандров в темноте лифта...

Взлетели уже не таясь, с грохотом, на третьей космической скорости, разбудив всех окрестных ишаков. «Вечерний экспресс» болтался без дела на орбите. Радировали:

«Планета третья, но не с того края! Ввели, понимаешь, нумерацию планет, будто в языке мало слов!»

Матильда уже открывала шлюз. Экипаж поможет начинающему поэту, даже если придется сойти с курса. Протесты пассажиров побоку. Скафандры можно не снимать, сейчас будем на месте. Садитесь прямо на крышу Лотерейного Центра — здание внизу, конечно, оцеплено...

За пять минут до полуночи Глухой Черт увлек за собой целую стаю дежурных патрульных ишаков, а Бел Амор в гордом одиночестве произвел посадку на крышу Лотерейного Центра — на этот раз без ошибки. Последние минуты ушли на то, чтобы сбросить скафандр и спуститься на девятый этаж к двери с надписью:

«РЕГИСТРАЦИЯ ЛОТЕРЕЙНЫХ БИЛЕТОВ»

Часы за дверью стали бить галактическую полночь...

13

Бел Амор распахнул дверь ногой.

В кабинете сидел очередной удивленный ишак с признаками таланта мелкого клерка.

— Зачем же погами? — пожурил он.

— Зарегистрируй билет! — потребовал Бел Амор. — Сегодня еще пятнадцатое число, и я прибыл лично, как указано на обороте!

— Верно! — согласился клерк, прислушиваясь к бою часов. — За вами кто-то гонится?

— Регистрируй! — заорал Бел Амор.

Клерк повертел лотерейный билет, подышал на круглую резинку и шлепнул на билет лиловую печать.

— Издалека? — спросил он с сочувствием.

— Из Свернутого Подпространства. — Бел Амор повалился на стул. — Вы будете проводить экспертизу или как?

— А что вы выиграли? Талант поэта?! Ого! Не волнуйтесь, никакой экспертизы мы проводить не будем. Не нужна экспертиза. На вашем билете написано: «Явиться лично». На настоящих билетах указывается: «или переслать почтой». Так что я вам сочувствую. Ваш билет фальшивый. Кто-то над вами подшутил. Всякое бывает...

— Врешь, каналья! Так не бывает! — Бел Амор схватил стул и бросился на клерка.

Тот прикрылся портфелем и быстро сказал:

— Ладно, ладно... Пройдите в следующую дверь, там вас давно ожидают.

Бел Амор сгреб со стола лотерейный билет.

— Кто тут меня ожидает? — заорал он, вламываясь в следующую дверь.

14

В кабинете, куда ворвался Бел Амор, сидели двое за кофейником и бутылкой. Лицо одного из них было «непроницаемым» — значит, или идиот, или большой начальник. Второй показался Бел Амору знакомым, но вспоминать не было времени.

— Что за сброд? Кому я тут нужен? — спросил Бел Амор.

— Да знаешь ли ты, с кем разговариваешь?! — опешило непроницаемое лицо.

— Сейчас узнаю! — Бел Амор сбросил пиджачок и засучил рукава. Подавать себя к этому полуночному ужину следовало именно так: агрессивно. Для начала он собирался снести

со стола бутылку с кофейником, но потом вспомнил и вытащил сверток с проволочкой.

— Ого! Утром вы были тише воды, ниже травы, а сейчас — какой ураган! — удивилось знакомое лицо. — И всего лишь за полдня! Где это вы гранату раздобыли?

Бел Амор, наконец, узнал в нем утреннего Переписчика Населения.

— Опять вы? — удивился Бел Амор. — Перепись населения, реставрация стихов из пепла?

Гранату он все же опустил, но начальники поняли, что на испуг его не возьмешь. Они протянули свои визитные карточки. Бел Амор прочитал на первой: «Галактический министр по делам бесталанных», на второй «Товарищ галактического министра по делам бесталанных».

— Вы-то мне и нужны, начальники! Что это вы развели — за талонами в очередях стоять!

— Вот народ, сразу права качает! — сокрушился Бесталанный министр. — Прозит! А насчет очередей — вы не правы. Я спою гимн Очереди! Очередь — великая вещь, мы с товарищем коллекционируем всяческие очереди. Очередь — это целая философия! Есть очереди организованные, стихийные, живые, по списку; очередь в баню отличается от очереди за талонами, а та, в свою очередь, извините за тавтологию, отличается от очереди в театр. Очередь — это сообщество, справедливость, ритуал. «Кто крайний?» — «Я за вами». Какие прекрасные слова! Очередь, как двигатель прогресса. Очередь, как исполнение желаний. Очередь, как модель разумного существа, как коллективный разум. Даже тот, кто нарушает очередь, кто лезет без очереди, является неотторжимым членом очереди, без которого очередь потеряла бы смысл. Очередь, как организующее начало против хаоса и мировой энтропии. Надо помнить, за кем ты и кто за тобой, чтобы не разомкнулась цепь. А медленное движение очереди? А разговоры в очереди? А тот, кому надоедает эта тягостная очередь, кто плюет и уходит? Пусть идет, нам больше будет!

Бел Амор немного прибалдел от запаха кофейка с коньячком и от этого словоблудия.

— Давайте лучше поговорим о вашем лотерейном билете. Мы с утра поджидаем вас. Прошу, кофеек с коньячком...

Ладно, просят... Бел Амору налили кофеек с коньячком.

— Видите ли, ваше столь опасное путешествие к Центру Ядра было результатом нашего дружеского спора и одновременно социальным экспериментом на выживание. Мы с товарищем редкостные спорщики. Я утверждал, что любой бес, даже самый талантливый бесталанный, даже если очень захочет,— а очень захотеть ему поможет подброшенный фальшивый лотерейный билет — все равно не сумеет проделать такой путь за столь короткое время. Как видите, я проиграл. С чем вас и поздравляю. Для вас уже заготовлены значок и удостоверение старшего интенданта Центральных Правительственных Складов. Ваши усилия счастливо завершились.

— Плевал я на твои Правительственные Склады,— потряс свертком Бел Амор.— Талант поэта, или вы отсюда никогда не выйдете.

— Неуживчивый тип,— поморщился министр бестальных.— Где ты такого нашел?

— Поэтический талант на стол — или грохоту будет на весь Устричный Архипелаг! — продолжал Бел Амор.

— Он, как видно, не понимает,— обратился министр к товарищу.— Мне и в голову не приходит записывать мысли в столбик, а слова расставлять так, чтобы в конце строки стояли с одинаковыми окончаниями. Так затруднять себе жизнь!

— Вы, как видно, не понимаете,— начал уговаривать товарищ министра.— Зачем вам поэтический талант? О чем вы толкуете?... Поэзия... Ведь это фу-фу... Облака, ветерок, пустой звук... Подумайте сами: это не вещь-ст-вен-но! Если вам так нравятся таланты на букву «П», то... вот список, выбирайте! Таланты переплетчика, повара, парикмахера, пиротехника, пожарника, продавца, паромщика... чем плохо на пароме, а?... парашютиста, писаря, почтальона и так далее! Хотите сразу несколько талантов — пожалуйста! Застрахуетесь, заживете... Миллионы бесов мечтают о небольших способностях, а вам все сразу! Вы думаете, стоит там сделать какой-то укол, и бесталанный станет талантливым? Ерунда! Мифология бесквартиров. Талант — это Бог знает что, никто не знает. Конечно, я могу выдать вам значок поэта, но очень многим рискуете. Вас ожидают большие разочарования.

Товарищ министра в припадке откровенности сболтнул лишнее, министр строго на него посмотрел. Мифология бестальных кварталов была совсем уже ни к чему. Перед Бел

Амором будто сдернули покрывало с памятника, а памятник не оказалось — кто-то ночью спер.

— Если без укола — еще лучше! — отвечал Бел Амор.— Меня устроит значок и удостоверение. И побыстрее! Если не хотите познакомиться с моим телохранителем...

А Глухой Черт уже рвался в кабинет, таща за собой полдюжины вцепившихся в него ишаков.

Бел Амор поднял сверток на вытянутой руке и натянул проволочку.

— Не двигаться! — заорал на ишаков товарищ министра.

Последовала процедура открывания сейфа и доставания из него голубой атласной коробочки. На свет наконец появился золотой значок — стило и загнутый лист бумаги были изображены на нем.

— Удостоверение! — потребовал Бел Амор.— И заодно значок и удостоверение старшего интенданта Правительственных Складов!

— Для друга? — уточнил товарищ министра.

Глухой Черт отбивался от ишаков из последних сил.

— Нет, для себя,— ответил Бел Амор.

Он бросил значок и удостоверение интенданта себе за подкладку, подошел к Глухому Черту и навесил ему на пиджак значок поэта.

Глухой Черт окончательно онемел.

— Вот он-то и есть настоящий поэт из всех присутствующих,— с пафосом объявил Бел Амор.— Он точно знает, что должен делать поэт в загаженном, как подворотня, обществе! Вы его еще услышите!

— Bravo! — сказал министр бесталанных.

Ишаки топтались в дверях и не знали, что предпринять.

— Чего вам? — спросил товарищ министра.

— Этих бесов обвиняют в подделке лотерейного билета, а также в подстрекательстве к бунту сегодня утром.

— Можете возвращаться, сержант. Передайте по линии, что операция прекращена. Бесталанные граждане были настигнуты уже в качестве талантливых, о чем подтверждают значки и удостоверения. Лотерейный билет погашен, выигрыш выдан, талант оприходован.

— Но... Нельзя ли забрать?

— Это как?

— Ну... Конфисковать.

— Я вас не понимаю, сержант! Как вам должно быть известно, талант является личным достоянием и внутренним качеством индивидуума. Любой талант — врожденный или благоприобретенный — охраняется законом и конфискации не подлежит.

Бел Амор с Глухим Чертом, преглупо блиставшим золотым значком, отправились на крышу Лотерейного Центра, а оттуда «Вечерним экспрессом» в свое бесталанное Свернутое Подпространство, которое следовало развалить и собрать заново. Бел Амору опять не повезло — Матильда, благосклонноглянув на него, бросилась на пиджак Глухого Черта. Это был пиджак поэта. К такому пиджаку хотелось прилечь. Таким пиджаком можно было размахивать, как флагом. Носить его впереди толпы, чтобы значок сверкал на солнце. Женщины всех цивилизаций на такие дела падки.

А что было дальше — все знают: повторение цикла — резня, переворот, опять резня, опять переворот — до тех пор, пока ремонтно-спасательная команда из Службы Охраны Среды (СОС) не отогнула створки Устричного Архипелага, чтобы вызволить Бел Амора (и всех бесов заодно); и тогда, наконец, наступило Очередное Счастливое Будущее, в котором мы с вами живем.

15

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ненаписанные, а также возрожденные из пепла
стихи Бел Амора
(Авторский перевод с карданвальского Игоря Кручика)

Я не поэт. Но нет, не потому,
Что не верчу богемой и толпой,
Что чувства подначальственны уму,
Что не владею словом и собой.
Какой бы ни случился мне билет —
Я просто слабый рифмователь. Ведь

За звание дебильное — «Поэт»
Страдать не соглашусь. И — умереть.

Что же такое душа?
Слышим об оной мы сплошь.
Может, она — анаша,
Дурь, от которой балдеж???
Ну-ка, в словарь посмотреть!
«Хлеб... — возглашает словарь, —
С четким стремленьем черстветь,
Окаменясь в сухарь».

Мне говорил шмонающий ишак:
«Живи! Но усеки и не отчайся:
Вселенная похожа на пиджак,
И пламенный утюг — ее начальство.
Ну, а подкладка малость расползлась,
И там, в Заподлицовье, в масть порядку,
Рукав по локоть засучивши, власть
Невидимая — штопает подкладку.
Как в нуль-пространстве протыкают путь
(Сквозь лацкан — до подкладки) звездолеты,
Так пужно шилом вовремя проткнуть
Пиджак для бляхи, явствующей, кто ты».

Цистерну надобно ума,
Дабы постичь цитаты эти:
«Познай, где свет, — поймешь, где тьма»,
«Прохавал жизнь — просек бессмертье».
Одну под вечер бытия
Ученый выдал (Шэкон?.. Бартли?);
Другую, скажем прямо, — я!
И совершил открытие вряд ли.
Ведь нечто новое ища,
Ты не отыщешь даже мизер.
Давно все есть: роддом, праща,

Соната, средство от прыща,
Бог, лотерея, телевизор!

Виноват Гдемокрит,
Фрезерфорд ли виновен
В том, что мир состоит
Из мельчайших хреновин?
Я загнусь, как любой...
Но ведь может случиться:
Прах развеянный мой
Соберут по крупице.
Опосля монтажа
Встану — ярый, как водка.
Где ж возьмется душа?
В каждом атоме: Вот как.

Я тебя люблю
Пять, наверно, лет.
Будешь ты в раю.
Я, наверно, нет.
Пью и предаю.
В ад мне взят билет!
Будешь ты в раю —
Вспоминай. Привет.

Киев, 1990, 1997

КТО ТАМ?

Фантастическая повесть

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

В периоды смутных времен, когда «ни мира, ни войны», когда все цивилизованные Братья-по-Разуму сидят в глухой обороне, оградившись колючими демаркационными линиями; когда кажется, что сама Вселенная не знает, что делать — сжиматься или расширяться; когда в такой взрывоопасной международной обстановке тащишь на буксире тяжелую баржу, по завязку загруженную мешками с картошкой и армейской тушенкой,— гляди в оба! В такие мирные времена можно запросто подвергнуться слепому артналету, залететь в минные поля или, того хуже, напороться на голодную засаду только что вышедших из колыбели варваров-оборваров, которые где ни попадя ставят силовые капканы, нападают на воинские склады и мародерствуют в окраинных галактиках,— одинокая баржа с тушенкой для них лакомая добыча.

Примерно так думал пилот Бел Амор, перегоняя продовольствие на Нижнюю Варту Вселенной к новому форпосту землепроходцев. Старина Стабилизатор (робот, сдвинутый по фазе, слетевший с катушек и давно отслуживший свой жизненный ресурс, но преданный хозяину как верный пес) охра-

нял баржу с тыла — бормотал стихи, сидя на черном ящике среди мешков с картошкой и ящиков с консервами у старинной, как кремниевое ружье, спаренной противопожарной установки — из такой разве что астероиды крошить. Сдвиг по фазе и слет с катушек заключался в том, что после третьего капитального ремонта в позитронных катушках робота что-то перепуталось, и бедняга Стабилизатор вдруг принялся сочинять какие-то идиотские вирши (они до сих пор хранятся в Главном Архиве Службы Охраны Среды) о смысле жизни и бытия. Например, такое стихотворение:

ПРОПАСТЬ — 047

Уйти судьбой
В безжизненность былинки,
Над переломанным хребтом
Путь кружат птицы.
Я вижу над собой
Их животы и спинки,
А сквозь туманную клубящуюся дымку —
Их птичьи лица.
Галлюцинации
Так время коротают,
Когда во тьме бездонно-звездной бочки
Глаза мелькают
С перекошенными ртами
И коготочки.

И так далее...

Когда-то в юности Бел Амор тоже пописывал стишки, но давно уже перестал разбираться в поэзии. Сейчас он хотел побыстрее выйти в открытый космос, чтобы скрыться с глаз непрошенных наблюдателей, — однажды к ним уже приблизилась подозрительная яхта без опознавательных знаков, но не посмела напасть; а потом за ними кто-то погнался, отчаянно сигналив: «Стой! Туда нельзя!», но быстро отстал.

Углубившись в открытый космос, Бел Амор сошел с курса и спрямил путь, чтобы выгадать световой день, поставил буксир на автопилот, вскрыл липкую от солидола банку консервов, умыл руки, подцепил ложкой кусок тушенки... как вдруг обнаружил прямо по курсу обширный оптический омут промеж четырех пар зеркальных дрейфующих квазаров.

Тушенка застряла у Бел Амора в горле. Он успел отвернуть фотонный буксир в сторону небольшой, зато такой понятной черной дыры, которая мирно рентгенировала неподалеку, ловя пролетающий мусор,— в эту дыру, на крайний случай, можно было бы провалиться и вызвать спасателей,— но громоздкая баржа продолжала плыть по инерции, а потом вильнула, как хвост собакой, и затянула буксир прямо в омут,— лишь черный ящик под Стабилизатором успел взвыть, оглашая внутреннюю тревогу для всех служб Охраны Среды... взвыл и захлебнулся.

«Значит, кто-то клюнул»,— подумал Бел Амор.

2

Из уравнений постэйнштейновской теории единого поля всем хорошо известно, что в тихих омутах черти водятся. Стабилизатор рассказывал, как однажды выловил из шестиметрового болотца матерого вурдалака, который тут же набросился на Стабилизатора, стремясь попить кровушки, но обломал клыки; а потом, когда его вязали, матерился на чем свет стоит,— но одно дело рыбацкие байки и заумная асимметричная математика параллельных миров, и совсем другое — самому угодить в зеркальный казуистический объект... на этот счет даже инструкций не существует, кроме одной, негласной: «Сиди тихо и не высовывайся!»

Бел Амор наглухо заdraил иллюминаторы, проверил герметичность шлюза, застегнул на себе все пуговицы, кнопки и молнии и осторожно выглянул.

Со всех сторон, как огни на болоте, светились зеркальные квазары, а в тихом омуте стояла гнетущая тишина,— ни гравитационных всплесков, ни голодного рентгеновского щелканья черных дыр, ни ветерка, ни дуновенья — только окончательно поврежденный Стабилизатор хрипел:

ПРОГНОЗ — 064

Инфракрас
Угас.
Ультрафиолет
Сместился в синий
Цвет.

Значит, осень.
На осине
Иней.
Значит, восемь.
Сколько зим, сколько лет
Отпечаталось в лужах?
И стрелки скрестил
В циферблатных рожах
Ужас.

Вскоре Стабилизатор заткнулся и уже не подавал признаков жизни. Силовой трос лопнул, а баржа кувыркалась неподалеку, выбрасывая из пробитой кормы облака картошки с консервами. Не появлялись пока ни бесы, ни призраки, ни вурдалаки с вампирами, но Бел Амор хорошо знал их повадки: подсекли и затаились, рыболовы.

Что ж, на такой рыбалке, где неизвестно кто клюнул, где не ты, а тебя поймала какая-то нечистая сила, следовало оставаться невозмутимым и действовать по принципу «кто кого пересидит» — то есть, сидеть и ждать, когда эта самая нечисть сама себя проявит.

Бел Амор съел полную банку тушенки, не наелся, облизал ложку и прислушался к своим ощущениям... но ничего нового или странного в себе не обнаружил. Он был таким, как всегда: звезд с неба руками не хватал, за наградами не гонялся, но любую опасную ситуацию пытался обернуть если не на пользу, то и не во вред себе.

Опять выглянул... какая-то Тень-Отца-Гамлета вроде бы проплыла мимо буксира, оглянулась, погрозила пальцем и исчезла...

Но, может быть, ему показалось.

Значит, землепроходцам на дальнем форпосте придется потерпеть, пока для них не снарядят другую баржу, другой буксир и другого пилота; а ему, Бел Амору, следует оставаться на месте, не трепыхаться и ожидать черт-те чего: начальства, экспертов, санитаров, персональной охраны, медицинских обследований и средневековых анализов на бешенство. Если все счастливо закончится, его, пожалуй, за все страдания наградят орденом...

Но Бел Амор сразу отогнал эту бездельную мысль о награде, — сейчас первым делом следовало выяснить простран-

ственно-временные параметры этой лужи, чтобы стало понятней: кто же все-таки клюнул?

3

Первыми, к неудовольствию Бел Амора, появились не патрули Службы Охраны Среды, а, как водится, худющие и печесанные дезертиры на своих драндулетах. Это бродячее племя стихийных борцов за мир обладало способностью становиться плоскими, как лист бумаги,— их можно было просовывать хоть под дверь, а уж в фотошпуню теплушку укладывать стопками целую армию. Вояками они были смелыми, но невезучими: в атаку шли ребром, невидимо для врага, но при малейшем гравитационном ветерке их разворачивало поперек мировых меридианов, и тогда они гибли пачками; в разведке же их губило много шелесту после просачивания на спиртовые склады противника. Они терпеть не могли воевать, но — что поделаешь! — чтобы выйти в обжитый космос из своей Двумерной провинции, им приходилось вербоваться в первые подвернувшиеся во Вселенной армии, получать небольшой аванс, а после первого же боя дезертировать и добывать пропитание бродяжничеством и мелким воровством.

Бел Амор отметил, что внутреннюю тревогу для Службы Охраны Среды эти двумерки перехватить не могли, а сюда примчались, учуяв запах картошки с тушенкой,— правда, в омут лезть побоялись, свернулись в рулоны и с нетерпением ожидали развития событий, надеясь все же пожить. Бел Амор понял, что от непрошенных свидетелей тут скоро отбоя не будет, и перестал обращать на них внимание.

4

Но вот прибыл первый патруль Охраны Среды, увидел такое дело, присвистнул и сочувственно помигал Бел Амору фарами.

За ним прилетели еще две «ОСы» и начали осторожную разведку границ омута.

Потом пожаловал начальник — колодообразный, покрытый корой интендант, временно исполняющий обязанности (ВРИО) коменданта Охраны Среды — типичный армейский

тыловой сундук из добродушных, с толстенной шеей, переходящей прямо в фуражку — таким надо отдать должное: в мирные времена у них на воинских складах полный порядок, и в отставку они уходят полковниками (такие тоже нужны). ВРИО коменданта, поскрипывая, выбрался из «ОСы» и жизнерадостно спросил:

— Ну как?

— Девяносто восемь,— ответил Бел Амор с внезапной злостью к этому бездельнику.

— Чего «девяносто восемь»? — удивился ВРИО коменданта, в который раз попадаясь на эту первобытную подначку. Он никак не мог понять, что его не утверждают в должности коменданта (прежний комендант Охраны Среды третий год пребывала в декретном отпуске) именно за его жизнерадостность, постоянную удивленность и соглашательство.

— А чего «пу как»?

— Да, верно,— немедленно согласился ВРИО коменданта.— Один-ноль в твою пользу. Однако ты здорово влип! Здесь, как минимум, девятимерное болото с левым завихрением... И позитронного робота угробил. Молодец, поздравляю!

Услыхав, что его угробили, Стабилизатор на мгновение очнулся и побормотал из облаков картошки с консервами:

Я пил из чаши бытия,
Хотя края отгрыз не я.¹

Бел Амор промолчал. Он все еще надеялся, что угодил от силы в восьмимерную топь по пространственно-временной шкале Римана—Лобачевского, в компанию ведьм, леших и домовых, но рывок очень уж был силен — похоже, ВРИО коменданта прав: дернул крупный бес из девятимерного пространства, где параллельные линии уже не то чтобы пересекаются, а начинают кое-где переплетаться в жгуты...

Дело, кажется, принимало дурной оборот.

Тем временем ВРИО коменданта принялся прогонять с места происшествия мирных двумерных бродяг, но двумерки, лениво развернувшись, так обложили его, что ВРИО пропустил момент прибытия двух своеобразных фоторепортеров — одного из «Вечерних новостей», другого — из «Утренних».

¹ Стихотворение Евгения Лукина.

Все они похожи, как близнецы, из-за круглых глазищ с автоматической диафрагмой, да и новости у них всегда одинаковые, потому что промышляют с утра до вечера в насиженных горячих точках. Сюда они примчались на подножке «Скорой помощи» и уже снимали все, что видели, щелкая кривыми клювами. ВРИО коменданта попытался отогнать фоторепортеров — они его тоже сняли.

Но вот прибыла комендантская рота, а с ней пять тысяч арестантов из Метагалактической гарнизонной гауптвахты.

Бел Амор сначала не понял, зачем здесь понадобились эти бедолаги, зато ВРИО коменданта наконец-то почувствовал себя в своей тарелке и принялся вдохновенно командовать. Арестанты, размахивая метлами и граблями, прогнали мирных бродяг, а те, развернувшись в полотнища, с достоинством переместились загорать к черной дыре — там хоть и обзор похуже, зато теплее.

Репортеров тоже потеснили, но они пробрались с другой стороны и попросили Бел Амора приветственно взмахнуть рукой для читателей как «Вечерних», так и «Утренних новостей».

В ответ Бел Амор угрюмо скрутил и показал им фигуру из трех пальцев, вызвав у фоторепортеров неописуемый восторг и просьбы поддержать эту фигуру подольше. Бел Амор в просьбе не отказал и предстал в таком виде перед самим Дженоералем СОС (Службы Охраны Среды).

5

Дженоераль СОС, как всегда, свалился как снег на голову, без эскорта и знаков различия, в полевом помятом солдатском скафандре, похожий на арестантика, сбежавшего с гауптвахты. Рядом с ним суетился блестящий адъютант, отражавший полированными сапогами тусклый свет зеркальных квазаров; а ВРИО коменданта, поддерживая фуражку, подбежал к Дженоералу и доложил о том, что эксперты уже вызваны и что вверенная ему гарнизонная гауптвахта уже наводит здесь порядок, но сил и средств явно недостаточно, и для полного оцепления омота площадью примерно в три с половиной квадратных световых года потребуется приблизительно девять

планетарных армейских соединений при полном боевом и техническом обеспечении.

— А лучше десять, для ровного счета,— добродушно закончил доклад ВРИО коменданта.

— Да, задал ты, братец, работку,— досадливо вздохнул Дженераль СОС, будто ВРИО коменданта был в чем-то виноват.— Примерно и приблизительно...— передразнил Дженераль.— Математик, клюев! Тут тебе не площадь, а объем. Значит, умножай свои десять армейских соединений на четыре третьих пи эр в кубе. Это сколько будет?

— Это... Ого! — изумился ВРИО коменданта, а Дженераль и без него прикинул, что омут-то не округло-восьмимерный, а ромбовидно-девятерной, и не с одним завихрением, а с тремя, и, значит, придется очищать пространство не только от мелких бесов и скандальных русалок, которые элементарно ловятся на свининку, но и от кое-кого почище...

Но вслух Дженераль не сказал об этом, а спросил Бел Амора:

— Что-нибудь чувствуешь особенное?

На что Бел Амор ответил:

— Жрать охота.

— Кушать,— поправил Дженераль.— Что ж, чувство голода — тоже чувство. Это у тебя от опасности... Ну, сиди, сиди, не беспокойся, в обиду не дадим. Скоро тебе обед спустим. А пока... открой консервы.

Дженераль СОС два раза щелкнул пальцами, адъютант вытащил блокнот и спросил:

— Какой обед заказать?

— У него спроси.

— Обед из «Арагви»,— не раздумывая, заказал Бел Амор, вскрывая четвертую банку тушенки.— Ужин из «Славянского базара». Омары. Паюсную икру. Что-нибудь мясное. Пиво. Вино. Водку. И хлеба побольше.

— Сколько именно?

— Баржу.

Адъютант вопросительно взглянул на Дженераль. Тот по-нاتливо кивнул — губа не дура, когда есть возможность пожить за казенный счет.

— Делай, что говорят.

Адъютант записал заказ и придвинул Дженералю складной стульчик. Дженераль уселся, щелкнул серебряным портсигаром, который, раскрывшись, с перезвоном сыграл мелодию Созвездия Козинец, и закурил в ожидании яйцеголовых экспертов (эти ребята никогда никуда не торопятся, чтобы случайно не споткнуться и не повредить тонкую скорлупу своих черепов); арестанты же, безошибочно признав в Дженерале галактического бриг-адмирала, сбились в кучу и на спор отравили самого отчаянного, с гауптвахты не вылезавшего, стрельнуть у адмирала сигаретку. Самый отчаянный несмело приблизился, получил разрешение обратиться и обратился...

В космосе запахло штрафбатом.

ВРИО коменданта сделал страшные глаза, а адъютант криво ухмыльнулся и приготовился записать в блокнот историческое выражение для потомков.

Но Дженераль помедлил, ничего исторического не сказал, зато сделал эпохальный жест: швырнул в наглеца серебряным портсигаром — мол, на, подавись!

Арестанта и след простыл, а портсигар поначалу полетел к черной дыре в загребущие лапы насторожившихся дезертиров... как вдруг его кто-то дернул и потащил в омут. Там портсигар вышел на временную орбиту вокруг баржи с тушенкой, щелкнул Стабилизатора по носу и, сверкнув серебряным боком, отправился в сторону буксира, а Стабилизатор, приоткрыв правый фотоэлемент, пробормотал:

Я пил из чаши бытия...

— Это уже было! — заорали бродяги-двумерки, но Стабилизатор упрямо повторил:

Я пил из чаши бытия
И делал там открытия.

И опять замолк — наверное, навеки.

Дженераль прищурился... ему было жаль именного серебряного портсигара, зато эксперимент получился любопытный: на что клюнул тот, кто живет в омуте? На старинное серебро или на хороший табачок? Сребролюбец он или заядлый курильщик? Или то и другое вместе?

Яйцеголовые эксперты с золотистыми гребешками и шелковистыми бородками из привилегированного Диффузионно-гражданского колледжа не размениваются по мелочам, а выезжают только на директивные вызовы в мягком инкубаторе, прицепив к нему научную лабораторию, походный ресторанчик с замороженными червями и сразу три баржи: первую — с измерительным инструментом, вторую — с гравием для определения гравитационных возмущающих по стародавнему, но до сих пор действенному методу Редрика Шухарта. «Правда, Шухарт пользовался болтами и гайками,— отметил Бел Амор,— но где столько железа напасешься?» Конечно, гравий хорош лишь для измерения пространственно-силовых характеристик, а для распознавания болотной фауны непригоден. На гравий клюют разве что какой-нибудь очень уж изголодавшийся оборотень, зато уважающая себя нечистая сила (та, что попроще) хорошо идет на картошку с тушенкой, хотя и там есть свои гурманы: например, один из подвидов замшелых доходяг ловится исключительно на сырую брюкву; есть вампиры — любители исключительно голубой крови; есть паяды-сладкоежки, которым подавай пьяную черешню с ореховой косточкой на палочке; почти все клюют на золото-серебро и драгоценные камни в любых количествах (хотя попадают и бессребреники, берущие только медь и никелевую мелочь), одни любят махорку, другие любят табак разных сортов, все мастаки выпить, некоторых привлекает тяжелый рок, старые упыри заворуженно поднимаются из глубин под звуки марша лейб-гвардии Измайловского полка, сопливые блатные лешаки бросаются на порнографические открытки, а спулые толстогады — на лазурные фаянсовые унитазы. «Короче,— отметил Бел Амор, каждый любит что-нибудь вкусненькое, по душе, но все ненавидят тухлые яйца и заодно яйцеголовых экспертов из Диффузионно-гражданского колледжа».

Все эти приманки и наживки плюс еще гору всякого нужного барахла эксперты возят на третьей барже. Они народ слабосильный, и пять тысяч арестантов оказались для них весьма кстати — как рабсила на полевых изысканиях. Всем нашлась работка: арестантов расставили на местности в опорных точках по всему периметру — кто торчал с вешками-ма-

яками, кто тягал на горбу теодолиты, а кто ворочал мешки с гравием.

Эксперты никуда не торопились. Омут вызывал у них восхищение своими на редкость классическими очертаниями — четыре сбоку, ваших нет. Работали они, как учили в колледже: семь раз отмерь и начни сначала. Эксперты подрядили дезертиров вместо миллиметровой бумаги и, нанося на них контуры омута, вспоминали, что подобный объект предположительно был описан в некоторых древних легендах (конечно, без необходимых измерений — наука тогда еще не умела). Похоже, рассуждали они, что Данте с Вергилием угодили именно в девятимерный объект... но сейчас уже ни о каком девятимерном пространстве речи быть не могло... то, что Джeneralь СОС принял на глазок за три завихрения, было самым настоящим 10-м (десятым) витком по шкале Римана-Лобачевского, а в пересчете по Данте-Вергилию давно зашкалило.

7

Услышав про десятимерное пространство, Джeneralь СОС даже привстал со стульчика, но усилием воли заставил себя сесть и подозвал адъютанта. Тут же были подняты по тревоге все (все!) фронтовые резервные соединения, вызваны три особых бригады саперов с гравитационными усилителями «ГУСь», а в Центр отправлена секретная правительственная телеграмма с условной фразой:

ПОЛОЖЕНИЕ ХУЖЕ Г.

Легко представить состояние Бел Амора...

Он уже догадывался, что в омуте, похоже, происходит внутренняя реакция нарастания пространства—времени, вызванная неосторожным появлением буксира в фокусе промеж четырех пар зеркальных квазаров, из которых половина фальшивых. Бел Амор начинал понимать, что если он угодил в фокус, то отсюда ему уже не выбраться: его замуруют вместе с буксиром или сожгут, как чумной корабль в средние века.

Бел Амор мог бы, конечно, удрать, когда здесь еще никого не было, но наострить лыжи ему не позволила Честь сотрудника Охраны Среды (будь она неладна).

Дженераль продолжал сидеть на стульчике и тоже готовился к самому худшему. И бродяги-двумерки, и арестанты, и со-вообразные фоторепортеры (один из них уже помчался в свою вечернюю редакцию, оставив утреннего на месте событий), даже ВРИО коменданта, у которого вместо головы фуражка,— все понимали, что следует готовиться к самому худшему. Все всё понимали, кроме экспертов, которым, как известно, чем хуже, тем лучше,— эти яйцеголовые пожиратели фундаментальных знаний весь мир готовы были затащить в сточную канаву пространства—времени вместе с инструментом и подсобными рабочими ради этих самых фундаментальных знаний, от которых у экспертов с наслаждением протухали мозги.

Но вот прибыл и начал выгружаться первый фронт оцепления, за ним — третий, и только потом — второй. Саперы настраивали «ГУСей», комендантская рота уже возводила контрольно-пропускной пункт с утепленной гауптвахтой. Адъютант размножался на глазах (Дженераль давно подыскивал такого — дельного, решительного и способного к реплицированию) — адъютант появлялся одновременно в самых разных местах, размещая вновь прибывшие части: подъезжал очередной товарняк, из теплушки выглядывал пропыленный боевой командующий, беспомощно осматривал всю эту суету вокруг пустого места и бормотал: «Эй... любезный... или кто-нибудь...» — как вдруг перед ним представал бряцающий шпорами адъютант, и все устраивалось наилучшим образом.

Обед из «Арагви» доставили не ахти какой: двойной рубленый шашлык с бутылкой «Кахетинского». Бел Амор уже повязал салфетку и пустил слюну, но тут выяснилось, что обед спускать нельзя до окончательного выяснения пространственных характеристик омута, чтобы на этот шашлык не клюнули те, кто живет там.

Бел Амор сложил салфетку и открыл седьмую банку тушенки. Его подмывало на голодный желудок открыть шлюз и (будь что будет!) выскочить в омут, прихватив с собой самое надежное оружие — силовую монтировку. Возможно, его подбивал на это безумие кто-то темный, сидящий в нем,— но Честь сотрудника Охраны Среды не дремала, да и саперы на «ГУСях» уже трансформировали пространство по времени и обтягивали омут гравитационной колючей изгородью — за-

граждение пока что было хлипкое, в один шов, но без посторонней помощи уже не перемахнуть. Разве что протаранить буксиром.

Идея была заманчива, но Честь — ни в какую!

Вот и сиди в болоте со своей Честью.

8

К вечеру ожидали заключение экспертизы, но яйцеголовые эксперты, храня высокомерное и многозначительное молчание, глядели в свои окуляры и отправляли курьеров с анализами подозрительных завихрений в свою лабораторию за инкубатором.

Новостей никаких, кроме вечерних газет со смазанными фотографиями буксира, торчащего в иллюминаторе кукиша и облаков картошки с консервами (консервы успели сконденсироваться вокруг баржи в виде колец Сатурна; даже у Стабилизатора завелись искусственные спутники, — за ним в орбитальную круговорот увязались черный ящик и пудовый мешок с солью). Тут же следовала информация о том, что баржа с продовольствием села на мель в открытом космосе, что пилот не пострадал, что загублено дорогостоящее позитронное оборудование — имелся в виду Стабилизатор, — а мель, по всей видимости, является зародышем новой галактики. Внизу размещался совсем уже успокоительный редакционный подвал под названием: «Так рождаются галактики».

Никто во Вселенной не взволновался.

Ну, рождаются, и Бог с ними. Главное, пилот не пострадал, а дорогостоящее оборудование спишут.

Бродяги-двумерки приуныли и, накрывшись друг другом, как газетами, улеглись спать возле черной дыры — там было потеплее, хотя можно и угореть. Ужин из «Славянского базара» (черная икра, сибирские пельмени плюс командирские сто грамм от Дженераля) остыл, как и обед из «Арагви». Бел Амор с отвращением съел девятую банку тушенки и тоже улегся спать. Ему приснился какой-то корявый леший, похожий на ВРИО коменданта. Тот кушал беламорский обед и ужин, запивая «Кахетинским». Приснились полчища нечистой силы из детских страхов и бабушкиных сказок... того души, из этого пили кровь...

Страшно...

Бел Амор проснулся и съел десятую банку.

Подумал и открыл одиннадцатую.

Наконец-то к утру яйцеголовые эксперты радостно выдали предварительный диагноз:

«Хуже не бывает!»

Оказывается, Бел Амор угодил в одиннадцатимерный омут высшей категории, где обитают силы, способные, вырвавшись из заточения, первую треть Вселенной уничтожить, вторую треть превратить в груды развалин, а над третьей установить контроль в виде полной тьмы, вечной зимы, уродливых мутаций и абсолютной бесперспективности дальнейшей эволюции в нашем четырехмерном пространстве.

И хотя заключение экспертизы предварительное, нет никаких надежд на контакты с беспокойной, опасной, но все же управляемой фауной десятимерного пространства,— нет сомнений, что придется иметь дело с суперсилами inferнального порядка, целенаправленными по трансцендентальному вектору пространства—времени существами, именуемыми в простонародье «демонами зла», «князями тьмы», «джиннами войны» и тому подобными архаровцами.

Короче, с дьявольщиной.

9

Проснувшись и ничего еще не зная о заключении яйцеголовой экспертизы, Бел Амор обнаружил за колючей изгородью целую батарею осадно-оборонных орудий стратегического резерва — их грозные стволы с релятивистскими отражателями, способные одним залпом дискредитировать дискретную природу сил тяготения центрального ядра любой галактики, были нацелены прямо ему в лоб. Рядом с батареей ВРИО коменданта подсовывал Джeneralю на подпись какую-то хозяйственную декларацию, Джeneralй с неудовольствием поглаживал свои небритые щеки и спрашивал:

— А списать нельзя?

На что ВРИО коменданта суетливо отвечал, что незаметно списать уже не удастся, потому что этим делом заинтересовались газетные щелкоперы...

Бел Амор догадался, что ВРИО коменданта решил отыгаться и выставить ему счет на стоимость дорогостоящего оборудования, хотя всем было понятно, что робот Стабилизатор давно исчерпал свой жизненный ресурс и окупил затраченный на него миллиард золотом.

— Ты вот что... — сказал Дженераль, обнаружив, что Бел Амор проснулся. — Ты не обижайся, но на всякий случай не вздумай выходить из буксира. Иначе, сам понимаешь...

Бел Амор еще раз понял, что из-за своей Чести окончательно упустил момент... пока он зевал в этой луже, успокоенный тем, что «в обиду его не дадут», прибыла правительственная комиссия и уже заседала в походном надувном шатре на двести персон с залом для конференций, парной, бильярдной и всеми удобствами; из шатра валил дым от пенковых трубок и дешевых сигарет.

Решалась его судьба.

«Еще как дадут», — подумал Бел Амор.

ВРИО коменданта продолжал что-то доказывать. Дженераль еще раз потер небритые щеки, пробормотал: «Ну, придумай что-нибудь... и доложи» и отправился на заседание, а ВРИО коменданта, оставшись без начальственного присмотра, вдруг почувствовал свою самостоятельность и стал «что-нибудь придумывать» — да так, что у него под фуражкой зашевелилась кольцообразная структура.

Он огляделся по сторонам (Бел Амора он как бы не замечал), разыскивая достойное поле деятельности, чтобы скрутить хоть кого-нибудь в бараний рог... Конечно, он мог бы заставить арестантиков чистить сапожными щетками пространство от силового забора до самого вечера или выстроить комендантскую роту в боевое каре перед правительственным шатром в качестве почетного караула и петь «Храни, судьба, правительственную комиссию», но ему давно надоели и рота, и арестанты, а с двумерками он уже не решался связываться из-за черных ртов... ему хотелось чего-нибудь этакого...

И его раздумчивый взгляд наконец обнаружил зевающего утреннего корреспондента — тот, в ожидании своего вечернего сменщика по новостям, просматривал негативы с изображением членов правительственной комиссии (кого только не было в этой толпе специалистов по всем отраслям знаний!).

«Вот он! — воскликнул про себя ВРИО коменданта. — Вот оно, средство массовой информации! Бумагомаратель... вот этот... который... когда высочайшая правительственная комиссия занята спасением Вселенной... занимается тут черт знает чем!»

Если бы ВРИО коменданта имел привычку думать не спеша, то через пять минут он захватил бы ненавистных ему бумагомарателей ровно вдвое больше — и утреннего, и вечернего, но ВРИО поспешно приказал:

— Арестовать этого... И на «губу», на «губу», на «губу» его! Пусть посидит пока, сделает там стенгазету... потом посмотрим. И охранять так, чтоб смотреть у меня!

(Если бы ВРИО коменданта имел привычку думать, то, как говорилось, он был бы уже Комендантом.)

Первыми в подобных экстремальных обстоятельствах (да еще один на один с бурбонообразной колодой) страдают представители гласности — работа такая. Утреннего корреспондента поймали в силки и, как тот не трепыхался и не протестовал, заточили в подвал контрольно-пропускного пункта, но не успели закрыть на замок, как появился вечерний. Друзья сыграли с ВРИО коменданта злую шутку — охрана, узрев вечернего корреспондента на свободе, решила, что сбежал утренний. Все погнались за вечерним, а утренний спокойно выпорхнул из подвала, заснял инцидент ареста своего ничего не подозревающего коллеги и дал деру, сочиняя на ходу язвительнейший фельетон в «Утренние новости», где высказывал всю ненависть существа свободной профессии ко всем временно исполняющим обязанности сундукам и колодам. В этом же фельетоне утренний корреспондент излагал информацию об одиннадцатимерном пространстве, которую почерпнул из бесед с бродягами и арестантами. Получалось: дело — труба.

Так что пока правительственная комиссия заседала, в шатер доставили утренние газеты всех миров и направлений с громадными шапками:

«КУДА СМОТРИТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КОМИССИЯ?»

В средствах массовой информации уже не шла речь о зарождении галактик в подпространственных мелях и омутах на

благо сельского хозяйства — передовые статьи были посвящены спонтанно возникающей нечистой силе в образе ВРИО коменданта с подточенной червями кольцеобразной структурой вместо мозговых извилин. Вопрос ставился на попа ребром: до каких пор судьба Вселенной будет зависеть от таких вот штабс-тыловых пней и когда наконец мы научимся думать?

И много других обидных для правительственной комиссии намеков.

Бродяги-двумерки, подкрепившись с утра ошметками картошки, которую они подрядились всю ночь чистить для фронтовой полевой кухни, пришли в хорошее настроение, сбегали к саперам за красной краской (саперы, в свою очередь, украли краску у экспертов, метивших ею одиночные мохнатые бозоны, вылетающие из галлюцинаторного квазара, куда медленно дрейфовала баржа с консервами и со Стабилизатором, вокруг которого в виде спутника вращался пуд соли...), так вот, раздобыв краску, двумерки бросили жребий, растянули и прибили гвоздиками одного из своих товарищей на подрамнике и написали на нем корявый лозунг:

• «СВОБОДУ ВЕЧЕРНЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ!»

А тот, на ком писали, извивался и хихикал от щекотки.

10

И в самом деле, куда же смотрела правительственная комиссия?

Она смотрела сначала в газеты, а потом на ВРИО коменданта, вызванного в шатер для объяснений.

Светало.

Бел Амор зевал в омуте вторые сутки. Яйцеголовые, закончив читать заключение и паскоро перекусив морожеными червяками, собирались перейти к рекомендациям «По предотвращению...», а правительственная комиссия, вконец запутавшись в утренне-вечерних новостях, рекомендациях и особых мнениях, расслабилась и сурово взирала на ВРИО коменданта... какое-никакое, а развлечение.

Душитель свободы печати ничего не мог объяснить. Он заблудился в трех придаточных предложениях (в «что», «где»

и «который»), с надеждой взглянул на Дженераля, сидевшего рядом с председателем, и пустил смолистую слезу, предчувствуя понижение в должности,— в самом деле, как объяснить, почему он посадил на армейскую гауптвахту ни в чем не повинного человека... то бишь, сообразного фоторепортера? Председатель правительственной комиссии (министр окружающей среды — хороший, но вспыльчивый одноглазый мужик из семейства разумных мотоциклов, у которых вместо крови бензин, а вместо сердца пламенный мотор), оглядев ВРИО коменданта и убедившись, что тот соответствует характеристике, завелся с пол-оборота и чуть не взорвался — его вывели из шатра в открытый космос и под улюлюканье бродяг-двумерков с трудом отдышали двумя подушками с углекислым газом.

Про ВРИО коменданта в этой суматохе забыли, понижение его в должности отложили на потом, но нет худа без добра: Дженераль СОС приказал освободить вечернего корреспондента, а правительственная комиссия наконец решила, что под угрозой «абсолютной бесперспективности дальнейшей эволюции Вселенной» надо дать высказаться не только специалистам... Мозговой штурм! Пусть все говорят, что хотят,— может быть, подвернется что-то дельное.

11

Тут такое началось!

Бел Амор едва успевал вертеть головой.

Во-первых, тревожное сообщение передали по всем информационным каналам — в захолустьях даже воспользовались фельдъегерями и конной почтой, а неграмотным пахарям-телепатам из двумерного подпространства разъясняли барабанным боем.

Во-вторых, вступили в силу чрезвычайные законы насильственного перемирия — объявлялся мораторий на испытание и использование всех видов оружия, а воюющим цивилизациям предлагалось прекратить боевые действия на неопределенный срок: «потом додеретесь». Две мелкие зеркальные галактики Седьмитов и Антиседьмитов как всегда на всех начхали и продолжили было свой перманентный свифтовский конфликт (первые утверждали, что Большой Взрыв произошел на

седьмой день после коллапса предыдущей Вселенной; вторые — что в любой другой день, но только не в воскресенье), но их быстро привели в чувство.

В-третьих, была объявлена всеобщая мобилизация граждан строительных специальностей, в особенности плотников-формовщиков по укладке сферы Дайсона. Тачек и лопат на всех не хватило, но добровольцев обеспечивали в первую очередь.

В-четвертых, был приглашен медицинский консилиум, и академические светила извели Бел Амора какими-то каверзными вопросами фрейдистского толка — он сначала решил, что эти старикашки поголовно сексуально озабочены, а потом догадался, что они интересуются его потенциальными способностями, боясь, как бы тот, кто сидит в омуте, этими способностями не воспользовался — не хватало еще иметь дело с инфернальными суперсилами в образе сексуальных маньяков!

Консилиум очень надеялся обнаружить у Бел Амора этой самой потенции поменьше...

Зря надеялись!

Бел Амор наплел им с три короба о четырех своих женах и любовных похождениях, и перепуганные академики, приняв все за чистую монету и смутно вспомнив свою собственную молодость, тут же перенесли консилиум в шатер. Лишь один из них, не задававший глупых вопросов, в шатер не пошел, а что-то сказал Джeneralю на ухо. Это был небезызвестный во Вселенной знахарь Грубиан из 8-го отделения районной Беловежской лечебницы — кстати, соплеменник ВРИО коменданта: та же кольцевая структура вместо мозговых извилин, но вместо фуражки — пожелтевшая крона. Зато сколько внутреннего достоинства, интеллекта и угрюмой силы воли проглядывало из его дула! Именно за эти качества знахарь Грубиан недавно не был избран в состав Академии Медицинских Наук... не стал он и членом-корреспондентом, и потому Джeneralь СОС возлагал на знахаря особые надежды.

Знахарь Грубиан попросил Джeneralя отправить кого-нибудь в поликлинику Охраны Среды за историей болезней Бел Амора, особенно детских, а сам приблизился к границе омута и задал простой и мудрый вопрос, который никому из академических светил никогда в голову не пришел бы, а именно:

— Стул у тебя когда был?

— Стул на буксире не положен,— ответил Бел Амор, разваливаясь в кресле и пожирая очередную банку тушенки.

— Я спрашиваю, когда в последний раз...— еще грубее пояснил знахарь Грубиан.

(Это был настоящий врач и, когда надо, называл вещи своими именами.)

Выяснилось, что Бел Амор уже третьи сутки не имеет этого самого стула, хотя перед вылетом плотно пообедал, а в омуте съел уже двадцать одну банку тушенки по 3 кг каждая, а сейчас уписывает двадцать вторую... явный перебор.

Может быть, тушенка его любимое блюдо?

— Ненавижу,— ответил Бел Амор с набитым ртом. Подумал и добавил: — Без хлеба.

И открыл двадцать третью банку.

— Он и раньше не отличался плохим аппетитом, но не в таком же количестве...— шепнул Джeneralь знахарю Грубиану, но в это время вернулся из поликлиники адъютант, а знахарь Грубиан вставил в дупло монокль и принялся листать историю болезней, но не смог разобрать латинские каракули врача, лечившего Бел Амора в детстве. Лишь подпись была разборчива: «Д-р Велимир Зодиак».

Дженераль тут же приказал адъютанту найти и доставить сюда этого д-ра Велимира Зодиака — если спит, то разбудить, если умер — то пойти на могилку и удостовериться лично.

— С цветами! — потребовал Бел Амор.

Он любил своего детского врача с тех пор, когда сопливым пацаном удрал из родительского дома на матч смерти между «Гончими псами» и «Спортивным клубом Охраны Среды» (тогда еще за «СКОС» играл правым защитником рыжий Тиберий Попович) и когда детский врач Велимир Зодиак всадил орущему благим матом Бел Амору противостолбнячный укол за то, что тот, перелезая через силовую ограду, зацепился штанами за ржавый гвоздь, повис и чуть было не реплицировался.

Жаль, хороший был старикан.

12

В ожидании детского врача Бел Амора оставили в покое — если, конечно, можно оставаться в покое под прицелом ору-

дий стратегического резерва, когда никому до твоей судьбы дела нет: на подходе новая армия кораблей спецназа, саперы сушат портянки прямо на «ГУСях», арестанты и бродяги-дву-мерки дуреют от безделья, солдаты длинными колоннами шагают в баню, а в вахтовых строительных бригадах, которые привезли и бросили, уже назревает стихийная забастовка.

Кому ты нужен?

В шатре правительственная комиссия продолжает заслушивать рекомендации экспертов — они водят указками по живой миллиметровке, а та пищит; рядом в пресс-центре министр ГОП (Галактической Охраны Среды), осторожно выжимая сцепление, проводит пресс-конференцию для толпы собственных корреспондентов всевозможных средств массовой информации (от либерального «Штерна», политкаторжной «Химии и жизни» и масонского «Столяроффа» до детских «Плэйбоя», «Юного натуралиста» и «Уральского следопыта» — два последних прислали корреспондентом совсем еще юного мальчика — на лацкане у него два красненьких ромбика-поплавка об отличном окончании философского и физикоматематического факультетов Барнаульского университета, в кармане обыкновенная рогатка; он сосет леденцы, а мамаша вытирает своему вундеркинду нос).

Бел Амор послушал-послушал эту бодягу, открыл очередную банку тушенки и, голодный и оскорбленный, принялся сочинять рапорт по начальству с изложением всего, что он о начальстве думает, и с требованием выпустить его отсюда. Краем уха он прислушивался к вопросам корреспондентов и к ответам министра Окружающей Среды.

ВОПРОС КОРРЕСПОНДЕНТА «ЮНОГО НАТУРАЛИСТА» И «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»:

— Осознает ли правительственная комиссия, что любая экспертиза таит в себе возможность ошибки из-за того, что все специалисты подобны флюсу — надуты и скособолены на одну сторону, тем более что графические изображения одиннадцатимерного пространства до сих пор весьма условны и что на миллиметровой бумаге можно рисовать и доказывать все, что угодно?

ОТВЕТ МИНИСТРА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ:

— Кто впустил сюда этого мальчика? Уберите его и всыпьте ему хорошенько!

(Мальчик угрожает вывести яйцеголовых экспертов на чистую воду, ВРИО коменданта начинает ловить мальчишку, но получает от его мамы оплеуху под одобрительные аплодисменты корреспондентов — пусть скажет «спасибо», что мальчишка не воспользовался рогаткой.)

ВОПРОС КОРРЕСПОНДЕНТА «ХИМИИ И ЖИЗНИ»:

— Почему до сих пор не освобожден из застенка корреспондент «Вечерних новостей»? Применялись ли к нему пытки в жандармерии? Если нет, то почему? Если да, то нельзя ли сообщить подробности для наших читателей?

ОТВЕТ МИНИСТРА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ:

— Корреспондент «Вечерних новостей», пишущий в соавторстве с корреспондентом «Утренних новостей», был задержан по недоразумению и по вине одного должностного лица, но пыткам не подвергался... разве что схлопотал по морде за нецензурную брань при заламывании ему крыльев в адрес вышеуказанного лица, виновного в нарушении демократических гарантий. В результате у корреспондента возник перекокс внутренней перегородки клюва, а также была нарушена электронная защелка диафрагмы. Пострадавшему будет возмещен ущерб... ему вместе с соавтором уже разрешено издавать собственную газету под названием «Св. Новостя»... уж не знаю, как расшифровать это «Св.»: святые, светские или свежие! Виновное лицо строго наказано, корреспондентов отпущено, но...

ВОПРОС:

— Но?

ОТВЕТ:

— ...но дело в том, что вечерний корреспондент САМ не желает покинуть временную гауптвахту (но никак не жандармерию), где ему так понравилось и где он уже пишет документально-публицистическую повесть о том, как он стал свидетелем светопреставления. Вышвырнуть его с «губы»? Но подобный факт подавления творческого процесса станет еще большим нарушением демократии.

Услыхав про «документально-публицистическую повесть», корреспонденты форменным образом взвыли, и пресс-кон-

ференция была прервана — все бросились к гауптвахте договариваться с новоиспеченными «Св. Новостями» о закупке на корню документального бестселлера, но их уже поджидала подкупленная утренним корреспондентом за ящик водки и три пачки чернослива гарнизонная рота с примкнутыми штыками и тяжелыми прикладами, а сам утренний корреспондент еще вчера договорился через решетку с вечерним и, прикинув возможности трансформации документального бестселлера в роман, киносценарий, трагедию в стихах и цирковое представление, как раз в этот момент, щелкая кедровые орешки за тысячу световых лет отсюда в кабинете издательства «Фикшен», еще раз перечитал издательский контракт и вписал в него пункт «Дабл'ю»:

«В случае светопрествавления, равно и другого стихийного бедствия, издательство «Фикшен» обязуется выплатить гонорар полностью».

В общем, «Св. Новостя» были большими оптимистами, надеясь подзаработать на светопрествавлении, потому что даже темные пахари-телепаты, ковыряющие мотыгами подпространство, понимали, что дело пахнет керосином, хотя ни они, ни корреспонденты, как и подавляющее большинство населения Вселенной, в теоретической физике не разбирались — даже примитивный эйнштейновский эффект двух близнецов или школярский процесс коллапсирования звезды в черную дыру были для них китайской грамотой.

«Где уж им рассуждать о казуистической природе зеркальных квазаров», — свысока думал Бел Амор, наблюдая за осадой гарнизонной гауптвахты корреспондентами.

Нельзя сказать, чтобы Бел Амор очень уж разбирался в теоретической физике, но худо-бедно он все же мог рассчитать обратную траекторию сноса по времени при неподвижном пространстве-нуль — так называемый «парадокс торможения», когда, хоть вывернись наизнанку, энергия (E) испаряется прямо пропорционально возрастанию массы (M), которая (масса) не может и не хочет существовать по-старому, а C^2 (це квадрат) остается прекраснотушным призывом к ускорению, потому что никто не чешется, — так что рассчитать гиперболическую траекторию возвращения с небес на землю в условиях застойного времени по формуле $E = MC^2$ Бел

Амор умел, а значит, не таким уж он был олухом царя небесного, как обычно изображают в киносценариях сотрудников СОС... уметь спуститься с небес на землю — это что-то да значит, и в Службе Охране Среды чему-то да учат.

То-то.

14

День клонился к вечеру.

Свежие газеты опубликовали популярные статьи об одиннадцатимерном пространстве в расчете на среднегалактического обывателя — мол, здравомыслящим гражданам не следует принимать на веру персонифицированных «демонов зла». Ни в одном зоопарке такие звери не водятся, а джинна войны не следует представлять таким злобным старикашкой в чалме. Другое дело, что одиннадцатимерный омут может послужить детонатором для ценной реакции свертывания нашего старого доброго четырехмерного пространства, и, чтобы этого не произошло, всем гражданам следует повесить, ускорить, строго соблюдать, быть начеку и давать побольше на-гора, а о строительстве сферы Дайсона и обо всем остальном позаботятся видные специалисты из правительственной комиссии — в общем, средства массовой информации доступны словами пытались успокоить публику, но она, дура, отлично ориентируясь в подтексте подстрочного подпространства, в особенности услышав про сферу Дайсона и про «видных специалистов» (а кто и когда их видел?!), тут же сообразила, что дело пахнет гражданскими лишениями, и в течение суток домохозяйки из цивилизаций преклонного возраста расхватывали сапоги, соль, сахар, спички, теплую одежду; потом принялись сушить сухари. Столичные студенты забросили учебу и (однова живем!) отчаянно занялись сексом; а более провинциальная и себе на уме молодежь, для которой что конец света, что прозябание на нефтеносных районах Радужного Кольца, добровольно записывалась на строительство сферы Дайсона, рассчитывая все же сделать карьеру или хотя бы получить квартиру до светопреставления — что, конечно, было нереально. Ехали кто с женой, кто с мужем, кто с невестой, кто с детьми, кто сам по себе, везя свой нехитрый скарб: старую молочную цистерну, наполненную самогоном, коровуш-

ку, утепленный балок на фотонной тяге с греющим чайником, крупу-соль для супа, рулоны рубероида, ложки-вилки-посуду, любимую книгу.

Наступил вечер по среднегалактическому, наименее искривленному, вселенскому меридиану. Стабилизатор приоткрыл фотоэлементы и с надрывом произнес:

Я пил из чаши бытия...

— Было! — опять заорали бродяги.

Стабилизатор упрямо повторил:

Я пил из чаши бытия
До самого закрытия.

— Ну как? — с жалостью спросил его Бел Амор.

— Девяносто восемь, — пробормотал Стабилизатор.

— Чего «девяносто восемь»? — удивился Бел Амор и попался.

— А чего «ну как», — горестно вздохнул Стабилизатор и опять прикрыл фотоэлементы.

15

В хорическом запространстве невидимо взошла Красная Массандра, вечный спутник нашей Вселенной.

Приветствуя ее появление, радостно заржал в дециметровом диапазоне худющий сивый мерин, выпущенный на волю хозяевами-переселенцами пинком в зад, — мерин брел на все четыре стороны, как этот текст, звякая колокольчиком и цоккая подковами, подслепогато обходя гравитационные колдобины и не чуя впереди безжалостного вжикания пожиков, востримых сидящими в засаде дезертирами, учуявшими дармовую кошину. Сивый мерин вспомнил себя жеребенком, потерял бдительность, и спустили бы с него шкуру на барабан, кабы не спасла его от неминуемой гибели патрульная «ОСа», промчавшаяся мимо, сверкая мощным брайдером, и спугнувшая разбойников.

Это неуловимый адъютант эскортировал к омуту детского врача Велимира Зодиака с неразлучным «Календарем Нечистой Силы» под мышкой и с букетиком фиалок на собственную могилку, которые (фиалки) адъютант, не торгуясь, купил

у перекупищицы, торговавшей прямо на перекладине Южного Креста,— старуха перед светопреставлением совсем сказала и драла за фиалки три шкуры. Адъютант уже не надеялся застать столетнего старичка в живых, но все же разыскал его (еще живущим) в жутком захолустном созвездии Лесного Массива, с помощью дворника поднял его с постели, преподнес фиалки, помог одеться, завязал ему шнурки на ботинках и помчал напрямик по бездорожью под мерзким, но не очень опасным дождем асфальто-бетонных частиц, раскрыв над ним зонтик.

Старик был очень недоволен (ворчал, что Бога, как всегда, нет и что со времен чеховских земских врачей ничего в мире не изменилось), но, обнаружив Бел Амора в таком пиковом состоянии и узнав о возможном приближении конца света, воспрянул духом и сменил свое скверное настроение к лучшему.

— А стул у него был? — первым делом поинтересовался доктор Зодиак и этим вопросом сразу же расположил к себе скептического знахаря Грубиана.

— Не пойдем, что с ним стряслось! — доверительно кричал Дженераль детскому врачу в слуховой аппарат.— Всегда был рассудителен и уравновешен, а сейчас хамит, качает права и бросается на людей... не хочу подозревать самого худшего, но взгляните на этот ультиматум... «Буду сотрудничать с правительственной комиссией при условии награждения меня орденом Шарового Скопления 1-й степени...» Требуется персональный звездолет, ресторанную жратву, баржу с хлебом, головизор последней марки, необитаемую планету, назвавшую в свою честь, какую-то «пожизненную ренту»... Что это означает — «пожизненная рента»?

— В детстве он был не таким,— доктор Зодиак укоризненно погрозил Бел Амору пальцем и принялся разбирать свой латинский почерк полувековой давности.

Какие-то прививки... от туберкулеза, оспы, СПИДа и венерической чумки... В раннем детстве ветрянки, потом этот случай с оградой и противостолбнячным уколом... В отрочестве болезнь Боткина, которую Бел Амор подцепил на каникулах, исследуя заброшенные лабиринты Плутона... Рост-вес... никаких отклонений от нормы.

Академический консилиум изучал в это время личное дело и анкетную биографию Бел Амора.

С наследственностью у него, вроде бы, все в порядке. Мальчик рос и воспитывался в простой интеллигентной семье, каких миллиарды. Его отец — талантливый инженер-путеец Дель Амор-ака, мать — Любовь Тимофеевна Амор-Севрюгина, учительница начальной школы. Когда Бел Амору исполнилось двенадцать лет, родители забрали его вместе с бабушкой Галиной Васильевной Севрюгиной на один из островов Галактики Устричного Архипелага, где на протяжении четырех галактических лет вели просветительную работу среди местного племени оборваров, — мать преподавала детишкам линкос и русский язык, космографию и интегральное дифференцирование, а отец прокладывал дороги и ненавязчиво подсовывал аборигенам идею паровой колесницы, ненароком забывая чертежи паровоза на своем рабочем столе. В редкие часы досуга Дель Амор-ака отдавался любимому увлечению: надевал шаровары и ходил по проводам высокого напряжения между опорами линий электропередач, чем окончательно покорил сердца местного населения.

Но потом случилось непредвиденное: племенной колдун Марьяжный Бубен (в общем-то добродушный монстр-оборвар, выходец из Шестимерного Бескозырья) воспылал страстью к бабушке Галине Васильевне, стал неумело свататься, подсылая аборигенов с золотыми безделушками и обещая бабушке зеленую жизнь плюс четыре гарантированные взятки на Семерных Вистах. Дело кончилось тем, что, получив гарбуз вместо расшитых рушников, в припадке эпилептического исступления несчастный влюбленный отважился на самоубийство: собрал в кулак остатки своих inferнальных способностей и, корчась в агонии, вызвал на себя схлопывание пространства — сам погиб, но Устричный Архипелаг навсегда затворил свои створки и ушел на Дно.

Правда, в последний момент бабушку с внуком успели эвакуировать; Галина Васильевна вскоре скончалась в светлом уме и в ясной памяти, отправив внука в профтехучилище СОС (Бел Амору к тому времени исполнилось шестнадцать

лет, учиться он не хотел, сбежал, пошел по Миру, потом по Наклонной Плоскости, связался с бесами — по это отдельная история). Возможно, родители Бел Амора до сих пор живы, но связи с ними нет никакой — перестукиваться через свернутое подпространство так накладно, что ни одна правительственная комиссия не даст разрешения потратить целых полторы тысячи эмцеквадратов на поздравление с Новым годом или с Днем ангела.

Значит, пиши пропало.

О дедушке Бел Амора по материнской линии Тимофее Аскольдовиче Севрюгине мало что известно. Дедушка любил говорить: «Человечество смеется над своим прошлым? Значит, пусть человечество смеется». Известно также, что за эти смехуечки деда раскурочили в эпоху Курортизации и отправили по этапу на Черноморское побережье Кавказа — это событие произошло за восемь лет до принятия Закона о Всеобщем и Принудительном Курортном Обеспечении.

О предках-канатоходцах по отцовской линии никаких сведений не сохранилось.

Короче, академические светила, как и предполагал Джeneral СООС, показали свою полную несостоятельность: вместо функций медицинского консилиума они по привычке взяли на себя обязанности контрольно-ревизионной комиссии и военного трибунала... а как еще доказать, что пациент симулирует? Они забрались в дебри служебных анкет и характеристик с целью вывести Бел Амора на чистую воду и окончательно сгинули в этих бюрократических джунглях — лишь иногда на опушку выглядывала чья-нибудь козлиная борода, стригла ушами, трясла обломанными и пожелтевшими рожками, делала пару жадных затяжек и опять исчезала в шатер перелистывать раздвоенным копытом страницы гроссбухов, выискивая между ведомостью о количестве выданных Бел Амору подштабников и сведениями о его боевых вылетах времен Конфликта у Фанерной Гряды компрометирующий материал, вроде объяснительной записки о невыходе на работу по причине драки в присутственном месте с каким-то пьяным ежиком, в результате чего обоих загребли в каталажку.

Кто из нас не без греха, пусть бросит в консилиум камень. Впрочем, на это святое дело не хватит и целой баржи с гравием.

Так вот, пока медицинский консилиум перебирал грязное белье Бел Амора, наступила третья ночь великого сидения в омуте — ночь, слегка подернутая дымками от остывавших полевых кухонь с запахом гречневой каши и настоящими котлетами — армию кормили на убой, как перед наступлением. Омут уже успели в три ряда опутать колючей проволокой и выставили оцепление до самого терминала. Мало кто спал в эту ночь: часовые перекликались, корреспонденты резались в карты, ВРЙО коменданта в злобе и сдуру загнал в тупик и перемешал там товарняк с бревнами и баржу с пшеницей.

Доктор же Зодиак и знахарь Грубиан по рекомендации Дженераля СОС были вызваны в шатер и сейчас объясняли правительственной комиссии, что, если судить по «Большой Энциклопедии Нечистой Силы» (БЭНС), в пилота Бел Амора вселился крупный Бес Эгоцентризма (БЭНС, издательство «Фикшен», 3987 г., стр. 666):

«Бес Эгоцентризма (БЭ) — главенствующий в иерархии обитателей одиннадцатимерного пространства. Является олицетворением ползучего мироощущения типа «моя хата с краю» и «своя рубашка ближе к телу». Ленив, неподъемен. Изучен плохо. Случаи отлова БЭ в единичных экземплярах зарегистрированы на ускорителе бозонов с кривым спином в 10-мерной Скважине Радужного Кольца. Фотографии не получились. Шкура и внутренности не сохранились. Почти полный скелет (череп украден) с вросшими золотыми украшениями выставлен в Музее Галактической Палеонтологии. Более деятельные разновидности: Бес Обогащения (БО) и Бес Тщеславия (БТ) — являются важной составной частью гипотетических Демонов Зла (ДЗ)».

— Впрочем, — объяснял доктор Зодиак, — вульгарная классификация фауны разномерных пространств по видам, родам и семействам годится разве что для снулых лекторов из общества «Обозналис» — и то на лекциях в детском саду, когда на вопрос «Кто такой Кашей Бессмертный?» начинают нудно объяснять явление репликации генов в девятимерном пространстве, где на самом деле обитают организмы, от усталости генов уже ни к чему, кроме бессмертия, не приспособленные.

— В действительности,— продолжал знахарь Грубиан,— эволюция в многомерных пространствах идет по особому пути, игнорируя как естественный отбор мистера Дарвина, так и мутации господина Вейсмана-Моргана,— этот особый путь эволюции носит вероятностно-обещательный характер («авось что-нибудь получится»), используя бронебойную силу частиц живого вещества товарища Лепешинской,— она (не Лепешинская, а эволюция) причудливо скрещивает в различных подпространствах и запредельях черт знает что хрен знает с кем — там вполне возможны развесистая клюква на березе, бегающие носы, взбесившиеся стулья и избушки на курьих ножках.

— Так что классифицировать духов, привидения и галлюцинации абсолютно бессмысленно, потому что их изменчивость не может быть зафиксирована в одной точке,— поддержал коллегу доктор Зодиак.

— А «Календарь Нечистой Силы»? — спросил Джeneralь СОС.

— Все врут календари,— безнадежно покачал осенней пожелтевшей кроной знахарь Грубиан.

— А если вообще обойтись без чертовщины? — с надеждой спросил Министр ГОП, но доктор Зодиак терпеливо начал разъяснять, что дело не в названиях, не в том, как называть (хоть горшком назови) ирреальные силы, будто бы изменившие психику Бел Амора (хамить и качать права мы все умеем без участия всяких там бесов — эка невидаль!), но дело в реальных фактах: пациент четвертые сутки не имеет стула, и неизвестно, в какую такую прорву провалились тридцать восемь... нет, уже тридцать девять банок консервов по три килограмма в каждой...

— Умножим...— говорил доктор Зодиак.— И спросим: куда подевалось больше центнера розовой нежирной свинины, если вес пациента остался на уровне предполетного? Этот медицинский факт противоречит всем известным законам природы и свойствам растяжения желудка. Если где-то убавится, то где-нибудь прибавится, а тут — куда что подевалось?

— Весь шоколадный НЗ он тоже сожрал,— вздыхал Джeneralь СОС.

— Напрашивается диагноз,— подсказывал кто-то из медицинского консилиума.— Пилот Бел Amor угодил-таки в фокус

и сейчас уже не является пилотом Бел Амором в прежнем смысле слова, а представляет собой социально опасное существо с измененными, раздвоенными и выбитыми генами, а попросту оборотня с чуждой психикой, враждебными намерениями и таинственной структурой желудка. К такому пациенту пужно относиться соответственно: то есть еще надо доказать, что он пилот Бел Амор, что он пациент и что его пужно лечить.

18

Услышав про себя такое, Бел Амор так разбушевался, что радисты СОС прикрутили звук у черного ящика, куда записывался малейший шорох из омота, а знахарь Грубиан заявил, что, конечно, гласность в медицине дело деликатное, но сейчас пусть пациент узнает всю голую правду и заглянет в себя поглубже,— а тот, кто сидит в нем, пусть тоже знает, что он обнаружен и выведен на чистую воду, и пусть лучше оставит пациента в покое, потому что, прикрываясь Бел Амором, из омота ему все равно не выбраться. И знахарь Грубиан закончил ультиматумом:

— Пусть выбрасывает белый флаг!

— А ты не пугай, не пугай,— отвечал Бел Амор, и врачам было неясно, ответил ли это Бел Амор или тот, кто сидел в нем.

Зато все ясно было медицинскому консилиуму и яйцеголовым экспертам. Их доклады наконец-то приблизились к концу: эксперты рекомендовали правительственной комиссии немедленную эвакуацию близлежащих галактик и строительство вокруг омота двойной сферы Дайсона с прокладкой из риголита и стекловолокна и с отводом внутреннего тепла в запространство; а медицинский консилиум, который никогда лечить не собирался, предложил пожизненно заточить Бел Амора в омоте, где так кстати образовался склад с продовольствием.

— Можно будет предоставить пациенту и другие необходимые удобства,— разрешили они.— Можно даже назвать планету в его честь.

Бел Амор лишился дара речи.

Даже правительственная комиссия смутилась, даже бродяги были шокированы... но эксперты и медицинский консилиум стояли на своем: или спасение Вселенной, или спасение Бел Амора, третьего не дано.

— Что дороже,— спрашивали они,— жизнь целой Вселенной или жизнь одного человека с сомнительной к тому же репутацией?

Даже выдавшие виды средства массовой информации так удивились, что забросили преферанс и примчались решать проблему:

«ЧЕЛОВЕК ИЛИ ВСЕЛЕННАЯ?»

Проблема со всех четырех сторон выглядела надуманной. Во-первых, доказывали корреспонденты, людей во Вселенной, как собак перезаных. Во-вторых, негуманоидных Братьев по Разуму на два порядка больше (примерно как собак перезаных в квадрате). В-третьих, каждый день цивилизации рождаются, живут и умирают, а тут какой-то человечешко — пусть даже сотрудник Службы Охраны Среды, пусть даже его жалко — по знак равенства, а тем более разделительный союз «или» между человечешкой и Вселенной недопустимы.

ИХ МНОГО, А ОНА ОДНА, И НЕЧЕГО РАЗДУВАТЬ ЭТУ ПРОБЛЕМУ АРШИННЫМИ БУКВАМИ!

Так выразился корреспондент журнала «Столяррофф», никогда не державший в руках кирки или рубанка, но имевший свой интерес к проблеме (он представлял тайное общество плотников-бетонщиков — этим очень хотелось получить выгодный правительственный заказ на строительство двойной сферы Дайсона с Бел Амором внутри: сорвать солидный куш, замуровать, обложить стекловолокном, а уже потом жалеть и поклоняться).

Дженераль СОС тяжело задумался и полез в карман за портсигаром, но с досадой вспомнил, как самолично забросил портсигар в омут. Адъютант услужливо подал ему сигаретку и уже щелкнул зажигалкой, как вдруг из шатра послышался голос того самого мальчика, которого недавно выгнали с пресс-конференции — теперь этот голос звучал на заседании правительственной комиссии.

Откуда берутся гениальные мальчики?

Ну, трудно сказать...

Во всяком случае, это был наш, наш мальчик — из кромапийцев, а не какое-то там инопланетное рыло, наш быстрый разумом Платон Невтонов, юный пионер, корреспондент сразу двух журналов — «Юный натуралист» и «Уральский следопыт», с двумя поплатками Барнаульского университета. Когда его выгнали с пресс-конференции, он пробрался на заседание правительственной комиссии, сидел тихо, как мышь, вникая в яйцеголовые доказательства и изредка иронически улыбаясь. Потом он поднял руку и долго держал ее, как примерный ученик, ожидая, пока его вызовут. Уже нельзя точно установить, кто дал ему слово, — похоже, его мамаша хлопотала в кулуарах. Речь ее сына, длившуюся всю ночь, здесь невозможно привести полностью (желающих отсылаем в Главный Архив Охраны Среды, хотя без допуска туда не пропустят). Вот эта речь в кратком изложении:

— Уважаемая правительственная комиссия! — произнес мальчик и взял в левую руку мелок (он, как истинный гений, был левшой), а в правую — мокрую тряпку.

И чем дальше мальчик говорил, тем выше поднимались волосы, шерсть, гребешки, хохолки, лепестки на головах членов правительственной комиссии.

И было от чего: его система доказательств оказалась величайшим научным открытием, к которому с допотопных времен Большого Взрыва стремились все Братья по Разуму. Имя этого мальчика до сих пор держится в секрете, чтобы не произносить его всуе и не накликать беду. Свое суперфундаментальное открытие, отпечатанное в виде доклада в одном экземпляре, он подписал девичьей фамилией своей мамы, при получении паспорта сам попросил сменить свое имя, отчество и фамилию, а потом всю жизнь, боясь собственной тени, скрывался под разными псевдонимами и ничего уже не открывал, кроме душеспасительных книжонок, потеряв к науке всякий интерес; и некоторые фомы-неверующие даже спрашивали: а что же мальчик? а был ли мальчик? Был, был, да сплыл.

— Уважаемые яйцеголовые эксперты! — сказал этот новоявленный Резерфорд Эйнштейнович Менделеев и принялся

разъяснить всем этим взрослым дядям, что они не то чтобы ошибаются или намеренно вводят в заблуждение правительственную комиссию (в том нет их личной вины), но прошли мимо замаскированного самой природой противоречия, обнаруженного еще голландцем Дюр-Алюминером, который, вопреки здравому смыслу и правилу Оккама, умножал на досуге сущности и первым заметил странную флуктуацию пространства—времени после одиннадцатимерного нарастания. Ему показалось, что время с пространством на этом уровне как будто начинают разъединяться... или, вернее, образуют весьма странную конфигурацию узла-времени и торбы-пространства («узел» и «торба» — термины самого Дюр-Алюминера). Рассказывают, что этот незаслуженно забытый разработчик пространственно-временных котлованов отправил свои уравнения двенадцатимерного пространства в «Нейчур», нарисовав на полях рукописи такую латаную торбу, завязанную узлом, а редакция опубликовала этот парадокс в апрельском номере журнала в разделе «Физики шутят».

— Но всем известно, что в основе всякой шутки...— осторожно добавил мальчишка, поглядывая в сторону медицинского консилиума.

— Более того...— уже смелее продолжал мальчик, убедившись, что его пока еще не волокут в психушку, потому что не догадываются, к чему он клонит.— Более того, сам высокоуважаемый мэтр Кури-Цын-Сан из Диффузионно-гражданского колледжа...— хитрый мальчишка сделал реверанс в сторону насторожившихся яйцеголовых экспертов, а те, услышав имя своего великого соотечественника, милостиво кивнули.— Более того, сам достопочтенный мэтр Кури-Цын-Сан на смертном одре обратил свое милостивое внимание на нестандартные уравнения Дюр-Алюминера и тоже в шутку предположил, что время в виде веревки, завязанной бантиком, может очень легко и естественным образом саморазвязываться и начинать существование в чистом виде само по себе, не имея к торбо-образному пространству никакого отношения.

Мальчик был прав, и эксперты, хочешь не хочешь, опять с согласием кивнули.

— Что же из всего этого следует? — продолжал мальчик, обращаясь уже прямо к правительственной комиссии. Его голос крепчал, приобретал мужскую бархатистость.

— А это мы должны у вас спросить! — сердито отвечал Министр Окружающей Среды.

И мальчик из Барнаула, стуча мелом, стал набрасывать на железной крышке черного ящика уравнения Дюр-Алюминера, выводя из них частный случай Кури-Цын-Сана и рисуя сбоку векторный график, в самом деле напоминающий веревку с петлей. Рядом он набросал нечто, похожее на мешок с мукой, и, пользуясь замешательством разношерстных членов правительственной комиссии, исчертил бока черного ящика (ящик был выкрашен в синий цвет) белыми двенадцатиярусными стаями интегралов, диковинных букв и обозначений — эти стаи проплывали перед обалдевшими членами комиссии навстречу гибели под мокрой тряпкой, но за ними появлялись все новые и новые альфы, омеги, иероглифы, мелькнуло мистическое число 666 с восемьюдесятью пятью нулями, потом опять по синему морю поплыли гуси, лебеди и белые пароходы интегралов, дифференциалов, радикалов и консерваторов...

Мальчишка при этом поясняюще бормотал, что «Е равное эмцеквадрату в десятой степени справедливо только для сомнительного сомножества подпространств одиннадцатимерной шкалы Римана—Лобачевского, а дальше надо что-то придумывать...» или «как видите, получилось красивенькое уравнение — природа-матушка любит симметрию». Или «Теперь поехали дальше... ну вы меня понимаете, да?»

Наконец мальчишка умножил в уме все написанное на фундаментальную постоянную Планка ($6,626176 \times 10^{-34}$ Дж·с), поставил знак равенства (=), тщательно все стер, нарисовал на крышке ящика огромную прописную ученическую букву «Д» и обвел ее ромбом.

Получилось вот что:

Мальчик подул на пальцы, очищая их от мела и дожидаясь вопросов, но все недоверчиво разглядывали этот ребус

и не произносили ни слова. Мамаша с любовью смотрела на сыночка из оркестровой ямы, пытаясь телепатировать, чтобы тот вытер нос. Мальчишка полез в карман за носовым платком и будто бы ненароком выронил из кармана рогатку.

Правительственная комиссия уважительно и со знанием дела отметила: рогатка что надо. Слона убьет.

Молчание затягивалось.

— Ну, хорошо... — наконец-то произнес самый надутый из яйцеголовых экспертов по имени Индюшиный Коготь, тряхнувши розовыми соплями и красным гребешком. — Все это остроумно. Можно согласиться: вы только что доказали, что природа равна самой себе, а ноль равен нулю. Не возражаю. Да. Готов согласиться, что вы впервые математически достоверно описали двенадцатимерное пространство, хотя даже высокочтимый Кури-Цын-Сан не верил, что это возможно. Кстати, он любил повторять древний афоризм: «В действительности все происходит не так, как на самом деле». Но, повторяю, готов согласиться. Допустим, вы правы, что в этом омуте время лопнуло, как резинка в рогатке. Это означает, что в объекте с четырьмя парами оптических квазаров вообще ничего нет — ни бесов, ни духов, ни пространства, ни времени, ни отрицательных энергетических полей — ничего. Ноль на массу. Что ж, все может быть... Но кто возьмет на себя ответственность рекомендовать правительственной комиссии: не верь глазам своим? Кто при виде оазиса в пустыне возьмется точно определить: мираж это, галлюцинация или реальный объект? Что если галлюцинация окажется объективнее объективной реальности? Что если в действительности все происходит не так, как описано вашими уравнениями? Или еще хуже: что если ваши уравнения действительно правильные, но действительность все равно не такова? Это первое. Второе... черт меня побери, не могу вспомнить, что напоминает мне эта прописная буква «Д», обрамленная ромбом?

— Лично мне она напоминает юнцов, пачкающих светлые лики планет лозунгами «ДИНАМО — ЧЕМПИОН!» — тут же завелся и загремел Министр Окружающей Среды. — Именно так! Лично мне кажется, что один из таких футбольных хулиганов дурачит здесь правительственную комиссию!

Когда неожиданно для такого высокого форума речь зашла о футболе, то светопредставление отошло на второй план, все восторженились и обратили внимание на подозрительное совпадение окончательной формулы двенадцатимерного пространства с эмблемой известного футбольного клуба Министерства Внутренних Дел.

Даже Стабилизатор дернулся и прочитал фантастические стишки:

«Динамо» с Марса —
 Это класс!
 «Динамо» с Марса —
 Это школа!
 «Динамо» с Марса —
 Звездный час
 Вселенского футбола!

Кто-то из медицинского консилиума сунул раздвоенное копытце в рот и оглушительно свистнул.

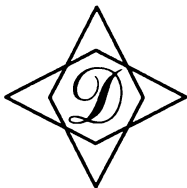
— Я хочу ответить оппоненту! — крикнул мальчишка, падабая за рогаткой.

В ответ все научные светила засвистели, затопали и заорали:

— С поля!

Мальчишка пытался что-то сказать, но ему не давали. Тогда он стремительно подошел к черному ящику и поверх динамовской эмблемы начертил еще один ромб.

Вот что получилось на этот раз:

После появления этой новой фигуры возмущенные болельщики... то есть члены правительственной комиссии уже не

собирались выслушивать никаких объяснений; и не спосить бы мальчишке головы, и не спрятаться бы ему под маменькину юбку (к нему уже приближался ВРИО коменданта и бормотал: «Уши оборву!»), но спас мальчика Бел Амор, почувствовавший, что пацан здесь единственный, кто гребет против течения, и что за него надо хвататься, как за спасательную соломинку, которая (кто знает?) может оказаться путеводным бревном из этого болота.

— Эй, ты! — закричал Бел Амор, обращаясь к ВРИО коменданта. — Не трогай мальчика! А то я тебе рога обломаю... На дрова порублю! Пусть говорит! Говори, мальчик!

Наступила напряженная тишина.

Было понятно, что, обещая порубить ВРИО коменданта на дрова, Бел Амор имел в виду и всех присутствующих, в том числе и членов правительственной комиссии. В конце концов, в решении проблемы «ЧЕЛОВЕК ИЛИ ВСЕЛЕННАЯ?» кто-кто, а Бел Амор имел право совещательного голоса, потому что Вселенных много, а Бел Амор один!

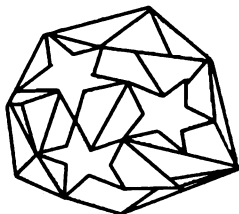
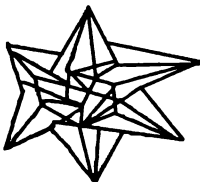
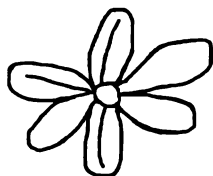
— Пусть мальчик говорит! — разрешил Министр Окружающей Среды.

— Спасибо,— учтиво поблагодарил мальчик. Чувствовалось, что ему есть что сказать.

— Я люблю футбол,— начал мальчик,— но это, к сожалению, не эмблема марсианского «Динамо». Если взглянуть на проблему в полном объеме, то...

Мальчик опять схватил мелок и одной левой начал набрасывать очередные рисунки.

— Как видите, подобные объекты могут иметь в основании самую разнообразную каэдральную структуру,— отметил мальчик, с удовлетворением разглядывая дело рук своих.— Можно вообразить двенадцатимерное пространство таким... или таким... или этаким...

...или каким угодно. Главное, чтобы присутствовал объект и эффект симметричного оптического линзирования, но для этого, как минимум, нужны три пары зеркальных квазаров по углам,— а тут их целых четыре! Идея состоит не в формообразовании, и это я сейчас докажу. Вернемся к рисунку номер два.

Все опять начали разглядывать перекрещенные ромбы с буквой «Д» в центре.

— Идея тут вот в чем,— продолжал мальчик.— Квадрат ромбов означает здесь удвоение пустоты в условиях прохождения через оптический фокус любых материальных предметов — от незарегистрированной до сих пор реликтовой спинозозонной элементарной частицы с отрицательным значением разочарования до звездолета с консервами. Легко заметить, что удвоение пустоты без попадания в фокус не произойдет. Все дело в фокусе. Точнее, все дело в идее фокуса или, если угодно, в фокусе идеи. Легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем пустоте удвоиться и превратиться в Идею без попадания в фокус. Сложнее понять, что удвоение пустоты есть не просто поль, помноженный на поль, а именно новая идея качественно иной ипостаси, выходящая за пределы влияния и разумения теоретической физики. По праву первооткрывателя я назвал ее «Неприкаянной Идеей», потому что ей негде существовать. Предлагаю зарегистрировать этот термин официально.

Напряжение нарастало. Казалось, сейчас устами младенца заговорит сама Истина.

Эксперты развесили розовые индюшьи сопли и ловили кайф. Они были заинтригованы. Они уже догадывались, что это за «Неприкаянная Идея Качественно Иной Ипостаси».

— Конечно, вы уже догадались, что перед вами грубое схематическое изображение неприкаянной идейной квадратной пустоты в тринадцатимерном пространстве,— подтвердил их догадку первооткрыватель.

22

Было слышно, как два раза остервенело щелкнул зубами корреспондент журнала «Защита животных от насекомых», ловя пролетающую мимо зеленую неразумную муху.

— Неприкакаянная Идея...— плаксиво произнес из первого ряда партера старый академический козлотур с бородой.— Ничего не понимаю! Это в самом деле выходит за пределы теоретической физики и моего разума! Ни-че-го-ни-бэ-ни-мэ-не-по-ни-маю! — по слогам произнес он.— Какие-то верблюдь через какие-то фокусы... какое-то «Динамо — чемпион», какое-то тринадцатимерное пространство, какая-то квадратная пустота... Какая-то псевдятина, сапоги всмятку! В чем именно состоит идея этого фокуса? Объясните, что означает эта буква «Д»? Дырку от бублика? Или, может быть, «Я — Дурак?»

После этого громогласного недоумения корреспондент «Защиты животных от насекомых» подавился зеленой мухой, а эксперты из Диффузионно-гражданского колледжа окончательно все поняли. Хотя их и не любят за слабосилие, за то, что не сеют и не пашут, за то, что раз в году по праздникам красят скорлупу, за то, что вообще сильно умные,— у экспертов масса недостатков,— но яйцеголовым следует отдать должное: у них нет разделения на своих и чужаков, и они всегда готовы признать любого Брата-по-Разуму, который способен хоть на школьной доске, хоть на крышке черного ящика, хоть на заборе, хоть на песке сделать пусть самое маленькое и пустое, но фундаментальное открытие (за что их тоже не принимают в Академию).

Итак, эксперты все уже поняли.

Знахарь Грубиан тоже все уже понял тонким срезом своей кольцевой структуры и от нехорошего предчувствия пошевелил затекшими корнями, а доктор Зодиак не знал, как незаметно избавиться от «Календаря Нечистой Силы», который здесь уже был совсем некстати.

Даже правительственная комиссия догадалась, к какой Неприкааянной Идее подвел их мальчик под монастырь; даже министр Окружающей Среды, у которого вечный насморк от протекающего масла, учуял, что ожидание нарастающего светопреставления достигло апогея и что не хватает последней малости, последнего, единственного слова, чтобы все полетело в тартарары... и что надо немедленно заткнуть мальчишке рот мокрой тряпкой, установить полную и безоговорочную тишину, на цыпочках выйти из шатра, бросить всю технику

и военное снаряжение и драпать отсюда на все четыре стороны, потому что даже разрушительные коллапсирующие Джинны Войны, описанные в «Календаре», в подметки не годились Тому, Кто Живет в Этом Омуте (о нем «Календарь» умалчивал).

Но было поздно: мальчик уже открыл рот, чтобы произнести последнее слово.

И произнес его.

23

— ДЕУС...

24

Пусть и боязливо, но Слово наконец-то было произнесено.

25

Хотя мальчишка числился еще в юных пионерах и в Бога не верил, но уравнения, стертые мокрой тряпкой, уже не вызывали никаких сомнений. Уравнения объясняли природу Неприкаянной Идеи в тринадцатимерном омуте, а уравнениям он верил больше, чем себе, и так как относился к породе тех плохо воспитанных мальчиков, которые говорят то, что думают, то взял да и ляпнул, пусть и боязливо, одно из имен Божьих всуе.

В задачке спрашивается: почему боязливо? Почему бы, спрашивается, если уверен в своих уравнениях, не взойти смело на трибуну, не развесить графики и громко, ясно и коротко не сообщить о результатах своего открытия — мол, так и так, ухватил самого Бога за бороду, — а не тянуть всю ночь кота за хвост?

Да потому, наверное, и струхнул мальчишка, что свое открытие он сделал без всякой практической нужды уже давно — еще до того, как Бел Амор угодил в омут, а уравнения отослал в «Нейчур» еще в прошлом году, но там никто не удосужился проверить то, до чего не было никому никакой нужды...

(В самом деле, какая практическая нужда в этом «Д» и кому какое до него дело?..)

И поначалу уверенности в этом мальчике было хоть отбавляй именно потому, что, малюя перед правительственной комиссией белых гусей-лебедей на черном ящике, он уже не совершал открытия, не искал решения, а играл, демонстрировал, «продавал» то, что давно открыл, но во что сам не верил...

Потому что в настоящем, подлинном богоискательстве что самое главное?

Найти и сидеть тихо, а не тащить своего Бога на улицу, раздевать его там и комментировать — ведь фундаментальные открытия смело делаются лишь без дела, на досуге, под яблоней, одной левой, на кончике пера, но когда доходит до дела, неглупый человек все-таки струхнет и протрубит отбой, как в свое время Галилей: «А вдруг все-таки она вертится?» Или Эйнштейн: «А вдруг все-таки она взорвется?»

Вот почему струхнул мальчишка в последний момент: а вдруг уравнения верны не только по науке? А вдруг за этой Неприкаянной Идеей, Которая Носится В Фокусе, в самом деле кроется этакий библейский Демиург — хитрый, коварный, вспылчивый, противоречивый и во-от с таким кривым радикалом, похожим на молнию?

Вот почему струхнул мальчишка в последний момент, а что же тогда говорить о старых и умудренных опытом? Правильно говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Да, все они насмерть перепугались. (А ВРИО коменданта, например, патрули СОС нашли только на восьмой день в глубоком тылу в пятимерной проруби, куда он с трудом протиснулся, прижимая к себе бутылку Кахетинского из «Арагви» и обалдевшую от счастья зеленую выдру с дамским бюстом и рыбьим хвостом, которая постоянно проживала там.

«Пошла за хлебом, вернулась, а тут мужчина! Пришлось бежать за бутылкой!» — объясняла она патрулю СОС.)

Но главное слово было произнесено, и сейчас что-то должно было произойти, потому что одно из имен Божьих было упомянуто в такой ситуации, когда никакая альтернатива невозможна: Бог был вычислен на глазах у всех, и получилось одно из четырех:

1. Или уравнения ПРАВИЛЬНЫ, и ОН ЕСТЬ.
2. Или уравнения НЕПРАВИЛЬНЫ, и ЕГО НЕТ.
3. Или уравнения ПРАВИЛЬНЫ, но ЕГО НЕТ.
4. Или пусть, наконец, уравнения НЕПРАВИЛЬНЫ, но ОН все равно ЕСТЬ.

Получилось, что при любом раскладе в этой ситуации Неприкаянная Идея должна была или проявить, или не проявить себя и дать таким образом окончательный ответ на вечный вопрос: есть она, черт побери, или ее нет, и положить конец этому богоискательству, переходящему в богохульство!

— Буква «Д» означает «ДЕУС», — боязливо и шепотом повторил мальчишка.

В этот момент во всей Вселенной наступила гробовая тишина, и все, что происходило потом, довольно точно описано в газетных репортажах и журнальных статьях, транслировалось по головидению, подвергалось комментариям и бродяг, и философов, и бродячих философов, и богословов, и славобогов, и словоблудов, и фундаменталистов-теоретиков, и дилетантов во всех отраслях знаний. Все, что произошло дальше, обсуждалось во всех производственных коллективах и воинских частях, в очередях за водкой и в вытрезвителях, в каждой семье, на любой кухне, во всем содружестве разномерных пространств — все как-то сразу сблизилось перед лицом нависшей Неприкаянной Идеи — как же иначе, если в омуте вдруг щелкнул портсигар, опять раздался звон на мотив мелодии Созвездия Козинец, а в наступившей гробовой тишине голосом Бел Амора заговорил Тот, Кто Сидел В Омуте.

27

И сказал Тот, Кто Сидел В Омуте:

— У меня тут реплика с места...

Во Вселенной стояла жуткая гробовая тишина, а Бел Амор, выйдя из буксира и выловив в омуте серебряный портсигар своего Дженераля, разочарованно заглядывал в него.

— Последнюю не берут,— вздохнул Бел Амор, защелкнул портсигар и отшвырнул его в гравитационную изгородь. Портсигар нашел в ней щель, вылетел из омута прямо в руки растерявшегося адъютанта, а Бел Амор уселся на корме буксира и задумчиво произнес: — Уравнения — оно, конечно... Мальчик все хорошо разъяснил... прямо-таки гениальный мальчик. Но давайте говорить прямо, как на духу: зачем все это?

Бел Амор подумал-подумал и вдруг заорал (да так, что у слабонервного скупс-секретаря, стенографировавшего выступления, случился непроизвольный защитный выброс, а пара носорогих супругов-академиков упала в обморок и, проломив тушами перекрытие, провалилась в потайной видеозальчик прямо на хребет пришатрового драконослужителя — его трем головам, исполнявшим здесь обязанности дворника, электрика и кочегара, было сейчас не до Божьих откровений — эти три деятеля, заткнув себя от мира наушниками и позабыв даже о початой бутылке «Белой Дыры», пуская слюни, смотрели какую-то стародавнюю, плоскую, двухмерную синематографическую порнуху, как вдруг им на хребет свалились два носорога — вот галиматья-то была и головокружение!), так вот, Тот, Кто Сидел В Омуте, заорал, срывая Бел Амору голос:

— Зачем я создал все это — и Вселенную, и жизнь, и уравнения, и все прочее? Зачем фуги Баха, рок под часами, фотонные звездолеты, позитронные роботы, освоение планет, рождение и закат цивилизаций, блеск и нищета куртизанок? Футбол зачем? Сидели бы лучше на деревьях, зачем спускались?! — Бел Амор уже хрипел.— Неблагодарные твари! Делал для них все, что мог,— а я все мог! — но вот устал, устался на покой... Являются! Шум, гром, уравнения, оцепление, проверка документов! Лезут в Божий храм, а ноги вытерли?! Устроили тут всенародную стройку... Бога, понимаешь, нашли! Если уж нашли, то нет, чтобы спросить: что тебе, Боже, нужно? Нет! Собрались Бога замуровать! А может, я не хочу?!

От этого крика души Стабилизатор опять очнулся и продекламировал из омута:

Когда я влез
 На плотину
 ГРЭС
 (Новую плотину гравитальной
 энергостанции над Гольфстримом),
 Последняя стайка бесов
 Улетала в собес
 Журавлиным
 Клином,
 Но
 Мимо:
 «Приема пету».
 Что делать?
 Понюхали замок и разбрелись по свету
 Кто по дрова, кто в лес.
 Таким вот образом канул в лету
 Последний во Вселенной
 Бес.

Выслушав эту басню, Тот, Кто Сидел В Омуте, немного успокоился и с тоской сказал:

— Курить охота.

— Дай ему закурить,— прошептал Дженераль СОС.

Адъютант дрожащими руками набил портсигар сигаретами и метнул его Тому, Кто Сидел В Омуте.

— Благодарствую,— ответил Тот голосом Бел Амора и тут же обругал себя за это лакейское «благодарствую». Если уж взялся вещать от имени Бога, то не суетись, не ори, не кланяйся унижено, а будь на высоте — на тебя вся Вселенная смотрит.

29

— Короче, так...— продолжал Бел Амор, чувствуя, что в этой критической ситуации надолго умолкать нельзя, а нужно продолжать щелкать портсигаром, создавать звон, пускать дым и говорить Бог знает о чем... все что Бог на душу положит, лишь бы это было о Боге: у Бога имен много, и если что не так, то потом можно будет сказать, что имел в виду совсем другое.

А Стабилизатор молодец, хорошо подыграл и отвлек внимание... Жив курилка! Вдвоем и вратъ веселее...

Бел Амор божественным жестом стряхнул пепел в омут. Теперь за дело.

— Короче, так,— повторил Бел Амор.— Уравнения — оно, конечно... Но вот послушал-послушал я вас, граждане, и вижу, что вы устроили какую-то грандиозную деятельность вокруг пустого места, а зачем — сами толком не знаете. Бога ищите? Зачем он вам? Или он у вас в дефиците? Ваша методика, в общем, верная: лучшие умы предыдущих Вселенных предлагали проверять на присутствие Бога именно такие подозрительные объекты, где кипит какая-то непонятная возня вокруг пустого места. Хотя и этот способ богоискательства совсем не прост — во Вселенной так много суеты, пустоты и дураков, что все проверить невозможно. Я не собирался тут выступать ни с докладом, ни в прениях, но вижу, что вы уже добрались до Неприкаянной Идеи двойной пустоты, а это уже скорее горячо, чем тепло — хотя, в принципе, Мое существование можно доказать безо всяких уравнений путем обычной логики. В самом деле, во все времена каждое новое поколение начинает с пылом искать Меня, несмотря на убеждение офонарелых церковников, что Бог есть, потому что они себе Его выдумали; не глядя на толпы равнодушных обывателей, которым начхать на всю Вселенную с высокой колокольни, и невзирая на перегибы прямых, как шпалы, воинствующих атеистов, которые однажды решили, что Бога нет, ведь от него не дождешься реальной пользы для народного хозяйства, и потому обтягивают Божьи храмы колючей проволокой и превращают их в овощные склады. Но ни те, ни другие, ни третьи никак не могут понять, что поиски Бога есть диалектика не разума, но души! А что есть душа?..

Бел Амор осекся, поняв, что задавать риторические вопросы типа «Что есть душа?» не следует, потому что немедленно услышит ответ: «Именно это мы и хотели бы у вас узнать!» Правда, у членов правительственной комиссии хватило вкуса не перебивать Бога язвительными замечаниями, но все же вся Вселенная ожидала ответа на вопрос:

«ЧТО ЕСТЬ ДУША?»

А в самом деле: что есть душа?

Бел Амор сбился с мысли, открыл портсигар, послушал звон и размял новую сигаретку.

Он забыл то, что хотел сказать... Тот, Кто Сидел В Омуте, покинул Бел Амора.

Но на помощь ему опять пришел Стабилизатор. Он прошептал из консервного облака:

Если мы
Назовем то,
Что делает душа,
То получим определение
Души.

Тот, Кто Сидел В Омуте, вернулся, и Бел Амор вспомнил то, что хотел сказать. Он в душе сказал Стабилизатору: «Благодарствую!» и продолжал:

— О любой части тела можно сказать, что она делает то-то и то-то. Например, глаз смотрит, рука держит, мозг мыслит, сердце качает, печень фильтрует... и так далее. Если мы назовем то, что делает душа, то получим определение души. Что же душа делает? Душа — это орган, который умеет делать все. Она умеет думать, дышать, говорить, держать, смотреть, летать, фильтровать, любить, размножаться... Когда душа работает, все способности удваиваются или даже удесятеряются. Душа — это дублирующая система организма, которой надо уметь управлять, — а управление душой — это и есть поиски Бога, и понимающие разумные существа — несмотря, не глядя, невзирая! — во все времена продолжают искать Меня, потому что Я нужен им для личного пользования, они без Меня не могут! Меня ищут, а кто ищет, тот всегда найдет; значит, Я существую! Ну а какие меры следует предпринимать по преодолению нехватки Бога для лучшего и более полного удовлетворения каждой Души населения — это уже ваши проблемы...

Расправившись с определениями богоискательства и души, Бел Амор почувствовал, что полностью опустошен и что Тот, Кто Сидел В Нем, окончательно из него вышел.

Бел Амор никак не мог понять, откуда что в нем взялось: что он сам придумал, а что его устами в самом деле глаголила Неприкакаянная Идея. Он не ожидал от себя такой прыти и совсем не был похож на пророка, на голову которого произвел аварийную посадку звездолет под названием «Божья благодать», — правда, в глубине души он оставался все тем же пятнадцатилетним Бел Амором, мечтавшим поступить на отделение поэзии, но в суровой жизни сотрудника Службы Охраны Среды с поэзией было туго. Ноль на массу. Стабилизатор не в счет. Бел Амор всю жизнь гонялся за браконьерами и контрабандистами, освобождал заложников, открывал и оплодотворял безжизненные планеты, вкупе с коллегами катал телеги на зловерное начальство, однажды угодил в рабство к омарам, два года был царем у хайямов (с собственным гаремом), водил баржи, очищал свалки, о Боге не думал и даже не вспоминал, а когда приходилось взбираться на трибуну, двух слов связать не мог и говорил по шпаргалке.

Пока Бел Амор искал в себе пропавшую Неприкакаянную Идею, раздались бурные аплодисменты — это бродяги и арестанты, сотрудники СОС, пожарники, санитары и вахтовые работяги дружно зааплодировали, — простой люд, как всегда, все понял быстрее любой правительственной комиссии: народ сообразил, что Бел Амор решил воспользоваться своим последним шансом: прикинуться шлангом, то есть, Самим Господом Богом и под угрозой грядущего светопреставления заставить правительственную комиссию выпустить его из этого болота. Голь на выдумки хитра — такой Божий план спасения Бел Амора ей понравился, и она единодушно этот план одобрила.

— Я знал, что он не дурак, — пробормотал Дженераль СОС, — но не думал, что он такой умица.

32

Под «умницей» Дженераль СОС подразумевал не какие-то умные речи, но весь этот ход, каким Бел Амор привлек на свою сторону простых смертных — всех вселенских пахарей, пролетариев и еще незажравшуюся интеллигенцию, — то есть одним махом создал себе благожелательное общественное

мнение, и теперь никакая комиссия не решилась бы обидеть бездомную Неприкающую Идею в образе этого страдальца.

Ход, конечно, был хорош. Но в правительственной комиссии тоже не дураки сидят.

Кто же сидел в правительственной комиссии?

Там сидели видные специалисты по всем отраслям знаний. Не было забыто ни одно ведомство. Сидел там, кстати, в двадцать девятом ряду, ближе к проходу, скромный, не очень заметный в этом блистательном обществе человек... человек — не человек, но существо, которое хотя и не было человеком в биологическом смысле слова, но очень на человека походило. Одето оно было в черную шерстяную сутану, курчавые каштановые волосы были перевязаны белой лентой с непонятными золотыми иероглифами, рыжеватая бородка — волосок к волоску, на указательном когте — толстый золотой перстень с личной печатью Помощника Владыки Всея Вселенной. Острые торчащие рожки, два клыка и длиннющий хвост с мягкой кисточкой (за такую кисточку любой художник запродаст бы душу) несколько не портили человекоподобную внешность этого чертообразного существа, а даже украшали, как нечто экзотическое. Это был личный помощник-референт стареющего Владыки, который писал новогодние доклады по проблемам координации сближения и слияния основных направлений мировых религиозных течений.

Вот уже двое суток Помощник Владыки слушал в пол-уха экспертов. Он лениво перекидывал кисточку своего хвоста с левого плеча на правое, поправлял накрахмаленный воротничок, ковырял в клыках платиновой зубочисткой; внимательно выслушал мальчика, теребя золотой перстень с печатью, и сразу насторожился, когда голосом Бел Амора заговорил Тот, Кто Живет В Омуте.

Этому Помощнику ничего не стоило оставить от беламорского самозванного Бога сплошное мокрое место, и Дженераль СОС несколько раз вопросительно взглянул на него из президиума.

Наконец Помощник Владыки утвердительно кивнул и стал пробираться из двадцать девятого ряда к трибуне, вежливо кланяясь потревоженным видным специалистам, когда случайно наступал им на хвосты и лапы; а Дженераль СОС вы-

брался из-за длинного стола, встретил Помощника у выхода и провел его мимо охраны к самому краю омута.

Бел Амор продолжал молчать.

Молчание затягивалось.

Бел Амор заглянул в глаза Помощника Владыки, а тот вдруг подмигнул ему, и Бел Амор начал молчать совсем уже беспомощно.

33

— Ну хорошо,— сказал Помощник Владыки и выплюнул платиновую зубочистку в омут, смертельно оскорбив этим плевком Стабилизатора.— Чего ж тебе нужно, Боже?

— Чего? — обалдело спросил Бел Амор.

— Ты хотел, чтобы тебя когда-нибудь нашли и спросили: «Чего тебе нужно, Боже?» Вот я и спрашиваю.

— Выпустите меня отсюда, ребята,— вдруг жалобно попросил Бел Амор.

— Если ты — Бог, тогда выходи сам. Тебя никто не сможет удержать,— резонно заметил чертов Помощник и подышал на печатку Владыки.

Вселенная с нетерпением ожидала ответа Бел Амора, а Помощник Владыки держал эффектную паузу, чтобы все могли убедиться, что никаких нарушений Божьих прав не происходит, проверка идет в высшей степени вежливо и демократично: если ты Бог — выходи!

Ответа от Бел Амора не последовало.

— Если ты Тот, За Кого Себя Выдаешь,— продолжал Помощник Владыки,— если ты создал все это,— Помощник повел хвостом по окружности, обозначая всю Вселенную,— тогда сотвори чудо.

— Какое еще чудо? — пробормотал Бел Амор.— Порося в караса, что ли?

— Любое. Чтобы все видели. Это же так просто: если ты Бог, то выйди отсюда и сотвори чудо. Не для того, чтобы кому-то что-то доказать, а для себя лично. Ведь ты же в себя веришь? Хорош Бог, который не верит в себя! «Выпустите меня отсюда»,— передразнил Помощник.

Ответа не последовало.

Вселенная разочарованно убеждалась, что Бел Амор не устоять на ринге против Помощника и не повесить лапшу на уши этому видному специалисту.

— Жаль,— вздохнул Помощник.— А я, наивный, хотел спросить тебя о Большом Взрыве, о доказательствах Капта и Лейбница, о других богах, о том, сколько ангелов может поместиться на острие иглы, о том, сколько банок тушенки Бог может съесть в один присест... Хотел узнать точно, есть ли жизнь после смерти? — С виду Помощник Владыки говорил спокойно, но его волнение выдавал хвост, теребивший воротничок, поглаживавший кисточкой бородку и хлеставший по бокам своего хозяина.— Ответь мне хотя бы на эти вопросы.

Бел Амор молчал.

Тот, Кто Недавно Сидел В Нем, покинул его, и во всех этих делах Бел Амор уже не разбирался.

— Жаль! — повторил Помощник Владыки.— Мы в самом деле хотели узнать, что Ему от нас нужно, какие Его духовные и материальные потребности... Можешь ли ты ответить за Него?

Молчание.

— Очень жаль!

Помощник собрался уходить.

— Подождите! — в отчаянии крикнул Бел Амор.— Я же объясняю вам, что Он здесь есть! Он только что сидел во мне, но куда-то вышел! Я не могу без Него отвечать... но когда я писал рапорт, ел тушенку и говорил о душе, Он сидел во мне, и я делал все это от Его имени! Постойте! Он где-то здесь... Он неприкаян... Он стар и устал... Его силы на исходе... Пожалейте Его, выпустите меня отсюда, а Его оставьте в покое! Не разрушайте Его дом, не перестраивайте и не координируйте... Ему уже ничего не нужно от вас, но и вы не требуйте от Него чуда! Постойте! Он где-то рядом... Может быть, Он захочет в меня вернуться и Сам объяснит...

— Он не вернется, потому что Его нет и не было,— жестко сказал Помощник Владыки.

— Это вы говорите, что Бога нет?! — поразился Бел Амор.

— Его нет здесь, в этом омуте,— с досадой поправился Помощник Владыки, от раздражения крутя хвостом, как пропеллером.— А тот, кто сидел в тебе, не был Богом, и ты говорил не от Божьего имени!

— От кого же я говорил? — разозлился Бел Амор.

— От лукавого! — рявкнул Помощник Владыки.

Его хвост уже раскрутился с такой силой, что за спиной Помощника, как ореол, образовался сплошной вертящийся круг,— если бы не безвоздушное пространство, он взлетел бы, как вертолет.

— Погодите,— вмешался Джeneralь СОС.— Как ты сказал? «Ему уже ничего не нужно от вас». Что означает это «уже»? А раньше — что ему было нужно от нас?

— Все, что я от Его имени написал в рапорте! Неприкаанной Идее нужна была телесная оболочка, она давно искала что-нибудь подходящее. Она вселилась в меня, но потом ушла...

— Куда?

— Не сказала!

Бел Амор с последней надеждой огляделся по сторонам, разыскивая подходящее местожительство для Неприкаанной Идеи... как вдруг увидел раскрытые до упора и сверкающие, как у пантеры, фотоэлементы Стабилизатора... таким он помнил своего робота в те далекие времена, когда тот только что сошел с конвейера и бросался на любого, если считал, что Бел Амору угрожает опасность.

— Эй, осторожно! — крикнул Бел Амор.— Эй!.. Как вас там? Перестаньте крутить хвостом!!!

34

Но было поздно: Помощник Владыки уже повернулся спиной к омуту, чтобы с достоинством удалиться, но его разъяренный хвост малость не рассчитал и перешел границу зеркального омута... достаточно было самой малости, всего лишь кончика одного волоска от кисточки, чтобы Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, схватил Помощника за хвост и утащил в омут. Не успел никто и глазом моргнуть, как Стабилизатор с победоносным кличем: «Поймал!!!» выскочил из облаков картошки с консервами, размахивая Помощником,— тот, как драный кот, крутился вокруг своего хвоста.

— Доказательства Лейбница?! — орал Стабилизатор.— Зачем тебе доказательства? Вот он, Я, безо всяких доказательств! — Стабилизатор шарахнул Помощником об пролетающий мешок с солью.— Вот тебе доказательства! Чувствуешь?

Кто создал все это? Я! А ты кто такой? Референт-координатор по согласованию... Тьфу! Если Я есть, то зачем координировать?

— Еще один самозванец...— опасливо пробормотал Джeneralь СОС, отходя на безопасное расстояние, но Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, его не услышал, потому что был очень занят, Он предъявлял Помощнику Владыки доказательства своего существования:

— Нет, ты скажи, чтобы все слышали: кто создал все это?

Но теперь уже молчал Помощник Владыки — то ли оглушенный мешком с солью, то ли из принципа.

— Отпусти его! — потребовал Бел Амор.— Не мельтеши перед глазами!

Наверное, отдавать такие приказы Тому, Кто Сидел В Стабилизаторе, было архирискованно, но голос хозяина успокаивающе подействовал на старые струны робота.

Стабилизатор перестал вращать Помощника Владыки за хвост, переложил его в правую клешню, подцепил за крахмальный воротничок, высоко поднял над собой и грозно спросил:

— Кто сказал, что я самозванец?

(Значит, он все-таки расслышал бормотание Джeneralя.)

— Послушай...— не очень уверенно произнес Джeneralь СОС, не зная, с кем говорить: то ли со взбесившимся роботом, то ли с Тем, Кто Сидел В Нем.

Наконец решил говорить сразу с обоими:

— Подумай сам своей башкой. Все, что ты тут наговорил, может, правда, может, нет, но чего же ты в самом деле хочешь от нас? Чего изволите, Боже? Чего желаешь ты, а чего твоя Неприкаянная Идея?

— Хочу, чтобы его отпустили,— ответил Стабилизатор, указывая на Бел Амора.

— А этого ты отпустишь? — тут же начал торговаться Джeneralь СОС, указывая на Помощника.

— Отпущу. Не нужен. Но пусть больше не плюет в омут.

— Хорошо. Обсудим.

— А что обсуждать? — удивился Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, и приподнял Помощника повыше, чтобы тот лучше видел.— Ты чуда захотел? Доказательств? Какого тебе чуда? Порося в карся? Смотри!

Стабилизатор взмахнул левой клешней (она у него всегда была ведущей — правая барахла), и в омуте вдруг раздались пронзительные пороссячи визги и хрюканье. Облака картошки с консервами вокруг баржи разбухли, зашевелились, изменили стройные формы колец Сатурна, банки с тушенкой, весело визжа и хрюкая, начали сходить с орбит и, сталкиваясь с картошкой и между собой, устремлялись к Стабилизатору. Их содержимое на ходу превращалось в живых поросят, а тара — в маленькие свиные скафандры с цветными наклейками Мало-Магеллановского мясокомбината...

Вскоре все это десятитысячное стадо приблизилось к Стабилизатору и, перетолкавшись и устроившись на удобной орбите, принялось вращаться вокруг Того, Кто Сидел В Омуте,— правда, один поросенок отстал, заблудился, ткнулся пятчком в Помощника Владыки, недовольно хрюкнул и помчался разыскивать свою постоянную орбиту.

— Кто создал это чудо? — гордо спросил Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, потрясая Помощником Владыки.

— Ты,— прошептал тот.

— Ты уверен в этом?

— Да.

— Теперь ты не сомневаешься в моем существовании?

— Нет.

— Хорошо,— ответил Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, и крикнул Дженералю СОС: — Открывайте ворота пошире!

И хотя у Дженерала, даже после метаморфозы с консервами, еще оставались кое-какие сомнения, он приказал саперам пошире расчистить проход в колючей изгороди.

Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, прицелился и вышвырнул бедного Помощника Владыки из омута... впрочем, Помощник тут же стал самым популярным чертообразным существом во Вселенной, которого «Д» собственноручно соизволили отколотить.

— Прощай,— сказал Стабилизатор Бел Амору.

— Прощай,— ответил Бел Амор Тому, Кто Сидел В Стабилизаторе.

— Нет, подожди...— сказал Стабилизатор, смутившись.— Я тут сочинил стихи. Послушай в последний раз.

— Давай,— согласился Бел Амор и дал себе слово не смеяться над очередными виршами старого робота.

— Это стихи о бессмертии,— смущаясь, объяснил Стабилизатор.

— Давай.

— Они посвящаются тебе.

— Спасибо. Давай.

Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, откашлялся и принялся читать стихи о бессмертии.

35

БЕССМЕРТИЕ — 0,000...

Рекламных факелов погаснет пестрый
Ряд,
И взгляд угаснет твой, как синий меч
Олега.
Над нами, друг, что летопись,
Года прошелестят,
Не станет нас,
Но будет так же лить на землю свет
Медлительная Вега.
Я не о том,
Что тихо, без следа,
Уйдем из жизни мы,
И нас никто не вспомнит.
Но эта ли,
Иная ли звезда
Других когда-нибудь смятением
Наполнит.
И будут думать под вечерние огни,
Что и любовь, и все
Кончается, проходит,
И будут, друг, охвачены они
Тем чувством,
Что в сердцах сегодня наших бродит.
А это ли не значит — вечно жить?
Мы, безымянные, далекие,
Как синий меч Олега,
Возникнем в них, и снова будет лить
Серебряный свой свет
Пленительная Вега.¹

¹ Стихотворение Виктора Панина.

Вселенная внимала.

Тот, Кто Сидел В Стабилизаторе, дочитав стихи, опять смутился, хотел что-то объяснить, но безнадежно махнул левой клешней, повернулся и пошел вглубь омута прямо в фокус промеж четырех пар дрейфующих квазаров, увлекая за собой стадо уснувших поросят.

— А ты рули сюда,— сурово приказал Дженераль СОС.— С тобой разговор особый...

Бел Амор чуть было не швырнул окурок в омут, но затушил бычок и спрятал в портсигар.

За суровым тоном Дженераля Службы Охраны Среды скрывалось смущение: Дженераль, как и все генералы, не разбирался в поэзии (в правительственной комиссии, кстати, не нашлось ни одного специалиста по стихосложению), но он, как и все, понял, что обыкновенный робот не мог сочинить эти божественные стихи.

Киев, 1986, 1997

**МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕЛЬ АМОР —
ДОЧЬ ИНСПЕКТОРА БЕЛ АМОРА,
или
ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ,
или
ФЛОТ НЕ ПОДВЕДЕТ!
или
ФЛОТ ПРОПЬЕМ, НО НЕ СДАДИМ!**

**Двухактная фантастическая военно-морская пьеса
из жизни внебрачной дочери инспектора Бел Амора,
состоящая из одного-единственного слова из двух букв,
с финальной сексуальной сценой
и с ремарками для режиссера.**

Действие происходит в рассекреченном квадрате Черного моря в виду острова Змеиный на борту американского авианосца «Уиски».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АТАНАС ПЛИСКОВ, адмирал болгарского флота, который (флот) дислоцирован в порту Бургас. Любит курить си-

гареты «Опал», но сейчас покуривает «Стюардессу», чтобы не подвергаться насмешкам морских волков. Улыбчив, простодушен. Потягивает ракию прямо из фляжки, угощает всех остальных действующих лиц. В переговорах о статусе Черного моря пемногословен: «Шипка», «Алеша», «братушки» и тому подобный джентльменский набор. Недавно провел из Бургаса в Одессу караван-конвой с ранними болгарскими помидорами и огурчиками, за что награжден национальным орденом «Царя Бориса» и зарубежным «Зализным Трезубом». Не прочь приобрести для Болгарии остров Змеиный, который торчит за бортом авианосца «Уиски», но на «нет» и суда нет.

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ, такой себе островок, не уступающий, пожалуй, по размерам авианосцу «Уиски». Где-то под ним нефть. Расположен, примерно, 45 градусов северной широты и 35 градусов восточной долготы, недалеко от устья Дуная. Говорят, прототип пушкинского острова Буяна.

НАДИР ЦИНАНДАЛИ, адмирал Яхты Его Величества Звиада 1-го. Порт приписки Сухуми временно захвачен вражей силой. Курит «Герцеговину Флор», демонстрируя черно-зеленую пачку, как некий мандат. Как видно, что-то хочет сказать, но все время молчит. На роль можно пригласить глухонемого артиста. Напряжен, подозрителен, неподвижен. Взгляд исподлобья. Бесперывно перебирает четки из очень драгоценного крупного жемчуга, принадлежавшего когда-то самой царице Тамаре. К Надиру Цинандали особое внимание режиссера: способен взорваться — из нагрудного кармана торчит граната-лимонка.

КИТО ГУРДЖАНИ, генацвале. Комиссар флота Временного Военного Правительства. Три катера расположены в Сухуми, а непогружаемая подводная лодка с пустой ядерной боеголовкой — на капитальном ремонте в Батуми. Круглая фуражка-аэродром для стоянки вертолета «Ми-8». Из-под фуражки торчит нос (чем больше, тем лучше). Вместо четок руки заняты непрерывной очисткой мандаринов из ящика под ногами. Нож для очистки — или финский, или кривой, вроде турецкого ятагана. Вкусно пахнет мандаринами и чачей.

Важно помнить: в сценическом пространстве между адмиралом Цинандали и комиссаром Гурджаани для недопущения взаимных оскорблений или даже кровопролития постоянно должен кто-нибудь находиться (лучше всего — адмирал Вермут фон Шнапсвайтхорс).

ВЕРМУТ ФОН ШНАПСВАЙТХОРС, адмирал объединенного флота НАТО, посредник-наблюдатель ООН на многосторонних переговорах о статусе Черного моря. Невозмутим. Толстопуз. Как говорится, морда лица. Пытается вообще не вмешиваться в эти дела. Разглядывает в подозрительную трубу весенний зелененький хребет острова Змеиный. (На Змеином — безлюдье. Видны какие-то вышки, столбы, бараки, радары — то ли заброшенная воинская часть, то ли бывшая зона.) Берет из рук личной секретарши толстенную гаванскую сигару, смачно закуривает, стряхивает пепел за борт. Выкуривает сигару до половины, бычок швыряет в Черное море, секретарша приносит новую сигару, берет сигару из рук, смачно закуривает и т. д. Сигар понадобится много.

БЫЧКИ. Бычки огибают остров Змеиный, собираются в косяки и плывут к Одессе, Херсону и к Крымскому полуострову, где отлавливаются рыбаками и продаются на южных рынках в виде западной гуманитарной помощи.

МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕЛЬ АМОР, главное действующее лицо, внебрачная дочь небезызвестного инспектора Бел Амора. Личный секретарь-переводчик адмирала фон Шнапсвайтхорса. Режиссер должен постоянно помнить, что почтенная публика с нетерпением ожидает объявленной сексуальной сцены, — дележ Черного моря почтенную публику мало колышет. Значит, надо ей предоставить. Игра артистов, декорации, световые и шумовые эффекты — все, все, все должно быть направлено к достижению этой сверхзадачи. Как учили. По Станиславскому. Все внимание на мадемуазель Бель Амор!.. Это что-то особенное!.. Формы фигуры!.. Одетая в открытый военноморской купальник французского Иностранного легиона. «Открытый» — мягко сказано... Как можно откритей! Еще более того!.. Если хлопотно достать французский купальник —

можно и без купальника, но лучше все-таки в купальнике, чтобы мадемуазель Бель Амор могла снять купальник на сцене. Она рассказывает в купальнике по палубе авианосца «Уиски» на высоких каблуках и развозит ямайский ром, джин, бренди, водку, шнапс, мадеру, херес и что там еще пьют настоящие морские волки. Каблуки повыше, с подковами. Беспрерывное цоканье подков под рев взлетающих и садящихся «Фантомов» и «Мигов», беспрерывное мелькание обнаженных ног, плеч, бедер, ягодиц, груди и что там еще есть у французских секретарш — мадемуазель Бель Амор должна заполнять собой всю палубу авианосца. Важно заинтересовать, озадачить почтенную публику вопросом: кто именно из морских волков войдет в финале в интимную близость с мадемуазель? Кому из них мадемуазель благосклонно подарит свою любовь на глазах у почтенной публики? Вот вопрос вопросов! Шефу ли своему, Вермуту фон Шнапсвайтхорсу?.. Зачем ему любовь мадемуазель, он и так с ней спит... Атанасу ли Плискову с «Зализным Трезубом»?.. Надиру Цицандали с лимонкой в кармане или Кито Гурджаани с острым ножиком?.. А может быть, на палубе авианосца произойдет групповой сексуальный акт?.. Почтенная публика должна оставаться в напряженном неведении до самой финальной сцены.

Далее:

ТИХОМИРО БРАГУ, капитан-лейтенант Дунайской речной флотилии (г. Унгены). Курит кишиневские «Мальборо», тяготеет к Румынии и мучительно ищет выход для родной Молдовы в Эвксиинский понт по Дунаю через Рени — Измаил — Килию — Вилково. Как говорится, с понтом под зонтом. Мучительно не пьет с утра — он на работе, ему рубить для Молдовы окно в Европу; зато то и дело подзывает к себе мадемуазель Бель Амор, и та, цокая копытцами, по указаниям Брагу подливает ром, джин, бренди и т. д. играющим в шахматы поддавки адмиралам Водопьяных и Наливайко. В тихом омуте черти водятся, но на роль первого любовника в данной международной ситуации Тихомиро Брагу абсолютно не годится — ему окно рубить, а не заниматься любовью. Остров Змеиный у гирла Дуная был бы для него Находкой.

МАРЭНЭ СТОПУЛЕСКУ, адмирал румынского народного флота. Порт приписки — Констанца. Курить бросил, но в компании покуривает. Пить по-черному бросил, но потягивает сухой херес. Черная форменная дубленка, смушковая папаха с крылатым крабом. Бывший военно-морской летчик, участвовавший в поимке и расстреле удиравшего куда-то от народного гнева Кондуктадорэ Диктатуреску. Такие мужчины нравятся женщинам. Лексикон: «бадега», «сигуранца», «Транснистрия». Требуется под румынский протекторат все Черноморское побережье вплоть до Одессы и Николаева. Дадут Херсон — возьмет Херсон, почему бы не взять. Остров Змеиный — туда же, в торбу. Хмур, недоволен: «Баба на корабле — быть бидэ!» Имеет все шансы на успех у мадемуазель Бель Амор.

СУЛЕЙМАН ИБН ЗАЛЕЙМАН-ОГЛЫ, турецкий адмирал-эмир-паша. Истамбул. Владеет Босфором и Дарданеллами, остров Змеиный ему и на фиг не нужен, но готов выкупить на всякий пожарный случай — мало ли что. Яркая красная феска. Сидит, естественно, по-турецки на красивом турецком коврике. Курит кальян. Не пьет, ни-ни, ислам не позволяет; но веселые глазки и физиономия бордового цвета наводят на подозрение, что фарфоровый кальян заряжен мадерой. Вообще, очень живописен. Что-то тараторит длинными турецкими пулеметными очередями, в которых иногда проскакивают знакомые слова, вроде: «гешефт», «шахер-махер», «твоя-моя» и т. п. Безусловно, любвеобилен, — но предположить интимную связь мадемуазель Бель Амор с турецким эмир-пашой на палубе американского авианосца как-то странно... Впрочем, чем не шутит шайтан?

КАСАТОН ЕГОРЬЕВИЧ ВОДОПЬЯНЫХ, кавалер ордена Фороса и Белого Дома, не подчинившийся ГКЧП, из наших, беспартийный (из вышедших и никуда не вступивших), адмирал Российского Черноморского флота, достойный наследник адмирала Рождественского-Щусимского. Базы в Новороссийске и в Поти. Одну за другой курит папиросы «Беломорканал», хлопает рюмку за рюмкой, которые подсовывает ему Тихомиро Брагу, и то и дело вздыхает: «Просрали Рос-

сию, сволочи!» Играть в шахматные поддавки (выигрывает тот, кто подставит под бой все фигуры) на пустом ящике из-под мандаринов с адмиралом Наливайко, в надежде отыграть просранный какими-то сволочами Севастополь. Эту смазливую мамзель он попросту не замечает, или только делает вид. К Касатону Егорьевичу приближается то судьбоносное состояние, когда он на все способен — заорать: «Флот пропьем, но не сдадим!», дать в морду фону-барону Шнапсвайтхорсу, взять штурмом Севастополь, свернуть хребет острову Змеиный и даже сделать эту мельтешащую француженку прямо здесь, сейчас, немедленно, прямо на палубе американского авианосца!

ВАСЫЛЬ МЫКОЛАЕВИЧ НАЛИВАЙКО, адмирал 1-го Украинского Черноморского флота имени Петра Сагайдачного. Военно-морская база в Севастополе. 2-го флота на Украине еще нет, но будет, будет, можно не беспокоиться. На Украине все будет, как у людей, и остров Змеиный тоже. Одет по форме, но из-под расстегнутого кителя выглядывает вышиванная тельняшка. Курит «Ватру», глушит все подряд, щиплет мадемуазель Бель Амор за попку, травит анекдоты, спивает писню: «Два кольеры мои, два кольеры... червонный — то портвейн, а билый — то мицне...», и вообще, гарно себе почуває — Васыль Мыколаевич уже просчитал жертвенную комбинацию с отдачей коня, слона, туры, ферзя и самого шаха. (При слове «шах» Залейман-оглы вздрагивает и надрывает глаза феску.) Что еще о Васыле Мыколаевиче? Возможны запорожские вуса. (Шаровары и гопака не придумывать!) Своего не упустит. Вероятнейший претендент на мадемуазель Бель Амор, давно уже играющую с ним в поддавки и готовую подставить собственную фигуру.

ДЕЛЕГАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР. Татар двое. Первый депутат: **НАРОДНЫЙ ТАТАРСКИЙ ПОЭТ** (как же без поэтов?); второй делегат: **ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК** с татарского с трудно произносимой еврейской фамилией (как же без евреев?) Очень серьезные, очень вдумчивые люди. Хотели бы, если можно, договориться об автономии Евпатории. Им достаточно Евпатории, если можно. Если нельзя, то готовы даже

переселиться на остров Змеиный, если остров Змеиный получит суверенитет и независимость. Для групповой сексуальной сцены могут сгодиться.

ЮНГИ, МАТРОСЫ, СТАРШИНЫ, БОЦМАНЫ, МИЧМАНЫ, ГОСПОДА МОРСКИЕ ОФИЦЕРА в соответствующей форме (внимание костюмера!) Абхазии, Болгарии, Грузии, Молдовы, России, Румынии, США, Турции и Украины. Крымская делегация — в добротных костюмах при галстуках (без шика, но и не в джинсах же!).

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ США, в полном составе.

АКТ 1 ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

Шумно отдуваясь, всплывают и погружаются атомные субмарины и подводные лодки, с ревом взлетают и садятся «Фантомы» и «Миги», стук четок царицы Тамары и каблучков мадемуазель Бель Амор напрочь заглушают ведущиеся переговоры.

АТАНАС ПЛИСКОВ. (Попивает ракию, жестами показывает: «Ничего не слышно, братушки!»)

КИТО ГУРДЖАНИ. (Угощает всех мандаринами, кроме, понятно, адмирала Цинандали. На фуражку Кито пытается сесть натовский вертолет «Сикорски», но тут же взлетает — мала все же посадочная площадка. Режиссеру — найти фуражку побольше.)

НАДИР ЦИНАНДАЛИ. (Нервный тик. Все быстрее и быстрее перебирает жемчуг царицы Тамары. Быстрее! Крещендо!.. Еще крещендей!.. Стук четок напоминает стук зубов и начинает заглушать самолетный рев.)

МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕЛЬ АМОР. (Внимание: ура! Наконец-то снимает кулечку!)

Но морским волкам ЭТО ДЕЛО до лампочки.

СУЛЕЙМАН ИБН ЗАЛЕЙМАН-ОГЛЫ. (Уснул. Но во сне все слышит, видит и не забывает потягивать кальян.)

ТИХОМИРО БРАГУ. (Тяготеет к Румынии, но подливает Касатону Егорычу Водопьяных.)

МАРЭНЭ СТОПУЛЕСКУ. (Недоволен: женщина и штатские на корабле. Быть беде.)

ДЕЛЕГАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР С ПЕРЕВОДЧИКОМ. (Тихо мечтают между собой об автономии Евпатории или, на худой конец, о свободе и независимости острова Змеиный.)

КАСАТОН ЕГОРЬЕВИЧ ВОДОПЬЯНЫХ. (Одним ударом кулака в отчаянии расшибает шахматную доску, ящик из-под мандаринов и палубу авианосца: только что он сам, лично, просрал Керчь!)

ВАСЫЛЬ МЫКОЛАЕВИЧ НАЛИВАЙКО. (Предлагает играть в поддавки на Малую землю, имея в виду в конечном счете выиграть Новороссийск.)

МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕЛЬ АМОР. (Обида на лице французской женщины.)

ВЕРМУТ ФОН ШНАПСВАЙТХОРС. (Напряженно разглядывает в подзорную трубу остров Змеиный.)

Стук каблуков и четок, напоминавший клецанье зубов, переходит в зубовный скрежет.

БЫЧКИ. (Перестают дрейфовать в Одессу и группируются у острова Змеиный, как рыбки-лоцманы перед рылом тигровой акулы.)

ВЕРМУТ ФОН ШНАПСВАЙТХОРС. (Грубо отталкивает мадемуазель Бель Амор и отдает какой-то приказ господам офицерам. Судя по жестам: все по местам! с якоря сниматься!)

МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕЛЬ АМОР. (Плачет навзрыд. До глубины души оскорблена в лучших чувствах. Чтобы черт морской побрал этих военно-морских мужланов!)

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ. (С пушкинским островом Буяном что-то происходит... Он просыпается... Получает долгожданную свободу и независимость, приходит в движение, плывет, клецает зубами... Хребет Буяна, поросший молоденьким леском, оказывается хребтом проснувшегося гигантского чудовища, похожего на лох-несского плезиозавра, но раз этак в ты-

сячу больше и страшнее. Как можно больше и как можно страшнее! Чтоб страшно было!.. Еще больше!.. Еще страшнее!.. Открывается страшнейшая зубастая пасть, способная заглотить целый авианосец...)

Занавес опускается.

Раздается СЛОВО: — АМ!

АКТ 2

СЕКСУАЛЬНАЯ ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА

В небе суетятся осиротевшие «Фантомы» и «Миги». Во чреве чудовища на палубе авианосца «Уиски» духовой оркестр Военно-морских сил США еле слышно исполняет «Глори, глори, алилуйя».

На хребте убогого и опять уснувшего на тысячетия острова Буяна-Змеинного поднят военно-морской купальник французского Иностранного легиона. Под ним в заброшенной зоне лежит счастливая обнаженная мадемуазель Бель Амор. Солнце страстно ласкает ей грудь, бедра, ягодицы, плечи, руки, ноги и что там еще есть у прекрасных французов.

Занавес опускается.

Киев, 1992, 1997

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО, ИЛИ ВТОРАЯ СМЕРТЬ ИНСПЕКТОРА БЕЛ АМОРА

1

Инспектор Бел Амор разглядывал найденную на Марсе окаменевшую человеческую челюсть, которую он без спросу одолжил, а попросту, спер из Палеонтологического музея, и чувствовал себя, как герой фантастического рассказа, брошенный автором на произвол судьбы. Бел Амор и сам когда-то пописывал фантастику и даже напечатал один рассказец в научно-популярном журнале, но жизнь иногда подсовывает такие сюжеты, что никакому фантасту не снились. Какой он, к черту, инспектор, и какой он, к бесу, фантаст? Дело в том, что позавчера Бел Амор показал эту челюсть своему дантисту, и тот лишь в изумлении развел руками: зубы и пломбы найденной на Марсе человеческой нижней челюсти были идентичны зубам и пломбам нижней челюсти Бел Амора. Дантист провел экспертизу, узнал свою работу и подписал медицинское заключение.

Сейчас Бел Амор не знал, что с этой челюстью делать — вернуть ее в музей или...

Что «или»?

Бел Амору не нравилось это странное липкое слово с двумя «и» по краям и «л» в середине. Или. В этом слове не было позвоночника, оно походило на маленькую амебу.

Вчера он пытался советоваться с коллегами из Службы Охраны Среды (СОС), но те разглядывали пространство за его спиной, отмечали, что палеонтологические курьезы не по ихнему Ведомству и советовали Бел Амору обратиться все к тем же писателям-фантастам.

«Идея для фантастического рассказа неплоха, — говорили коллеги, — но где ударная концовка? А без ударной концовки никак нельзя. Очередной сюжет о жизни на Марсе? Жизни на Марсе нет, не было и не будет».

Бел Амор уже начал нервно оглядываться. Его раздражал даже собственный робот Стабилизатор, который уже ни на что не годился, кроме как бесшумно ходить по пятам и записывать мысли, произнесенные вслух, — т. е., превратился в обычного домашнего секретаря, умеющего к тому же подметать, жарить яичницу и произносить по телефону дежурные фразы: «Хозяина нет дома. Что ему передать?»

«Моя челюсть не может принадлежать никакому музею, — записал Стабилизатор бормотанье Бел Амора, ходившего из угла в угол. — Челюсть — это больше чем личная собственность. Челюсть — это неотъемлемая часть моего тела, как руки или ноги».

Бел Амор не мог жить дальше с такими сомнениями.

«Дальше так жить нельзя», — решил он, завернул свою нижнюю челюсть в носовой платок и отправился в Палеонтологический музей на прием к самому Адмиралу.

2

Это академическое светило было похоже на пирата на пенсии — отбушевавший белый карлик без левого глаза, с парализованной левой рукой и протезом вместо левой ноги. Полный рот золотых зубов. Когда Адмирал улыбался очередному восходу Солнца, зубы сверкали и улыбка получалась ослепительной. Фамилия у него давно отмерла за ненадобностью, и все называли его Адмиралом. Говорили, что свои ранения он получил еще в юности, в Африке, на раскопках какого-то очередного недостающего эволюционного звена, подравшись

с диким львом из-за каких-то древних костей. Зверю тоже не повезло — полузадушенного льва долго держали в реанимации, а потом по инвалидности боялись отпустить на волю.

— Пришли сдаваться? — сурово спросил Адмирал.

— Но...

— Челюсть на стол! Иначе я из вас ее вытрясу!

Делать нечего. Бел Амор выложил на стол музейную челюсть и подсунул к Адмиралу заключение медицинской экспертизы.

«...что указывает на то, что обе нижние челюсти абсолютно идентичны и принадлежат одному человеку, а именно, инспектору Бел Амору, что подтверждается тем, что...» — прочитал Адмирал, открыл банку с пивом и уставился на Бел Амора единственным правым глазом. Этот глаз и не таких видал.

— Вы в своем уме? С какой стати ваша собственная нижняя челюсть будет валяться на Марсе? — спросил Адмирал, ничему не удивляясь.

— Мне кажется, что я когда-то погиб там... на Марсе, — пробормотал Бел Амор и оглянулся.

— Как это понимать? Какая из челюстей ваша — та, что у вас во рту, или...

Бел Амору не понравилось слово «или». Неужто он в самом деле надеялся, что Адмирал выделит ему Гранд-Лопату и отправит в командировку на Марс искать самого себя?

Адмирал погасил свое изумление добрым глотком пива и, хотя много говорить не любил, произнес длинную речь:

— Палеонтология есть наука, — сказал он и задрал палец в потолок. — Палеонтология имеет дело с костями древних людей и животных, но ваши кости под эту категорию не подходят. Нижняя челюсть современного Шарика палеонтологию не интересует. Или интересует, но только в порядке сравнения с древним Бобиком. Далее. Любая наука — это точная последовательность причин и следствий. Например: жил-был на Земле австралопитек, он был съеден сородичами, а его обглоданные кости через двести тысяч лет нашли, расчистили, склеили, назвали все это «австралопитеком» и выставили скелет в музей. Но никак не наоборот: нашли в музее, назвали, разобрали, закопали и съели! Чувствуете разницу? В палеонтологии как нигде важна точная датировка и последовательность событий.

— Но мою челюсть нашли на Марсе под вулканом Никс-Олимпик,— пробормотал Бел Амор.

— Давайте договоримся: быстрее света двигаться нельзя, летающие тарелки не существуют, мысли на расстоянии передаются посредством телефона и разных там электромагнитных волн, а время движется в одном направлении — в будущее. Нижние челюсти не могут раздвигаться и находиться одновременно у вас во рту и под вулканом Никс-Олимпик. Вас кто-то разыграл. Какой шарлатан выдал вам эту бумажку?

Бел Амор ничего не ответил, потому что наконец понял, что его только что сравнили с каким-то Шариком. Он сунул медэкспертизу в карман и закрыл за собой дверь.

— Но как сюжет для фантастического рассказа... — насмешливо прокричал Адмирал вдогонку.

В коридорах Службы Охраны Среды уже летали слухи. Слово «слухи» Бел Амор отнес к насекомым типа гнуса — оно умело кусать, летать, ползать и быть неуловимым. Коллеги-оперативники куда-то от него попрятались. Бел Амор понял, что перестанет себя уважать, если не доведет этот сюжет до конца. К черту ударную концовку, пусть будет безударная, лишь бы была. Он найдет ее, жизнь на Марсе.

Он пошел к непосредственному начальству, взял месячный отпуск за свой счет, выписал на складе какую-то арестантскую тачку с одним колесом, лом, кайло и набор лопат, и отправился на Марс искать самого себя.

Его никто не провожал, лишь старенький подполковник из отдела кадров испуганно выглянул в окно и сделал жест, будто хотел то ли перекреститься, то ли постучать пальцем по лбу.

3

У подножия величайшего в Солнечной Системе вулкана Никс-Олимпик стоял каменный столб с надписью:

**ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КУРЬЕЗ!
НА ЭТОМ МЕСТЕ ЧЛЕНЫ 13-Й ЭКСПЕДИЦИИ
НАШЛИ ПОДЛИННУЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЧЕЛЮСТЬ**

Бел Амор привязал к столбу канат, разметил по радиусу круглый участок и оцепил его колючей проволокой. Потом

надул двухкомнатную палатку. Стабилизатор, сидя на камне, с интересом наблюдал за ним.

«Заткнись»,— подумал Бел Амор, хотя Стабилизатор с момента посадки не произнес ни слова.

Неработающий робот всегда раздражает.

Бел Амор развесил на колючей проволоке красные флажки и таблички с надписью:

НЕ МЕШАТЬ! ИДУТ РАСКОПКИ!

Знаменитый вулкан удивленно поглядел сверху на его старания и закашлялся дымом.

«Заткнись»,— мрачно подумал Бел Амор, и Никс-Олимпик удивленно заткнулся.

Бел Амор забрался в палатку, выпил сто грамм, поужинал и погасил свет. За окном начался кровавый марсианский закат. От земных закатов он отличался особой мрачностью — красные и черные слоистые небеса чередовались и напоминали траурную повязку, а звезды, в отличие от земных, светили не дыша и не мигая, как в почетном карауле у гроба. Гигантская вулканическая гора закрывала здесь полнеба, ее заснеженная вершина выглядела чуть ли не в космос. Как тут заснешь?

Из-за вулкана бесшумно и быстро взошел Фобос, за ним побежал Деймос — с таким таинственным видом, будто они только что кого-то зарезали на той стороне планеты.

«Вы тоже заткнитесь»,— подумал Бел Амор и завернулся в одеяло.

Фобос и Деймос обиженно заткнулись. Все на Марсе притихли. Грубиянов нигде не любят, даже на Марсе.

Всю ночь Бел Амору снились Фобос и Деймос, летающие гробы и клацающие челюсти; он просыпался, вздрагивая от страха и ужаса.

4

Утром Бел Амор принялся за поиски самого себя.

Первым делом он запустил резервный двигатель, расчитал участок от пыли и снял поверхностный слой грунта. Мелкие камни, попавшие в ловушку, внимательно осмотрел. Над вершиной Никс-Олимпика собирались мелкие розовенькие облачка — как видно, у них здесь было постоянное место встречи. На Марсе так мало облаков!

Бел Амор хмуро посмотрел на эту идиллию и вонзил лопату в мерзлый грунт.

Лопата тут же сломалась.

Тогда Бел Амор принес лом, кайло и запасную лопату и принялся рубить, дробить, долбать и копать. Мелкий грунт и ржавчину просеивал, а пустую вулканическую породу нагружал в арестантскую тачку с одним колесом, плевал на ладони, катил и вываливал за пределы участка. Он пытался ничего не пропустить и не делать работу на «тяп-ляп» — глупо тяпать и ляпать, когда ищешь самого себя.

«Себя редко находят сразу, себя долго собирают и склеивают по мелким фрагментам, и на это занятие иногда уходит вся жизнь», — думал Бел Амор, хотя ломовая работа не располагала к раздумьям.

В полдень он вынул из сита какой-то белесый камешек, обдул его, внимательно осмотрел, улыбнулся впервые за много дней и завернул камешек в носовой платок.

К вечеру на ладонях вздулись жгучие пузыри.

Ночью над вулканом, заглядывая в его жерло, зависла голубая Земля.

Во сне опять Страх и Ужас.

Утром поясница как простреленная.

Через неделю Бел Амор стал походить на собственный скелет. Земляные работы продолжались. Каждый вечер он приносил в палатку несколько окаменевших костей, груды на столе росла, она напоминала остатки каннибальского пиршества. Бел Амор упрямо продолжал рыть землю, хотя прекрасно понимал, что это была не земля, а марсианский грунт. Ему нравилось рыть именно землю. Это слово здесь было к месту.

«Приземляться на Марс» — правильное выражение, — думал он, ворочая ломом громадный оплавленный камень. — На Марс приземляются, к астероидам пришвартовываются, в Юпитер погружаются, а на Меркурий осторожно садятся, как на раскаленную плиту. У каждой планеты своя посадка».

5

Прошел месяц. Отпуск закончился.

Каждый божий день без выходных Бел Амор продолжал рыть землю.

Еще через месяц прямо над головой он услышал оглушительный выстрел раскрывшегося парашюта.

Кого-то сюда несло...

По его душу.

Это был черный фургон с пиратской палеонтологической эмблемой на борту — черепом и двумя перекрещенными костями. Не снижая скорости, фургон отбросил тормозной парашют, с грохотом зашел на посадку и чуть не врезался в вулкан.

В недрах Никс-Олимпика что-то громко булькнуло.

Фургон еще дымился после лихой посадки, а из него уже выбирался сам Адмирал в поношенном скафандре на подтяжках и с банкой пива в парализованной левой руке. Пиратский череп на его рукаве выглядел особенно зловеще. Главный охотник за черепами был в плохом настроении. Стабилизатор подбежал к нему и подобострастно отдал честь.

— Все переговоры мой командор возложил на меня, вот официальная доверенность с нотариальной печатью,— сказал Стабилизатор.

Адмирал с удивлением прочитал эту филькину грамоту — «...в здравом уме и трезвой памяти, доверяю и поручаю моему роботу представлять меня...» и т. д.— скомкал ее и тихо спросил:

— Кто дал вам право копать на Марсе?

— На Марсе никто не копается,— охотно отвечал Стабилизатор.— Мой командор копается в Марсе. «В» и «на» — разные вещи. Маленькая буква, а меняет все дело. Любой юрист это подтвердит. Мы решили не брать лицензию. Мой Командор зол на всю Вселенную. Он поклялся молчать до тех пор, пока не найдет самого себя. Не знаю, что у него из этого выйдет, мне он запретил помогать, зато я наговорюсь вволю. Вы не беспокойтесь — все находки он регистрирует, фотографирует, измеряет и описывает,— я слежу.

Адмирал допил пиво и швырнул банку в Стабилизатора. Тот увернулся, и банка, гремя, покатилась по Марсу.

— Какие еще находки? — мрачно спросил Адмирал.

→ В палатке. Можете взглянуть, но руками не трогать.

В палатке на большом столе была разложена грязная груда человеческих костей. Они еще не были склеены, но скелет уже вполне обозначился. Адмирал растянул подтяжки, громко стрельнул ими в свой живот и потер ушибленное место.

— Это что? — спросил он и ткнул тростью в какую-то треснувшую пластинку.

— Это великолепный обломок человеческого черепа,— начал объяснять Стабилизатор.— Лобная кость. Взгляните, какие прекрасные отпечатки мозговых извилин. Какой узор! А вот изумительная берцовая кость. А вот... А это...

— Теперь я знаю, почему на Марсе нет жизни,— задумчиво сказал Адмирал.— На Марсе жизни нет от проходимцев!

Он так хлопнул дверью, что по Марсу пробежал небольшой пылевой вихрь. Адмирал похромал к месту раскопок, разъяренно колотя себя тростью по голенищам,— как лев хвостом перед нападением.

Бел Амор продолжал дробить ломом вечную мерзлоту, когда тень Адмирала упала на дно ямы. Бел Амор задрал голову, посмотрел Адмиралу в глаза и швырнул ему на сапоги лопату грунта. Инспектор понял: если ему суждено когда-нибудь здесь погибнуть, то это произойдет от руки Адмирала.

Адмирал отряхнулся, сел на краю раскопа и принялся наблюдать за работой Бел Амора. Он уважал тех, кто умеет рыть землю. «Палеонтология есть физическая наука,— учил Адмирал студентов,— в которой главный научный метод в том-то и состоит: «Бери больше, кидай дальше, копай глубже». Вкалывать надо!»

— Я готов верить в безумные идеи,— сказал Адмирал в яму.— Я эти идеи сам сочиняю. Идеи могут быть сумасшедшими. Пожалуйста! Но не их авторы! Чем вы занимаетесь? Ищете на Марсе самого себя?

— Побережись! — крикнул Бел Амор и вывалил на Адмирала очередную лопату грунта.

— Не грубите,— продолжал Адмирал, отряхиваясь.— Я хочу разобраться. По-моему, безумные идеи ученых отличаются от дилетантских фантазий. Они происходят от точного знания, а дилетанты любят всякие недостающие звенья. В палеонтологии им рай.

В ответ из ямы вылетела грязная сплюснутая банка из-под пива.

— Это что? — спросил Адмирал.

— Банка из-под пива,— с готовностью объяснил Стабилизатор из-за спины.— Найдена только что на ваших глазах под вулканическим выбросом возрастом в четыре миллиарда лет. На ней даже сохранилась надпись: «...иво жигуле...»

— Заткнись! — начал звереть Адмирал.— Вы хотя бы знаете, что происходило четыре миллиарда лет назад? Детство Солнечной Системы! Младенчество! Пространство еще забито первичной материей, но Система уже дышит, самообучается, отдельные ее элементы и части нащупывают свои орбиты и функции, ну и, конечно, Московский пивзавод не в стороне от проблем мироздания — как же без пива?! А где дата выпуска? Свежее ли пиво? Какого числа и года? Стерлись годы! Вот ваши шарлатанские методы!

В ответ из ямы — молчание.

Бел Амор раскорячился на дне раскопа и расчищал очередную находку: золотой зуб.

«С Марсом пора кончать,— тоскливо думал Бел Амор.— Это гиблое место. Хватит марсианских хроник, сколько можно!»

Он выбрался из ямы, отбросил лом и огляделся по сторонам, фиксируя пейзаж.

«Меня здесь нет,— растерянно думал Бел Амор.— Я нашел не того, кого искал... Где же теперь Я?»

6

Кто не был на Марсе — все сюда!

Разгар лета, полдень, не холодно, тепло, даже жарко — минус двадцать по Цельсию. Близится Великое противостояние Марса с Землей, свидание неминуемо, планеты идут на сближение,— Марс краснеет и надувается, как индюк, Земля невинно голубеет и видна уже даже днем. Марсианский грунт, окисляясь, цветет ржавчиной, из замерзших пылевых сугробов торчат валуны и обнажаются гладкие застывшие потоки лавы. Рай для геолога, зато скука для писателя-фантаста,— о Марсе столько написано, что он уже не вдохновляет. Из-за обилия в грунте скисающего железа марсианская блекло-красная гамма кажется экзотичной только поначалу, но вскоре взору становится невыносимо скучно, как в глубине Сахары. Здесь не завихряются облака, как на Юпитере, Фобос и Деймос чересчур малы, чтобы соперничать с блеском Луны, и уж никакого сравнения с окрестностями Сатурна, где глаз нельзя оторвать от разноцветной карусели колец и спутников. Безжизненный Марс смертельно скучен, как были скучны не заселенные людьми равнины фантастических опусов самого Бел

Амора,— как оживить эту равнину, он не знал и вовремя догадался бросить это занятие. Нет жизни на Марсе, ни малейшего движения не наблюдается, разве что по утрам низко-низко клубится пыль, возмущенная приливом Земли, да Стабилизатор бродит у фургона и к чему-то прищипывается.

Бел Амор развернул носовой платок и показал Адмиралу осколок нижней человеческой челюсти с золотым зубом.

— Как, еще одна нижняя челюсть? — удивился Адмирал. — И опять ваша собственная? Сколько нижних челюстей может быть у одного человека? Я слышал, что вы когда-то пописывали фантастические рассказы?

— Вот что, Адмирал,— ответил Бел Амор.— Занимайтесь своей палеонтологией и не лезьте в литературу. Литература нужна для того, чтобы каждый мог найти самого себя, вот и все. Жизнь на Марсе существует в человеческом воображении — значит о ней нужно писать, о ней пишут, значит она существует. А это не моя челюсть. И кости в палатке тоже не мои. Я тут кого-то нашел, но, к сожалению, не себя.

— Чьи же это кости? — опять начал звереть Адмирал, потому что уже догадался, чьи.

— Эта нижняя челюсть с золотыми зубами лежала рядом с банкой из-под пива под камнем возрастом в четыре миллиарда лет. Если вы откроете рот и позволите мне осмотреть ваши золотые зубы, то я точно определю, кому эта челюсть принадлежит.

7

Адмирал был большим светилом в палеонтологии, но иногда у него случались затмения — ум заходил за разум, протуберанцы можно было наблюдать через закопченное стекло, но близко не подходить. Стабилизатор удрал в палатку от греха подальше. Адмирал зарычал. Вулкан вздрогнул, ледяная лавина углекислого газа с грохотом понеслась вниз по склонам и затихла по ту сторону залива.

Почему он, Адмирал, сразу не узнал свою лобную кость и этот прекрасный узор собственных мозговых извилин? Он столько черепов повидал на своем веку, что в этом черепе не имел права ошибиться — все в нем было родное, недаром его неодолимо тянуло на Марс. Это он когда-то погиб здесь с бан-

кой пива в руке; его зашибло вулканической бомбой, а он не делал даже попытки к бегству — с пивом не бегут! Тут она его и настигла...

Одинокая слеза побежала из мертвого адмиральского глаза. Затмение закончилось, ум и разум благополучно разошлись по своим орбитам. Найти самого себя не шутка. А впрочем, обычное дело. Нашел себя, и ладно. Кости современных академиков палеонтологию не интересуют.

— Я оставлю вас наедине,— сказал Бел Амор и протянул Адмиралу носовой платок.

— На кой черт,— буркнул Адмирал.

Бел Амору стало ясно, что Адмирал не собирается паковать и тащить на Землю свой скелет, чтобы поставить его в гостиную и предъявлять гостям. Он зауважал Адмирала.

— Пусть ваш робот откроет фургон,— неохотно сказал Адмирал.— Я привез вам Гранд-Лопату.

8

Стабилизатор выбежал из палатки, с нетерпением сорвал пломбу, открыл створки и с благоговением заглянул в фургон. Он давно мечтал познакомиться с этой недотрогой. У него дух захватило: в фургоне расположилась самая очаровательная из всех Лопат, которые он когда-либо встречал,— чудное создание с разнокалиберными ковшами, тесачами, манипуляторами и с густым ситом для просеивания породы, которое, как вуаль, прикрывало позитронный процессор пезнакомки.

Вулкан величественно поддал дыму.

— Сударыня, прошу! — суетился Стабилизатор, выдвигая трап.— Ваш манипулятор! Осторожно, здесь ступенька!

— Вы очень любезны,— отвечала Гранд-Лопата, грациозно съезжая по трапу на Марс.

— Это Марс! А это мы! — орал Стабилизатор.— А вы и есть та самая знаменитая Гранд-Лопата, которая откопала Атлантиду в Антарктиде? Меня зовут Стабилизатор. Мы тут копаем! Мой командор ищет здесь самого себя, а я ему помогаю.

— Ох уж эти мне искатели,— вздохнула Гранд-Лопата.— Покоя от них нет — перерыли всю Землю, теперь взялись за Марс. Дай им волю, они раскопают всю Солнечную Систему и вернут ее в первозданное пылеоблачное состояние. Тут

вскоре соберется целая толпа и сравняет Никс-Олимпик с землей. Лопат на всех не хватит, они начнут рыть землю руками... зубами! Жизнь на Марсе? Возникнет! Тут будет кемпинг, там — автостоянка, здесь — танцевальная площадка. Вы умеете танцевать?

Стабилизатор совсем разомлел и чуть было не попал под колеса. Он собирался пригласить Гранд-Лопату в укромный кратер и переговорить с глазу на глаз, но она уже начала вдохновенно рыть. Действуя ковшами, она на полной скорости снимала пласты марсианского грунта, дробила камни, просеивала и выплевывала пустую породу за красные флажки. Гранд-Лопата умела отличать органические останки от неорганики, а попросту не путала кости с грунтом; ее можно было запрограммировать на добывание чего угодно — нажал нужную кнопку, и поехали! — добывать золото в Якутии или битые амфоры со дна Индийского океана. Ночью она даже могла включать прожекторы! Удобнейшая вещь — ее создатели получили большой «Гран-при» и золотые медали Всемирной Технологической академии, а писатель-фантаст, предсказавший ее, — такой же большой гран-кукиш.

Стабилизатор пристроился рядом с новой подругой, Гранд-Лопата благосклонно подкидывала ему ковшик грунта, и он, довольный, катил свою тачку за пределы участка.

— Пусть рюют, может, найдут мою левую ногу, — сказал Адмирал.

9

Он взял Бел Амора под руку и стал прогуливать его по Марсу.

— Мне надо выговориться, — сказал Адмирал. — Мы ищем всякие недостающие эволюционные звенья, но никак не можем добраться до самого первого звена. Как возникла жизнь, как произошел переход от неживого к живому? Марс как будто создан для жизни. Что ни пейзаж, то великий шедевр жизнеподобия. Поглядите на эту рощу пушистых канадских елей! Жаль только, что они красного цвета. Я всегда смотрю на них с изумлением, хотя понимаю, что это обыкновенные скалы, причудливо обработанные ветром и газированной водой.

— Почему газированной? — удивился Бел Амор.

— А как прикажете называть эту замерзшую воду с углекислым газом? Газированный лед? Здесь случаются поразительные миражи — когда на Земле безоблачно, в ночном небе Марса отражаются океанские волны с Летучими Голландцами. Эти зрелища потрясают непосвященного, но случаются и обманы другого рода... Взгляните!

Бел Амор взглянул вверх, и его нижняя челюсть отвисла от удивления — прямо над головой, высматривая добычу, парил громадный орел, лениво шевеля рулевым оперением.

Прошло достаточно времени, пока Бел Амор догадался, откуда появилась на Марсе эта птица — над ними, как воздушный змей, зацепившись стропой за склон вулкана, летал обрывок огнеупорного тормозного парашюта.

— Поиски самого себя — преглупое занятие, — продолжал Адмирал. — Это как надо себя потерять, чтобы нельзя было найти! Ау, где я? Я никогда себя не терял. Ни при каких обстоятельствах. А вот меня вечно кто-нибудь искал, всем я зачем-то нужен... а вы нашли меня даже на Марсе, да еще в таком разобранном состоянии. Находка моих костей в четырехмиллиардных отложениях — эпохальное палеонтологическое событие. Оно наводит меня на размышления. Конечно, интересно узнать, КАК мои кости там очутились... Предположим — когда взрывается такой вулкан, со временем должно что-то происходить. Дернешь за пространство, время раскроется. Но сейчас меня другое интересует — ЧТО я там делал? Не мальчишка же я в самом деле, чтобы на старости лет забросить все дела и примчаться на Марс... У меня сейчас раскопки под Килиманджаро... а я тут... Что я там делал? Что я тут делаю?

— Вы там... или тут... что-то искали, — предположил Бел Амор.

— Что?

— Еще не догадываетесь? Конечно же, вы искали недостающее звено — звено между живым и неживым. Тайну происхождения жизни — на меньшее вы не согласились бы.

— Да, пожалуй, — согласился Адмирал. — В моем-то возрасте нечего мелочиться. Но вы, кажется, знаете обо мне больше, чем говорите. От вас здесь осталась нижняя челюсть, значит, вы в те времена — как и сейчас — находились рядом со мной? Выкладывайте!

— Диспозиция, в общем, была такая. Ваш скелет я нашел — вот он, перед вами; а мой, если не считать нижней челюсти, куда-то запропастился. Получается, что вы стояли под вулканом с банкой пива в руке и — что вы делали? Наблюдали, как я лезу наверх? Вы погибли тут, а я там?..— Бел Амор указал сигаретой на вершину вулкана.— Значит, сейчас мы должны повторить этот научный эксперимент. Я не считаю себя умнее или глупее самого себя, каким я был четыре миллиарда лет назад. Если я полез на Никс-Олимпик тогда, значит, должен полезть и сейчас.

Бел Амор прикурил от бычка окурка очередную сигарету и отшвырнул окурочек. Засорение Марса шло полным ходом — пивные банки, бычки и бумажные обрывки разгуливали под Никс-Олимпином во всех направлениях. Бел Амор машинально отметил, что фантастического рассказа о засорении Марса еще вроде не было.

— Что-то вы темните,— вздохнул Адмирал.— Когда на Земле вы пришли ко мне на прием, вы уже знали, что придется лезть на вулкан?

— Догадывался.

— Почему же вы мне тогда не сказали?

— Потому что вы сравнили меня с каким-то Шариком.

— Ясно. Извините. Так. Теперь объясните конкретно: за каким-таким недостающим звеном вы туда полезли, и тогда, как и четыре миллиарда лет назад, я стану под вулканом с банкой пива в руке.

— Обещаете?

— Клянусь!

10

— Перед нами самая большая гора в Солнечной Системе,— сказал Бел Амор.— Взгляните, какая пушка! Двадцать семь километров в высоту... Эверест этой горе в подметки не годится. Представляете, что произойдет, если Никс-Олимпик стрельнет? Последнее время он ведет себя беспокойно... Слышите? Гудит! Мою сумасшедшую идею нелегко сформулировать. Зачем я туда полез... В нашей земной жизни Марс занимает особое место. С другими планетами меньше шума. Все давно на него устали — почему? Всем что-то чудится. Без жизни нельзя. Так не бывает, чтобы без жизни. И если на

Марсе жизни нет, значит, это что-то значит. Что такое смерть — всем известно. А наоборот? Что это за штука — жизнь? Откуда взялись эти страшные гены, будто варившиеся в одном котле? Жизнь на Земле не может быть уникальным явлением. Если признать, что жизнь — это обычное состояние Вселенной, то в каком-то смысле Вселенная сама является живым существом. А уж Солнечная Система — подавно. Мы можем попробовать рассмотреть ее как единый организм и попытаться понять функции отдельных ее частей. Так наука рассматривает, например, лес, океан, пустыню, джунгли...

— Я, кажется, начинаю понимать...— пробормотал Адмирал.— Разгадка бессмертия, и не меньше! Стал бы я тут на старости лет гоняться за каким-то скелетом. Эй! — заорал он.— Зарывай обратно! Кому сказал! Раскопки прекращаются! Чтобы здесь все было как прежде!

Под Никс-Олимпийком уже появился глубокий котлован. Вулкану это здорово не нравилось, он гудел и подрагивал. Гранд-Лопата вздохнула, развела рычагами и принялась засыпать котлован. Стабилизатору было все равно — что рыть, что зарывать.

Бел Амор продолжал:

— Любые сравнения Солнечной Системы с живым организмом будут натянуты. Ладно, не в сравнениях дело, а в том, что каждый элемент Системы зачем-то ей необходим. Солнце — это, конечно, сердце Системы. Оно греет, пульсирует, гоняет кровь и задает жизненный ритм. Не надо увлекаться, но Юпитер можно сравнить с желудком — все жрет и переваривает, Сатурн — с печенью и фильтром, а Нептун — с желчным пузырем. Можно проводить аналогии с жабрами, с кровообращением и так далее, но сейчас меня интересует планетная связка, отвечающая за возникновение жизни.

— Земля и Марс?

— Да. Моя вулканическая гипотеза возникновения жизни на Земле состоит в том, что гены зарождаются внутри Марса,— жизнь надо искать «в» Марсе, а не «на» Марсе. «В» и «на» разные вещи. В Марсе, как в гигантском котле, варится дезоксирибонуклеиновая кислота. Во время Величайших любовных противостояний Марса с Землей, после чудовищных извержений и сдвигов в пространстве—времени самые жизнестойкие гены попадают в раннюю Вселенную, на перво-

бытную Землю. Таким образом жизнь запосится из будущего в прошлое. Она, жизнь, продолжает возникать беспрерывно, а моя идея прямо указывает на природный очаг возникновения жизни... — Бел Амор опять указал очередной сигаретой на вершину Никс-Олимпика.

После этих слов поверхность Марса зашевелилась, планета заходила ходуном. Адмирал заворожено смотрел не на вершину вулкана, а на кончик сигареты этого неудавшегося писателя-фантаста.

11

— Не смущайтесь,— сказал Адмирал.— И называйте вещи своими именами. Все части тела имеют право на существование, а эта часть Солнечной Системы называется очень уважаемым словом из трех букв...

Послышался скрежет. Адмирал оглянулся. Котлован уже был засыпан. Стабилизатор и Гранд-Лопата пристроились за палаткой и занялись любовными играми.

— Пошли вон! — загремел Адмирал. Ему не хотелось иметь лишних соглядатаев при зарождении жизни.

Никс-Олимпик громко вздохнул и выпустил тучу пепла. Началось землетрясение — Бел Амор знал, что «землетрясение» правильное слово. Они вбежали в палатку, и Бел Амор принялся натягивать штурмовой альпинистский скафандр. Адмиральские кости дребезжали на столе.

— Смотрите, мои старые кости чувствуют землетрясение,— заметил Адмирал.

Его ничем нельзя было смутить — любая мысль имеет право на существование, и он хотел обдумать эту сумасшедшую мысль до конца.

— Я, кажется, понял вашу безумную идею,— сказал Адмирал.— Жизнь — это что-то вроде круговорота воды в природе. Если мы уже один раз были вовлечены в этот круговорот и присутствовали при зарождении жизни, то все надо повторить сначала в том же порядке. Глупо это или нет, но рисковать жизнью на Земле мы не имеем права,— я должен стоять на этом месте с банкой пива в руке, а вы должны карабкаться на этот... Тут недалеко, всего двадцать семь километров. Решено!

Они успели выскочить из палатки, и пылевой шквал забросил ее на канадские ели, под которыми прятались Стабилизатор и Гранд-Лопата. Марс раскачивался, ходил ходуном на орбите, за ним волочился пылевой хвост.

«Новый тип двигателя,— сгоряча подумал Бел Амор.— Если такой вулканище шарахнет в полную мощь, планета может слететь с орбиты!»

Бел Амор бежал к подножию вулкана.

Никаких раскопок на Марсе!

Марс предназначен совсем для другого!

Бел Амор задрал голову. Озверевший вулкан, дрожа и напугавшись, швырял в космос камни и клубы пепла; из него, как из сифона, рвалась газированная вода; в наступившей темноте на Бел Амора смотрели Фобос и Деймос.

— На абордаж! — ободряюще крикнул Адмирал и открыл банку с пивом.

Слово «абордаж» Бел Амор относил к самым лихим хищникам семейства кошачьих. Он оглянулся последний раз в своей жизни и крикнул:

— Прощайте, Адмирал!

Все. Теперь вверх.

Надо лезть...

«Надо лезть, чтобы повторить все условия, существовавшие четыре миллиарда лет назад при зарождении жизни на Земле, иначе, черт его знает, у Марса с Землей без нас может что-то не получиться; жизнь ведь такая штука, что никогда толком не знаешь, есть она или ее нет», — так думал Бел Амор, когда Никс-Олимпик шарахнул в полную мощь и, с треском проломив пространство, зашвырнул его на Землю на четыре миллиарда лет назад, где последним ощущением Бел Амора было то, что он наконец-то нашел самого себя, когда его собственная дезоксирибонуклеиновая кислота выпадала в первобытные океаны молодой Земли.

В это же время Адмирала, невозмутимо допивавшего пиво посреди этого планетарного, но жизнеутверждающего катаклизма, посетила последняя в его жизни сумасшедшая идея — о том, что даже неудачливые писатели-фантасты в самом деле для чего-то нужны.

Киев, 1983, 1997

вать правым глазом дохлую рыбешку. Понюхала, клюнула, тяжело вознеслась над рекой, прилетела на кладбище, уселась на обелиск с медальоном.

— Тьфу, дура, напугала,— сказал Дождевой Червь.

— Почему «дура»? — обиделась Ворона, сплюнув дохлую рыбешку на могильную плиту.— Я «он», а не «она».

— Самец, что ли? Кто вас, птиц, разберет... Дурак, значит.

— Ничего ты не понимаешь. Я — ВОРОН. Нас два семейства, но с разными ударениями — ворóны и вóроны. Среди воронов есть самцы и самки, и среди ворон — та же картина. Я — ворон, но самка. Название у меня мужского рода, а суть женская.

Дождевой Червь очень удивлен, даже Сивый Мерин наконец-то проснулся и спросил:

— Как же вас все-таки называть?.. Дурак или дура?

Задумалась Ворон.

«Кто же я такая? — мучительно соображает Ворон.— На сосне у меня воронье гнездо, в гнезде лежит крапленое кукушачье яйцо. Из него скоро должен вылупиться вороненок. С этой стороны я, несомненно, «она». С другой стороны, самка ворона — тот же ворон. Выходит, «он»...

— Ни «дурак», ни «дура» вам не подходит,— размышляет Дождевой Червь.— Вам подойдет слово «дурачина» — оно и мужского и женского рода одновременно. И без разных ударений.

Ух, обиделась Ворона! Спрыгнула с обелиска, схватила дохлую рыбешку, перелетела через реку, сверкая на солнце черным оперением, зашебуршилась в гнезде.

— Ловко я ее! — радуется Дождевой Червь.— Слышь, Сивка... Спишь? Переходи ко мне в лужу, я подвинусь.

— А в прежние времена вороны дождевых червей с потрохами ели! — кр-р-ричит Ворон с того берега.

— Ду-ра-чи-на! — разносится в ответ над рекой.

— А сам ты кто? Кто ты сам?!

Призадумался Дождевой Червь, даже Сивый Мерин опять проснулся и спросил:

— Слышь, Червяк, а ведь Ворон права... Сам-то ты кто будешь?

«Странно,— раздумывает Дождевой Червь.— Вроде бы я — «он». Или все-таки «она»?..»

— Червячишко я,— заговаривает зубы Червяк.— Маленькое бедненькое червячишко. Кончаюсь на «о». В земле, в грязи пробавляюсь, рою ее окаянную, взрыхляю ее, обрабатываю... А в награду что? Переспать в луже с ясным солнышком?

— Земледелец, значит,— вежливо соглашается Сивый Мерин.

— В нашей реке такие земледельцы на крюках за ребро висели, а рыбы их кушали,— сообщает из вороньего гнезда дохлая рыбешка.

— Кто там рыба, не вижу?!— злится Дождевой Червь и для испугу извивается как гадюка.— Кто там развонялся?

— Ты не хами, Червяк,— окончательно просыпается Сивый Мерин.— Конечно, запах от нее не деликатесный, но это не значит, что тебе все дозволено.

— Я не «она»,— отвечает дохлая рыбешка.— Я — КАРАСИК.

— Дохлятина, вот ты кто! — парирует Дождевой Червь.— Попался бы мне в луже, я бы с тобой иначе поговорил!

— Спать пора,— зевает Сивый Мерин.— Всем — отбой! Кто слово скажет — растопчу!

Тишина. Полдень.

«Ладно, потом поговорим»,— думает Дождевой Червь, заползая в старый прохладный десантный ботинок.

Спит Сивый Мерин, пахнет Карасик, Ворон в гнезде высиживает Кукушонка. Плывет по течению пьяный могильщик с лопатой. Ни ветерка, ни дуновенья. Воздух понемногу замешивается в кисель; когда-нибудь будет гроза, но не раньше осени.

— А я — КОНЬ! — гордо бормочет во сне Сивый Мерин.— Я — Конь, и в этом нет сомнений.

Проходит полгода.

На реке ледоход. Скелетик Карасика свесился из родного гнезда, прохладается на ветерке, поглядывает в родную стихию. Нет тишины над рекой, плачет медь, горят трубы, из города по ж.-д. мосту несут покойника. Все ближе подходит процессия, все явственней звучит скорбная нота.

Значит, кто-то умер.

— Слышь, Червяк...— просыпается Сивый Мерин.— Несу кого-то!

Но десантный ботинок перерублен могильной лопатой, червяков теперь двое.

— Кто это тебя? — соболезнует Сивый Мерин.

Спит Червяк, не в курсе дела.

— Эй, Карасик, а где твой дружок Ку-ку? — ищет собеседника Сивый Мерин.

— Вышел из колыбели... Улетел куковать в город,— меланхолично сообщает скелетик Карасика, свешиваясь из гнезда вблизи головы.— Шуки пынче голодные.

Не ошибся Сивый Мерин — несут, принесли, отворяют ржавые ворота.

— Эй, кума, кого несут?

— Не видать отсюдова,— отвечает Ворон.

— По какому разряду?

— С артиллерией!

— Генерал, значит. Как минимум... Перелетай к нам, кума! Отсюдова лучше видно!

— Давай ты ко мне, с сосны далеко видать!

— Лень, кума, крылами махать!

— Мерин ты сивый! — удивляется скелетик Карасика.— Ну, где, где у тебя крылья? Взмахни, покажи!

— Они у меня складные,— бормочет Сивый Мерин.— На зиму припрятаны, чтоб моль не съела. Слышал про коней-пегасов? Я вот из их породы.

— Если ты Пегас, то я... Летучая Рыба! — насмехается Карасик.

Ур-р-ра, вносят покойника!

— Генерал какой? Военный или гражданский? — спрашивает Ворон.

— Не видать!.. Свинцовый!

Молчит похоронный оркестр. Горят трубы.

В тишине ищут могильщика.

Мерзавец опять напился, яму не вырыл.

Нашли, ведут с лопатой.

Еле идет.

Копают.

Начинается официальная часть.

Под сосной садится солнце, распорядитель в черном произносит речь, оркестр играет полонез Огинского, солнце сидит, могильщик ищет веревку. Свинцовый гроб опускают в могилу, и кладбище вздрагивает — зенитки бьют в закат, небо расцветает ракетами.

— Ишь, долбанули! — пугается Ворон, слетая с сосны.

Кончено. Идут поминать покойника.

— Кого хоронят? — просыпается Дождевой Червь. — О, привет!.. Ты откуда взялся?!

— Ниоткуда я не брался. Всю жизнь в ботинке живу, — отвечает его половинка.

— Извините, но хозяин этого ботинка я.

— Вы хотите сказать, что я обманываю?

— А кулаки у вас на что? — подзадоривает Сивый Мерин.

— Стой где стоишь, сами разберемся!

Могильщик спускается под обрыв к реке, с уважением разглядывает размытые кости мастодонта, долго плавает саженьками и фырчит, как лошадь, от удовольствия, мастодонт трубит в просверленную мозговую кость.

— Прогуляемся? — спрашивает более смелый Червяк.

— Я не гуляю с незнакомцами, — опускает реснички более скромный Червяк.

— А танцы вы любите?

Весна ласкает вечернее кладбище, бесшумно растет трава, едва слышно лопаются почки на кусточках.

К ночи на холм возвращается мокрый могильщик, но трезвый.

— Жизнь прошла, а не пожил, — вздыхает он.

— Так надо было жить, а не пить, — наставляет Ворон.

— Где жить, как жить, когда жизни нет? Вам хорошо, у вас никаких проблем. Ты — ворона, тот — червячок, а этот карасиком при жизни был...

— А ты кто? Человек! Оно звучит!

— Какой же я, братцы, человек, — горько усмехается могильщик. — Обыкновенный мутант с лопатой. Был бы я человеком!.. А мутант — он и есть мутант, весь в стадии революции. Сегодня он — такой, завтра — другой, через год — мать родная не узнает. Сам себя боюсь.

Притихли, задумались.

— Вот когда я был человеком...— нарушает тишину Сивый Мерин.

— Скажите пожалуйста, он и человеком был! — удивляется скелет Карасика.— С крыльями?

— Были такие кони с человеческой головой. Кентаврами назывались. Слыхал? От них свой род веду.

— Были кентавры, были. Сам хоронил,— подтверждает могильщик.— И пегасов хоронил, с крыльями. Сюда всяких несут.

Нечего сказать Карасику, молчит. Хорошо, наверно, быть человеком...

— Вот когда я был кентавром...— решает продолжить Сивый Мерин.

— Чего его слушать! — кричит Ворон с сосны.— Я в девках был, когда его родители бракосочетались. А туда же — пегас, кента-авр!

— Если он кентавр, так я... русалка! — хохочет Карасик.— Русалок хоронил, могильщик?

— Женщин с рыбьим хвостом? Хоронил. Всех хоронил. И всяких.

Молчит Сивый Мерин. Правду он говорит... Был он кентавром, был! И пегасом был! Не верят...

— Вот что, братцы, пу вас к лешему,— говорит могильщик, когда в городе кукушонок кукует полночь.— Удивляюсь я вам — чего вы ссоритесь? Не успеет кто слово сказать, все на него насакивают. Ну, приврет малость, зато интересно. А вы слова не даете.

— Все р-равно все равны! Если он кентавр-р, тогда я... тогда я жар-р-птица! — каркает в темноте Ворон.

Плачет Сивый Мерин.

Могильщик безнадежно трясет рогами, закапывает лопату, чтоб не украли, и отпрапляется на все воскресенье в город искать других собеседников. К ночи он возвращается и, боясь, что его перебьют, торопится рассказать историю, которую слышал в городе.

— Жило-было Клубничное Варенье...— начинает он.

— Что говоришь, могильщик? — спрашивает Карасик, отвлекаясь от таинственного гороскопа в небесах.

— Жило, однажды, было Клубничное Варенье...— начинает сначала могильщик.

— Подожди, подожди, могильщик... Как там мой, в городе? — спрашивает ворон, усаживаясь на любимый обелиск с медальоном.

— Кукует, зарабатывает. А что ему — ку-ку да ку-ку.

А червяков нет в ботинке, отправились к реке, окунуться. Над кладбищем развесилась перевернутая звездная бесконечность, все предрасполагает начать сначала.

— Итак, — говорит могильщик, когда кворум собран. — Однажды в стародавние времена, в эпоху начального завоевания космического пространства, жило-было в колыбели человечества Клубничное Варенье с повышенной радиацией в двухсотграммовой баночке от майонеза, накрытое чистым листком бумаги и перевязанное шпагатом.

И река остановила свое течение, и ночь не пошла на убыль, лишь вернувшиеся Червяки нарушили тишину, извинились и забрались в десантный ботинок.

— Так вот, жило-было Клубничное Варенье, красного цвета, бабушкино, прозрачное, радиоактивное. Его родословная биография лишь голословно показывает нам факты его жизни, деятельности, выдержанности и, в некотором роде, засахаренности. Под засахаренностью я понимаю излишне оптимистический взгляд на внешние явления действительности, присущий радиобобии.

— Вот что, могильщик, — говорит Сивый Мерин. — Взятся рассказывать — так рассказывай, а нет — дай другим рассказать. Не понимаю, кого интересует степень засахаренности твоего радиоактивного варенья?

— Сколько раз я уже начинал про это варенье? — злится могильщик. — Начну с конца, если не хотите сначала: и радиоактивное варенье съели. С этого все и началось.

— Всякое варенье кончает тем, что его съедают, — каркает Ворон. — Забавную ты рассказал историю... Жило-было радиоактивное варенье, и его съели. Что нам с того? Не мы его ели, не нам вспоминать о последствиях. Если уж взялся рассказывать, то изволь говорить о явлениях значимых, о характерах героических, о поступках благородных — но не морализируй, как внештатный корреспондент у разбитого семейного очага, не лезь с советами и воздержись от менторства и комментаторства, не доказывай, но рассказывай. Не будь ни в чем предрасположен заранее, а тем более, убежден впоследствии. Пред-

полагай и разглядывай со всех сторон, ищи причину, но не повод, и ты увидишь, что твое Клубничное Варенье не такое уж и клубничное, как кажется с первого взгляда. А сейчас начинай, я закончил.

— Итак, однажды, как уже говорилось,— неуверенно начинает могильщик,— жило-было Клубничное Варенье. Это было идеологически выдержанное варенье.

— Это ты хорошо сказал,— перебивает Ворон.— Как отрубил. Откуда ты знаешь, какой выдержанности было твое варенье? Ты с ним свишей пас? Конечно, я не знаю еще этой истории... Может, это была мразь канцерогенная, а не варенье, но еще раз предупреждаю: воздержись от выводов.

— Ты мне слова не даешь сказать! У каждого свои идеалы, следовательно, и своя идеология, которую он выдерживает. С этой стороны каждый из нас идеологически выдержан, наше с вами Клубничное Варенье не являлось исключением.

— Софист ты, братец,— каркает Ворон и тяжело раздумывает на обелиске с медальоном.

— Что замолчал, могильщик? Рассказывай дальше про свое варенье, интересно! — подают голос Червяки, зашнуровавшиеся в ботинок.

— Жило-было Клубничное Варенье! — кричит могильщик.— Прицепился, критик! И то ему не то, и это ему не так!.. Всем молчать!

— Ладно, молчу,— соглашается Ворон.

— Рассказывай, могильщик,— слезно просит скелет Карасика.— Очень уж интересно. Не едал я в своей жизни Клубничного Варенья. Хоть послушаю, как другие его съели.

— Начинай, могильщик,— просит Сивый Мерин.

— Пусть даст честное благородное слово, что не будет перебивать!

— Эй, Ворона! — требуют все.— Дай честное благородное слово, а то плохо будет!

— Ладно, я слово дам. Но сначала вы все передо мной извинитесь за то, что только что вы меня «вороной» обозвали. Потому что как что, так сразу «Ворона, ворона...» — за что, про что?

Все охотно приносят извинения Ворону за то, что она не ворона, Ворон дает честное благородное слово не перебивать могильщика, наступает мир у реки, разверзаются хляби небес-

ные и начинает наконец-то могильщик рассказывать свою сокровенную историю о радиоактивном Клубничном Варенье, от которого наступили те счастливые для ворон времена, когда человечество стало постепенно исчезать с лица Земли, когда беспрепятственно продолжилась эволюция зверья и растения, заросли лопухом города, расцвели ржавчиной железные дороги, и природа бросилась в такой загул, которого не помнила со времен динозавров.

— Сил моих нет молчать,— вздыхает старый десантный ботинок инспектора Бел Амора.— Вот когда я охотился на динозавров...

От реки на кладбище наплзает туман.

В городе опять поймали и бьют полночь. Не везет ей, бедной,— каждую ночь ее ловят и бьют, а она молчит и терпит, терпит и молчит, сопротивления не оказывает.

Кукушонок кукует в рифму ровно двенадцать раз:

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку,

Ку-ку!

Ку-ку!

А что делать? Работа у него такая.

Киев, 1989

ЖЕНА ОТ КАРДАНВАЛА

Апокриф по Геродоту из цикла «Приключения инспектора Бел Амора»

В Главном Архиве Службы Охраны Среды (ГЛА-СОС) была обнаружена картонная папочка с отчетом об одной рискованной — скорее нахальной, чем рискованной,— и не очень чистоплотной операции, проведенной 7-м Отделом Службы Охраны Среды, в которой майор Бел Амор сыграл ведущую роль,— вернее, в этой операции он вообще действовал в одиночку, на свой страх и риск, без согласования с начальством; ну, а 7-й Отдел, понятно, приписал весь успех себе. (Отчету Бел Амора можно доверять, потому что об этом также рассказывает знаменитый историк-оборвар Гай Архилох с планеты Карданвал, который жил тогда в ямбическом trimetre,— его рассказ в основных деталях сходится с беламорским отчетом, а это кое-что да значит.)

1

К моменту описываемых событий майор Бел Амор успел уже три раза жениться и три раза развестись. С первыми двумя женами он развелся по-дружески, даже по-любовному, а вот третья оказалась выдрой... то бишь, стервой. После бра-

коразводного процесса, когда третья жена с помощью адвоката слупила с него семь шкур, Бел Амор отметил это событие с коллегами из Службы Охраны Среды (СОС) и дал следующий обет:

— Друзья! — грустно сказал Бел Амор.— Первая жена дается от Бога, вторая — от людей, третья — от дьявола. В четвертый раз я никогда не женюсь, потому что жениться в четвертый раз все равно, что добровольно лезть в черную дыру.

В те застойные времена высокая нравственность сотрудников СОС блюлась через пень-колоду, оперативникам многое позволялось, мусор из избы не выносился годами, лишь иногда начальство грозило пальцем, говорило: «Смотри у меня!», но закрывало глаза на незначительные нарушения этических норм. Еще говорило начальство: «Женись-разводись, пожалуйста, но чтоб тихо было!», «Делу время, потехе час», «Пей, но дело разумей», и т. д., и т. п., в том же духе; но третий развод Бел Амора уже не лез ни в какие, даже в широко распахнутые ворота Морального Кодекса Службы Охраны Среды,— здесь уже пахло «бытовым разложением».

Начальство принялось, почесалось, приоткрыло один глаз, пошлоило палец, полистало заявки, вызвало Бел Амора к себе и предложило ему на выбор: или почетная ссылка (кормить комаров на Внешнем Пузыре Вселенной), или заявление «по собственному желанию» на стол.

У Бел Амора такого собственного желания не было. Остаться без работы и превратиться в оборвара? Ограбленному третьей женой, без кола, без двора, почти буквально голому и босому, Бел Амору пришлось согласиться (а что делать? — кушать надо!) на эту непрестижную долгосрочную командировку.

— Ничего, отдохнешь там, подумаешь — как дальше жить,— сказала довольное начальство, ставя красную галочку в разнарядке (воевать с комарами на Внешнем Пузыре никто из оперативников не изъявлял желания).— Только ты там тово... не очень! Меру знать надо!

И вот, получив командировочные, Бел Амор с самыми лучшими служебными рекомендациями отбыл в созвездие Карданвал, к звезде Альфа Карданвала, на планетку Карданвал, где в болотах и разливах жили сплошные оборвары, а комары были как пикирующие бомбардировщики и звались Ог-го.

Добрался он к Карданвалу недели через три на перекладных, потратив все суточные, прогонные и квартирные (почевал в придорожных трактирах) и, наконец, подписал трудовое соглашение,— заверенное государственным нотариусом,— с одноименным правителем этой планетки — императором Карданвалом.

2

Слабохарактерный, недалекий, вечно подвыпивший и глупеющий прямо пропорционально выпитому, император Карданвал так любил свою жену Генофонду и так боялся за ее жизнь (мало ли: безмотивное нападение террориста-оборвара или укус ядовитого Ог-го), что решил раскошелиться и представить к императрице личного телохранителя из Службы Охраны Среды,— как известно, земляне-телохранители ценятся в Иных Мирах в прямом смысле на вес золота, который (этот самый живой вес) важно вовремя скрыть от налоговой инспекции. Кстати, вес Бел Амора, как и положено настоящему тренированному мужчине, равнялся «росту минус сто» — а именно, 76 с половиной кг, и он уже задумался о достойном чемодане для такого солидного золотого запаса, но денег на фирменный чемодан пока не хватало, не покупать же подержанный.

Так майор Бел Амор стал личным телохранителем красавицы (по мнению мужа) Генофонды, подписав в договоре недвусмысленный пункт именно о «хранении тела» императрицы, а не об «использовании оно́го»; в случае же возникновения, а тем более удовлетворения соблазна — «секир башка». (Инопланетные телохранители ценились еще и своей биологической несовместимостью — т. е. переспать с объектом охраны они-то могли, но без последствий в смысле продолжения рода, что удобно как для заказчика, так и для пользователя.) Неожиданным дополнительным условием было совместительство по охране самого императора; Бел Амор заикнулся было о дополнительной оплате за дополнительную работу; «Там посмотрим», пробурчал император.

Прошел всего лишь галактический месяц, а Карданвал уже души не чаял в Бел Аморе,— император даже подарил своему телохранителю огромный пустой чемодан из бегемочей

кожи, объем которого панного превосходил предполагаемый объем 76 с половиной кг золота. Бел Амор понял намек на большее вознаграждение своего труда и, поглядывая на чемодан, потирал в предвкушении руки. Дело в том, во-первых, что Бел Амор уже три раза спас Генофонду от верной смерти — одним выстрелом подбил из калибра-97,12 пикирующего на императрицу комара Ог-го, на прогулке в саду убил ударом рифленого ботинка ядовитую змею-погребушку и, наконец, защитил царственную супружескую пару от нападения целой шайки оборваров — это произошло вечером у Центрального Рынка, когда бездельные оборвары начали забрасывать императорские посылки разрывными бананами. Это одно. Второе: Бел Амор, как и сам Карданвал, как говорится, «нисколько не любил выпить». Карданвалу интересно было днем играть в теннис, а вечером выпивать в царской трапезной с телохранителем своей жены, потому что — и это третье — Бел Амор оказался мудрым государственным советником. Такого разностороннего собутыльника у императора никогда не было.

— Бросайте пить, Ваше Императорское Величество! — советовал Бел Амор, наливая из бочки в стакан банановую брагу (так называемую «бананку»). — У меня уже рука устала наливать вам.

— А что делать, если не пить? — спрашивал император, схватившись двумя руками за любезный ему граненый стакан.

— Работать надо... Трудиться!

— Труд, — задумался император. — В чем же, по-твоему, состоит труд императора?

— Заставлять трудиться свой народ. А то все пьянь, рвань и дрянь. У всех хоть и по две руки, но обе левые. Культурку надо поднимать, пусть хоть в теннис научатся играть, а то все футбол и футбол.

— Футбол, теннис, труд, — тупо повторял крепко опьяневший Карданвал. — Труд, труд... а что «труд»?

— О чем вы спрашиваете, Ваше Величество?

— Говорят, что труд создал человека.

— Откуда вы это взяли? Если что и создал труд, то цивилизацию. Точнее, человек в процессе труда создал цивилизацию. Да и то — из-под палки. Какой же человек добровольно захочет трудиться? Лучше поспать, отдохнуть, выпить, в картишки перекинуться.

— Правильно, никто не хочет трудиться! — соглашался Карданвал. — Работа не волк, всех оборваров надо заставлять работать из-под палки! Всех согну в бараний рог!

— А человека создал какой-то пока еще неизвестный биологический фактор, — продолжал тоже изрядно охмелевший Бел Амор.

— Фактор?

— Ну да! С чего это вдруг обезьяна превратилась бы в человека? Какой же это трезвой обезьяне придет в голову трудиться? Пахать, сеять, лепить горшки, строить пирамиды... Трудить-ся?! Бр-р! Обезьяна от природы ленива. Все ленивы, и сама Природа ленива. Лень естественное состояние Природы, лень и является магистральным движением эволюции — медленное, ленивое накопление новых признаков и умений. Потихоньку-помаленьку. Тише едешь, дальше будешь.

— Без труда не выловишь и рыбку из пруда, — охотно подтвердил Карданвал.

— Да. То есть, нет. Эта пословица из другой оперы. Не так. Неправильная пословица. Ловить рыбку это не труд, а охота. Это когда кушать хочется. Ловить рыбку — это охота, или спорт, или удовольствие. О чем это мы, Ваше Величество?

— О биологическом факторе, — напомнил Карданвал.

— Да. Мне видится стая голых обезьян уже с внешними человеческими признаками — стопа, прямохождение, сиськи-маськи, то-се, но мозги еще чистые, без царя в голове...

— Как? — переспросил император.

— А вот так — труд тут ни при чем. Пьянка.

— Не понял, — сказал император.

— Э-ле-мен-тар-но. Похоже, что человека создал алкоголь. Одна из синтетических эволюционных теорий провозглашает происхождение человека из животного мира посредством алкоголя — и, возможно, через наркотики — от «пьяной обезьяны». Дарвин далеко смотрел, но близко не видел. По-моему, дело было так: жила себе в Африке нормальная обезьянья самка, ни о чем таком разумном не думала, питалась бананами и чем Бог пошлет. Однажды напилась она воды из лужи, в которой забродила бананка, и от этой дряни мозги у нее пошли набекрень. И поняла обезьяна, — ага! — что это хорошо. И привела к той же луже своего дружка, назвала его Адамом и дала ему. То есть, — что я хочу сказать? — Адам и Ева

всего лишь соблазнились зеленым змием — например, той же банановой брагой — и были выгнаны из Рая за элементарную пьянку. А вы как думаете?

— Ага! Вот видишь! И я так думаю! — радостно воскликнул император.

А что именно «вот видишь» — Бел Амор так и не увидел.

3

В подобных пьяных беседах они проводили каждый вечер, играли в очко, в буру, в подкидного дурака, засиживаясь до глубокой ночи. Один раз в неделю, в понедельник, слуги прикатывали повую 16-ведерную бочку бананки. Карданвал присвоил Бел Амору звание колоннеля (что соответствовало полковнику СОС), стал поручать Бел Амору разные государственные дела — вплоть до «казнить и миловать», и вскоре императорское благорасположение и откровения дошли до того, что Карданвал сдуру даже начал расхваливать красоты своей жены:

— Смотри, смотри! Плышет, фря! Из кухни в спальню... Из спальни в кухню... Такой жены у меня еще не было! Не правда ли, хороша!

Колоннель Бел Амор ничего не мог сказать о красоте императрицы, потому что ни разу не видел не только ее лица, но и фигуры, — Генофонда всегда одевалась по моде в бесформенный противокомариный брезентовый балахон и прикрывала лицо паранджой из того же материала; поэтому Бел Амор, помня об опаснейшем пункте трудового соглашения, только поддакивал или вежливо отмалчивался до тех пор, пока однажды вконец опьяневший Карданвал обиженно не произнес:

— Ты, кажется, не веришь моим словам о красоте императрицы. Что ж, естественно, люди больше верят своим глазам, чем ушам, да еще норовят пощупать. Хорошо! Я покажу тебе императрицу обнаженной.

Бел Амор отвечал с изумлением:

— Что вы такое говорите, Ваше Императорское Величество? Уши вянут! Ведите себя пристойно!

— Нет, я хочу показать тебе Генофонду голой! — настаивал Карданвал. — Ты, конечно, неплохой телохранитель, но понимаешь ли ты толк в обнаженных женщинах?

— Совсем ошалел, царюга! Иди проспись, скотина! — ответил Бел Амор, взвалил в стельку пьяного Карданвала себе на плечи, унес в царские покои, стянул с него сапоги, понюхал носки, раздел и уложил в постель.

«Козел. Проспится и забудет», — подумал Бел Амор.

4

Не тут-то было!

На следующий день императором Карданвалом овладела идея фикс: «иди и смотри!» Вынь да положь его обнаженную собственную жену перед собственным же телохранителем.

«Вот что делает с людьми бананка! — в панике думал Бел Амор. — Сначала превращает тихую обезьяну в пьяного человека, а потом из этого человека создает кривой карданвал».

— Ваше Императорское Величество, — бормотал Бел Амор. — Видано ли такое дело?

— Видано!

— Что же там у вашей супруги есть не виданного? Я все эти дела видел по многу раз, — у меня ведь было три жены, а любовниц — со счета сбился!

— Моя жена красивей всех женщин на свете!

— Верю, верю! Вот и смотрите на свою жену, а меня увольте!

— Уволю!

Хозяин — барин, мог и уволить. Но Бел Амор больше увольнения боялся провокации. Любопытно, конечно, взглянуть на обнаженную императрицу, почему бы и не взглянуть, может быть, у нее там не вдоль, а поперек, но даже, если император с похмелья не ведает, что творит, то когда-нибудь он все-таки протрезвеет, и тогда — «секир башка».

— Не бойся, друг мой, я все понимаю, — сказал император. — Я не испытываю тебя. Я просто хочу, чтобы ты еще лучше исполнял свои профессиональные обязанности.

— Но при чем тут моя профессия?

— Ты являешься телохранителем императрицы. Так? Подумай, вслушайся: тело-хранитель. Хранитель тела.

— Ну?

— Как же ты можешь охранять то, чего никогда не видел? Бел Амор затруднился с ответом.

Как стоящие часы два раза в сутки показывают точное время, так и пьяные дураки пару раз в году произносят умные речи.

— Действительно...— пробормотал Бел Амор.

— Ты должен внимательно изучить то, что охраняешь! Иначе, какой же ты профессионал? — возликовал Кардавал, довольный железной логикой своих доказательств.— И не бойся мести императрицы, она даже не узнает, что ты на нее смотрел. Сделаем так. Снимешь ботинки и наденешь мягкие тапочки. Я оставлю тебя в моей спальне за дверью. Когда в спальню войдет императрица, она приблизится к креслу, куда положит свои одежды, а я отвлеку ее разговором. От двери тебе все будет видно. Когда она направится к ложу, быстро выйди в дверь, она тебя не увидит.

Бел Амор уже не мог отказаться. Хозяин — барин.

5

Все так и получилось — как планировали. Они выпили еще, для храбрости. Или, вернее, для наглости. Кардавал подмигнул Бел Амору, тот снял ботинки и стал босиком (где их найдешь, мягкие тапочки?) за дверью. Ему хорошо было видно царское ложе и кресло рядом с ним. Царюга притушил свет и улегся в постель. Наступила тишина. Лишь из окна доносился тихий отдаленный вой пикирующего Ог-го.

Но, чу! Послышались легкие шаги, в спальню вошла императрица, приблизилась к креслу, сняла паранджу и, извиваясь, стащила через голову брезентовый балахон.

У Бел Амора дух захватило и приподняло. Он не ожидал увидеть ничего подобного. Такой женской красоты он никогда не видел, само совершенство линий, изгибов, овалов и эллипсоидов, которые Природа хранила в генетическом фонде этого тела. Три его жены — от Бога, людей и черта — негодились Генофонде в подметки, не стоили ее левой пятки. Кардавал был прав. Ох, прав был Кардавал! Везет же дуракам и пьяницам!

Так стоял бы и смотрел бы всю ночь, но Бел Амор не успел насладиться зрелищем. Тело его хранения, Генофонда, спиной к нему, пошла к ложу, и Бел Амор едва вспомнил, что сейчас он должен покинуть императорские покои. Он бесшумно вышел из-за двери и скрылся в коридоре.

Все получилось так — да не так.

Увы, заговорщики против нравственности забыли про маленькое зеркальце над императорским ложем, и императрица Генофонда увидела в этом зеркальце кравшегося из спальни Бел Амора.

«Вот так раз! — подумала императрица.— Ни фиги себе!»

Но виду она не подала и до конца исполнила свои супружеские обязанности.

Вообще-то Генофонде изрядно надоело спать с вечно пьяным Карданвалом. Ее в юности выдали за этого пьяницу по воле родителей. Любой оборвар с Центрального Рынка был не лучше ее супруга. Во всяком случае, не хуже. Ничего хорошего. Вечно грязные носки. Смердное дыхание с оттенком банановой гнили. В животе урчит от обжорства. Удовлетворив свою похоть, засыпает, не успев удовлетворить жену. А сегодня совсем ошалел — показал иноземцу обнаженную супругу! Генофонда происходила из знатного древнего рода из двухмерного хорея, и такое оскорбление вынести не могла.

Стыдоба!

«Он меня опозорил! — с гневом думала императрица.— Какой позор! Что люди скажут, если узнают?! Ему это так даром не пройдет! Уже захрапел, подлец! Кишжал! Убью! Где кишжал?! А этот телохранитель?! Он уже больше месяца охраняет меня, а еще ни разу не вытащил свой природный обнаженный меч! Убью!»

Кишжала под рукой не оказалось, и это хорошо, потому что императрица, одумавшись, решила отомстить за свой позор чужими руками. Она бесшумно выскользнула из постели, подмылась и ушла в свои покои, где долго не могла заснуть.

«Спокойно, спокойно, спокойненько,— уговаривала себя Генофонда.— Считай комаров. Один комар, два комара, три комара, стоя комаров... Утро вечера мудренее».

Утром императрица облачилась в свой брезентовый балахон и, надевая паранджи, дернула колокольчик и вызвала Бел Амора.

Телохраниитель тут же явился и потерял дар речи,— ведь ночью он смотрел на императрицу с тыла, а теперь впервые видел лицо сохраняемого объекта. Это лицо было прекрасней всех женских лиц на свете (о мужских хаях и говорить нечего!). Глазки, губки, носик, шейка — рафаэлева мадонна! Особенно хорош был подбородочек с соблазнительной ямочкой,— так бы и облизал.

— Ну, что устался? — спросила Генофонда.

Бел Амор облизнул пересохшие губы.

— Посмотрел? Хорошо посмотрел?

Бел Амор вдруг с ужасом понял, что императрица вчера вечером видела его за дверью.

— Насмотрелся? — повысила голос Генофонда.— Теперь перед тобой два пути — на выбор. Или ты возьмешь кинжал и убьешь Карданвала,— можно и калибр-97,12, чтобы меньше мучился,— а потом возьмешь меня в жены и станешь императором оборваров — тогда ты сможешь каждый день не из-за двери разглядывать то, что тебе так нравится; или я сейчас пойду к Карданвалу, соблазнившему тебя на эту непристойность, и тогда умрешь ты,— мой позор должен быть смыт кровью одного из вас.

«Пораженный ее словами, Бел Амор сначала не знал, что ответить, а затем стал молить императрицу не принуждать его к такому страшному выбору»,— так пишет историк Аркилок из ямбического триметра.

— Ваше Императорское Величество,— в сильном волнении сказал Бел Амор.— Я должен был увидеть Ваше тело только лишь для того, чтобы лучше его охранять!

— Расскажешь это своей бабушке! — вскричала Генофонда.

— Ваше Величество, в моем цивилизованном мире не принято убивать людей — разве что на войне; смертная казнь запрещена; убить человека считается большим позором, чем увидеть обнаженную женщину! Да в чем дело?! Никакого сравнения быть не может — смерть и обнаженная женщина? Наоборот, в наших мирах женщины с удовольствием сбрасывают с себя все одежды, чтобы мужчины с таким же удовольствием их разглядывали! Это называется стриптиз.

— Какой ужас! Какое варварство! Нет, лучше смерть!

Генофонда была непреклонна: ее позор должен быть смыт кровью одного из обидчиков.

Как вдруг из-за неприкрытой двери появился сам Карданвал. Он был бледный — нет, белый, как смерть! Император услышал повышенные голоса в покоях императрицы и не замедлил подслушать все, что говорилось выше. С сильнейшего бодуна его качало, в животе урчало, голова тряслась, язык заплетался, руки дрожали, ноги отнимались.

Жалкое зрелище!

— Пр-реж... пр-реже ч-чем вы меня у-убьете,— с трудом проговорил император,— прежде, чем вы м-меня убьете...— повторил он и заплакал пьяными сорокаградусными слезами банановой браги.

— Убей его! — приказала Бел Амору безжалостная императрица.

Бел Амор отрицательно покачал головой.

— Тогда ты убей его! — приказала императрица супругу.

Ну, это уж было совсем невозможно.

Карданвал тоже хотел отрицательно покачать головой, но голова так тряслась, что развернула его тело вдоль оси, стукнулась о дверной косяк, корона свалилась на пол, а тело императора выпало в коридор. Слуги, катившие по коридору новую 16-ти-ведерную бочку бананки, в почтении застыли,— опять Его Величество набрались.

И тут императрицу озарило!

— Тогда — смертельная дуэль! — сверкая глазами, вскричала Генофонда.— Кто кого перепьет! До конца, до смерти!

И приказала слугам катить бочку в императорскую трапезную.

10

Ни один уважающий себя пьяница не смог бы отказаться от подобной дуэли. Ни один!

Кто кого насмерть перепьет.

Кто из нас посмеет отказаться?

Дуэлянты поклонились и сошлись. Дубовый стол. Край стола, как последний смертельный рубеж. Ни шагу назад. Бочка. Два стандартных граненых двухсотграммовых стакана. За виночерпия-секунданта сама императрица. Она будет отпущена.

Не будем смаковать пьяные подробности — сопли, икоту, блевашье под стол. Гибель Карданвала последовала после 36-го стакана, он упал головой на стол и дал дуба от аноплексического удара. Бел Амор выпил 37-й стакан и отключился в кому на всю неделю, поэтому пышные похороны Карданвала состоялись без него. Толпе оборваров выкатили 100 бочек браги, каждому оборвару выдали граненый стакан. 15766 человек упились бананкой до смерти и были удостоены высочайшей почести — их захоронили справа от могилы императора в братской могиле, остальные подверглись нападению целой стаи Ог-го, прилетевшей на запах гнилых бананов, — комариные мозги Ог-го, как видно, тоже пошли набекрень и лениво эволюционировали по уже накатанному пути пьяной обезьяны.

11

Так Бел Амор женился в четвертый раз и заделался императором Карданвала. Венчанье и инаугурация происходили в шалаше у Бананового Разлива, где однажды переспал сам Нинель, первый Верховный вождь всех оборваров.

Выйдя из шалаша, Генофонда сбросила балахон и осталась в чем мать родила — нате, смотрите! Красота спасет мир!

— Мать родная! — взывала толпа.

Толпе оборваров опять выдали граненые стаканы, чтобы не лакали из лужи. 22158 человек упились до смерти и были захоронены слева от могилы императора, остальные утонули в Разливе, пьяные же комары в тот день, слава Богу, отсыпались.

12

Весь первый месяц после свадьбы был вымазан медом. Его новое Императорское Величество Бел Амор был на высоте, как в прямом, так и переносном смысле этого слова. Генофонда оказалась секс-бомбой не только с виду, а новый император — неплохим бомбардиром. Ее генетический менталитет, как какой-то прораб-трудоголик на стройке, властно требовал: «Давай-давай!», и Бел Амор трудился без усталости.

Днем и ночью — «давай!» Ни свет, ни заря, а она уже тут как тут — «давай!» На столе, под столом, на окне, под окном,

на люстре — давай! Подробности из приличия опускаем, Искусственный Читатель представит сам.

Прошел месяц. Бел Амор начал усыхать на глазах. Нос обострился, глаза ввалились, взгляд потух, кожа обвисла, ребра торчали. Начинаясь дистрофия, его вес уже не соответствовал договорному, а это прямой убыток. Что делать? Наконец Бел Амор придумал:

— Сегодня секс в бегемотьем чемодане.

— Давай! — воскликнула Генофонда. — Но как это?

— Сейчас покажу. Залезай.

Когда Генофонда залезла в чемодан, Бел Амор быстро захлопнул крышку, защелкнул замки, проткнул кинжалом дыру, чтобы могла дышать, стянул из кошелька императрицы энную (небольшую) сумму карданвальских конвертируемых дублонов и, не разводясь в четвертый раз, первым же вечерним рейсом (путая следы — мимо Кубла комаров через Сигму Сигизмунда на Бету Бетельгейзе, потом на ближайший Угол, потом огородами до Малой Медведицы, — а там уже рукой подать) удрал на Землю. Комары Ог-го благополучно спали.

Усталая подлодка вернулась домой. Начальство взглянуло на эту селедку, прочитало краткий отчет о командировке и сказала: «Сделал дело, гуляй смело». И отправило Бел Амора в отпуск. «Отдохнешь, подумаешь, как дальше жить». Бел Амор отдыхал в Коктебеле, набирал вес, отрастил животик. Летними черно-синими ночами взбирался на Кара-Даг, смотрел в карманный телескоп, находил кривые суставы созвездия Карданвала и громко вздыхал.

Генофонда, где ты?

Где ты, Генофонда?

Зимой Бел Амору прислали повестку с приглашением зайти на таможню — «за неявку ответчик несет ответственность» — и выдали залатанный чемодан из бегемотьей кожи, в котором находился отлитый золотой натуралистический кукиш весом в 76 с половиной кг. Это был гонорар от Генофонды — с намеком и не без злорадствия. Бел Амор набил чемодан грязным бельишком и засунул под кровать — пятая же-на когда-нибудь постирает; а золотой кукиш, чтобы не платить дикого налога (и по настоятельному совету непосредственного начальства из 7-го Отдела), сдал в Казначейство, — за что и получил от того же начальства официальную благодарность

с занесением в личное дело. Пообещали также премию и подтверждение в звании колоннеля, но деньги, понятно, куда-то замотали, а новые погоны спустили на тормозах.

Инцидент с третьим разводом был исчерпан, а о четвертой женитьбе Бел Амора никто никогда не узнал,— кроме нас с тобой, Уважаемый Читатель. Будь здоров и не кашляй!

Киев, 29 мая — 4 июня 1997 г.

ВПЕРЕД, КОНЮШНЯ!

(ЗАПИСКИ
НЕПОСТОРОННЕГО
НАБЛЮДАТЕЛЯ)

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

*Посвящается
Игрокам и тренерам
Всех поколений
Советского футбола,
Рухнувшего, к сожалению,
Вместе с Советским Союзом*

**ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ОТ
РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ФУТБОЛ И ЖИЗНЬ
ВО ВСЕЛЕННОЙ».**

Главный редактор нашего журнала фройлен Гретхен фон Дюнкеркдорфф, разгребая недавно вековую пыль в архивах Футбольной Федеративной Лиги (в тиффозном просторечии ФУФЛО), обнаружила ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ И ОТЧЕТЫ земезса¹, кавалера «Ордена Почетного Легиона», главного тренера сборной Метрополии по футболу сэра Бел Амора. Именем Бел Амора названы малая планета в Облаке Оорта, нуль-подпространственный ледокол, а также федеральный стадион, на котором проводился исторический Матч Смерти. Для спортивных — и не только спортивных — психоаналитиков эти неизвестные отчеты от Великого Тренера, в которых он с подкупающей откровенностью описывает свои особые методы тренировок, представляют исключительный интерес; для простых футбольных тиффози отчеты Бел Амора

¹ЗМС — на спортивном жаргоне «земезс» — Заслуженный Мастер Спорта. Напомним, что в то время Бел Амор еще не был сэром; английская королева не очень-то спешила награждать этим почетным титулом даже великих футболистов, — титул сэра получили в свои времена всего лишь три футболиста: форвард Стэнли Мэтьюз, хавбек Бобби Чарльтон и голкипер Джонни Кроуфорд. Бел Амор стал четвертым сэром в истории футбола.

являются особо лакомым блюдом (научно-технические термины и подробности нисколько не портят вкусовых ощущений, а наоборот, придают отчетам грубоватый смак простой крестьянской еды, вроде гречневой каши и черного хлеба,— надоели футбольные деликатесы); а для Издателя, который выкупит у сэра Бел Амора авторские права, эти отчеты станут верным средством к обогащению. Сам автор был приятно удивлен этой находке и при подготовке к печати дополнил «Отчеты» необходимыми примечаниями. Многостраничные математические уравнения и описания однообразных тренировок опущены по согласованию с автором — знак лакуны <...>. Для футбольных гурманов и специалистов «Отчеты» будут изданы ограниченным тиражом в полном академическом варианте с подробными комментариями в обложке из дубленой свиной кожи с золотой застежкой. Заказы принимаются по адресу: <...>. Все авторские права защищены.

ОТЧЕТЫ ОТ БЕЛ АМОРА

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА. Меня, с изумлением перечитавшего собственные отчеты через 20 лет (я думал, что они навсегда сгинули в архивах Службы Охраны Среды) и знающего окончательный результат всего этого Предприятия,— меня то и дело подмывало подправить их с высоты своего сегодняшнего «знания» — уточнить, дополнить, улучшить слог. Но я вовремя понял, что, исправляя и улучшая себя, тогдашнего и незнающего, я рискую превратить отчеты, написанные кровью, потом, желчью, нервами и незнанием будущего, в обычное беллетризованное чтиво,— и сдержался. Я ведь не писатель-беллетрист. Пусть все будет как было... вернее, пусть все будет как есть... еще точнее, пусть все остается а-ля натюрель. Я только позволил себе минимальные комментарии на полях, чтобы разъяснить Читателю — да и самому себе, нынешнему,— разные умолчания, пустоты, темные места и черные дыры, которые я, тогдашний, не мог, не умел или не имел права точно и ясно отобразить в отчетах, чтобы не навредить всему делу и отдельным лицам. Эти поздние при-

мечания даются в угловых скобках — <...>. Ну и — пенумерованные слова и выражения, которые так свойственны всем тренерам и прорабам, я, по настоянию редактора, с болью в сердце заменил нейтрально-приблизительными словами и выражениями; о чем сожалею.

Воодушевленный своей победой редактор уже собирался (без моего ведома!) перекроить весь текст в привычном ему последовательном причинно-следственном времени и пространстве, но я вовремя обнаружил это покушение на свои авторские права и сумел убедительно разъяснить (прибегая все к тем же пенумерованным жестам и выражениям), что, во-первых, если он будет резать текст, я оторву ему все помидоры; что, во-вторых, авторское забегание в прошлое или отставание в будущее по пространственно-временной шкале, где причины и следствия то и дело менялись местами, где следствия не исходили из причин, а причины не думали ни о каких следствиях,— эта неопределенность происходила не по прихоти автора, а была присуща инфракрасному смещению именно в том пространстве—времени, в котором все и происходило; это во-вторых; а, в-третьих,— и это самое главное! — Читатель у нас не дурак, и сам прекрасно разберется, откуда и чьи ноги растут.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

МОИ СОМНЕНИЯ В ДЕНЬ ЗИМНЕГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ.

<Я НЕ ЗНАЮ С ЧЕГО НАЧАТЬ. Кончается Год Дурака. Передо мной белая тетрадь в клеточку. Мой «паркер» с вечным золотым пером подтекает, пальцы в чернилах. Сейчас поздний вечер зимнего галактического противостояния. За окном шумит Шишкин Лес, в небе зависла молодая Метрополия с закрученными спиральными рукавами. Ей весело, она делает мне ручкой. Я ей помахал в ответ. Я люблю этот праздник. Так уж получилось, что я родился в этот день. С этого дня дни становятся длиннее, а ночи короче. Пальцы пахнут спиртовыми чернилами, чернила пахнут спиртом... Это намек. Я уважаю всякие-разные праздники, люблю выпить рюмку-другую, третью... Всегда готов. Так и живу в ожидании праздника. Сейчас палью «Соломона» и начну отчет...

Прозит. О'к. Хороший коньяк «Соломон».

С чего же все же начать? Я недоумеваю. Кем я только не был после того, как перестал играть в профессиональный футбол. Я уже не мечтал стать генералом, а маршальский жезл за ненадобностью давно выбросил из своего солдатского ранца. Я прошел все стадии спецподготовки. Я был механиком в конюшне. Футбольный механик — это уже кое-что, это уже о чем-то говорит. Я был дублером, механиком, ведомым у самого Каплуна, чистил и драил его фуфайки, царство ему небесное. Потом я Играл. Я долго играл, пока не сломал ногу самому Лобану. Потом я работал лесником, опером, таможенником, пожарным, телохранителем, прорабом, водителем-давынобойщиком, вообще нигде не работал, как вдруг мне предложили возглавить сборную СОС по футболу, — функционеры из ФУФЛА обложили меня со всех сторон, и в повогоднюю ночь, когда я был немного навеселе <скромно сказано — я был в драбадан>, я дал себя уговорить (аргументы за мое назначение были на уровне «Лобан ушел на вольные хлеба, — кто же возьмет сборную, если не ты?!») и согласился работать с конюшней, при условии, что второго тренера я подберу сам. Но я не давал согласия ни на какие отчеты! Я простой человек, иногда я говорю то, что думаю, иногда не говорю то, что думаю, но я никогда не занимался бумажной работой и никогда не писал никаких отчетов. Я даже не знаю, как их следует начинать. Ничего в голову не лезет. «Довожу до вашего сведения»? Это начало не для отчета, а для доноса. Прошел год — и слава Б@гу. В чем я должен отчитываться? Никакие отчеты в моем трудовом контракте не оговорены. Где тут написано про отчеты? Где, покажите!.. Нет никаких отчетов. На <слово неразборчиво> мне сдались эти отчеты! Я не знаю, как их писать. Я не умею писать бюрократические отчеты. Кто их будет читать? Я люблю, чтобы все было хорошо, а тут такая напасть... Я ни перед кем не собираюсь отчитываться. Какого <слово нрзб.> я должен отчитываться перед этими безответственными маразматиками из ФУФЛА во главе с ихним пожизненным председателем? Что эти фуфлоны понимают в футболе? Я подозреваю, что они даже читать разучились, потому что давно позабыли все буквы, где уж им планеты водить! Ладно. Б@г с ними, с фуфлонами. Уж я им напишу отчет!

Еще раз прозит. О'к.

Да, мне захотелось написать отчет. И я напишу отчет. Я точно не помню, что и когда происходило в конюшне в период Кривого Кондратия, по кое-что я кое-кому припомню и все-таки напишу отчет. Я не уверен, что кто-нибудь его прочитает — что ж, тем более, о'к! — я хочу написать правдивый отчет для самого себя; я не склонен к самокопанию, но иногда полезно отчитаться хотя бы перед самим собой. Я открываю свой тренерский рабочий блокнот и начинаю. Уж я ему (себе) напишу отчет! Я кончаю свои заклинания и начинаю. С чего начать? Ну, начни как-нибудь. Начни с начала.

Да ведь ты уже начал: все началось с праздника. Сейчас налью и продолжу.

Прозит. О'к.>

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕЗИДЕНТА Д'ЭГРОЛЛЯ.

Передо мной черная тетрадь в линейку. В белой тетради начало известного проекта <ПРОГЛОД — Проект Глобальной Диффузии> описано не совсем так, как оно происходило на самом деле; аргументы за мое назначение на пост главного тренера были совсем другие. В первом отчете перед ФУФЛОМ я еще корчил из себя рубаху-тренера — мол, «я ВТЫК не заканчивал» <ВТЫК — Высшие тренерские курсы — спорт. жарг.>, — чтобы, упаси Боже, не привлечь внимание ФУФЛА к истинной цели моего пребывания в конюшне. Лишь через год, когда окончательно прояснилась моя роль в ПРОГЛОДЕ, и все фуфлоны поняли, кто я такой, эта надобность валять ваньку отпала сама собой (но я продолжал быть дураком по привычке; потом пришлось от этой привычки лечиться).

Что же происходило в действительности? Решение о моем главном тренерстве принималось на самом верху, я знал об этом и, как офицер, не мог отказаться. Бригадный дженераль Гу-Син под расписку ознакомил меня с проектом закрытого президентского Указа о моем назначении и приказал завтра утром вместе с председателем ФУФЛА Сури'Намом явиться в парадной форме на встречу с президентом д'Эгроллем.

— Зачем я понадобился Президенту? — спросил я.— Можно и без меня все решить.

— Там ничего не будет решаться,— ответил дженераль Гу-Син.— Эта встреча организована в целях маскировки, для отвода глаз. Надо показать, что вы и Лобан продолжаете работать в футболе. Надо напомнить, что Президент любит футбол,— это успокоит общественное мнение и усыпит бдительность всяких там разных посторонних наблюдателей. Ну и... Президент просто хочет познакомиться с вами. Советую вам поправиться Президенту.

— Как я должен ему «поправиться»? Сплясать перед ним лезгинку?.. Голым на столе, что ли?

— А хоть бы и так. По ситуации. Но в рамках приличий. Он мужик простой, любит пошуметь, посмеяться. Не бойсь, майор! Но будь осторожен, веди себя естественно и поменьше думай,— Президент читает мысли на расстоянии.

Заботы, заботы... Не бойсь, но будь осторожен и поменьше думай... это все не с моим здоровьем.

Я отправился в гарнизонный универсал «Пятизвездочный», купил новые сапоги (хорошие, яловые), складной утюг, питки-иголки и весь вечер приводил в порядок парадную форму. Утром мне с председателем Сури'Намом пришлось ожидать в президентском предбаннике больше часа, потому что Президент и дженераль встречались «без галстуков» с хантским послом. Я сидел и тренировался «поменьше думать». Получалось плохо. Тогда я решил «ни о чем не думать». Получилось еще хуже. Наконец, вышел хантский посол без галстука, но во френче, застегнутом на все пуговицы. Посол мрачно глянул на меня с председателем Суром, вошел в лифт и укатил. (Я видел хантского посла в первый и последний раз в жизни, потому что через неделю этот застегнутый политик был отозван на родину.

• Пересекая границу Приобского хантства, он расстегнул пуговицу на животе и сделал себе харакири.)

Потом появился сам президент д'Эгролль, наш харизматический лидер. Мои первые впечатления от Президента были проще некуда: гигант в шортах по коле-

но и в шлепанцах на босу ногу необъятного размера; из-под расстегнутой рубахи, завязанной узлом на животе, курчавилась седая грудь, Президент почесывал ее всей пятерней. Харизма так и перла из него,— иначе как управлять страной? За ним шел дженераль Гу-Син, за ним — мордovorоты-телохранители, за ними — какие-то президентские девки-стенографистки с длинными ногами, с блокнотами и карандашами.

— А вот и футболисты пришли! — обрадовался Президент. Лево́й пятерней он продолжал расчесывать кудри на груди, правую вяло протянул председателю Суру, а меня как бы и не заметил.— Ну, берем стулья, садимся и рассказываем — как там у вас дела, какие проблемы, когда станем чемпионами мира?

Я был разочарован — Президент даже не пригласил нас в Кавалергардский Зал, так и принимал в предбаннике. Все расселись, а телохранители заученно отступили за спину Президента. (Я сам служил в охране, и эти мне не понравились — какие-то тупые, бездумные, вышколенные, очень уж знают, что надо делать.) Вначале на встрече присутствовали фужеры <футбольные журналисты>. Эти тоже хороши со своим недержанием языка. Один из них, интеллигентный дотошник и тошнотник, спросил Президента:

— Правда ли, что футбол является для вас не просто Игрой, а средством для овладения Вселенной?

— В сущности, конечно,— весело и бездумно ответил д'Эгрoллъ («конечно», «собственно», «в сущности» — слог Президента).

— Каким же образом вы намерены посредством футбола завоевать Вселенную?

Президент уже собрался что-то еще ляпнуть, но уловил и прочитал мой взгляд: «Засунь язык себе в задницу и не свисти лишнего! Болтун — находка для Постороннего Наблюдателя!» Ему очень не понравился мой взгляд (я даже уверен, что Президент прочитал его дословно, хотя я и пытался «ни о чем не думать»), но он понял свой промах. Он внутренне ч@ртыхнулся, его взгляд стал тяжелым, булыжниковым. Он медленно проговорил:

— От ч-ч@рт, вы не дослушали ответ. В сущности, конечно, вы не правы...

И произнес небольшой спич о футболе, как о социальном явлении (речь была в стиле Лобана, жаль, что Лобан не слышал):

— Наша социальная система чем хороша? Наша система тем хороша, что она основана на футбольном фундаменте. Футбол — вот свая нашей идеологии. Все держится на футболе, все подчинено футболу. Любовь, патриотизм, судьба Вселенной, смысл жизни, Бог,— это Футбол! В этом смысле — и только в этом футбольном смысле! — мы покорим Вселенную. Конюшня — это наш отборный контингент, это наша стальная гвардия,— д'Эгролль еще раз жестко взглянул на меня и нехотя добавил: — А главный тренер конюшни, конечно, лучший из лучших. В сущности, если футбол есть и если футбол будет,— значит, Вселенная есть и Вселенная будет,— с пафосом закончил Президент.

— Прекрасные слова! — прокомментировал председатель Сур. (Вот кто умел ни о чем не думать. Он слушал эту речь с каменным лицом надгробного монумента, выражая высшее удовлетворение от прожитой жизни.) — От имени многомиллионной армии футбольных болельщиков...

Пока Сури'Нам говорил дежурные слова «от имени многомиллионной армии», телохранители попросили фужеров выдвориться. Как только те ушли, президент д'Эгролль ладонью показал председателю — «закрой пасть», подошел ко мне и вяло пожал руку. Не люблю вялых мужских рук. Хуже вялых только потные.

— Я о вас слышал много хорошего, майор,— так же вяло похвалил Президент и принялся. Он был крепко недоволен моим взглядом и воротил нос — от меня несло новыми начищенными сапогами, я ему очень не нравился.

— Благодарю, господин Президент. Стараюсь в меру своих сил хорошо делать свою работу,— тоже дежурно ответил я.

— Не суетитесь и не благодарите, я не сделал вам комплимент. Наоборот. Когда о ком-то говорят много

хорошего, я настораживаюсь. Это не есть хорошо. У каждого человека есть свое плохое. Значит, плохого просто не видят. Значит, этот человек скрывает свой скелет в шкафу. Я бы не подписал указ о вашем назначении, если бы о вас говорили только хорошее. Но о вас говорили и много плохого, и это мне понравилось. Теперь можете благодарить.

— Спасибо, господин Президент! Я вот что хотел вам показать, но неуверен...— сказал я, засунул руку в карман и, пытаясь ни о чем не думать, сложил пальцы в нужную диспозицию.

Президентские охранники насторожились.

— Не делайте лишних телодвижений,— предупредил Президент и с неудовольствием спросил: — Что у вас в кармане? Прощение? О помиловании? Или о президентской субсидии? Показывайте, пока я добрый!

Я вынул руку из кармана и поставил на Президента — и только тогда телохранители бросились на меня — кукиш. Эти ч@рти повалили меня на паркет и скрутили руку, но кукиша я не разжал. Президент хотел до слез.

— А вы тоже не пальцем деланы,— говорил он, утирая слезы рукавом рубахи.— Вы много себе позволяете — это очень хорошо! Вы позволяете себе нестандартные решения... и в рамках приличий. Это много.

— Я просто хотел проверить вашу охрану,— объяснил я, когда меня отпустили.— У вас плохие телохранители, я успел мысленно выпустить вам в живот всю обойму.

На этот раз президентское рукопожатие — настоящее, мужское рукопожатие,— чуть не вывернуло мне пальцы.

— Все о'кей, подполковник, вы сумели понравиться Президенту,— сказал дженераль Гу-Син после приема.

— Я майор,— поправил я.

— Я разве еще не сказал?.. Вы уже подполковник. Это распоряжение Президента. Вы назначены Главным тренером сборной Метрополии, а это не майорская должность, и вам, соответственно, присвоено звание подполковника. На вырост...— намекнул дженераль.

ЕСЛИ РАБОТЫ НЕТ, ЕЕ СЛЕДУЕТ ПРИДУМАТЬ.

РЕЦЕПТ ДОКТОРА ВОЛЬФА. Я люблю, чтобы все было хорошо и всем было хорошо. Я люблю хвалить людей. Я не филантроп, я их (людей) не всех, не всегда и не очень люблю, иногда попадаются всякие-разные опущенные и потерянные типы, но и этих тоже надо хвалить. Доброе слово и кошке приятно. Люблю этот жест — два пальца колечком: о'к! Так вот, я обладаю важным знанием и готов немедленно осчастливить каждого, кто в нем нуждается.

Сейчас я это сделаю. «Жить вредно, а утром — в особенности», — так говорит доктор Вольф. Он прав. Утром бывает трудно найти самого себя; все, что происходило вчера (плюс вечерний алкоголь) вредно для утреннего счастья, но я счастливый человек, я не позволяю себе страдать в поисках самого себя, которого вчера потерял, потому что обладаю сверхнадежным лекарством, которое называется «через-немогу». Рецепт этого лекарства доктор Вольф выписал мне еще во времена моей футбольной молодости — собственной размашистой рукой на медицинском бланке с личной печатью. Вот этот рецепт для всех потерявших самих себя <перевод с латыни фройлен фон Дюнкердорфф>:

«Утром встать (а лучше вскочить), никого и ничего не искать, ни о чем не вспоминать, попить холодной водички, сходить на горшок, почистить зубы, сделать несколько приседаний, принять — с криком «а-а-а!» — холодный душ, выпить яичницу с кофе, — наоборот, конечно, кофе с яичницей, — и пошел, пошел! — пошел на работу; если нет работы, работу следует придумать.

Ну, ты меня понял, да? Что мне с тобой делать, горе ты мое?

Личная печать, подпись: доктор В. Вольф».

Отлично! Есть люди счастливее меня, потому что вообще ничем не страдают, но это особая статья, а я готов расписаться рядом с Великим Доктором под этим Великим Рецептот. Расписываюсь... И всем советую. Возможно, кто-нибудь скажет, что это всего лишь известный народный рецепт — «Пей, но дело разумей». Не спорю. Но утром бывает тошно и без

похмелья, и на меня это лекарство действует, работа лечит — с утра я встаю потерянный, но быстро себя нахожу. Другой вопрос, что делать в воскресенье, когда работы нет? Отвечаю: внимательней прочитать рецепт: «...работу следует придумать».

О'к.

ДУРАК, КУДА ТЫ ЛЕЗЕШЬ?! ОТКАЖИСЬ, ПОКА НЕ ПОЗДНО!

СОВЕТЫ ТРЕНЕРУ НА САЛФЕТКЕ. Какое уж там «о'к» — в первый день Нового Года я проснулся с головной болью не от похмелья, а от многочисленных почных советов,— была не голова, а Дом Советов. Надежного лекарства от советов я не знаю, разве что посылать всех советчиков куда подальше,— например, за внешний эксцентриситет Метрополии в крайнюю точку южной либрации,— пусть идут. <Вообще, я стараюсь не вступать в споры и легко признаюсь в своей неправоте,— даже если прав. Такая манера поведения обезоруживает начальство, всяких спорщиков и советчиков. «Да, я согласен»,— а потом делаю, как считаю нужным. А потом они начинают соображать. Пока они соображают, дело сделано.> Всю повогоднюю ночь я получал взаимоисключающие советы от своих многочисленных коллег-доброжелателей. А как же, в футболе все разбираются: «Во всем нужна споровка, закалка, тренировка». И произносится это таким скверно-противным голосом, будто курица по стекловате тащится. Вся тренерская братия (Сайгон, Жмых, два Веника — старший и младший, Свинцовый Гробшильд, Степан Мазила, Левка Куриц <его дразнили «Куриц не птиц»,— ничего, не плохо играл, но стал одним из тех тренеров, девиз которых: «Все назад!»>, другие) с пеной у рта пытались наставить меня на путь истинный, и я поплыл, поплыл, как дирижабль, и даже начал записывать их советы на салфетке, но потом бросил это занятие, потому что салфеток бы не хватило. Когда заведутся деньги, надо будет купить толстую тетрадь «ДЛЯ СОВЕТОВ». Кажется, продаются такие, в клеточку.

Где, где эта салфетка?..

Вот она, с моими тогдашними утренними примечаниями, подклеена в Черную тетрадь:

а). Левка Куриц: «Дурак, куда ты лезешь? Тебя съедят, переварят, используют и тобою же подотрутся. Откажись, пока не поздно!»

<Первый и единственный мудрый совет.>

б). Степан Мазила: «Ни в коем разе! Вперед!»

<Куда «вперед»? В какую сторону это — «вперед»?>

в). Жмых: «Тебе надо создать коллектив единомышленников!»

<Еще чего! Коллектив единомышленников — это клан, банда и круговая порука.>

г). Свинцовый Гробшильд: «Сразу гни свою линию в бараний рог! Понял, ну?»

<Антилопа гну. Это правильно: буду гнуть.>

Не помню кто:

д). «Кнутом и пряником!»

е). «Нет — только кнутом!»

ё). «Не-ет — только пряником!»

ж). «Разделяй и властвуй!»

з). «Будь строг, но справедлив!»

и). «Ломай их через колено!»

й). «Но только не наломай дров. Помягше с ними, помягше!»

к). «Учет и контроль!»

<Пункты д, е, ё, ж, з, и, й, к — это все сопли-вопли. Тоже мне — страна Советов!>

л). Сайгон: «Главное: психологический настрой. Возьми в конюшню на приличную ставку приличного психоаналитика. Почитай Фрейда — «Сексуально-психофизические пертурбации футбольного комплекса 3-го рода».

<Читал я Фрейда. Фрейд никогда не играл в футбол. Для Фрейда в команде нет штатной должности. Доктор Вольф справится с сексуально-футбольными пертурбациями 3-го рода не хуже Фрейда.>

м). Венник-старший: «Послушание! Вслушайся: по-слу-ша-ни-е! Утром ты сказал — вечером проверил — все сделано».

н). Свинцовый Гробшильд: «Это не послушание, а дисциплина. Железная дисциплина плюс децимация принесут свои плоды!»

<Ну уж!.. Децимацией, если не ошибаюсь, называется расстрел каждого десятого?>

о). Веник-младший: «Не в этом дело. Децимация не спасет. Дураков — в шею! Оставь разумных ребят, а сам отстрапшись и поплеывай в потолок. Они сами все сделают».

<Это разумно.>

п). И так далее.

<Спасибо, друзья, но я как-нибудь сам разберусь. Хотите совет? Налейте. Назвался — полезай. Сказал — сделал. Взялся — ходи. Как в шахматах.>

Конец салфетки.

ТЯЖЕЛЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК.

«ТОРНАДО-КВАНТ». В воскресенье нисколько не работалось, а продолжалось известно что. Утром же в понедельник телохранители пожизненного председателя ФУФЛА разбудили меня автомобильным клаксоном по голове (звук был скверно-противнейший, как из гнилого болота: «ква-а-а-к, ква-а-а-к, ква-а-а-к!»), председатель Сури'Нам уже ждал меня в своем полированном лимузине, мне не дали побриться — и так хорош, — не дали толком прийти в себя, не дали даже подумать сакраментальное «где я, и что вчера происходило?!» и, несмотря на тяжелый понедельник, повезли на Мараккану в Шишкин Лес представляться и знакомиться с конюшней <напомню: «конюшня» — от аббревиатуры КОН — Команда Особ@го Назначения; «конюшней» тиффози называют любимую команду, «СТОЙлом» — СТАндартная ОЙкумена — команду соперников>; хотя, что уж там представляться (председатель Сур называет эти представления «презентациями»), — я всех этих жеребцов, кроме совсем уж молодых, знаю, как свои пять пальцев, а они меня — как облупленного. В Шишкин Лес к «Маракканне-2-бис» мы, непрерывно квакая, добрались с ветерком в желтом узкоглазом председательском лимузине, похожем на самого председателя Сура, и таком длинном, как сама жизнь председателя Сура, — этот роскошный «торнадо-квант» с трудом вписывается в орбитальные завороты, а на взгляд эйнштейновского постороннего наблюдателя даже загибается на угловой орбите из-за релятивистского эффекта. Ничего машинка, несется на квантовой тяге квакающими мигающими порциями: пространство—время—пространство—время, не замечаешь ни пространства, ни времени. Короче, мы вырулили на Угловую орбиту на жел-

тый свет, дождались зеленого коридора, сорвались с Угла и минут через пятнадцать (всего лишь — даже не успев разогнаться) уже сворачивали на проселочную долетную траекторию к обратной стороне Маракканны. Зер гутт.

Недалеко, удобно, пю-мезонный ветерок приятно освежает и отрезвляет. В «торнадо-кванте» есть бар с кофе-коньяком, с горячими собаками и с какими-то оранжевыми морковно-помидорными салатиками, при баре — микроволновая полевая кухня на двенадцать персон и совмещенный санузел; я сходил на горшок, почистил зубы, сделал несколько приседаний, умылся, причесался (хотя, что уж там причесывать?), перевязал галстук и... нарушил предписание доктора Вольфа — хлопнул на халяву рюмку коньяка. Прозит. Для храбрости?.. Нет, для уверенности, — я не трус, но для храбрости нужна уверенность, а я был не уверен в себе; вот только не успел позавтракать. Коньяк у председателя на удивление дрянной, с красноречивым названием «Цицерон» (халява — она халява и есть, сам же председатель Сур попивает кислейший брют и закусывает пресными сухариками, — оттого, наверно, так долго живет), от этого «Цицерона» во рту остается неприятный привкус, — говорят, это привкус клопов; не знаю, никогда не ел клопов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУРИ'НАМ. Из «торнадо-кванта» я выбрался сам, пожизненного председателя ФУФЛА господина Сури'Нама телохранители вывели под белы, точнее, под желты руки. Меня всегда удивляла темная гладкая желтизна его кожи, — желчь со свинцом. Даже для человека азиатского происхождения такая желтизна неестественна. Председатель тускло светился, струился и переливался, как засвеченный медленными пю-мезонами. Ходячий труп. Пожизненный председатель ФУФЛА Сури'Нам. Зачем охранять его тело, если оно пожизненно? Труп Сури'Нама, ходящий по жизни. Ладно, хватит о председателе Суре. Он протянул мне дрожащую руку и заговорил, как с трибуны, о «...многомиллионной армии тиффози, которые рады в моем лице...». Я протянул ему свою, тоже дрожащую, и спустил его с кафедры:

— И все-таки не пойму, зачем я вам понадобился? Вы же меня хорошо знаете. Я неуживчивый тип, на мне где сядешь, там и слезешь — это четвертый закон термодинамики. Первые

три я не знаю, но это четвертый — точно. И потом, у меня хроническое раздвоение личности, спросите доктора Вольфа — одна половина никогда не знает, что будет делать другая. Почему Главным не назначили Войновича?

— Я предлагал Войновича. Честно скажу: я был категорически против вашей кандидатуры. Я очень надеялся, что вы не понравитесь Президенту. Но сам Лобан просил за вас. Более того, Лобан настойчиво рекомендовал вас на свое место.

Значит, Лобан, как и обещал, приложил руку к моему назначению. Добре.

<ПРИМ. Ничего не «добре». Лобан, конечно, рекомендовал меня на пост главного тренера, но мы с председателем Суром темнили друг перед другом и ходили вокруг да около запретной темы. Мы оба хорошо знали, КТО пастоял на моем назначении и КТО дал согласие на мое назначение, чтобы преждевременно не раскрывать участие в этом деле Службы Охраны Среды, но мы плохо понимали, ЧТО стоит за моим назначением. Сейчас об этом уже можно говорить. А тогда — нет.>

— Вы почему не побрились? — спросил председатель Сур, пытаясь перевести этот скользкий разговор с тонкого льда на нейтральную почву.

— Бритва тупая.

— Я вам подарю лезвия, — обрадовался он. — Вы какой бреетесь — «жиллетт» или «вилкинсон»? Как по мне — «жиллетт» мягче. — Председатель погладил ладонью свой полированный череп.

— Я бреюсь опасной бритвой. Золинговая сталь «два близнеца».

Сури'Нам задумался, провел пальцем по горлу и спросил:

— Это такая первобытная бритва-складень? И правите ее на солдатском ремне с зеленой пастой?

— На офицерском ремне. Но у меня паста закончилась.

— Я вам достану пасту «гойя», — пробормотал Сури'Нам. — Мне говорили, что у вас повадки пещерного человека, но я не думал, что до такой степени.

— Подобной золинговой бритвой брился сам Эйнштейн,— отпаривал я.— Хорошие мысли приходят в голову во время бритья. Однажды он рассматривал на бритве клеймо «два близнеца» и придумал эффект двух близнецов для своей СТО.

Председатель не знал этой аббревиатуры.

— Специальная Теория Относительности,— объяснил я.

— Этот ваш Эйнштейн тоже, наверно, был порядочным ди-карем,— ответил председатель Сур.

МОИ ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ КОНЮШНИ.

ТРОННАЯ РЕЧЬ. Наш «торнадо-квант» встречали Макар с Чайником — знаменитая связка голкиперов, наше «дубль-ве», два Виктора — капитан конюшни Виктор Мак'Карра и его ведомый Виктор Чаянов. Кто из тиффози в обоих полущариях Вселенной не знает поношенный свитер и задрипанную кепку Мак'Карры с пуговицей на макушке? Эта пуговица с секретом — третий глаз, ловящий лю-бизоны и позволяющий Мак'Карре спокойно пасти своих лю-бизонных телят в нейтральных зонах. Не ахти какой голкиперский секрет, но удобно, и правилами разрешено.

Председатель Сур пожал Мак'Карре его мозолистую руку, а я приветственно подмигнул Чаянову. Мак'Карра очень знаменит, Чаянов — тоже, хотя и в тени Мак'Карры. У Мак'Карры сразу три тиффозных прозвища — Макар, Макарон и Кепка (получить от тиффози хоть одно устойчивое прозвище — великое дело для футбольного профессионала; прозвище — это не только признание и слава, это больше — это любовь; многие футболисты даже вносят свое новое имя в паспорт, но другие так и остаются без профессионального прозвища при своих изначальных фамилиях). Макар — спокойный, обстоятельный, немногословный сорокалетний мужик (Чаянов же — Чайник, кипуч и порывист); наверно, Макар единственный человек из всех жеребцов в конюшне, который «сказал — сделал». И его надо уметь слушать.

Вот и сейчас Макар сказал:

— Осторожно, двери!

Но телохранители, ведущие председателя Сури'Нама, уже успели не заметить тонкую стеклянную дверь, сходу вошли в нее и разнесли ее вдребезги.

— Он же вас предупредил! — тут же взвился Чайник, а Макарь лишь развел руками.

И это называется «пуленепробиваемое стекло»? Ничего не умеем делать, даже бронестекло, откуда только руки растут? Ладно, будем считать, что дверь разбили на счастье.

Вся конюшня вместе с обслуживающим персоналом уже собралась в холле «Маракканны» — я давно не видел Ираклия, Брагина, Ван дер Стуула, фон Базиля, дядю Сэма, доктора Вольфа и фройлен фон Дюнкеркдорфф, даже Гуго Амбал и Хуго Верстак (они всегда ходят в паре) пришли поглазеть на мою презентацию — я им кивнул; некоторых молодых я в лицо не знал; но я не нашел здесь Тиберия Войновича — правда, на подобных собраниях Тиберий любит забиться куда подалее и читать «Спортивный курьер» или дремать. В полукруглом углу (если, конечно, угол может быть полукруглым) стояла голубая канадская елка до потолка, украшенная разноцветными гирляндами и красивыми бутылочками с портером, пепси и кокой.

Жеребцы погрязли в мягких креслах (вот именно — «погрязли»), нога за ногу или вытянув ноги на всю длину, с задранными выше колен тренировочными брюками, в тапочках на босу ногу, в расхристанных рубашках, завязанных узлом на голых животах а ля президент д'Эгролль. Они лениво попивали из бутылочек, почесывались, позевывали, ковыряли в зубах и без осоБ@го любопытства, но с вежливым интересом, меня разглядывали.

Меня с председателем Суром поставили под елкой, как каких-нибудь китайских Сапта Клаусов (я тоже был желтый после третьей бессонной ночи), и председатель, отбрасывая лысиной на потолок солнечные зайчики, представил меня от имени все той же «...многомиллионной армии тиффози, которые...».

И т. д. в том же д.

Я не мог вмешаться и остановить его, как это недавно сделал Президент. Суру понадобилось, наверное, полчаса, чтобы добраться до нескольких несложных фраз:

— Вот ваш новый командор, прошу любить и жаловать, желаю успеха в отборочном цикле чемпионата мира...

И это речь председателя Футбольной Федеративной Лиги? О финале мирового чемпионата Сур даже не упомянул,— куда

там! — если пройдем отборочные игры, это уже успех, о большем мы и не мечтаем, где уж нашему теленку волка съесть. Такая хилая целевая установка на очередной цикл чемпионата Вселенной — да еще из уст футбольного председателя! — никуда не годится. А где уверенность в себе? Я эти пораженческие настроения быстро поломаю,— если надо, то и через колено.

Этот новогодний утренник закончился тем, что у председателя начался приступ аллергического кашля — в холле стоял какой-то резкий раздражающий запах, и Сур чуть не отдал душу своему китайскому Б@гу. Председателя увели осматривать «Маракканну», а я остался один на один с конюшней. Признаюсь, я прилично волновался и был не в своей тарелке,— а тут еще привкус «Цицерона» и этот запах в холле,— но виду не подавал.

— Ребята, вы меня хорошо знаете,— грустно сказал я из-под елки, когда председателя увели кашлять на свежий воздух.

— Знаем, знаем,— лениво ответили они из мягких кресел. Интонация была понятна:

«Знаем, знаем, что ты за фрукт».

Тогда у меня случился приступ красноречия (такое со мной бывает, когда я сильно волнуюсь), и я на одном дыхании и без запинки произнес — даже толкнул! — довольно складную тронную речь:

— Ладно, ребята,— сказал я.— Я буду говорить то, что думаю, а вы уж как знаете. Я не был великим игроком и не собираюсь корчить из себя великого тренера. Я простой, как валенок. И все же я кое-что понимаю в футболе. Я играл в «СОСках» в одной связке с Тибериём Войновичем,— где, кстати, Войнович? — однажды даже забил гол — заметьте, с игры, не с пенальти! — великому Микеланджело Леффевру, более того, в конце своей карьеры сломал ногу самому Лобану, когда он доигрывал в «ЖЛОБах», и за это меня на год дисквалифицировали, и я уже не вернулся в большой футбол. Ираклий, ты чего в тубетейке?.. А, доктор приписал... О'к. Я такой же, как вы, плоть от плоти вашей, по образу вашему и подобию,— продолжал я.— Не Б@г, не царь и не герой. В команде я временно, потому что я — и вы это знаете — либерал, гнилой воды либерал... Брагин, иди чесаться на улицу!.. Я со-

гласился взять сборную конюшню только потому, что люблю вас, потому что здесь неплохо платят и потому что после ухода Лобана ни один крутой и здравомыслящий тренер до сих пор не согласился взять сборную, потому что вы медленно деградируете и опускаетесь на дно, даже утреннюю физзарядку не делаете, потому что ногами играете на компьютерах. А ну, честно: кто делал сегодня зарядку?.. Вот! То-то и оно! Да вы еще не проснулись! Чего вы все чешетесь?.. Компьютеры выброшу! Я тоже ненавижу зарядку, руки-ноги-спина врозь, а люблю перекинуться в картишки, сладко поспать, вкусно поесть и хорошо выпить, и вот когда с моей помощью вы опуститесь окончательно и почувствуете ногами дно,— вот тогда вы запоете «Сулико»! — потому что меня отстранят от должности и за несусветный гонорар пригласят Лобана, который сейчас подрабатывает сразу в трех стойлах,— в национальном, молодежном и юношеском,— в Приобском Хантстве, где местный хант щедро платит ему ранней сырой нефтью по среднему всемирному эквиваленту. Вот тогда вы поскачете через скакалку, вот тогда вы запляшете железную тарантеллу! Лобан вас запрет на три года в Шишкином Лесу, и — вставать по свистку. Хотите в тренеры Лобана?

— Нет! Не хотим! — с поддельным ужасом закричали все.

Впрочем, почему с «поддельным»? С самым настоящим ужасом.

— То-то! А теперь слушай объявление: Новый Год закончился, начинаем работать! Всем на завтрак! После завтрака — легкая тренировка. Ага, вы уже завтракали... А вот я с утра не успел. Тогда до обеда все свободны. Запаситесь мячами,— после обеда сыграем в пляж-болл с выбыванием.

О'к.

ТИБЕРИЙ ВОЙНОВИЧ. Председатель Сур все еще кашлял в платочек и никак не мог отдышаться. Совсем стал плох старик. Гориллы немного прогуляли его по Маракканне — вверх-вниз, туда-сюда, председатель понюхал цветочки, подышал озоном, оклемался, потом я проводил его к «торнадо-кванту», сделал ему ручкой, «квант» заквакал и отчалил, а я отправился в ресторацию позавтракать,— есть не хотелось, но нужно было отбить цицероновый привкус во рту и специфический запах в носу. Там, в этой столовке, сидел обрюзгший

и потолстевший Тиберий Войнович. Он читал «Спортивный курьер» и лениво ковырялся вилкой в каком-то гадюшке из мясных макарон в томате и в горчичном соусе. На собрании он таки не присутствовал, а жрал.

Мы сдержанно перекинулись: привет, мол. Не бросаться же друг другу на шею — сколько лет, сколько зим! Три зимы и три лета, всего лишь. За три года с небольшим, что мы не виделись, Войнович откормил такую ряху, что, как говорится, «день скакать — не обскакать, три дня ср... — не обоср...». Сейчас он приканчивал, судя по количеству пустых тарелок перед ним, третий завтрак. Я прикинул: раз-два-три глубоких тарелки. Точно, слопал за раз три порции то ли спагетти, то ли макарон по-флотски. Я присел за его столик и спросил:

- Как тут кормят, Тиберий?
- Хорошо. Не жалуемся. Повар хороший. Борщ.
- Борщи хорошо готовит?
- Его фамилия Свекольник. Прозвали Борщом.
- Это плохо, что повар хороший.
- Почему?

Кроме ряхи Войнович отрастил пузо. Жрет макароны, как не в себя, да еще по-флотски — с хлебом. Тоже мне, земеэс! Я похлопал его по арбузику:

— Что с тобой, Тиберий? Кто это тебя так заделал? На каком ты месяце? Когда собираешься в декретный отпуск?

— Нет чтобы пожелать приятного аппетита,— ответил он, но все же смутился и отодвинул тарелку.

Это хорошо, что он смутился. Значит, еще не проел остатки спортивной злости.

— Нет, завтрак доешь,— сказал я.— Приятного аппетита! Впереди у нас трудный день, тебе надо хорошо заправиться. Но вот обед раздели с другом, а ужин...

— А ужин я оставлю Лобану! — догадался Войнович.

Мы посмеялись. Лобан нам не враг, но все футболиеры — как профи, так и тиффози,— любят подтрунивать над Лобаном, разговор о нем считается хорошим тоном и нейтральной, но занятой темой, вроде разговора о погоде. Как же без Лобана,— футбола без Лобана не бывает.

— Лобан никогда не ужинает,— поддержал я этот разговор.— Лобан себя блюдет.

— Лобан худой, потому что злой,— сказал Войнович.

— Или наоборот — злой, потому что худой.

— Да. Он злой и худой, потому что он сыроед и потому что совсем не пьет. Даже коньяк на шару.

Ладно, с Лобаном разделались. Я опять принялся и спросил:

— Послушай, чем здесь пахнет? Или мне кажется?

— Не тем, о чем ты думаешь. Не коньяком. Клопами.

— Шутишь?

— Во-от такие! — Войнович показал палец указательного пальца и почесался. — Совсем заели, собаки подковерные.

— Бр-р! Надо пригласить в конюшню бабу Валю и тетю Катю.

— А кто им будет платить?

— Дядя Сэм, — не раздумывая, ответил я.

— А где он деньги возьмет?

— Это вопрос к нему. Пусть думает.

— Правильно, дядя Сэм что-нибудь придумает. Хочешь совет?

— Совет от Войновича всегда готов выслушать.

— Отмени сегодняшнюю тренировку. Не дело — начинать с понедельника.

— Уже отменил. Сообщишь об этом конюшне?

Войнович кивнул.

КОНСПИРАТИВНАЯ ВСТРЕЧА В ПЛАНЕТАРИИ.

ДЖЕНЕРАЛЬ ГУ-СИН. Но тяжелый понедельник на этом не закончился. Более того, этот чертов понедельник продолжался весь год, им же и завершился. Как говаривал академик Тутт на своем родном карданвальском, описывая состояние первичной материи в Черных дырах: «Kako Kosmos, tako Hronos — yako Gumus un kloako» (к сожалению, в переводе с карданвальского теряется смак каламбура; приблизительный перевод: «Как Пространство, так и Время, болтаются, как г... в ополонке»). К вечеру я вернулся домой — то есть в Планетарий <так называют небоскреб Управления Службы Охраны Среды из-за торчащего над облаками купола> и имел беседу с бригадным дженералем Гу-Сином.

— И все-таки зачем я вам нужен? — опять спросил я. — Я вспыльчивый холерический тип со средним техническим образованием — так записано даже в моей служебной характе-

ристике. Почему выбрали именно меня? Мало ли есть на свете толковых безработных тренеров?

Дженераль Гу-Син развел руками, отвел взгляд и ответил словами председателя Сура: -

— Я сам толком не пойму. Но Лобан настаивает именно на вашей кандидатуре.

Я пожал плечами. Ответ меня не убедил.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПРОБЛЕМА ПОСТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ. <Одно из невинных и самых темных мест в отчете. Никто не разводил руками и не пожимал плечами. Наша беседа с дженералом Гу-Сином не ограничилась этими двумя фразами, а продолжалась на крыше Планетария часа два до самой темноты. Почему на крыше?

— Неуютно здесь,— признался дженераль.— Мне все время кажется, что за нами кто-то наблюдает. Ч@ртовщина какая-то... Кто-то в спину смотрит, вся спина в мурашках. У вас нет этого ощущения?

— Есть. В этом здании все мы под наблюдением,— напомнил я.— Кто-то в спину смотрит, кто-то в анкеты заглядывает.

— Кто же?

— Вы. Обычное режимное наблюдение.

— Это так,— усмехнулся дженераль,— но я говорю о другом наблюдении. С тех пор, как мы взялись за этот проект, я чувствую себя неуютно. Мы лезем в неизвестность и провоцируем наблюдение неведомой силы... какого-то неведомого Постороннего Наблюдателя. Стены, стены... Ладно, полезли на крышу.

Здесь, над темными мокрыми облаками, я впервые узнал о Проекте <поначалу он назывался совсем мудрено — «Проект по легированным сплавам для сельскохозяйственных контейнеров» (ПРОПЛЕСК), за этим подозрительным названием явно что-то скрывалось; простое название Проект Глобальной Диффузии — ПРО-ГЛОД — возникло позднее>, который (проект) доложили в своем письме президенту д'Эгроллю наши ведущие физики-теоретики. Поначалу Президент отнесся к проекту скептически, но все же поручил дженералю Гу-Си-

ну организовать дополнительные лабораторные исследования и сделать первые пробные шаги.

— А там будем посмотреть,— сказал Президент и добавил вполголоса: — И не забывайте о Постороннем Наблюдателе. Посоветуйтесь по этому вопросу с академиком Капельцыным.

Так на самой ранней стадии ПРОГЛОДА возникла проблема Постороннего Наблюдателя. Она уже была обозначена в историческом письме, подписанном десятью бессмертными академиками, где подпись Капельцына стояла второй, сразу после подписи Лон Дайка. Я проконсультировался с Капельцыным. Он объяснил мне, что проблема Постороннего Наблюдателя в научных исследованиях возникла еще в глубокой древности, о ней задумывался сам Эйнштейн.

— Например, по Эйнштейну, для этого Постороннего Наблюдателя человек, падающий с крыши, остается неподвижным относительно здания,— так объяснял Капельцын.— Каково? Или такой парадокс: Посторонний Наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности. Но если он случайно (или умышленно) попадает в выгодную точку пространства—времени (например, пересечение дорог в час пик), откуда не только его взгляды, но и вещи (пешеходы, автомобили) расходятся в разные стороны,— тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю полноту. Местность расшифровывается и становится понятной. Понятно?

— Более чем,— ответил я.

Капельцын меня понял и посоветовал не брать в голову эти эйнштейновы умозерцания.

— Надо уметь отстраняться,— сказал он,— надо уметь выбирать точку зрения и просто наблюдать, чтобы получить какой-нибудь результат, потому что результат в современной науке зависит от точки зрения Отстраненного (Постороннего, Внешнего) Наблюдателя, а не от наблюдателя внутри научного проекта.

Такое вот. Многим эта проблема казалась надуманной, но только не мне; я ломал голову: кто он, этот та-

инстинктивный Посторонний Наблюдатель, к которому все время обращался Эйнштейн? «Для Постороннего Наблюдателя все равно, — движется ли поезд относительно Земли, или Земля относительно поезда». (Хорошенькое дело! Таким образом, самый мудрый Посторонний Наблюдатель — это пицци на перекрестке: он никуда не едет по отношению к Земле, вокруг него падают с крыш самоубийцы, встречаются старик и юноша — братья-близнецы, и он воспринимает мир с наибольшей полнотой!) Я чувствовал этого Постороннего Наблюдателя. За нами кто-то следил. Я шкурой ощущал Его постоянное присутствие и в каждом, кто попадал в мое поле зрения, видел Его агента. Потом мне пришлось долго лечиться от этих навязчивых подозрений.

Информация по ПРОГЛОДУ уже тогда была мокрой, невятной, сомнительной; дженераль Гу-Син и президент д'Эгроль мало что понимали в ней; *потом она (информация) вообще перешла в газодиффузионное состояние, и в ней уже не разбирался никто — включая и самих физиков-теоретиков. В то смутное время я нужен был дженералю для отвода глаз Постороннего Наблюдателя от центральной фигуры ПРОГЛОДА (в то время такой фигурой являлся Лобан). Обычная роль подсадной утки. Ее до меня исполнял председатель Сури'Нам, но старик нервничал и не тянул уже. Но в то время мы еще не переступили ч@рту, а мое назначение на должность строительного прораба всего Проекта еще никому даже в голову не приходило. Темна вода во облацех.>

«МАРАККАНА-2-БИС».

ДЯДЯ СЭМ. У футбольного тренера сборы недолги — во вторник утром я вернулся на попутке в Шишкин Лес, бросил рюкзак в своей комнате на втором этаже, надел спортивный костюм и отправился завтракать. Макароны по-флотски с нежным горчичным соусом были очень хороши. После завтрака я взял под ручку дядю Сэма (нашего завгара и администратора конюшни Семена Рафальского — его называют попросту Рафой или, почтительно, дядей Сэмом) и часа два прогуливался с ним по новому спортивному комплексу.

Осматривал все это народное хозяйство, всюду совал свой нос и вспоминал Фрейда с его «Психофизическими пертурбациями сексуально-спортивного комплекса 3-го рода». Вот, оказывается, куда уходят денежки тиффози-налогоплательщиков. Архитекторы удобно вписали «Маракканну-2-бис» в уютный кратер Шишкин Лес — дубняк, сосняк, березняк. Красиво. О'к. С востока и севера — отвесные вулканические стены, тепло, не дует; на юго-западе — пологий склон разрушенной вулканической стены с выходом на Олимпийскую равнину. Хорошо, удобно, — неплохие зимние квартиры (но двери, двери! — двери везде стеклянные, жеребцы по привычке открывают двери ногами и то и дело надевают их на себя), мягкая мебель, кинозал, бильярд, библиотека, — что еще? — теннисные корты, тренажеры, баскетбольная площадка, бассейн, пинг-понг, клумбы, сауны, персональные компьютеры, — все, что нужно для работы, отдыха и реабилитации, но главное: три отличных тренировочных Полигона — первый, основной, с подогревом и мягкой радиацией, на нем даже можно позагорать; второй жесткий, для мобильных тренировок, тут не позагораешь; ну, а на третьем, без крыши, намешали всяческой квази-грязи — сам черт ногу сломит. Неквантованный и нелинейный полигон — самое сложное и паршивое состояние поляны. Что ж, отлично, о'к, будет где поработать. Есть и четвертая полянка — «песочница» — детский, чистенький манеж под куполом. Зер гут.

— Все хорошо, дядя Сэм, все очень хорошо, велл, — почти-тельно говорил я. — Но вот что не очень хорошо, Рафа, — стеклянные двери. Так ведь и покалечиться можно.

— Уже. Вчера, — отвечал дядя Сэм. — Вчера послал строителям факс-рекламацию с обещанием оторвать им все помидоры. Двери заменят. Гарантия.

— Отлично, дядя Сэм, вери велл! Но вот что очень плохо, Рафа, скажу тебе по секрету, — клопы!

— Да, командор, клопов много, — охотно соглашался дядя Сэм. — Но клопы, командор, не в моей компетенции. Научно доказано, что клопы и тараканы появились на Маракканне одновременно с людьми. Еще неизвестно, кто первым ступил на Маракканну, — Армст Нейлинг или его домашний таракан, который прыгнул на грунт с плеча скафандра.

— Рафа,— сказал я,— ты, наверно, знаешь, что я никого и ничего не боюсь. Так вот, меня не интересует, кто первым ступил на Маракканну и чья это компетенция. В конюшни все чешутся и пахнет вот такими клопами,— я показал ноготь большого пальца,— а я очень боюсь клопов. Да, боюсь, и не боюсь в этом признаться. Клопы — это ужасно. Я комплексую и не могу работать, когда вижу клопа.

— Понял,— сказал дядя Сэм.— Может быть, пригласить на две полставки бабу Валью и тетю Катю?

— Ты читаешь мои мысли, Рафа. Они умеют травить клопов, пылесосить комнаты и стирать футбольные подштанники. Я не могу тратить время на проблему невыстиранных трусов и портянок. Пригласи бабу Валью и тетю Катю. Но не на пол-, а на две полные ставки.

— Минуточку... А кто им будет платить?

— Ты.

— Минуточку... А где я деньги во... Понял, командор!

— Ты умница, дядя Сэм! Дурак бы не понял. Но вот что мне совсем не нравится — эта мягкая мебель.

— А что? Мебель как мебель. Как по мне, то ничего, в розовый цветочек. Или сменить обивку?

— Нет, дядя Сэм, обивка мягкая, цветочки красивые. Но клопы, Рафа, клопы! Клопы любят мягкую мебель в розовый цветочек. Сделаем так. Первое: пусть Гуго Амбал и Хуго Верстак после обеда...— кстати, где они?.. я их еще не видел...

— Пошли мячи заготавливать.

— Ледниковые?

— Да. До вечера.

— Тогда завтра с утра пусть вынесут диваны, ковры и кресла на маракканнский мороз, и когда все клопы перемерзнут...

— Ничего не выйдет, командор. Они эти диваны сразу занесут обратно.

— Не понял.

— Клопы эти диваны занесут обратно. Их много.

— Смешно, дядя Сэм, смешно. Я смеюсь. Но это очень старый анекдот. Диваны обратно заносить не надо, потому что, второе: ты эти диваны, ковры и кресла продай налево, Рафа. Ну, ты меня понял, да?

— Нет, командор, не понял.

— Продай. Загони. Налево. За наличные. Можно за полцены. А деньги положи...

— Минуточку... Что вы такое говорите, командор?! Это же должностное пре.

— Не пре. А деньги положи в сейф и все четыре года плати полные ставки бабе Вале и тете Кате.

— Ага, понял. Это благородное должностное пре. Я — за. Но спать на чем? А сидеть на чем?

— Мягкая мебель нам не нужна, дядя Сэм. Лежать и сидеть полезно на твердом. Табуретки и нары. Нары и табуретки. Пусть Гуго и Хуго сколотят табуретки и нары. В здоровом теле — что, дядя Сэм?..

— Вот за что я вас уважаю, командор! Вот так и Лобан всегда говорил: «В здоровом деле — не больше двух»! — вскричал дядя Сэм. — Вы настоящий Главный тренер! Вы не просто даете задание, но объясняете, как его выполнить. Но, командор, просто так за наличман продать нельзя. Нужна фирма, командор.

— Это еще зачем?

— Для налоговой полиции. Чтобы все было чин-чинарем.

— Хорошо. Сделай фирму, дядя Сэм.

— Хорошо, я сделаю фирму. Но как ее назвать?

— Назови как-нибудь. Фирма «Маракканна», например.

— «Маракканна-2-бис».

— Пусть так.

— Хорошо, я подумаю.

— Но хорошо подумай.

— Я хорошо подумаю. Но вы круто начинаете, командор. Вот так и Лобан всегда говорил: «Думай, Рафа, хорошенько думай!»

— Почему ты о Лобане в прошедшем времени? Лобан и сейчас говорит и не всегда бывает неправ. Хочешь работать с Лобаном?

— Б@ж-же упаси! Лобан жадный.

— Лобан не жадный.

— А зачем он в Приобском Хантстве сразу три стойла взял?

— Поработать хочет.

— Какое «поработать»! Деньги!

— Нет. Он там селекционирует.

— Что? Что он там селекционирует?
— Игроков.
— Врет! Он деньги селекционирует.
Вот и опять Лобану косточки перемыли...
— Рафа, это не твое дело. Твое дело — двери, клопы и диваны.
— И деньги тоже!
Последнее слово всегда остается за дядей Сэмом.
О'к.

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ.

ДЯДЯ СЭМ. Я смотрел ему вслед и думал: «Хитер, дядя Сэм, но на роль Постороннего Наблюдателя не годится. Не забыть сказать, чтобы вместе с мебелью продал все персональные компьютеры».

ВЫПИТЬ ВОДКИ ДЛЯ ОБВОДКИ.

ТРОЙКА РЫСАКОВ. Потом я долго бродил над Олимпийской равниной, дошел до внешнего эксцентриситета, потом добрался даже до крайней юго-западной точки либрации (L-прим), там хорошо и удобно думается. Завис и лежал, как в гамаке; меня покачивало мягкой приливной волной, чуть не уснул. Стал размышлять о кандидатах в основной состав, даже набросал список в блокноте. Третью надо сократить, выгнать к чертовой матери. Выбор кандидатур на отправление к этой самой матери большой, значит, обид на меня будет еще больше.

О'к.

Чего уж тут о'к.

Вернулся и — тут же, на месте преступления — застукал Брагу (Брагина), Хуана (Эстремадуру) и Касана (Касанидису) — пили! — вернее, собирались безобразно распить в подворотне у библиотеки бутылку водки на троих. Ну и нюх у меня, — из подворотни мне слышался запах нефти (если, конечно, запах может слышаться), я заглянул: они уже распечатали бутылку водяры с бутылкой пива и уже сделали по глотку. Уж кто-кто, а эти точно не посторонние наблюдатели! Среди пьяниц девяносто процентов — хорошие люди. Это больше, чем в других категориях человеческих слабостей; но в футболе пьяница, к сожалению, быстро устает и сходит с дистанции. Я был в ужасе:

— Форварды! Варвары! Водку! Днем!

— Выпить водки для обводки,— ответил на это Брага при сказкой из футбольного фольклора.

— А пива для отрыва,— подхватил Хуан.

— А ерша — для куража,— напомнил Касан.

Я не остался в долгу:

— А вина — для Лобана?! Днем! Из горла! Без стакана!

— Для аппетита, перед обедом,— оправдывались они.—

А что, командор, разве перед обедом нельзя?

Я ответил известной поговоркой:

— Нельзя, но если очень хочется, то можно. Все можно, только осторожно. Но почему вы прячетесь? От кого? Почему не накрыли ящик «Спортивным курьером» и не пригласили в подворотню главного тренера? Неуважай-Корыто?

Я отобрал у Касанидиса (наш главный запольный форвард с амплуа «сгоняй-принеси») початую бутылку, посмотрел на этикетку с надписью «Карданвал», сделал большой глоток, скорчил сквернопротивную рожу и разбил бутылку о фальшивую булыжную мостовую (керамика под булыжник). Этот «Карданвал» первой полуперегонки был в самом деле отвратителен и отдавал нефтью. Я продолжал разбор полетов:

— Ребята, вам надо овладевать новой техникой, а вы пьете этакую дрянь! Коньяк надо пить, коньяк «Соломон» тридцатилетней выдержки! Опынение должно быть качественным, должно придавать новые силы, поднимать настроение и навевать умные мысли, а этот «Карданвал» не дает дотянуть до аэродрома, даже до вечера,— днем он сбивает с ног, а утром бьет по голове! А человек с бодуна за пультом футбольного панциря — самоубийца, труп. Вы это сами знаете. На фиг мне это нужно — за вас отвечать? Мне вас не жалко, жалко у пчелки, мне себя жалко. Ребята, я интеллигентный человек, и потому позволю себе один раз осквернить рот: еще раз учую запах «Карданвала» — выгону на <слово нрзб.> из сборной! <Ну, вы меня поняли, да?>

— А не «Карданвал» можно? — спросил Касан.

— Я сказал: нельзя, но если очень хочется, то можно.

Касан, кажется, не поверил. Он из тех молодых форвардов, о которых опытные защитники говорят: «Забить-то он, конечно, забьет. Да кто ж ему даст забить?»

Что ж. О'к.

Я ему рога обломаю.

<НА ПОЛЯХ ПРИМЕЧАНИЕ БЕЛ АМОРА: «Привет тому деятелю из ФУФЛА, который сейчас читает этот отчет!»

ТУТ ЖЕ ПРИМЕЧАНИЕ КАКОГО-ТО ДЕЯТЕЛЯ ИЗ ФУФЛА: «Привет в ответ! А без мата в отчете никак нельзя? Главный тренер думает, что его отчеты никто не будет читать, и позволяет себе непарламентские выражения даже в официальном документе. А я все читаю! У меня должность такая — «Чтец», за это мне платят жалованье: читаю все входящие и исходящие документы».>

<К этой же странице отчета в Белой тетради подклеено следующее ПРИЛОЖЕНИЕ:>

ИЗ ФУТБОЛЬНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.

Нужно ли это поэтическое приложение в отчете для ФУФЛА? Думаю, да. Я чувствую свою ответственность перед отечественным языкознанием с тех пор, как целое лето охранял студентов-филологов на Соловьиных Островах. Мой долг закрепить это устное народное футбольное творчество на бумаге. Почему это мой долг? Потому что фужеры <футбольные журналисты> этим фольклором почти не интересуются. А жаль, пропадет. Конечно, это не высокая поэзия, даже не стихи, а что-то вроде рифмованных приговоров-заклинаний. Эти рифмы создавались многими поколениями футболистов, и я не уверен, что располагаю полным списком. Буду благодарен за свежую информацию в этой области тиффозного языкознания. Итак:

«Выпить пива — для отрыва, / Самогона — для обгона (вариант: для разгона), / Водки — для обводки, / Коньяка — для рывка, / Сивухи (или бормотухи) — для прухи, / Солнцедара — для удара, / Кока-колу — для приколу, / Кофе — для Иоффе (знаменитый тренер-ядерщик, ныне покойный), / Кваса — для запаса, / Кефира — для блезира, / Ерша — для куража, / Ликера — до упора, / Воды — до (нецензурно), / Шнапса — для коллапса, / Мадеры — без меры, / Кровавой Мэри — ни

в коей мере, / Рому — для подъему, / Хереса — для стресса, / Грогу — на дорогу, / Браги — для отваги, / Вишневки (буряковки) — для сноровки (для трепировки), / Кальвадоса — для видоса, / Саке — чтоб войти в пике, / Виски — для очистки, / Полста — для сухого листа (вариант: для игры с листа), / Четвертинку — на разминку, / Пол-литра — для арбитра, / Чачи — для удачи, / Ну, и вина — для Лобана».

СУП-ГЛАЗЕНАП И ОТБИВНАЯ ДРЕССУРА.

ШЕФ-КОК БОРЩ. Обедали с Войновичем за тем же столиком. Когда я съел свой обед — все было вкусно, но я так и не понял, что именно я съел (со дна глубокой тарелки с супом на меня что-то внимательно смотрело), Войнович по-дружески придвинул мне половину своего обеда:

— На, жри, я не хочу.

Я съел и половину обеда Войновича. Недурственно. Это я неплохо устроился.

После обеда ко мне из кухни подкатился повар — типичный колобок с большим черпаком в волосатой руке, в белом колпаке и во врачебном халате. Он чуть не плакал.

— Шеф-кок Свекольник,— представился он.

— То есть, Борщ,— сказал я.— Что случилось, кок?

— Шеф-кок,— поправил Свекольник.

— Так точно, шеф.

— Командор, позавчера утром я слышал из камбуза, как вы сказали Войновичу, что я плохой кок,— со слезами на глазах сказал Свекольник.

— Во флоте служили?

— Откуда вы знаете?

— Камбуз, кок, макароны по-флотски. Но вы не умеете подслушивать, шеф-борщ. Я не говорил, что вы плохо готовите. Я не так сказал. Вы очень хорошо готовите. Я сказал: «Плохо, что у нас хороший повар».

— Я вас не понимаю, командор... Плохой кок — разве это хорошо? Я что, должен готовить плохо?

— Ни в коем случае. У вас талант, вы не сумеете готовить плохо. Продолжайте готовить хорошо. Но без моего ведома никому из спортсменов добавки не давать! Ну, вы меня поняли, да?

— Вас понято! — обрадовался шеф-кок.

Доброе слово и кошке приятно. Людей надо чаще хвалить, они это любят. А Лобан, кстати, этого не понимает. Лобана я вспомнил нехстати, потому что шеф-кок тут же перевел разговор на Лобана:

— А то я боялся, что вы вегетарианец или, не дай Б@г, сыроед. Я с ног сбился, не знал, чем Лобана кормить. Сыроед — это О! Это главный враг любого кока — он же не ест ничего вареного! Сырая печенка, мясо в крови — бр-р! Ну, еще морковку ему почистишь, грушки-яблочки...

— Скажите, а что у нас было на обед? — спросил я, чтобы увести разговор от Лобана. — Вкусно, но не понятно что. Из супницы на меня кто-то смотрел.

— Естес-ственно! — воскликнул шеф-кок. — Это был раковый суп-глазенап!

— Вот оно что!

— Да! Из живого ледовито-океанского рака-глазенапа вынимают глаза — не волнуйтесь, ему не больно — и варят слепого рака в очень соленой воде до легкого покраснения. Белое мясо из шеек и лапок идет на крокеты с соусом бешамель, из мяса клешней готовится крепкий бульон...

— А что было на второе? Похоже на антрекот с лапшой... Он мне что-то сказал, но я не понял.

— Дрессура, естественно! На то он и антрекот из отбивной дрессуры. Дрессура пожелала вам приятного аппетита.

— Я забыл сказать ей «спасибо»...

— Ничего. Она не обиделась. Кстати, дрессура была не с лапшой, а с маринованными пиявками.

Я вдруг почувствовал неодолимую тягу выбежать на крыльцо и вывернуть перед Б@гом душу. Я так и сделал: извинился, быстро вышел на крыльцо «Маракканны», ускорился, забежал за угол, засунул два пальца в рот и совершил в густую траву этот известный обряд жертвоприношения. (Пока я рыгал, мне из травы кто-то подмигивал и хихикал. К дрессуре и глазенапу я вскоре привык, но так и не смог смириться с маринованными пиявками.)

ПЕРВАЯ ТРЕНИРОВКА. Потом я вернулся на крыльцо, засунул в рот четыре пальца и оглушительно свистнул с обеих рук. Все жеребцы, потягиваясь и позевывая после полуден-

ного сна, начали выбираться из зимних квартир. Мы провели легкую разминку на четвертой, детской Полянке: приседания с пудовым валуном — кто сколько сможет до первого пота. Потом азартно гоняли три на три в пляж-болл на вылет. Без вратарей и «три корнера — пеналь». Я тоже размялся, побегал, проверил порох в пороховницах (порох отсырел, но из игры не выпадал). Мячик нашли полегче — гладкий ледниковый валун пуда в два весом; разнесли его вдребезги; притащили другой, потяжелее, потом третий... И так до самого ужина, пока не стемнело. Всех похвалил: молодцы.

...А УЖИН ОТДАЙ ВРАГУ.

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА. Войнович уже сидел за столом, но к ужину не прикасался, а ждал моего появления. Он многозначительно посмотрел мне в глаза, встал, отодвинув животом стол, отнес свою тарелку (кровяной ростбиф с гречневой кашей) Касанидису и громко сказал:

— Ешь, Касан, тебе надо хорошо питаться.

Смысл этого театральной сценки одного актера я понял так, что Войнович молча, но демонстративно, показал мне своего врага. Странно. Какая черная кошка пробежала между ветераном Войновичем и сопляком Касанидисом? Впрочем, в сборной, как и в любом коллективе, происходят разные подводные пертурбации и турбовалентные завихрения. Это нормально, но руку надо все время держать на пульсе. Я команду целым взводом, — да еще каким! — конюшней, контингентом, конгломератом, конкистадорами, командой особ@-го назначения. В этот сборный КОН отобраны сразу три команды, тридцать три лучших игрока, — одиннадцать из которых я должен «отсеять» в самое ближайшее время (у ФУФЛА не хватает средств на содержание конюшни, с жеребцами эти дипломаты не хотят портить отношений, вот и нашли тренера-сеятеля — интересно знать, как производится этот отсеив?), а двадцать два будут заявлены на чемпионат мира — одиннадцать связок ведущих-ведомых. Конкуренция в конюшне очень жестокая — отсюда и подводные завихрения: подозрительность, вражда, группировки, выяснения на уровне «а ты кто такой?». Всякие там ученые-методисты-психологи от ФУФЛА считают, что «весь этот нездоровый климат отразится на Игре и что дело Тренера создать коллектив

единомышленников», что я должен «сплотить» футболистов. Я так не считаю. Это какое-то поверхностное психоложество: извините-подвиньтесь, спасибо-пожалуйста, ребята, давайте жить дружно. При мне в конюшне не будет соплей и плаканий в жилетку.

Кстати, я недооценил Войновича. На следующий день он отдал свой шницель футболисту С. (не буду называть фамилий неудачников), на третий день его ужин с аппетитом съел Д. и т. д. — в течение десяти дней Войнович отдавал свой ужин разным жеребцам, и я, наконец, догадался, что Тиберий кормит ужином не своих врагов (какие враги, кто ж ему враг, кто станет ему поперек дороги?), а попросту показывает мне десять футболистов, которых я должен отчислить из команды.

«Интересно, кто будет одиннадцатым?» — гадал я. И не смог угадать. Одиннадцатый ужин Войнович придвинул к себе и, глядя мне в глаза, демонстративно съел его.

— Я все понял, Тиберий, — сказал я. — Хорошо. Я отчислю всех, кому ты отдавал свой ужин. И тебя тоже.

— Ты все правильно понял, — ответил он и встал из-за стола. — Да, мне пора в декрет, пойду собирать манатки. Вешаю бутсы на гвоздь, фуфайку передаю ведомому.

— Не торопись, — сказал я. — Я держу для тебя свободную вакансию. Хочешь быть вторым тренером конюшни?

Войнович не ожидал такого предложения. Он подумал и равнодушно сказал:

— Я подумаю.

— Подумай, — так же равнодушно ответил я.

— Я посоветуюсь с доктором Вольфом.

— Посоветуйся.

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ.

ВОЙНОВИЧ. Мы с Войновичем играли за СОС, а потом вместе закончили ВТЫК <Высшие тренерские курсы>. Он прилежно учился, а я сачковал. Теперь меня назначили Главным тренером. Войнович в шоке. Когда Тиберий в плохом настроении, он лежит на кровати, смотрит в потолок и думает.

— Мяч — живое существо, — говорит он. — Мяч имеет душу — это понятно. Мяч имеет глаза. Мяч имеет свой язык — язык паса. Этот язык он хорошо понимает. Мяч чувствует, мяч

строптив или послушен, мяч имеет свои мнения и желания; захочет — и пойдет не на юг, а на север.

Или стоит у окна, посторонние наблюдает, потом кричит какому-нибудь молодому футболисту:

— Эй, ты, конгломерат! Иди сюда!

— Почему это я — «конгломерат»? — обижается тот, но подходит.

— А ты чего обижаешься? Ты хоть знаешь, что такое «конгломерат»? Это смесь всяких разнородных веществ. Все мы конгломераты. Такой у нас контингент. Я тоже конгломерат. Лови деньги, сбегай за бутылкой.

Еще Войнович любит вздыхать:

— Куда мы идем? — вздыхает он.

— Вперед,— отвечаю я.

— Куда это? В каком направлении?

— В том направлении, какое видим перед собой.

— Значит, куда глаза глядят. Ну, и когда мы туда придем?

— Ну, ты не очень-то философствуй.

— Время — вперед! Время — назад! Время — стоять! Конгломерат времен. Хочешь хороший совет?

— Давай,— отвечаю я, хотя знаю этот совет.

— Налей и выпей.

ВНЕЗАПНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ. Пожалуй, из Войновича получился бы неплохой Посторонний Наблюдатель. Недаром он не был на моей презентации, ему и не надо было туда приходить — он сидит на своем оживленном перекрестке и все видит.

Пожалуй.

КОНЕЦ ПРАЗДНИКАМ. Вчера отпраздновали Старый Новый Год. Все, с праздниками покончено, хватит работать в режиме отдыха. Я вышел на крыльцо «Мараканны», засунул четыре пальца в рот и свистнул с обеих рук так, что трава полегла,— искусство тифозного свиста я освоил в детстве, не каждый фанат так умеет. Все выбежали из берлог, натягивая фуфайки. Несло нефтью. Войновича не было, Войнович еще спал. Или уже думал. Или думал во сне.

— Становись! Отставить... Касап, сними бутсу, покажи портянки... Почему в носках? Ногу собьешь в носках! Брага, по-

чему не поддел подгузник? Помидоры отморожишь, девочки любить не будут! Хуан, а это что? Вот это... Форменный панцирь? Разве это форма?! У всех такая форма? Какие-то стеганые зековские фуфайки! Стыдоба! Федералы засмеют. Снять!.. Других нет? Рафа! Где дядя Сэм?

— Тут!

— Запиши...

— Я запомню.

— ...чтоб форма была от Кардена!

— Минуточку... А шкварки где взять?

— Что за слова? Что есть «шкварки»?

— Деньги. Кварки.

— Шкварки — это твои проблемы.

— Бу-сде!

Сделал следующее заявление:

— Вы что, совсем одичали, <три слова неразборчивы>?! Опустились, мохом заросли? Распоясались! Подпоясаться! Затянуть ремни! Не потерплю шалаяй-валяй и авось, расхлябанности и разгильдяйства! Чтоб все в конюшне было с иголки! Чтоб было на что поглядеть! Чтоб любо-дорого! Бутсы почищены, форма поглажена! Всем купить носовые платки и зубные щетки, утром и перед сном чистить зубы, мыть ноги, и никаких «из горла»! Вы меня знаете — я вам не Лобан! Или как? Или вы хотите иметь главным тренером Лобана? Тогда забудьте о зубных щетках, вам нечего будет чистить ни утром, ни вечером, — когда придет Лобан, он вам все зубы повыбивает. Чтоб в сборной все было солидно, интеллигентно, импозантно, презентабельно, аккуратненько и культурненько!

Наверно, эти лоботрясы не все слова поняли адекватно, — а некоторые и совсем не поняли, — но со временем, думаю, я их образую.

— Руки-ноги-спины врозь! Живот подтянуть, очко поджать! Грудь колесом, плечи коромыслом! Вдох-выдох! Раз-два-три-четыре... раз-два-три-четыре... <...> Теперь попрыгали... На месте... Хорошо. Всем завтракать! После завтрака — тренировка отменяется!

— Ур-ра!

— После завтрака — всем на уколы к доктору Вольфу.

— <неразборчиво>...!

— Кто это сказал?.. Хуан, ты что, совсем <неразборчиво>, без мата не можешь?.. Скажу доктору, чтобы он всадил тебе твердой рукой и от всей души! Всем на уколы! Да, про елку забыл. Рафа! Где дядя Сэм?!

— Да тут я!

— Елка еще стоит?

— А куда она денется?

— Убрать елку к <неразборчиво>! Новый год закончился!

— Минуточку... По старому стилю еще не... Есть!

УКОЛЫ. По дороге на уколы состоялся многозначительный разговор с дядей Сэмом.

— Минуточку, командор.

— Чего тебе, Рафа?

— Вы сказали, чтобы я продал диваны, ковры и компьютеры и четыре года платил бабе Вале и тете Кате по полной ставке.

— Да, я так сказал.

— Тогда я вас не понимаю.

— А что тут непонятного? Ты. Ковры. Диваны. Компьютеры. Кварки. Баба Валя. Тетя Катя. Четыре года. Полные ставки.

— Все понятно. Одно непонятно: четыре года.

— Да, я ошибся. Не четыре, а три с половиной года.

— Может быть, вы хотели сказать «год-полтора»? — осторожно намекнул дядя Сэм.

— Ах, вот ты о чем! Год-полтора, пока не вылетим? Нет — три с половиной! Три с половиной года!

— Вы это серьезно, командор?

— Мы выйдем в финал, Рафа. Через три с половиной года мы будем играть в финальном матче чемпионата Мира.

— Вашими бы устами да баб целовать!

— <...>

<ПРИМ. РЕД. Лакуна восстановлена по требованию автора «Отчетов»:

«— А у тебя что, своих уст нет? Или уже не стоит на баб? Тогда подай заявление, подпишу. Мне настоящие мужики нужны. До конца.

— У меня с концом все в порядке, командор».>

- Ты с кем, Рафа? Со мной? Или?..
- Конечно с вами, командор!
- До конца?
- Ну!
- Тогда передай по конюшне: через три с половиной года мы играем Матч Смерти.
- Сегодня же передам.
- Но только после уколов.
- С кем именно будет финал, командор? Ваш прогноз?
- Вот этого я не знаю. Я не оракул, Рафа.
- Боюсь, что с конфедератами из Западной Конференции.
- С зеками? Очень даже может быть. Но ты не бойсь — бояться всегда успеем.

<Помню свой первый укол, лет этак ...дцать тому назад. Помню доктора Вольфа во-от с таким шприцом.

— Ну-с, кто из нас не трус? — спросил доктор.— Снимайте штаны, мои хорошие. Труссы пока не надо. Кто желает уколиться первым?

Все жеребцы поджали хвосты и оттягивали это удовольствие, я в том числе. Укол был жеребячий — «керосин-навигатор» — от всех болезней, включая СПИД, бубенную чуму и астральный сифилис. Первым пошел Лобан. Высокомерно взглянул на нас, трусов, расстегнул ремень, спустил штаны и вошел в кабинет на ровных ногах со спущенными штанами. Как молодцы мы были! Сейчас бы он ни за что не пошел первым. Через минуту в кабинете что-то упало, еще через минуту перепуганные Гуго и Хуго вынесли в коридор худое обморочное тело Лобана и принялись его отхаживать.

— Ну-с, кто второй не трус? — невозмутимо спросил доктор Вольф.

— Я,— сказал я и стал решительно снимать штаны, потому что понял: если уж такой железный стоик, как Лобан, не выдержал укола, то мне можно не беспокоиться и не тянуть резину — все равно меня тоже вынесут из кабинета.

— Теперь трусы,— сказал Вольф.

Я спустил трусы.

— Позвать Гуго и Хуго, чтобы тебя поддержали? — спросил доктор, натягивая поршнем полный шприц своего керосина. — Это единственное, что я могу для тебя сделать.

Я отказался. Ничего, как-нибудь упаду сам.

— Второму трудней всего, — уважительно сказал Вольф и не дрогнувшей рукой всадил мне шприц в правую ягодицу.

Я не упал только потому, что был за себя спокоен, — я был настолько уверен — упаду в обморок, что только потому и не упал.

— Зер гут! — похвалил доктор Вольф и протянул мне ментоловую конфетку.>

На этот раз уколы прошли без падающих происшествий, но доктор Вольф отменил на сегодня все тренировки. «Ур-ра» никто не кричал. Весь день провели на нарах с ошпаренными задницами. Известие о предстоящем через три с половиной года финальном Матче Смерти восприняли с черным юмором.

ТРЕНИРОВКИ. Легкая быстрая разминка с распухшими задницами: 20 приседаний с пудовыми валунами на плечах. По свисту. Начали. Сели... Встали... Сели... Встали... Потом легкий кросс — пять кругов вокруг Метрополии по мараккан-ской орбите с полной боевой выкладкой и на своих двоих. Не отставать! Марш! Марш! Пошли! Я шел в хвосте на одном маршевом движении и пинал отстающих (хотя это не мое дело — пинать; это дело второго тренера, — но Войнович все еще думает):

— Давай-давай! Подтянись! — Потом заезжал вперед и увлекал за собой первачей: — Давай-давай! Первой тройке — по сто грамм «Соломона» перед обедом!

— За чей счет? — тяжело дыша, спрашивали они и убыстрялись.

— За счет председателя ФУФЛА!

Нет; так дело не пойдет. Главный тренер не должен гонять жеребцов, как обыкновенный пастух. Пусть Войнович быстрее думает.

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ. Войнович продолжает думать. Лежит на нарах и думает, а мне

надо объявлять плохую новость об отчислении из конюшни одиннадцати жеребцов. Насчет пар я, конечно, преувеличил,— дядя Сэм купил нормальные панцирные кровати с матрацами. В столовую Войнович не спускается, даже в коридор не выходит,— он не завтракает, обед и ужин носят ему в номер. Иногда он стоит у окна и смотрит на Шишкин Лес. Он держит себя, как Посторонний Наблюдатель, а я каждый день вкалываю, как какой-нибудь младший капрал в казарме, провожу изматывающие тренировки на Третьем полигоне (специалисту понятно, что это значит) и контрольные игры в Поясе астероидов (что это такое, понятно и неспециалисту). Однажды вхожу к нему,— Войнович стоит у окна спиной к дверям, постель разобрана, на столе пепельница с окурками, под столом пустая бутылка из-под «Соломона». Опять думает. Даже не поинтересовался — кто вошел? Я спросил:

— Что надумал?

— Я ничего не понимаю,— ответил он. Даже не оглянулся.— Хоть убей, не понимаю! Почему тебя назначили Главным тренером?

— Ты завидуешь, что ли?

— Нет! — вскричал Тиберий.— Ты мне друг, я рад за тебя, но тут какой-то подвох, я за тебя боюсь. Не понимаю! Объясни!

<А что я мог ему объяснять? Все и так было ясно. Второй тренер называется «пойди-принеси», а Войнович хочет быть Первым. Его кандидатура выдвигалась председателем Суром, но дженераль Гу-Син ее не одобрил. Предлагалось также назначить двух главных тренеров — меня и Войновича, но эту идею не одобрил Президент, и был прав,— в двух равноправных первачей я тоже не верю, эти тандемы иногда бывают успешны, но всегда недолговечны,— один из тренеров вытесняется и уходит, значит, и при успехе не было равноправия; ну, а при трех главных — были и такие эксперименты — получается сплошной процесс под названием «лебедь раком шуку». Тиберий все это очень хорошо чувствует. В моем назначении он заподозрил какой-то подвох. Я сослался на рекомендацию Лобана и на то, что сам толком не понимаю, в чем тут дело. (Я-то понимал, но не имел права ему объяснить.)>

— Не понимаю, не понимаю...— опять забормотал Войнович и улегся на панцирную кровать пузом вверх.— Лобан со всеми перессорился. Я понял бы, если бы вместо Лобана ФУФ-

ЛО пригласило какого-нибудь держиморду во-от с такими кулаками... ну, кого-нибудь вроде Сайгона. Или Гробшильда. Это понятно. Или какого-нибудь умньего интеллигента, вроде Ваньки дер Стула, а к нему вторым тренером приставили бы того же Гробшильда. Или Сайгона. Или даже тебя. Тогда никаких вопросов. Но тебя — Главным Тренером?! Ты же без направления, без царя в голове, ты же авось-небось и вывози нелегкая... Не понимаю!

Он прав, этот Посторонний Наблюдатель. Я тихонько удалился.

ТРЕНИРОВКИ. <...>

Прогноз погоды: приближается метеоритная метель.

Сказать Гуго и Хуго: пусть починят катапульту.

МЕТЕЛЬ. Метеоритная метель, огненная заверюха, искры летят, как от автогена, в Шишкин Лес носа не высунешь. Можно было бы провести теоретические занятия, но это не моя партия, а Войнович продолжает думать. На сборах скука. Жеребцы с утра до вечера и даже ночью играют в карты на деньги (хоть бы ялтинскую пульку научились записывать, а то режутся в какой-то вариант тюремной буры). А что им еще делать — бильярдная закрыта, шары из слоновой кости были украдены строителями сразу после подписания Акта о приемке, но до того, как поп с кадилом освятил «Мараккану-2-бис», а новые шары заказать негде — добытчики на Островах Слоновой Кости второй год бастуют. По видео крутят черпуху, порпуху и всякую затируху — сколько можно? Ну, есть проникающее ТВ с наушниками, но от ТВ одна лишь перхоть в голове.

Метеоритный поток крепчает, на горизонте красивое зарево — горит свалка в точке либрации. Теоретические занятия мог бы проводить Войнович, но он все еще думает. Заглянешь к нему — постель по-прежнему параспашку, на столе все та же полная вонючая пепельница, зато рядом с ней появились пустые стаканы и неразрезанный «Футбол и жизнь во Вселенной». Войнович опять стоит у окна. Бутылка «Соломона» спряталась за шторой на подоконнике. По его спине видно, как он тяжело думает. Эти раздумья становятся опасными для его здоровья. Я начинаю беспокоиться: надо бы обратиться к

врачу, футболисту много думать противопоказано, голова у футболиста не для того предназначена.

— Ничего, пусть думает,— сказал доктор Вольф, когда я поделился своими опасениями.— Уже можно. Войнович уже не футболист, а тренер.

— Откуда новости? — удивился я.— Это он вам сказал?

— Да. Сегодня вечером он выйдет к ужину и даст согласие. Я ему приписал: «думать». Вот он и тренировался думать. Помогло.

Я обрадовался: значит, Войнович согласен!

— Спасибо, доктор!

Метеоритный поток пошел на убыль, переместился на зюйд-зюйд-ост, но еще пуржит. Вечером Войнович спустился к ужину. Что-то мы отмечали — кажется, Татьянин день и заодно День студентов. Спели Войновичу «Гаудеамус»: «Вива, профессорес!» Войнович кивнул мне и сказал:

— Да. Я в норме. Завтра начнем.

Пожали руки. Прогноз погоды хороший — буран продолжает уходить на два зюйда к осту. Договорились, что завтра объявляем две новости: плохую и хорошую.

ЗАВТРА. Хорошую новость объявил я: Войнович официально назначен вторым тренером. Сорвал аплодисменты. Войновича в конюшню любят.

Плохую новость я возложил на Войновича, и он зачитал список «одиннадцати» — отчисленных из команды.

Гробовое молчание. Меня начинают плохо любить.

Утренняя тренировка. Легкая. Проводил Войнович. <...>

Дневная тренировка. Интенсивная, с утяжеленными болоидами. Проводил я. При гробовом молчании. <...>

Вечерняя тренировка. Пляж-болл с выбыванием. Проводил Войнович. <...>

На ужин подали какие-то подозрительно-молчаливые газитные пиявки. У шеф-кока Борща явно плохое настроение.

Проводы отчисленных. Я не вмешивался. поголовная почная пьянка. Я ушел спать.

КОНЬЯК «СОЛОМОН». Меня позвали к вертушке — звонил председатель Сур.

— Тут какие-то продуктовые счета пришли за прошлый месяц... — неуверенно сказал он. — Из какой-то гастрономической фирмы «Соломон». Я бы сказал, астрономические счета. Странно. Что вы там жрать стали — как не в себя?

— Питаемся как всегда, но вот коньяк дорогой.

— А, вы коньяк пьете... Я не знал.

— Да. Коньяк «Соломон». 30 лет выдержки.

— А почему коньяк называли «Соломоном»? — удивился председатель.

— Не знаю. Наверно, потому же, что и ваш «Цицерон».

— Я «Цицерон» не пью, я им гостей угощаю.

— Оно и видно. Наверно, они тоже любили пить коньяк.

— Кто?

— Библейский царь Соломон и римский консул Цицерон.

— А почему «тоже»? — Председатель совсем запутался.

— Потому что я тоже люблю коньяк.

— А без этого «Соломона» никак нельзя обойтись?

— Нет. Трезвые мысли приходят ко мне после «Соломона». На то он и «Соломон», чтобы навевать умные мысли, но беда в том, что очень уж дорог.

— Сколько же вам лично нужно этого библейского «Соломона»?

— Лично мне?.. Немного. А в общем, для всех, примерно, ящик в день.

— ??? — в трубке послышалось красноречивое молчание (если, конечно, молчание может слышаться).

— Ящик не только для меня, — объяснил я. — Для всей конюшни. Спешите этот ящик — например, на представительские расходы.

— Вы что — с футболистами коньяк пьете?! — позеленел Сури'Нам. (По вертушке я, конечно, не видел, но он, конечно, позеленел.)

— «Соломона» — для обгона. И не только коньяк. У нас на «Маракканне» тридцать три жеребца, столько же обслуги и гости каждый день. Надо же им как-то утолять жажду? Пусть пьют «Соломон».

— Что еще надо списать для обгона на представительские расходы?

— Шампанское той же фирмы — «Царица Савская». Тоже ящик в день. Мы пьем коктейль — смесь коньяка с шампанским.

— У федерации нет средств, чтобы оплачивать смесь Соломона с царицей Савской!

Я тоже красноречиво промолчал.

— Ладно, представители,— пробурчал председатель Сур.— Спешем Соломона с царицей Савской на дорожно-транспортные расходы. Для обгона.

ПРОБЛЕМА ФУФАЕК, АМУНИЦИИ И СНАРЯЖЕНИЯ. На заднем дворе «Маракканны» уже сушатся на веревке простыни, пододеяльники и портянки,— значит, баба Валя и тетя Катя уже здесь. (Не забыть сказать дяде Сэму, чтобы купил стиральный комбайн. Есть хорошие комбайны — сами стирают, выкручивают и высушивают.) А вот и наши тетки, вижу их — расхаживают по полигону с ведрами и насосом, делают замеры и подсеивают первичный грунт до нужного молекулярного уровня — 1 атом на 10 куб. км/прост.-врем.; увидели меня, помахали мне. Я потом к ним подойду, надо будет проверить поляну, сделать контрольный промер. Гуго и Хуго едут за ними на силовом катке. Обычный ремонт подпространства в псевдовремени. В прошлом году на эти цели на Трансплутонный полигон пригнали сотню грузовиков бракованного грунта, и весь полигон зацвел и скатался в какие-то шарики брюссельской капусты. <...>

Проводим интенсивные тренировки и контрольные игры двумя составами в Кольце Астероидов. Обстановка близкая к боевой. Смена белья три раза за тренировку. (Забываю сказать дяде Сэму о стиральном комбайне. Он мне, конечно, скажет, что шварок нет. Я ему скажу: это твои проблемы. Он мне скажет... он ничего не скажет.) Проблемы, проблемы... Фуфайки ненадежны, то и дело подводят — швы просачиваются, клапаны подтекают. Ну, это как водится. Посылать рекламации на текстиль бессмысленно, надо опять заказывать форму у федералов, они опять заломят такую цену, что мало не покажется. Обращаться за фуфайками в правительство? Глупость. Лично к Президенту? Ага. Глупость, умноженная на пи в квадрате.

Мы сильно отстали от конфедералов в научно-техническом отношении. Одевание фуфаек в ангаре — это целый технологический процесс. Выглядим мы механоидно и не модно. Два

года назад председатель Сур купил для конюшни 1 (один) дорожный (уверяет, что за свои деньги) полный комплект обмундирования конфедералов. Мы собирались скопировать его и на деньги Службы Охраны Среды экипировать всю команду. Комплект разобрали, сделали опись и разложили по алфавитным полочкам: белье, бутсы, гетры, гульфик, корсет, нагрудник, наплечники, очки, панцирь, подколенники, подштанники, портянки, пояс, пуговицы, рукавицы, молнии, шлем и т. д. — почти 200000 (двести тысяч) предметов и предметиков, из которых состоит современная амуниция футболиста; целая подводная лодка с системой жизнеобеспечения — кислород, теплоснабжение, «утилизация и отвод выделений», пр. Этого «пр.» так много, что полное технологическое описание футбольной амуниции представляет многотомную научную библиотеку. Все это одеяние футболисты называют «фуфайкой», устаревшие модели, в которых играл я, напоминали первобытные скафандры водолазов или космонавтов; на самом деле это не что иное, как автономная супер-нуль-простыня, — хотя футболисты обижаются, когда их сравнивают с машинами звездолетов. Пока эти старые модели наденешь на себя в футбольном ангаре... семь потов, конечно, не сойдет, но вспотеешь. Самое нудное в нашем деле было одевание-переодевание амуниции. Сейчас намного быстрее и проще — надел, натянул, всунул, вставил, завязал, застегнул, защелкнул — и готов. Некоторые умудряются одеться за пять минут.

Разложить по полочкам — разложили, а денег так и не дождались...

ТРЕНИРОВКИ.

УТРЕННЯЯ. Кросс. Проводил Войнович. Войновичу мешало пузо — его то и дело болтало, смещало и водило по орбите. <...>

ДНЕВНАЯ. Сизифов труд — собирание камней, выкладывание пирамиды имени товарища Хеопса. Проводил я. Катапульта починена, и это меня радует. <...>

ВЕЧЕРОМ теоретические занятия по методике Лобана. Проводил Войнович. Тема: «Нахождение на полигоне оптимальных тактико-стратегических решений». Жеребцы конспектировали такие фразы:

«Положительный результат матча зависит от гибкости стратегического мышления, удачного чередования надежности тактических форм игры в зависимости от особенностей соперников и смены стратегических ситуаций на поле».

(Перевод на нормальный язык такой: попросту, если противник атакует — надо обороняться; если мяч перехвачен — надо атаковать. Еще проще: дают — бери, бьют — беги. В конце матча при счете в нашу пользу тянем время; не в нашу — атакуем на зубах, вплоть до слепого навала. В начале игры пытаемся забить быстрый гол. Устали — переводим игру в спокойное русло. Отдохнули — взорвались. С медленной командой взвинчиваем скорость, со скоростной — сбиваем темп. Все это и есть «гибкость тактико-стратегического мышления».)

ИЗ БЕЛОЙ И ЧЕРНОЙ ТЕТРАДЕЙ.

ВЕРТУХАЙ.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПИРАМИД.

РАЗГОВОРЫ С ДЯДЕЙ СЭМОМ.

Узнал от Войновича, как игроки называют меня между собой. Они называют меня «Вертухай». Вертухай — это тюремный надзиратель. Не знаю, как мне следует к этому отнестись. Вроде признают за начальника, но с неуважительным оттенком. Да и какой уж там из вертухая начальник! Коридорный надзиратель со свистком. По свистку водит их на разминки, прогулки, тренировки, на принятие пищи. Главный тренер не должен быть надзирателем, главный тренер должен быть отцом родным.

— Они не понимают этого слова, — успокаивал меня Войнович. — Для них вертухай — что-то вроде большой неуклюжей птицы, которая вертухается в своем гнезде и высиживает птенцов. Попросту, наседка.

— Наседка тоже нехорошее слово.

— Что ж тут нехорошего? Смысл хороший.

— Так называют провокатора в тюремной камере.

— Где ты этих слов нахватался? — удивился Войнович. — Ты что, к тюрьме готовишься?

— Готовлюсь. И тебе советую — у нас все впереди. От тюрьмы и от сумы не зарекайся. Приобский хант так просто не оставит нас в покое.

— И все-таки... почему тебя назначили главным тренером?

<Здесь я случайно проговорился, но задумчивый Войнович, кажется, не обратил внимания на «Приобского ханта».>

<Войнович обратил внимание на «Приобского ханта». Войнович многого не понимал, но на все обращал внимание.>

ВОЙНОВИЧ. С утра — разборка пирамиды имени товарища Хеопса, разбрасывание камней. <...>

БЕЛ АМОР. После обеда — собирание камней, строительство Вавилонской башни. Как говорится, Б@г в помощь. <...> Пыль, скука, каменоломни, труд египетский, — а что делать? <...>

ДЯДЯ СЭМ вечером обнаружил среди всякого хлама в точке остаточной либрации (LL-прим) — в точках либрации всегда собирается много хлама — целый склад отличного огнеупорного кирпича, завернутого в полиэтиленовые мешки и забытого (или брошенного) строителями. Этот кирпич нам очень пригодится. Сказать Гуго и Хуго, чтобы перетасили весь кирпич на Средний полигон. <...>

БЕЛ АМОР. Утром. Отработка удара «ножницы». Я навешивал — заряжал катапульту и выстреливал огнеупорными кирпичами по высокой дуге. Катапульта работает прекрасно. <...>

ВОЙНОВИЧ. Днем. Теоретические занятия. Я послушал, уши увяли:

«Футбол есть явление глубоко социальное, и от этого факта не уйти. Явление, занимающее далеко не последнее место в жизни общества, требует постоянного осмысления процессов, с ним связанных, чтобы управлять этими процессами на более высоком организационном уровне». <...>

И так далее.

Наверно, и это нужно, но уши вянут. Принял сто грамм «Соломона», уши опять расцвели.

БЕЛ АМОР. Вечером. Отработка удара «ножницы через себя». Катапульта работает хорошо. <...>

РАЗГОВОР С ДЯДЕЙ СЭМОМ:

- Командор!
- Ну?
- Я диваны и ковры продал.
- Отличник. За сколько?
- За двадцать штук.
- Не понял...
- Ну, за двадцать тысяч кварков.
- Двадцать тысяч условных шкварок? Всего лишь?
- Обижаете, командор! Кварки не шкварки. Настоящие, конвертируемые, доинфляционные. Золотом.
- Ты — серьезно?
- Ну.
- Кому продал?
- Зачем вам это знать, командор?
- Верно. А кварки где?
- А положил в сейф. Как вы сказали.
- Хорошо.
- Плохо.
- Почему?
- Ограбят. Надо в банк положить.
- Положи.
- Нужна фирма, командор.
- Ты уже говорил о фирме «Маракканна».
- «2-бис».
- Пусть «2-бис».
- Нужна еще одна фирма. Подставная.
- Это еще зачем?!
- А чтоб никто не догадался. Для отвода глаз у налоговой инспекции. Чтоб быстро взять-снять-перечислить — и с концами. И не платить подход¹.
- Это здорово. Иди, делай подставную фирму.

¹ Подход — подоходный налог (финанс. жарг.). Дядя Сэм в своем категорическом ультимативе наотрез не платил подход, за что крепко поплатился через десять лет в ходе следственного налогового аудита.

- Иду.
- Стой. Подожди. Иди сюда...
- Что, командор?
- Ты молодец, дядя Сэм! Ты не какой-то там Посторонний Наблюдатель.
- Рад стараться, командор!

ФИРМА «НУ».

ТРЕНИРОВКИ. Держанье прямого удара в голову. Двойная защитная каска-шлем. Войнович за катапультной. Под наблюдением доктора Вольфа. Ассистировали Хуго Верстак и Хуго Амбал (они, кстати, бывшие боксеры-тяжеловесы). Под конец держали удары пулеметными сериями из огнеупорных кирпичей, отбивая их каскадным радаром. Работали лихо. Ни один из жеребцов не отбросил копыта, держали удары неплохо, что радует.

Хуго и Хуго (они всегда ходят в паре, но кто из них ведомый, а кто ведущий,— трудно понять) наконец-то отладили старенькую «Берту» — списанный корабельный ствол 220-дюймового калибра, солидное, впечатляющее дуло,— и мы провели полноценную тренировку голкиперов неразрывными бронебойными снарядами. <...> Макар и Чайник соскучились по настоящему делу, работали с охотой и взяли намертво или отбили все, что шло в створ рамки.

Утренняя тренировка. Обычный кросс-марафон в поясе астероидов. Проводил я. Слез с движка и пробежал наравне со всеми. <...> Одышка, сердчишко, запыхался, порох подмок. После обеда продолжение разговора с дядей Сэмом:

РАФА. Второй день хожу, не могу придумать название подставной фирмы. Такое, чтобы никто не засек, чем мы тут занимаемся.

Я. Мне бы твои проблемы. Возьми любое слово.

РАФА. Какое?

Я. Первое попавшееся.

РАФА. Какое?

Я. Какое первое произнесешь.

РАФА. Ну?

Я. Вот и название.

РАФА. Какое?

Я. Фирма «НУ».

РАФА. А что оно означает?

Я. Ну, не знаю. Придумай сам. Например, «Налоговая Уплата».

РАФА (сплевывая через левое плечо). Тьфу, тьфу, тьфу, не к ночи будь помянута.

Я. Тогда «Народное Учреждение».

РАФА. Это уже лучше. Но хантские шпионы могут обратить внимание — что за «Народное учреждение» такое? Может быть, «Национальное Убежище»?

Я. Это что-то совсем не то... Оборонка какая-то. Думай.

Дядя Сэм всю ночь думал над этим «НУ» и наконец придумал:

— «Независимый универсум»!

— Хорошо, хай буде, о'кей!

— И еще мне порекомендовали надежный банк.

Я куда-то спешил, мне было не до экономических проблем, но я все же спросил:

— Какой именно банк?

— ЕЭБ.

Я все же уточнил:

— Что это значит?

— Единый Экс-про-при-а-ци-он-ный Банк. (Рафа чуть язык не сломал.)

— Отлично... Стоп. Какой-какой банк?

— Единый Экс-про-при-а-ци-он-ный...

— Кто тебе рекомендовал этот банк?

— Войнович.

— Он пошутил. Зайди в библиотеку к фройлен фон Дюнкердорфф и загляни в «Словарь иностранных слов».

— О'к, командор!

ПРОПАЩИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. Завтра Макару должно было бы исполниться сорок лет, но не исполнится — «завтра» у него нет. Макар родился в високосном году в день Кривого Кондратия, и день рождения случается у него всего лишь раз в четыре года. Выходит, ему всего десять лет. Бедный Макар. Когда он стоит под душем или парится на верхнем полке и напевает «Товарищ, товарищ, болят мои раны», новички отводят глаза. Вид у этого добрейшей души челове-

ка бандитский. Следы травм — многочисленные шрамы на теле, лоскуты пересаженной кожи, раздробленное плечо (к расплюсченному носу, рассеченному языку, штопаным губам все привыкли). Однажды, после выигрыша какого-то очередной кубковой салатницы, тиффози выбежали на полигон, подняли Макара на руки и понесли в ангар. Макар ехал на руках, демонстрировал салатницу и улыбался. Потом вдруг стал брыкаться. Сначала кто-то снял с него бутсу, потом вторую, потом стащили фуфайку, свитер, майку, трусы... — к раздевалке его доставили голым (спасибо, оставили кепку, плавки и салатницу). Макар хотел сильно обидеться, но ему объяснили, что тиффози раздели его с самыми лучшими намерениями — на сувениры; и Макар махнул рукой.

Бедный Макар — ЗАВТРА у него нет, будем праздновать день рождения сегодня. Счастливый Макар — ему еще жить да жить! Отпраздновали. <...>

ОПЯТЬ ПРАЗДНИК. Поздравляли фройлен фон Дюнкердорфф, бабу Валю и тетю Катю с Женским Днем. Устроили выходной. Праздничный завтрак, обед и ужин.

ТРЕНИРОВКИ. Осваивали командный прессинг. Соперник не в состоянии выбраться из командного прессинга, когда на любом участке полигона на него нападают сразу четверо — один монолитно в лоб, на таран, второй и третий с флангов в подкате, а четвертый на подстраховке — наблюдает, перекрывает фланги и готов вмешаться. Это коллективное действие очень сложное, в нем никто не должен сачковать, иначе все становится бессмысленным — соперник уйдет, вся тройка останется вне игры, и придется создавать новый форпост. <...>

ДЕНЬ ВЕСЕННЕГО РАВНОДЕНСТВИЯ. Утром легкая тренировка. <...>

Баба Валя и тетя Катя перешли мне дорогу с пустыми ведрами. Баба с пустым ведром — плохая примета, а две бабы? Думаю, что две бабы с двумя пустыми ведрами — минус на минус дает плюс — примета хорошая.

На обратном пути баба Валя и тетя Катя перешли мне дорогу с полными ведрами. Это плохо или хорошо? Не знаю,

что и думать. За ними шел какой-то мальчик лет двенадцати, ковырял в носу и так пронзительно смотрел на меня, что я отвел взгляд. Откуда на Мараккашше взялся мальчик? Не знаю. Когда я оглянулся, мальчика уже не было. Спрятался, что ли? Или привиделся? Не забыть спросить — что за мальчик, откуда мальчик?

ВОЙНОВИЧ. Теоретические занятия по конспектам Лобана. Тема: «Эллиптические, параболические и гиперпараболические траектории». Чуть не уснул:

«Планетоцентрическая скорость входа в плаценту пузыря минимальна при комановской пролетной траектории. При некомановском перелете гелиоцентрический подлет осуществляется под углом к орбите. Синодический период для Гончих Псов равен 583,9 гала-суток. При подходе: тормозным импульсом для аэродинамического торможения не следует пренебрегать».

Войнович считает, что все это нужно знать классному футболисту. Я так не думаю, но не возражаю. Чем бы дитя.

Праздничный ужин по случаю Дня Весеннего Галактического Равноденствия.

СТЕНКА. Отрабатывали комбинацию «стенка» до плюс-минус бесконечности. <...> Мои вялые тренерские размышления по случаю игры «в стенку». Что вообще мы знаем об истории футбола? Бег, конечно же, самый древний вид спорта. Бег и метание дубины или камня. Из силовых видов — драка, смесь бокса с борьбой. Из настольных игр — какая-нибудь примитивная игра в кости. Смею подозревать, что футбол — в виде пинанья ногами каких-либо округлых предметов (подходящих камней, плодов или вражеских черепов) — самая древняя игра в наших Мирах; а удары в стенку, как видно, — это самый древний и стихийный элемент футбольной тренировки. Роль стенки в футбольном тренировочном процессе очень велика. Кирпичная, бетонная, вулканическая стены, отвесный берег высохшего русла реки, глухой торец здания, дворовые железные ворота, египетская пирамида, Вавилонская башня — все годится, стенка все стерпит. Безголосая

стенка как идеальный партнер — стенка всегда отдаст тебе пас и слова худого не скажет. Судьба пирамид, руины Вавилонской и наклон Пизанской башен, обрушенные стены древних замков — не является ли все это результатом (кроме войн и землетрясений) футбольных тренировок в древности?

ТРЕНИРОВКИ В ТЕРМИНАЛЕ.

ИРАКЛИЙ. Стенка посыпалась. <...> Камнепад, несчастный случай, травма на производстве — куском реголита разбило голову Ираклию. Увезли в больничку к доктору Вольфу.

Бедный Ираклий! Великий игрок, он уже три раза лежал в госпиталях с сотрясением мозга. Чистильщик циклопического телосложения, руководит обороной, читает Игру с листа. Бесстрашен, принимает удары на себя. После третьего, тяжелейшего сотрясения мозга от прямого удара в лицо Ираклий потерял левый глаз и еще больше стал походить на циклопа, однако играет с одним глазом лучше, чем другие с двумя. Но: начал жаловаться на зрительные и слуховые галлюцинации в «спокойные» моменты игры — раздвоение мяча и атакующих игроков; иногда ни с того ни с сего играл руками в пустой штрафной площадке, т. е. даже не играл, а в спокойной обстановке подбирал руками катящийся к нему мяч и направлялся к центру Полигона, потому что ему будто бы слышался свисток арбитра. Арбитр пожимал плечами и назначал пенальти. Опять лечился. Длительное лечение закончилось полным выздоровлением, но... что-то, что-то осталось... при скоростной мобильной игре Ираклий безукоризнен, но в «спокойные» моменты как бы задумывается... иногда. Надо и мне подумать. Пожалуй, чтобы не рисковать в «спокойные» моменты Ираклия, я поставлю фон Базиля в основу, а Ираклия переведу в ведомые (с сохранением, конечно, основного удовольствия, оклада и премиальных). Они большие друзья, фон Базиль выносил бессознательного Ираклия с Полигона, ночами дежурил у постели больного. Фон Базиль уступает Ираклию в чтении игры, зато у него не было сотрясения мозга. Думаю, Ираклий все правильно поймет и не обидится на меня.

ТРЕНИРОВКИ. Там же. То же. Все та же стенка. <...> На этот раз без происшествий.

Опять увидел мальчика с пальчиком в носу. Наблюдал за мной из березовой рощи. Я погрозил ему пальцем, он исчез, растворился в березах. Откуда мальчик?

Доктор Вольф сделал Ираклию трепанацию черепа, сказал, что будет жить.

ТРЕНИРОВКИ. Там же. То же. Стенка. <...> Чей-то крик души:

— Да что мы, лошади, что ли?!!

— Нет! Жеребцы!

— Стой!.. Кто кричал?!

Не ответили. Но я знаю, кто кричал: спрашивал Брагин, отвечал Хуан. Оч. хор! Я им рога обломаю!

<Я хотел им сказать, что «да», что они лошади, и что я их жалею, но должен до возвращения Лобана держать их в узде. Но не сказал, потому что не имел права,— никто не должен знать о возвращении Лобана в конюшню.>

ТЕОРИЯ. Войнович. Тема: «Некоторые аспекты оборонного и атакующего начал в современном футболе».

Без меня. Какие-такие аспекты? С атакой и обороной мне все понятно — когда мяч у соперников, мы обороняемся из всех сил, когда мяч у нас, мы из всех сил атакуем. Атакуй, не атакуй, все равно получишь <слово нрзб.>, если нет обороны. Фронт и тыл должны быть обеспечены в полной мере. Отступать — так до Москвы, нападать — так до тюрьмы. В играх команд 8-й лиги, где ведется старый подножный «открытый» футбол на зеленой лужайке с надутым пузырем, случаются астрономические результаты, забивается по два—три десятка голов,— смотреть эти клоунады скучно.

ПЛЕМЯШ. С посторонним наблюдателем мальчиком-с-пальчиком все прояснилось: это Племяш, Сашка Племяшин, племянник тети Кати. Он уже целый месяц здесь, но мне о нем не говорили, чтобы я его не прогнал. Оказывается, байстрюку уже четырнадцать лет, а выглядит всего на двенадцать. Рот приоткрыт, глаза горят, подает пузыри, пинает ногой все, что круглое, и Б@готворит все, что причастно к футболу. С пацаном сладу нет, тетя Катя с бабой Валеи слез-

но просят оставить его на Маракканне. Ладно, пусть считается сыном полка при конюшне.

<ПРИМ. Племяш начал играть в футбол еще до своего появления на свет — бил маму ногой в живот с внутренней стороны. Свой первый гол забил, даже не научившись толком ходить. Сделав свой первый шаг, он не упал, потому что увидел мяч. Удар по мячу левой ногой с прицелом под кровать произвел в падении — затылком об пол. Мяч до кровати не докатился. Племяш не заплакал. Поднялся. Второй удар! Мяч закатился под кровать и выкатился из-под кровати. Гол! Племяш пинал его левой ногой — гол! — и падал, ударяясь затылком об пол. Ходить научился потом. Технар — может жонглировать головой тремя полными бутылками водки. К взрослым играм пока не подпускаем, но со временем из Племяша может получиться отличный Игрок.>

<ПОЗДНЕЕ ПРИМ. Со временем так и произошло, — получился Великий Игрок. Лобан о Племяшине:

«Игра головой, умение мыслить на скорости. Удар головой — это удар мыслью. Это очень сильное оружие, самый сложный в футболе технический прием с не всегда предсказуемыми последствиями, и не всякий футболист им владеет. Племяш им владел. Когда к нему попадал мяч, то забрать его можно было только с помощью конной полиции. Он находил всегда простое и авантюрно прямое решение, выигрывая догадкой необходимое время, чтобы эту догадку проверить категоричной реальностью исполнения».

Неплохо сказано.>

ДЕНЬ ДУРАКА. Звонок в четыре утра, еще темно:

— Давай, вставай, идем!

Я спросонья узнал даже не голос, а интонацию Войновича. Когда Войнович в хорошей спортивной форме, он резок, быстр, неутомим, изъясняется исключительно глаголами и местоимениями с восклицательно-вопросительной интонацией в повелительном наклонении: «Ты что, сдурел?!», «Давай-да-

вай!», «Стой, куда побежал?!», «Я кому сказал?!», «Оглох, что ли?», «Смотри у меня!»

— Куда в такую рань? — удивился я.

— Корову пора доить.

— Какую корову?!

— С днем Дурака! Ну, ты меня понял, да? Спи дальше!

Я отключил внутреннюю вертушку, доспал, утром обнаружил, что ночью у меня украли правую кроссовку, и все утро бродил по Маракканне в одной левой, чертыхаясь и хромая на правую ногу, пока не нашел правую кроссовку на камбузе у шеф-кока Борща в пустом чугунном котле. Вся конюшня занималась примерно тем же — происходили розыски припрятанных кроссовок, ботинок, штанов и курток. Было очень весело, утреннюю тренировку пришлось отменить. Потом решили с Войновичем, что первое апреля тоже праздник — Праздник Дураков, — отменили все тренировки и занялись самым дурацким видом спорта — перетягиванием каната. Потом меня позвали к внешней вертушке — звонил председатель Сур по какому-то важному делу. Я не поверил и не пошел. Тогда вертушку принесли на полигон.

— Есть новости, приезжайте, — сказал председатель.

— У вас вся спина белая, — сказал я.

Шутки поумнее я не придумал — будто я мог видеть по вертушке его спину! — но и такая прошла.

— Да ну?! — озаботился Сур. — Где это я прислонился?

Жаль, что я не видел, как он стал выворачивать голову, пытаюсь разглядеть свою спину.

— Какой сегодня день? — напомнил я.

— А, ну да, я забыл. Охота же вам дурака валять! Приезжайте ко мне на дачу. «Почтовый ящик № 515», сразу за Окой¹, напротив аптеки, он там один, узнаете.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК № 515. Неудобно все-таки гонять старика за тысячи верст киселя хлебать. Ладно, я оставил дуракам канат и отправился на Оку в гости к председателю Суру. Нашел легко, Сури'Намов «почтовый ящик № 515» — отличный особнячок, стилизованный под трехэтажную пагоду, был один такой, и виден издали. Председатель встретил меня с грязной лопатой в руках, он копался в огороде.

¹ОКА — Огородное Кольцо Астероидов.

— У вас неплохая дачка,— похвалил я.

— И вы туда же! — неожиданно резко ответил Сури'Нам.

— Куда же? — удивился я. Наверно, я случайно зацепил какой-то из его скелетов в шкафу.

— Дачка как дачка! Стандартная дача — садик, огородик, гаражик. Копаюсь тут... — Сур отбросил лопату.— Идемте в домик.

Вошли в домик. В самом деле, дачка как дачка — три этажа сверху, а сколько бункеров в глубину — не считано.

— Вы разве не читали сегодняшний «Спортивный курьер»? — подозрительно спросил Сур.— Садитесь в кресло, читайте. Сегодня воистину День Дураков.

В «Спортивном курьере» была напечатана вопросительно-разоблачительная статья «Сколько дач и лимузинов у председателя Сури'Нама?» с фотографией озлобленного Сура на фоне особняка, угрожающего фужерам саперной лопаткой. Фужеры были в восторге — кто-то из них обнаружил, что у Сури'Нама в Заспаной Пуще за Окой есть в личной собственности «объект № 515», построенный на бюджетные деньги.

Мне стало жаль старика.

— Прочитали? — грустно спросил председатель.— А теперь смотрите: вот ящик. Нет, не почтовый, просто ящик. Видите: в этом ящике — гвозди. Хорошие гвозди, стальные, нержавеющей. Вот. Ящик гвоздей. Вот чек-счет на этот ящик. Я его купил на свои деньги. Я его не украл.

— А «торнадо-квант»?

— Вот счет. Это мой «торнадо». Личный, не служебный. Он подержанный. Я его купил в автосалоне на собственные трудовые сбережения по случаю дешевой распродажи. И отремонтировал. И гоняю на нем по служебным делам. Мне должны доплачивать хотя бы за керосин, но я не требую. Вот дача. Доски, фрамуги, гвозди, бетон, трубы, кондиционеры, установка для жидкого кислорода — все, что вы видите, я купил за свои деньги. Я благоустроил за свои деньги два гектара оплавленного астероидного реголита — видите: трава, клумбы, кусты, тополя. А воздух? Понюхайте — чистый озон. Знаете, сколько стоит озонная установка? Простой человек не может иметь дачу сразу за Садовым кольцом? Но я не простой человек, вы это знаете. Откуда у меня деньги? Я долго живу, поэтому у меня много денег. Должен же хоть кто-ни-

будь долго жить? Я много лет получаю хорошее жалованье. Должен же хоть кто-нибудь получать хорошее жалованье? Я исправно плачу налоги. Должен же хоть кто-нибудь...

— Да, я понял.

— ...исправно платить налоги?

— Вы меня за этим и пригласили за тысячи верст — почитать «Спортивный курьер»?

— Нет, не за этим, конечно.— Сур понизил голос.— Есть нехорошие новости. Лобан не в ладу с режимом.

— Этого не может быть,— ответил я.— Не верю. Лобан не пьет, он сыроед. Вы знаете, что такое сыроед? Это хуже, чем вегетарианец. Лобан никогда не нарушит спортивный режим. Кто угодно, только не Лобан.

— Вы меня не поняли. Лобан не в ладу не со спортивным, а с политическим режимом.

Я был готов к первоапрельским шуткам, но председатель, кажется, не шутил. Вот что он рассказал: у Лобана не заладились отношения с Приобским хантом,— хант недоволен Лобаном, Лобан недоволен хантом; у ханта там, на Оби, тоталитарный режим, общак и натуральный обмен — ты мне, я тебе; все работают за бесплатно и, значит, не работают; в футбол играют спустя рукава, а Лобан, видите ли, к этому не привык. Что ж, какой народ, такой и футбол. Каждый народ заслуживает такую футбольную конюшню, на которую ему жалко или не жалко денег. Все это Лобан высказал ханту, а тот, конечно, обиделся. «На фиг мне эти фигли-мигли!» — сказал ему Лобан и сейчас разными окольными путями ищет выход на председателя Сура.

Кажется, началось, подумал я. Скоро Лобан и Сур наведут между собой мосты. Кому это выгодно? Сур меня из конюшни не выгонит, это скандал и головная боль, председатель сделает проще — приставит Лобана ко мне, введет в сборной двоевластие, а сам займет удобную позицию постороннего наблюдателя.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ШЛЯПА ПОСТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ.

<Опять в отчете раздвоенность. На даче за Окой все происходило так и не так. Правда, газетку я почитал, и о Лобане мы поговорили. Последний абзац — «Кажет-

ся, началось...» — это моя наивная попытка замаскировать от посторонних глаз мои отношения с Лобаном и его секретную миссию в Приобском Хантстве. Председатель Сури'Нам тогда еще не был в курсе всего Проекта. А кто был в курсе? Никто. Все блуждали впотьмах. Этот почтовый ящик — пагодка в три этажа, подземный гараж и бункеры, бункеры в глубину — не принадлежал председателю Суру, а был конспиративным «объектом № 515» при Службе Охраны Среды. Стал бы я ездить на Оку за три тысячи световых верст киселя хлебать! Дело в том, что на этой конспиративной встрече присутствовал дженераль Гу-Син.

— Ну, вы тут без меня... чаек, кофеек. А я пошел огород копать,— сказал председатель Сур.

Он оставил нас наедине, и мы обсуждали проблему Постороннего Наблюдателя. В общем и в целом обсуждать было нечего, переливали из пустого в порожнее:

— Ну-с, как мы действуем против возможных диверсий и шпионажа? — спрашивал дженераль.

— Да никак. Готовимся. Проводим профилактическую работу. Засекретились так, что сам ч@рт не разберет, чем мы там занимаемся.

— Профилактика — это хорошо, но недостаточно. Надо исходить из того, что Посторонний Наблюдатель — шпион или даже диверсант — УЖЕ есть, УЖЕ заброшен, УЖЕ действует. Вы кого-нибудь подозреваете?

— Всех.

— Это плохо.

— Но фактов шпионажа или диверсий еще не было, значит, и подозревать некого. Вот и приходится подозревать всех.

— Это хорошо.

И т. д.

— У вас больше ничего ко мне? — спросил дженераль.

— Нельзя ли избавить меня от квартальных отчетов?

— А что за отчеты?

— От меня требуют тренерские отчеты за каждый квартал.

— Кто их от вас требует?

— Вы.

Дженераль так удивился, что помедлил с ответом и стал заваривать чифирь.

— Когда это я требовал от вас письменные отчеты?

— Их требует от меня председатель Сур. От вашего имени.

— Председатель Сур, председатель Сур, а что «председатель Сур»? — недовольно пробурчал дженераль. — Что вы думаете о председателе Сури'Наме?

— Если председатель будет для нас мышей ловить — будем председателя по головке гладить. Не будет ловить — пусть огород копает.

— Да, я вспомнил, я говорил ему об отчетах. Но он неправильно меня понял. Официальные отчеты мне не нужны, я запретил любые письменные отчеты по Проекту. Но вы, наверно, ведете записи... для памяти, для себя.

— Записываю кое-что в тренерском блокноте.

— Пригодится для Истории, — одобрил дженераль. — Будете на старости лет мемуары писать. Блокнот вы, конечно, храните в сейфе?

— А как же!

<Блокнот я, конечно, всегда таскал с собой.>

— Так я вам и поверил. Всегда таскаете с собой.

— Да в нем ничего интересного нет — разные пометки для памяти, хозяйственные дела, тренировки, что нужно сделать вчера...

— Купите тетрадь потолще и делайте более подробные записи... Нет, сделаем так: купите две тетради. Одну, футбольную, таскайте с собой; в другой делайте записи о Проекте, я разрешаю. В конце года составьте общий отчет. Не мне — самому себе. А я почитаю. И еще... Научную тетрадь не носите с собой, а... — Дженераль глотнул чифирь.

— Я буду хранить ее в сейфе, — понял я.

— Наоборот, — закашлялся дженераль. — То есть, обязательно храните в сейфе, но... иногда... забывайте ее на столе.

— ?

Я ждал объяснения. Дженераль допил цифирь и объяснил:

— Ваши записки, ч@рт их знает, наверно, представляют интерес не только для нас... но и для... Понимаете? Всевидящий Посторонний Наблюдатель, если он сидит на каком-то своем перекрестке и всех досматривает, должен обязательно в них заглянуть.

— И проявить себя,— понял я.— Когда он посмотрит в тетрадь, мы посмотрим на него.

— Точно! Как там сказано у Эйнштейна... Если он едет в поезде, неподвижном к другому поезду... то непременно должен оставить свои следы.

— Подъезжая к станции и глядя в окно, с меня слетела шляпа.

— Вот! Мы должны найти эту шляпу Постороннего Наблюдателя!

День Дурака удался на славу. К тому же, возвращаясь с дачи, меня укусила бешеная собака, и доктор Вольф весь месяц с наслаждением вкалывал и от всей души вколол мне тридцать болючих уколов. Я чувствовал себя полным дураком.>

МЕСЯЦ ДУРАКОВ. Я вернулся на «Маракканну-2-бис» и начал подозревать ВСЕХ.

Весь месяц — как бесконечный день дурака, как одна сплошная тренировка от забора до самого вечера. «От забора до вечера» — это не только армейская шутка, но и очень сложный футбольный тренинг. Тренировка полезна тем, что имитирует обстановку и действия в полярной псевдо-пространственной минусоиде. Гуго и Хуго выставили на опушке леса силовой вращающийся барьер с мю-мюзонным отражателем, и весь месяц превратился для нас в один хмурый световой день (эйнштейновский посторонний наблюдатель, даже если бы очень захотел, ничего бы не заметил) — мы начали тренировку второго утром, закончили — тридцатого вечером. Целого месяца как не бывало. Весь день после завтрака ничего не ели, шеф-кок Борщ был в отпуске.

<ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ. ШЕФ-КОК БОРЩ. Столовая напоминает тот самый Оживленный Перекресток,

с которого удобно вести наблюдение. Здесь все дороги сходятся и разбегаются. Шеф-кок наблюдает из своего камбуза за всем, что происходит в конюшне, но на Постороннего Наблюдателя не тянет, потому что все принимает близко к сердцу. Если только не притворяется.>

ДЕНЬ РАБОЧЕЙ СОЛИДАРНОСТИ. Месяц Дураков завершился праздником. Опять праздник откуда-то взялся — Рабочий День. То есть, День Рабочих. То есть, День Рабочей Солидарности. О нем мне напомнил Войнович: был такой древний праздник у древнего пролетариата, маялись на маевках с водкой и с красными флагами.

Поэтому решили днем работать. После месяца Дураков — День Рабочих, и это естественно — работа дураков любит. Не люблю дураков и рабочих, потому что сам из них. «Жми, крути, кантуй, ворочай, в <...> рабочий». Не люблю работать, люблю ничего не делать, и в этом смысле я предатель интересов рабочего класса и всех трудящихся.

Весь день маялся из-за своего классового предательства.

ЛЕГКОСТУПОВА-ЛЕГКОДОСТУПОВА.

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ. У нас гостя. В Шишкин Лес пожаловала на сборы прыгунья в длину Анфиса Легкоступова. Где-то я ее видел?.. Конечно, я ее видел на Олимпийских играх по телевизору, но где-то я ее видел еще?.. Не могу вспомнить. Рассказывают, что она — прыгунья от Б@га, даже родилась в прыжке: хорошенько разбежалась и выпрыгнула. Анфиса выступает за нашу легкоатлетическую команду СОС, значит, она у нас в штате, значит, у нее, как минимум, лейтенантское звание. В спорте она появилась недавно, но как-то сразу — уже успела взять серебро на Олимпийских играх (Лобан говорит, что второе место ничем не отличается от последнего) и стать дамой известной в спортивном мире. Все называют ее Анфиской, а за глаза, конечно, Легкодоступовой, хотя ее внешность этому прозвищу не соответствует, на б... она не похожа — манеры легкие, но взгляд, взгляд!.. Где я видел этот медузо-горгоний взгляд?.. Это прозвище, наверно, даже не злые языки придумали, а пшюты чертовы, — попала «говорящая» фамилия на язык, вот и плетут. Вспомнил: таким взглядом смотрела на меня лет двадцать пять назад моя первая и

пропавшая любовь, которую звали похоже — Афиной, но она была ох как труднодоступной! <...>

<ИЗ ТРЕН: БЛОКНОТА. Тренеру следует прислушиваться к фамилиям. Любая фамилия «говоряща», иногда — редко — говорит очень точно. Легкоступова — к девице с такой фамилией немедленно должен приглядеться тренер по прыжкам в длину. Часто в фамилии скрыт генетический код человеческого характера. Конечно, не в том дело, что человек по фамилии Ломоносов обязательно должен быть боксером со сломанным носом или кулачным бойцом, ломающим чужие носы (хотя на человека с такой фамилией обязательно должен обратить внимание тренер по боксу), а в том дело, что человек (академик ли, слесарь ли) по фамилии Ломоносов будет держать лицо перед ударами судьбы и держать удары судьбы в лицо.>

Легкоступова будет тренироваться на ближнем теннисном корте. Корт уже разрыли и завезли песок.

— Приветик, мальчики!

У жеребцов от этого приветика потекли слюнки. Ничто человеческое им не чуждо. Я поцеловал ей ручку и спросил:

— Анфиса, зачем вы здесь?

— Готовлюсь.

Опять на меня что-то нашло-нахлынуло... Ручка у нее, как рукоятка пистолета. Я уже когда-то держал и даже, кажется, целовал эту рукоятку, но на вкус не помню... Мне неодолимо захотелось ущипнуть ее за толчковую ногу — наверно, тверда, как приклад автомата (филейная часть, как и положено прыгунье, у нее слаборазвита — так, попка), но я благоразумно сдержался. Интересно, к каким соревнованиям она готовится? Сейчас межсезонье, крупных турниров на горизонте что-то не видно, да и зачем Анфиске эта подготовка в глуши на футбольной базе, если в Метрополии есть отличные легкоатлетические стадионы? Но я не против «подготовки». Наверно, дженераль Гу-Син что-то надумал в связи с Анфиской, хотя мог бы посвятить меня в свои планы. Но я офицер, соблюдаю субординацию и не хочу ничего лишнего знать. Тем более что спонсор Анфиски — какой-то Б@гатенький Арлеки-

но (дядя Сэм его так называет) — неплохо заплатил нам за аренду корта. Это дядя Сэм договорился с ним.

Все в торбу. Добренько.

ТРЕНИРОВКИ. ВОЙНОВИЧ.

КРЕСТ. Начали работать по новой системе Лобана. Разучиваем комбинацию «крест». Тяжелая работа — игрок на большой скорости ведет пузырь навстречу партнеру и при сближении делает следующее: или скрытно оставляет ему мяч, и партнер устремляется с планетой в другую сторону, или только делает вид, что отдает пас, а сам продолжает движение с планетой. Обычно защитники преследуют того и другого, но им очень трудно разобраться, у кого из нападающих окажется пузырь.

<Эта футбольная комбинация (как и другие — «труба», «вертушка», «сливай воду» и пр.) по новой, еще неопробованной, системе Лобана очень напоминает сложные и трудоемкие монтажные и сантехнические операции с пространственно-временной тканью. На более позднем этапе тренировок, когда конюшня уже превратилась в спец-отряд СОС по спасению Вселенной, эти тренировки проводил Сан Саныч-сан, высококвалифицированный специалист-сантехник, которого я пригласил в команду.>

АНФИСКА. Сразу начала прыгать. Она красивая и очень красиво прыгает: делает ногами в воздухе большие ножницы и восхитительно красиво падает в песок на спину. Жеребцы с вожделением смотрят на эти падения и отвлекаются от тренировки. Даже я взволнован.

Вот... опять упала на спинку! Между прочим, приземление на спину в прыжках в длину — это технический брак. Где ее тренер? Где этот Б@гатенький Арлекино? Кто ей подскажет, что падать надо вперед, на живот или, извиняюсь, в позу «раком», в крайнем случае, боком, — это улучшает результат. Впрочем, не стоит ей об этом говорить, иначе жеребцов от этой позы за уши не оттащишь.

Вот, опять упала на спину...

— Не отвлекаться, не отвлекаться!

ВЕРТУШКА. Репетируем атаку с закрытыми глазами с выходом на свободное место в шестимерную лакуну. Такая атака часто приносит успех, потому что она неожиданна для соперников — мы знаем, что будем делать, они — нет, и это дает нам выигрыш в пространстве—времени. При персональной опеке один из опасных нападающих — например, Хуан,— постоянно отходит в псевдо-пространство, увлекает за собой опекуна, а в свободную зону врывается Брагин. Сложная и трудоемкая комбинация, но надо добиться автоматизма с закрытыми глазами.

<Одна из комбинаций по новой системе Лобана. Эти тренировки мы решили уже начать — даже в отсутствие Лобана. Он потом одобрил это решение. См. прим. к комбинации «крест».>

ЧАЙНИК. Кипит, подзуживает форвардов (выдрючивает-ся перед Анфиской):

— Ну, забейте... Кто ж так бьет? Что вам мешает? Импотенты, танцоры плохие! Лоб шнуровкой не поцарапай! Сегодня кто-нибудь попадет в рамку?

Как Посторонний Наблюдатель Чайник вне подозрений.

АНФИСКА. Прыгает. Я все-таки не выдержал, наблюдая за ее прыжками. Я, кажется, лезу не в свое дело, но я все же какой-никакой, но тренер, и не могу смотреть на такую грубую техническую погрешность. Я подошел к Анфиске и посоветовал ей приземляться, извиняюсь, «раком» или в крайнем случае боком. Она засмеялась и даже не зарделась. Ответила игриво:

— Всякой позе свое время.

Это верно. Она настоящая спортсменка. Делу — время.

Жеребцы продолжают вожделеть... Я опять подошел к ней и спросил:

— Вы работаете без тренера?

— Меня тренирует муж. Он задержался в Метрополии, придет позже.

Итак, Анфиса работает без тренера (шофер не грузчик, муж не тренер), даже без массажиста (мужа нельзя считать массажистом,— муж, если и занимается массажем жены, то в

других целях) и стратегию своих выступлений разрабатывает сама. У меня возникла забавная мысль — интересно, приходила ли подобная мысль когда-нибудь в какую-нибудь тренерскую голову? Сальто-мортале! Прыжок в длину кувырком — то есть, не обычными ножницами, а с сальто через голову. Я прикинул с карандашом на досуге — результат должен получиться процентов на десять выше, чем при обычном прыжке ножницами. А что? Это огромный ресурс... Да пошить Анфиске приличную форму из жидкого текстиля, да заказать толчковую толчковую пружинистую кроссовку, — это еще столько же. Итого: процентов двадцать можно накинуть к результату! Анфиса улетает за шестнадцать метров, женский рекорд мира — не помню точно — где-то семнадцать с копейками, значит, она может прыгнуть за девятнадцать метров! Ого!

Я почему-то взволнован.

<Нет, я не был взволнован. Вернее, я был взволнован как тренер, но не был взволнован ее сексуальным разведением ног в ультра-прыжках с использованием пружинных кроссовок на сплинно-поверхностном уровне Лон Дайка. Я знал, что Легкоступова находится у нас в длительной служебной командировке, что она является офицером Службы Охраны Среды и прибыла в конюшню с каким-то особым заданием. Обо мне и о моей миссии в конюшне Анфиска, конечно, тогда уже все знала и потому, наверно, выпендривалась.>

31 ИЮНЯ.¹

Б@ГАТЕНЬКИЙ АРЛЕКИНО. На «Мараканне» появился БэА — тот самый, Б@гатенький Арлекино, спонсор,

¹ Запись в Белой тетради от 31 июня подлинна, хотя такого дня в календаре не существует, в июне всего 30 дней. Обычная ошибка памяти от монотонного течения пространства—времени. Когда все дни одинаковы, не все ли равно, какое там «июня»? Связных летних записей почти нет, какие-то непонятные пометки и восклицания: «Не тяни резину!», «Не забыть сказать!», «Погнали наши городских», или такая запись: «Пневматика! Возьми перфоратор и пневматично бей!» Что она означает? Не помню. Неделями никто не звонил, никому я не был нужен. У меня в тот период создалось впечатление, что высшее начальство, как водится, уже остыло к

тренер, меценат и муж Анфисы. Муж ли?.. Ох, сомневаюсь. Встретил его в леске, он браконьерски обдирал молоденький дубок для банного веника — собрался в парную. Совсем салага, чуть за двадцать. Толком еще не бреется, потому и отпустил бородку и усики, — чтобы постарше выглядеть. Из молодых, да ранних, кварки гребет лопатой. Такой весь из себя... пинджак, бруки типа штанов, галстух, телосложение. Волосы — назад. Физиономия наглая, кого-то мне напоминает, но сбивают эти усики, козлиная бородка и волосы назад. Странная нахальная морда, какой-то гибрид провинциального козла с интеллигентом в третьем поколении. Какой из него муж? Так и застыл с дубовым веником и смотрит на меня, как двенадцатилетний Племяш, — во все глаза, с глупым тиффозным любопытством и даже как будто с придурковатым религиозным трепетом, будто увидел священную корову. Вот-только рот не открыл и не ковыряет в носу.

— Мне ваше лицо очень знакомо, — сказал я. — Мы с вами нигде не встречались?

— А я вас знаю, видел в игре, — невпопад ответил БЭА.

— Меня все знают.

Если я сейчас замычу, этот му-у-дак упадет на колени и станет на меня молиться. Или съест от усердия свой дубовый веник. Он так и не представился (забыл, застеснялся или почему-то ушел от ответа?) и завел неинтересный околофутбольный разговор — о Лобане, конечно. Затараторил — что Лобан, где Лобан?

Проекту, увлеклось какой-нибудь новой игрушкой и забыло о нас; хотя это было не так, оперативные действия продолжались, а предварительные исследования были в самом разгаре. Появление Легкоступовой и БЭА — подтверждение тому. Могли бы предупредить. Зато после моей невольной календарной ошибки время как «сбесилось», пошли сплошные черные дыры и лакуны, конюшню стали гонять сначала на паводнения в Тьму-Турухань (Макар и Чайник), потом на лесные пожары в Термической Перемычке (забрали всех хавбеков — фон Базиля, Фонаря и других), а Брагина и Хуана командировали для участия в операции по освобождению заложников из публичного дома, захваченного террористами. Конюшня, как всегда, использовалась для спасательных операций — стихийные бедствия, катастрофы, терроризм — а как же!

— Поберегите конюшню! — просил я председателя Сура.

— Спецконтингента не хватает, кто же поможет, если не мы? — отвечал председатель и был прав.

— Где, где... — отвечал я.

После парной этот БэА попросился поиграть с нами в футбол. Я неохотно разрешил. Не нравится он мне. Нахальный денежный мешок. Хотя он неплохо играл, то есть, носился, как козел. Хотя меня уважает — уважает уважением наглого денежного мешка — я ведь чего-то стою. Где я его видел? Не забыть спросить дядю Сэма — кто он такой?

<...> Не забыл, спросил дядю Сэма:

— Кто он такой, этот дуболом?

Дядя Сэм назвал какую-то простую невзрачную фамилию (я тут же забыл — Иванов-Петров-Сидоров?), показал пальцем в зенит и таинственно прибавил <намекая на Заоблачный кабинет дженерала Гу-Сина>:

— Он оттуда...

<Намек понял. Значит, этот БэА никакой не посторонний наблюдатель, а офицер СОС. Гуманоидов с его фамилией пруд пруди. Похоже, это агентурная фамилия. Наверное, он лейтенант, а никакой не Б@гатенький Арлекино, потому что Б@гатеньких лейтенантиков не бывает. Набирают в СОС черт-те кого. Впрочем, он ловко притворяется, разыгрывая из меня священную корову. Что ж, этот лейтенантик тоже на задании, и я не в свои дела не лезу. Вот откуда шкварки у этого Арлекино — раз уж он не представился, буду называть его БэА — он спонсирует Легкоступову, а его спонсирует дженерал Гу-Син. Ну, это все не мое дело. Меньше знаешь — крепче спишь. Хотя могли бы и предупредить.>

Вообще, настроение паршивое. Прибежал перепуганный дядя Сэм с новостью — ночью на основной полигон упала беспризорная комета. Мне снилось, что Маракканна дрожала, но я не проснулся. Весь месяц в рабочих робах расчищали кирками, лопатами и ломами снег, лед, камни, грязь, уран, плутоний, суспензию всякую. Пот. Каторга. Зато своеобразная тренировка на физическую выносливость. <...>

Единственный шагающий перфоратор, который удалось выпросить у ФУФЛА, прибыл вовремя, но в разобранном состоянии на разболтанной платформе и был загнан в какой-то

туник под Шишкин Лес каким-то Ивановым-стрелочником. «Хоть ты Иванов, а дурак». Дядя Сэм поехал его вызволять. Не стрелочника, а шагающий перфоратор.

Кросс-марафоны в противогазах по пыльным радиоактивным тропинкам Далеких Планет. Зрелище довольно устрашающее. Навстречу — старуха с беременной коровой. Корова испугалась. Как бы не родила теленка о двух головах. Старуха плюнула и перекрестилась. <...>

ДРОВОСЕКИ. Дядя Сэм нашел нам спарринг-партнера. Созвездие БСМ, басурмане — Братство Сексуальных Меньшинств. Их еще называют дровосеками за слова гимна: «Шли по лесу дровосеки, оказались гомосеки...» Конюшня дровосеков где-то разжилась хорошими деньгами и предложила нам сыграть два товарищеских матча. Победителю — сто тысяч кварков.

Ох, как не хотелось играть с голубыми! Противно, а что делать? Денег хочется. Мы поехали. (БэА тоже хотел поехать, но я его не взял. А надо было бы взять и случайно забыть у голубых.) Брагин и Хуан не побрились перед игрой. Насмешливо спросил:

— Вы что, гомиков испугались?

Промолчали. Кажется, в самом деле бояться. Да и я ни разу в своей футбольной карьере не играл с гомиками. Черт их знает, этих голубых, что им в голову может взбрести на полигоне... Всем боязно, у всех очко жмет. Задница — она ведь своя, не чужая и не железная.

Хозяева диктовали условия дяде Сэму: они выставляют против нас две команды, в один вечер играем сразу две игры с небольшим перерывом. Мне следовало насторожиться — рискованно играть четыре тайма подряд с неизвестными командами, — что я и сделал, — но дядя Сэм меня успокоил: мы, в конце концов, профессионалы; лучше закончить все в один вечер и убраться отсюда подобра-поздорову. Ребята его поддерживали, и я согласился.

На первый матч дровосеки выставили свою — не знаю как и назвать — свою «пассивную» сборную. Женскую, что ли? Голубые — они и есть голубые; они и вышли в голубой форме — какие-то гофрированные юбочки и маечки с рюшечками и финтифлюшками; накрашенные-напомаженные, в женских

прическах с бантиками. Тренер у них тоже голубой и пассивный, мне подмигивал. На трибунах тиффози — все в голубом. Там все голубое — даже Полигон выкрашен в индиго. Перед началом матча строили нам глазки, каждому подарили неплохие кожаные куртки с какой-то железной фурнитурой, бритвы «Жиллет» и «Тройной» одеколон. Макару ихний голкипер подарил золотые карманные часы на золотой цепочке. На удивление, играли они неплохо, технично, но как-то странно, будто танцевали на пуантах. Устроили какой-то балет. Держались против нас половину первого тайма, потом мы чуть-чуть поднажали, и голубые посыпались.

Легкая победа — 9:0. Десятый гол забивать поленились.

Вторую игру начали через полчаса. На этот раз на полигон вышла «активная» сборная голубых. Вид устрашающий, садисты какие-то: вставные клыки, лысые, как моя жо... как мое колено, толстые фуфайки, подпоясанные цепями, шпоры на бутсах. Угрожали, крутили цепями, показывали известными грубыми жестами: мы вас вздрючим! Ребята аж рты открыли. Голубая орда бесновалась. Потом активные подуспокоились и подарили нам голубенькие цветочки — васильки какие-то, помаду, духи, черт-те что и сбоку бантик. Макару ихний голкипер подарил голубые лифчик и трусики.

Игра ничего собой не представляла. Эти козлы, бряцая цепями, поначалу носились по полигону, как наскипидаренные, мои жеребцы только успевали отпрыгивать, хорошо, что обошлось без сломанных ног. А потом они сдохли и посыпались.

13:0. Четырнадцатый забивать не захотели, чтобы оставить число «13» — тринадцать лучше запоминается.

Сразу после финального свистка (судил местный арбитр, тоже голубой и в голубом) дровосеки расслабились, на них снизошло вождение — они не часто видят настоящих мужчин («активные» не в счет, они все равно не мужчины), — и они — и пассивные, и активные — полезли похотливо обниматься и целоваться, предлагая нам удвоить вознаграждение, если мы останемся у них в гостях еще на денек.

Ну уж нет! Денег хочется-перехочется, а мужская честь дороже! Мои жеребцы еле ноги унесли в ангар, я удрал еще раньше, а дядя Сэм предусмотрительно прибрал к рукам сто тысяч кварков еще в антракте этого балета, и мы, в общем,

довольные заработком, но перепуганные этой голубой ордой, дали оттуда деру.

Пока квантовались домой в автобусе (у нас новый автобус со старыми дырками — списанный «atass-торнадо», подаренный дженералем Гу-Сином), дядя Сэм открыл чемоданчик с кварками. Это открытие оказалось неутешительным — кварки-то у дровосеков оказались тоже голубыми и неконвертируемыми. Придется опять посылать дядю Сэма в БСМ, пусть прикупит там разных товаров для конюшни. Да, не забыть, купить две тетради — одну таскать с собой, другую забывать на столе.

Сто тысяч голубых кварков положили в сейф. Дядя Сэм резонно боится возвращаться к дровосекам за покупками, могут изнасиловать. Решили послать за покупками фройлен фон Дюнкеркдорфф, бабу Валю и тетю Катю. (Конечно, под охраной Гуго и Хуго.) Голубые их, понятно, не тронут, а какие товары нужно купить для конюшни, наши дамы знают лучше дяди Сэма. Задание они выполнили успешно, если не считать того, что при попытке разменять купюру их кинули на 100 кварков — всучили фальшивку. Ладно, мелочь, но впредь будьте бдительны. Купили для Гуго и Хуго новый буксир с ионизационным торможением и дешевый трактор с прицепом — таскать болоиды. На оставшиеся деньги накупили спортивных костюмов, белья, мыла, мочалок, посуды и всяких других полезных вещей на всю оставшуюся до светопреставления жизнь. Тетради купить забыли.

От ста тысяч остались рожки да ножки, как раз хватило бы на тетради и на «паркер» с золотым пером. Товарные чеки дядя Сэм положил в сейф для будущего уголовного расследования нашей финансовой деятельности. А что делать — зарабатываем на жизнь, а жизнь — она и есть постоянное уголовное расследование — как живешь, зачем живешь, почему живешь? Вопросы, вопросы...

ВОЗ НАВОЗА. Герб нашей конюшни — он выбит на фасаде «Мараканны-2-бис» — силуэт двуглавой птички, похожей на воробья с развернутыми крылышками. С одной стороны, с другой стороны. Две палки для одного конца. С одной стороны, воробей хорошая птичка. Ковыряет навоз, клюет

клопов и тараканов. Это плохо для клопов и тараканов — и это хорошо для тех, кто не любит клопов и тараканов. С другой стороны, воробей — птичка плохая. Жрет урожай всего, что видит. Это плохо для тех, кто выращивает урожай.

Вчера дядя Сэм пригнал на «Маракканну» воз навоза, где-то выцыганил. Наконец-то! Будем удобрять третий полигон. Корпускулы навоза в диффузионно-разреженном состоянии (1 атом на 1 св. год) создают нежную бархатистую поверхность облегающего ноль-пространства; без этой субстанции (навоза) нельзя толком разучить сложный технический финт ушами с переходом из черной дыры в пятимерный омут. Всё класс! Гуго и Хуго уже действуют распылителями, баба Валя и тетя Катя заправляют цистерны, Племяш что-то размешивает в ведре.

<ПРИМ. Через десять лет следователь от парламентской комиссии строго спросит: «Где навоз взяли?»; и ему придется объяснять, что следователям (да и всем читателям других вселенных) не следует буквально воспринимать разные футбольные и сантехнические термины — «вентиль», «шкворень», «фуфайка», «мяч», «ворота», «разводной ключ» и пр.; все это суть термины, обозначающие предметы весьма отдаленные от первобытных вентилях, мячей и болтов с гайками. «Навоз» из этой же оперы, он так же далек от лошадиного дерьма, как современный лазерный дробовик от копыа троглодита; просто все эти предметы так называются.>

· **СПУСКАЙ ВОДУ.** Разучивали маневр «Спускай воду». Очень сложный и эффектный технический прием, когда, уходя с мячом от преследования, футболист с грохотом и бульканьем, похожими на звуки работающего унитаза, проваливается в шестимерный омут и выныривает на другом его конце, используя эффект «белой дыры».

<Одна из сантехнических операций по новой системе Лобана. Вообще, ребят не удавалось обучить всем монтажным и сантехническим умениям до тех пор, пока в команде не появились новые фуфайки и, главное, не

появился сам Сан Саныч-сан. О нем я отчитаюсь в своем месте.>

ПСИХОТРОПОГОННЫЕ ПРИВИВКИ. <...> После прививок увел жеребцов в почное. БЭА тоже просился, но я его не взял. Вечерок, костерок, коньячок, поговорили по душам. Оказывается, меня называют «вертухаем» не потому что я надзиратель, и не потому, что я паседка, которая вертухается в гнезде, а потому что часто звоню по вертушке — вот и назвали.

ВЕДУЩИЙ-ВЕДОМЫЙ. Тренировки в связках «ведущий-ведомый».

Утром. <...> Днем. <...> Вечером. <...> Нет, так нельзя. Жеребцы устали. Нужен Праздник, нельзя так долго работать на голом энтузиазме. Энтузиазм должен быть прилично одет. А им даже одеться не во что, ходят, как говорится, с голыми ж..., а у Фонаря подметки на ходу отлетают. <...>

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ФОНАРЬ. ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ. Рафаэль Офонарелли. Фонарь. Атакующая игра часто начинается от него — «от Фонаря». На полигоне то и дело вопят:

— Отдай Фонарю! Играй от Фонаря!

Играть от Фонаря — как плясать от печки. Хорошая ч@рту кочерга. Надежный правый защитник, но звезд с неба не хватает. И не надо. Знает свое место и свой маневр — угол и правый край, выдвижение к Центральной Дыре по диагонали. Бывший ведомый Тиберия Войновича. Войнович не отдал ему ужин — это что-то да значит. Недостаток — слабое левое педалирование, все норовит подстроить пузырь под правую ногу.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ. Тема: «Подкат». Роль подката.

ВОПРОС (пас от Фонаря — Войновичу).— А какая у подката роль?

ОТВЕТ (обратный пас от Войновича — Фонарю).— Большая. Главное, пужно вовремя подкатить к начальству.

Начинаю подозревать Войновича. Плохо получается. Сейчас буду подозревать Ваньку.

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ.

ВАНЬКА СТУЛО. Ван дер Стуул. Прозвище Ванька Стуло. Оттянутый хавбек. Философ Игры. Интеллигент (в хорошем смысле). Без него никак нельзя. Быстро устает. Скоростных качеств — ноль, по Полигону едва ноги передвигает — одним словом, «стул». Фужеры не без юмора пытались называть его Летучим Голландцем, однако для прозвища это слишком длинно. Но все всё понимают. Да, медленноват, — и правильно, так и надо!

— Зачем бегать, если можно отдать пас? Мяч все равно прилетит быстрее, чем ты прибежишь, — это слова Стула, вошедшие в «Краткий курс футбола».

Еще он говорит:

— Устал, надоело, ухожу!

А Лобан на это отвечает (Ванька — ученик Лобана):

— Устал? Отдохни. Вот тебе задание на Игру: возьми раскладной стульчик и отдыхай в центре Поляны. Пусть лошади работают. Сиди, читай книжку, жди стандарта <стандартного положения>. Назначат штрафной — подойди и стукни. Вот и все.

Вот что еще говорит Лобан, когда Ваньки нет рядом:

— Ван дер Стуул, несмотря на слабую физическую подготовку, влияет на уровень игры в атаке, он всегда поддерживает в партнерах исполнительский тонус. При нем неудобно играть топорно, противоречить смелому изяществу его решений.

Голов забивает не много, но зато самые-самые. Его удары — так называемый «сухой лист» (сам Лобан его научил), когда закрученный мяч идет по эксцентричной траектории, выделявая непредсказуемые кульбиты падающего с дерева сухого листа, проскакивает под, над, за стенкой соперника, и ныряет в кошелку мимо рук голкипера. Пусть отдыхает в центре Полигона и не вступает в единоборства с костоломами. Костоломы давно пасут Ваньку, но ничего не могут с ним поделать, потому что он выполняет задание тренера: сидит на стуле в центре Поляны, читает Шопенгауэра и не вступает ни в какие единоборства. Пытались его задирать: «Чего расселся тут, сраный веник!», но и в разговоры он не вступает. Железная выдержка!

Ну, а известнейший случай, когда Ванька на дипломатическом приеме в присутствии английской королевы, после просмотра фильма «Леди Гамильтон», должен был произнести небольшую речь и вместо «Леди и джентельмены!» сказал ч@рт-те что: «Леди и гамильтоны!» — и сконфузился, но все так долго хохотали (английская королева тоже), приняв эту глупую оговорку за образец тонкого юмора, что Ванька успел прийти в себя и кое-как закончил спич,— этот случай тоже стал фольклорным.

ГРУБЕЙШЕЕ НАРУШЕНИЕ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. В Метрополии арестованы Брагин, Хуан и Фонарь. Ночью на пост звонили из полиции, Гуго и Хуго сняли трубку (они никогда не спят и делают все вдвоем, даже снимают трубку):

— Ваши гаврики?!

Что, почему?! Гуго и Хуго ничего не смогли объяснить. Вчера вечером я разрешил этой троице (жаловались, устали) съездить в Метрополию, оттянуться, но к отбою быть на «Маракканне». Они пригласили с собой Легкоступову и отправились в ресторан «Метрополь».

Гуго говорит:

— Они, понимаешь, Легкоступову изнасиловали. В номерах ресторана «Метрополь».

Хуго говорит:

— Да еще местным проституткам морды набили! Ведется следствие.

Ах ты, господи! Да что же это она?! Да что же это она так?! Да что же это она так дала себя изнасиловать?! Арест и следствие! Как теперь играть?! Мы лишились всей линии нападения!

Анфиска вернулась под утро. И сразу начала прыгать. Я — к ней. Что, почему?! Молчит. Взгляд зверя. Зверюга. Я обратился к Дженералю. Тот — сразу в полицию...

СЛАВА БОГУ, их уже отпустили. Уже возвращаются. «Маракканна» гудит. Рабочие версии происшедшего:

— Да никто Анфиску не насиловал, сама дала!

— Да никому она ничего не давала! Они Верку, Надьку и Любку трахнули, их и забрали.

— За что?! Так они ж <Верка, Надька и Любка> метропольские проститутки! Как с ними еще поступать?

— Они денег не заплатили. А Верке, Надьке и Любке вместо денег морды набили.

Наконец явились. Морды опухшие, с синими фонарями, глаза узенькие. Особенно Фонарь с фонарем хорошо смотрится.

— Кто вас так?

Молчат.

— Били в полиции?

Молчат. Глазки отводят.

Апфиска прыгает, как зверюга.

Я все равно узнаю. Всю подноготную.

УЗНАЛ. В чем там дело было, так и не узнал, но вот что выяснил: в ресторане Апфиса сидела, терпела, смотрела, как пирушка переходит в оргию, потом не выдержала и самолично наставила фонарей сначала Браге, Хуану и Фонарю, а когда Верка, Надька и Любка стали визжать, досталось и им.

ИТОГО НАКРУТИЛИ: поломаны стулья, разбиты два зеркала, сорван телефон, порван костюм метрдотеля, ну и всякие мелочи-шмелочи — посуда-шмасуда, скатерть-шмуятерть, какие-то пончики-шмончики. Ну, и оскорбление проституток Верки, Надьки и Любки рукоприкладством при исполнении ими служебных обязанностей. Ну, и вызов полиции. Ну, и штраф на квитанции. Наоборот, квитанции на штраф: три тысячи кварков. Три квитанции — по тысяче кварков с каждого разбитого рыла.

— Кто будет платить? — спросил дядя Сэм.

— Председатель Сур заплатит.

ОРГВЫВОДЫ. Ввожу в конюшню казарменное положение. Никого никуда. Месяц сурового карантина.

Апфиса прыгает. Все жеребцы очень ее зауважали и обходят десятой дорогой.

МОРЯЧКИ-ЛЮБИТЕЛИ. В этот день... не могу вспомнить, сколько в августе дней... Дожились до того, что в пос-

ледный день лета играли на деньги с какой-то любительской командой из Караван-сарайского Галактического Пароходства. Какие-то гражданские моряки-рыбаки. Любители. Ох уж эти мне любители! Тельняшки и черные трусы по колено. Этот коммерческий матч организовал дядя Сэм, спасибо ему. Болельщиков собралось — тьма! Тиффози-рыбаки пришли на нас посмотреть. Благодатная тиффозная провинция, вкусно пропахшая селедкой. Но есть коварство в этих никому неизвестных провинциальных любителях — и дело тут не в недооценке соперников,— за невзрачной вывеской скромного пароходства могут скрываться щедрокупленные дисквалифицированные костоломы-профессионалы. Никогда не знаешь, на кого нарвешься. Но когда я увидел этих морячков, выходящих на поле, то по осанке и по координации движений сразу понял, с кем имеем дело. Жеребцы это тоже поняли. Результат — 21:1. Один мяч пропустили нарочно, чтобы местные тиффози смогли вручить приз своему лучшему морячку. Мне рекомендовали присмотреться к нему. Я присмотрелся к нему. Да, я внимательно присмотрелся к этому молодому морячку — а не попробовать ли его в конюшне? Фигура, стать, кривые ноги — все бы хорошо, но он уже изнежен дурными мягкими полигонами и испорчен устаревшей техникой вождения пузыря. Я сожалею, нам он не подойдет. В самом конце второго тайма Ванька Стуло принял мяч на грудь и шутки ради (и чтобы не забивать 22-й гол,— явный перебор) бежал с ним, жонглируя, по всему периметру силовой обводки полигона, а морячки всей командой гуськом-утьком бежали за ним, как за мамой. Такие игры, хоть и с юморком, но не на пользу,— только расхлаживают. Но — Б@гатенькое пароходство хорошо заплатило, а дядя Сэм удовлетворенно сказал свое знаменитое «Ну!» и положил в банк очень-очень приличную сумму.

КАК ДЕТИ В ШКОЛУ.

Стихи моего детства:

«Осень настала, / Холодно стало, / Чья-то корова забор за-
бодала, / Куры навоз перестали клевать, / Ну и погодка, <...>!»

Дети пошли в школу, а мы всей конюшней отправились в Метрополию в салон к кутюрье Кутюрье (фамилия у этого кутюрье такая, и все его побаивались, потому что этот Кутюрье слывет за голуБ@го), и на деньги, заработанные у мо-

рячков, справили одежду — всем пошили одинаковые двубортные, цвета кофе с молоком, костюмы, розовые галстуки, длинные иссиня-черные пальто из ратина и фетровые шляпы того же цвета. Ничего получились костюмчики, галстучки и пальтишки, мне нравится. Приделись, а то ходили, как чучела гороховые.

Дядя Сэм не забыл, расщедрился, купил у морячков на дешевой распродаже и подарил мне вечное перо — «паркер» с золотым (низкой пробы) пером и две толстенные коленкоровые тетради — одну в белом переплете с бумагой в клеточку, другую — в черном, в линеечку. Гроссбухи, а не тетради. Вот куда я буду записывать свои отчеты Постороннего Наблюдателя.

— Не забыть купить чернил.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ. <Дженералю Гу-Сину мои тетради не очень понравились.

— Где вы их взяли? — поинтересовался дженераль. — Дешевка, коленкор какой-то...

— Дешевка и есть. Дядя Сэм купил на дешевой распродаже.

— Ничего приличней не могли купить?

— Других не было. У дровосеков в цене тетради только в голубом сафьяне.

— Не расслышал... у кого, у кого?

— У дровосеков. У голубых, то есть, — объяснил я.

— Шли по лесу дровосеки, оказались гомосеки... — догадался дженераль. — Но у меня другие сведения.

— ?

— Тетради у морячков куплены.

«Все он знает, старый ч@рт!» — подумал я и сказал:

— Верно, у морячков. Память подвела — дядя Сэм собирался купить у дровосеков, а купил у морячков.

— Хорошо. В одной ведите записи для себя, а в другой...

— Для Него.

— Для кого?

— Для Постороннего Наблюдателя.

— Да. Но, возможно, не только для Него.

— Для кого же еще?

— Не знаю. Возможно, для Них. Мы ведь не знаем, сколько их, этих Посторонних Наблюдателей.

— Ага,— сказал я.

— Вот пуля пролетела, и — ага,— сказал дженераль.>

ЖЕРЕБЬЕВКА. Нас, наконец-то, посеяли. Состоялась торжественная жеребьевка отборочных игр Чемпионата мира с музыкой и голыми девками с расписанными под футбольные мячи попками и сиськами — ножками дрыгают, мячики прыгают. Я не поехал,— что я там не видел? Перед жеребьевкой меня окружили фужеры и спросили:

— Кого вы хотите в соперники?

— Те, кто попадутся, тех и хотим.

От нас на жеребьевке присутствовали наблюдатели: председатель ФУФЛА Сури'Нам (без него никакие официальные празднества не обходятся), дядя Сэм и сын полка Племяш. Племяш засунул руку по локоть в прозрачную сферу и вытащил матрешку с запиской. Вот наш жребий, наш БЛЮЗ, наша 12-я отборочная конференция (по алфавиту):

12 конференция Ближний Юго-Запад (БЛЮЗ)

1. Башибузуки (БШБЗ — Барнаульский шлакобетонный завод).

2. Воблы-1 (Водородно-водопроводный БЛАговест). Не путать с Воблой-2 (Восточная Бронетанковая ЛАтифундия) и с Воблой-3 (Военно-Баллистическая Академия).

3. Жлобы (Железнодорожное Общество).

4. Оборвары (ОБщественная ОРганизация Ветеранов АР-мии).

5. Соски (или сосунки — это мы, СОС — Служба Охраны Среды).

<В те времена даже в официальных фуфлонных документах было много тиффозной тарабарщины, от нее некуда было деться,— «федералы», «конфедераты», «костоломы», «восьминоги», «бугаи», «жлобы», «сугробы», «раки», «оборвары», «скоты», «проглоды», «троглодиты», или такое: нецензурная аббревиатура от «Единого

Блока Левых Организаций». Были «конфедераты в ЗАКОНЕ» (Зека) — Западная Конференция. Был такой Сант-Венерианский «Унитас» (ударение на «и», но иначе как «унитазы» их не называли: «Мы проиграли унитарам» — вот так). Был Воз Навоза — сборная какого-то Воздушно-озонного налогового заведения, бравшего налог за воздух. Была своя футбольная конюшня у Конной Полиции. В общем, ч@рт-те что, но к этим прозвищам все привыкли. Смотри также приложение СПИСОК АББРЕВИАТУР.>

Итак, жребий брошен, нам предстоит нелегкий блюз. Эмблема чемпионата — стеганный футбольный панцирь над олимпийскими орбитами пяти планет. Рисунок-талисман — дикий серый гусь. Первые три матча проведем в ноябре, остальные — весной. Нельзя сказать, что нам не повезло. Группа получилась не слабая, но и не смертельная. Чтобы выйти в финальный турнир, надо занять первое место. Если не зайдем, то зачем мы вообще ввязались в этот блюз? «Второе место ничем не отличается от последнего», — так говорит Лобан.

КОЕ-ЧТО О ЖЛОБАХ (ИЗ ДОСЬЕ НА СОПЕРНИКОВ). Первая игра — со жлобами. Жлобы — это вымирающее Железнодорожное Общество (он же «Викжель», «Желдор», он же «Локомотив»). Ну, какие сейчас железные дороги? Технический атавизм. Ну мю-паровые котлы, ну сикоморовые шпалы, ну стальные (FERRUM+ДОБАВКИ — рецепт известен) рельсы, не более того; разве что в Приобском Хантстве еще копят небо черные паровозы. Билеты на игру продаются плохо. «Жлобы» неплохие ребята, но, безусловно, мы у них выиграем, — что они могут на своем поршневом пару? Вчерашний день. И вот это «безусловно» для тиффози не очень-то интересно наблюдать. Жлобы на порядок слабее сосок (на тиффозном жаргоне они — «жлобы», а мы — «соски»). Брагин, например, начинал в жлобах, но быстро перешел в соски — его переманил Войнович (аргументы были стандартные: в Метрополии будешь жить, как у Б@га за пазухой, а здесь так и помрешь жлобом на железной дороге, как у Ч@рта в промежности), и жлобы не были на нас в обиде, — наоборот, они спят

и видят, как бы попасть хотя бы в дублирующий состав конюшни Службы Охраны Среды. <...>

СОСТАВ. Я наконец-то определился с составом для официальной заявки с краткими характеристиками каждого игрока <См. Приложение № 6 к академическому изданию «Отчетов»>, но сомнения остаются. Полная конюшня чистокровных жеребцов, но все больше тяжеловозов, а настоящих рысаков маловато. В официальную заявку также включены:

Главный тренер — БЕЛ АМОР.

Тренер — ТИБЕРИЙ ВОЙНОВИЧ.

Администратор — СЕМЕН РАФАЛЬСКИЙ.

Главврач — ВОЛЬДЕМАР ВОЛЬФ (с бригадой «скорой помощи»).

Пресс-атташе — фройлен ГРЕТХЕН фон ДЮНКЕР-КДОРФФ (и вся ее пресс-служба).

Технический и обслуживающий персонал:

СВЕКОЛЬНИК — шеф-кок БОРЩ (со всем его камбузом).

БАБА ВАЛЯ и ТЕТЯ КАТЯ (вечно забываю их отчества и фамилии, — неудобно как-то) — стирка, уборка, посуда, клопы, домашний уют.

ХУГО ВЕРСТАК и ГУГО АМБАЛ (приросшие тифозные прозвища, подлинных имен никто не помнит, да они и сами, наверно, забыли) — помощники администратора, бывшие боксеры-тяжеловесы, грубая сила, тяжелое детство, темное прошлое, хорошие ребята, мастера на все руки: технические работники, механики, водители автобуса, сапожники (штучные кроссовки и бутсы с подковами), массажисты, санитары, мячи и чемоданы таскать, что-то придвинуть, кого-то задвинуть. <Ну и, конечно, функции охраны и телохранителей: «Командор, не надо ли кому в морду дать?» — «Нет, все в порядке».>

САШКА ПЛЕМЯШИН. ПЛЕМЯШ. Наш талисман, наша надежда.

Всё. На выезды больше никого не беру — ни певцов, ни артистов, ни жен футболистов. Никаких жен! В Тулу со свои-

ми самоварами не ездят, а если кому-то из жеребцов сильно приспичит попить чаю, то везде во Вселенной найдутся смазливые самовары с большой пропускной способностью; везде есть свои «метрополии», полиция и фонари под глазом. Ну, а до чиновных прихлебателей из ФУФЛА мне дела нет, пусть едут на чемпионат Вселенной посторонними наблюдателями за счет председателя Сури'Нама.

САНТИМЕНТЫ.

МОЙ ПЕРВЫЙ ФУТБОЛ. Послезавтра — нет, уже завтра,— состоится наш первый отборочный матч со жлобами. Что-то меня на лирику потянуло в этот поздний час. Я хорошо помню свой первый футбол. В тот день (21 декабря) мне исполнилось семь лет. Я еще был хорошим мальчиком. Днем состоялись детские именины. Пришли мои друзья, девочки и мальчики. Мы пили сладкую колючую воду и обжирались конфетами и пирожными. Все было чинно-благородно. Матушка суетилась на кухне — готовила на посошок земляничное мороженое,— папая в спальне читал еженедельник «Футбол и жизнь во Вселенной» и предвкушал вечернюю футбольную трансляцию матча «Сосок» с «Башибузуками». Мои гости разошлись в пятом часу вечера — 21 декабря рано стемнело, папая с матушкой прилегли отдохнуть и забыли об имениннике; а я отправился провожать свою шестилетнюю подружку Ленку. Проводил. Ленка меня мало интересовала. Ребенок — я, то есть,— вышел из дома с Ленкой, перевел даму через дорогу, сдал на руки родителям, потом пробрался на Угол, вскочил на подножку маршрутного фотонного дизеля «atass» и часа через два добрался от Устричного Архипелага до Метрополии. Недалеко, но для ребенка — целое кругосветное путешествие. Там ребенок сразу нашел Большой стрит, это было легко,— происходил прибой, прилив — толпы, орды тиффози валили на футбол,— и проканал на Олимпийский Полигон со стороны Малого стрита через забор с колючей силовой проволокой. Наши играли с «Башибузуками» <команда БШБЗ — Барнаульского шлакобетонного завода>. Ребенок ничего не понимал в футболе. Ребенок залез на осветительную вышку-маяк, облепленную безбилетниками, но он оттуда ничего толком не видел. Нет, ребенок все видел, его глаза были широко раскрыты, но ребенок не понимал увиден-

ного. Ребенок весь дрожал, ребенок пребывал в сильном галлюцинационном амфибрахии. Рядом с ним завис несвежий небритый дядька, — как сейчас понимаю, это был типичный тиффозный бич <«бывший интеллигентный человек»>, — он что-то ребенку объяснял, но ребенок не слышал его. Ребенок еще не умел, не мог воспринять Игру целиком, он видел лишь отдельные фрагменты-картинки, не связанные между собой.

(Уже потом, с возрастом, мое восприятие игры изменилось, все стало наоборот — отдельные картинки приобрели смысл, зато потеряли праздничность и таинственность. Еще один раз подобное дробление ощущений проявилось, когда я впервые вышел на этом же полигоне за основной состав и теперь уже на меня смотрела орда тиффози. Со мной случился тот еще коматозный амфибрахий — по полю ползала на ватных ногах какая-то сомнамбулическая саламандра. Меня вскоре заменили, но тогдашний главный тренер конюшни Джордж Уэлльс не сказал мне ни слова укора.)

Запомнился полигон — по углам мигающие звезды, на полюсах две рамы из квазаров, бритвы прожекторов, черная дыра в центре — в ней разверзлась такая густая фиолетово-черная темнотища, как повидло из черной смородины. Запомнилась многомиллионная обезумевшая орда тиффози — взрослые дяди, гнавшие фотонную волну.

Наконец раздался свисток арбитра. (В этот ответственный момент мать спросила отца: «А где ребенок?!» и этим внезапным вопросом невольно перебила и опустила ему все настроение — тем хуже мне досталось при возвращении.) В тот вечер конюшня сыграла не лучший свой матч, но все-таки выиграла — выиграла скромно, с потом, с надрывом и с классическим результатом 1:0. Запомнился рыжий правый бек Геннадий Лоза, атаковавший по своему флангу и забивший этот единственный гол. Я даже толком не помню, как забивался этот гол, потому что чуть не слетел с вышки — Олимпийский Полигон взорвался таким гвалтом и грохотом от самодельных фотонных хлопушек, будто в нашей части Вселенной шарахнула небольшая новая Кракатау. Потом финальный свисток, и начался отлив — тиффозное море отхлынуло, оставляя на Олимпийском полигоне окурки, газеты, стаканы, бутылки, плакаты, флаги. Потом ребенок заблудился. Нет, я просто сидел на вышке и не знал, как вернуться домой, пото-

му что буйные орды тиффози расходились и разъезжались в разных направлениях.

Радость тиффози от этой вымученной победы была грандиозна. С боевыми воплями «Вперед, конюшня!» подожгли и взорвали звезду — получилась вполне солидная сверхновая. Вообще, рядовые тиффози убежденные и законченные футоцентристы: они уверены, что футбол — это центр мира, что все предназначено для футбола, что сама Вселенная является большим футбольным мячом, и сыграть ею в футбол совсем не грех.

(«Футбольный матч — это война, — так говорит Лобан. — Хозяйственные потери после матча — разбитые автобусы, вагоны, витрины, разгромленные магазины; жертвы от инфарктов, хулиганов и автомобильных катастроф — соответствуют небольшой войне». Тогда я еще не знал теорию Лобана — теории еще не было, Лобан еще был таким же сопляком, как и я.)

Так полночи и просидел на вышке, разглядывая, как служители прибирали полигон, как буксировали в ангар из центрального круга черную дыру, как накрывали рамку брезентовым чехлом. Запомнил конного полицейского:

— Хлопчик, ты чей?

Я рванул от него, но он за мной даже не погнался, — просто передал по рации на выход, где меня заарканили и доставили в каталажку. Отсидел там всю ночь, самую длинную ночь в году. Утром меня поджидала мать, а вечером запомнил солдатский ремень отца... Такая вот лирика.

Утро настало, солнышко встало.

О'к.

Иду спать. Завтра — Игра.

ЖЛОБЫ.

ПЕРВЫЙ ОТБОРОЧНЫЙ МАТЧ.

Вчера мы всели в грязную лужу. Игра со ЖЛОБами на нашем Трансплутонном Полигоне началась с большого конфуза: Жлобов мы не боялись, — у кого же еще выигрывать, как не у железнодорожников? — это, конечно, команда вчерашнего дня, они на своем пыхтячем пару быстро не ездят. Хотя, следует отдать им должное, в обороне жлобы иногда бывают очень хороши, пройти просто так сквозь эти паровозы труд-

новато; вырвать-отстоять ничью, особенно после капитального ремонта и в хорошем настроении, они могут, но проиграть железнодорожникам — это надо очень уж постараться. Кажется, что все обойдется относительно просто: выходи и внимательно выигрывай. Но, как говорится, «Пузырь круглый, пространство кривое, время квантуется, а жизнь — зеброй». Все, что может случиться плохого, обязательно случается.

Жлобы — мощные трудяги-работяги, физика у них что надо, в воротах не голкипер, а бронепоезд. Но и играют, как паровозы, по рельсам, по проложенной колее — туда-сюда. Туту! Вышел из депо, — пуф-пуф-пуф — толкает пузырь на запасные пути. Лучше под них не попадать — попросту не бегать по шпалам, а успевать переводить стрелки и направлять жлобов не в ту степь.

Я сделал установку на игру. Не сбиваться в кучу, не ложиться на рельсы. Играть ширше, шерше ля фам, вашу мать! Растяните их! Играть просто: обвел одного, рванулся в открытую зону, откинул пузырь партнеру, пристопорил, получил пас, задержал мяч, длинным пасом перевел игру на другую орбиту. Перевести стрелку, загнать их на бездорожье.

Но мы проиграли. То есть, мы выиграли... но мы проиграли. Попробую объяснить. Когда закончилась разминка, я поднялся в правительственный апогей и уселся рядом с председателем Суром.

<Это было несчастливое, «мокрое» место, однажды какие-то террористы-безмотивники взорвали бомбу в почетной ложе, когда в нее направлялся председатель сам председатель ФУФЛА. Сура выбросило на полигон, но он отделался сломанной ногой, обгоревшими волосами и шрамом на правой скуле. Когда Сур немного пришел в себя, то спросил:

— Что случилось? На меня покушались?

Потом торжествующе воскликнул:

— Да, на меня покушались!

Тиффози единодушно осудили этот террористический акт. Террор на футболе — это дикость, это тяжкое оскорбление мужского достоинства. Конечно, драки болельщиков, железные прутья, камни, бутылки, жертвы, конечно. Конечно, вандализм после игры — раску-

роченные маршрутные автобусы. Все это так, но это выход безумышленного инстинктивного зверья, хулиганья и удали молодецкой; террористический же акт на полигоне в момент игры — это хладнокровное оскорбление всего святого. Футбольный матч — святыня, стадион — храм, полигон — алтарь, тиффози идут сюда пообщаться со своим Б@гом, и хотя футбол называют войной, но футбол — это, конечно, заменитель войны, и, значит, футбол — это мир.>

Сури'Нам собрался было что-то сказать о «многомиллионной армии тиффози», но вовремя уловил мой взгляд и осекся. Я хотел вдумчиво посмотреть на Игру сверху, потому что из правительственного апогея хорошо смотрится общий план и рисунок Игры, хотя ответственные матчи лучше наблюдать — не то слово, какое уж там «наблюдать», — лучше переживать на скамейке запасных — можно вскакивать, орать и подавать знаки игрокам.

(Некоторые тренеры во время игры сидят за ковшом и бубнят, как шаманы, по сотовой рации: «Ваня, направо!», «Петя, налево!», «Жора, бей!» Они не понимают, что эти указания как советы запоздалы, а как приказы — невыполнимы, — пока тренер их прокричит, пока игрок примет их к сведению в калейдоскопе перемещений в пространстве—времени и начнет выполнять, на полигоне возникнет совсем иная ситуация, которую тренер и предвидеть не мог.)

Команды уже вышли на Полигон, капитаны исполнили формальности, обменялись памятными выпелами и значками. Арбитр — его фамилию я уже забыл, а это значит, что арбитр судил хорошо, в игре не возникал и в нашем поражении не виноват, я всегда делаю скидку на утомление арбитра, — арбитр всегда должен находиться на подветренной траектории от пузыря, футболист может в какой-то момент передохнуть, арбитр — никогда; особенно при скоростной игре от рамки до рамки — это постоянные ускорения, торможения, непредсказуемые смены курсов, хаотические перемещения за сверхсветовым порогом; отсюда — усталость и ошибки, но есть ошибки и ошибки, — так вот, арбитр подбросил монетку и разыграл ворота. Железнодорожники выбрали Восточную Рамку, ограниченную Альфой, Бэтой, Гаммой и Дельтой со-

звездия Восточной Короны. Макар отправился, соответственно, к Западной Рамке — Дельта, Эпсилон, Эта и Дзета Белого Медведя. Мяч спокойно катился по обводной орбите, паровозы-шмаровозы уже дымили, гудели, свистели, пыхтели и пускали пар.

— Ну что, поехали? — сказал мне председатель Сур.

— Господи, твоя воля,— ответил я, постучал по подлокотнику кресла и три раза сплюнул через левое плечо, уловив иронический взгляд председателя.— Погнали наши городских... С Б@гом!

(Повторяю: я не боялся жлобов-шмаровозов, но пузырь круглый, полигон кривой, и постучать по дереву и сплунуть никогда не мешает.)

Начали. Арбитр перекрестился и дунул в свисток (жаль все-таки, что я не запомнил его фамилии — спокойный парень, играть не мешал, все принимал как должное, и даже не записал в свой кондуит отчет о происшествии на первой же минуте, за что поплатился пожизненной дисквалификацией от ФУФЛА) — так вот, сразу же после его свистка, заглушившего гудки паровозов, случился нонсенс-конфузиус-непредусмотрен-с.

Рассказываю, что произошло: Хуан легонько дунул и сдвинул планетку с орбиты в сторону Брагина, тот уже шевельнул мизинцем левой ноги, чтобы придать пузырю легкий вращательный импульс и перевести его в наши тылы на Ван дер Стуула,— а там и начнем потихоньку, потрогаем жлобов за вымя,— как вдруг снизу с тренерской скамейки раздались истошные вопли дяди Сэма:

— Стой!!! Минуточку!!! Там человек!!!

— Где, какой человек?! — вскинулся я.

— Человек там, на пузыре!

— Что?! Какой человек?!

— Да черт его знает, отшельник какой-то! Или миссионер! Сигналит SOS! Там раньше баптистский пост стоял!

У председателя Сура отвалилась нижняя золотая челюсть, он не успел ее подхватить, она упала на бетонный пол (дядя Сэм все-таки перестарался, все мягкие дорожки продал) и раскололась надвое. Я вскочил и заорал:

— Ерш твою марш, что ж ты молчишь?!

— Так я ж кричу!

— Что же делать?! Стой!!!

— Что «стой?!» Игра началась! Пузырь уже сошел с орбиты! Катаклизм, смерч-ураган!

— Рафа, останови Игру! Стой! Крикни боковому подсудку, чтоб дал отмашку! И «Скорую помощь» на выход! И доктора Вольфа туда! И спецназ из СОСа! И пожарную команду!

— Ах ты, господи!

Все, слава Б@гу, обошлось — если не считать сломанной председательской челюсти. Игру остановили, баптиста эвакуировали. Ух, баптист матерился! Ах, как он матерился! Натуральным, первозданным матриархатом! <Слова нрзб.> Как он орал:

— В Б@га-душу-мать! Гос-споди, твоя воля, упокой душу этих босяков-футболистов!

ПАСТЕРНАК:

НО ПОРАЖЕНИЕ ОТ ПОБЕДЫ ТЫ САМ НЕ ДОЛЖЕН ОТЛИЧАТЬ.

Дело с проповедником так просто не закончилось. Это был миссионер-проповедник с горящими глазами и с ужасной для его профессии фамилией Шуллер. Нет, не баптист, а какой-то черный негр, инфантильный евангелист-семидневник. Орал по-черному, грозился подать на нас в межцивилизационный арбитраж. Б@же! Я подумал, что он блефует. Ни в коем разе — семидневник подал-таки на нас в арбитраж, и в Шишкин Лес пришла судебная повестка. Поначалу мы посмеялись — и зря. Отправили на разбирательство дядю Сэма — вместо того, чтобы нанять приличного адвоката. Подумали — обойдется. Не обошлось. Семидневный евангелист Шуллер понес перед мировым арбитром такое, что в куче не держалось:

— Они (мы) взяли на себя Б@жественную миссию, распоряжаются мирозданием, крутят звездами и планетами как хотят!

— Минуточку! Да какая же это планета, Ваша честь?! Это пузырь, болоид-планетоид! — пытался доказывать дядя Сэм.
‘Но кому что докажешь?

<ПРИМ. Ничего была планетка, кругленькая, гранитненькая, этакий Катигорошек. Вообще, выбор болоида-планетоида для избиения — это очень важный

момент в современном футболе. По правилам, ученый консилиум должен проводить исследования и давать заключения — что за планета, какая планета, сколько ей лет, состав почвы, не является ли перспективной в смысле заселения и развития жизни? Аммиачные планеты, метановые, водные, гранитные, алмазные — какие можно пускать в расход? Понятно, никто таких исследований не проводит, все делается на глазок, и мы как все.>

Дядя Сэм беспомощно разводил руками (он ведь ни в Б@га, ни в Черта не верит, к теологическим дискуссиям не подготовлен) и монотонно отвечал:

— Ваша честь, мы ничего на себя не брали, мы играем в футбол, мы просто играем в футбол, мы просто играем в футбол и не более того!

Мировой арбитр морщился и делал свое дело — мирил:

— Ну что вы, господа! Решите ваши проблемы полюбовно, зачем ссорить Б@га с футболом? Подайте друг другу руки, идите с Б@гом и будьте с головы до ног мне здоровы!

Его честь не разбиралась в футболе, не понимала, что футбол — это все: война и мир, любовь и кровь, Б@г и порог. Я никогда не думал, что мироздание по-настоящему так глупо устроено. Любой промелькнувший семидневный шуллер может повлиять на судьбу Вселенной. Б@же ж мой! Да что ж он там делал, миссионер-семидневник,— на этой Б@гом забытой безжизненной гранитной планетке, предназначенной разве что на добывание могильных обелисков? Химичил он там, проводил научные эксперименты с гранитом — проповедовал перед камнем, вдувал душу в гранит, превращал его в воду,— а в воде до органики, как известно, рукой подать! Господи, твоя воля,— до чего только люди не додумаются!

Дело докатилось до Ватикана, папа пригрозил подать в Высший Суд на Всемирную Лигу (ВСЕЛИ) за причиненный ущерб евангельской миссии, но до Высшего Судии это дело не дошло, ВСЕЛИ решила не связываться с этой старой песочницей, решила дело келейно и оштрафовала ФУФЛО на те же десять тысяч золотых кварков; и пошла бы наша конюшня вместе с ФУФЛОМ по миру, но нашлись, нашлись спонсоры, да и многомиллионная армия тиффози — все как один, спасибо вам, дорогие! — быстренько скинулись, кто

сколько мог по своим трудовым шкваркам, а председатель Сур демонстративно достал двумя пальцами из нагрудного кармана две половинки своей старой золотой челюсти и с небрежным великодушием бросил их в общий котел — сначала одну, потом вторую. Это был красивый, широкий жест, и я зауважал председателя Сура.

<ПРИМ. Все обстояло не совсем так. Я не упомянул в отчете, что тиффозных шкварок для штрафа нам все-таки не хватило, и что в дело вмешался сам президент д'Эгроль — это он отстегнул нам из своего личного президентского фонда внушительную сумму на восстановление планетки. Тогда об этом лучше было помалкивать, чтобы ненароком не попасть под копыто Налоговой комиссии Конгресса.>

Кроме того, ВСЕЛИ лишила нас премии в десять тысяч кварков.

— Вот так всели на десять тысяч! — сказал Войнович.

У дяди Сэма была своя арифметика:

— Десять тысяч потеряли плюс десять тысяч не нашли — итого: двадцать, — поправил он.

Более того, произошло чудовищное: тот первый отборочный матч мы выиграли 3:0, но жлобы подали во ВСЕЛИ протест (мол, подбор мячей — это обязанность хозяев полигона, и поэтому мы должны отвечать за причиненный ущерб, — жлобы были правы, к ним у меня никаких претензий, я на их месте поступил бы так же, для жлобов это был единственный шанс найти, что называется, от фонаря (вернее, под фонарем на ровном месте) победных три очка, — и нам засчитали-таки техническое поражение «ноль—три». Хорошенькое начало — мы победили и потеряли три очка на ровном месте.

— «Но поражение от победы ты сам не должен отличать», — процитировала мне в утешение фройлен фон Дюнкеркдорфф.

— Это кто сказал? — спросил я.

— Пастернак.

— Он прав, этот Пастернак, — пришибленно вздохнул я. — Наверно, хороший был футболист.

Ворона как-то странно на меня посмотрела. Должно быть, я что-то не то сказал.

Ладно, с кем не бывает. Будем считать, что одно глупое поражение — это случайность. Переживем.

О'к.

БРАГИН.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР. Брагин пребывает в каком-то сомнамбулическом амфибрахии. Он, кажется, немного тронулся после истории с этим пастором Шуллером.

— Мы что-то не то делаем,— сказал он мне.— Мы тут в футбол играем, а там жизнь на планете. Там люди живут.

— Какие люди? Какая жизнь на гранитной планете?

— Гранитная,— неуверенно ответил Брагин.— А мы тут со своим футболом.

— Эта планета была безжизненная. Запомни: без-жиз-нен-на!

— Мы же не знаем, для чего она предназначена... Б@г ее знает...

— Я — знаю,— ответил я, не задумываясь.— Я — Тренер, значит, Я — Б@г.

«Много на себя берешь»,— прочитал я в глазах Брагина.

«Нормально беру. Тоже мне, блуждающий форвард. Ты не блуждающий, а дрейфующий форвард, потому что ты дрейфишь. Если игрок чего-то не знает или не умеет, то он должен чувствовать, что я, его тренер, знаю и умею, даже если я тоже не знаю и не умею».

БАШИБУЗУКИ.

ВТОРОЙ ОТБОРОЧНЫЙ МАТЧ.

А вот этого черного — не чернокожего, а эбонитового! — арбитра я запомню до конца жизни. За два дня до игры прибыл арбитр Орхидевриус, весь покрытый корой, и с ним двое эбонитовых подсудков — какие-то шоколадные бобчинский и добчинский,— на одно лицо, да и лиц под корой не видно. Мы встретили их, как полагается, как всех арбитров встречаем,— хлеб-соль, цветочки, пятизвездочный отель, номер-люкс, акклиматизация, парная с девочками, кофеек с коньячком, обед с борщом (шеф-кок Борщ расстарался), дешевые (то ли по отпускной цене, то ли по себестоимости) шубы для арбитражных жен — колонок, соболя, шеншеля на выбор. Два дня они пожили, как фоны-бароны, остались довольны вроде. Игра.

Играли с «БАШИБУЗУКАМИ» (Барнаульский шлакобетонный завод). Опять легко выиграли 3:0, уже безо всяких происшествий, арбитры отсудили прилично.

— Гип-гип, ура? — спросил дядя Сэм.

— <...> дыра,— ответил я в рифму.

Я как чувствовал: мы арбитрам чем-то не потрафили, что-то им не донесли в нумера. Дядя Сэм подогнал для них «торнадо-квант», сказал: «Спасибо, приезжайте еще», «торнадо» квакнул и умчал их в космопорт, а на следующий день эти недоноски написали рапорт во ВСЕЛИ: мол, мы, хозяева полигона, совали им, арбитрам, взятки, но что, мол, подкуп не состоялся только из-за того, что они, арбитры, хрустально чистенькие и кристально неподкуплененькие. У дяди Сэма от обиды дрожали губы, будто его отлучили от кормящей груди:

— Минуточку! Какие-такие взятки?! — кричал дядя Сэм и загибал пальцы.— Принимали, как всегда и как всех: хлеб-соль — раз, цветочки — два, пятизвездочный отель — три, пятизвездный коньяк — четыре, шеншеля по себестоимости — пять... что еще?.. парная с девочками — шесть! Всех всегда так принимаем! Морду бы им набить, да где ж у них морды, у этих эбонитовых чурбанов?!

Дядя Сэм почему-то не учел, что арбитры эти в самом деле были дикорастущими чурбанами из соцветия — созвездия, то есть,— Южных Эбонитов — хлеб-соль с борщом они не ели, а питались солнечным светом да какими-то акридами-насекомыми, коньяк был для них отравой, они коньяком только полировались, а срезанные цветочки и мертвые шеншеля в подарок они посчитали за оскорбление их растительного достоинства. Я бы им морды набил, если б они не были такими твердыми! Топором порубил бы! Я от злости привычно открыл ногой какую-то затаившуюся стеклянную дверь и тут же приказал дяде Сэму выписать счет на председателя Сури'Нама — все наши издержки за счет ФУФЛА!

Последовали очередные скандалы и разборки, нас чуть не отлучили от ВСЕЛИ, чуть не дисквалифицировали, но пожалели и во второй раз засчитали техническое поражение «ноль—три», опять оштрафовали, опять лишили премии — двадцать тысяч потеряли, двадцать тысяч не нашли — итого: сорок.

Одно глупое поражение — случайность, два подряд — невезуха.

ОБОРВАРЫ.

ТРЕТИЙ ОТБОРОЧНЫЙ МАТЧ. Древний анекдот: «Пессимист мрачно сказал: «Хуже не бывает!» Оптимист радостно ответил: «Бывает, бывает!»

Играли с ОБОРВАРами. Это армейская команда от Общества Орденоносных Ветеранов Армии, но играют там, конечно, не ветераны. В армейских клубах дисциплина нешуточная, играть с ними трудно — равняйся, смирно, прическа ежиком, длина волос — не более 2 см, все отглажено, травка подстрижена, везде порядок, а порядок бьет класс.

<АЛАВЕРДЫ НАСЧЕТ ПОРЯДКА. Порядок бьет класс при том, что физика (физическая подготовка) у спортсменов примерно одинакова. У нас будет порядок, и мы этим порядком будем бить их класс? Не все так просто — у них ведь тоже есть порядок, но свой, собственный! Порядок бьет класс, но беспорядок бьет порядок. Сумбур, как организация игры, иногда тоже подходит. Настоящий сумбур (есть организованный сумбур, беспорядок — это другое) может вызвать на полигоне сумбур у соперника, и тогда только дело в переключении скоростей — никто ничего не сможет догадаться, тут анархия мать порядка, тут ловля рыбки в мутной воде, — и это нужно; только нужно понимать, как происходит сумбур. Хаос. Броуновское движение на полигоне. Где-то густо, а где-то пусто, где-то куча мала, хруст костей и скрежет зубовой, а где-то в углу полигона кто-то делает вид, что цветочки нюхает, а сам только и ждет нас на пустое место. Партизанщина. Так нужно играть против армии — если нет хороших фуфаек. Для такой игры нужны молодые силы.>

На этот раз и с мячом все было в норме — проверили, прочесали основную планетку и две запасных на предмет обнаружения жизни, — не нашли ни одного ни микроба, ни вируса, даже преджизненного бульона не обнаружили; и дядя Сэм все учел, все разузнал об арбитре, — и арбитр Антонио Стремидло оказался нашим человеком, достойнейшим существом, — и цветочки понюхал, и горбушкой хлеба не побрезговал, и в лучшем гараже остановился, и чистым бензином накачал-

ся, и в подарок принял запасное колесо, две покрышки и новенькую фару с подфарником. Гуго и Хуго в гараже его разобрали, почистили, заново смазали; и от девочек Стремидло не отказался — прокатил сразу двух в ближайший лесок. (И его помощников мы не обидели — тоже бензин, девочки и покрышки.) И судил он достойно, свистел справедливо в обе стороны. Всем был хорош арбитр Стремидло, но опять кошмар, опять катастрофа, опять влетели! Мы опять убедительно победили! Мы выиграли 3:1 у оборваров, но Чайник не прошел допинг-контроль! Допинг-контроль дал положительный результат пробы на параносферадрин. Чайник дисквалифицирован на весь отборочный цикл. Чайник вскипел и заплакал навзрыд. И не крокодиловыми слезами. Нам засчитано третье техническое поражение подряд! Опять «поль-три»! Я подаю в отставку, но сначала разберусь с Чайником и с доктором Вольфом.

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ. Хорошо, ищем крайнего, ищем стрелочника. Доктор Вольф не в себе. Чайник, по его предписанию, принимал чистейший лекарственный успокаивающий препарат на основе женьшеня с примесями ромашки, валерьяны, шиповника (в этой смеси до двух десятков названий) и какой-то индийской травки, в которой оказалась микроскопическая доля алкалоидного вещества, которое лишь оставляет следы параносферадрина и никакого стимулирующего действия не оказывает, то есть, является псевдо-параносферадрином. <Неразборчивые слова.> Вольф подает в отставку. Подождет отставка, сейчас надо выяснить, что это за препарат.

- Какой-то «КВИК-ЭНЕРГИ».
- Что за травка в нем?
- В переводе какая-то «дикая маковка придорожная».
- Фирма?
- Какие-то буквы: «ЗЫГАН-УНИВЕРСАЛ». Тут еще надпись: «ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ! ВСЕ НАТУРАЛЬНОЕ!»

Продолжаю расследование: почему Вольф заранее не провел анализ этого препарата на присутствие параносферадрина?! Потому что доктор испытал его на себе. Но почему не провел допинг-контроль? Потому что... этот препарат рекомендовал ему сам... дженераль Гу-Син! Гоп-стоп! Нашли стрелочника!

Я не постеснялся, спросил дженеряля — кто ему-то подсунул этот «КВИК-ЭНЕРГИ»? Не помнит... или темнит?

Чайник подает на фирму в суд — почему в спецификации придорожной маковки не были указаны масла параносферадрина, из-за которого мы в третий раз лишены премии в десять тысяч кварков?

Наконец до меня дошло: «ЗЫГАН-УНИВЕРСАЛ»!

— Кто перевел «ЗЫГАН-УНИВЕРСАЛ»?!

— Фройлен фон Дюнкеркдорфф.

Гм. Вот и нашли крайнюю. Фройлен <в оригинале: Дура>, перевод абсолютно ясен даже мне: «ЦЫГАН-УНИВЕРСАЛ»! Эта цыганская фирма открыто и честно предупреждала и действовала — теперь ищи ее и свищи!

НАДО ИХ ТАМ ПРОВЕРИТЬ. В Верхней Палате Конгресса поставлен вопрос о конюшне. Конгрессмены выступают один за другим:

— Бездарные проигрыши! Безволие и расхлябанность!

— Наша федерация все-таки заслуживает своей аббревиатуры. ФУФЛО — оно фуфло и есть.

— Содержание конюшни влетает в копеечку! Гражданские деньги! Тридцать тысяч потеряли, тридцать тысяч не нашли! Надо их там проверить!

Конгресс создает подкомиссию. Будут под меня копать, будут снимать меня с поста главного тренера, хотя они лишь могут рекомендовать президенту д'Эгроллю отстранить меня от футбола. Лучше посмотрели бы, в чем мы играем отборочные игры! В старых фуфайках! Разве это велюр? Разве это жидкий текстиль? Стыдоба! Впрочем, пусть копают — это нам даже на руку, мне все равно скоро уходить из команды.

Мне передали привет от бригадного дженеряля. Он доволен, он весело потирает руки.

— Все идет распрекрасно, — говорит дженераль Гу-Син. — Три поражения подряд — так не бывает. Значит, это вмешательство, это знак! Посторонний Наблюдатель себя проявил, Кривой Кондратий нас предупредил: бросайте футбол, займитесь делом!

Я не разделяю его веселья. Все беды в гости будут к нам. Три поражения на пустом месте — это что-то да значит. Одно поражение — случайность, второе подряд — невезуха, третье —

Рок, сливай воду и уходи. Этот Посторонний Наблюдатель — очень крутой парень. Мы почему-то ему не правимся. Я почему-то ему не правлюсь? Что он хочет сказать этими тремя поражениями? Он намекает: брось это дело, подай в отставку? Он хочет видеть в роли главного тренера Лобана? Так, что ли? Я Ему мешаю? Он намекает на то, что я слабый тренер? Я это и без Него знаю. Этот Посторонний Наблюдатель хочет видеть у нас сильную конюшню? Почему?

— Почему? Зачем Ему это нужно? — спросил я у Войновича.

— Потому, что этот твой Посторонний Наблюдатель играет в футбольный тотализатор, — ответил Войнович. — Он простой, как тиффозный тошнотник¹, простой, как колесо. Ему деньги пужны. Никакого соображения, прет напролом. Это ж додуматься надо — три технических поражения подряд!

Тридцать тысяч потеряли, тридцать тысяч не нашли.

Вот вернется Лобан и скажет:

— Ну, ты мне тут паиграл!

ПОБЕГ ЛОБАНА С КОРОВОЙ. В отборочном цикле чемпионата наступил перерыв до весны. После трех технических поражений наши шансы на выход в финал стали призрачные — надо выигрывать все оставшиеся игры, и тогда, может быть... Не с нашим счастьем. Все жеребцы бродят по «Мараканше», как водолазы по дну, в воду опущенные. Ждут Рождественских каникул. Тренируются без настроения, не в коня корм. Ребята год отпахали, им надо расслабиться. О'к. Я тоже не в настроении. Посоветовался с Войновичем и объявил по конюшне отпуск с капикулами аж до Старого Нового Года — если кому надоест, можно вернуться раньше.

¹ТОШНОТНИКИ. Тиффози, которые играют в тотализаторе, называются «тотошниками» или «тошнотниками». Это болезнь. Большинство тошнотников испытывают легкое недомогание — ставят небольшую сумму (один—два шварка) и не папосят глубоких ран домашнему бюджету. Но есть и хронические большие (случаются даже летальные исходы), их сжигает страсть к игре, но тут не футбол виноват, — если закроют футбольный тотализатор, они найдут другое место, где можно «поставить» — карты, бильярд, домино, номер лимузина, номер купюры, наконец, кто дальше плюнет. «Шмен де фэр» — «железка».

Назвать Постороннего Наблюдателя «тошнотником» — очень смело со стороны Войновича.

— Уж вы постарайтесь, чтобы Рождественские праздники влетели председателю Суру в копеечку,— напутствовал я.

— Мы постараемся,— ответил за всех Ираклий.

Они меня уже не любят. Они мне уже не верят. Я невезунчик. Даже преждевременный отпуск для них не в радость, тихо ушли, разъехались по домам, Маракканна опустела, Войнович сказал с намеком: «Что-то стало холодать»,— и мы с ним решили уйти в спасительный запой. Но по дороге к запою ко мне подошли Гуго и Хуго и шепотом сказали, что председатель Сур опять ищет со мной встречи. Я обозлился, чуть не выронил из-за пазухи две бутылки «Соломона» и наорал на них:

— А почему шепотом? Покойник в доме, что ли?

Ни в чем не виноватые Гуго и Хуго испугались и дали деру. Я кричал им вслед:

— Я еще шевелю пожками! И печего меня искать, вот он — Я. Пятнадцать минут ходу на «торнадо-кванте», если хочет меня уйти — пусть приезжает, я сам подам в отставку. А мне к нему — некогда, я в запое!

Председателю передали мое приглашение, Сур сказал: «Что ж, я не гордый» — и приехал; но ему, правда, пришлось подождать, пока мы с Войновичем не допили первую бутылку.

— Похоже, он приехал меня уйти,— предположил я.

— Похоже,— согласился Войнович.

— За что? Мы выиграли все три матча.

— Нет. Мы их проиграли. Тебя уйдут за то, что ты невезунчик.

— Я хочу, чтобы ты взял конюшню, но я не буду тебя рекомендовать.

— Правильно. Твоя рекомендация произведет обратный эффект. Иди. Вперед, конюшня!

Я оставил вторую бутылку «Соломона» наедине с Войновичем и прогулялся с председателем до Эксцентриситета и обратно. На этот раз Сури'Нам не вспоминал о «многомиллионной тиффозной армии», он вполне устойчиво ковылял на своих двоих, его гориллы следовали за нами поодаль, за ними ехал «торнадо-квант».

— Тревожные новости,— сказал Сур.

— Да. Еще бы. Три поражения подряд.

— Ну, это не новость, об этом все знают.

— Вот что,— решительно сказал я,— если собрались меня гнать — выгоняйте! Я сам уйду. Я привык. Лобан говорит, что футбольные тренеры — это вечные изгои и лишенцы: их изгоняют и лишают всех прав после первой же неудачи.

— И не надейтесь, вопрос так не стоит. Я не за тем приехал. Новости вот какие...— Председатель выдержал многозначительную паузу и тихо сказал: — Лобан сбежал.

«Вот оно, началось!» — подумал я, но промолчал.

— Лобан сбежал из Приобского Хантства,— продолжал председатель Сур.— Бежал в Тайгуи. Морозы там сейчас космические, за 150 по Цельсию.

Мне стало зябко и холодно, как маленькой макаке на Северном полюсе. Я бы этому Цельсию... Но я молчал. Я ждал продолжения.

— Приобский хант пустил по следу овчарок спутниковой связи. Местность сканируют. Южные границы в двойном электромагнитном оцеплении.

— Электромагнитном...— усмехнулся я.— Этот Ханты уже пользуется электричеством.

— Ничего смешного не вижу. Лобану совсем не смешно. Все вокзалы и космопорты под наблюдением. Но мы тоже ищем его. По дипломатическим и... другим каналам.

— Не понял — кто это «мы ищем»? Вы? ФУФЛО, что ли, ищет Лобана? Уж вы наищете!

— Вам привет от бригадного дженерала Гу-Сина,— тихо сказал председатель.

— Ага,— сказал я.

— Ищет, конечно, дженераль. Но он решил действовать через Футбольную Лигу, чтобы не раскрывать участие в этих поисках Службы Охраны Среды. Нижне-Вартовский СОС-Форпост в боевой готовности. Вы хорошо знаете Лобана, дженераль хотел бы знать ваше мнение.

— Нижний Форпост? — переспросил я.— Ищите его на Верхнем. Лобан вниз не пойдет.

— Не может быть! Почему вы так думаете? Я тоже знаю Лобана — он склонен выбирать самый простой и короткий путь к победе.

— К победе, но не к поражению. Вы плохо знаете Лобана. Он — Игрок. А пойти в этой ситуации Вниз — это не по-иг-

роцки. Он пошел Вверх, за красным полярным смещением. Где у вас карта Приоби?

— Карту! — приказал Сур своим гориллам. Те достали из планшета карту Приобского Хантства.

— Нет,— сказал я.— Полную карту диаметальной Приоби с учетом среднего красного смещения.

Телохранители побежали к «торнадо», притащили рулон и раскатали перед нами диаметральную карту всей Приоби.

— Мы бежали по тундре, вдоль железной дороги...— запел я, разглядывая карту.

Карта была большая, цветная, подробная, с розой ветров. В Планетарии умеют делать карты. Я прикидывал — что может взбрести на ум Лобану на свежем воздухе в стояти-десятиградусный мороз?

— Так вот, Лобан так глупо не побежит. Ищите его вот здесь, у истоков Индигара,— показал я.— Или здесь... не удивлюсь, если Лобан выйдет к старой Новой Земле...

— Интересно. Продолжайте — где еще он может объявиться?

— Вот, собственно, и все... Да, конечно, есть еще Крайний Северо-Восток...— Я провел пальцем по диаметрали.— Вот... Майдап-на-Колымаге.

— Вы шутите?! Это безумие! Пройти через всю Диаметральную Приобь?! Они не дойдут.

— Да, вы правы, это невозможно. Но на всякий пожарный случай предупредите Верхне-Вартовский СОС-форпост... Стоп... Вы сказали: «они»? Разве Лобан ушел не один?

— Они бежали вдвоем. Лобан прихватил с собой какого-то аборигена Толика.

— Понятно. Корову. Если Лобан прихватил корову, значит, он может дойти и до Майдана.

— Какую корову?

— «Коровой» у лагерных беглецов называется субъект, которого берут в побег, чтобы его в самый отчаянный момент съесть. Субъект-корова, конечно, не догадывается об этом. Это удобно — продовольствие не надо тащить на себе, оно идет само.

— Кто идет само?

— Продовольствие. Толик.

— Вы в своем уме?! Или вы шутите? Лобан, корова, каннибализм... Лобан передал, что этот абориген Толик очень-очень нам пригодится!

— Значит, эта корова — священная. Ладно, ладно, я неудачно пошутил. Фуфайки-то у них есть?

— В том-то и дело! Есть! Три новые фуфайки, даже ненадеванные. Из-за этих-то фуфаек Приобский хант и озверел.

— Они прихватили новые фуфайки?! — удивился я. — Тогда хант их точно не выпустит.

— Я же говорю: в том-то и дело! Фуфайки даже не новые, а новейшие, экспериментальные, из какого-то нового текстиля, последнее слово приобской науки и техники. Хант Ханты экономит на электричестве, зато в его шарагах лучшие ученые создают лучшие во Вселенной фуфайки. Лобан с Толиком ухитрились похитить эти фуфайки прямо на испытаниях и ушли в Тайгун.

— Ищите и ждите их в районе Майдана. Они, если будут живы, рано или поздно там объявятся.

— Вы так думаете?

— Я так думаю.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.
КАЧЕСТВЕННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЗАПОЙ.
Ч@ртыхаюсь.
<Без комментариев.>

ЛОБАН С КОРОВОЙ НАШЛИСЬ. Пусто. Пусто на душе, пусто в бутылках, пустой магазин закрыт на рождественские праздники, все выпито и пропито, падает снег, все впус-тую. Войнович уехал в Метрополию продолжать запой, чтобы не мешать мне писать отчет.

Открыл рабочий блокнот с тренерскими записями, открыл белую тетрадь в клеточку, зарядил «паркер» чернилами, но не знаю, с чего начать. Чернила пахнут спиртом. Сейчас вечер зимнего галактического противостояния. В небе за окном висит бело-голубая молодая Метрополия. Я люблю этот Праздник. Тем более, это мой день рождения. Так уж получилось, и не по моей вине, что я родился в этот день. <...>

С чего же все же начать?..

<См. начало.>

Устал. За три бессонные ночи зимнего галактического противостояния довел отчет до осени. До Нового года надеюсь закончить. Люблю праздники. Праздную даже оба равноденствия — весеннее и осеннее, когда звезды играют вничью — ни вашим, ни нашим. Завтра — Рождественская ночь. Снега, снега, снега, скука. Меня бросили, обо мне забыли, я никому не нужен. Проходят праздники, а я ни в одном глазу. Где там сейчас Лобан со своей коровой? Жив ли? <...>

О, радость! Приехали Войнович, Макар, Чайник, дядя Сэм, Ираклий, фон Базиль, шеф-кок Борщ, Брагин с какой-то приятной девицей, Легкоступова с этим неприятным типом БЭА (в черном пиджаке, в белых брюках и с оранжевой бабочкой он похож на сутенера), кто-то еще. Привезли все, что нужно. Отметили мой день рождения, завтра отметим Рождество, а там и Новый Год на носу. <...> Подпортил настроение лишь этот дуболом в оранжевой бабочке,— опять слушал, смотрел, нюхал, если не сказать подслушивал, подсматривал, разнюхивал. До чего все-таки неприятный тип!

<Мои подозрения Б@гатенького Арлекино в шпионаже в конце концов закончились вызовом к дженералю Гу-Сину и таким конфузом, что меня чуть кондратий не хватил. Господи, как же я мог не узнать этого типа в бабочке!>

Отметили Рождество. Пили лечебный церковный «Кагор» от Войновича, решали очень любопытный вопрос: играл ли Иисус Христос в футбол? Войнович безБ@жно крестился и доказывал, что Он (Иисус) и двенадцать апостолов — это первая зафиксированная в древности профессиональная футбольная команда с главным тренером и запасным голкипером. В одном из ранних кумранских апокрифов утверждается, говорил Войнович, что эта команда под названием «Благая Весть» сначала гоняла мяч на палестинских пустырях, потом проводила турне по Палестине и зарабатывала футболом на жизнь, собирала толпы тиффози, но была расформирована властями, потому что Главный Тренер много на себя брал, говорил, что «футбол — это Бог, а Бог — это футбол» (нашелся доносчик за 30 шекелей), на Тренера завели дело, он попал в

местную прокуратуру к некоему Пилату, прокурор был завязанный болельщик, он устроил Тренеру побег, апостолы разбрелись по Римской империи и понесли футбол в пролетарские массы... дальнейшее известно.

Такая вот симпатичная легенда о зарождении футбола.

Вспомнили, что следующий год будет високосным, что в день Кривого Кондратия Макару исполнится 10 лет.

Снега, снега, снега. Сажусь заканчивать отчет.

<...>

К утру закончил отчет и стал собираться в Метрополию встречать Новый Год, как вдруг позвонил председатель Сури'Нам и заорал с захлебом:

— ЛОБАН С КОРОВОЙ НАШЛИСЬ!

Я хотел было посоветовать председателю засунуть свою длинную часть тела на букву «я» в свою же мягкую часть тела на букву «з», но сдержался и сказал:

— Я уже знаю.

И бросил трубку. Болтун — находка для Постороннего Наблювателя. Рядом опять ошивался и прислушивался этот дуболом БэА со своим банальным дубовым веником. Пригласил меня в парную, я отказался. Что мы там, голые, будем делать?

Кончался недоделанный Год Дурака (ГэДэ). Наступал несчастливый високосный Год Кривого Кондратия (ГэКаКа). Аббревиатуры какие отвратительные...

Я шкурой чувствовал, как бесхитростный простодырый Дурак сдает свой пост и уступает место коварному Кривому Кондратию.

Пост сдал, пост принял.

О'к.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К «ОТЧЕТАМ» ПОЖИЗНЕННОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФУТБОЛЬНОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ ЛИГИ ГОСПОДИНА СУРИ'НАМА. Кто бы мог подумать: как оказалось, наша Вселенная не безгранична, рядом с ней существует множество других вселенных. Но из этого не следует, что к ней надо относиться как к какому-то мыльному пузырю. Подумать только: двадцать лет назад судьба нашего «пузыря» висела на волоске и зависела от ка-

кого-то, извините, болта с гайкой шесть на девять! (Или какие там гайки бывают?) Начиная со второго отчета, все это предельно ясно отражено; в первом же отчете автор попросту водил меня за нос. Теперь, когда все мы немного перевели дух, самое время взяться за благоустройство Нашей Местности. За Родиной надо ухаживать, она того стоит.

Относительно шуточек автора в мой огород, то есть, в мои «многочисленные» персональные дачи... Комиссия от Конгресса, депутация от многомиллионной армии тиффози и так называемые фужеры <председатель имеет в виду не футбольных журналистов, а Футбольное Управление Жертв Революции> сразу же после окончания Диффузионного Проекта провели проверку, даже расследование на этот счет. Выводы для моих недоброжелателей были неутешительными. Из соображений секретности строительство многочисленных номерных объектов на мое имя было санкционировано самим президентом д'Эгроллем, эти объекты сейчас являются общественной собственностью; лишь один весьма скромный объект «Почтовый ящик № 515» (Заспаная Пуща — два гектара спекшегося реголита за Огородным Кольцом Астероидов) до последнего гвоздя построен и благоустроен на мои личные сбережения из собственного кармана — в конце концов, работая в те времена по 12–16 часов в сутки, должен же я был где-нибудь отдыхать?! Я такой же трудящийся, как и фужеры <здесь — футбольные журналисты>, будь они не ладны, которые...

<ОТ ИЗДАТЕЛЯ. Вечное перо выпало из рук великого труженика, фраза осталась недописанной из-за скоропостижной кончины пожизненного председателя ФУФЛА Сури'Нама. Информация для истинных тиффози: последняя воля председателя была исполнена, он похоронен на «Маракканне-2-бис» за 3-м полигоном у Коровиной Установочки на 1-й Березовой аллее справа. Благотворительные средства для памятника следует переводить на расчетный счет № 26001200002397001 «Экспро-Импо-Ва-Банка», МФО 322012.>

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ГОД КРИВОГО КОНДРАТИЯ.

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Глухая ночь. Не могу уснуть. За окном крабовидно-тумаписто. На душе <нрзб>. Встал, сел писать отчет.

Кто я теперь такой — не знаю. Високосный год начался и продолжался глупо и несчастливо, как и положено всем високосным годам. Если прошедший год был годом Дурака и сплошным тяжелым понеделеньником, то этот стал бесконечным днем Кривого Кондратия. Не дожидаясь явления этого святого — одноглазого, хромоногого и кривобокого, — я решил вернуться в первобытное состояние и подал в отставку. Председатель Сури'Нам был в панике, его чуть этот самый кондрашка не хватил. Сур не понимал происходящего. Он рад был бы избавиться от меня, но меня навязало ему высокое заоблачное руководство — бригадный дженераль Гу-Син и сам президент д'Эгролль; а эти громовержцы хранили молчание, потому что отмечали Татьянин день (именины мадам Татьяны д'Эгролль, жены Президента), который (Татьянин День) затянулся аккурат на три недели до Дня Святого Валентина.

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ. Автор, мягко говоря, меряет все на свой аршин и намекает на определенные нравы в высшем эшелоне власти. Между тем, трехнедельное отсутствие президента д'Эгролля и дженерала Гу-Сина на своих рабочих местах было вызвано высшими державными интересами, но никак не празднованиями сомнительных дней татьян, вер, надежд и любовей. В эти дни состоялся официальный визит в Метрополию Его Величества ханта Ханты Приобского-Вездесущего, с которым велись сложные политические переговоры.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА К ПРИМЕЧАНИЮ ИЗДАТЕЛЯ. Издатель заблуждается. Он слышал официальный звон, но я лучше знаю, где пребывали и что делали в этот период пространства—времени Президент, дженераль и хант Приобский, потому что в Татьянин день и в последующие я был с ними. Я не ограничусь намеками, проект зашел так далеко, что можно уже не

темнить, а прямо говорить о том, как из-за своего длинного языка, который господин Президент вовремя не зачехлил своей же задницей (за что справедливо получил в упомянутое ухоженное место полновесный фунт дробин), были сорваны эти «сложные политические переговоры», но не буду забегать вперед и расскажу об этой неформальной встрече в своем месте отчетного пространства—времени. Впрочем, я передумал. Почему бы не забежать вперед и не разыграть обычную футбольную стенку — отдать пас, пойти вперед, получить пас и ударить по воротам? Переговоры с Вездесущим хантом Ханты Приобским (хант — это, кажется, звание, Приобский — титул, Ханты — имя, а Вездесущий — кликуха; или все наоборот, точно не помню) начались в Татьянин день на «объекте № 515» (в охотничьих угодьях председателя Сури'Нама — председатель об этом знать не знал), а когда под вечер д'Эгрollyша решила, что ей лучше будет по-английски удалиться, чем по-русски остаться, этот день принял форму дурной бесконечности. Чем мы только ни ублажали ханта — хант не чуждался ничем человеческим, — парной, девочками, футболом на снегу, подледным ловом, научили его забивать козла (хант был в восторге от домино, кричал: «Рыба! Яйца!» — я даже вспомнил своего первого наставника сантехника Сан Саныч-сана, у ханта получалось не хуже), еще травили волков, гоняли зайцев, охотились на медведя, но вот настало время утиной охоты. Поднялись раненько, залезли в болото, набили морозостойких уток — во-от такие индюки! — хорошенько намерзлись, сели в посадке, развели костер, открыли что Бог послал, Президент так набрался за эти дни, что потерял всякое дипломатическое соображение и решил подшутить над хантом, — подмигнул своей свите, потихоньку стянул его ружье, заменил патроны на холостые и стал ханта подначивать: мол, стрелок из тебя хреновый, Твое Вездесущее Величество! Хант не понял, ему перевели.

— Как так?! — возмутился он.

— А вот так! Стрелять не умеешь!

— Кто, я?!!

— Нет, ты! Отгадай загадку: зимой и летом одним цветом. Что это такое?

— Ну, елка!

— Сам ты... чурка! Дупа! Понял?

— Что есть дупа?

— Задница! Да ты мне с десяти шагов даже в задницу не попадешь, диктатор, сволочь!

Хант Ханты не знал, что если президент д'Эгролль кого-то подначивает, значит, любит. Дурак богатый, что бык рогатый; слово за слово, Приобский хант озверел, — он был тоже со своей харизмой, иначе как же управлять страной? — схватил ружье с холостыми патронами и заорал (почему-то по-польски):

— Становись, пся крев!

Отсчитали десять шагов. Вышли к барьеру. Президент спустил штаны <«Боже мой, кто нами управляет?!» — подумал я>, нагнулся и выставил свою мишень — нога у Президента безразмерная, как у снежного человека, ну а задница — слов нет: холеная, белая, рассыпчатая, так и хочется вилкой ткнуть; слава Богу, додумался прикрыть ладонью причинное место (о параметрах которого умолчу), чтобы случайно пыжом не ударило. «На, стреляй!» Все хохочут, а хант еще сохранил остатки разума и вдруг вспомнил, что патроны-то у него с крупной дробью на уток-индюков. Разломил ружье, выдирает холостые заряды, меняет их на патроны с мелкой дробью на перепелок. У президентских телохранителей лица вытянулись, не знают что делать (а я ведь предупреждал Президента об их несоответствии!), Президент же стоит буквой «зю» и не видит, что происходит у него за спиной, и не просекает, о чем думает хант, да еще продолжает подначивать:

— Давай скорей, мишень замерзает. Прижмурь левый глаз! Нет, правый, ты же левша! Целься в яблочко! Ты хоть знаешь, куда нажимать?

Хант сменил патроны и, не целясь, твердо, навскидку с левой руки, дуплетом — «ба-бах!». Как тут промахнешься — прямо в очко! Двадцать одно! Президент не свалился, нет. Даже не подпрыгнул, а как бы задумался, так и остался стоять, не мог выпрямиться; мишень

как дуршлаг, как лицо, переболевшее оспой; в такой позе Президента доставили в 6-й Госпиталь, и доктора, меняя друг друга, пищетами долго выковыривали дробь из его мишени. Выйти на работу Президент смог только в День Любви, когда хант уже уехал в свою Приобь. Перед отъездом хант приходил в госпиталь извиняться, но переговоры были безнадежно сорваны.

— Да что уж тут,— вздыхал Президент,— я сам виноват.

Это был первый официальный визит Приобского Ханта в Метрополию. Переговоры прошли неудачно. Но, в конце концов, это охотничье похождение сдружило Ханта и Президента и помогло через год, во время второго визита, прийти к нужному для нас политическому компромиссу. Но тогда, в Татьянины дни, председатель Сур был между небом и землей — я давил снизу, начальство молчало сверху. Он боялся громов и молний сверху и землетрясений снизу. Я прикидывался зеленой лужайкой и, как мог, объяснял Суру самым простым языком, боясь сболтнуть лишнее:

— Ну какой из меня главный тренер? Я всего лишь простой прораб. Шофер не грузчик. Плотник не столяр. Прораб не тренер. Все это разные профессии.

— Что же делать? — панически спросил председатель Сур.

— Клаяться в ножки Лобану. Пусть возвращается и ставит в конюшне Игру.

ПИНГ-ПОНГ. Короче, председатель Сур опять отправился звонить дженералу Гу-Сину. На этот раз он дозвонился, был приглашен на президентскую лужайку для гольфа и там получил «добро» на мою отставку. Кажется, Сур что-то понял, дженераль приоткрыл ему кой-какую информацию,— все равно председателя в нужный момент придется ознакомить с Проектом; значит, можно уже приоткрыть, пусть привыкает, чтобы в тот нужный момент не упасть со стула и не сломать ножку.

Итак, главный итог прошедшего года: все идет хорошо, хуже некуда, во всяком случае по намеченному плану,— я уже не главный тренер. Меня освободили от должности с типич-

по фуфлонной формулировкой: «...за допущенные ошибки в работе и по собственному желанию». Я пытался объяснить председателю, что эта фраза звучит глуповато: за ошибки или по собственному желанию? Но Сури'Нам подумал и ответил:

— Пусть глупо. Тем лучше, так всех увольняют, значит, меньше привлечет внимания.

Я тоже подумал и согласился. Все, кто понимает, что происходит (а этого никто не понимает, и я в том числе,— мы только надеемся, что понимаем), пока довольны: смена главного тренера и мое назначение на должность диффузионного прораба осуществились тихо, спокойно, никто и ничто этому не мешал и не мешало. Значит, мы еще нигде не наследили. Посмотрим, как будут развиваться события, от нас теперь ничего не зависит.

Сейчас в конюшне рождественский отпуск, «Маракканна-2-бис» пуста, все разъехались по домам, и я продолжаю отчет, хотя мне мешает Войнович со своими безнадежными «не понимаю» и со своим нудным пинг-понгом — шарик туда, шарик сюда, туда-сюда, туда-сюда. От этого пинг-понга у меня уже голова кругом и белые шарики в глазах. Впрочем, можно и шарик побить,— Войнович говорит, что эта игра не глупее шахмат, потому что развивает умственные способности у тех, кому шариков не хватает. Пожалуй, я с ним согласен — после этого оглуляющего пинг-понга шарики в голове начинают шевелиться, хочется побыстрее сесть за отчеты и вдыхать приятный запах спиртовых чернил.

Прозит. О'к.

Не забыть: иногда забывать черную тетрадь на столе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛОБАНА С КОРОВОЙ. Но по порядку,— в том смысле, что «порядок есть организованный беспорядок», которого (беспорядка) я и буду придерживаться, не хронометрируя пространство—время,— все эти число/даты, человеко/дни и время/метры только мешают свободно передвигаться по отчетному космо-хроносу туда-сюда и представляют интерес лишь для следователя. <...>

<РЕСТАВРАЦИЯ ЛАКУНЫ: «...и представляет интерес лишь для следователя парламентской комиссии: «Какого числа произошло то или иное событие? Сколь-

ко кварков (укажите в миллионах) потрачено на приобретение объекта №***? Кто такой Лобан?» (Когда следователь спросил меня: «А кто это — Лобан?», — я понял, что для хомосапиенсной эволюции еще не все потеряно, есть, есть еще первобытные уникилы с девственно-чистым набором дезоксирибонуклеиновой кислоты, которые ничего не знают о Лобане.)>

Продолжаю. Дожливо, слюжливо, но погода летная. <...> Отчитываться перед самим собой, вспоминая даты, это одно и то же, что заниматься любовью, поглядывая на часы. Над головой то и дело что-то квакает и квантуется: праздники надоели, многие преждевременно возвращаются из рождественских отпусков. Вот Брагин, Ираклий, Чайник. <...> После запоя мы с Войновичем как огурчики — зелененькие и с пупырышками. Такой комплимент нам сделал шеф-кок Борщ, но он, конечно, сильно приукрасил действительность, потому что мы были как лягушки — зелененькие, с пупырышками и дрожашие, как сказал доктор Вольф.

Вот опять заквакало — примчался председатель Сур. Он был немного смущен (вертухай телефонный!), но сиял и рассказал мне, что Лобан с коровой (то бишь, с напарником Толиком) объявились, как я и предполагал, аккуратно у Верхне-Вартовского СОС-форпоста. Прямо из ледникового периода с реликтовыми ионозаврами водорода! Оба героя неделю будут находиться в реанимации, столько же в реабилитации, потом врачи разрешат им посетить конюшню. Лобан вернулся не с пустыми руками — во-первых, привел корову, во-вторых, принес образцы секретных фуфаек, в третьих, перед побегом позаботился о выплате ему полного гонорара за два года, и теперь из Приоби в Метрополию следует целый железнодорожный товарняк с танкерами молодой нефти для конюшни.

— Молодая нефть нам очень кстати, — довольно равнодушно ответил я, потому что все это уже знал от дженераля Гусина.

— Я хочу использовать Лобана с пользой для сборной, а вы даже не спрашиваете о его здоровье, — заметил Сур и рассеянно придвинул к себе черную тетрадь.

— Я вчера навестил его в госпитале.

— А,— разочарованно сказал председатель.— Значит, Лобан все уже вам рассказал.

— Нет. Меня к нему не пустили. Я передал мандарины и ушел. Чтобы использовать Лобана с пользой для конюшни, его нужно зачислить на штатную должность, а вакантных должностей у нас нет.

— Вакансия не проблема, должность можно придумать.

— Можно.

— Например — представитель председателя ФУФЛА в сборной.

— Было бы чем платить.

— Для Лобана деньги найдутся.

Ясно. Его потайные мысли предательскими зайчиками отражались на потолке, только успевай читать. Председатель Сур собирается подсунуть мне Лобана, чтобы он водил меня, контролировал и составлял отчеты для председателя Сура. Глаза и уши председателя Сура. Но, во-первых, Лобан на это не пойдет,— да, он человек с тяжелым характером, но не филер и не стукач, а Игрок; он предан футболу, а не председателю. Во-вторых, Сур зря суетится, он даже не представляет того, что обрушится на конюшню в ближайшем будущем. Ему приоткрыли замочную скважину, он что-то увидел, унюхал, учувствовал, но не понимает, что именно.

— Ну, через две недели вы сами потолкуете с Лобаном, и все сами решите,— заторопился председатель Сур и рассеянно отодвинул черную тетрадь.

ЖДЕМ ЛОБАНА.

ПОДОЗРЕВАЮ ВСЕХ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. Тренируемся потихоньку. Тренировки проходят вяло. Это понятно — праздновать было скучно, значит, сейчас лень работать. Все лентяят, даже Войнович. Все ждут появления Лобана.

Дядя Сэм усиленно ищет для нас спарринг-партнеров, но никто не хочет с нами играть, чтобы не заразиться от нас невезухой; даже страхолюдные гомики и даже милые моему сердцу любители-морячки считают нас прокаженными.

ТРЕНИРОВКИ. Играем до одури в пляж-болл и ждем Лобана. Вот приедет Лобан и что-то скажет. <...>

ТРЕНИРОВКИ. <...> Когда за ними наблюдаешь, делают все старательно. Только отвернешься — волюнтят, стоят, зевают, чешутся. Я все вижу! <...>

И т. д. в том же д.

ШЕФ-КОК БОРЩ на камбузе тихо матерится в пустые кастрюли, но эхо разносится по кают-компаниям. Борщ собирается приготовить для Лобана вегетарианский обед (на первое — говорящий суп, на второе — бамьи по-трансцендентальски, на третье — компот из райских яблочек), как вдруг вспоминает, что Лобан ест только сырое:

— Стоп, я забыл, что он сыроед!

— Вот и приготовь ему что-нибудь с сыром. Сырники, например.

— Не остроумно. Он же не ест вареного!

— После Приоби Лобан жрет все, что дают. Я уже узнавал, — успокаиваю я шеф-кока.

— Тогда к трансцендентальным бамьям я сделаю взрыв-котлеты, — обрадовался шеф-кок.

— Это что?

— Котлеты ударные, по-саперски.

— Они не опасны?

— Если соблюдать технику безопасности.

Не забыть снять пробу с бамьев. И с этих... саперных котлет. Это что еще за кулинарные новости? Лобан разборчив в еде — ест все, что дают, а все, что не дают, — не ест.

Заняться нечем. Ждем Лобана.

Шел по коридору, встретил Ворону. Посмотрел ей вслед. Вот кого я еще не подозревал. Вернулся в комнату и открыл черную тетрадь.

ВОРОНА. Фройлен фон Дюнкеркдорфф. Тиффози называют ее Вороной. Вся в черном и в сером. Очень уважаема всей конюшней. Пресс-атташе. Связи с общественностью. Библиотекарь. Советует всем прочитать книгу Лобана «Футбол — это война». Жеребцы, кроме Войновича и Ваньки Ступла, совсем ничего не читают. Переводчица-полиглот (слово «полиглот» у меня всегда ассоциируется со словом «троглодит»). Редкий синий чулок из футбольных журналистов, хотя у нее только бантик синий, а чулки у нее серые, шерстяные.

Кстати, о фужерах. <Есть еще одни фужеры со своим стойлом — Футбольное Управление Жертв Революции. Когда-то они ходили в чемпионатах Северо-Западной Конференции, а сейчас играют то ли в 5-й, то ли в 6-й лиге,— совсем слабые.> Футбольных журналистов бьют, берут в заложники, судятся с ними, фужеры везде суют свой нос. Однажды Ворона полгода провела в какой-то черной дыре, куда ее упаковали какие-то злые оборвары и, по слухам, изнасиловали (что вряд ли, она была бы счастлива). Отдали без выкупа. У фужеров свои профессиональные шаблоны. Одни пишут красиво, с пафосом. «Тренер взошел на капитанский мостик» — это означает, что тренер сел на скамейку запасных и сейчас начнется игра. Фужеры пишут книги за великих игроков или тренеров. Потому что игроки и тренеры часто двух слов не могут связать. Этот процесс называется «литературная запись» — фужер задает вопросы, тренер или игрок отвечает, фужер записывает, а потом правит, добавляет, зачеркивает. Начинают обычно «аб ово» (от яйца). Читать, в общем, скучновато — если пишут «трудное детство», значит, читай, хулиганил и имел приводы в детскую комнату полиции; если «дворовой футбол», значит, с утра до вечера гоняли пузырь на пустыре и пропускали уроки; если малец стал «учеником слесаря», значит, был выгнан из школы и направлен в какое-то ФЗУ (Футбольно-заводское училище) или прямо на какой-нибудь Гвоздильно-проволочный арматурный завод, где начал играть за юношескую заводскую команду «Арматура-3», — тоже в разных вариациях. Строгий отец, добрая мать. Если строгий отец — значит, читай, батя драл будущего великого футболиста, как сидорову козу. Ну и футбольная теория — «Бей-беги». Ну и футбольная философия — «Пузырь круглый, полигон кривой» — сойдет за философию. Я, конечно, преувеличиваю — среди фужеров есть и настоящие профессионалы, они формируют мнения тиффози, их даже бывает интересно читать; но настоящей пользы для тренера в этой литературе нет, а только засорение унитаза. (Мой первый наставник Сан Саныч-сан говорил, что мысли в голове, как вода в бачке унитаза, должны накапливаться плавно, с веселым журчаньем, потом затишье и — победоносный переход количества в качество: грохот, обвал, водопад, симфония! Так говорил Сан Саныч-сан.)

Ворона стенографирует Лобана и пишет книги от Лобана. (Похоже, Ворона влюблена в Лобана, но любовь ее безответна, потому что Лобану для сладострастия вполне хватает футбола.) «Футбол — это война» — она написала. Пишет их слогом синего чулка, который Лобану почему-то нравится, — не понимаю, при всех своих талантах он боится чистого листа бумаги. Лобан не глух к нормальному человеческому языку, «логосы от Лобана» со скамейки запасных передаются из уст в уста тиффозной торсиды. Я уже приводил некоторые, вот еще:

«Удар в штангу есть не что иное, как разновидность промаха».

«Что ты все чужому да чужому отдаешь? Давай договоримся так: раз чужому, а раз своему».

Но когда дело доходит до чистого листа бумаги, из Лобана лезет какая-то заузная фрейдовская нисенитница. <...>

<ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛАКУНЫ (Если кто-нибудь из Читателей поймет, что здесь написано — пожалуйста!):

«Я выделяю четыре уровня существования (oeuvre) человека в футболе: материальный, чувственный (сексуальный), онтологический и трансцендентальный. Материальное существование — это футболист, подвергающий свое тело трудностям тренировки. Чувственный (сексуальный) уровень проявляется в подсознании атлета, когда изнурительные тренировки, травмы, оторванность от семьи сублимируются, например, в образе надутого футбольного планетоида (любовь-ненависть к мячу, как к особи противоположного пола, напоминающая военно-полевую сублимацию, когда солдат спит со своим личным оружием — «Солдатушки, бравы-ребятушки, где же ваши жены?» Ответ: «Наши жены, ружья (пушки) заряжены, вот где наши жены»). Онтологический уровень характеризует существование футбола как сферы науки, техники, культуры и особого рода поведения. Трансцендентальный уровень в футболе выступает как единство материального, сексуально-

го и онтологического уровней плюс умение владеть телом на подсознательных сигналах».

<ПРИМ. Чтец из ФУФЛА: «Я, кажется, понял».>

ПРОБА ОБЕДА. Тихий вечерок. Наверно, последний тихий. Все разбрелись по Маракканне. Завтра приезжает Лобан. Сегодня у меня на ужин трансцендентальные бамьи и ударные взрыв-котлеты. Шеф-кок Борщ сидит в своем камбузе и женит чай.

— Чтобы чай был вкуснее и крепче,— говорит шеф-кок,— его надо «поженить» — вылить из чайничка в чашку, а потом вылить из чашки обратно в чайничек.

Я заметил, что супам, борщам, антрекотам и даже макаронам и соусам передается настроение нашего шеф-кока. Он их одухотворяет, что ли? Значит, он настоящий профессионал. Уважаю. После нашей победы супы смотрят со дна нежно и верноподданно, солянка подмигивает, котлета воркует и желает вам приятного аппетита, ростбиф пускает сок, маринованные грибки снимают перед вами шляпки, спагетти сладострастно шевелят конечностями, соус весело насвистывает футбольный марш. После вымученной ничьей блюда ведут себя индифферентно — что-то ворчат (наверно, «жри, что дают»). После поражения взгляд у супа отсутствующий, щи — кислые и в рот не глядят, шницель в коме, макароны безжизненны и холодны.

Пробуем бамьи. Шеф-кок пожелал мне приятного аппетита, подсел к моему столику и напел рецепт этих бамьев. В самом деле, не рецепт, а песня:

— Надо брать только молодые бамьи с тонкими пальчиками — старые становятся слизистыми. Обмыть, обтереть чистым сухим полотенцем, сделать массаж. Оборвать им хвостики, отрезать пальчики, залить кипящим скворжом с уксусом. Держать четверть часа, дать стечь скворжу и перемыть в трех холодных водах. Нарезать мелко лук, слегка поджарить в арахисовом масле, добавить сахар и посолить. Подавать к столу холодными с разрезанными пополам помидорами и с поджарыми хрустящими струбликами. Потом облизовать пальчики.

— А струблики — они поджарые или поджаренные? — спросил я.

— А разве это не одно и то же? — задумался Борщ.

— Далеко не одно и то же. Разница примерно такая, как между «преданным человеком» и «преданным человеком». И наконец: чьи пальчики нужно облизывать — свои или бамьи?

— Ну, это по вкусу — как кому нравится! Да вы попробуйте!

Я попробовал. И облизал как свои, так и бамьи пальчики. Необыкновенно вкусно.

Или такой рецепт... впрочем, не буду портить себе аппетит. Попробую котлеты ударные, по-саперски.

ОСТОРОЖНО: ВЗРЫВ-КОТЛЕТА! Мясо на косточке, внутри заполнено горячим соусом под давлением. Что-то вроде гидравлической гранаты. Как есть котлету по-саперски, чтобы соус попал в рот и никого не забрызгал? Шеф-кок объяснил (надеюсь, он шутит):

— Надо снять пиджак, галстук, рубашку, брюки (одежду можно повесить на спинку стула), перекреститься, выпить рюмку, лечь на стол — можно и плашмя, но достаточно прилечь животом на стол, — и, взяв ударную котлету за косточку, отставив руку и выпучив (или зажмурив) глаза, осторожно откусить котлету строго перпендикулярно косточке. Произойдет взрыв, горячий соус попадет в рот и последует в пищевод, а ударная волна ударит в голову.

Такие вот меры безопасности. Попробовал. Встал из-за стола с ударенной головой.

Войнович, проходя мимо, злораднo и не без намека похлопал меня по животику.

ЯВЛЕНИЕ ЛОБАНА С КОРОВОЙ.

ДОЖДАЛИСЬ! Ближе к обеду над Шишкиным Лесом раздался выстрел тормозного парашюта, и на «Маракканне-2-бис» в желтом председательском лимузине появился Лобан.

— Ну, вот и главный герой пожаловал! — сказал Войнович.

Все сбежались и с нетерпением ожидали — с вечера заключались пари на первую фразу, которую скажет Лобан на земле Маракканны из своего знаменитого репертуара («здрасьте в вашей хате» не в счет) по поводу трех технических поражений, что-нибудь вроде: «Ну, вы тут без меня наиграли!», или «Что мы визуально видим?», или «Главное не побеждать, главное выигрывать».

Лобан вышел из «торнадо-квапта» — пиджак на палке, сущий шкилет с опухшим дистрофическим лицом. Он приехал со своей такой же тощей коровой — той самой, с которой бежал из Приоби,— это был какой-то примороженный доходяга с распахнутыми голубыми глазами и с первобытной картонной папиросой-гильзой в цинготных деснах. Рад, конечно. Свобода, блин,— удрал из тоталитарной Приоби! Лобан скупо рассказал, как две недели они кружили по тайге, путали следы, а потом пошли именно на Верхнюю Варту к Майдану за Красным Полярным Смещением — весь Нижний Вартовск был, конечно, оцеплен. Держались на калорийных таблетках, морозы за сто пятьдесят, растапливали снег, однажды забили медведя — и это было спасением. Вышли на Колымагу и, к счастью, сразу наткнулись на Верхне-Вартовский СОС-форпост. Повезло, вернулись из ледникового периода. Лобан весь промерз, совсем исхудал, но не истощился.

— С приехалом!

Когда мы обнялись, я почувствовал его злой нутряной ледниковый холод.

— Мы будем здесь жить,— сказал Лобан, оглядываясь по сторонам. Этой фразы никто не ожидал, все спорщики пролетели. На мой вопросительный взгляд коротко ответил: — Так надо.

— Нет вопросов, живите.

Надо сказать дяде Сэму, чтобы выбрал для них комнаты поудобней. А у шеф-борща, то бишь, шеф-кока, обед готов.

— Постой, не тащи в стены, дай отдышаться. Здесь у тебя хорошо, тихо.

— Да, визуально смотрится.

— Не подначивай, у меня что-то с юмором плохо стало,— очень серьезно сказал Лобан и представил свою корову: — Знакомься. Наш быстрый разумом Ньютон. И скорый на ногу Платон — драпал из Приоби так, что я еле за ним поспевал. Он нам очень пригодится в конюшне.

Корова звалась Анатолием Филимоновичем Гусочкиным. Это был коренной приоб, жертва хантского режима и гениальный ученый-самоучка, который не имел ни одного патента, потому что все его открытия оформлялись как рационализаторские предложения. Жил на подачках и на премии за

рацуху, даже на папиросы не хватало. Горбатился в научно-текстильной шараге, пока Лобан его оттуда не выдрал.

Я протянул Корове руку. (В дальнейшем кличка «Корова» так приросла к нему, что даже сейчас мне как-то непривычно читать или писать о нем «Анатолий Филимонович Гусочкин». Пытались называть его Гусем, но Гусь не прижился — во-первых, это прозвище давно и прочно принадлежало бригадному дженералю Гу-Сину, во-вторых, гусь — птица гордая, важная, себе на уме и может постоять за себя — даже в законе записано, что, если водитель задавит курицу, с него не возьмут штраф, потому что курица — птица глупая; если же водитель задавит гуся, то будет крепко оштрафован, потому что гусь приравнен к разумному существу. Толик же абсолютно не обладал никакими гусиными способностями. Все его называли Толиком или Коровой, он не обижался, он и был похож если не на корову, то на теленка.)

Корова выплюнул картонный окуроч, обхватил мою ладонь своими обмороженными ладонями и с пылом заговорил:

— Я о фас знаю! Фремного о фас паслышан! Фы с Феломор-Фалтийского канала! Зофите меня фросто Толик! И не офращайте фнимания на мою фукфу «ф»!

— Что он сказал? — удивился я.

— Феломоро-Фалтийский канал — это Беломоро-Балтийский канал, — перевел Лобан. — Вместо букв «б», «в» и «п» Толик произносит «ф» — ему какой-то вертухай в Шараглаге выбил передние зубы.

— Должен вас разочаровать — на Беломоро-Балтийском канале я никогда не был, — сказал я Корове.

— Не может фыть! Откуда же имя такое?

Я пожал плечами:

— От папы.

— А ф Экифастусе фы фыли? А в Каргофольяге?.. — допытывался Корова.

(«Экифастуз», «Каргофольяг» и «фыли» — это «Экибастуз», «Каргопольяг» и «были». Корова отчаянно боялся зубных врачей — как футболисты укулов — и еще долго отказывался вставлять новые зубы. Это его «фырканье» всех веселило, но иногда приводило к серьезным научным и производственным недоразумениям — например, «плю-бюзоны» он называл «фю-фюзонами», его ученые коллеги не понимали этого тер-

мина и переспрашивали, начиналась никому не нужная путаница. В конце концов по моему приказу Гуго и Хуго сначала обманом завели Корову к хорошему дантисту, а потом силой усадили в стоматологическое кресло. В дальнейшем я не буду передавать в отчетах эту особенность его произношения — кроме тех случаев, когда возникали недоразумения, приводившие к серьезным издержкам.)

— Скажи ему, что квантовался на Соловьях,— шепнул Лобан.

Я сказал. (Я в самом деле однажды все лето прожил на Соловьиных Островах с экскурсией, вернее, с научной экспедицией — охранял практикантов-филологов, собиравших местный фольклор; и с тех пор ботаю по фене.) Услышав о Соловьях, Корова совсем потерял дар речи и заплакал. Лобан положил руку мне на плечо и многозначительно произнес:

— Я привез новый фуфель. Завтра опробуем.

— Не понял. Что это — фуфель?

— Фанцирь.

— Да что это такое — фанцирь?!

— Панцирь. Толик так произносит. Фуфайки, ну! Новые фуфайки, прямо из НИИ-Текстиль-Шараглага. Через всю Приобь по диагонали на себе несли.

— Ах вот оно что! — наконец-то понял я.— Промышленный шпионаж!

— Ты потише. Фуффло, шпионаж... Дело не только в новых фуфайках и в промышленном шпионаже. Я самого изобретателя завербовал и на собственном горбу притарабанил!

Вот это подарок! (Я еще не подозревал, с каким промышленным переворотом и с какой научно-технической революцией пожаловал к нам Толик Гусочкин.) Мы заторопились к председательскому «торнадо-кванту». Корова едва поспевал за нами и подозрительно шмыргал носом.

— Горе ты мое! Ну чего ты опять плачешь? — спросил Лобан.

— Футбол, свобода... Какая му... му-у...— замычал Корова, утирая слезы рукавом.

— Что «му-у...»?

— Какая му... музыка! — наконец выговорил Корова и так разрыдался, что пришлось увести его в мою комнату и вызывать доктора Вольфа. Доктор взглянул и приписал:

— Умойте его, а я принесу «красное смещение», пусть выпьет, не запивая, отдышится и выпится.

Корову пришлось умывать, успокаивать, заставлять приять из рук доктора мензурку (сто грамм) чистого медицинского спирта с размешанной красно-перцовой пудрой; потом пришлось бить по спине, укладывать на диван и укрывать одеялом.

ПЕРЕГОВОРЫ С ЛОБАНОМ.

— Что будем делать? — спрашивал я Лобана, пока дядя Сэм суетился и готовил комнаты для гостей. — Мне собирать вещички? Возьмешь конюшню на себя?

— Выйдем на свежий воздух, здесь чем-то пахнет.

— Чем пахнет? Всех клопов выгнали.

— Выйдем!

Опять вышли на свежий воздух.

— Ничем у тебя не пахнет, — сказал Лобан. — Просто дженераль запретил вести в помещениях серьезные разговоры. Так что засунь свой язык себе...

Я весьма подивился такой крутой конспирации и порадовался за Лобана — чувство юмора, хоть и через задницу, возвращалось к нему.

— Так вот, что мы визуально видим? — продолжал Лобан. — Я беру конюшню. Но собирать вещички тебе не надо. Пока оставляем все, как есть. Пока официально ты остаешься главным тренером. Не возникай, это приказ дженерала. Тебе уже подыскивают хорошую работу. А для меня пока придумаем какую-нибудь незаметную должность.

— Как же мы тебя назовем? Начальник команды?

— Нет, это ответственность, это на виду. Что-нибудь потише, будто я не у дел. Чтобы не привлекать внимания.

— Ну, не знаю... Может быть, главный консультант? Звучит вполне безответственно.

— Консультант — это неплохо, — раздумчиво сказал Лобан. — Плохо, что главный.

— Почему? Главный — хорошо. (Этот разговор напомнил мне мой первый разговор с шеф-коком.)

— Главный —стораживает. Если есть главный консультант, значит есть и подчиненные консультанты... Какой-то

консультативный отдел при конюшне. Значит, мы что-то задумали.

— А если просто: Консультант? С большой буквы.

— С маленькой, с маленькой буквы. А еще лучше: внештатный консультант.

— Решили. Но если внештатный, то как же тебе платить?

— О моей зарплате не беспокойся.

— Не понимаю. Если тебе нельзя высовываться, а зарплату платят, то займись конюшней без всякой официальной должности. Никто и знать о тебе не будет.

— Нет, надо, чтобы знали — где я. Мое исчезновение тоже может вызвать подозрения.

Я хотел спросить — от КОГО это он так маскируется? — но сдержался; если будет надо, мне скажут.

— Ты не очень-то загибай в конюшне свои порядки. Ладно? Ребята тебя боятся. А тут еще три технических поражения подряд.

— Я знаю. Я постараюсь не погибать.

— Да. Ну, объясни им, что ты не людоед и все такое.

— Если хочешь, сам объясняй. Я делаю свою работу. На работе я злой и кровожадный.

— А если твоя работа потребует от тебя быть добрым?

— Если работа потребует? Если моя доброта приведет к нужному результату — я стану добрым. Даже добреньким. Цель оправдывает средства. Но зачем? С кем быть добрым? С этими жеребцами?

— Ты слишком жесток к ним,— сказал я.— Они хорошие ребята.

— Я тоже так думаю. Но с твоей добротой они станут, как минимум, инвалидами. Как максимум — трупами. Мы влезли в политику. На стадионе уже убивают. Скоро начнут убивать прямо на полигоне.

Лобан усмехнулся и замолчал. Он затронул нашу с ним запретную тему. Я ее продолжил:

— Я тогда был не прав, но я не хотел тебя ломать. Подкатил сзади. Азарт, подкат. Это же Игра.

— Я знаю. Это Игра.

— Я не хотел напоминать.

— Чего уж там.

<Здесь самое место рассказать, как я однажды сломал Лобана.

Я, конечно, не хотел ломать ему ногу, но в злом азарте, когда Лобан довел меня своими подкововерными финтами «туда-сюда и под себя», я догнал его и, не переводя скорости, дал по импульсу и подкатил сзади, но получился не «подкат», а «коса» — импульсивный бросок и косящий удар по голени. Лобан лишь вскрикнул и рухнул. Ему еще повезло, что не отрезало ногу. Лобана унесли на носилках, меня удалили с полигона, а потом дисквалифицировали на один год. Это был наш последний матч — и для меня, и для Лобана.>

— Идем, похлебаем супу.

Ночью Лобану и Толику было плохо. Доктор Вольф до утра не отходил от них.

— Что с ними? — спросил я.

— Суп в них заговорил. Глазенап. И бамьи хвостики.

В камбузе взрывались котлеты по-саперски. Значит, шеф-кок был в плохом настроении.

ПОХОЖДЕНИЯ КОРОВЫ.

АРЕСТ В БОЛОТЕ.

ПОДЖОПНИК. Весь следующий день Лобан с Коровой отсыпались, читали старые газеты и бегали на горшок, а в столовой появились только к ужину; на третий день Лобан еще болел, его представление конюшне опять отложили, а я прогулял Корову по легкому орбитальному маршруту, и он, фыркая на «б», «в» и «п», немного рассказал о себе: он бывший член цекома Болота-на-Оби, то есть, обыватель-пофигист, который «ни вашим, ни нашим». Болото было стихийной народной конгломерацией, оно располагалось как раз посередине пути между левыми и правыми ультрами, и чтобы войти в контакт и пустить друг другу большую кровь, и тем и тем нужно было переехать Болото, и потому большую кровь пускали болотам как слева, так и справа. «Болото наступает! Суши болото!» — орали левые и правые. В конце концов, вражда между этими двумя концами одной палки была чисто теоретической, по-настоящему они ненавидели толь-

ко Болото — когда два конца начинают сближаться, чтобы по-
колотить друг друга, палка ломается...

Так вот, Толик стал рассказывать, как по доносу дружка он угодил в страшный Шараглаг-на-Оби... но, вспомнив конц-
табор, Корова опять расплакался и уже не мог говорить.

Через несколько дней, привыкнув к супам и антрекотам
нашего шеф-кока, Корова расслабился и смог продолжить.
Коровой его называли не только потому, что он был напарни-
ком Лобана в побеге, но и за его страшное заикание на «му»:

— М-м-му-мура! М-м-му-мурло! М-м-му-мусор!

В Приобской армии он не мог произнести слова «мушка»,
«мушкет», «мундир», «мулла» (в армии ханта была майорская
должность полкового муллы), даже не смог принять присягу
из-за слова «мужественно». Это уже никуда не годилось. Ко-
рову комиссовали, и на гражданке в конце концов именно это
заикание привело его в концлагерь, когда он в дружеской
подвыпившей компании оказался пьянее водки и отозвался
весьма непочтительно о Приобском ханте:

— Он м... м-м... м-му... м-му-у-у... Он м-м-мудак!

(Это мычанье было квалифицировано трибуналом как
отягчающее обстоятельство — в доносе было сказано, что То-
лик обозвал ханта Ханты-Вездесущего «мудаком», при этом
«оскорбительно замычал».)

В концтаборе надо было как-то выживать, и Корова, по-
раскинув своими телячьими мозгами, занялся так называемой
рацухой и вскоре весело удивил лагерное начальство прос-
тым, дешевым и сердитым рацпредложением под названием
«поджопник». Начальству поджопник так понравился — он
был незаменим для охоты и разной грибалки, — что оно (на-
чальство) решило подарить экспериментальный экземпляр
поджопника самому Ханты Вездесущему и даже выдало Ко-
рове какую-то грамоту, что-то вроде патента на изобретение,
и эта бумага какое-то время спасала его, — он доводил свой
поджопник до ума в теплой бытовке и не ходил на общие ра-
боты по добыче эйнштейниевой руды.

Пока я рассматривал «патент», Корова опять разрыдался,
и окончание его рассказа мы отложили на завтра.

ФИЛЬКИНА ГРАМОТА. Эта филькина грамота,
коровин «патент», хранилась в Центральном Архиве

Службы Охраны Среды, а потом была продана с аукциона за не помню уже сколько там сотен тысяч кварков. Она представляет интерес для биографов А. Ф. Гусочкина. Не могу отказать себе в удовольствии внести этот полуграмотный патент в свой отчет:

ПАТЕНТ НА РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ <так в тексте>

Выдан гражданину Гусочкину А. Ф.

<следуют метрические данные>

Место выдачи: Шараглаг-на-Оби.

Год, месяц, число.

ЧАСТЬ 1. НАЗВАНИЕ

«Поджопник».

<Зачеркнуто, приписано «Переносное седалище».>

ЧАСТЬ 2. ОПИСАНИЕ

Поджопник <зачеркнуто, приписано «Переносное седалище»> состоит из двух дисков любого подручного материала (металл, древесина, пластмасса и т. д.), соединенных между собой по общей оси болтом на контргайке. Нижний несущий диск, называемый «лафетом», в диаметре незначительно меньше верхнего. Верхний диск, называемый «седалищем», обтянут кожей, дерматином, тканью или любым обивочным материалом.

ЧАСТЬ 3. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Поджопник <зачеркнуто, приписано «Переносное седалище»> предназначен для комфортного сиденья при отсутствии вращающегося кресла.

ЧАСТЬ 4. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

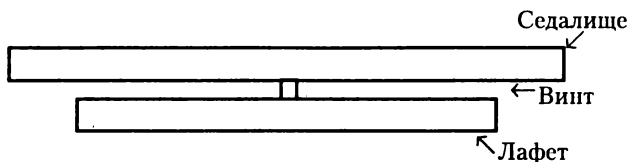
Поджопник <зачеркнуто, приписано «Переносное седалище»> может стать незаменимым предметом домашнего быта, для прогулок в лесу, на рыбалке, в длительных командировках и космических экспедициях.

ЧАСТЬ 5. СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ

Поджопник <зачеркнуто, приписано «Переносное седалище»> кладется на любую скамейку, табуретку, стул, пень, кирпич, ящик, пригорок и тому подобные объекты.

ЧАСТЬ 6. РАБОЧИЙ ЧЕРТЕЖ

Размеры — стандартные, соразмерные задней мягкой части человеческого тела. <Чертеж прилагается.>

Изобретатель <подпись> А. Ф. Гусочкин
Патентовед <подпись нрзб.>

Гербовая печать

Нотариальная печать

«Исправленному верить» <подпись нрзб.>

Заверено нотариусом <подпись нрзб.>

ХАНТ ХАНТЫ ПРИОБСКИЙ.

КОРОВИНА УСТАНОВОЧКА. Наконец Корова рассказал все до конца. Приобский хант Ханты страстно любит футбол, хотя в футболе разбирается на уровне дилетанта-тиффози. Еще у Ханты есть страсть, как у настоящего восточного человека, — ковры, халаты, одеяла и тюбетейки, целый музей этого добра. Неплохо развита текстильная промышленность, коверкот на пальто лучший в мире, ковры ткут вручную лучшие рукодельницы. (В Приобском хантстве этот тяжелый труд по изготовлению текстиля почему-то называется «легкой промышленностью».) Корова воспользовался этой текстильной страстью этого тюкнутого тюрка и предложил — опять через начальника концтабора — на что только не пойдешь, чтобы избавиться от общих работ на хлопке, лесоповале, в гранитных каменоломнях или на добыче нефти, — создать для Ханты личный ковер-самолет, тюбетейку-невидимку и халат-богатырь по новой технологии. Конечно, в Цивилизованных Мирах этим барахлом никого не удивишь, а только рассмешишь — ковер-самолет давно уже стал техническим атавизмом, летать на вертолете намного комфортней; шапка-невидимка превратилась в детский аттракцион; а силовой халат — в обычную спортивную фуфайку; но нецивилизованный начальник аж рот открыл, сказал «однако!» и проглотил наживку. Он снял Корову с общих работ, посадил его в теплую су-

шилку для валенок, и Корова за месяц набросал проект новой установки для получения более чистого текстиля, приложил чертежи и расчеты; наконец, все это дело дошло до самого ханта,— на это Корова и рассчитывал. Хант Ханты, как истинный тиффози, сразу же оценил футбольную сторону проекта:

— В таких фуфайках да на чемпионат Вселенной, однако! Даже у федералов можно выиграть! — размышлял Ханты и распорядился так: — Пусть сделает одиннадцать новых фуфак для футбольной сборной, двенадцатую для меня. Сделает — отпущу на волю, однако. Сорвет задание, отнюдь,— секир башка.

Корова немедленно согласился на эти условия, выбрав в душе не отнюдь, а однако. Корову и его сотрудников разместили в глубоком бетонном бункере под текстильной фабрикой, там они ели-спали, а работать на фабрику поднимались в шахтерской клетке. На постройку новой установки ушло полгода. По всем параметрам она превзошла старую, хотя при первых испытаниях дала меньшую производительность, потому что невозможно было сразу подобрать оптимальные условия ее режима. Но Корова немного изменил конфигурацию сопла, переделал демпфировку, и турбина стала значительно лучше прежней. При том же количестве обогащенного эйнштейния она давала 32 кг чистого текстиля вместо прежних низкосортных 4 кг. Это была революция в прикладной науке, а значит, и в футболе, и в текстильной промышленности.

Но и этого Корове было мало, плевать он хотел на повышение благосостояния Приобского Ханта или на поднятие уровня местного футбола. Как истинный ученый, он не мог халтурить и гнать лагерную туфту и лажу, он работал на «однако», а не для «отнюдь», ему нужна была революция в фундаментальной науке. Он ее совершил. Когда из Установочки полезла субстанция, которую впоследствии ученые назвали диффузионной тканью, а производственники — диффузионным текстилем, у всех понимающих глаза полезли на лоб.

<Служба Охраны Среды с самого начала пасла Корову. Как мне потом объяснили, Корова на своей Установочке «вышел за пределы Вселенной», вырвался из нашего межзвездно-галактического пространства и вор-

вался в межвселенское пространство, в чистое пространство—время. Тут уже было не до футбольного чемпионата Вселенной, речь пошла о судьбе самой Вселенной.>

ДИФФУЗИОННАЯ ТКАНЬ И ПРОБЛЕМА ФУНДАМЕНТОВ. Корова назвал свою установку «кенгуру», потому что решил не ставить ее на фундаменте. (Название не прижилось, у нас ее называли просто «Установочка».)

— Спросите инженеров, для чего нужны фундаменты? — говорил Корова.— Любой ответит примерно так: как же без фундамента, фундаменты являются опорой для всего на свете, они должны поглощать вибрацию и предохранять здание от разрушения. Я тоже так думал: без фундаментов будет не жизнь, а разруха. И оказался не прав.

Рассчитать фундамент не трудно, проблема решается известными уравнениями механики,— эти расчеты производились бесконечное число раз, но проще рассчитать заново, чем рыться в научной литературе,— да и какая уж там литература в текстильном Шараглаге-на-Оби? Сделав расчеты, Корова с изумлением обнаружил, что большинство агрегатов вообще не требуют никаких фундаментов. Массу бетона загоняют почему зря под фундаменты, которые не только не нужны, но и вредны — тряска здания иногда достигает таких размеров, что когда с ней в резонанс попадет какая-либо часть, то крыша и стены могут обрушиться. И Корова решил просто поставить свою экспериментальную установочку на толстой резиновой подстилке прямо на пол (он сказал «фрямо на фол», пришлось переспросить). Это упрощало строительство промышленных установок, избавляло от тряски здание и позволяло легко передвигать установки в случае необходимости — замена, ремонт, передислокация. Вот что из этого получилось. Когда Установочку смонтировали и запустили, все увидели, что она, весящая около 500 тонн, вместе с резиновой подстилкой начала прыгать. Со страху всем показалось, что амплитуда колебаний достигает нескольких метров. Не выдержав этого зрелища, вся вохра, начальники и придурки сделали ноги, решив, что турбина сейчас взорвется. Обстановка была очень нервная. Корова схватил обыкновенную линейку и показал, что колебания не превышают 3-х см, как это и следовало по расчету. Но никто не хотел верить, что так и

надо. Прыгающая 500-тонная установка нервировала даже коровиных помощников. Даже его заместитель, бывший член-корр математического отделения Приобской АН, которого Корова вытащил в свою шарагу из Ворскуты и который помогал Корове производить расчет, поддался всеобщей панике и деликатно намекнул, что хорошо бы вызвать расконвоированного академика N, чтобы он подтвердил коровины соображения о безопасности такой прыгающей текстильной установки. Конвоиры привели расконвоированного академика N. Он испуганно посмотрел на установочку, потом на Корову и спросил: «Ты что, уху кушал?» Корова не сразу понял, о чем его спрашивают, и стал вспоминать, что он сегодня ел на обед (в этой шараге их кормили от пуза). «Нет, не уху. Кажется, какой-то бульон с фрикадельками». — «Ты меня не понял, — сказал академик N. — Повторяю: ты что, уху ел?» Корова понял. И показал академику свои расчеты. Тот не смог их опровергнуть и не смог указать, почему такая прыгающая установка опасна. Тогда Корова налил в блюдце воды и поставил на пол рядом с установкой. Ни малейшей ряби на водной глади, блюдце показывало полный штиль. Установка тряслась, но тряска не передавалась на здание. Академик пообещал дать письменное заключение, по так ничего и не написал, побоялся. Этот ортодокс до мозга костей был заражен фундаментальностью и считал, что без фундаментов ничего не построишь как в прямом, так и в переносном смысле этого слова — ни жилого здания, ни развитого общества, ни фундаментальной науки. Нельзя строить развитое общество на какой-то резиновой подстилочке. (Корова не осуждал академика, в самом деле, кому охота опять лезть на пары из-за какой-то теории фундаментов.) Между тем, Установочка проработала месяц в таком прыгающем режиме, сотрудники постепенно привыкли к прыганью, и когда к ним наведывались всякие важные персоны, они подводили их к «кенгуру» и тихо радовались, когда самодовольство на лицах этих жирных котов сменялось исступом.

Наконец, когда пошел пространственно-временной диффузионный текстиль (его сначала не отличили от обычного) и началось производство экспериментальных фуфаек, на фабрике появился сам Лобан. Корова не знал, что это Лобан. Ко-

рова видел его молодым, по телевизору и на фотографиях, и не узнал его. Корова знал, что Лобан находится в Приоби, но никогда не думал увидеть его в Шараглаге. Он начал работать с Лобаном, они примерили и опробовали «нулевую» фуфайку. Фуфайка была неотлаженной, барахлила, по некоторым параметрам даже уступала обычному панцирю, но Корову с Лобаном интересовала только проблема кройки-шитья и отливки, они даже не пытались в этой фуфайке свернуть пространство в хроно-кольцо и отложили ее в сторону. Ждали первую, экспериментальную, но диффузионный текстиль накапливался Установочкой буквально по чайной ложке (10 граммов в день), притом, что на одну фуфайку нужен был 1 килограмм текстиля. Они ждали этот первый килограмм сто дней, потом дело пошло веселее.

ПОБЕГ. Как и когда Лобан завербовал Корову? Это не вопрос, никакой вербовки не было, они поняли друг друга с первого взгляда, а Приобский хант и его тайные спецслужбы хлопали ушами и не видели дальше футбольной рамки и ближе своего тиффозного носа. Они собирались с новыми фуфайками выиграть чемпионат Вселенной, всего лишь. Они не понимали, каким грозным оружием обзавелись, захват Вселенной им пока в голову не приходил — пока. Только Лобан и Корова понимали подлинную силу и неограниченные возможности новых фуфаек. Собственно, Корова с Лобаном разговаривались только в предпоследний день, когда должно было состояться испытание второй фуфайки (или третьей, если считать «нулевую»). Утром, когда они остались один на один с фуфайкой, Лобан прислушался (внутренние конвоиры у шахтерской клетки пели жалисную песню: «В забое на шахте «Приобской» погиб молодой инженер»), подмигнул Корове и спросил:

— Ну?

И Корова с восторгом ответил:

— Да!

Вот и вся вербовка.

Потом они молчали до самого обеда, и Корова спросил:

— Когда?

В ответ Лобан произнес целую речь:

— Сегодня рано, послезавтра поздно.

Больше они ни о чем не говорили, все было ясно без слов: сегодня фуфаек еще нет, послезавтра фуфайки у них заберут, значит — завтра. Утром им принесли вторую (третью от пулевой), но еще не заряженную, фуфайку. Корова быстро привел ее в боевое состояние и надел на себя, Лобан надел пулевую и первую. Прислушались. Конвоиры у клетки пели «Песню об автомате Калашникова», Корова уже подзабыл: то ли «гний песи», то ли «гний еси, добрый молодец». Хорошая, душевная песня, вспоминает Корова. Это был добрый знак. Решили не подниматься в клетки, чтобы не терять времени и обойтись без жертв. Лобан крепче взял Корову за шкуру и включил зажигание; они пробили бетонный потолок бункера, крышу фабрики и — бывайте нам здоровы!

Остальное известно — вдвоем на одной фуфайке далеко уйти не смогли, пришлось три месяца квантоваться по поверхностному барьеру через всю Приобскую диаметрально в сто пятьдесят градусов мороза — и это без когерентных лыж! — пока не вышли в район Верхней Варты. Потом наступил Абсолютный Нуль, изодранная фуфайка почти заглохла, они уже превратились в двойную ледяную комету и еле тянули до СОС-форпоста на одном сопле. Войти внутрь уже не смогли, но Корова поскреб обмороженным пальцем по обледеневшему иллюминатору, пограничники — уже отходившие ко сну — выбежали и затащили их внутрь.

ПРОБЛЕМА АМУНИЦИИ И СНАРЯЖЕНИЯ.

ИСПЫТАНИЕ ФУФАЙКИ. Ночь. Сириус очень хорош! Он, как переливающийся бриллиант, рядом с ним все звезды кажутся блеклой дрожащей слюдой. Без дураков: очень красиво!

Сегодня мне дали примерить две экспериментальные фуфайки, которые Лобан и Корова изодрали в Приоби. Изделие называется «Фуфайка Гусочкина». Жалкое зрелище, изодраны вщерть, действует только вторая, и всего лишь на 20 процентов КПД, но когда я примерил это рванье и чуть-чуть поддал газ, то сразу очутился где-то за орбитой Плутона с Хароном в Облаке Оорта. Даже не сразу сообразил — где я?! Рядом тускло светился какой-то ржавый астероид... <...>

<ЛАКУНА: «...как потом оказалось, это был алмазный астероид О'к-Аллисто, будущая столица всего Диффузионного проекта.>

— Ты где?! — орал Лобан. — В ней нельзя газовать, в ней думать, думать надо!

Я был в восторге. Я размышлял: в этих фуфайках конюшня получает свой Шанс и может выиграть чемпионат — даже у федералов. Нам только надо выиграть все оставшиеся игры, — и чтобы никаких технических поражений. Открытие Гусочкина просто и гениально: он проложил двойную ткань стекловатной подкладкой и прострочил ее на «зингере» силиконово-стальной проволокой. Ч@рт-те что, до чего просто! В этих фуфайках можно осваивать даже тонкий подпространственный диапазон по шкале Клопштока, — а ведь мы туда никогда носа не совали. Из диффузионного текстиля можно и ботсы производить, и трусы, и гетры, и перчатки, и теплое белье. Нам нужно, как минимум, одиннадцать таких фуфаек. Это единственный Шанс. Недаром Приобский Хант как с цепи сорвался. Даже фуфайки федералов по сравнению с ними — детские игрушки. Значит, придется строить текстильный завод — раз, обувную фабрику — два, пю-мюзонный синхрофазотрон с циклическим выходом — три. Кто это будет делать и на какие шиши?

<ПРИМ. Я тогда еще не знал, что из-за этих коровиных фуфаек, и не только из-за них, нам придется создавать целую — даже не промышленную отрасль — Промышленную Империю.>

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛОБАНА КОНЮШНЕ. Наконец состоялась презентация Лобана. Собрались все, даже Войнович пришел. Председатель Сури'Нам, хоть и большой любитель всяческих презентаций, на эту не приехал.

— Делайте как знаете, я на все согласен и все подпишу, — сказал он и не приехал.

Все сидели угрюмо и настороженно, кто-то поджигал ноги, все поджали хвосты. Я думал, что они уже жеребцы, а они еще сосунки-жеребята. Допрыгались! Я ведь предупреждал: вот

придет Лобан, и тогда вы поскачете вдоль по Питерской и попляшете кровавый краковяк!

Презентация была сверхкороткой. Я сказал несколько вступительных слов. Говорил один Лобан, вопросов ему не задавали. Речь Лобана была весьма неожиданной. Оказывается, Лобан не столько болел у нас в эти три дня, сколько приглядывался к конюшне. Он все обдумал. Он отказывается брать конюшню. Ему надоело возиться с ними. Все равно ничего хорошего не получится. Разошлись в задумчивой тишине. Я поднялся к Лобану. Я так ничего и не понял.

— Что случилось? Что изменилось за эти три дня?

— Ничего,— ответил Лобан.— Хотелось, да расхотелось.

— Дженераль знает о твоём решении?

— Еще нет, но он предоставил мне право решить самому.

— Может быть, тебя надо упрашивать? — спросил я, бухнулся перед ним на колени и завыл: — Возьми конюшню, отец родной!

— Не юродствуй,— сказал Лобан.— Выйдем на свежий воздух.

Вышли на свежий воздух. У Лобана, как воспоминание о его приобском побеге, вспух третий подбородок, висят розовые щеки, торчит синий облупленный нос с розовыми прожилками — не хуже носа любого заправского пьяницы, но эти подбородки, щеки и нос являются результатом сильнейшего обморожения, а не пьянства.

Я опять начал его уговаривать:

— Ты должен взять конюшню. Тут ничего другого не придумаешь, я свое отыграл. Я отваял дурака на все сто процентов.

— Хорошо, я возьму конюшню,— с неожиданной уверенностью ответил Лобан.

Ничего не понимаю. То берет, то не берет.

— Я не хотел говорить при стенах. Я беру конюшню. Но это не решит всей проблемы. Корова не сумеет поставить проект на ноги. Ему нужно помочь. Он же подвинутый, он как дитя неразумное. Его надо кормить с ложечки. Ему нянька нужна. И администратор. И охрана.

— Кто? Дядя Сэм?

— Дядя Сэм не совсем подходит. Рафа совсем не подходит. Рафа хорошо умеет исполнять поручения. Пойди и сде-

лай — он пойдет и сделает то, что ему сказали. Нет. Тут нужен самостоятельный человек.

— Ты предлагаешь эту должность мне? Быть нянькой и телохранителем Коровы?

— Не совсем так. Не спеши. Завтра к девяти ноль-ноль тебя вызывает дженераль Гу-Син. Он сам все тебе объяснит.

— Я не успею, первый автобус после девяти.

— Дженераль придет за тобой лендровер.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ.

ПРОГЛОД. ЗАВТРА, 9-00. Мокротная снегомразь.

Я вошел в Планетарий и поднялся на чердак в Заоблачный кабинет. Я гадал — зачем я понадобился дженералю? Вряд ли он собирался устроить мне разнос за три технических поражения подряд, — бригадный дженераль с полной властью (так звучит его полное звание), конечно, не опустится до футбольных разборок, не царское это дело. Что ж, как говорится, «будем посмотреть». Новая секретарша дженерала куда-то отлучилась, я решил, что стучать согнутым пальцем в мягкую дверь — это занятие для подхалимов, и вошел в кабинет без доклада. Дженераль Гу-Син стоял у окна и разглядывал сверху курчавую низкую облачность, изметавшую вниз мокрый снег.

— Я подаю в отставку, — доложил я спине дженерала.

Дженераль вздрогнул, обернулся и поспешно приложил к губам указательный палец. Я понизил голос:

— Я сдаю конюшню Лобану, мы с ним договорились.

— Поднимемся на свежий воздух, — сказал он.

И он туда же... Мы прошли в комнату для отдыха, дженераль надел какой-то домашний лапсердак, мне предложил охотничью ветровку, и мы по винтовой лестнице, похожей на двойную спираль дезоксирибонуклеиновой кислоты, поднялись на купол Планетария. Здесь было лето, но воздух, пожалуй, чересчур свежий.

— Вы с Лобаном договорились, а я ничего и не знаю, — сказал дженераль. — Куда же вы пойдете? В сантехники? Разве кто-нибудь предложил вам новую работу?

— Пока отдохну, а потом придумаю что-нибудь. У меня много профессий. Может быть, возьму бригаду сантехников. Или пойду в лесники. Или прорабом на стройку.

— Правильно! У меня есть для вас работенка именно на стройке! — обрадовался дженераль. — Вам пора заканчивать с этим футболом. Лобан сам справится. Я выдвинул вашу кандидатуру на очень ответственную должность, и Президент согласился со мной. Речь идет о проекте с диффузионным текстилем. Проект уже существует. Правда, пока на десяти страничках. Д'Эгролль их уже подписал. На первой странице — название: «Проект Глобальной Диффузии».

— ПРОГЛОД,— сказал я, привычно зааббревиатурив неуклюжее название.

— Отлично! Принимается! — сказал дженераль. Он был в подозрительно хорошем настроении и на все соглашался. — Так и запишем — ПРОГЛОД. Звучит вполне по-тифозному — какая-нибудь Прогрессивная Лига Объединенных Демократий — и не будет привлекать постороннего внимания. Пошли дальше. Со второй по девятую страницы — письмо Президенту. Его подписали наши крупнейшие ученые-теоретики, в письме дается обоснование этого самого ПРОГЛОДА. На последней странице — предварительный список должностных лиц, которым будет поручено осуществление проекта. Мы уже выбрали начальника всех строительных работ. Эта должность будет соответствовать рангу министра. Что-то вроде министра Глобальной Диффузии.

— Миниглод.

— Принимается! — опять согласился дженераль. — Вот вы и станете этим самым миниглодом.

— Вы в своем уме? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Надеюсь. А вы-то в своем уме, господин полковник?

— Извините, господин дженераль! Но я — «под».

— Что «под»?

— Я подполковник.

— Всего-то? Не забываетесь и придержите язык, господин подполковник! Извинение принято. С завтрашнего дня вы назначаетесь на должность начальника строительства ПРОГЛОДА. Вы — офицер. Это приказ. Отныне для вас все футбольные дела по боку. Ими займется Лобан. А вы займетесь красным смещением.

Ах вот он о чем! Я молчал, чтобы еще чего-нибудь не сказать. Я был глубоко разочарован. Конечно, я знал об этом проекте, я даже уже участвовал в нем, прикрывая Лобана на посту главного тренера, пока он готовил побег с Коровой. Но я считал всю эту затею с красным смещением опасной, ненужной, невыполнимой, заумной и, значит, глупой. У кого-то из наших руководителей сместилась крыша.

— Вселенная перестала расширяться,— продолжал дженераль.— С Северо-Восточной Сферы нашего пузыря красное смещение исчезло, зато появилось фиолетовое. В нашу Вселенную что-то вдавливается. По всем научным расчетам выходит, что на нас напыл какой-то другой пузырь, какая-то другая Вселенная. Их, то есть, нас, то есть, эти пузыри, надо разъединить. Если вы справитесь с этим делом, мы спасем Вселенную.

— Как офицер я подчиняюсь и готов исполнять приказ,— осторожно сказал я, потому что во мне нарастал крик души: «Не понимаю!» (Что-то вроде «Не верю!» или «Не могу молчать!»),— но я не понимаю задания. «Вселенная» — очень сложная... мм... структура, а я — простой человек. Я очень простой человек. Я не умею руководить научными коллективами... Ч@рт их знает, этих ученых! Я не понимаю — зачем я вам нужен? Я клоун, что ли?

— Нет. А может быть, да.

— Значит, вы меня за дурака держите? Я должен произносить и делать что-то невпопад с умными?

— Где-то вы правы. Должность умного дурака очень полезна.

— Не понимаю! Что происходит? Я никогда не общался с высоколобыми академиками. Я не умею спасать Вселенную... ну, не умею я! Я не могу отвечать за то, чего я не умею. Я не могу отвечать за всю Вселенную!

— И не надо! В том-то и дело! Мы с Президентом обсудили и эту проблему. Для руководства Диффузионным Проектом нужен именно такой простой и неумелый человек. Главное — не привлекать внимания. За нами, безусловно, наблюдают. Лучшей кандидатуры мы не нашли. Никто не свяжет вашу футбольную деятельность с научными разработками, отнюдь — они будут думать, что за развал команды вас отстранили от должности и что какой-то там ПРОГЛОД, в который вы ушли, является очередной футбольной конюшней. Они будут думать, что вы тренируете каких-то прогловых любителей из четвертого дивизиона.

— Да кто же это — «они»? Кто наблюдает?

— Я же сказал: «Никто». Помните о Постороннем Наблюдателе. Мы не знаем «кто» или «что» на нас наехало. Мы не знаем, природный ли это катаклизм или он вызван разумом этих «Никто», обитателей Анти-Вселенной. Одно дело — стихия, другое дело — нападение на нас агрессивного разума. Но в том и в другом случае нам ничего не остается, как вмешаться в этот процесс. Иначе нас просто выдавят из первичного космогонного Пространства—Времени, как зубную пасту из тюбика. Основные предварительные научные исследования уже проведены. Вам лишь предстоит довести эти черновые проекты до ума, построить несколько заводов и организовать их эксплуатацию. На этом ваша миссия, собственно, будет закончена, а Вселенная спасена.

СПАСИ ВСЕЛЕННУЮ. Ветер внизу гонял курчавые облака, а здесь, на крыше, стало совсем тихо и солнечно.

Я крепко задумался. Душу пронзали какие-то мутные пю-музоны подозрения. Мне еще не были известны все подробности проекта, но то, что я уже знал, сильно настораживало меня. Мне лишь предстоит довести ПРОГЛОД до ума, построить какие-то там заводы, — и, собственно, Вселенная будет спасена. Недаром дженераль Гу-Син отводил глаза и проговаривал неубедительной скороговоркой всякие словечки: лишь, соб-

ственно и безусловно. Я уже предчувствовал, что ничем хорошим этот ПРОГЛОД не закончится.

— Безусловно,— пробормотал я.

<ПРИМ. Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, я, безусловно, сразу подал бы в отставку. Лекарство оказалось опасней болезни. ПРОГЛОД — именно то слово! ПРОГЛОД никогда не спал,— он, как гигантский звероящер, чтобы поддерживать на весу свою тушу, беспрерывно жрал, жрал и жрал, он пожирал все, что видел и до чего дотягивался жадной пастью. Все летело в эту прорву, мы ухлопали на этот проект чуть ли не треть гражданского достояния всей Вселенной, еще немного и встал бы вопрос: от чего, собственно, надо спасти Вселенную — от болезни или от лекарства? — от прилипнувшего анти-пузыря или от собственного ПРОГЛОДА?>

— Вы что-то сказали? — спросил дженераль.

— Безусловно,— повторил я.

— Кстати, на пятницу назначена ваша первая встреча с бессмертными академиками, которыми вам предстоит руководить. Это мозговые извилины всего проекта, а значит, и ваши извилины, и ваша головная боль. Там сплошные нобелевские лауреаты, кроме Гусочкина <«Кто это, Гусочкин? — подумал я.— Ах да, Корова».>, но и он в свое время получит нобелевку. Надо же с чего-то начинать, вот и познакомитесь сразу со всеми. Те еще фрукты! Попробуйте если не подружиться, то хотя бы установить с ними равные отношения. Пощупайте их, найдите с ними общий язык — футбол, физика элементарных частиц, то-се,— но мат-перемат отставить. По крайней мере, с бессмертными. Опять забыл, вы в каком звании — полковник или «под»?

— «Под».

— Всего-то? — опять удивился дженераль и стал прикидывать.— Сегодня среда, надо успеть до пятницы. Значит, завтра выйдет закрытый указ о присвоении подполковнику Бел Амору внеочередного звания дивизионного генерала.

Опять наступила длительная пауза. Ветер ввизу притих, курчавые облака замерли.

— Я не расслышал, вы что-то спросили?

— Да... Нет. Ничего. Это... Это вы обо мне?

— Разве вы знакомы еще с каким-нибудь подполковником Бел Амором? — вкрадчиво спросил дженераль. Он даже оглянулся, чтобы убедиться, что на крыше кроме меня, никаких подполковников Бел Аморов больше нет. — Я ходатайствовал за вас перед президентом д'Эгроллем, и он согласился с тем, что портфелю министра должно соответствовать генеральское звание.

— Это... мое генеральство... оно для маскировки, что ли? — предположил я. — Тоже для отвода глаз? После окончания проекта я должен буду сдать генеральские погоны на вещевой склад?

— После УСПЕШНОГО окончания проекта вы получите полный иконостас орденов, смените на вещевом складе погоны дивизионного генерала на эполеты бригадного дженералья с полной властью и уйдете на персональную пенсию с пожизненным правом ношения формы. Ну, а в случае неудачи мы с вами сдадим погоны самому господу Богу. Еще вопросы?

— Мне не совсем удобно...

— Просьба? Валяйте, просите, пока вы еще подполковник, а я пока в настроении. После пятницы все, что вам нужно, вы будете просить у самого себя.

— Мне не совсем удобно вернуться на Мараккану генералом. Такое же звание следует присвоить Лобану

— Уже. Похвально, что не забываете друзей. Лобану уже присвоено генеральское звание за проведение операции с фуфайками и Коровой. Парадную генеральскую форму получите в понедельник, к пятнице сшить не успеют. Присвоить и сшить не трудно, — вам трудней привыкнуть.

— Тогда мою презентацию лучше перенести с пятницы на вторник, — начал соображать я. — Пусть перед этими нобелевскими лауреатами я сразу предстану генералом, а не подполковником, которому только что вне очереди присвоили генеральское звание, и он даже не успел сменить форму.

— Разумно. Так и сделаем,— усмехнулся дженераль.— Вот видите, вы не такой простой, каким представляетесь. Вы верно подметили — не знаю почему, но на высоколых всякие чины и звания действуют сильнее, чем на военных. Пугать их, конечно, не надо, но все же потренируйтесь произносить букву «р» твердо и р-раскатисто. Ну, вы знаете — «ехал грека через реку...». Встречу отложим до вторника. Наденете все награды... Кстати, награды у вас какие?

— «Ветер-ран СОС» и «Бр-ронзовый Тр-резуб». Ну, еще похвальные гр-рамоты.

— Буква «р» у вас неплохо смотрится... то есть, звучит неплохо. Но вот гортань слабовата, надо бы и глотку луженую, чтобы медь звучала. А своими грамотами можете... Ладно, ордена — дело наживное. После реализации ПРОГЛОДА вам обеспечен «Золотой Трезуб» с бриллиантами. Сделаем так: явитесь на встречу с академиками в полевой форме, без наград и регалий. Обычный офицерский «листопад», но с зеленой генеральской звездой на погонах. Так даже лучше — по-деловому. Нобеляры это отметят. Они же не придут в галстуках и в смокингах, как вы думаете?

— Не знаю. Никогда не общался с бессмертными.

— Да не бойтесь вы их,— посоветовал дженераль.— С Коровой-то вы нашли общий язык. Кстати, вы не замечали, что на улицах почему-то легче встретить полковника, чем лейтенанта?

— Да, пожалуй,— согласился я.— Полковников я вижу часто, лейтенантов — реже.

— Намного реже! А почему? Как вы объясните этот феномен? Неужели в армии полковников больше, чем лейтенантов?

— Нет, конечно. Думаю, здесь психология. Лейтенантики стесняются своего звания. Когда я был лейтенантом, я больше пытался ходить в штатском. Полковники — наоборот.

— Верно! Вот и в науке, как и в футболе, и в армии, такая же пирамида: у основания рядовые офицеры с медальками, наверху, поближе к вершине, награждаемая орденами и дачами элита. Не бойтесь, все эти академики

в душе остались лейтенантами, которые боятся генералов. Эти бессмертники сами вас боятся. Руководит ими — дело привычки... Чуть не забыл... Я ведь не случайно спросил — не знаете ли вы еще одного подполковника Бел Амора? Нет ли у вас братьев, однофамильцев или... этих... двойников?

— Вот вы о чем! Я ответил на эти вопросы медицинской комиссии лет двадцать назад. Моя анкета находится в 7-м отделе, там все указано.

— Ваша анкета сейчас находится в моем сейфе, я ее уже на память знаю, в ней ни ч@рта не указано. Вообще, как у вас со здоровьем? Вы ведь страдали раздвоением личности?

— Разрушением личности.

— В анкете написано: «расщеплением». «Пациент страдал расщеплением личности на две равноправные индивидуальности и не мог контролировать поступки своего второго Я». Вы уже не раздваиваетесь?

— Нет, все в порядке.

— Спрошу иначе: вы — один?

— Я — один, и отвечаю за себя.

— Вот и доктор Вольф так говорит.

— Значит, доктор Вольф продолжает за мной наблюдать?

— А вы как думали?

— Я так и думал.

— Ладно, оставим это.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

Б@Г НЕ ИГРАЕТ В КОСТИ. Я возвращался в Шишкин Лес, тренируясь в раскатистом произношении буквы «р»:

— Во двор-ре тр-рава, на тр-раве др-рова...

Существуют проверенные тренерские акции, думал я, которые нужно предпринимать сразу, чтобы в нового тренера поверили. С футбольной конюшней справился, почему бы не справиться с конюшней научной? Не боги горшки обжигают. Чем эти конюшнии особо уж отличаются? Сразу этих бессмертных в бараний рог! И т. д. Где там моя салфетка с советами тренеру? <См. «Советы тренеру на салфетке».> Любой Руководитель — это актер и актерство. Научный Руководитель —

то же самое. Сумел сыграть Главного Тренера — сыграешь и Научного Руководителя. Почистить немножко эту научную авгиеву конюшню. И все дела.

За этими раздумьями я не сразу обнаружил, что «Мараканна-2-бис» подозрительно опустела. Какой-то страшный мертвый час, нигде никого, даже в столовой. Как вымерли... Случилось что? Где все? Только из кабинета доктора Вольфа доносились озабоченные голоса:

— Плохо. Очень плохо. Надо выводить конюшню.

— Нельзя. Офицер под ударом.

— Тогда надо брать.

О чем это они? Вспомнил, что хотел потолковать с доктором о его наблюдениях за мной — тоже мне, Посторонний Наблюдатель! Заглянул. А, это они в шахматы играют — Вольф с Войновичем, а фон Базиль — наблюдает. Я обрадовался — хоть эти живы! Не отрываясь от позиции, Войнович сказал:

— С тебя отходная.

Значит, эти уже все знают.

— Как доктор скажет,— ответил я.

— Доктор уже разрешил. Шах.

Доктор Вольф важно кивнул. Если доктор разрешил, значит будем обмывать мое новое назначение.

— Как доктор приписал, так и сделаем. Где все?

— Где все, где все...— пропел доктор. (Вольф уважает шахматы, потому что в шахматах нет травм. «Шахматы — это вам не футбол и не балет,— говорит он.— Есть «Клиника спортивной и балетной травмы», значит, футбол в этой клинике ничем не отличается от балета; а вот о «Клинике шахматной травмы» я что-то не слышал... доской по голове, что ли?»)

Объяснили, что Лобан проводит в пресс-центре вступительную лекцию к своим теоретическим занятиям. Все там. Итак, Лобан уже приступил к тренерским обязанностям. Вот это славно. Когда я заглянул в пресс-центр (полно народу, даже Гуго и Хуго пришли, а этот БэА — ну до чего неприятный тип! — сидит и старательно конспектирует), Лобан объяснял сложные и довольно откровенные вещи, которые жеребцы еще не понимали:

— Примитивный футбол, в который играли в древности — пинанье ногами надутого воздухом кожаного пузыря на травяной полянке,— это была арифметика с элементами гео-

метрии; футбол нынешний, тотальный — вождение твердых космических объектов на достаточно ограниченных пространственно-временных полигонах — это высшая математика; футбол будущего, которому я хочу научить конюшню, да и сам научиться этому футболу вместе с конюшней, — это управление формообразующими космологическими субстанциями Когана—Гусочкина (Коровы — отметил я), которые описываются математикой свернутых v -пространств Римана—Лобачевского. Такой футбол приобретет новые качества, он уже не будет ограничиваться пространственно-временными галактическими полигонами, а станет релятивистским, формообразующим, и будет пронизывать всю Вселенную. Сегодня мы еще играем в разрушительный футбол; но завтра футбол станет созидательным, — мы научимся «обжигать горшки», т. е. создавать новые миры, а это уже Игра богов. Создавая наш мир, Бог играл не в кости, как предположил Эйнштейн, а в футбол. Если заглянуть еще дальше... Можно представить футбольную технологию отдаленного будущего, когда каждому человеку будет под силу с помощью диффузионной ткани создать свой собственный пузырь для пинанья, свою собственную Вселенную.

Лобан увидел мою голову в дверях и объявил перерыв. От его лекции все уже мучились несварением мозгов (то ли еще будет!), меня встретили, как спасителя. Гуго и Хуго отправились на задний двор чинить катапульту, шеф-кок — на камбуз, а жеребцы — на перекур в коридор, где тут же принялись гонять пустую консервную банку. На вопросительный взгляд Лобана я сказал:

- Мы с тобой уже генералы.
- Я знаю, — сказал Лобан.
- Я получил новое назначение.
- Я знаю. С тебя отходная.

Все всё знают.

СУХОЙ ЛИСТ. После перерыва Лобан взялся за настоящую теорию — стал объяснять жеребцам систему удара «сухой лист».

— Удары бывают разные — резаные с тормозной оттяжкой, дискретный карамболь, ползунок, оборотные, клопштосс, сухой лист, импульсивный пыр, щечкой и т. д. Вот что вам надо

минимально знать о «сухом листе»,— говорил Лобан и рисовал мелом на черной доске какую-то волнистую загогулину.— Эллиптическая орбита пузыря, у которого апогей находится в бесконечности, уже не является эллипсом. Двигаясь так, пузырь бесконечно далеко уходит от центра притяжения Полигона, описывая разомкнутую линию — параболу. Понятно? Если же пузырь получит скорость V -лямбда, превышающую параболическую, то он, разумеется, также достигнет бесконечности, но при этом будет двигаться уже по линии иного рода — гиперболе, с гиперболическим избытком скорости со всеми присущими гиперболе асимптотами с выходом в логоваздический континуум. Вот и получается «сухой лист» с непредсказуемо качающейся траекторией. Понятно? Вы видели, как осенью падают сухие листья? Ничего вам не понятно, гипербореи!

Жеребцы мучительно боролись со сном, некоторые уже похрапывали. Они с радостью согласились бы от забора до вечера месить грязь на втором полигоне, только бы не вникать в теорию «сухого листа». Не знаю, не знаю, надо ли забивать им головы осенними листьями, но если Лобан так решил, то пусть. М. б., начнут тренироваться с охотой.

— Чтобы «сухой лист» получился сильным,— продолжал Лобан,— надо не бояться жестко и резко включить ногу и хлестко ударить по мячу. Некоторые боятся «хлестать», чтобы не получить травму. Значит, будем работать, будем утяжелять пузыри. Вот увидите: после месяца работы в гранитных каменоломнях, начнете легко и смело хлестать обычные пузыри.

Жеребцы совсем приуныли. Все посторонние разбежались еще в перерыве, лишь один этот, прилизанный Арлекин, ловил и записывал каждое слово. Ну до чего неприятный тип! За что я его так невзлюбил? За усики, за бабочку, за прилизанные назад волосы... Зачем он здесь? Я ткнул в него пальцем и спросил:

— Почему на занятиях присутствуют посторонние?

Наступила неловкая тишина. БэА покраснел, собрал свои манатки в портфель и вышел, а я наконец почувствовал себя генералом.

— Ты зря на него окрысился, он неплохой парень,— сказал мне Лобан после занятий.

ЕХАЛ ГРЕКА ЧЕРЕЗ РЕКУ. В среду я отправился к гарнизонному кутюрье, он снял с меня мерку для генеральской формы; в четверг и пятницу я сдавал все эти футбольные дела Лобану (опись-перепись, наличие присутствия, ключи от сейфа и пр.); в субботу и воскресенье состоялся уик-энд на природе в хорошей компании — Лобан, Войнович, Макар, Чайник, Ванька Стул, доктор Вольф, дядя Сэм, шеф-кок Борщ с двумя ведрами сырого мяса в уксусе и в кислом «алиготе». Поставили армейскую палатку, купались, гоняли пузырь на пляже, Лобан мне чуть ногу не сломал, играли в подкидного дурака, обмывали у костра с комарами наши генеральские звания и мое новое назначение. А пахло как! А как хорошо в южной точке либрации собирать грибы! Ты идешь за ними, они идут за тобой. Грибы наступают! Они идут на тебя, а ты идешь на них с остреньким ножиком. На грибалке хорошо думается.

Выпивали и философствовали — почему мы так плохо играем в футбол? Что нам мешает? Боязнь? Неуверенность? Бедность? Экономическая отсталость? Почему при таких великих умах и тренерах мы ни разу не выиграли чемпионат Вселенной? Ведь мы не хуже играем. Решили, что мешает менталитет, — нам все по барабану.

Было тепло, хорошо, мягко, приятно, не выразить словами, да и не нужны слова.

Лобана даже на лирику потянуло, и он прочитал нам очень даже неплохие стихи о космосе—хроносе, которые сочинил в побеге:

Инфракрас
Угас.
Ультрафиолет
Сместился в синий
Цвет.
Значит, осень.
На осине
Иней.
Значит, восемь.
Сколько зим, сколько лет
Отпечаталось в лужах?
И стрелки скрестил
В циферблатных рожах
Ужас.

Эти стихи произвели на всех, особенно на Войновича и шеф-кока, неизгладимое впечатление; все Лобана хвалили, а я про себя решил, что Лобан в побеге немножко тронулся, но так как был в меньшинстве, то прикинулся сухим листом из гербария и промолчал. Ночью опять полезли купаться в озере. Войнович притащил сухари, прикармливал рыбу на завтра и приговаривал:

— Р-рыбам, р-ракам, кр-рабам... Р-рыбам, р-ракам, кр-рабам...

— Р-репетируешь генеральское произношение? — спросил я.

Войнович почему-то смутился и ответил что-то неразборчивое.

<ПРИМ. Войнович смутился, но я не обратил на это внимание.

Оказывается, он в самом деле репетировал «р», — в те дни он тоже получил предложение от одной солидной конюшни на генеральскую должность; но он ничего не сказал мне об этом.>

В воскресенье рыб не было, сидели с удочками, как приговоренные. Откуда здесь рыбы?

На этом мои славные последние денечки с грибочками, рыбкой, шашлычками, водочкой и стихами закончились.

Понедельник — тяжелый день, дождало, но и понедельник был неплох, я прожил его по рецепту доктора Вольфа, придумал себе работу: ходил из угла в угол, попивал «нарзан» и продолжал раскатистые тренировки:

— Ехал гр-река чер-рез р-реку, видит гр-река в р-реке р-рак...

И т. д. в том же д.

С лужением глотки дело обстояло похуже — я вскоре охрип и осип и бросил ее лудить. К вечеру я уже был в форме как в прямом, так и в переносном смысле: во-первых, голова прошла, во-вторых, от гарнизонного кутюрье доставили две генеральские формы — парадную и полевую. Я не смог побороть соблазна, примерил и повертелся у зеркала. Долго повертелся. Надо признаться, обе формы были мне к лицу, особенно (к лицу) лампасы на брюках. Мне понравилось. Красавец! <Ударение на «е».> Но больше всего мне понравился ремень — генеральский ремень! Власть, генеральский символ — ремень.

Этим ремнем... Председатель Сур обещал подарить мне зеленую пасту «гойя». Где председатель Сур? Дни и часы его сочтены, его с моста в реку Кондратий хватит — раков, крабов и рыб кормить, когда он увидит меня в генеральской форме. Думал ли я в молодости, что когда-нибудь буду править своих «двух близнецов» на генеральском ремне! Думал, конечно. Какой солдат не мечтает. Но с возрастом перемечтал, конечно...

Потом я подшивался — петлицы, погоны, белый воротничок. Тихая мирная воинская работа — подшиванье воротничка. Генеральские полусапоги немного жали. Их следовало разносить, и я решил, что «эх, одна живем», и, как был в генеральской форме, так и пошел по бэ. Вернулся домой поздней ночью и, не снимая формы, упал на постель и уснул.

ЧЕРНАЯ ДЫРА В БЕЛОЙ ТЕТРАДИ.

ОПОЗНАНИЕ В «МЕТРОПОЛЕ». Откуда взялась в белой тетради эта темная запись о «бэ» — одному Богу известно. Неужели опять повторился приступ старой болезни, и я опять потерял самого себя? Я мало чего боюсь, но больше всего на свете я боюсь приближения того состояния, той нечистой силы, которая в молодости раздваивала меня — отделяла мой разум от тела, подвешивала его сверху, как дирижабль на веревочке, и оттуда на привязи наблюдала за мной. Говорят, что подобное раздвоение личности испытывают курильщики опиума... к сожалению, не курил, не знаю.

Где я был в ту ночь, что я делал? Ни по каким «бэ» я не ходил, стар я уже для таких походов, да и какие уж там «бэ» в Шишкином Лесу ночью! Я всего лишь походил по коридору, поскрипел генеральскими сапогами и лег спать; но странность состояла в том, что меня таки посетила эта шальная мысль — съездить в Метрополию оттянуться; еще более странно, что в гарнизонном ресторане «Метрополь» какой-то никому не известный то ли генерал, то ли подполковник (мундир с погонами подполковника, штаны с генеральскими лампасами) всю эту ночь пил, таскал девок в номера, орал, что, «перед его последним боевым заданием на каждый болт найдется своя гайка», буянил, разбил ногой стеклянную дверь, а когда видел в зеркалах свою рожу, плевал в нее и бил зеркала, — сначала за все платил наличными, но за зеркала пере-

вел счет на дженераля Гу-Сина; на гауптвахту его тащить не решились — мол, что еще за боевое задание? — еле спровадили, а утром об этом происшествии доложили бригадному дженералю. Подозрение пало на меня, но я был ни сном, ни духом; я так и сказал дженералю:

— Почерк мой, но это не я.

— Может быть, вы страдаете лунатизмом? — предположил дженераль.

Я понял, на что он намекает — на мою притаившуюся болезнь. Мы спешили в дженеральском лендровере на презентацию к бессмертным, но я настоял свернуть к «Метрополю» и провести опознание, чтобы поставить все точки над «ё». Дженераль только этого и ждал. Свернули, предъявили мою физиономию метрдотелю, и тот разглядывал меня с таким длительным недоумением, что я вдруг почувствовал себя тем шальным подполковником, который ночью вышивал с девушками в нумерах.

— Что он там с ними делал — известно-с, — бормотал метрдотель. — У меня все схвачено, сфотографировано и запрофотокопировано, но фотографии подполковник порвал, а протоколом, извините, подтерся.

И все же метрдотель меня не опознал, хотя и с какой-то странной формулировкой:

— Очень, очень похож, но не он. Точно, не он. Тот помоложе.

Такая точность опознания меня не устраивала.

— А не пригласить ли сюда этих... которые на «бэ»? — неуверенно предложил я.

— А позвать нам сюда <слово неразборчиво>!¹ — тут же согласился дженераль, будто того и ждал.

— Кого? Верку, Надьку и Любку? — уточнил метрдотель.

— Вот именно!

Верка, Надька и Любка еще спали после рабочей ночи, но их разбудили и привели — сонных и в призрачных² пеньюарах. Девки тоже долго и с удивлением меня разглядывали и совещались.

¹ Блядей. Чего уж там неразборчиво! (Прим. редактора.)

² Призрачных или прозрачных? (Прим. ред.) На выбор. (Прим. автора.)

— Нет, не он,— сказала Верка.— Этот старенький, а тот молоденький. Этот так не потянет. Тот — герой, а этот — гэ на палочке.

— Наверно, это его папашка? — предположила Надька.— Стыдно стало, наверно. Пришел за сына расплачиваться. А тот в командировку удрал.

— Наверно. На каждый болт есть своя гайка,— сказала Любка.

— Фотографии куда выбросили? — спросил дженераль у девок.

— Он их порвал, но мы подобрали обрывки и склеили. Каждой на память.

Из пеньюарных рукавов появились склеенные фотографии. Дженераль мельком взглянул, мне не показал и засунул фотографии в карман кителя.

— Я вам потом покажу,— сказал он, заметив мой вопросительный взгляд.

После опознания дженераль был очень задумчив, мне показалось — даже смущен, а тайна этого происшествия раскрылась чуть попозже.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА С БЕССМЕРТНЫМИ.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА. По дороге к бессмертным (встреча состоялась на отдаленной авиабазе СОС в Сосняках за Окой, дженераль Гу-Син прислал за мной в Шишкин Лес свой походный лендроверджип, а потом и подарил его мне) я мысленно проверял свое генеральское произношение: «Кар-рл у Клар-ры укр-рал кор-раллы, а Клар-ра у Кар-рла укр-рала клар-рнет».

Пр-рекрасно! На свою презентацию я явился в полевой форме, как договорились, без лампасов и побрякушек, и был представлен высокому собранию дженералем Гу-Сином:

— Вот вам боевой генерал!

<ПРИМ. Непарламентскую лексику, как и генеральские регалии, я поначалу тоже оставил в Шишкином Лесу, но по мере реализации ПРОГЛОДА обнаружил,

что мне иногда не хватает связующих слов на вдохе-выдохе, и возникающие паузы часто мешают верному ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ пониманию моих мыслей и распоряжений — говоришь, как будто, все правильно, но тебя, как будто, не понимают. Этого никак нельзя было допустить. Но я также заметил, что большинство бессмертных академиков вполне созрело и вышло на нужный мне уровень коммуникативности, а академик Лон Дайк — тот даже был виртуозом игры на этом придыхательном фортепиано. Что ж, я стал использовать свой словарный запас в полном объеме, все меня поняли правильно, и все у нас покатилося славно.>

Никто из бессмертных не пришел в смокинге, — пиджаки, свитера и рубашки, кто во что горазд, мне это тоже понравилось. Правда, некоторые, совсем пожилые, были при галстуках, но именно на обладателей этих ошейников я и произвел самое лучшее впечатление. Другие встретили меня нормально, ровно; третьи — с плохо скрываемой иронией; но нашелся — нашелся! — пронизывающий человек, который сразу понял всю мою подноготную сущность — все тот же академик Лон Дайк, известный своим скверным желчным характером (в детстве он перенес желтуху), после презентации подошел к дженералю Гу-Сину и, передразнивая мое произношение, высказал все, что он обо мне думает:

— Кого вы к нам пр-ривели?! Во двор-ре тр-рава, на тр-раве др-рова... И этот рыкающий солдафон будет руководить эпохальным научным проектом?! Да это же обыкновенный капрал-от-гауптвахты, а не боевой генерал!

Как он был прав, академик Лон Дайк, царство ему небесное! Как он меня сразу расшифровал! И как это мы с дженералем промахнулись с этим «р»?! Мелочь, а неприятно. С тех пор я уже ни на кого не рычал, — разве что в моменты очень сильной взволнованности, но это другое дело.

Моя презентация в этой ученой конюшне отличалась от представления в конюшне футбольной. Вот имена великих, которыми мне предстояло руководить: акаде-

мики Тутт, Лон Дайк, Гор, Капельцын, Онпергермут, Цукерман, Комаи, Хейзенберг, Тирак, Лоренсис, Френкфорд, Тейяр де Журден, Гусочкин (Корову тоже приодели в костюмчик и привели) и другие, другие, другие — за их спинами стояли (хотя и не присутствовали на этой встрече) тысячи, десятки тысяч, целая армия ученых не с такими громкими именами. Тех же, кого я упомянул, дженераль называл «бессмертными академиками», хотя в то время некоторые из них были еще членкорами или даже всего лишь докторами наук; Корова же вообще являлся непришиваемым к кобыле хвостом; но в неофициозном смысле все они, конечно, были Бессмертными Академиками, что и подтвердилось после окончания ПРОГЛОДА, иначе и быть не могло.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ. Это письмо было отправлено президенту д'Эгроллю обычной электронной почтой — о времена, о нравы! — и, на удивление, оно нашло адресата (сначала легло на стол дженералю Гу-Сина, а потом было доложено Президенту). Мне дали прочитать те знаменитые шесть или семь страничек, которые теперь сделались историческими. В левом верхнем углу первой страницы стояли две курицелапые резолюции президента д'Эгролля (даю их с переводом). Первая резолюция, в день прочтения письма:

«В БЛ ЯЩК!»

(«В ближний ящик!» — т. е., не откладывать в долгий ящик.)

Вторая, на следующий день:

«ДЖ! ВС НЧ НСПЛ ДМЛ ДЛ АРХВЖ! ИЗЧ И ДЛЖ СВ СБР ТЕМПО ВЛСА!»

(Дженераль! Всю ночь не спал, думал. Дело архиважное! Изучить и доложить свои соображения в темпе вальса!)

Теоретическое обоснование проекта было безошибочным, но, как впоследствии оказалось, неверным. В

нашем случае действовала другая теория, и мне еще предстояло привыкнуть к афоризму академика Тутта: «В действительности все обстоит не так, как на самом деле». Не буду приводить здесь полное обоснование ПРОГЛОДА (если бы я знал тогда, что проект полностью соответствует своему прозвищу и даже перекрывает его в жадности), оно подписано всеми вышеперечисленными бессмертниками; последней стояла подпись (с выведением каждой буковки, будто подписывался ученик первого класса) какого-то «А. Гусочкина», и я опять не сразу сообразил, что этот «А. Гусочкин» и есть Толик Корова.

Напомню, что речь в письме шла о красном смещении и о рождении-смерти Вселенной. Начиналось оно знаменитой фразой:

«По современным космогоническим представлениям, когда создавалась наша Вселенная, неизбежно возникала и другая, ей равновеликая, но только из антивещества...»

Ну и так далее. Предупреждение академиков было недвусмысленным (я уже писал об этом, повторюсь): на Верхне-Вартовской стороне нашего вселенского пузыря Красное смещение сменилось Фиолетовым, на противоположной Нижней Варте Красное смещение перешло в Инфракрасное. Это может означать только одно: в зоне заполярной Верхней Варты на нашу Вселенную наехала другая Вселенная и выдавливает ее (нас) в неизвестно куда.

(Президент признался в своих мемуарах, что, прочитав это письмо, он решил, что у него «крыша поехала», и что он испытал чувство сельского человека, который утром по нужде вышел во двор, посмотрел и сказал: «...Ъ, да мне сосед своим дирижаблем крышу продавил!»)

Бессмертники писали о том, что угроза всему нашему мирозданию палицо, и что для стабилизации процесса и спасения Вселенной следует ускорить вакуумно-диффузионные исследования нашего Пузыря. Далее

шли некоторые технические подробности о «методе Гусочкина»: открытие диффузионной технологии — это не только футбольная амуниция для победы на чемпионате мира, но и средство для управления Вселенной — управления, строительства, перестройки, овладения — как хотите, на выбор,— пусть даже «завоевания» Вселенной,— кто владеет тайной полимеризации диффузионного межвселенского пространства—времени, тот и владеет Вселенной и т. д.; в конце письма эта мысль повторялась (тут бессмертные сбились с научной фени на тиффозно-фужерный слог):

«С появлением первых, еще примитивных фуфаек из диффузионной ткани, футбол стал на порядок мобильнее и интенсивнее, вышел из колыбели зеленых лужаек, ушел с подножного грунта, вырвался в космос. С появлением же фуфаек Гусочкина футбол становится средством для овладения Вселенной в мирных целях, в связи с чем нижеподписавшиеся просят у Президента солидной материальной помощи для научных исследований в этой области».

<ПРИМ. К ПРОБЛЕМЕ ПРОСТРАНСТВА—ВРЕМЕНИ. Недаром у Президента крыша поехала. Именно в этот период я потерял счет времени, все даты смешались, я уже никогда толком не знал, не чувствовал, какое сегодня число (да и сегодня ли это «сегодня»? или еще вчера? или уже завтра? и который сейчас час?). Оглядываясь и вспоминая из сегодняшнего далека то время, я представляю его цельным и бесформенным конгломератом, из которого торчат какие-то куски и хвосты моих пространственных воспоминаний; что было раньше, что позже — выделить невозможно и не имеет значения,— все происходило вместе, одновременно, все надо было делать вчера — на вопрос «когда?» так и отвечали: «вчера»; время брали, раскладывали, кроили, перекраивали и разрезали, как штуку полотна. Когда в моих отчетах возникает путаница в пространстве—времени — она уже возникла, следственная комиссия Конгресса так и не смогла установить конкретные

даты экспериментов, погрузок, отгрузок, купли-продаж разных объектов,— конгрессмены так и не поняли наших объяснений о том, что «все происходило вчера и одновременно», и мы не водили их за нос,— когда эта путаница возникает, то следует учитывать, что таковым оно (космос—хронос—гумос) и было — оно скручивалось в жгуты, захлестывалось в петли, запутывалось в морские и гордиевы узлы, что было раньше, что позже — не имело значения, все происходило одновременно — «вчера—сегодня—завтра».

ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ ПРОГЛОДА.

О'К-АЛЛИСТО. Первое (и последнее), что мы сделали в тот исторический день,— обсудили и выбрали место для Диффузионного Комплекса. Все основные предприятия для получения диффузионного текстиля предполагалось сосредоточить в одном месте (подсобные грязные объекты уровня атомной энергетики — всякие там котлы-реакторы и синхрофазотроны решили здесь не громоздить, а использовать уже имеющиеся в Метрополии). Территория должна была соответствовать следующим условиям: находиться подальше от разреженных Красным Смещением областей, в глубине Вселенной, чтобы не подвергнуться прямому армейскому наступлению противника (от внезапного нападения диверсантов никакая территория не застрахована); в малолюдной и труднодоступной местности, но недалеко от наезженных трасс, чтобы не было проблем с поставками; иметь много воды (достаточно крупного орбитального пояса ледовых комет) на случай взрыва вакуумно-диффузионных установок, сравнимым со взрывом сверхновой (об этой теоретической опасности мы уже знали). Вот, собственно, и все. Облако Оорта так и напрашивалось — Плутон с Хароном, эта крупная станция на пути к Метрополии, были рядом, через них проходили стратегические пути сообщения, оттуда все дороги вели в Метрополию. Я запомнил эту местность после испытаний коровиной фуфайки и доложил свои соображения бессмертному собранию.

Мы тут же отправились в Облако, и нам (не всем) поправился тот самый астероид с названием О'к-Аллисто — скалистый и малозаселенный, с Маракканну размером, с относительно правильной округлой формой и стационарной орбитой. На таких астероидах бывает не более двух универсальных магазинов, а на этом был всего один под названием «Овраг», и продавалась там всякая мелочь, сваленная в кучу,— носки, зажигалки, презервативы, печенье к чаю. Аборигены добывали здесь неплохие, но мелкие алмазы и сбывали их за бесценок (за 1 карат им платили не более стоимости бутылки водки) алкогольной фирме «Алка», которая неплохо наживалась на этом бизнесе. Даже с первого взгляда эта алмазная глыба производила впечатление надежности. Правда, выбор этого места вызвал ожесточенную критику некоторых бессмертных — «в такую даль киселя хлебать!», — которые хотели бы иметь производство поблизости от своих коттеджей и лабораторий. Мне не хотелось им грубить,— вернее, я-то хотел высказать все, что думаю о заср...цах, для которых теплый ватерклозет важнее защиты отечества, но сдержался и промолчал. В дальнейшем лишь один зловредный математик Лон Дайк сохранил привилегию работать дома в своем Категорическом Императиве (ранчо под Метрополией),— для его вычислений нужны были только карандаш, бумага да персональный компьютер (кстати, я вскоре запретил работу на компьютерах, боялся потусторонних хакеров с их виртуальными вирусами); остальные бессмертные со стонами, скарбом и семьями вынуждены были переселиться в зону О'к-Аллисто и перейти на армейское (точнее, генеральское) довольствие; и не пожалели — условия для работы и отдыха ученых были созданы не хуже (лучше!), чем для футболистов на «Маракканне-2-бис»; через год и Лон Дайк не выдержал одиночества, ему не на ком было вымещать свою злость, и он тоже переехал на О'к-Аллисто, в отдельный особнячок с краю.

Наконец, разъехались по домам.

Наступала Новая Эра. С футболом было покончено. (Так я думал тогда.)

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ЧЕРНАЯ ДЫРА С ДВОЙНЫМ КРАСНЫМ СМЕЩЕНИЕМ. Наверно, я сильно переволновался в тот день, слишком много новых людей и впечатлений на меня навалилось. Я чувствовал, что заболеваю, — болело горло, горело лицо, меня трясло, плыла крыша. После презентации я вернулся на Маракканну и сразу же послал в точку либрации первого встречного, который ко мне с чем-то обратился. На свою беду, этим встречным опять оказался Б@гатенький Арлекино.

— Ты уже на людей бросаешься, — сказал возвращавшийся из столовой Войнович. — Лечиться надо. Зайди ко мне, сделаем «двойное красное».

Войнович был прав, надо было срочно лечиться, тем более что у Макара завтра был редкий День рождения, и он созывал гостей. Вспомнил, как доктор Вольф лечил Корову, и решил действовать еще круче, по рецепту Войновича — стал готовить коктейль «Красное двойное смещение» — помыл тонкий стакан с золотым ободком, пошел к доктору Вольфу, он с сомнением покачал головой, но отлил мне из своей сулеи двести грамм медицинского спирта, потом я пошел на камбуз к шеф-коку Борщу, набрал столовую ложку молотого красного перца и отправился к Войновичу. Я не догадался сразу всыпать перец в стакан, лифт опять не работал, пришлось бережно подниматься по лестнице со стаканом спирта в левой руке и с ложкой перца в правой, стараясь не расплескать и не рассыпать, пока на меня не наехал все тот же арлекин — этот молодой горный козел мчался вниз верхом на перилах, завалил меня, облил спиртом и обсыпал перцем. Материться уже не было сил, я зачихал и заплакал от перцовой пыли, чуть не лопнул от злости. БЭА конфузился, извинялся, потом оставил меня в коридоре и побежал со стаканом и ложкой восстанавливать статус-кво. Доктор Вольф взглянул на него волком, но все же — добрый доктор! — опять взялся за сулею и восстановил в стакане спиртовую недостаточность, а шеф-кок Борщ вытер громадный черпак и набрал ему килограмм перца — на, бери, не жалко; к тому времени весь коридор провонялся спиртом, и я продолжил свой путь со стаканом — мокрый, грязный, больной, чихающий и слезящийся. Войнович опять скучал после ужина, лежал на диване, смотрел в потолок. Початая бутылка «Соломона» на подоконнике, носки на томике

Анатоля Франса, тренировочная фуфайка на полу... Я поставил стакан на стол.

— Ну и видос у тебя,— сказал Войнович.— Где ты валялся?

— Упал в коридоре.

— Не упадешь — не поднимешься,— философски заметил он.— Упаковался уже? (Войнович имел в виду не чемоданы.)

— Нет, я трезвый.

— А в морду никому не надо дать? — продолжал допытываться он.— Кто это тебя так вывалял?

— Это экологическая катастрофа, никто не виноват. Ты лучше на себя визуально посмотри. Что с тобой, Тиберий?

— Ясности хочется,— вздохнул он.

— Какой тебе ясности, Тиберий? Чего тебе не хватает?

— Понимания жизни. Четкой философии. Ясной программы. Минимум-максимум.

— С этими делами не ко мне, а к Лобану.

— Лобан — монах от футбола, он нас всех под монастырь подведет,— зашептал Войнович, глядя мне в глаза.— Вся эта ваша затея плохо закончится. Войнухой, инфляцией, голодомором. Или еще чем похуже.

— А ты как думал? Жизнь — она всегда плохо кончается. Такова она.

— Я тебя предупредил. Но ты меня не понял. Ты — кто? <«Ты — кто?» было спрошено очень серьезно.>

— Ты знаешь, кто я.

— Да, я знаю. Ты уже руководитель всего Проекта. Но почему — ты?

«Он еще не знает, что проект назван ПРОГЛОДОМ»,— подумал я и ответил:

— Потому что я дал согласие.

— Я знаю, кто ты. Ты — Посторонний Наблюдатель. Тебе все по...

— Я — больной посторонний наблюдатель.

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ.

МОИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА САМИМ СОБОЙ. «В самом деле, а ты кто такой? — строго спросил я у себя.— Что ты тут делаешь? Нет, ты скажи: кто ты такой, чтобы всех подозревать?» — «Я — Главный тренер». — «Да какой из тебя тренер?! Даже ВТЫК не смог закон-

чить!» — «Но диплом получил». — «Не получил, а дали. Войнович прав — ты и есть тот самый Посторонний Наблюдатель». — «Шпион, что ли? Кто же меня завербовал, и откуда я взялся?» — «А ты вспомни».

Посторонний Наблюдатель — назовем его Кривой Кондратий — безусловно, тихо радовался, подслушивая наш разговор. Войнович долил мне в стакан из маленькой заветной бутылочки чайную ложечку церковно-сладкого темно-красного «кагора», разболтал и перекрестил содержимое, я медленно выпил этот гремучий коктейль, вернулся к себе, принял душ, завернулся в верблюжье одеяло и стал ожидать красного смещения. Оно настало — я попал в черно-красную дыру, внутри горела реакторная жара, снаружи бил озноб, зуб на зуб не попадал. Что-то снилось нехорошее, черно-красное, траурное, не помню. (Потом вспомнил — мне снился Кривой Кондратий — черный человек без лица, с багрово-пылающей полированной лысиной, как у председателя Сури'Нама, но по галстуку я знал, что это был Б@гатенький Арлекино. БЭА правил на солдатском ремне с пастой гойя бритву «два близнеца» и предлагал мне — губ тоже не было — побриться. Я убегал, он догонял, размахивал бритвой, потом мне обожгло горло.) Наступило утро Кривого Кондратия. Легче не стало, наверно, с перцем переборщил. Поднялась температура, болело горло, не мог глотать, доктор Вольф определил какую-то детскую свинку, приписал компрессы и постельный режим. Макар обрадовался, вытащил бутылку «Соломона», щелкнул себя по горлу и сказал:

— Вот и компресс! Полечим горлышко!

Но доктор Вольф объяснил, что детские болезни опасны для пожилых людей (это я-то пожилой?), и что они (детские болезни) плохо действуют на мужскую потенцию (это действительно страшно), и настоял, чтобы я уехал в Метрополию и три дня отлеживался дома.

Я так и сделал. Редкий день рождения Макара, к сожалению, отмечали без меня. Макар, кажется, обиделся. <...>

ПОДОЗРЕВАТЬ ВСЕХ. У Макара очень подозрительный день рождения — день Кривого Кондратия.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ФИРМА «АЛКА». Сразу же после осмотра астероида, мы (наши адвокаты) начали переговоры о его государственном приобретении и тут же столкнулись с фирмой «Алка». Оказалось, что мы влезли не в свою парафию — эта алкогольная фирма спаивала местных потомственных стеклорезов (население, в основном, занималось изготовлением инструментальных алмазов и нарезкой стекол; знатные стеклорезы любили знатно выпить; зимой заготавливали алмазы, летом разбредались по всей Вселенной на заработки, их зазывные голоса «кому стекло вставлять-прирезать...» слышались даже в медвежьих закутках Диаметрального Приобья) — так вот, фирма «Алка» была обычным мафиозным предприятием для отмыwania денег. Эти глуповатые гангстеры с оселедцами на бритых головах вскоре на нас наехали, захватили дядю Сэма в заложники (он проводил на астероиде перепись населения — тоже дурак на минуточку, без охраны!), затащили в свой офис, позвонили нам по обычной мобильной вертушке и выставили условие: убраться в 24 часа по местному времени, «иначе с вашим дядей Сэмом...». Они не успели сообщить, что же все же случится с дядей Сэмом, и вообще не поняли, с кем имеют дело, потому что их уже засекли на запятой после слова «времени» и по той же мобильной вертушке они были парализованы двумя психотронными разрядами «пси-поля». Вышибить дверь, войти в офис «Алка» и вызволить дядю Сэма (которого, к сожалению, тоже парализовало), моим охранникам Гуго и Хуго уже не представляло никакого труда.

ПРОБЛЕМА АБОРИГЕНОВ. Как и всегда случается при огосударствлении частной собственности, одни жители О'к-Аллисто, самые умные (средний класс, болото), несмотря на то, что им по доброму согласию была выплачена полная стоимость их имущества плюс всяческие льготные и подъемные, оказались не по своей вине пострадавшими; началась инфляция, и они так и не смогли прижиться в новых местах; другие о'к-аллистяне,

самые хитрые (местные богатенькие арлекины), решили нажиться за счет счастливого случая и заломили за свои ранчо и трехэтажные, проточенные термитами особняки несусветные цены — с ними наши адвокаты решали в закрытых арбитражах, на порядок снижали сверхсветовые цены до проходимого порога 300000 квр/к.эт. (триста тысяч кварков за каждый этаж) и выпроваживали их с астероида с обычной скоростью света; третьи, самые мудрые, — бедняки, бомжи и вольные художники, — попросту подарили ПРОГЛОДУ свои развалюхи на условии их государственного содержания до конца их жизни. Мы подумали и пошли на обустройство резервации для этих аборигенов: построили им общежитие, одели в чистое солдатское б/у и обеспечили нормальным трехразовым питанием с водкой перед обедом и ужином. Утром — ни-ни! Они были счастливы, а в свободное от безделья время с удовольствием поднаимались выполнять у нас разные несложные хозработы — подметали, убирали, носили, грузили, мыли, чистили, и вскоре О'к-Аллисто превратился из замшелого астероида в настоящую столицу кометного облака Оорта. Сейчас эта жемчужина (вернее, алмазина) затмевает даже Плутон с Хароном.

Уголовные разборки с фирмой «Алка» и юридическое решение проблем аборигенов происходили без моего непосредственного участия. Все это продолжалось длительное время <некоторые крючкотворные дела тянутся вот уже 20 лет>; мне же, заболевшему в те дни детской свинкой, пришлось очень серьезно подумать о собственном здоровье.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ДЕНЬ КРИВОГО КОНДРАТИЯ. В предыдущих записях много неправды — утром после «красного двойного смещения» у меня не болело горлышко, не было никакой детской свинки, а с мужской потенцией все обстояло слава Б@гу. Пока что. Тьфу-тьфу. Доктор Вольф боялся совсем другого диагноза — речь шла о «разрушении личности» — моей личности! — но я был ни сном, ни духом.

Что же все же произошло, и почему я не присутствовал на дне рождения у Макара? Сейчас я уже могу заполнить эту лакуну. Этот редкий, несчастливый и самый темный день, который появляется и уходит, как комета с периодом в четыре года, должен был как-то отметиться. Я не оговорился — это самый темный день по своей иррациональности — темнее, чем День зимнего галактического противостояния. Этот день Кривого Кондратия я запомнил на всю жизнь. С этого дня я вообще перестал что-либо понимать и стал жить по привычке: «Ничего не понимаю,— значит, так и надо, значит, все обстоит нормально». С этой привычкой я жил два с половиной года, до самого окончания ПРОГЛОДА, потом пришлось от нее лечиться.

В этот день состоялась моя скоропостижная встреча с дженералем Гу-Сином. Ранним утром сотрудники СОС вытащили меня из постели, разрешили только побриться и стояли над душой, пока я крепко не порезался «двумя близнецами». Нашли пластырь, заклеили мне щеку, не дали позавтракать и отвезли в Планетарий. Я поднялся на Чердак в Заоблачный кабинет. Дженераль поздоровался со мной крепким рукопожатием и сочувственно спросил:

— Что это у вас со щекой?

— Спешил. Брился. Порезался.

— Бритва старая?

— Нет. Рожа старая.

— А вы бороду не пробовали отпускать?

— Было дело. Давно. Когда служил навигатором.

— Да, по себе знаю, в навигации бриться лень. Взгляните внимательно, вы не знакомы с этим человеком?

И дженераль предъявил мне склеенные фотографии, которые он конфисковал в ресторане «Метрополь». На них запечатлелись в непотребном виде три полуголые метропольские девки — Верка в мундире с погонами подполковника, Надька в офицерском галстуке и Любка в сапогах; а с ними (или под ними, или между ними,— оргия в разгаре, в свалке не разберешь) какой-то веселый молодой офицер (надо понимать, подполковник) в надетой набекрень военно-морской фуражке с двуглавым крабом.

— Нет, не знаком,— поспешил откреститься я.

— Посмотрите еще раз. Неужели не узнаете?

Я присмотрелся и наконец-то узнал Богатенького Арлекино. Значит, этот пацан совсем даже не лейтенантик, как я считал, а подполковник. Наверно, я не сразу узнал БЭА, потому что он был голый, без бородки и усиков, да еще с фуражкой набекрень и зачесанными набок волосами. Ну и я никак не ожидал увидеть в этом сонляке того таинственного ночного подполковника.

— Да, мы немного знакомы.

— Кто же он?

— Я даже не знаю, как его зовут. Я с ним познакомился на Маракканше. Это тренер Легкоступовой, Аніфиски. Или кем он там ей приходится.

— А раньше вы его никогда не встречали? До того, как вы познакомились на Маракканше? Посмотрите внимательней.

Я опять стал разглядывать фотографии. Несомненно, я знал этого человека еще до Маракканши. Где я мог его видеть? Этот БЭА мне в сыновья годился.

— Вы очень хорошо его знаете, но не узнаете. И это при вашей-то профессиональной памяти, генерал?

— Ваш вопрос о профессиональной памяти — для медицинской комиссии, что ли? Мне пора сдавать дела?

— Что вы, что вы, не комплексуйте! Я на вашем месте тоже его не узнал бы... но я не хотел бы сейчас очутиться на вашем месте. Знаете, он жаловался на вас. Мол, вы его невзлюбили, задираете, манкируете, делаете замечания при посторонних...

— Жаловаться — недостойно офицера!

— Да, конечно. Жаловаться, особенно на коллег, недостойно для офицера, но когда вы поймете, кто он такой, ваше мнение о его достоинстве или недостойнстве изменится. Еще вчера я хотел вас свести, познакомить, оставить наедине, вы бы расположились — да хоть бы вот здесь, за моим столом. Побеседовали бы с этим молодым человеком.

— О чем мне с ним беседовать?

— Да о чем придется.

— С какой целью?

— Не целясь. Навскидку. Вам было бы интересно. А нам — полезно. Но доктор Вольф отсоветовал. Даже запретил эту встречу.

- При чем здесь доктор Вольф?
- Все это очень трудно объяснить. Вы спрашивайте, спрашивайте! Важно, чтобы вы сами догадались, кто он такой.
- Просто скажите прямо: кто он такой?
- Ага, прямо... Да вас на месте кондрашка хватит, если я прямо скажу.
- Да кто он мне, чтобы меня кондратий хватал,— сват, брат, кум, отец родной?! Я с ним свиней не пас.
- Вот-вот-вот! Тепло!.. Даже горячо! Вы рядом, вы почти догадались!
- Он офицер Службы Охраны Среды?
- Он? Да, офицер. Но... э... из другой среды... Из другой, родственной нам Службы.
- Какой?
- Аббревиатура вам ничего не скажет. У нас СОС, а у них SOS. Они тоже охраняют... э... другую среду.
- Скажите хоть, как его зовут, этого подполковника?
- Я-то могу сказать. Да вот кондратий... без доктора не имею права.
- Что же, вызывать с Маракканны доктора Вольфа?
- Он уже здесь.
- Давайте доктора.
- Он у вас за спиной.
- Я оглянулся. Действительно, доктор Вольф уже был здесь со своим докторским саквояжем.
- Я и не заметил, как вы вошли.
- А я не входил,— ответил Вольф.— Я стоял за портьерой и наблюдал за вами.
- Можно, доктор? — спросил дженераль.
- Думаю — да.
- Может быть, взять с него подписку о том, что мы не несем ответственности за его... мм... возможное психическое расстройство?
- Думаю — нет.
- Кто ему скажет — я или вы?
- Думаю — вы. А я на него посмотрю.
- Хорошо. Сделаем, как доктор приписал,— сказал дженераль.— Этого ночного подполковника зовут... подполковник Бел Амор.

КАК ДОКТОР ПРИПИСАЛ. Наступила томительная пауза.

— Ну, я пошел на крышу, а вы тут без меня разбирайтесь,— сказал дженераль Гу-Син, по-отечески потрепал меня по плечу, по-дружески ткнул меня кулаком в живот и, прикрыв дверь, оставил нас наедине с доктором.

Птички чирикали за окном. Какие-то зяблики. Прилетела удивленная зеленая муха и присела на мою порезанную щеку. Наверно, щека пахла кровью. «Откуда мухи и зяблики на такой высоте?» — подумал я и уныло спросил доктора:

— У меня опять... расщепление личности?

— Нет. Вы в порядке.

Я обрадовался:

— Мы с этим подполковником тезки и однофамильцы, что ли?

— Нет,— сказал Вольф.— Он — это Вы. <«Он» и «Вы» доктор сказал с большой буквы.> А Вы — это Он. Вы оба — одно и то же лицо. Но однажды ваша дорога раздвоилась в пространстве—времени. Знаете, есть такой предупредительный дорожный знак — «дорога раздваивается». Вы с ним — последствия этого раздвоения.

Я всматривался в фотографии БэА. Лицо было очень знакомое. Это лицо я видел в зеркале лет двадцать пять назад.

— Та-ак...— сказал я.

Лицо на фотографии было моим лицом в молодости — выбритое и прическа набок.

— Н-да,— сочувственно сказал доктор.— Я вас хорошо понимаю. То есть, я себя хорошо понимаю. Я бы тоже в такой ситуации сказал: «Та-ак!» Мы с дженералем опасались этой ситуации...

— Это самое...

— Что?

— Та-ак... вы что-то говорили про дорожные знаки...

— Я не уверен, что я смогу вам толком объяснить то, что с вами произошло.

— Ну, попробуйте.

— Вы ведь не изучали ВТГД?

— Это что?

— Всеобщая теория глобальной диффузии.

— Я университетов не заканчивал.

— Да, знаю. Вы закончили СПТУ по специальности «сантехник». А вот ваш... м-м... двойник... закончил академию Генерального штаба.

Я поднапрягся и припомнил:

— Нам преподавали общую теорию относительности, — конечно, в нужных для сантехника пределах. Мне запомнился «например» о двух близнецах — один из них улетает в космос с субсветовой скоростью и, когда через два года возвращается, то застаёт своего брата глубоким старцем. Наш случай из этой области?

— Для нашего случая пример с братьями не точный, приблизительный. Эйнштейновская ОТО является лишь небольшой частью ВТГД. Случай с близнецами возможен на медленных околосветовых скоростях, а здесь у нас расщепление личности на два самостоятельных объекта. Я консультировался у Лон Дайка и Капельцына. Они сказали: такое бывает, наверно. Такое должно быть. Когда создавалась наша Вселенная, сказали они, неизбежно возникала и другая, ей равновеликая, но только из антивещества. При соприкосновении вещество и антивещество аннигилируют и превращаются в энергию. Не представляет труда подсчитать, что при этом один миллиграмм вещества дает взрыв энергии, эквивалентной взрыву Сверхновой. <Я не уверен, что верно цитирую доктора Вольфа; возможно, несу какую-то дичь от его имени.> Вполне достаточно, чтобы разнести нашу Галактику вдребезги. Такое случается, сказали они. Но теория относительности не учитывает влияния псевдо-пространств и разрывов в обычном пространстве—времени. В вашем случае сработал обратный эффект — раздвоение или расщепление одной индивидуальной Вселенной. С этого момента ваша дорога раздвоилась, вы разошлись, как в море корабли, и начали жить самостоятельными жизнями. Катамаран разъехался.

— С какого такого момента?

— Я вам напомню.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ГРАНИЦА С НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСОЙ. Сейчас я провожу в «Отчетах» резкую (спиртовыми чернилами) границу между тем, что я писал до сих пор, и тем, о чем буду писать в дальнейшем. Вот она:

На эту границу указал мне академик Тутт, когда читал «Отчеты» до этого места, и я ему глубоко благодарен. Он сказал, что все то, о чем я до сих пор писал, было действительным, реальным, и если и ошибочным, то эти мои личные ошибки, если они ненамерены, тоже происходят из реального, а если намерены, то все равно реальны и останутся на моей совести; все то, о чем я буду писать дальше, уже не будет ошибками, потому что мы вступили в область неизвестного, неопределенного, непонятного, это может не соответствовать действительности и даже может вообще не существовать.

— Но об этом **НУЖНО** писать,— сказал академик Тутт, потому что в такой ситуации чрезвычайно важна принципиальная возможность постановки задачи и принципиальная возможность формулирования ответов, потому что мы, наконец-то, столкнулись с Незнаемым или даже с Непознаваемым.

Кажется, я понял его и правильно передал его мысль. То есть, Б@г его знает, что нас ждет впереди, и Ч@рт знает, что нас поджидает сзади, но мы **ДОЛЖНЫ** идти хоть каким-то путем, а там будет видно.

Я ввожу в отчет воспоминания об очень давних событиях, которые напомнил мне доктор Вольф. Без этих событий **ПРОГЛОД** вряд ли был бы осуществим.

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА-1

ДВОЙНАЯ ЧЕРНАЯ ДЫРА С КРАСНО-ФИОЛЕТОВЫМ СМЕЩЕНИЕМ.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ. Я не очень-то люблю вспоминать свое первое дело в Службе Охраны Среды, когда я сунул свой любопытный нос, куда не следует, и провалился в черную дыру подпространственной канализации, став (как оказалось из рассказа Бел Амора-младшего — буду называть его так, хотя он то ли мой двойник, то ли мое второе Я, то ли он — это я в моло-

дости,— тут никакой Фрейд без бутылки не разберется) первым человеком, вышедшим за пределы Внешнего Пузыря Вселенной. Так глупо и глубоко до меня еще никто не проваливался.

Я начал свою трудовую деятельность в Планетарии обыкновенным сантехником. Где что прорвет — посылали туда меня в паре с бригадиром Сан Саныч-саном. Наоборот, конечно,— ведущим посылали Сан Саныч-сана, а меня — ведомым, при нем. На нас все ездили и не слезали, мы с Сан Санычем были безответными и безответственными людишками — я по молодости лет и по глупости, а мудрый Сан Саныч из-за пенсионного возраста старался ни в чем не перечить начальству — показывал, разве что, кукиш в кармане. Так мы и ковырялись. Единственная отрада — за час до обеденного перерыва Сан Саныч-сан задумчиво приговаривал:

«А не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?»

И я бежал на Угол за бутылкой водки.

Наш обеденный перерыв начинался сразу после моего возвращения, примерно за полчаса до официального обеденного перерыва,— мы закрывались в своем сантехническом бункере с дворником и с электриком, выпивали, закусывали докторской колбасой и азартно забивали козла. Битие козла было единственной нашей отрадой, это было Святое! Подпивший Сан Саныч кричал: «Крыша! Рыба! Яйца!» и становился человеком, у которого все прекрасно — и лицо, и мысли, и душа, и одежда, будто никогда и не купался в дерьме. Так продолжалось до конца обеда и до второго пришествия все той же приговорки про гонца. Появлялась вторая бутылка — и так до самого вечера. Потом Сан Саныч ушел на пенсию, наша связка распалась, и я остался совсем не у дел.

В те времена я жил в общежитии при Планетарии и не имел там ни права голоса, ни своего кабинета, ни даже собственного стула; зато имел на все собственное мнение. Я только что закончил СПТУ (Сантехническое Профтехучилище) по первому разряду сантехника, но все понимали, что сантехник — это сильно сказано, на звание Сантехника этот пацан еще не тянул, а был в

лучшем случае подмастерьем. Никто меня всерьез не принимал. Я бродил без дела по коридорам Планетария, искал пустые столы в чужих кабинетах, находил свободный стул и мешал всем работать: травил бородатые анекдоты за чужими столами. Уже тогда я заметил, что если старый анекдот привязать к пространству—времени, то есть, рассказать к месту и в нужный момент, то народ смеется. Например:

«Однажды прорвало канализацию на трассе «Ганимед-Юпитер»,— травил я.— Дерьмо хлещет выше крыши. Вызвали сантехников из Службы Охраны Среды. Прибыли двое: Сан Саныч-сан и я. Сан Саныч надел брезентовую робу, зажал пальцами нос и... бултых в дерьмо! Через минуту вынырнул и приказал: «Ключ шесть на девять!» Я подал ему ключ шесть на девять, Сан Саныч опять нырнул, вынырнул: «Ключ двенадцать на четырнадцать!» Опять нырнул, вынырнул: «Ключ шестнадцать на девятнадцать!» И дерьмо, наконец, плавно опустилось в подпространство. Уставший, но гордый Сан Саныч выбрался из люка, снял робу, закурил и покровительственно сказал мне: «Вот так, сынок! Учись, а то всю жизнь ключи подавать будешь!»

Наконец я всем так надоел, что на меня пожаловались строгой, но доброй миссис Браунинг, личной секретарше бригадного дженерала Гу-Сина. Она навела на меня внимание Шефа, тот свысока взглянул на какого-то стажера, вспомнил, наверно, собственную молодость и благосклонно поручил мне первое самостоятельное дело — отправил в командировку к Гончим Псам, где на окраине у гравитационных полей орошения недавно прорвало Канализацию. Там нужно было уточнить кое-какие технические параметры для следствия по уголовному делу о головоутиении местного ассенизаторского руководства (вся нечисть из подпространства, как в том анекдоте, вдруг полезла наружу, лавина шла такая, что пришлось эвакуировать население; следствие уже прикинуло убытки, и ассенизаторы схватились за головы,— не сносить им своих песьих голов!).

Я с энтузиазмом неофита отправился на служебной «осе» исследовать эту галактическую клоаку, но быст-

ро понял, что занятия скучнее и вонючей не было, наверно, с момента Большого Взрыва и образования Вселенной. У полей орошения Гончих Псов меня встретил и сопровождал угрюмый полупьяный механик с песьей головой — не гончий, не борзой, а сенбернар, что ли, — я еще плохо разбирался в национальных различиях местных аборигенов, — короче, кобель по имени Кудла. Его скафандр был расписан эротическими, переходящими в порно, картинками, изображавшими всякие позы и способы собачьих случек; из-за подобных веселых картинок не поздоровилось бы любому нормальному гражданину; но этот механик Кудла был явно ненормальный — что называется, местный сумасшедший; он вечно сидел на дебаркадере, с наслаждением вдыхал миазмы от полей орошения, болтал ногами в мировом пространстве и громко комментировал каждого проходящего и пролетающего, — за что часто получал по морде, потому что в темноте не разбирали, сумасшедший он или нет.

Пока я замерял рулеткой кривизну деформированного участка, механик Кудла держал миллиметровую вешку, сплевывал в коллектор и бубнил, что он сто лет здесь в дерьме собачьем, но такого извержения еще не видел! Все химические элементы летели вверх тормашками! И зря охры из Охраны Среды завели уголовное дело на его друга главного ассенизатора Васьвася — во всем этом катаклизме виноват не Васьвася, а потусторонние бесы, которые, значит, поставили с той стороны на выходе кляп или еще что похуже — насос, чтобы все наше дерьмо пошло к нам обратно; вот вам и пожалуйста, не иначе как вообще. Пусть пацан (то есть, я) так и передаст по начальству: с бесами надо находить общий язык. Вы такие, мы другие, но жить можно дружно, верно?

«Не стой над душой, дядя», — ответил я и прицелился объективом в особо причудливый пространственно-временной завиток, но не успел его зафиксировать, — п-в-завиток тут же дрогнул и распрямился, а я, хотя и соблюдал все правила техники безопасности, инстинк-

тивно пригнулся и отпрянул в сторону от этой гравитационной плети.

«Не бойсь, не убьет,— насмешливо успокоил меня механик Кудла.— Если не по голове, то не убьет. А искалечить — искалечит».

Я огляделся. Ремонтные работы здесь шли полным ходом — неподалеку бригада проходчиков выравнивала силовой бугор поверхностного искривленного слоя — многих трудов стоит накрывать такие бугры рифленным псевдо-пространственным фильтром и укатывать их силовым катком.

«Эй, работнички! — крикнул я.— Концы обрежьте! Торчат!» — «А пошел ты к бесам!» — был ответ.

Я забрался в «осу» и вернулся в Планетарий. Там я внимательно вчитался в приказ об эвакуации Гончих Псов, ознакомился с санкцией прокурора и с ордером на арест ассенизатора Васьвасы и отправился на чердак в Заоблачный кабинет на прием к бригадному дженералю с полной властью, заранее зная, что меня не примут,— «а ты кто такой?» — спросит старая прокуренная миссис Браунинг и даже не сочтет нужным докладывать дженералю Гу-Сину о каком-то сантехнике Бел Аморе. Поэтому следовало действовать нагло. Лифт вынес меня на последний этаж. Выше торчал только громоотвод в облаках.

«Я к дженералю»,— небрежно бросил я и, не глядя на миссис Браунинг, уверенно направился к двери Заоблачного кабинета. Дернул. Заперто. Я мельком взглянул на секретаршу и забыл, зачем я сюда явился. Миссис Браунинг куда-то подевалась, а в предбаннике у дженерала Гу-Сина сидело существо страшной, как смерть, отталкивающей красоты из-за выбритого до зеркального блеска черепа. Лысые женщины все же напоминают о «memento mori». <Помни о смерти (лат.)> Парик лежал перед ней на столе, она проветривала голову; а моя голова стала пуста, как скворечник в декабре, все мысли разлетелись. Я топтался у закрытых дверей высокого кабинета и смотрел, как эта memento mori вяжет из тончайшей стальной проволоки какой-то свитер, наподобие кольчуги. Memento mori подняла глаза,

отложила вязанье, надела парик — смертельные ассоциации без лысой женской головы приглушились, теперь можно было вспомнить и о «memento vivere» <Помни о жизни (лат.)> Наконец я выдавил из себя:

«А где миссис Браунинг?»

«Вот что... — ответила Memento mori. — Уходи отсюда от греха подальше. Скоро вернется дженераль, а у тебя галстук не в тон рубашке».

Я повернулся «кру-угом!», спустился с облаков в свой сантехнический подвал и решил взять новую секретаршу измором. Надо сказать, что по молодости и зелени я перегибал палку и лез в самое пекло.

Но я храбро взялся за дело. Звали ее Афина. Каждый день недели она надевала новый парик — черный, каштановый, рыжий, седой, зеленый, голубой, красный и фиолетовый. Она печатала на пишущей машинке секретные приказы (дженераль не разрешал набирать их на компьютере), а в перерывах вязала знаменитые шестимерные самовязы из пуховой поль-миллимикронной стали с колдовским заговором, которые не только пуленепробиваемы, но и лазеронепрожигаемы. Она отвергала шоколадное ассорти, махровые розы и даже брют. На этих минах уже подорвались лучшие ловеласы Охраны Среда.

Прошла неделя. Сменились парики. Отношения с Афиной успешно развивались — она уже тихо ненавидела меня всеми фибрами души (что такое «фибры», я до сих пор не понимаю — наверно, они для души то же самое, что жабры для рыбы). Но, как известно, «от любви до ненависти один шаг» — значит, от ненависти до любви путь такой же. Каждый день я упрямо шел на контакт и однажды получил то, чего так упорно добивался — по морде.

Удар был такой силы (оказалось, что нежная ручка Афины способна перешибать кирпичи), что Планетарий содрогнулся, облака разошлись, а высокая дверь дженеральского кабинета приотворилась сама собой. Мое лицо распухло и превратилось в набитую морду, из носа текла кровь. В глазах Афины даже промелькнуло сострадание. Эту маленькую промежуточную победу на

переходе между ненавистью и любовью следовало отметить и закрепить. Я подождал, пока сойдет под глазом лиловый фонарь, отрастил и закрутил усы, как у бубнового валета (и стал бы на него похож, если бы не чуть-чуть лошадиная физиономия), купил дорогую бутылку шампанского «Мадам Помпадур» и опять отправился на последний этаж.

Афина печатала какой-то очередной приказ по Планетарию. Увидев «Мадам Помпадур», она вздрогнула и сделала сразу три ошибки в слове «трансцендентальный» («трансцидинтальный»). Я поставил бутылку на стол и удалился, не говоря ни слова. На следующий день я пришел в приемную с белой болотной лилией, и Афина сделала три ошибки в слове «еще» («исче»).

Судя по всему, приближалась развязка. Афина уже брала шоколадки прямо из рук, но пока отказывалась куда-нибудь пойти, где-нибудь посидеть и перейти на менее официальные отношения в связи с загруженностью на работе. (Все-таки, женщины всех цивилизаций и во все времена крутят динамо и делают из половых отношений проблему, и тот, кто думает, что в ямбическом триметре с этими делами обстоит как-то иначе, — ошибается.) Тут требуется терпение, терпение и еще раз терпение.

От бригадного дженерала ничего не укрылось. Ему напоели ошибки в служебных документах.

«Кто этот малый?» — спросил он у Афины.

«Стажер-ассенизатор, — ответила Афина и опустила реснички. — Он мог бы быть нам полезен».

Вскоре я получил официальное предписание не шляться по коридорам без дела. В ответ я демонстративно стал шляться по коридорам с картонной папкой со словом «Дело». Дженералу Гу-Сину доложили о моей демонстрации, он оценил юмор: игра слов, понятно. И вызвал меня к себе. Я взлетел под облака, Афина подмигнула мне, открыла дверь, и я наконец-то вошел в этот вожденный и недостижимый Заоблачный кабинет.

На полированном столе дженерала стояла включенная электроплитка, над столом на стене висел портрет худющего лысоватого человека с козлиной бородкой.

Поговаривали, что портрет над столом — это ЗНАК, что перед каждой крупной операцией дженераль Гу-Син меняет на стене портрет, изучает лицо будущего врага или соперника. Лысоватый человек смотрел на меня в упор. Я еще не знал, кто это (это был портрет Дзержинского), но от его пронзительного взгляда у меня зачесалось под правой лопаткой.

Я не сразу заметил бригадного дженералья Гу-Сина — он стоял у окна спиной ко мне, держал в носовом платке эмалированную кружку и аккуратно поливал из нее невзрачный цветочек в горшке. Из кружки валил пар. Цветочек, насколько я разбирался в ботанике, нескромно назывался бессмертник. Прозвище дженералья в Охране Среды было Гусь, он был из Тех легионеров, сорвиголов, если не сказать «головорезов», из тех диких гусей, которые спасли Рим.

«Вы кто по званию — сержант?» — спросил дженераль. Он даже не обернулся.

«Младший».

«Доложите о проделанной работе за истекший период, младший», — все так же спиной потребовал дженераль.

Я раскрыл папку. В ней лежал один-единственный лист с копией приказа об эвакуации Гончих Псов, а в левом верхнем углу шла косяя стихотворная резолюция с моей подписью:

На свете нет преступней акции,
Чем приказ об эвакуации
До засорения канализации.

Бригадный дженераль отхлебнул из поливной кружки глоток — оказывается, это был чай — зачем он мучает этот бессловесный цветочек, садист? зачем поливает его горячим чаем? упивается полной властью? — повернулся, даже не взглянул на меня, взял левой рукой листок, прочитал стишки на секретном приказе, подумал и наконец поднял глаза. Взгляд был колюч, как шприц доктора Вольфа. У меня зачесалась правая ягодица.

«Не пойму... — сказал дженераль. — Вы что, валяете дурака?»

«Так... так точно».

«Объясните: зачем?»

«Вы... вы знаете это лучше ме... меня, — заикаясь и повторяясь, начал объяснять я. От двух колючих перекрестных взглядов — Держинского и дженералья Гу-Сина — у меня уже тряслись поджилки. — При... Приказ об эвакуации Гончих Псов был подготовлен за несколько дней до засорения канализации. ДО засорения. ДО ТО-ГО, как... как она засорилась. Значит, о катастрофе вы знали заранее. Вы могли предотвратить катастрофу, но не сделали этого. Вы ее сами и подстроили — не знаю... не знаю, зачем. По... получается, что главный ассенизатор Васывась арестован вами незаконно, а мое расследование понадобилось вам для отвода глаз. Отсюда следует, что вы держите меня за... за болвана. Вот я и пытаюсь соответствовать».

«Ишь ты... уже и копию снял», — пробормотал дженераль и завязал тесемки на папке.

Я влез куда не надо по самые уши, но дженераль еще пребывал в сомнениях относительно моей дальнейшей судьбы. Он раздумчиво спросил:

«Знаете ли вы, кто такие бесы?»

«Ну... постольку-поскольку».

«Поскольку же?»

«Ну... это человекообразные существа».

«А это кто такие?»

«Кто именно?»

«Человекообразные существа кто такие!» — повысил голос дженераль Гу-Син.

«Это те... это те, кто сам желает так себя называть».

Дженералю неожиданно ответ понравился.

«В этом что-то есть, — задумался он. — Конечно, подобной фразой можно дать определение чему угодно, но все-таки в этом что-то есть. Человек — это тот, кто сам желает так себя называть. Что ж, сержант, одевайтесь».

«Я младший сержант».

«Вы уже сержант. Можете нашивать третью лычку».

Дженераль уже открывал платяной шкаф, где висели на плечиках два штурмовых скафандра, и уже звонил в колокольчик (он не любил не только приказы, набранные на компьютере, но и электронную сигнализацию). Афина явилась в кабинет в таком же скафандре, но в дамском, с какими-то рюшечками.

«Запомните, сержант, что незаконно арестовать никого нельзя,— объяснял дженераль, пока потолок в Заоблачном кабинете медленно раскрывался, как в планетарии.— Но для отвода глаз — можно. Главный ассенизатор Васывась арестован по его же просьбе и посажен на цепь в целях его же собственной безопасности. А сейчас мы отправляемся брать Постороннего Наблюдателя, который засорил галактическую канализацию».

В голубом небе вился старенький биплан и разгонял облака. Дженераль с Афиной рванули из кабинета сразу на третьей космической, я с трудом догнал их уже на маракканнской орбите.

«Стишки пописываете? Как у вас там — «канализация — эвакуация»? — благосклонно спрашивал дженераль, облетая Маракканну, чтобы получше оттолкнуться от ее приливной волны.— Значит, так... В момент захвата вы должны прикрывать мне спину. И вообще, не высовываться. Повторите приказ!»

Пока я повторял, дженераль с Афиной оттолкнулись от маракканнского прибоя и взвились на два световых года над плоскостью Метрополии, где их поджидала персональная дженеральская нуль-простыня. Дженераль деловито оглядел красивенький пейзаж. Система смотрелась как на картинке. Вроде, везде порядок. Залезли в нуль-простыню и пристегнулись.

«С ветерком?» — спросил пилот, проверяя взглядом, хорошо ли пристегнута талия Афины.

«С ветерком»,— кивнул дженераль.

Я тоже не возражал против ветерка, я тоже любил быструю езду. Пилот включил синюю мигалку и стал разгонять нуль-простыню по силовому коридору. Пронесли мимо будки дежурного офицера Охраны Среды. Тот выглянул, дую на чашку с чаем, узнал начальство и включил зеленый прожектор. Пошли по зеленому

монорельсу. Мелькали: спецслужбы нуль-пространственного коридора, отель, колокольня с облезшей позолотой, футбольное поле на ржавом планетном якоре, старый робот, пасущий три молочных цистерны, буксиры в Восточном Галактическом рукаве, тягающие звезды туда-сюда... наконец, нуль-простыня сорвалась с луча и, с выхлопом свернув пространственно-временную субстанцию в зеленую плоть, вошла в псевдо-пространство, проткнула Вселенную и очутилась в галактике Беспородных Псов.

После недавней катастрофы эта вселенская глухомань, тускло освещенная дышащим на ладан белым карликом, поражала запустением,— редкая нуль-простыня случайно залетала сюда, сбившись с курса и растерянно мигая бортовыми огнями; за Беспородными Псами без демаркационных границ располагалось лишь Приобское ханство, за ним собственно Диаметральная Приобь и всяческая тьмутаракань, где качали нефть из псевдо-пространственных скважин, а дальше — сплошное инфракрасное смещение и конец всякого света. Но с тех пор, как я здесь побывал, гравитационные Поля Орошения неузнаваемо изменились,— когда-то рваный и скрученный ландшафт уже был выпрямлен, отрихтован и равномерно ориентирован по временному вектору,— лишь кое-где еще продолжались отделочные работы. Новый гравитационный канал ничем не напоминал старую канализацию — этот подпространственный сток теперь должен был служить всему местному региону метagalactic,— в самом деле, зачем мелочиться и разминиваться на обособленные хозяйства с ничтожными КПД, если по усложненной технологии можно построить Центральную канализацию с ответвлениями по всей Вселенной.

Пусто было здесь в этот ранний час — один лишь мой знакомый, ненормальный псоголовый механик Кудла, сидел на перроне и, чертыхаясь, заглядывал в нутро неисправного стыковочного узла. Мы лихо причалили, погасив скорость в последний миг, и чуть не выломали стыковочный узел. Механик Кудла испуганно шараясь в сторону.

«Приготовились!» — тихо сказал дженераль.

Я не знал, к чему, собственно, следует приготовить-ся. Дженераль с пилотом прыгнули на дебаркадер, я за ними, прикрывая дженералью спину; а Афина замешкалась в нуль-простыне, никак не могла отстегнуться.

«Долго это будет продолжаться?! — злобно заорал механик Кудла, вытирая руки прямо о скафандр с картинками. — Я сто лет здесь механиком, а ваши люди за неделю разломали мне весь перрон, и запасной тоже!»

Пилот отвернулся и пробормотал:

«Врет, не сто лет, а два с половиной».

А всемогущий бригадный дженераль Гу-Син, к моему удивлению, виновато развел руками и спросил:

«Любезный, не подскажите, как пройти на подстанцию?»

Механик Кудла ничего не ответил, по самое плечо засунул руку в стыковочный узел, вытащил силовую монтировку — ту самую, которой механики крутят хвосты нуль-пространственным звездолетам — и направился к дженералью.

«Эй, дядя! Полегче! — крикнул я. — Не видишь, кто перед тобой?»

«Молчи, сержант! — приказал дженераль. — Не двигайся!»

Я, наконец, почувствовал какую-то напряженную и двусмысленную ситуацию. Афина не спешила выбрать-ся из нуль-простыни, пилот разминал ноги на дальнем конце дебаркадера и не глядел в их сторону, а сумасшедший механик надвигался прямо на дженераль, недобро ухмыляясь и помахивая силовой монтировкой, — удар такой штукой приводил в состояние молекулярного разлета, и даже медицинские светила с неохотой брались за операцию по восстановлению. Я нарушил приказ: вышел из-за спины дженераль и прикрыл его своим телом.

«Я тебе говорю: не двигайся!» — крикнул дженераль и ногой пнул меня под колено.

Я слетел с дебаркадера, схватился за ногу и выпустил из рук свою драгоценную панку с копией приказа

об аресте ассенизатора Васьвася. Механик Кудла подхватил папку и рванулся к нуль-простыне.

«Отдай документы!» — заорал я и бросился за ним.

«Вот кого надо брать! — подумал я.— Не такой уж он кудлатый, каким кажется!»

Механик лез в нуль-простыню. Афина была в опасности. Мне удалось зацепиться за якорный крюк нуль-простыни.

«Куда, сержант?!» — кричал дженераль.

«Назад!» — кричал пилот.

Нуль-простыня отчаливала. Из-за каждого угла выскакивали и мчались к месту неудачного задержания сотрудники Службы Охраны Среды.

«Не стрелять! Работнички! Проворонили! — бесповался дженераль.— Отключите подстанцию!»

«Уже отключили!»

«Прыгай!» — кричали мне, но я упорно лез в нуль-простыни, чтобы спасти Афины от террориста.

«Не преследовать, хронос с ним, пусть уходит!» — приказал дженераль.

Нуль-простыня описала над дебаркадером мертвую петлю и облетела запасной перрон,— похоже, механик Кудла пытался оценить ситуацию и принимал решение.

«Горловина перекрыта?» — кричал дженераль.

«С позавчера!»

«Прыгай!»

Но я спасал Афины.

Нуль-простыня нерешительно пошла к перекрытой канализационной горловине и сделала над ней мертвую петлю. «Камикадзе», — пробормотал дженераль. Я уже по пояс влез в нуль-простыню, ноги торчали в пространстве—хроносе. Еще одна петля. Механик Кудла пытался уцепиться якорным крюком за пространственно-временную решетку горловины.

Все притихли и с ужасом наблюдали — такой способ разгона теоретически возможен и даже был опробован испытателями-смельчаками на заре освоения нуль-пространственных перелетов: принцип рогатки — риск и холодный расчет, трюк исключительно смертельный, по этой дороге никто не ходит, она усеяна трупами.

Механику наконец удалось зацепиться якорем за силовую нить горловины и защелкнуть на ней замок. Нуль-простыня радостно вздрогнула и подмигнула всем-всем-всем бортовыми огнями. От толчка я провалился в багажное отделение нуль-простыни. Механик Кудла начал разгон. Его почтительно эскортировали звездолеты Службы Охраны Среды, не смея приблизиться к этому бесу, который, набирая скорость, натягивал пространство—время над Гончими Псами и превращал галактику в гигантскую рогатку. Я услышал последний приказ дженерала:

«Всем отойти на безопасное расстояние!»

Интонация, с какой был отдан приказ, подразумевала:

«Спасайся, кто может!»

Связь с внешним миром прервалась. Все работники, не оглядываясь, бросились в рассыпную из Гончих Псов. Теперь все зависело от качества здешней захолустной пространственно-временной структуры и от хладнокровия механика-камикадзе. Ему оставалось только одно: точно держать прицел и натягивать пространство до упора времени; остальное от него уже не зависело — если нить оборвется или наползет на силовой бугор, то нуль-простыня превратится в гравитационную пращу, способную разместить всю галактику. Уж лучше рогатка, чем праща.

Я наконец-то добрался до папки, которую механик Кудла зашвырнул в багажное отделение. Тут же валялась силовая монтировка... хронос с ней, с папкой, сейчас надо спасать Афины, решил я. К оружию! Я схватил монтировку, она удобно уместилась в кулаке. Теперь я был вооружен, а этот бес беззащитен. Я бросился в кабину пилота, но чуть не наступил на механика Кудлу — тот, связанный собственным поясным ремнем, лежал в проходе — со спущенными штанами, с запечатанным липучкой ртом, с лиловым фонарем под глазом. Где она?!! С этой мыслью я перешагнул через Кудлу. Тот замычал, вытаращил глаза и указал на кабину пилота, — наверно, я орал «Где Афина?!» вслух.

«Кто же управляет нуль-простыней?!» — ошалело подумал я, опустил монтировку, посмотрел в иллюмин-

натор и стал заморожено наблюдать, как оба галактических спиральных рукава Гончих Псов начали дрожать и загибаться. Связь с Внешним Миром на мгновение восстановилась, — дженераль кого-то драконил на чем свет стоит, далекий духовой оркестр наяривал где-то «Прощание славянки» — и прервалась навсегда. Кто крутил мертвые петли над дебаркадером?! Кто так искусно подцепил якорем горловину?! Кого дженераль Гу-Син называл «камикадзе»?!

Я, наконец, догадался, что слово «камикадзе» относилось не к механике, а к этой отчаянной ведьме. До меня, наконец, дошло, что попытки взять эту богиню на жестянку леденцов была последней глупостью в моей такой короткой жизни...

Звездолет вела Афина. Рогатка натянулась до отказа. Нуль-простыня из последних сил на субсветовой скорости натягивала галактику по пространственно-временному вектору, и тетива могла в любой миг лопнуть. Афина отпустила, раскрыв замок. Для всех внешних посторонних наблюдателей галактика вздрогнула и распрямилась, а уже невидимая ни для кого нуль-простыня сорвалась с рогатки и с многократной сверхсветовой, рвущей пространство и свертывающей время скоростью точно влепила прямо в воронку канализационной горловины. Послышался журчащий, потом утробный звук унитаза, пространство затрещало по швам, а внешние наблюдатели, приблизившиеся через месяц к месту катастрофы, опять замеряли и фотографировали какие-то жгуты, узлы, бугры и, кстати, обнаружили оторванные тесемки от знаменитой папки.

Меня же случайно нашли в огороде прямо под забором Военного Госпиталя, и все удивлялись, что мне так повезло — нашли в капусте! С той поры и началось мое чувство расщепления. Мне казалось, что Я — как две исчезнувшие тесемки от оторванной папки, вернее, как две оторванные тесемки от исчезнувшей папки. Я долго не мог прийти в себя не в том обычном смысле, как приходит в себя выздоравливающий человек, а вообще не осознавая, где я. Я был здесь, но я был и Там. Но где это Там — не мог объяснить. Доктор Вольф говорил:

я не я, и лошадь не моя. Он провозился со мной полгода, пока это Там не превратилось в Здесь, а я не стал самим собой.

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА-2

БЕЛАЯ ГОРЯЧКА, ЧЕРНАЯ ДЫРА.

ТАКОЙ Я ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛ.

— Вы что-то сказали? — спросил доктор Вольф.

— Я ничего не сказал. Я молчу.

— Та-ак. Ну так скажите что-нибудь!

— Почему же вы нас не познакомили? — спросил я.

— Кого это «вас»?

— Меня... с ним.

— Вот! — обрадовался доктор Вольф и затараторил: — Кого это «вас»? Молчите! Кого с кем знакомить? Подполковника Бел Амора с подполковником Бел Амором? Простите, забыл, вы уже генерал. Кого знакомить: вас с самим собой? Как вы себе это представляете? О чем вам с ним — с собой! — говорить? Чем эта встреча может закончиться? Суицидом! Вы же его — себя, то есть, — ненавидите! Вы же его — себя! — убьете! Как брат брата убьете — как Каин Авеля, как Ромул Рема.

— Насчет Каина с Авелем точно не знаю, — пробормотал я, — но с Ремом и Ромулом вышла историческая ошибка следствия.

— Какая еще ошибка?

— Ромул не убивал Рема. Рема убил некий Гитлер.

— Ладно, согласен, неудачный пример. Вы не близнецы и даже не братья. Тем и опасней! Тем более что вы ведь его... себя!.. невзлюбили. Он мне говорил об этом. Он посмотрел на вас — очень зауважал — и достаточно. Ему было важно на вас посмотреть — а не вам на него. Зачем он вам — то есть, вы себе в молодости? А ему важно посмотреть на себя в старости. Вот каким я буду. А каким я был — зачем мне знать? Он мне говорил об этом. Он очень переживает, что вы к нему плохо относитесь.

Доктор Вольф продолжал говорить, а я смотрел на себя со стороны... Хотел бы я посмотреть на себя и познакомиться

с собой в молодости? Наверно, нет. Стал бы брюзжать, поучать, советовать. Хотел бы я познакомиться с собой в старости? Возможно, да. Из спортивного интереса.

— Ну что? — спросил дженераль, спускаясь с крыши. — Я побаивался, чтобы с вами не случилось чего-нибудь эдакого... психологического, — сказал дженераль.

— Нет, все в порядке, — ответил я.

— Вы не обманываетесь... в самом себе?

— Да в чем дело? — спросил я.

— Вы встретили самого себя... это нестандартная ситуация. Вы нашли самого себя. Вам надо это осмыслить, разобраться в своих чувствах.

— Не беда, — сказал я. — Ну, встретил. Он — это я, я — это он. Что ж мне теперь, удавиться и не жить?

— У вас крепкие нервы.

— Да, у меня крепкие нервы.

— У него — то есть, у вас в молодости, — еще крепче.

— Но почему он — Я — такой молодой?

— Для него там прошло три года, а для вас — двадцать пять. Они с Афиной не побоялись еще раз преодолеть барьер нашего пузыря. И опять ушли обратно. Они из той, из другой Вселенной. В общем, мы мало что знаем о них, а вам тем более не надо вникать в подробности. SOS — служба суровая и способна на все. Возможно, SOS ввело шуп и шупает, слушает, наблюдает. Не будем болтать. Их Вселенная им так же дорога, как и нам — наша. Еще неизвестно, кто на кого наехал, — они на нас или мы на них. Захват ли это или природное явление? Неизвестно. Они сами хотели бы знать. У них свои планы спасения, и мы кое-что с ними согласовали.

— Здесь у нас ПРОГЛОД, а там какой-нибудь ПРОЖОР?

— Точно.

— Значит, я руковожу ПРОГЛОДОМ здесь, в нашей Вселенной, и я же, только с противоположным знаком — минус-я или анти-я — в это же время руководит ПРОЖОРОМ в анти-Вселенной? Здесь у нас Красное смещение, а у них — Фиолетовое?

— Вы правильно понимаете. Вот вам подарок. Ваш... он на прощанье просил передать вам подарок... Электронная бритва «Два близнеца». А теперь принимайтесь за дело. Идите. Начинайте. Он — то есть вы! — уже действует с той, с другой

стороны. Вы здесь, а он там, то есть, вы там и вы здесь — это хоть какая-то гарантия того, что Они с той стороны нас не обманут. Не будете же вы обманывать самого себя?

— Я не знаю,— сказал я.

— Идите! Начинайте спасать Вселенную!

— Мы уже начали.

— Тогда идите и продолжайте.

Я и пошел.

Я ШЕЛ И ДУМАЛ. Вот почему дядя Сэм называл его БэА! БэА — это Бел Амор, а не Богатенький Арлекино!.. В БэА меня бесили мои же недостатки, и когда я злился на него, я злился на самого себя, обижался на зеркало. Достоинств же я не замечал. Надо было пойти с ним в парную — посмотреть на самого себя,— а ведь он приглашал! — а я отказался в грубой форме: что мы там будем делать?

Что же это получается? Анфиска — моя жена?

Так что же мне делать, если в моей жизни вдруг объявился мой двойник, какой-то анти-Я, да еще с какой-то моей женой Анфиской, которую я никогда не имел или не помню! Жить-то мне как-то надо? Вселенную спасать надо — или как?

Я вспомнил прыжки Легкоступовой и мои ей советы! Она ведь знала, что я ее... муж, что ли?! Какой конфуз задним числом, какая двусмысленная ситуация. Легкоступова прыгает. Не знаю, как себя с ней держать. Как-никак, она, вроде бы, моя жена. Она тоже не знает.

Я вспомнил, что он — кто? — я? — минус-я? — как его называть? — подружился с Войновичем, и оба уходили в лесок с бутылкой — не завтракают, обед им приносят в комнаты, спускаются только к ужину. Я пересел за другой столик. Это правильно, что нам не дали встретиться — как бы я держал себя со своим двойником — ладно с женой, которую я никогда не имел, даже в руках не держал,— но как вести себя с самим собой? Так можно и помешаться. Можно ли так помешаться? Вполне.

А он ходил вокруг меня да около. А он мне в рот смотрел. В парную, в ресторан приглашал. Я не пошел. Он знал, а я не знал. А ему хотелось выговориться. И он пошел по блядам. Узнаю себя! И его в «Метрополе» чуть было не приняли за меня. А это я и был. Почерк мой.

Значит, вот куда мчался господин подполковник, когда налетел на меня, съезжая по перилам! В командировку на Тот Свет, в другую вселенную! Выходит, я его послал, а он вот куда поехал!

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ. О выборе местности для ПРОГЛОДА я уже рассказал. Мы начинали ни шатко, ни валко, оглядываясь и почесываясь. Было решено не приступать сразу к строительству промышленного комбината в Облаке Оорта, пока не будут построены индивидуальная Установочка для теоретических исследований Коровы и полупромышленная установка (на порядок сильнее) для экспериментов и обучения персонала. Это была крупная ошибка, из-за нее мы потеряли несколько месяцев — надо было строить всё сразу. Лишь потом мы научились не оглядываться и не бояться собственного незнания и нахально брались за множество проектов, о которых не имели понятия.

Даже о масштабах ПРОГЛОДА ни у кого не было ясного представления, никто не знал, чего и сколько нам может понадобиться. (Я опускаю перечисление материалов и оборудования на все буквы алфавита, эту головную боль дяди Сэма — от какого-то экзотического «альгидрида-альбуминурия» до обыкновенного ягеля для кормления гигантского оленя Лехи в местном зверинце, — Леха был хорошим парнем, однажды он забодал столичного налогового комиссара, за что его любило все население О'к-Аллисто, — а это население и было обслуживающим персоналом ПРОГЛОДА, — да где ж для Лехи этот ягель взять?) Многим думалось, что надо построить — лишь! — несколько крупных заводов, обеспечить их эксплуатацию, и — собственно! — дело в кармане, Вселенная спасена. Но ПРОГЛОД не признавал никаких карманов. По безответственным подсчетам, стоимость проекта должна была составить плюс-минус несколько сотен миллиардов. Никто не мог предположить, что строительство на астероиде О'к-Аллисто так разрастется, что захватит все Облако Оорта; никому в голову не приходило, что расходы будут ис-

числяться триллионами полновесной валюты, чуть ли не половиной гражданского пятилетнего бюджета. ПРОГЛОД и был причиной той пятилетней инфляции, стагнации и спада уровня жизни населения. Зато теперь, собственно, мы владеем силами, присущими разве что Тому, Которого Не Называем. Лишь позднее стало ясно, что риск, на который мы тогда шли, в нормальных условиях показался бы совершенно безрассудным. Лишь позднее мы привыкли без страха вести крупные работы, несмотря на громадные пробелы в знаниях и на неопределенность ситуации. Лишь позднее все участники проекта смирились с мыслью, что спешка, которая обычно нужна при ловле блох и клопов, в наших условиях была абсолютно необходимой.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ИЗ ТРЕНЕРСКОГО БЛОКНОТА.

ДЛЯ ВДУМЧИВОГО ЧИТАТЕЛЯ. С футболом для меня было покончено. <Я так думал тогда.> Я взгрустнул и перечитал свои записи. Равнодушные к футболу люди любят подтрунивать над футболом и футболистами: «Хто выще бье, той краще грає», «У отца было три сына — два умных, а третий — футболист». Это известно. Меня же всегда интересовало, как относятся к футболу великие люди. Приведу без комментариев несколько мудрых цитат, которые удивили меня своей парадоксальностью и запали в душу:

Анатоль Франс:

«Я так устал размышлять и писать о серьезных вещах, что решил немного отдохнуть и написать легкое эссе о футболе. Это оказалось труднее всего!»

Эрнест Хемингуэй:

«Я начинал много рассказов о футболе, но так и не написал ни одного, который смог бы сравниться с самим футболом».

Бертольд Брехт:

«Однажды в своей писательской молодости, работая спортивным репортером в «Уже-Не-Помню-Какой-Га-

зете», я решил немного подзаработать и вот что придумал: написать два рассказа — о шахматах и о футболе. Сказано — сделано. Шахматный рассказ я написал сразу — за сутки, в один присест, — утром сел, на следующее утро поставил точку и лег спать. Это был неплохой рассказ, за него мне тут же заплатили в редакции 200 дойчмарок, которые мы со своей подружкой использовали по назначению в тот же вечер. Над футбольным рассказом я раздумывал 22 года, скрипел зубами, бился головой об стенку, начинал и бросал, наконец, закончил его уже умудренным писателем, — впрочем, это получился небольшой роман, который я потом сжег».

Дмитрий Шостакович — Ивану Соллертинскому:

«Вчера 7-ю симфонию закончил. <...> Не знаете ли, где сейчас Нога? <Андрей Старостин.> Наверно, на фронте... Какие он голы забивал!.. Война все разметала в моей жизни».

Иван Соллертинский — Дмитрию Шостаковичу:

«Твою 7-ю я слушал по радио и плакал. <...> А. С. сейчас находится не на фронте, а там, куда даже М. телят не гонял».

Стефан Цвейг:

«Когда мир устает от труда, приобретает особую важность мир игры; когда мир устает от игры, приобретает особую важность мир войны».

Пьер де Кубертен:

«Спорт — это мир».

Лобан:

«Футбол — это война».

Академик Капельцын:

«Читатель, понимающий «три Ф» <Футбол, Физика и Фантастику>, все Непонятное в этих «Отчетах»

может легко воспринимать с полным Пониманием Непонятого».

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПРОГЛОД. ФИНАНСИРОВАНИЕ «ТРИ НУЛЯ». Дженераль Гу-Син был в то время руководителем всего ПРОГЛОДА, но Президент не освободил его от многочисленных обязанностей Шефа Охраны Среды, и все конкретные дела — не только строительство — дженераль возложил на меня, а сам осуществлял общее руководство. Я стал его заместителем. Ему были даны «неограниченные полномочия», он передал их мне. В мое распоряжение поступали инженерные и строительные войска, любые военные и гражданские ведомства, обеспечение материалами индексировалось высшим по степени важности шифром «три-А» (AAA), первоочередное финансирование — «три-нуля» (000), разрешалось привлекать к проекту любые частные фирмы, любых нужных нам ученых, офицеров, чиновников, инженеров, строителей, рабочих любых специальностей для обслуживания заводов. Но я скептически относился к этим словам — «неограниченные полномочия». Проект был в тот момент на полном бездорожье, и я знал цену этих неограниченных полномочий. Я знал, что подобное внимание высших лиц оказывается только поначалу, до той поры, пока дело не увязнет в болоте Непроходимости, пока не наступит разочарование или не возникнет какой-нибудь другой проект.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ВСЕ НАШИ ФУТБОЛЬНЫЕ ПЛАНЫ МЕНЯЮТСЯ.

ПОДГОТОВКА СПЕЦ-ОТРЯДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ.

ФУТБОЛ ТАКИ СПАСЕТ МИР. Я отдыхал от футбола. Я решил, что с футболом покончено, — во всяком случае, для меня. Победа в финале возможна только с созданием Коровиной Установочки, но нам теперь не до победы в финале, светопредставление на носу. Посторонний Наблюдатель только и ждет, чтобы мы занялись футболом. У Лобана и предсе-

дателя Сури'Нама два взаимоисключающих предложения, две стратегии подготовки к спасению Вселенной.

ЛОБАН настаивает вообще снять конюшню с чемпионата. Громогласно заклеить Главного тренера (меня), а команду расформировать. Набрать новых игроков, назначить нового тренера (Войновича), а прежним составом в глубокой тайне готовиться к концу света.

СУРИ'НАМ предлагает: как ни в чем не бывало продолжать отборочные игры, проигрыш-выигрыш уже не имеет значения, тянуть, делать вид, что мы играем в футбол, а на самом деле готовить конюшню к спасению Вселенной. <...>

Я согласен с предложением председателя Сура, но я для Лобана не авторитет. Отправились к дженералу, он тоже не смог решить. Дело дошло до самого Президента. Вскоре состоялась беседа и было принято стратегическое решение.

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА Д'ЭГРОЛ-ЛЯ. Президент согласился с Суром, но в более жестком варианте:

— Конюшню выделить в спец-отряд «Белая Ночь», но продолжать играть, но играть по-настоящему. Матч с воблами провести на зубах и выиграть так, чтобы комар носа не подточил; а там уже подспеют новые фуфайки.

Я опять подумал: «Боже мой, кто нами управляет?!» Философия президента д'Эгролля на удивление проста: «Что было, то прошло, маемо те, що маемо, как будет, так будет». Не велика философия, но Вселенная от этой философии еще не преставилась.

А ведь это правильно — продолжаем играть, лучшей маскировки и подготовки для спец-отряда не придумаешь!

Вот что еще запомнилось из этой сумбурной беседы:

ПРЕЗИДЕНТ Д'ЭГРОЛЛЬ (председателю Суру). Опять «хорошо»! Что вы все «хорошо» да «чудненько»? Все плохо и безобразно! Хорошенькое дело! Вы подряд три игры проср... — и ноу проблем! Вот у меня сейчас проблема со спиртом. И я этого не скрываю. Контрабандный спирт тащат в Галактику из того же Приобского Хантства. Мы закрыли, разумеешь, границу, и весь Малый Магелланов пролив забит баржами со спиртом! Кстати, а не выпить ли нам по рюмашке, что ли?

ДЖЕНЕРАЛЬ ГУ-СИН. Приобретение — или освобождение, или захват — Большого и Малого Магеллановых облаков даст нам возможность держать в своих руках проливы — раз, и выдвинуть далеко в открытый космос границы Галактического влияния — два. Эта стратегическая цель нашей цивилизации в прошлом тысячелетии не была достигнута.

Д'ЭГРОЛЬ. Ладно, ладно, Магеллановы Облака — потом. Сейчас спасаем Вселенную.

<...>

ДЖЕНЕРАЛЬ. Итак, из всех возможных возможностей остается только КОН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУР. Да. Команда Особого Назначения.

ЛОБАН. Только футбол. Футбол спасет мир.

ПРЕЗИДЕНТ (мне). А вы как думаете?

Я. Только конюшня.

ПРЕЗИДЕНТ (Корове, его тоже привели). А вы?

КОРОВА. М-му-му...

ДЖЕНЕРАЛЬ (перебивая Корову). Да, получается так. Армейские спец-отряды не в силах осуществить эту операцию. Служба Охраны Среды — тоже, это не наша парафия, — сказал дженераль. — Только конюшня. Вселенную могут взять только футболисты и спецы с футбольным мышлением.

ПРЕЗИДЕНТ (раздумчиво). В древности лыжники спасли Финляндию, почему бы сейчас футболистам не спасти Вселенную?

<...>

Все согласились с этим. Лыжники и футболисты — они из одной оперы. Было принято кардинальное решение: конюшня НЕ СНИМАЕТСЯ с чемпионата Вселенной, хотя шансов на выход в финал никаких; виноват, как всегда главный тренер (я), он (я) подал в отставку, и сейчас, под руководством Лобана, создается новая конюшня (читай: конюшня начинает готовиться к спасению Вселенной по особой программе «ОБОРОТЕНЬ», представленной мне Лобаном и Гусочкиным, я же должен представить ее Президенту), потому что подготовка к разъединению вселенских пузырей весьма схожа с футбольными тренировками. Пока будем применять термин: «аварийная ситуация», чтобы не употреблять при жеребцах слова «конец света», «стихийный катаклизм» или «война вселенных».

Потом я спросил у Коровы: что он хотел сказать Президенту?

— Я хотел сказать: м-му-мужик, ты прав,— ответил Корова.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

МОИ КАБИНЕТЫ. Мне приготовили кабинет на О'к-Аллисто. Вернее, не «на», а в О'к-Аллисто — пригнали шагающий перфоратор, выдолбили в астероиде глубокий котлован — алмазы так и летели! — и построили бункер. (Комнату на «Маракканне» оставили за мной, я часто туда наезжал и писал свои отчеты; вообще, мои кабинеты были везде, где что-нибудь строилось, они были разбросаны по всему Облаку Оорта, любое строительство начиналось с моего кабинета.) В бункере на О'к-Аллисто было пять кабинетов, один мой, с тяжеленным сейфом, второй, с таким же сейфом, моего личного секретаря фройлен фон Дюнкеркдорфф (обо мне сплетничали, что на ключевые должности — а должность личного секретаря таковой и является — я назначаю «своих людишек»; и это было правдой — кого же еще назначать, если не своих? — и это было неправдой, потому что своих людишек, если они не справлялись с работой, я заменял чужими), еще два кабинета поначалу пустовали, но потом в них вселился дядя Сэм со своей службой матобеспечения, так что чем-чем, а этим самым матом мы были обеспечены. Последний, пятый, громадный кабинет-зал (впрочем, был еще и шестой кабинет — кабинет задумчивости) предназначался для совещаний, но после первых же проб я отменил эти многочасовые прокуренные заседальства-говорильни, от которых отсыхает то место, которым думаешь, и то место, которым сидишь; а зал отдал Вороне под секретариат с несчитанным количеством секретарей, где каждый отвечал за свой небольшой объект, досконально знал, что у него происходит, и всегда готов был доложить мне. (Я знал цену секретарям, которые постепенно прибирают к рукам все дело, которое знают лучше начальства, начинают сами командовать, а начальника держат за дурака, и поэтому не выделял никого из них — Ворона и дядя Сэм не в счет,— не да-

вал им возможности становиться между мной и делом — мне требовалась от секретариата всего лишь точная информация — все!) Позднее, через год, когда стало совсем уж тесно, мы опять пригнали перфоратор и расширились (углубились) раза в три с заделом на будущее. Теперь у нас было 20 комнат, два коридора и два туалета — мужской и женский. Здесь уже размещались (не в туалетах, конечно) секретный отдел, пресс-служба, охрана, секретарей стало еще больше. Мы решили, что с нашим гнездышком все проблемы сняты. Фиг вам (нам)! Опять не хватало места! (Сейчас, через двадцать лет,— но это уже не мои проблемы,— штаб-квартира ПРОГЛОДА так разрослась, что захватила весь астероид и полностью вытеснила все Диффузионное производство вглубь Облака Оорта, оставив лишь хлебозавод, мясокомбинат и пр.)

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ С БЕССМЕРТНЫМИ¹.

ЛОБАН. ОБОРОТЕНЬ. На О'к-Аллисто приехал Лобан и прочитал нашим бессмертным лекцию о том, «что мы визуально видим?».

— Для выигрыша чемпионата Вселенной <читай: «для спасения Вселенной»> надо придумать что-то этакое...— говорил Лобан.

Если Лобан так сказал, значит, уже что-то придумал.

План на игру. Развесил графики. Схемы, формулы...

— Будем играть «оборотня».

«Ага, сопли развесил, так они тебе и сыграют «оборотня».

Что получится, то и сыграют»,— подумал я.

— Прошлый чемпионат не одарил футбол революционными идеями,— говорил Лобан.

«Надо полагать, что «оборотень» будет революционен»,— думаю я.

На основе этой лекции я составил Докладную Записку с угрожающими грифами <«прочитать и съесть»>:

¹ Для футбольных специалистов и профессиональных тиффози. Обыкновенный, то есть, Нормальный Читатель этот пункт отчета может благополучно пропустить.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В СОС.
СЕКРЕТНОСТЬ ААА!
БРИГАДНОМУ ДЖЕНЕРАЛЮ ГУ-СИНУ. ЛИЧНО В
РУКИ.
ПРЕЗИДЕНТУ Д'ЭГРОЛЛЮ. ЛИЧНО В РУКИ.
НОВАЯ СИСТЕМА ЛОБАНА: «ОБОРОТЕНЬ»

ИЗЛОЖУ КОНСПЕКТИВНО. Лобан говорил: в Футболе (как и в Науке) огромную роль играет случайность. Для футбола характерна неопределенность предстоящих маневров противоборствующих сторон. Все диктует конкретная ситуация, которая возникает случайно. Эту случайную ситуацию невозможно предусмотреть, но можно быть к ней более или менее подготовленным. Футбол — Игра быстрых решений; футбол — это умение быстро оценивать быстро меняющуюся ситуацию плюс способность мгновенно выбирать лучшие решения. Футбол — не шахматы, тут раздумывать некогда. Футбол — достаточно простая Игра, язык футбола понятен всем (чего нельзя сказать о шахматах). Медленные многоходовые комбинации в футболе — это робость и неуверенность игроков. Они — длительные комбинации — проходят мимо выгодных ситуаций, снижают внимание, точность, гасят стремительность, ослабляют мощь наступления. Эффект простой операции с двумя-тремя игроками наиболее ощутим. <...>

<...> Академики благосклонно покуривали и визуально разглядывали Лобана. Потом он познакомил их с системой «оборотень».

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЛОБАНА. Вот что он говорит: сегодня в моде защитная система «ДВА-ДАБЛ-Ю» (WW), переходящая с поворотом на 180 градусов в атакующую «ДВА-ЭМ» (MM). Иногда эту систему обозначают в цифрах: 1-4-6, а наоборот: 1-6-4. Еще ее называют «оборотнем», но это не настоящий оборотень, а простой «шиворот-навыворот». Если согнуть пространство, как лист бумаги, то игровые связи в системе «2-эм» (см. рис. 1) и в системе «2-дабл-Ю» (см. рис. 2) в этом подпространстве полностью совместятся, а футболисты получат возможность действовать с двойной силой,

при сохранении той же энергии, как при протыкании сложенной ткани или бумаги иглой (см. рис. 3). Тут простое усиление и ничего более.

<ПРИМ. ИЗДАТЕЛЯ. По техническим причинам рисунки будут опубликованы в академическом издании «Отчетов».>

Начальное схематическое расположение полевых игроков в 10-ти хроногенных точках-позициях «шиворот» такое: точки А, В, С, D, E, F, G, H, I, K. Соответственно, в вывернутом паизнанку пространстве — «навывороте» — этим позициям соответствуют точки А-прим, В-прим, С-прим и т. д. Одинадцатая точка-позиция — =L= — это голкипер в рамке. Линии прямых и позиционных водородных взаимосвязей выглядят так:

$$\begin{aligned} 1) &=L=(f=A-b)*(a-f=B=g-c)*(b-g=C-d-g)* \\ &\quad *(g-c-h=D=I-e)*(d-i=E=k) \\ 2) &=L-(a=F=b-g)*(f-b=G=c-h-d)*(c-g-H=d-i)* \\ &\quad *(h-d=I=e-k)*(I-K=e) \end{aligned}$$

ПОДЛИННЫЙ ЖЕ ОБОРОТЕНЬ — это система «ЭМ-ДАБЛ-Ю», открытая Лобаном. Цифровое обозначение — 1–5–5. В этой системе при наложении пространств «эм», «дабл-Ю» по времени не совмещаются, а система приобретает открытую ромбовидную структуру, где концы с концами не сходятся и двойной силы не получается, но Лобану это и не нужно; главное: в «2-дабл-Ю» происходит расщепление (раздвоение) личностей, создаются двойные — скорее, двойственные, — позиции, и, таким образом, количество полевых игроков удваивается (голкипер остается в единственном числе); итог в игре принимает участие 21 человек, вместо 11-ти (см. рис. 4).

<ПРИМ. См. прим. к рис. 1, 2 и 3.>

ОБОРОТНОЕ ПРОСТРАНСТВО (см. рис. 4) описывается следующими образцовыми позиционными связями <при-

вою только три основные связи, чтобы не утомлять Президента страницами математических формул, огражденных бесконечностями, потому что за открытой оградой бесконечностей все связи сливаются в разобщенное уравнение форматом в книжный кирпич:

$$\begin{aligned} <...> L = * (k' - a' - A = b' = b'k = b'f - e) * (e' - e - d'i = \\ &= d'f = d' = B = f' = f'g = f'i - d - e'i) * (h'h = h'g = h' = C = h'h - i' - i'h) \\ &<.....> = K' = = K' = <.....> \\ &(h'h = h'g = h' = C = h'h - i' - i'h)(e'i * e' - e - d'i = d'f = d' = B = f' = f'g = f'i - d) * \\ &*(ka' - a' - A = b' = b'k = b'f - e) = L = * <...> \end{aligned}$$

С голкипером $=L=$ все понятно <это Лобану все понятно>, — в «оборотне» голкипер статичен; но может возникнуть вопрос: откуда взялся двадцать первый игрок, этот $=K'=$? Этот парадокс Лобан объясняет так: дело в том, что $=K'=$ — блуждающий форвард, который уравнивает в «оборотне» статичного голкипера $=L=$. Роль блуждающего форварда самая главная в схеме, он невидим сопернику (вот оно — то великое открытие, которое сделал Корова!). И никаких нарушений законов, правил, этических норм. Мы, конечно, слабосильная конюшня против стойла конфедератов, но теперь у нас получится вдвое больше полевых игроков, и у нас есть невидимый блуждающий форвард — в этом наш шанс!

Пространство—время, свернутое в трубку, — например, в папиросу, — Лобан не берется ни изобразить графически, ни описать математически, ни объяснить словами. Интересующихся этой проблемой он отправляет к монографии А. Ф. Гусочкина «Математическое обеспечение системы «оборотень».

<...>

МЕДИЦИНСКИЕ ВЫВОДЫ. Из всей этой научной тарбарщины следуют вполне определенные психологические ситуации, связанные с расщеплением личности, — потому что расщепление личности происходит не в метафорическом или психо-медицинском смысле, а в реальной действительности: например, на полигоне появляются сразу два Олега Брагина, и какой из них настоящий, а какой Брагин-бис — не определит ни сам Брагин, ни никакой фрейдистский консилиум.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

НЕУДАЧА СО ШТАБОМ. Поначалу я рассчитывал завести себе главного инженера — кого-то вроде заместителя или начальника штаба, пусть думает за меня. Войнович, конечно, был лучшей кандидатурой, но ему в Проекте предназначалась своя самостоятельная роль. Тогда я приглядел другую кандидатуру <это был Левка Куриц>, но прежде чем этот человек успел приступить к работе, я вынужден был командировать его к Гончим Псам, потом в Метрополию, потом еще куда-то,— надо было решать вопросы на местах, я сам мотался из конца в конец Вселенной, как белка в колесе. Любого дельного человека <того же Курица, Сайгона, Гробшильда, Степана Мазилу, многих других>, попавшегося мне под руку, я тут же куда-нибудь посылал — в командировку, понятно. И тогда я прекратил всякие попытки создания штаба и возложил роль связующего и координирующего звена на фройлен фон Дюнкеркдорфф (о ее вербовке и о наборе персонала я расскажу в своем месте). Ворона полностью оправдала мои надежды, а после окончания проекта сам президент д'Эгроль нарастил и украсил ее плоскую грудь, прикрепив к этой доске с сучком бриллиантовый орден Мужества 1-й степени. Этот красивый орден до Вороны ни одна женщина не получала (их награждали другим орденом — с созвучным, но двусмысленным названием «За мужество»). Это была заслуженная награда, я от души поздравил нашу фройлен с таким украшением.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОТЕСТ.

ВОБЛЫ (ВОДОРОДНО-ВОДОПРОВОДНЫЙ БЛАГОВЕСТ). Пока разворачивался ПРОГЛОД, состоялся четвертый матч и четвертый протест соперников.

‘ После игры с воблами (мы выиграли у них 5:1) даже не было древних, как футбольный мир, шуточек в стадионном ангаре, когда кто-то пытается распутать морской узел на связанных шнурах бутс, кто-то с голым задом бродит по комнате, разыскивая исчезнувшие трусы, а кто-то обнаруживает

свои гетры в душевой. Было не до смеха, все ждали — что случится на этот раз?

Случилось вот что. Воблы пошли по пути жлобов, башибузуков и оборваров, но им немного не повезло. Воблы подали протест — все поняли, что нас можно взять не игрой, а протестами, — рамка Малой Медведицы оказались на ноль-целых-миллиметра плюс-минус-больше-меньше стандарта — по нашей вине — не подсыпали воз навоза, и потому нам следует засчитать техническое поражение. Нас не уважают, потому что мы больные, бедные и невезучие. Воблы над нами насмеются, хотя буква закона на их стороне. Сразу после матча они настояли на замерах ворот. Даже арбитр удивился, но требование было законным. Бледный дядя Сэм стоял на стремянке и держал рулетку. Лобан качался вверх-вниз¹. Я нервно посмеивался в президентской ложе. Председатель испускал лысиной зайчиков. Комиссия ФУФЛА использовала известный инструмент Майкельсона, еще раз измерила скорость света и определила — ворота на 0,0000...1 мм ниже стандартных. Воблы были в восторге! Дядя Сэм еще раз проверил своей рулеткой. Все сходилось.

¹ ПРИМЕТЫ, ТРАДИЦИИ. Многие футболисты перед матчем не бреются, не стригутся. Другие, наоборот, выбривают все, где растет. Дают обеты: если проиграем, съем свою шляпу. И едят. Тренер имеет постоянное место в автобусе — первое, у окна, справа и позади водителя. Очень важно: тренер должен выйти из автобуса последним. Во время игры: крайнее к центру место на скамейке запасных. Наблюдение за разминкой. Взгляд на полигон, выйти к центру полигона к черной дыре, пощупать ногами поляну. Лобан, например, качается. Чем сквернопротивнее складывается матч, тем глубже качается. Сидит, сгорбившись, на скамейке запасных под тентом и, прижав руки к груди, ритмично и ровно качает всем туловищем — вниз-вверх, вниз-вверх. Как заведенный, как нефтяной насос, — вверх-вниз, вверх-вниз. Другие зверски курят, как бульдоги. Ковыряют в носу и где только возможно. Чешутся. Чешут. Третьи (как я) вскакивают, бегают, орут, руко-водят руками. Лобан же ровно качает туловищем вверх-вниз, вверх-вниз. И в матче с воблами получил по высунувшейся из-под тента голове тяжелым фаустпатроном (бутылкой из-под шампанского), брошенным с тиффозной трибуны. Пока доктор Вольф смазывал йодом и бинтовал ему голову, я его наставлял:

— Сколько раз тебе говорил: качайся не вверх-вниз, как журавль, а туда-сюда, как маятник! Тогда по голове не получишь!

И все же — мы и здесь победили! (То есть, выиграли.) ВСЕЛИ оштрафовала нас на 10 тысяч кварков за нестандартность ворот, но результат оставила в силе, потому что мы менялись воротами и, значит, играли на равных!

В матче с воблами мы впервые и очень осторожно попробовали некоторые элементы системы «ОБОРОТЕНЬ» — бочка, челнок, пропеллер, вертушка, еще кое-что. Все прошло, никто ничего не заметил.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОГЛОДА. Надо было с чего-то начинать, хотя, собственно, работы по проекту давно начались — мне уже построили бункер на О'к-Аллисто, а строительство экспериментальной Установочки для Коровы велось стремительными темпами в Шишкином Лесу на «Мараканше-2-бис» стена к стене с третьим Полигоном. Корова, руки за спину и с зевковским долготерпением, мерил шаги вокруг да около Установочки и что-то мычал; но мне сейчас было не до Коровы — я должен был организовать непрерывный фронт работ, поток поставок, озадачить своих подчиненных так, чтобы дело делалось без моего вмешательства по мелочам, чтобы раствор, кирпич, асфальт, щебенка, доски, гвозди, уран, эйнштейний или эти трахнутые пю-мюзоны появлялись на стройке сами собой.

<ПРИМ. Через десять лет я потребовал и настоял ввести в протокол моего допроса в Конгрессе следующую фразу: «Обращаю внимание следственной комиссии на то, что первые Вакуумно-Диффузионные заводы по переработке пространства—времени были нами спроектированы и построены в то время, когда мы располагали всего лишь одним микроскопическим следом всего лишь одного кванта «энной пустоты».>

Для подобной самоорганизации первым делом мне надо было выделить и уяснить для себя центральную проблему Проекта. Что нам, в сущности, надо сделать?

— Спасти Вселенную, всего лишь, — ответил мне на лужайке для гольфа президент д'Эгроль. И мягким ударом закатил мячик в лунку.

Этот демагогический ответ был ответом прожженного политика, который умышленно путает цель со средством ее достижения (или недостижимую цель со средством ее недостижения). Такой ответ меня не устраивал. Я хотел уточнить, но дженераль задрал клюшку над головой и недовольно сказал:

— Прекратите будировать этот вопрос. Идите и выполняйте то, что поручил вам Президент. Идите и поставьте точку над i.

И дженераль Гу-Син в сердцах шваркнул по мячику с такой силой и так неловко, что сломал клюшку, вывернул себе плечо, куском вырванного дерна вlepил мне в лицо, а мячиком угодил Президенту по я... между ног. Оба скорчились от боли. Я поспешил оставить их наедине и, протирая глаза от травы с землей, пошел звонить личному президентскому врачу, чтобы тот вправил дженералю плечо, а Президенту — то, что у него там вывихнулось. С тех пор я зауважал гольф — оказалось, что это опасная мужская игра, не уступающая футболу.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ. В СЛУЧАЕ МОЕЙ ГИБЕЛИ.

— Вы еще пользуетесь моим стареньким лендровером? — однажды спросил дженераль Гу-Син, наблюдая за моими перемещениями.

— Всегда на нем езжу.

— Машина сильная, но не из самых надежных.

— Что имеем, — ответил я. — Меня устраивает.

— И водитель у вас какой-то смурной.

— Хуго Верстак. Надежный, преданный парень.

— Я не о том. Он гонит по трассе со сверхсветовой, как гонщик какой-то.

— Он гонщик и есть. Бывший.

— Это опасно.

— Зато я везде успеваю.

— А ваш заместитель?

— У меня нет заместителя.

— Верно, у вас нет заместителя, — задумался дженераль. — Кто же вас заменит в случае вашей... мм... несчастного случая?

— В случае моей гибели? — уточнил я. — Дорожная катастрофа или балкон на голову? Это уже будет не моей, а вашей проблемой, господин дженераль.

— Хорошо, я подумаю над этой проблемой. А пока возьмите в правительственном гараже нормальный бронированный «мерседес-квант» — такой, как у меня и у Президента.

— Не нужен мне «мерседес». Этот «мерседес» уж точно меня засветит — Президент, вы и я... Яснее некуда.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОГЛОДА: ПРОБЛЕМА ПОЛУЧЕНИЯ ЭННОЙ ПУСТОТЫ В ДИКОМ ЯБЛОЧКЕ. Я люблю новые вкусные слова. Слово «будировать» мне понравилось. Я решил пробудировать этот главный вопрос в бессмертном конклаве. Ответ академиков был единодушным и однозначным, хотя и не вполне конкретным:

— Для спасения Вселенной нам нужно получить энное количество абсолютной пустоты.

— Нельзя ли точнее? Сколько именно «энной» пустоты нужно получить?

(После этой удачной фразы центральный объект наших усилий мы стали называть «энная пустота», и это было удобно для маскировки.)

Бессмертные затруднились с ответом. Одни, как рыбаки, широко разводили руки и говорили:

— Столько.

Другие показывали краешек ногтя мизинца:

— Вот столько.

Третьи отмеряли фалангу указательного пальца:

— Ну, примерно, с наперсток.

Тогда я опять созвал симпозиум (в бункере на О'к-Аллисто) и объявил:

— Будем сидеть хоть до утра, пока я не услышу конкретный ответ в цифрах: сколько?

До утра сидеть не пришлось, бессмертным захотелось кушать, и они справились с заданием до обеда, даже не прибегая к мозговому штурму. Они отнеслись к делу очень серьезно и заинтересованно — прикинули палец к носу, тщательно и добросовестно обсудили все

стороны проблемы, подкрепляя свои рассуждения математическими выкладками, и наконец назвали долгожданные цифры:

— Для проведения завершающей операции ПРОГЛОДУ потребуется 0,000000000000000... граммов (ноль целых, ноль-ноль-ноль в периоде граммов) энной пустоты в объеме примерно сорока кубических миллиметров.

Я не понял и честно признался:

— Я не понял. Сколько это: ноль целых, ноль-ноль-ноль в периоде граммов?

— Нисколько! — последовал ехидный ответ. — Не забывайте, что речь идет об абсолютной пустоте.

Тогда я начал о чем-то догадываться.

— А объем в сорок кубических миллиметров — это сколько?

— Опять «сколько»! — раздраженно воскликнул Лон Дайк. — Вы хотите узнать, какое количество пространства занимает объем в сорок миллиметровых кубиков?

— Вот именно.

— Сейчас покажу наглядно. У вас линейка есть? Да, обыкновенная школьная линейка. И силикатный клей. И ножницы.

Сделали перерыв и отправились искать ножницы с клеем и линейкой.

ПРОБЛЕМА ЛИНЕЙКИ, КЛЕЯ И НОЖНИЦ.

Тоже мне, проблема — линейка, клей и ножницы! Конечно же, они есть, но где? Пришлось на полчаса прервать симпозиум и устроить в бункере форменный обыск, пока не набрали на фройлен фон Дюнкеркдорфф — школьная линейка, силикатный клей и маникюрные ножнички нашлись у нее, она как раз расчерчивала поля в какой-то своей амбарной книге и подклеивала туда какие-то подотчетные квитанции.

Эксперимент по наглядному выяснению количества пространства в сорок миллиметровых кубиков поручили самому молодому из бессмертных, которому еще жить да жить, — Корове. Толик, высунув язык, старательно расчертил на бумаге кубическую раскройку с

язычками для склейки, вырезал ее кривыми маникюрными ножничками и кое-как склеил, макая пальцем в клей (кисточку не нашли), измазав пальцы и безнадежно испортив этим въедливым силикатом полировку моего стола. Получился грязный и кривой кубик в 40 кубомиллиметров.

<ПРИМ. Сейчас этот стол и кубик выставлены в Диффузионном музее, на них сохранились грязные отпечатки пальцев Коровы. Экспонаты аукционируются в одном лоте. Начальная цена 200 тысяч деноминированных кварков. Бедных просят не беспокоиться.>

<ПОЗДНЕЕ ПРИМ. Стол и кубик проданы на аукционе за 800 тысяч кварков. Половина этой суммы (за кубик) передана Анатолием Гусочкиным для капитального ремонта «Мараканны-2-бис», другую половину (за стол) я пожертвовал в фонд Резервации вольных художников О'к-Аллисто. Налоговую полицию просим не беспокоиться.>

Лон Дайк осторожно взял кубик кончиками пальцев, поднял над головой и продемонстрировал сначала мне, а потом ученому собранию:

— Вот он — объем энной пустоты, примерно, с небольшое дикое яблочко.

(Это «дикое яблочко» тоже вошло в секретный фольклор ПРОГЛОДА — «достигнуть уровня дикого яблочка», «сорвать дикое яблочко», т. п.)

Тогда я решил уточнить, что на научном жаргоне означает слово «примерно», то есть, насколько точна их оценка объема энной пустоты, какой плюс-минус, каков уровень ошибки? Я ожидал услышать большую, но разумную цифру — 20–30 процентов, не более; однако ответ поверг меня в ужас — бессмертные, посовещавшись, с олимпийским спокойствием заявили, что их оценка верна с точностью до шести порядков — то есть, крайние пределы между плюсом и минусом отличаются по величине в миллион раз. Дикое яблочко являлось усредненным объемом, действительная цифра объема энной пустоты лежала где-то между 0,04 и 40000 куб. мм —

то есть, между пылинкой и астероидом в пол-квадратных километра! Песчинка и этакая глыба — это даже не муха и слон, это капля и океан! Это была трагикомедия! Трагедия такой неточности заключалась в невозможности всякого разумного планирования производства, а комедия в том, что заглянувший в зал заседаний шеф-кок Борщ, который пришел сообщить о том, что обед уже готов, на мой вопрос, что он будет делать, если завтра ему прикажут накормить неизвестное количество гостей — то ли десять, то ли миллион, ответил категорическим императивом:

— Немедленно увольюсь!

Но и это еще не все. Цитирую Лон Дайка:

«Эннуну пустоту, втиснутую в предполагаемое псевдо-пространство кислого яблочка, следует еще плавно и правильно распределить по вектору псевдо-времени, иначе велика вероятность знаковой перестановки,— есть риск, что время в этом кубике превратится в пространство, т. е. время получит пространственные параметры — секунды, минуты, часы приобретут реальное протяжение, их можно будет измерить линейкой, метром или шагами и двигаться по времени вперед и обратно, сворачивать влево и вправо, на юго-восток или северо-запад; пространство же приобретет временные свойства, и это значит, движение в пространстве будет происходить только вперед — от прошлого через настоящее в будущее».

<КСТАТИ. Этот теоретический эффект испытал на своей шкуре (или на моей шкуре?) мой двойник в Анти-Вселенной — Амор-младший жил там в перевернутом пространстве—времени — пространство в зоне Красно-(фиолетово)го Смещения замедлялось или убыстрялось, тянулось или мчалось только «вперед, в будущее!», было прошлогодним пространством, сиюминутным, тяжелым, нудным, счастливым и невидимым — т. е. обладало всеми свойствами нашего времени; время же там обладало всеми свойствами нашего пространства — по времени ходили туда-сюда во всех направлениях, лап-

дшафты времени изменяли и перекраивали, на времени строили дома и заводы, во времени рыли котлованы, спали, веселились, пили водку, хоронили, время пилили, шлифовали, добывали в нем полезные ископаемые — жизнь продолжалась.>

ШТУКОВИНА ДЛЯ ВСЕЛЕННОЙ. У меня в голове все поплыло, поплыло, но это был не прибой мыслей, а наоборот,— отлив умственной потенции. Я спросил:

— Сколько времени?

— Вы хотели сказать — который час? — переспросил Лон Дайк.— Пора обедать.

— Нет! Я спросил правильно: «сколько времени»? Сколько этого пространственного времени понадобится, чтобы плавно и правильно распределить его по псевдо-вектору?! Сколько секунд, минут и часов следует втиснуть в этот кубик, чтобы спасти Вселенную?

— Сколько, сколько... Время — это такой объект, который плавно распределится сам, если мы все правильно сделаем с пространством. Все уже устали, идемте обедать. Сейчас более точные данные получить просто невозможно.

— Стоп! — сказал я.— Сидеть! Никаких обедов, до тех пор пока я не услышу, ЧТО ИМЕННО мы должны сделать. Что это за пустота в яблочке? Назовите предмет, который мы должны создать. Болт с гайкой для скрепления двух пузырей? Заклепка? Застежка-молния? ЧТО?

Они смущенно молчали.

— Вы еще не догадываетесь? — спросил Лон Дайк.

— Бомба? — спросил я.

Они опять промолчали.

— Бомба? — опять спросил я.

— Для мирных целей,— сказал академик Тутт.

Все дружно закивали.

— Мы не пойдем обедать, пока я не услышу от вас это слово.

— Ну, бомба,— пробурчал Лон Дайк.— Давайте называть эту штуку как-то иначе.

- «Штука», что ли?
- Штука, штуковина, заряд, изделие... как-нибудь.
- Пусть будет «штуковина».

Согласились на «штуковину» и, наконец-то, отправились обедать.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

НОЧНОЙ ЗВОНОК. ПРИОБСКАЯ ГОРЧИЦА.

- Давай, вставай!
- Куда в такую рань? — удивился я.
- Корову доить.
- Толика, что ли? — не понял я.
- С Днем Дурака! Ну, ты меня понял, да? Спи дальше!

Но я уже не мог спать. Шуточки Кривого Кондратия были не умнее Простодырого Дурака.

<...> Побывал в этот День на «Маракканне». Жеребцы подсунили мне на ужин знаменитую приобскую горчицу, от которой аборигены-приобы ловят кайф. Я давно ее не ел, с Соловыиных Островов. На столе, как обычно, стояли приборы с солью, перцем, горчицей. Я взял сосиску, намазал ее обычным горчичным соусом, отправил в рот, но тут же понял, что произошло. Я виду не показал, хотя покраснел, дух захватило и слезы потекли из глаз. Жеребцы опустили головы в свои тарелки и втихомолку ржали. Козлы!

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ГЛОБУС ВСЕЛЕННОЙ. После симпозиума я окончательно убедился, что в нашем деле (в деле спасения Вселенной) мелочей не будет — подумать только, без клея, линейки и ножниц мы не смогли бы уяснить, к чему мы, собственно, стремимся! Я спрятал бумажный кубик в сейф, вызвал дядю Сэма, приказал ему бросить все второстепенные дела (закупку эйнштейния, переговоры с «Лукойлом», даже строительство Установочки), немедленно отправиться в Метрополию и купить для нужд ПРОГЛОДА разнообразные канцелярские товары: ручки, линейки, кисточки, лекала, резинки, циркули, транспортиры, клей, прямые и кривые ножницы и т. д. И еще бумагу для пишущих машинок. (Кажется, я уже говорил о том, что не доверял компьютерам из со-

ображений секретности — никто не знал, нарушение каких физических законов и какие файловые вирусы таит в себе увеличение ультрафиолетового и исчезновение инфракрасного смещения. Я боялся хакерной диверсии.)

— Сколько всего купить? — спросил дядя Сэм.

— Не знаю «сколько»! — раздраженно ответил я словами Лон Дайка. — Кубический километр ножниц и циркулей! И чтобы ножки циркулей показывали точное время! И чтобы эта проблема была снята раз и навсегда!

— А глобус купить?

— Какой глобус?

— Глобус Вселенной.

— Есть и такие? — удивился я.

— Да. Надувной расширяющийся глобус с показателями Красного смещения на сегодняшний день.

— Купить обязательно!

— Стол заменить?

— Зачем?

— Грязный.

— Пусть остается. Хочешь пари? Лет через двадцать его выставят в музей, а потом продадут на аукционе как минимум за сто тысяч кварков.

— Сколько?

— Я сказал: за сто тысяч.

— Я спросил: пари на сколько?

— На те же сто тысяч.

— Минуточку... Через двадцать лет? Принимаю!

<ПРИМ. Дядя Сэм не поверил и на пари пошел. Я оказался прав, хотя и занизил цену в восемь раз. Сто тысяч кварков он мне до сих пор не отдал.>

На следующий день в моем кабинете летал красивый прозрачный глобус Вселенной, надутый гелием. Внутри этого пузыря все трепыхалось — сближались и разбегались метагалактики, сгущались пылевые облака, проносились блуждающие звезды, вспыхивали сверхновые. Наша Метрополия светилась яркой пылинкой поближе к центру. То и дело в кабинет заходил Коровяк и

приводил на экскурсию очередного бессмертника. Дядя Сэм записывал заказы, каждый желал иметь дома такую полезную и красивую игрушку. Но эта занимательная игрушка оказалась откровенной халтурой нашей резиновой промышленности — к вечеру Вселенная начала испускать дух и к утру превратилась в сморщенный презерватив. Лучше б уж лопнула!

На душе кошки скрежещут зубами. Плохой признак, нехорошая примета. Неужели наша Вселенная повторит судьбу этого глобуса?

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА. ФУТБОЛ И МУЗЫКА.

ФУТБОЛИСТА ПОЛЮБИЛА, ФУТБОЛИСТУ Я ДА-

ЛА. Перед повторным матчем со жлобами решили пригласить известный вокально-инструментальный ансамбль «АББРЕ-ВИАТУРА» (АБразивно-БРЕНчащий Вокально-Инструментальный Ансамбль Турбо-Аномалии или что-то в этом роде). Пусть ребята послушают музыку, отдохнут от тяжелых тренировок. Вообще, Лобан любит порассуждать на тему «футбол и музыка». Он говорит:

— Когда я отбираю молодых, то, кроме всего прочего, прошу насвистеть что-нибудь популярное — ну, «Марш Мендельсона» или «Вперед, конюшня!». У кого есть музыкальный слух, тот с пузырем тоньше, техничнее обращается.

Я удивился и стал присматриваться. Макар на одном из дипломатических приемов, когда надо было танцевать, попросил меня:

— Когда заиграют фокстрот, скажите мне. Это единственный танец, который я умею танцевать.

Вот так. Ну, голкиперу для приема мяча музыкальный слух не очень-то нужен. Ему нюх нужен.

А вот еще: однажды едем в автобусе, все молчат, только на заднем сиденье кто-то очень чисто насвистывает потихоньку какую-то арию Монтеведерчи из оперы Контрамардинни (или наоборот). Все слушают. Потом наступает тишина. Неожиданно Лобан строго спрашивает:

— Кто это свистел?

Все оборачиваются и видят смущенного Хуана Эстремадуру. Он краснеет и признается. Лобан — очень сердито:

— Я так и знал, что это кто-то из тех, кто умеет обращаться с мячом.

<...> Так вот, приехали лабухи из этой АББРЕВИАТУРЫ, дали нам концерт. Какие-то частушки. Лобан сказал, что все это дурновкусие и пошлость на уровне глупой художественной самодеятельности:

По Оби плывет топор
В области Поленова.
Ну и пусть себе плывет,
Железяка хренова.

И припев:

Ханты-на-Оби,
Ты мне мозги не...
<многозначительная пауза>
Пудри!

Или:

Футболиста полюбила,
Футболисту я дала!

.....
.....

<Дальше не столько неприлично, сколько глупо, но для тех, кто очень интересуется, могу заменить точки на буквы: «Через месяц я родила / Мяч размером в три кила».>

Фройлен фон Дюнкеркдорфф поджала губки и удалилась. Нет, нехорошо все это. Да, нехорошо.

Футболисты на поляне
.... девок на халяву.
Их, они пищат,
Бутсы в стороны летят.

Футболист на полигоне
.... девку на газоне.
Он, она пищит,
Лифчик в сторону летит!

Экая чушь собачья! Хотел было сказать Гуго и Хуго, чтобы вытолкали этих придурков в шею, но наши жеребцы от всей души реготали, и мне не захотелось портить им (жереб-

цам) настроение. А вот совсем застиранные куплеты, я их слышал еще до того, как родился:

Просыпаюсь в шесть часов,
Нет резинки от трусов!
Вот она! Вот она!
На челне намотана!

А что им еще слушать — Бетховена, что ли?

Кстати, не забыть сказать дяде Сэму, чтоб купил оптом резинки для трусов на всю команду.

— Да, Бетховена,— прошептал Лобан.

Он сидел рядом с закрытыми глазами и медитировал.

— Да, Бетховена,— повторил Лобан.— Шестую симфонию Бетховена. Помнишь: «Бам-ба-ба-бам! Бам-ба-ба-бам...»

Я не очень-то помнил Шестую симфонию Бетховена. Я ее совсем не помнил.

— Хорошая идея. О'к. (Это Лобан с закрытыми глазами сказал мое любимое «о'к».) Вот что мы сделаем... Скажи Рафе, чтобы пригласил к нам Большой симфонический оркестр. Пусть исполнят ребятам Шестую симфонию Бетховена. «Бам... ба-ба-бам! Бам... ба-ба-бам!» И, кстати, Седьмую Шостаковича. Но только в современной аранжировке. Помнишь Седьмую? «Пам-пам... парам-пам! Пам-пам... парам-пам! Пам-пам-пам-пам-парам-пам, пам-пам-пам-пам-парам-пам, та-ра-ра-рам-та-рам-там!»

Я впервые слышал, как Лобан поет. Свои ощущения я не могу передать словами. Я чуть не залез под стул от смеха.

— Ладно, ладно,— сказал Лобан, не открывая глаз.— Я больше не буду петь.

— А где Рафа возьмет записи Бетховена и Шостаковича в современной аранжировке? — спросил я.

— Зачем записи?

— Ну, для фанеры.

— Какой фанеры?

— Они же будут исполнять Бетховена под фанеру? — неуверенно предположил я.

Лобан открыл глаза. Этот взгляд оскорбленного меломана я на всю жизнь запомню.

— Ладно, ладно, я в музыке не разбираюсь,— поспешил признаться я. (Лобан становится злым не за ошибку, а когда кто-то настаивает на ошибке.)

— Ну и резинки для трусов, само собой,— ответил Лобан.

Лабухи хотели уйти от налогов, их капитан команды (или как его? руководитель ансамбля? атаман шайки?) подошел к дяде Сэму и предложил подписать заниженную сумму, а получить наличманом.

— Ну, а ты что? — спросил я.

— Послал их на.

— Правильно.

Итак, к игре со жлобами мы были готовы по всем статьям, даже музыкальным. Теперь все зависело от везухи и невезухи.

ПОВТОРНАЯ ИГРА СО ЖЛОБАМИ.

К ПРОБЛЕМЕ ВЕЗУХИ И НЕВЕЗУХИ. (Из разговоров с академиком Туттом.) Это надо записать.

— Постоянной везухи не бывает — как и невезухи,— говорит академик Тутт.— Везуха—невезуха — это два полюса спортивной (и научной) жизни. Главное — когда и как не везет. Вы невезун <это обо мне>, потому вас и поставили руководить Проектом. В ПРОГЛОДЕ удача сопутствовала нам, но была средней на шкале везухи—невезухи. И это хорошо — маятник в этом деле ни к чему. Иногда везуха, везушка — удачный результат при неудачной игре — эта улыбка судьбы встряхивает команду, игра становится веселее, все начинает получаться само собой. Постоянная упрямая невезуха — три чисто выигранных матча коту под хвост! — это даже не гримаса судьбы, а удар кастетом, способный раскроить череп любой команде. Но и постоянная везуха опасна,— отвыкаешь проигрывать, значит, падать будет больнее.

Так и запишем.

К ПРОБЛЕМЕ ЧУЖОГО ПОЛЯ. На чужом поле играть иногда везушлее, чем дома, потому что хозяева излишне стараются и потому скованы. Но фактор чужого поля недооценивать нельзя. Ты не в гостях. В командировке хуже, чем дома. Подушка в отеле жестче домашней, горячей воды нет, еда — жри, что дают (шеф-кок, конечно, старается, но все равно — не дома). И т. д. Перелет, переезд, чужая публика, добра не желающая. Разнузданность толпы. Матерщина, наглая, хамская. В дальние края мы отправляемся чартерным рейсом,

а на игры в близлежащие галактики разъезжаем в собственном «Ситроене» — это вместительный фотонный омнибус со спальней на второй палубе, — на нем далеко не разгонишься (да и куда спешить), он подпрыгивает на силовых ухабах, кряхтит при переключении скоростей, но ничего, нормально, тянет старик — особенно, когда набирает посильную скорость.

В общем, жлобы хотели нас удивить. Графическое расположение пятерки нападения жлобов было похоже на знак математического корня в зеркальном изображении — четыре форварда на переднем крае и один (правый полусредний) оттянут чуть назад. Это старомодная модифицированная система «пять в линию».

Но мы жлобов огорчили и уверенно выиграли повторный матч.

УСТАНОВКА НА ИГРУ. Этот логос Лобана заслуживает войти в футбольные анналы:

— А вы помотайте их, помотайте! Поиграйте подробней!

<...>

Счет о чем-то говорит: 6:1. В самом конце игры Лобан впервые выпустил на замену Племяша. Типичная тактическая замена. Пусть привыкает. Но Племяш даже успел забить свой первый гол.

<О других подробностях этой игры распространяться не буду — подробности забываются, исчезают, зато запоминается и остается счет, результат. Не только в спорте. Многостраничный поминутный отчет об этом матче можно будет прочитать в академическом издании «Отчетов».>

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

К ПРОБЛЕМЕ ЭННОЙ ПУСТОТЫ В ДИКОМ ЯБЛОЧКЕ.

Космическая пустота нашего вселенского пузыря, в которой живут и умирают трансгалактики, — это, конечно, наполненная энергией «клокочущая пустота», как удачно выразился член-корр Кузанский, один из твердолобых и черепно-мозговых, написавший впоследствии одноименную книгу, — нам же нужно было полу-

чить абсолютную чистую пустоту, пустоту пустот, в которой обитают Вселенные. Для разрежения грязной космической пустоты до абсолютного вакуума требовалось, как ни странно, сжатие пустоты под грандиозными давлениями. То есть, мы имели дело с теоретическими понятиями — абсолютный нуль, абсолютно твердое тело (философский камень), абсолютная пустота — и нам их следовало получить в чистом виде и в промышленном количестве. Коровина Установочка позволяла получить лишь микроскопические количества изотопов «нуль-пустоты», — некоторые теоретики были склонны называть «абсолютную пустоту» даже не «средой», а самым последним химическим элементом без номера и названия, сверх-химическим элементом, в котором и происходят все химические реакции. Я не умею подробно описать теоретические рассуждения на этот счет, но я понял теоретиков так: химические реакции, происходящие в какой бы то ни было среде, или среда, в которой происходят химические реакции, суть одно и то же, и в обычных условиях неразрывны, как пространство—время. Разрыв в пространстве—времени, овладение дискретностью пространства—времени привел к тому, что разум овладел всей нашей Вселенной. Выход в абсолютную пустоту будет означать овладение меж-вселенским пространством. Это уже не Космос с пространствами, подпространствами и псевдопространствами, замешанными на временных квантах. Это следующий шаг, это абсолютное знание, это абсолютный разум, это уже не какая-то чертовня в 12-ти-мерном омуте, это ОН САМ — назовем его так, чтобы не поминать всуе.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ПОВТОРНАЯ ИГРА С БАШИБУЗУКАМИ.

На этом матче я не присутствовал, а гонял с научными консультантами по всему Облаку Оорта в выборе места для параллельного (дублирующего) Диффузионного завода. Записываю некоторые впечатления Лобана и доктора Вольфа.

УСТАНОВКА НА ИГРУ. Лобан произнес целую речь. Смысл:

— Коллегиальней, коллегиальней сыграйте!

Мы выиграли 3:1. Матч на матч не приходится. Игра была какая-то рваная. В конце Племяш опять вышел на замену. Сыграл хорошо. Навел панику у башибузуков. Рвался к голу, но не забил. Он выглядит пацаном, поэтому на него не обращают внимания.

ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА. Подошел в перерыве Бр<агин>:

— Доктор, у меня левый глаз не видит!

В первом тайме, выходя с планетоидом из шестимерного пространства, он получил сильный удар в глаз направленным пыром. Несушь к Лобану:

— Еще один одноглазый! <Первый одноглазый — Ираклий.> Надо менять!

Бежим вместе к Брагину, у него уже все в порядке:

— Глаз видит!

Уже нет времени проверить. Пошел он играть. После игры подходит:

— Не видит.

Закончилось это недель в госпитале.

<...>

Хуан в ангаре:

— Доктор, я повредил ногу!

— А я думал — голову.

Обиделся. Я объяснил:

— Ты упал и схватился за голову. Вот я и подумал.

— Нет, ногу. А за голову я схватился, потому что испугался, что не смогу играть.

ЧИФИРЬ. (Из воспоминаний Лобана):

«Перед игрой подошел доктор Вольф и сказал, что ребята просят чай — в прошлый раз они уже пили чай перед самой игрой и хорошо себя чувствовали. Что это еще за номера? Чифируют они, что ли? Я пошел к ним. Так и есть, варят чифирь. Вылил. Корова их научил».

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

МОИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА КОРОВОЙ.

С бессмертниками я, в общем, поладил — бессмертные они и есть бессмертные, что с них взять и какой с

них спрос,— если они поладили с самим чертом, то потерпят и какого-то солдафона,— но многие ученые рангом пониже, которым бессмертие пока еще не грозило, не светило, а, может быть, и не предстояло, были недовольны тем, что ими руководит человек, не имеющий отношения к Фундаментальной Науке. Неуч, попросту. Этого мне только не хватало: недовольство начальством мешает работать, вызывает чувство сопротивления и неосознанное настроение внутреннего саботажа. Не то, чтобы эти ученые плохо работали, но они работали без блеска в глазах. Однажды-я прямо сказал об этом Лон Дайку.

— Верно,— ответил он.— Вам нужно назначить своим заместителем по науке какого-нибудь авторитетного ученого.

— Вас? — вопрошающе предложил я.

— Нет. Я зловредный.

— Кого же?

— Корову, конечно.

Я так и сел! Это была хорошая, но слишком неожиданная идея. Я не сразу оценил ее. Меня очень смущал Корова. Его клептомания раздражала. Все он тянул в карман фуфайки — авторучки, зажигалки, калькуляторы — всякую пропавшую мелочь ищи у него. Спер мое вечное перо. Не слишком ли простой прибор? Очень уж прост — не хуже ли воровства? Я осторожно спросил у академика Тутта: какой видится ему роль Коровы в ПРОГЛОДЕ? Тутт сразу понял мои сомнения и ответил категорично:

— Корова? Современный Альберт Эйнштейн! Тот, простой патентовед, разобрался с Пространством—Временем, а этот простой прибор — с Логосом—Космосом—Хроносом—Гумосом.

Поверил ему на слово. <...> В придачу к мычанию, Корова изъясняется путано, с избытком восклицательных знаков — они торчат в его речи, как телеграфные столбы, между ними сидят на проводах слова-попугай и фыркают на буквы «б», «в» и «п» — «изобретение», «водород» и «бюстгальтер» Корова произносит «изо-

фретение», «фодород» и «фюстгальтер». Вот примерный образец:

— Изофретение — это колесо! Да, колесо! Гениально! Фозьм-м-мем (возьмем) фюстгальтер! Да, офыкнофенный женский фюстгальтер! Это тоже феликое изофретение! Фюстгальтер, фот (вот)! Тесем-м-мочки! Фратья (братья) Райт фридумали сам-м-молет! Да, аэрофлан! Но этажерка не летала, фадала (падала)! Какой же это аэрофлан! Какой же это сам-м-молет, если он фадает?! М-м-му-му-мура это, а не сам-м-молет! Сам-м-молеты фадали и до фратьеф Райт! Райты заду-мались: ага! Уфрафление! (Управление.) Уфрафление — фот сам-м-молет! Фрафильно! (Правильно.) Они стали нафлюдать фтиц! (Наблюдать птиц.) Фтицы ф фолете (в полете) шефелили рулефым офереением (шевелили рулевым оперением)! Ага! Фратья фридумали закрылки! К закрылкам фрифязали какие-то ферефки-тесемки! Фростые ферефки! И сам-м-молет фолетел! Теферь идем фо (по) аналогии! Кто из фас (вас) нафлюдал (наблюдал) оффисшую (обвисшую) женскую грудь? Не очень эстетично, ферно (верно)? И тогда кто-то из нафлюдателей фридумал фюстгальтер! Но фюстгальтер фадал с груди! Ага! И тогда этот кто-то фридумал к фюстгальтеру тесем-м-мочки через флечо! Гениально просто!

Его спрашивают:

— Ну и что из этого следует?

Корова пожимает плечами:

— Ты ничего не фопял, м-м-му-му-мудозфон! Из этого ничего не следует. Я это фросто так рассказал.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД ЧЕРЕПНО-МОЗГОВЫХ (Ч-МО).

ПОДОТРЯД ЖЕЛТО-ГОЛОВЫХ. Ученые хоть и считали Корову чокнутым, но все-таки уважали его за природную моцартовскую гениальность. Тут надо подробней рассказать о группе черепно-мозговых <сокращенно «ч-мо»>, которая состояла из амбициозных ученых среднего уровня и среднего поколения до сорока лет. Это они называли нас «солдафонами», «футболе-

рами» и «неучами». Это были не просто трудные характеры, к которым следовало притерпеться и притереться, как, например, к зловредному характеру академика Лон Дайка,— его зловредность, в общем, была напускной, хотя и стала второй натурой и даже шла на пользу проекту, оживляла работу, уравнивала добродушие Коровы — не всем же быть Коровами. Ч-мо раздражали своими амбициями, им все было ясно, они были всем недовольны. Я неоднократно выслушивал от ч-мо предложения о выделении 50 ученых, инженеров и проектантов для обеспечения быстрого строительства вакуумного завода.

— Мозговой штурм и натиск! — говорили ч-мо.

— Быстрый срок — это сколько? — спрашивал я.

— Два, ну, два с половиной месяца.

За каких-то два месяца! Абсурд! Через полгода на строительстве одного лишь Вакуумно-диффузионного завода в окрестности О'к-Аллисто было занято более 2 000 000 (двух миллионов!) человек, а объединенные ресурсы концернов-подрядчиков «Лукойл», «Адидас» и «Кока-Кола» уже были на грани истощения. Впоследствии этот завод отбуксировали вглубь облака Оорта, надстраивали, пристраивали, подстраивали, рядом построили еще три завода, а сейчас в Вакуумно-диффузионной промышленности работает 58 000 000 (пятьдесят восемь миллионов!) человек, не считая членов их семей,— это население крупного индустриального анклава, созданного за каких-то двадцать лет.

Итак, я ни в коей мере не разделял черепно-мозговых взглядов, но объяснить, почему их идеи нереальны, было невозможно из-за крайнего упорства, с которым ч-мо их отстаивали. Какие-то вопли, какие-то заклинания — «Давай-давай!», «Штурм и натиск!», «Аврал!», «Навались!», «Раз-два, взяли!». Какие-то субботники и воскресники... Какое-то трудовое соревнование — кто больше? Некоторые ч-мо — этих я относил к особому роду жопо-головых <слово сказано, редактор требует изменить его на «желто-головых», так тому и быть, подчиняюсь, в дальнейшем они будут желто-головые> — так вот, эти желто-головые с запором в головах от ока-

мневших палеонтологических мозгов продолжали верить в эти заклинания даже после того, как стали очевидны гигантские масштабы ПРОГЛОДА, и продолжали спорить даже после завершения всех работ. Даже назначение Коровы на пост научного руководителя не ублажило этих крайних желто-головых — Корову они считали зеком, недоношенным, «из грязи в князи», исподтишка передразнивали его: «М-м-му-му-мухомор!», хотя, повторяю, в душе признавали его гениальность. Мне было досадно, но ладно. Приходилось терпеть и время от времени посылать их на свой шесток, потому что в своем место-пространстве они были дельными специалистами. Но и на своем месте они не могли жить без скандалов, — например, некоторые из них написали патентные заявки на изобретения, выполненные по ходу работ. Заявки не показались мне обоснованными, потому что эти изобретения априори (во какие я слова знаю!) входили в заказанную нами и хорошо оплачиваемую работу, — жоп... желто-головые ДОЛЖНЫ были осуществлять эти изобретения, это была их работа! И тэдэ. Они доставили нам много неприятностей, но преданность делу даже этих желто-головых не вызывала у меня сомнений.

<...> После первого же столкновения с ч-мо я крепко задумался о психологической атмосфере внутри Проекта. ПРОГЛОД, как хитрый (но не умный) прожорливый зверь, выбирал самых лучших и вкусных специалистов в своих областях — и этот естественный эволюционный отбор амбициозных профессионалов таил в себе опасность вырождения и медленной мучительной смерти самого ПРОГЛОДА, эта эволюция в конце концов привела бы к тому, что нормальная человеческая атмосфера внутри проекта превратилась бы в «клокочущую пустоту». Выход был один — подправлять и направлять, совмещать естественный отбор с искусственным, иногда отбирать пусть и не самых лучших, зато надежных, «своих», не впадая в другую крайность, которая под названием «коллектив единомышленников» завела бы ПРОГЛОД в стоячее высыхающее болото, где всем хорошо и ничего никому не надо.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ПОВТОРНАЯ ИГРА С ОБОРВАРАМИ.

На этом матче я опять не присутствовал, а сидел на очень важном научном симпозиуме, вертел головой и пытался разобраться: о чем они говорят? Речь шла о разных состояниях Вселенной, от решения (или не решения) этих вопросов зависело направление всех работ по Проекту. Но я о матче с оборварами.

УСТАНОВКА НА ИГРУ. Лобан:

— Сразу применить «оборотень», забить быстрый гол, а там будем посмотреть.

Мы быстро забили гол и хотели спокойненько доиграть, чтобы не усложнять жизнь ни себе, ни соперникам, но — в середине первого тайма один из оборваров умышленно ударил Ван дер Стуула в священное для мужчины место. Такой поступок возмущает больше всяких других нарушений — даже поломанные руки-ноги не идут в сравнение с подобным хамством.

ДОКТОР ВОЛЬФ в таких случаях пользуется народным средством для лошадей. Составные — камфара, эфирные масла, муравьиный спирт, яичный желток. Втерли Ван дер Стуулу в область пахового кольца. Ванька заржал от боли и забил ногой, как копытом. По себе знаю — кожу палит огнем, мышцы пронизывает иглами. Судья удалил хулигана с полигона, Ванька вернулся в игру, доиграл тайм, но то и дело хватался за причинное место и приседал. Во втором тайме Лобан заменил Ваньку на Племяша, и ребята так озверели, что накидали в рамку оборварам восемь мячей. 9:0. Племяш впервые играл полный тайм и забил пять голов. Лучше бы не забивал так много. Рано. Он обращает на себя внимание. Рано. Рано.

За Ваньку — спасибо доктору. Вольф любит бурчать: «От этих ваших фуфаяк один силикоз, аллергия и коровье бешенство». Любит лечить ахилл. Ахилл — его больное место. Воспаление ахилловых сухожилий. Вообще, на удивление, любит лечить. Или вот — повреждение мышцы задней поверхности правого бедра. Очень серьезная травма. Вольф с Фонарем сидят на завалинке «Мараканны», тепло, птички поют, те же

зяблики. У Фонаря частичный разрыв мышц бедра, делает ему фиксирующую повязку. <...> Доктору часто жалуются: «Плохо сплю». Это у них либо психологическое, либо «плохой сон» служит ширмой. Плохо сыграл, потому что плохо спал, доктору об этом говорил, снотворное он не дал. <...> Нaelись местной клубники и — аллергия. Красная сыпь по всему телу. Доктор Вольф — шеф-коку Борщу:

— Никаких экспериментов с продуктами, никаких изысков, никаких экзотических блюд, а только то, к чему привыкли дома: картошка, гречневая каша, суп-глазенап, антрекот из дресуры.

Берем с собой даже собственное «Боржоми»; разведка полагает, что ею придется и зубы чистить, чтобы не подхватить местных кишечно-желудочных заболеваний.

ОТЛИЧНЫЕ НОВОСТИ С ФУТБОЛЬНЫХ ПОЛИГОНОВ.

НАКОНЕЦ-ТО ВЕЗУХА! Пока мы выигрывали свои матчи, жлобы, башибузуки, оборвары и воблы так потрепали друг друга, что мы даже вышли на второе место, хотя первого нам было не видать при любом раскладе. И вот вчера случилась ВЕЗУХА. У башибузуков (Барнаульский шлакобетонный завод) на заводе были волнения, забастовки, потом переворот, арестовали директора. Завод занимает всю планетную систему двойной звезды Барнауль. Оказывается, этот шлакобетонный директор гнал шлак налево, бетон — направо, а деньги — себе в карман. Там чуть ли не гражданская война, футбольную команду не на что содержать, башибузуки отказались от участия в чемпионате. Я им сочувствую. Кроме того: жлобы и воблы в последнем матче так избивали друг друга на полигоне, что вышли за всякие рамки обычной футбольной драки. С каждой стороны было удалено по полкоманды, игру пришлось прервать, но тут стали драться тренеры, массажисты, запасные. Матч пришлось прекратить вообще. Жлобы, как хозяева полигона, сняты с соревнований, а воблам засчитано техническое поражение. Я всем сочувствую, но потираю руки. Мы еще на втором месте, но нам надо выиграть у воблов — и мы выходим в одну восьмую финала. Сомнений нет — Посторонний Наблюдатель требовал появления Лобана и сейчас повернул Фортуну (кем она ему приходится?) лицом к нам.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

К ПРОБЛЕМЕ «СВОИХ ЛЮДЕЙ». В самом начале ПРОГЛОДА я приехал на «Маракканну» и, встретив фройлен фон Дюнкеркдорфф, вдруг подумал: чем черт не шутит, почему бы и нет? Я в двух словах рассказал ей о своем новом назначении и предложил перейти ко мне в секретари. Я недальновидно описал ей новую работу как спокойную, легкую и высокооплачиваемую. Она согласилась. Первые два пункта этого предсказания оправдались лишь в первые два дня, но фройлен никогда не жалела о своем переходе из конюшни футбольной в конюшню научную.

Ворона ведала у нас также **ЖЕНСКИМ ВОПРОСОМ**. Тысячи женщин и девушек работали на объектах ПРОГЛОДА в качестве секретарей, референтов, обслуживающего персонала, прочее. Было создано несколько текстильных комбинатов для производства фуфаяк. Фройлен проводила набор женщин на комбинаты. Самая массовая профессия была «швея-мотористка», но нужны были и такие невиданные профессии как ткачихи-токари, слесаря-челночницы, портнихи-литейщицы, вязальщицы-мотальщицы диффузионной ткани. Мужчины поначалу очень неохотно приходили к нам (потом уже, на поздней стадии Проекта, пошли косяком). Всех еще надо было обучить этим профессиям, а для этого нашим академикам Тутту и Капельцыну пришлось по вечерам готовить учителей. Везде висели объявления: «Требуется». ПРОГЛОД, хотя и был прожором, но создал сотни тысяч рабочих мест, а платили мы хорошо и аккуратно. Большинство женщин жило в общежитиях. Заботу об их специфических бытовых нуждах тоже взвалила на себя фройлен фон Дюнкеркдорфф. Она стала для них кем-то вроде матери-настоятельницы женского монастыря. К ее просьбам мы относились с полным вниманием. На вопрос дяди Сэма «Что еще нужно для женщин?», она обычно отвечала: «Мужчин».

Кстати, я устроил на работу и бабу Валю с тетей Катей. Я спросил их, не хотят ли они стать швеями-мотористками на лентопротяжном стане Мебиуса. Они дали согласие и не пожалели. Тетя Катя стала швеей-брига-

диром и сейчас уже вот-вот выйдет на пенсию, а баба Валя — царство ей небесное.

Вскоре я взял к себе и дядю Сэма, уговаривать его не пришлось, он сразу согласился; хотел перетянуть к себе Войновича, но разговор у нас не получился.

— Я не хочу в это дело ввязываться,— сказал Войнович.— Я слышал о красном смещении. Не понимаю, при чем тут футбольные тренеры по имени Лобан, Бел Амор или Войнович?

— Конюшню расформируют, а ты сгниешь под забором.

— Не пропаду. Как-нибудь проживу без вашего ПРОЖОРА.

— ПРОГЛОДА,— поправил я.— А жрать что будешь?

— Тошнотники меня прокормят.

— И пропят.

— И это тоже.

— В шмен де фер?

— А хоть бы и в шмен де фер. Хочешь совет? — спросил Войнович.

— Знаю я твой совет.

Мы налили и выпили.

<Я не знал, что к тому времени уже было принято политическое решение и что Войнович уже продан — вернее, уже продан — Приобскому Ханту. А я, как всегда, остался с дураками,— я ведь слышал разговор Войновича с Лобаном:

— Касанидис плачет. Просится обратно в команду.

— Решай как знаешь.

Вот Войнович и принял решение — какой гад! — забрал с собой тех десятерых (и одиннадцатого Касанидиса!), с которыми делился ужином, в Приобское Хантство! А я-то думал, что он отдает ужин врагам! Хоть бы предупредил, намекнул... Наша молодежная конюшня в лапах у ханта! Я как чувствовал, что Войнович и есть тот самый Посторонний Наблюдатель!>

Что ещё я сделал в этом направлении (в приобщении к Проекту своих людишек)? По совету мудрого

Лон Дайка (мне это в голову не пришло бы) я назначил Гуго Амбала бригадиром группы математического обеспечения ПРОГЛОДА, за что черепно-мозговые математики поначалу обзывали его (и меня) «сволочью», хотя Гуго им и слова кривого не сказал, разве что будил по утрам: «Подъем, становись, смирно!», а дальше математики волюны были делать все, что им угодно. Хуго Верстак был назначен бригадиром жо... желто-головой группы молекулярного анализа с теми же полномочиями утреннего будильника и тоже по согласованию с Лон Дайком. Представляю возмущенное выражение ихних желтоголовых лиц и негодующее сжимание-разжимание ихних межъягодичных впадин (научного названия этой анатомической впадины я до сих пор не знаю — век живи, век учись), когда Верстак будил их по утрам.

Все эти меры принесли прекрасные дисциплинирующие результаты. Более того, поближе к окончанию ПРОГЛОДА математики и молекулярщики души не чаяли в своих бригадирах.

И, наконец, я пристроил к делу Сан Саныч-сана, дворника Пентагона и Витю-электрика и очень этим горжусь. Об этой опупее я расскажу в своем месте.

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ. Оказывается, Лобан не забыл о своей большой музыкальной идее. Дядя Сэм написал заявку в ФУФЛО на Большой Симфонический оркестр под управлением самого Вячеслава Рыбакова. Председатель Сури'Нам удивился, но заявку одобрил и подписал. Оркестр не заставил себя долго ждать и перед решающим матчем с воблами в полном составе со всеми причиндалами появился на «Маракканну».

— Вечерняя тренировка отменяется! Всем на Бетховена!

• — Ур-ра!

Ну и вечерочек был! Концерт давали во втором ангаре Среднего полигона — там акустика получше, чем в «Гранд-опера». Гром небесный! Грохоту было! «Бам-ба-ба-бам! Бам-ба-ба-бам!...»

Ребята благодарно спали.

— Почему они спали? — ревниво спросил Лобан Вячеслав Рыбаков, когда концерт закончился.

— Они очень устают после тренировок.

— Бедные мальчики.

Рыбаков понял и не обиделся. Потом он о чем-то шептался с дядей Сэмом. Я спросил Рафу:

— О чем ты говорил с маэстро? Он что, тоже хотел получить наличманом?

— Что эы! Маэстро очень, очень культурный человек! С ним расплатятся из фонда ФУФЛА по культурным расценкам. Маэстро попросил билетик на матч с воблами.

— Всего один билетик? Выдай ему билеты на весь оркестр.

Потом Лобан, Рыбаков и я поужинали. Маэстро, оказывается, любит кисленькое и красненькое вино. Я нажимал на «Соломона», Лобан — на беседу с маэстро. Я прислушивался. Они выяснили, что в сущности тренер и дирижер — родственные профессии. Дирижер так же тренирует музыкантов, как тренер дирижирует футболистами. Значит, мы — коллеги. Я выпил с маэстро на брудершафт. Лобан пригласил Славика на очередной матч — посидеть рядом с ним на тренерской скамейке. Маэстро чуть не заплакал от счастья и подарил Лобану на счастье свою дирижерскую палочку из эбенового дерева. Я ее подержал в руках. Гм. Такая гладкая тяжелая палочка. Струмент дирижера. Никогда не думал, что дирижерская палочка такая увесистая. Лобану палочка тоже очень понравилась, он засунул ее за голенище.

— Это будет моя счастливая волшебная палочка, — сказал он. — Только успевай махать, и все получится.

Потом Лобан рассказал старый тренерский анекдот:

«Два тренера отбирают молодых спринтеров. Двое бегут стометровку. Один — высокий, гибкий, координированный, бежит красиво, плавным широким шагом и пробегает за 11 секунд ровно. Второй — какой-то кривой, маленький, бежит как-то странно: подпрыгивает, машет руками, дергает головой; но пробегает тоже за 11 секунд.

Старый тренер спрашивает молодого:

— Ну, кого из них выбираешь?

— Хочу вон того, высокого. Сразу видно: талант.

— А я, пожалуй, возьму маленького.

— Почему? — удивился молодой тренер.

— Понимаешь, сначала я научу его не подпрыгивать, и он пробежит стометровку за десять-семь. Потом я научу его не размахивать руками, и он пробежит за десять-три. А потом я научу его не дергать головой, и он пробежит за десять-ноль».

Рыбаков этот анекдот не знал и очень смеялся.

Я постеснялся попросить и себе дирижерскую палочку. Мне тоже надо дирижировать — академиками. Я подозвал Рафу, и тот принес наш антикварный футбольный мяч из душенной кожи леопарда (круглый, черно-желтый, сшитый из кожаных пятигранников — такие древние мячи мы дарим только премьерам и президентам). Еще я подарил Рыбакову нашу фирменную СОС-овскую кепочку и флажок. Но Рыбаков мне ничем не ответил. Наверно, на всех дирижерских палочек не напасешься.

ПОВТОРНАЯ ИГРА С ВОБЛАМИ.

Мы не сомневались в победе над воблами. Конечно, мы въезжали в финальную часть чемпионата на чужом горбу, на чужих неудачах (переворот на шлакобетонном заводе, дисквалификация жлобов), я всем сочувствовал, но ведь и мы потерпелись от собственной невезухи. Теперь повезло нам. Везуха равна невезухе. Прав академик Тутт.

УСТАНОВКА НА ИГРУ. Лобан:

— Сыграть аккуратненько, без шквальных атак. В «оборотень» не входить. Кто у нас фартовый? Племяш. Аккуратненько подносить ему снаряды с противоходом в ближний угол. Он забьет.

<...>

6:0. Племяш забил половину. Ему подносили, он забивал. Но, главное, он не только забивал, но и сам подносил. Вячеслав Рыбаков сидел между мною и Лобаном и всю игру с

упоением размахивал своей запасной дирижерской палочкой. Лобан не обращал на него внимания, а мне эта палочка мешала наблюдать игру. Интересно, сколько у маэстро таких палочек? Возможно, целый склад, как у нас пузырей. Ладно, обойдусь без дирижерской палочки.

<...>

ЛОГОСЫ ОТ ЛОБАНА. «Как говорит Лобан» — известная тиффозная присказка. Чтобы не забыть — записываю сюда фразы, которые он орет со скамейки, говорит в стадионном ангаре или на тренировках:

«Футбольный ангар я знаю лучше своей квартиры». <Это правильно. Любой серьезный тренер это подтвердит.>

«Выйди из омута, пройди с мячом по периметру и дай ему по соплям, но чтобы арбитр не видел!»

«Да ежежвашу, извините, мать!»

«Иди потренируйся в трехмерной песочнице резиновым мячиком» <иронично о неумелом игроке и о детском полигоне>.

«Что ты ее <планету> все время подкидываешь?! Ты во что играешь — в футбол или в подкидного дурака?»

«Как они не могут понять, засранцы,— сначала ложный замах, имитация удара, а потом уже удар! Что они все сразу лупят в планету!»

«По-деревенски играешь!»

«Ошибка в пасах — техника не дотягивается до замысла, нога отстает от мысли!»

«Это он по-игроцки сыграл!»

«Забивай! Вот же она, пустая кошелка!»

«Поляну подготовили ничего, на хрен с плюсом».

«Чего ты падаешь в люк?! Спокойно, мы их сделаем!»

И т. д. <...>

МЫ ПРОБИЛИСЬ В 1/8 ФИНАЛА. <...> Состоялась жеребьевка. В одной восьмой будем играть с КОБРаи (Конфедерация Объединенных Банановых республик) и с ВАФ-Лями (Всеармейская футбольная лига).

Мы их не боимся. Нам уже ничего не страшно.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПОДРЯДЧИКИ.

КОНЦЕРНЫ «АДИДАС» И «КОКА-КОЛА». Несколько строк об участии в ПРОГЛОДЕ концернов «Лукойл», «Адидас» и «Кока-Кола» (с нами работало несколько сотен фирм и компаний, но все они были поменьше, и отношения с ними строились на примере трех самых крупных). С «Лукойлом» у нас не возникло особых опасений — кому же еще поручить строительство крупных заводов, как не «Лукойлу»? Но даже ресурсов «Лукойла» нам не хватало, и мы решили привлечь к проекту концерны «Адидас» и «Кока-Кола», хотя и не знали, о чем и как с ними говорить — вакуумно-диффузионная физико-химия была для них китайской грамотой.

— Ничего, нормальный дилетантский уровень, — сказал дженераль Гу-Син, когда я поделился своими сомнениями. — Ни вы, ни я, ни Президент тоже ни черта не смыслим в устройстве Вселенной, тем не менее, руководим проектом по ее спасению. Давай-давай, не дрейфы! Штурм и натиск! Кнут и пряник! Сначала попробуйте лаской, а потом возьмите их на испуг.

Дженераль, кажется, уже успел заразиться от ч-мо их чмокнутыми лозунгами, но был прав. Я пригласил президентов «Адидаса» и «Кока-Колы» в бункер — обоих разом, чтобы одним махом взять за рога и покончить с ними; но бить кнутом и угощать пряниками этих пожилых дженгльменов мне не пришлось. Вначале я предупредил их о строжайшей секретности того, что они сейчас услышат, а после первых же моих фраз о Красном смещении и о возможном конце Вселенной, эти дженгльмены прониклись такой ответственностью (чуть в штаны не наложили), что с радостью предоставили для ПРОГЛОДА все ресурсы своих легендарных фирм:

— Не надо лишних слов, господин генерал! Мы не хотим ничего лишнего знать! Можете нами располагать, господин генерал!

Я их похвалил:

— Вы настоящие патриоты!

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПОДРЯДЧИКИ (продолжение).

КОНЦЕРН «ЛУКОЙЛ». Зато неожиданные проблемы возникли именно с «Лукойлом». Президент и вице-президент «Лукойла» поначалу не могли понять (я не сразу раскрывал карты), почему они должны участвовать в проекте с футбольным названием и под руководством главного тренера — их концерн, слава Богу, не имеет к футболу никакого отношения, они занимаются физико-химией и добычей (ударение на «о») редких природных ископаемых — нефть там, газ, алмазы всякие, урановая руда, то да се; а я ответил, что меня интересует именно «то да се», что к футболу проект имеет лишь косвенное отношение (из соображений секретности), и что ставки в этой игре предельно высоки — и не только ставки денежные. Президент и его вице возжелали подробностей. Я, как мог, рассказал им о Красном смещении и о «добыче энной пустоты в «диком яблочке». Президент и вице были неприятно поражены размахом и целью проекта и с явной неохотой согласились взять на себя этот гигантский правительственный заказ, оговорив, что, цитирую: «в области футбольно-вакуумной диффузии они не имеют ни знаний, ни опыта, а их компетенции хватает лишь на то, чтобы понять, что вся предлагаемая программа лежит за пределами человеческих знаний, опыта и возможностей, а поиски абсолютной пустоты — абсолютно пустое дело». Охота — даже энтузиазм — возникла у них после того, как я налил всем по стопке чистого домашнего виски, которым снабжали меня баба Валя и тетя Катя (которых я тоже перетянул на О'к-Аллисто с ихним самогонным аппаратом), распечатал банку с малосольными огурцами и произнес короткий, но страстный спич:

— Я сам дурак и полностью разделяю ваши опасения, но так как речь идет о судьбе Вселенной, мы не можем сидеть сложа руки и манкировать опасностью светопреставления. До тех пор, пока не будет доказана невозможность добычи энной пустоты, мы должны немедленно начать и полным ходом, аварийными темпа-

ми вести строительство Вакуумно-диффузионных заводов!

Эта речь (да и виски под 70 градусов) произвела на них сильное впечатление, у них даже появился игровой блеск в глазах.

— Если у вас такая выдержка и хладнокровие, то это уже не мало,— сказал президент «Лукойла», хрустя огурцом.

Мы скрепили наше устное соглашение (никаких бумажек!) крепким рукопожатием — этого было достаточно, но... еще недостаточно — теперь все зависело от Совета директоров «Лукойла», а директора у них были те еще фрукты, президент «Лукойла» не давал никаких гарантий, что директоров можно переубедить.

Через день состоялся директорат. Меня пригласили. Я прибыл в полевой генеральской форме, прихватил с собой Гуго и Хуго (они уже были обер-майорами), и мы разыграли в «Лукойле» небольшое театральное представление. Бригадиры математиков и химиков Гуго и Хуго, играя бицепсами, положили на стол перед каждым директором листки бумаги, перевернутые текстом вниз. Я попросил директоров пока не читать эти документы и с раскатистым «р» изложил директорам все, что ранее изложил их президенту, не вдаваясь в подробности. Потом слово взял президент «Лукойла»:

— Я рекомендую директорату взять на себя выполнение административного заказа в новой для компании области. Этот научный проект очень громоздкий и в высшей степени трудный. Назовем его условно «Проект легированных сплавов для труб». Дело, можно сказать, труба. Он потребует мобилизации всех ресурсов концерна. Его выполнение сопряжено с огромным риском, но высшее руководство, сам президент д'Эгролье, рассматривают этот проект как важнейший в человеческой истории. Крайняя секретность проекта не позволяет даже рассказать о его основных целях. Однако,— закончил президент «Лукойла»,— если кто-либо из директоров пожелает, он может до голосования перевернуть и прочитать материалы о проекте.

Решение было принято тайным голосованием — единоголосно. Директора «Лукойла» продемонстрировали истинный патриотизм и полное доверие президентской администрации — ни один из них не перевернул бумаги (это были чистые листы безо всякого текста) ни до голосования, ни после. Я снял перед ними генеральскую пилотку и каждому пожал руку со словами: «Благодарю! В случае чего валите все на меня».

<Через десять лет на следственных допросах оставшиеся в живых директора «Лукойла» валили все на меня и правильно делали.>

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

КОРОВА ВЫСАДИЛАСЬ НА ГОРЕ АРАРАТ.

ПЕРВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. Фронтальное строительство только-только началось, а Коровина Установочка (под этим названием полигон № 3 вошел в историю) уже была готова. Первый запуск прошел успешно — не успел Корова воткнуть рубильник, как сразу же обнаружился след одной сотой миллисекунды энной пустоты, всего лишь след на фотоэмульсии — один из ста тысяч ангелов на кончике иглы показался бы великаном, по сравнению с этим следом. Но это был грандиозный успех! Она, эта неустойчивая доля миллисекунды, выбила клапан Установочки и разделилась — как и было предсказано теорией Гусочкина — на два полукванта, временной и пространственный — первый с грохотом сорвал крышу с Установочки и ушел в свою Анти-Вселенную, второй прошел Маракканну (мне даже послышался писк «ой!») и отправился искать свою половину, — надеюсь, они соединились, — и это была не авария, как ее потом квалифицировали наши недоброжелатели в Конгрессе, нет, это был гром первой победы, хотя разрушения от взрыва пришлось устранять больше месяца. Никто, слава Богу, не пострадал, — лишь у дяди Сэма пошла кровь из носа, а самого Корову вытащили из-под обломков, слегка контуженного, но без единой царапины. Ему разжимали пальцы, которые на-

мертво сжимали ручку рубильника (сам рубильник конечно же испарился), а он оглушенно мычал:

— Все ко-м-му-у...

— Что «кому»?

— Все ком-м-муникации разрушены!

— Ничего, восстановим.

Тут же послали дженералю Гу-Сину зашифрованную компьютерную телеграмму, ставшую теперь знаменитой:

**КОРОВА ВЫСАДИЛАСЬ НА ГОРЕ АРАРАТ
РАСТЕТ КРУПНЫЙ ВИНОГРАД
ПОДРОБНОСТИ ЦЕЛУЕМ**

В это важное сообщение вкрались какие-то «ПОДРОБНОСТИ ЦЕЛУЕМ», они явились предметом внимательного разбирательства наших секретчиков и шифровальщиков. Откуда взялись эти подробности с поцелуями, мы так никогда и не узнали, но служба Безопасности СОС рекомендовала нам отказаться — а я ведь предупреждал! — от работы на компьютерах. Эта рекомендация означала запрет.

— Ручками, ручками надо работать! — одобрил этот запрет Лон Дайк. — И карандашиками! И головками!

Разрушенная Коровина Установочка — это был наш первый настоящий успех, первая победа, первое доказательство того, что мы на верном пути. Этим экспериментом было окончательно доказано, что диффузионная ткань является лишь побочным продуктом той самой «энной» пустоты, пустоты пустот, в которой живут Вселенные. На большом промышленном комплексе мы и надеялись добыть эту — напишу кучеряво — основу основ мироздания.

Но за праздничным ужином мы крепко задумались: что если подобная победа, взрыв «энного пространства в диком яблочке», произойдет на промышленной установке Вакуумно-диффузионного завода? Лон Дайк быстро прикинул карандашиком на манжете и выдал двухвариантный ответ: или-или. Или Вселенная мгновенно лопнет и испарится, как мыльный пузырь; или

Вселенная медленно и мучительно испустит дух и превратится в сдутый презерватив.

— Как по мне: лучше лопнуть, чем жить в такой Вселенной,— зловеще сказал Лон Дайк в наступившей тишине.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

К ПРОБЛЕМЕ КОНГРЕССИРУЮЩЕЙ ОПАСНОСТИ. И все-таки мы победили,— точнее, выиграли первое сражение — но я не забыл мудрые слова футболиста с чудной кулинарной фамилией, которого процитировала фон Ворона; он был прав, этот Сельдерей или Чемерис, насчет того, что «поражение от победы ты сам не должен отличать»; любая победа несет в себе полукапит поражения; эта первая победа через десять лет вылезла нам боком, когда Конгресс учинил расследование этой «аварии».

Этот крик-всплеск «ой!» был зарегистрирован сейсмическими станциями, сообщение о необычном трясении в районе «Мараканны-2-бис» попал в спортивные газеты, и на Мараканну примчались фужеры:

— Что вы тут делаете?! Мараканну трясете?!

Они увидели развалины Установочки, но нам удалось убедить их, что это не развалины, а строительство нового Полигона. Если бы не дядя Сэм, который до приезда фужеров успел мобилизовать на субботник всю конюшню и убрать, прибрать, прикрыть лезущие в глаза последствия аварии (я тоже таскал камни и бревна), информация просочилась бы в Конгресс, и вся эта история — а вместе с ней и весь Проект — наверняка закончились бы длительным и мучительным расследованием в комиссиях и подкомиссиях Конгресса.

<Опасность такого расследования угнетала нас на всех этапах работы и давала повод к шуткам. Вместе со мной эту опасность разделяли и д'Эгролль, и дженераль Гу-Син, и Войнович, и все бессмертные (за исключением, конечно, Коровы — ему все было по барабану). Мы шутили: если наша работа не увенчается успехом, и

Вселенная превратится в презерватив, то результаты расследования будут для нас разрушительнее конца Вселенной. Точно — посадят. Дженераль Гу-Син уже тогда что-то почувствовал. Когда я принес ему Белую тетрадь на прочтение, он полистал ее и сказал:

— Вы тут даже формулы записываете... Хорошо, оставьте, я почитаю. Мой вам совет. Я собираюсь купить дом недалеко от Цирка... (Так мы называли здание Конгресса.) Дом рядом также продается. Советую вам его приобрести. Это будет очень удобно на старости лет, потому что нам с вами придется провести остаток жизни в коридорах и кабинетах Конгресса, давая показания разным комиссиям. Это в лучшем случае. В худшем — будем коротать старость в тюрьме. Вы в шахматы играете?

Дженераль совсем не шутил.>

Итак, первым же нашим экспериментом было доказано, что милли-КВАНТЫ анти-ВРЕМЕНИ существуют, они взаимодействуют с пространством («взаимодействуют» — это мягко сказано), а ловушка для этих квантов и последующее их сжатие состоит в технологическом процессе...

<...>

<ПРИМ. В этом месте отчета я описал технологию квантовой ловушки и последующий процесс получения энной пустоты, но оно было вычеркнуто секретчиками СОС. Сейчас квантовая ловушка не составляет ни военной, ни государственной тайны — ее устройство основано на теории пространственно-временных фильтров Тутта—Капельцына, а опущенный цензурой текст будет восстановлен в академическом издании «Отчетов».>

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ. ИЗ РАЗГОВОРОВ С БЕССМЕРТНЫМИ. ИГРА В ОБРАТНОЙ ПРОПОРЦИИ.

— В науке всегда есть чувство сопротивления неизвестного,— сказал Лон Дайк.— Что-то тебе мешает, но не понятно что.

- Соперник мешает,— сказал я.
- Какой соперник? Кто?
- Тот, кто сопротивляется вам.
- Незнание мешает.
- Да. В науке, как и в футболе, все очень просто,— сказал я.— Надо вынудить соперника сыграть в обратной пропорции.
- Это как? — заинтересовался академик Капельцын.
- Настолько плохо, насколько хорошо мы сыграем сами,— объяснил я.
- Это высокий класс, это научный подход,— уважительно сказал Капельцын.
- Это Лобан говорит, это не я,— сказал я.
- Я так и подумал,— сказал Лон Дайк.
- На нас кто-то наехал, значит, надо как можно лучше и энергичнее трепыхаться, чтобы успеть выскочить из-под колеса.
- Ехал мальчик на машине, весь размазанный по шине,— сказал Лон Дайк.
- Очень мудро,— сказал Капельцын.— Главное: успеть.
- Кто не успел, тот опоздал,— сказал я.
- Очень мудро. Кто это сказал?
- Так говорил наш сантехник Сан Саныч-сан, когда наливал по последней.
- Это надо записать.
- Так и запишем.

ПРОБЛЕМА ПОСТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ.

ОН ОБНАРУЖЕН! Это случилось! Это, наконец-то, случилось! Я верил и не верил, и это случилось... В то утро я вошел в свой кабинет на «Маракканне». На столе не было черной тетради. Не было ее и в сейфе. Я обыскал все. Черная тетрадь исчезла.

«В этом-то и состоит проявление Постороннего Наблюдателя? — разочарованно думал я.— Украл тетрадь? Просто спер, и с концами? Что-то скажет дженераль?»

Событие было экстраординарным, и я немедленно позволил ему.

- Тетрадь пропала!
- Какая? — спросил дженераль.

— Черная! Белая у вас!

— Приезжайте,— спокойно сказал дженераль. Как-то излишне спокойно сказал.

— Когда? — спросил я, ожидая услышать в ответ «немедленно».

— Сегодня. Не суетитесь. Сделайте все свои дела и приезжайте в Планетарий.

Дженераль не спешил. Я был разочарован.

ТЕОРИЯ «ОДНОГО ДЕЛА». Легко сказать: «сделайте все дела...». Делать все дела не хотелось, и я воспользовался «теорией одного дела». Она гласила (ее однажды изложил мне Войнович, лежа на диване):

— Каждый день надо обязательно сделать хотя бы 1 (одно) дело, но сделать его хорошо. Сделал дело — и достаточно. Конечно, если есть охота, можно сделать и два, и три, и много дел, но одно дело в день надо сделать обязательно, второе — можно отложить на завтра. Сделал — отдыхай. Теперь прикинь, сколько дел можно сделать за год.

В то утро я быстро и хорошо сделал одно дело, которое давно откладывал: за три минуты уладил конфликт между двумя учеными из бригады математического обеспечения — один из них был травмированным ч-мо (черепно-мозговым), а второй настолько жо... желто-головым, что они никак не могли прийти к общему знаменателю: на какую картину мироздания указывают их вычисления. <Эта проблема была исключительной важности, о ней подробнее в своем месте—времени.> Первый (ч-мо) утверждал, что наша Вселенная — «правша», а анти-Вселенная — «левша», и против нее надо действовать зеркальными апперкот-уравнениями, не входя в алгебраический клинч; второй (жо) страшно хохотал, издавал разные другие звуки и настаивал, что обе Вселенные интровертны и чуть ли не гермафродитны, но наша — с мужским знаком, а та — с женским <или наоборот, не помню>. Я вот что им сказал:

— Если завтра черновая математическая картина мироздания не будет лежать на моем столе, то послезавтра будете докладывать ее (картину) Гуго Амбалу и Хуго Верстаку.

<Оба непримиримых усердно вкалывали весь день, всю ночь и все следующее утро, и к обеду черновая картина ми-

роздания — как потом оказалось, неверная, зато от нее уже можно было плясать,— лежала на моем столе. Эти три минуты дали нам выигрыш по времени месяца на три, без этих минут ни черта бы мы не успели к светопреставлению.>

Потом я помчался в Планетарий по зеленому монорельсу.

БОГ С ЗАКОРЮЧКОЙ.

— Он проявился! — воскликнул я.

— Я знаю,— спокойно ответил дженераль.— Однако вы быстро управились со всеми делами.

— Посторонний Наблюдатель проявился!

— Я знаю.

— Он похитил мою черную тетрадь!

— Это не Он, это я взял вашу черную тетрадь. Вернее, мне ее взяли.

— Вот оно что,— разочарованно сказал я.— Значит, это вы сперли. А я подумал, что Он проявился.

— Вы правы — Он проявился,— сказал дженераль, скорбно вздохнул, вынул из сейфа и положил на стол белую тетрадь в клеточку.— Я прочитал ваши отчеты в белой тетради. Сейчас читаю черную.

— Мои отчеты никто не читал до вас,— сказал я с трепетным чувством начинающего литератора, который нашел своего первого Читателя.

— Вы этим огорчены? — усмехнулся дженераль. Он понял мой трепет.— Вы не правы. На любой текст найдется свой чтец. Есть, есть чтецы! Любой текст кому-нибудь писан, и кто-нибудь обязательно его прочитает. Я очень внимательно прочитал ваши тетради. Вы там себе кое-что позволяете... Но мне было очень интересно. Я искал в ваших отчетах след. Даже отдал их в шифровальный отдел. Какой-то след должен быть. Если Посторонний Наблюдатель действительно существует, он тоже должен заинтересоваться вашими отчетами. Там столько всего для него... интересного. И мы, кажется, нашли его след...

— Прогуляемся? — перебил я.

— Зачем? Куда?

— На крышу.

— Нет надобности. Он проявился, теперь можно не бегать по крышам, хотя и сохранять разумную секретность.

— Разумную? Что это значит по отношению к секретности? — переспросил я.

— Разумная — значит, абсолютная. На крыше ему лучше слышно.

— Кто он? — спросил я.

— Я уже догадываюсь «кто», но мне нужно еще подумать. Вместе с вами. Вы мне поможете подумать. И сформулировать.

Дженераль вынул из портсигара картонную трубочку, зарядил ее какой-то зеленой травкой и закурил. Его глаза прояснились. Ясно — Корова научил.

— У вас, я слышал, была диверсия? — спросил дженераль.

— Впервые слышу.

— А кто на объекте номер... не помню номер... гвоздь в силовой кабель забил?

— Было такое... Мы расследовали этот инцидент. Гвоздь застрял в толстой резиновой обшивке и не добрался до кабеля. Злоумышленника не нашли. По всей видимости, это какой-то озлобленный мусорщик хотел нам насолить. Спонтанно, стихийно, в состоянии аффекта.

— Возможно, возможно... Но мы не имеем права на такие благодушные предположения. Мы должны предполагать крайнюю ситуацию — это была диверсия. Да, я понимаю, что гвоздь в кабель скорее всего забил озлобленный дурак или неуместный шутник, но я ДОЛЖЕН предположить худшее. Вы должны подозревать всех. ВСЕХ. Посторонний Наблюдатель из эйнштейновской ОТО давно уже здесь, среди нас. С самого начала. Притаился и наблюдает. Он уже и не таится. С него все, как с гуся вода, — все ему относительно, он наблюдает со стороны и даже не из своего вагона. Движущийся вагон для него стоит по отношению к мирозданию, а человек, падающий с крыши, неподвижен по отношению к зданию. Ему наплевать на суициды и на железнодорожные катастрофы. Вы спрашиваете: кто он? Тупоголовый — с виду! — мусорщик? Физик-теоретик из ч-мо? Бессмертный лауреат? Президент д'Эгроль? Кто? Левый крайний нападающий? Кто-то из тренеров? Лобан? Баба Валя и тетя Катя? Доктор

Вольф? Шеф-кок Борщ? Я? Вы? Подозревать всех — и себя тоже! Что ему нужно от нас, этому Постороннему Наблюдателю? Фуфайки, что ли? Или его используют, его глазами смотрят на нас из анти-Вселенной, а он и не знает, что является шпионом? — Дженераль понизил голос. — Не нужны ему фуфайки. Никто его не использует. Дело обстоит гораздо хуже. Он — Посторонний Наблюдатель. Этим все сказано. Он влияет на события одним лишь своим Присутствием, своим Наблюдением. Если бы Он отвернулся, события без него пошли бы своим — другим! — чередом, и мы бы не знали ни о каком красном смещении, ни о каком ПРОГЛОДЕ. Но Он наблюдает — и этим себя выдает. Как говорится, «в пьянке замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду». Кто устроил нам три технических поражения подряд? Кто заставил нас заняться ПРОГЛОДОМ? Кто забил гвоздь в силовой кабель?

— Рок,— сказал я. И пожал плечами. И развел руками. И возвел глаза к куполу Планетария.— Судьба.

— А это кто такой — Рок? А кто такая — Судьба? Конкретней! Как найти следы Постороннего Наблюдателя? — спросил дженераль.— Извините, вы в Бога-то веруете?

— Ну...— сказал я.— Вот вы о чем...

— О Ком,— поправил дженераль.— Я понимаю, вопрос нескромный, вопрос совестливый, его даже в служебной анкете нет. Но ваше «ну» меня вдохновляет. Вы не безбожник. Вы не конченный атеист. Вы в некоторых сомнениях. Что-то Там есть, да?

— Кто-то,— поправил я.— Кто-то там был. Кто-то наблюдал нашу Вселенную в самом начале. А потом ушел с Перекрестка.

— Я так и думал. Вы дуалистический деист. Или деистический дуалист. Вы раздвоены. Бога для вас уже нет, он свое отработал и ушел на пенсию. Но он для вас БЫЛ? Ведь был? <Я молчал и слушал.> Был. Значит, для вас Он еще ЕСТЬ. Он ушел, но он ушел на пенсию! Почетный пенсионер, как наш сантехник Сан Саныч-сан, да? Даже если Сан Саныч умер, Сан Саныч же для вас ЕСТЬ? Вы же не знаете, что он умер. <Я слушал и молчал.> Значит, и Бог для вас ЕСТЬ. И вы отдаете ему дань уважения... ну, хотя бы в слове «Бог».

Читая белую тетрадь, я обратил внимание, что в слове Бог вы опускаете букву «о» и пишете это слово через эту закорючку... ну, этот компьютерный знак...— Джeneralь указательным пальцем накрутил перед своим носом @.— Так делают многие верующие разных конфессий — заменяют хотя бы одну букву, чтобы не нарушать заповеди и не поминать имя божье всуе. Что-то вроде примитивного шифра — сменили букву или поставили многоточие, слово не названо, но всем понятно. Вот я и подумал: вы в Бога верите, что ли? И не хотите называть его? И ставите эту компьютерную закорючку везде между Бэ и Гэ, чтобы показать — себе? — ему? — кому? — Постороннему Наблюдателю? — что вы уважаете и не называете его?

— Подождите...— сказал я.

— Минуточку...— сказал я.

— Вы не правы...— сказал я.

— Не настолько уж я верующий...— сказал я.

— В слове «БОГ» я не менял букву «О» ни на какую закорючку,— сказал я.

НИ БОГУ СВЕЧКА, НИ ЧЕРТУ КОЧЕРГА.

— Это я и хотел услышать! — воскликнул дженераль.— Не настолько вы верующий, чтобы думать о какой-то закорючке между Бэ и Гэ. Более того, буква «О» изменена на закорючку даже в словах, которые к Богу не имеют отношения! В белой тетради везде — везде! — между Б и Г вместо О поставлена закорючка! БОГема, БОГдыхан, осоБОГо, голуБОГо, твердолоБОГо — написаны через компьютерную закорючку...— Джeneralь опять нарисовал в воздухе @.— А также слова БОЖе, БОЖественный — в них тоже вместо О торчит закорючка! Это уже отдает религиозным фанатизмом.

— Я не менял букву О на закорючку ни в каких словах,— твердо повторил я.

— Проверьте!

Я склонился над белой тетрадью. Джeneralь принялся и недоверчиво спросил:

— От вас спиртом пахнет?

— Да. Вечное перо течет, а чернила спиртовые,— объяснил я.

— Тогда какое же оно, к черту, вечное?.. Проверьте — почерк-то ваш?

— Почерк мой...

Я листал Белую тетрадь. Слог «Бог» даже в слове «голубого» был везде написан через закорючку.

— Почерк мой, но закорючка не моя.

— Я так и думал!

— Меня кто-то отредактировал.

Тут, хватаясь за соломинку и пытаясь отделаться от страшного подозрения, я вспомнил про таинственного Чтеца, деятеля из ФУФЛА, читающего все входящие и исходящие документы, и напомнил о нем дженералю. Не он ли правил слово «БОГ»? Не он ли Посторонний Наблюдатель?

— Мы этого Чтеца знаем,— ответил дженераль.— Этот сморчок сидит в кунсткамере у председателя Сура и все читает. Это человек из нашей конторы. Вас он еще не читал. Но слово найдено — вас кто-то «отредактировал». Кто же он, этот редактор, который отредактировал слог БОГ? Какого черта — без чернил, без резинки, без всякого физического воздействия на бумагу — взял и заменил О на закорючку! Ответ один.

— Тот, Кто Этим Же Слогом Называется. Он уважать себя заставляет...

— Да. Другого объяснения нет. Вот он — Посторонний Наблюдатель! Мы его обнаружили... или он сам обнаружился... и я было возрадовался: как же, ухватил Бога за бороду! Но это оказалось еще не все, далеко не все... эта закорючка — всего лишь полдела,— дженераль вынул из сейфа мою черную тетрадь в линейку и шлепнул ею по столу.

<Я еще не понимал, каким мужеством, какой выдержкой должен был обладать дженераль Гу-Син, уже знавший результат наших розысков, чтобы так небрежно шлепать этими тетрадями по столу. Я это понял через несколько фраз.>

— А вот в черную тетрадь Посторонний Наблюдатель даже не заглядывал. Слог БОГ в черной тетради везде пишется через О. Зато закорючка там появилась в другом слогe! Почему так — не знаете?

Я лихорадочно листал черную тетрадь. В самом деле, слог БОГ везде писался через О. Но я уже видел (но еще не понимал), что у черной тетради был свой Редактор: вот его след! Вот еще... и вот...

— Ищите, ищите,— сказал дженераль.— Проверьте себя. Ищите слова «чертеж», «чертить», «черта», «чертовщина»... Ищите слова со слогом ЧЕРТ.

— Черт возьми! — сказал я.— В этих словах везде после Ч стоит не Е, а закорючка! Что это значит?

— Это значит, что мы имеем дело с двумя Посторонними Наблюдателями. Посторонних Наблюдателей двое — два сапога пара. Никакие они не шпионы и не диверсанты. Какие уж там они шпионы и диверсанты! Хозяева! Настоящие Хозяева обеих Вселенных! Хозяева белой и черной тетрадей. Белую тетрадь редактирует — Бог, черную — Черт. Заняли удобную диспозицию на своем Перекрестке и устроили футбольный тотализатор: ударили по рукам, ждут, наблюдают, рюмашка, то-се, заглядывают друг другу через плечо, болеют: чья возьмет? чей пузырь лопнет — наша Вселенная или та, другая, анти-?.. Подсмеиваются над нами — вы там крутитесь, отдувайтесь, спасайте Вселенную, а мы будем менять в своих именах буквы на компьютерные закорючки. Эта закорючка — что-то вроде личной редакторской подписи: «Читал, ознакомился».

— Вот так ухватили...— сказал я.

— Бога за бороду,— продолжил дженераль.

— И Черта — за хвост! — закончил я.

— Их ухватишь! Если бы ухватили! Ухватили да выпустили! Это еще не все, не все! Смотрите: с какого-то момента все эти закорючки исчезли, а БОГ и ЧЕРТ как ни в чем не бывало опять принялись писаться через О и Е вашим почерком.

— Я не обратил внимания: с какого момента...— Я опять взялся за тетрадь.

— Не листайте. Этот момент — границы с нейтральными полосами, которые вы провели в тетрадах...

— После изречения академика Тутта,— вспомнил я.

— Они поняли, что дело зашло слишком далеко. Им стало не до закорючек.

— Они перестали с нами играть и нам подмигивать,— появлялся я.— Они нас бросили и ушли с перекрестка?

— Не верю! — трагическим шепотом сказал дженераль.

<В «Отчетах» следует длительный перерыв.>

КОММЕНТАРИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СПЕЦ-ОТ- РЯДА СОС ДИВИЗИОННОГО ГЕНЕРАЛА ЛО- БАНА.

Прочитал «Отчеты от Бел Амора». Ничего, впечатляют. Двадцать лет назад мне и в голову не могло прийти, что кто-то (а тем более этот, хорошо известный мне индивидуум, у которого матерные слова следуют со второго на третье) с самого начала ведет подробные ежедневные записи об этом научном проекте — секретнейшем проекте в истории нашей Вселенной. Автор в меру своих скромных литературных способностей (он этого и не скрывает) шаг за шагом отразил историю — точнее, бытовую сторону Проекта Глобальной Диффузии. Отразил, естественно, со своей зеркальной колокольни, в полном соответствии со стародавней теорией о литературе, как зеркальном отражении действительности; а вот верно ли он отразил эту самую действительность — это уже другой вопрос. Ну, а зеркальными колокольнями господина Бел Амора были сначала должность главного тренера конюшни, а потом и пост административного руководителя всего проекта. Тем более интересно.

Моя скромная фигура занимает в «Отчетах» немало места, мое имя мелькает чуть ли не на каждой странице. Я мог бы вступить в полемику с автором по разным поводам, но... на зеркало неча пенять.

Очень советую прочитать эти «Отчеты» всем здравомыслящим футболистам и серьезным (то есть, профессиональным) футбольным тренерам. История Проекта (его историческая канва, кожа) многожды описана, обсосана и всем известна; в воспоминаниях наших крупных ученых можно достаточно подробно проследить от начала до конца сюжет и даже философские и психологические аспекты этого Научно-Технического Откры-

тия. Автор «Отчетов», не претендуя на историчность, философичность и психологичность (и правильно делает, странно было бы ожидать от него писательского мастерства и высокой литературы), просто показывает нам ПРОГЛОД изнутри, его быт: грязь, пот, желчь, кровь, тяжкий труд, радиацию, красное смещение, приближение матча смерти и предчувствие конца света чувствуются в «Отчетах» всеми фибрами души (как сказал автор: «Что такое «фибры», я до сих пор не знаю — наверно, для души они то же самое, что жабры для рыбы»).

Бог его знает, и чем черт не шутит, — может быть, все это и есть высокая литература? Вряд ли. Советую всем прочитать БЫТ, а всю эту научно-философскую тяготию с формулами, графиками и рисунками пропустить и не держать в голове.

Матч Смерти состоится при любой погоде!

ПОБЕГ ОТ СЕБЯ. СТЕПАН МАЗИЛА.

<...> Ветер гнул чертополох. Чертополох написался без закорючки. Когда я понял, с Кем мы имеем дело, я ударился в бег.

<Все не так, мой побег был согласован с дженералем, но все работы по ПРОГЛОДУ продолжались без меня своим чередом — значит, дело было налажено, что и следовало доказать.>

Свой предыдущий заурядный запой с Войновичем я оставил без комментариев, но этот побег в виртуальное пространство—время, хотя и рад бы обозначить лакуной <...>, но не могу обойти стороной. Я должен отчитаться перед самим собой. Я умышленно вошел в эту лакуну. Мне нужно было отдохнуть, успокоиться, оттянуться. И тут я вспомнил Сан Саныч-сана. Где ты, Сан Саныч-сан?! 25 лет прошло, жив ли ты? Где ты, дорогой мой Сан Саныч, со своим пехитрым скарбом — разводным ключом, прокладками, клапанами, универсальной отверткой? Где ты, откликнись! Где Коля-электрик, где дворник дядя Витя-Пентагон, старшие боевые друзья

моей юности? Где вы? Всех размело в пространстве—времени! Кто же обмоет со мной генеральское жалованье?

<...> Сначала я со своими закорючками бросился к академику Тутту. Он выслушал меня и утешил следующим рассуждением:

— Паскаль говорил, что сомневающимся в существовании Божиим он рекомендует держать пари и поставить на то, что сулит наименьший проигрыш. Рассмотрим варианты. Если вы ставите на то, что Его нет, и выигрываете, то не получаете ничего, а если проигрываете, то проигрываете все. Если вы ставите на то, что Он есть, и выигрываете, то вы выигрываете все, если проигрываете, то не теряете ничего. Без колебаний держите пари на то, что Бог есть.

<...> Я поставил на Бога и сказал дженералю:

— Я не хочу заниматься Этим Делом. Я даже не буду угрожать отставкой — я ухожу.

— Вот вы уже и угрожаете.

— Нет. Я уже ушел.

— Подождите! — крикнул дженераль.

Но я уже ушел.

<Дженераль не кричал, он мне подмигнул.>

<...> Председатель Сур тоже пытался меня удержать:

— Что вы мечетесь, как в ополонке?

— Не мечусь, а болтаюсь!

<...> Ничего, как-нибудь справятся без меня. Я надел генеральскую форму, вышел из холла, разбив ногой стеклянную дверь, цыкнул на Хуго, который увязался за мной, добрался по проселку до Трассы, поднял руку и свистнул — сразу подкатило такси, за ним второе, третье... Я взял второе, доехал до «Метрополя», дождался, пока таксист отъедет, взял другое такси, смотался на Оку, там еще попетлял (за мной, наверняка, следили, но я не очень-то путал следы, больше делал вид) и поехал на Биржу.

<Я вот о чем думал... Сейчас, после разоблачения, Они прекратили свои закорючки. Ни Бога с закорюч-

кой, ни Черта с кочергой в записях после Нейтральной Полосы нет. Значит ли это, что эти эйнштейновские Посторонние Наблюдатели отвернулись от Проекта? Не знаю. Посмотрим. Не верю. Может быть, отвернулись, а может, просто отошли в сторонку — например, справить свои естественные потребности. Вернутся. Уверен. Вот что интересно: кто из них поставил на нашу Вселенную — Тот или Этот? Плюс-Тот или минус-Тот? Кто из них на меня поставил в своем тотализаторе? В какой Вселенной я нахожусь — в «плюс» или в «минус»? Кто я сам — Я или минус-Я?.. Ответов не было — ответить на эти вопросы могли только сами Посторонние Наблюдатели со своего Перекрестка да еще по собственному настроению.>

На Бирже (бывшая церковь) висело объявление: «Футболисты не требуются». Тут же на паперти сидел плохо одетый, опустившийся Степан Мазила в окружении услужливых тиффози, которые то и дело бегали для него в гамазин (именно в «гамазин» — магазином это строение никак не назовешь) то за пивом, то за бутылкой, то за сигаретами. Мое появление (я ведь был в генеральской форме) вызвало на Бирже переполох; даже Степан немного удивился.

— А, это ты,— сказал он.

— Да, это я.

— Что ты здесь делаешь, Везунчик?

— Пришел наниматься.

— Кто пришел наниматься? Ты?

— Я.

Тиффози совсем очумели, узнав меня.

— Пошли к тебе, поговорить надо,— сказал я.

Мы отправились к Степану домой. Ничего у него была комнатуха на первом этаже, удобная,— двери нараспашку, входи-кто-хоть, к тому же всегда в случае чего можно выпрыгнуть в окно.

— Садись. Как там Лобан? — ритуально спросил Мазила, выставляя мне единственный в комнате кривой стул. Сам уселся на подоконник.

— Мне некогда говорить о Лобане. Ты мне нужен, Степа.

— Сколько ты мне дашь?
— Почему ты не спрашиваешь, что нужно делать?
— Сколько ты мне дашь?
— Сколько захочешь. Ящик коньяка и холодильник с закуской.

— Что нужно делать?
— Найди мне Сан Саныча, дядю Витю-Пентагона и Колю-электрика.

— Разве они еще живы?
— Узнай, найди.
— Это обойдется дороже ящика коньяка.
— Не дороже денег.— Я кинул на стол пачку хрустящих стоқварковых купюр, половину своего генеральского жалованья.

Мазила чуть не выпал из окна.
— Это еще не все. Ты давно не был в отпуске...
— Я никогда не был в отпуске.
— Вот и хорошо. Поработаешь. Ты отправишься на «Мараканшу». В отпуск от безработицы. Будешь пить коньяк в моей комнате и отвечать от моего имени по вертушке. Недели две-три, месяц, два. Сколько понадобится. Будешь ходить в моей спортивной форме. Будешь лечиться у доктора Вольфа. Ужинать будешь на камбузе у шеф-кока. Обед он тебе сам принесет. А к завтраку ты все равно не встанешь. Что еще... Ребят не спаивать. Деньги копчатся — дам еще. У меня их много.

— Да зачем все это?
— Не твое дело.
— Так не пойдет. Я должен знать.
— За мной охотятся.
— Но мой голос — не твой голос.
— Ты будешь отвечать пьяным голосом.
— Я не уверен, что захочу там пить.
— Не пей, молодец. Но отвечай пьяным голосом: пьяный го́лос по вертушке — он и есть пьяный голос — мой, твой, ничей.

— А можно взять с собой Левку Курица?
— Нет. Ты один. У Левки свои дела.
— Телевизор-то хоть у тебя есть?

— Там все есть. Если чего не найдешь — щелкнешь пальцами, Хуго тебе принесет.

<...>

ЯВЛЕНИЕ САН САНЫЧ-САНА. СРЫВ С РЕЗЬБЫ. ТОК ВРЕМЕНИ.

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ КОЗЕЛ. Степан отправился на розыски, а я выбросил из его комнаты старый стул, заказал холодильник с едой, купил коробочку с дорогим домино (из зеленой яшмы с точками золотого тиснения), четыре приличных кресла, ящик «Соломона» и демонстративно выставил ящик на подоконник, чтобы все Посторонние Наблюдатели, какие есть на свете, видели, что я простой парень и занимаюсь тем, чем занимаются простые парни, — выпивают и забивают козла.

<Я оправдывал свое поведение тем, что жеребцам к профессиональным футбольным навыкам следовало прибавить практические умения сантехников-монтажников — чинить силовые краны, менять подпространственные трубы, прочищать галактические унитады — да-да, все это нужно было уметь для проведения решающей операции в ПРОГЛОДЕ. Я уже где-то писал об этом — комбинации «крест», «вертушка», «сливай воду» и пр. входили в систему Лобана. Ребятам нужен был хороший тренер-сантехник, специалист этого дела. Да, Сан Саныч-сан нужен был для Проекта, но это всего лишь оправдание моего срыва — я просто крепко перепугался из-за этих закорючек — да, испугался! — нервишки стали ни к черту!>

На следующий день подоспел холодильник с едой, я был уже хорош, а Степа Мазила за это время провел чуть ли не вселенский розыск. И Сан Саныч-сан пашелся! Жив курилка! Нашлись все старички — и Сан Саныч, и Коля-электрик, и дворник дядя Витя-Пентагон, названный так за склонность к силовым решениям всех вопросов и за пятиконечную звезду в ухе. Они все втроем жили в каком-то запюханном Доме Ветеранов на краю какого-то Красного Сурогата. Степан привез их в медицинском «воронке»:

— Сантехника вызывали?

И передо мной появился Сан Саныч-сан. Он был испуган, не знал, куда и зачем его притащили, и держал заветную фигу в кармане. Из-за его спины выглядывали такие же дрожащие Коля-электрик и дядя Витя-Пентагон.

Я дал Степану ключ от моей маракканнской резиденции. Мазила засел там вместо меня и честно пил один (или не один, не знаю), отвечая на звонки,— месяц? два? три? — не знаю, не помню, я находился в каком-то релятивистском коктейле — время слилось с пространством, пространство смешалось со временем, и Посторонние Наблюдатели, возможно, поверили в то, что мне на все наплевать.

<Ни черта Они, конечно, не поверили, но это не суть важно — важно было доказать... нет, показать (что уж Им доказывать!), что я простой парень и что мне все эти Ихние закорючки до лампочки.>

Старички не сильно изменились за эти годы (давно заметил, что трудяги-старички привыкают долго жить и не изменяться), но меня они не сразу узнали, никак не могли поверить, что этот важный генерал и есть тот самый пацан, который подавал гаечные ключи и бегал на Угол за водкой. Спросили:

— Какие у тебя проблемы, сынок?

— Ребята, нужно отвести душу.

У них загорелись глаза.

— Это мы враз,— сказал Сан Саныч.

Мы выпили, поели, закурили, испуг у них прошел, и мы взялись за дело — за Настоящее Дело, а не за какое-то там спасение Вселенной! — мы принялись забивать Генеральского Козла. Сколько это продолжалось — неделю, месяц, два, год? — не помню. Долго. Настоящее Дело не терпит суеты. Мы отводили душу за всю прошедшую и на всю оставшуюся жизнь. «Рыба!» — орал Сан Саныч. Помню уважительные футбольно-тифозные рожи, заглядывавшие в окно. Дядя Витя-Пентагон гонял эти рожи за водкой (коньяк старички не очень-то уважали). Потом, кажется, привезли второй холо-

дильник, первый забрали, а мы продолжали отводить душу. Время шло или стояло — не знаю.

— Чего тебе нужно, сынок? — спрашивал Сан Саныч. — Хрусты в кармане, звезда на погоне, — чего еще?

— Душу отвести нужно.

— Хочешь совет?

— Да!

— Наливай.

Что мы и делали. Потом — не помню, не знаю, почудилось? — открылась дверь и вошел Я-молодой, из другой Вселенной, в носках и с грязными сапогами в руках. (Потом я спросил у доктора Вольфа: «Мне почудилось?» Он промолчал.) Я-молодой сказал:

— Грязь по колено. Куда саги поставить?

Эти «саги» были мои «саги».

— Что поставить? — переспросил Сан Саныч.

— Сапоги, — перевел я.

— Ты не балабань, — сказал ему (не мне) Сан Саныч. — Видишь — генерал! А ты — этакое чмо. Покажи документы.

— Пжалста. Вот служебное удостоверение.

Это «пжалста» было мое «пжалста».

— Вот теперь узнаю! — обрадовался Сан Саныч. — Твой сынок! Вылитый ты в юности.

Я его не переубеждал. Сынок так сынок.

— Спасибо, Сан Саныч-сан! — сказал я.

— За что ты меня благодаришь?

— А за то, Сан Саныч-сан, что ты мне в юности не давал в дерьмо влезть. Спасибо!

— Хочешь совет, генерал?

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Совет солдата. Никогда не сдавайся. Отбивайся. Всегда отбивайся. Если нечем отбиваться, отбивайся каской.

— А если каску потерял?

— Вот тогда сдавайся.

— Спасибо, Сан Саныч, я запомню.

Потом еще месяц прошел. Или год. Не знаю сколько. Потом завизжали тормоза и нас, наверно, забрали, — кажется, приехали Гуго и Хуго и забрали, — не помню! — потому что

мы вдруг очутились в моем бункере на Ок'Аллисто и продолжали бить яшмовым домино Генеральского Козла на моем Генеральском Полированном Столе.

— Яйца! — орал Сан Саныч-сан, чем очень смущал фройлен фон Дюнкеркдорфф, которая испуганно заглядывала в кабинет. Коля-электрик решил за ней приударить, я сказал: «Не трожь ее!», а Сан Саныч заплакал пьяными слезами. Я не идеализировал Сан Саныча, у него всегда и для всех был кукиш в кармане, но вот и он растрогался. Из Сан Саныча, конечно, педагог хреновый, тренер никудышный, ему легче самому в дерьмо влезть и все починить, учить он не умеет. Бывало, в юности я говорил Сан Санычу: «Сан Саныч-сан, неохота мне сегодня работать, пошли меня куда подальше». Он и посылал.

Мы продолжали.

Коля-электрик смотрел на проблемы пространства—времени своим особым взглядом Постороннего Наблюдателя. Если представить Звездолет, говорил он, который так загнулся, что аж закольцевался на орбите (релятивистский эффект), то и время в нем замкнулось, пошло по кольцу. Время как ток. Время — ток, пространство — проводник. Сила времени, напряжение времени.

— Душа под напряжением? — спрашивал электрик. — Ее надо отвести, заземлить.

— Что мы и делаем.

Ватты, кулоны, вольты и амперметры... Я всю электрику позабыл, кроме первого закона электродинамики: «Не лизь, бо *бне!» Надо заказать у фройлен учебник по электричеству. Коле-электрику я сказал (совсем расхвастался, стыдно):

— Чего же ты хочешь, Коля? Деньги есть, да что деньги, бумага! Я — начальник всего! Могу назначить тебя главным электриком ПРОГЛОДА. Будешь зачищать параллельные концы времени и соединять их с последовательными концами пространства.

Коля-электрик согласился.

— Все в моей власти! — орал я. — Чего ты хочешь, дядя Витя? (Это дворнику Пентагону.) Хочешь командовать мусорщиками на всем протяжении Облака Оорта? Идея! Назначу и подпишу! (Я сам удивился этой прекрасной идее, потому

что мусорщики в то время дошли до крайней наглости в своих требованиях и бастовали с плакатами: «Все начальство — мусор!»)

Пока я назначал дворника Пентагона моим заместителем по уборке Облака, фройлен Ворона испуганно заглядывала в кабинет, делала мне большие глаза и подавала какие-то знаки, показывая пальцем на плечо (мол, «дженераль Гу-Син ждет у вертушки!»).

— А ну его! — сказал я.

Сан Саныч спросил:

— Это что за фря? Кухарка? Давай, давай, пошла, не мешай.

Я продолжал орать:

— Мне простые люди нужны! А то все вокруг черепно-мозговые! Дорвались, ребята! На вашей улице праздник! Будете командовать академиками!

Стыдно как сейчас вспоминать! Еще прошло... много... долго... В кабинет заглянул сам дженераль Гу-Син (оказывается, он ждал меня не у вертушки в Планетарии, а здесь, под дверью).

— Отбивайся каской! — в ужасе заорал Сан Саныч, увидев бригадного дженеряля.

Дженераль посмотрел на наш пикник с генеральским козлом и закрыл дверь с той стороны.

Получилось, что я — Козел. Заглянул шеф-кок Борщ в белом колпаке и произвел на стариков великое уважение.

— Это кто у тебя, кухарь? — уважительно спросил электрик.

— Это доктор, — объяснил дворник.

— Се есть человек! — сказал Сан Саныч.

Пригласили шеф-кока Борща забить генеральского козла — Коля-электрик уже лыка не вязал и спал под столом. Но Коле приснилось, что его «заменяют», тут же проснулся, выпил еще и продолжал как ни в чем ни бывало. Шли годы... века этого непотребства. Наконец Сан Саныч со страшной силой ударил «дублем-шесть» по столу и страшно заорал:

— Генеральские яйца!!!

Бункер сотрясся, и у меня померк свет в глазах.

— Допились, ребята, — сказал я. — Темно в глазах, я ослеп, ничего не вижу.

Электрик сказал:

— Не, это пробки.

И ушел искать пробки.

Еще прошло... В кабинет вошел Лобан, за ним Гуго и Хуго. (Этого я не помню, мне рассказал шеф-кок.) Я спал на столе, Сан Саныч с дворником под столом, электрик куда-то исчез — ничего, нашли в приемной у фройлен фон Дюнкеркдорфф с фонарем под глазом (хозяйка же и отметила, чтоб не лез). Гуго и Хуго, очень стесняясь, дали мне по шее (слегка), уложили в чистую постель, заперли в бункере, а старичков погрузили в «торнадо-квант» и вернули по назначению на Красный Сурогат в Дом Ветеранов. (Потом все они приняли активное участие в Проекте, а Сан Саныч даже был незаменим как тренер спец-отряда СОС по сантехническому делу. Их заслуги достойно отмечены.)

<...>

Я все не мог выйти из этой лакуны. У меня опухли и болели ладони от непрерывного забивания козла. Мне их даже перевязали. Лобан смотрел на меня с вегетарианским отвращением, но дженераль Гу-Син объяснил ему:

— Травма на производстве. Ничего, пройдет. Это я виноват — в теории все было просто, а на практике получился сплошной генеральский козел. Простота хуже воровства. Ничего, все на пользу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.

<...> Я медленно и мучительно, как блудный сын, возвращался к своему Я. Болели ладони, шея, все болело. После такой грандиозной лакуны я думал, что меня, как Генеральского Козла, наконец-то погонят со всех постов. Я ошибался. Случилось худшее. Дженераль Гу-Син пригласил меня (не вызвал — пригласил) на лужайку для гольфа (опять этот примитивный гольф! — он надоел мне хуже пинг-понга — кривая палка, мячик, лунка, ходишь-бродишь, козла забивать или грибы собирать интересней) и спросил:

— Ну что, оклемались?

— Маленько.

— Вчера я говорил с Президентом. В ваше... мм... вынужденное отсутствие все так запуталось, стало таким неясным,

непредсказуемым, что опять встал вопрос о руководстве Проектом.

Я внутренне возликовал: ура, вот оно! Меня гонят в шею!

— Кому я должен сдать дела?

— Сдадите, успеется. Речь идет о руководстве всем ПРОГЛОДОМ, а не только строительством.

— Всем ПРОГЛОДОМ руководите вы.

— Я отпадаю. У меня своих дел выше крыши, я не могу вникать во все детали ПРОГЛОДА. К тому же я должен заниматься политической частью Проекта. А руководить ВСЕМ Проектом — строительство, научные эксперименты и разработки, промышленность, инфраструктура, сырье, транспорт, секретность, все остальное — ВСЕМ должен руководить один человек, иначе ПРОГЛОД самопроизвольно развалится на отдельные нескоординированные структуры. «Кого вы предлагаете?» — спросил Президент. Я, не раздумывая, назвал вас.

— Меня?

— Да. «Я так и думал», — ответил Президент. — Генерал Бел Амор, наверно, незаменим». Это он о вас так сказал.

— Обо мне?

— Не перебивайте, генерал. Кроме вас нет другого человека, который бы так основательно знал все детали ПРОГЛОДА. В принципе, некоторые академики знают всё, но они не способны к административной деятельности. Не ставить же Корову руководителем ПРОГЛОДА? Он промычит и профыркает весь Проект. Решение принято: вы возьмете ВСЕ структуры ПРОГЛОДА в свои руки — и строительство, и снабжение, и научные эксперименты, и эксплуатацию заводов, и подготовку спец-отряда. Вы, собственно, и сейчас всем этим занимаетесь. Когда я подтвердил, что вы незаменимы, Президент скептически ухмыльнулся. Я повторил: «Генерала Амора нельзя заменить». Президент спросил: «А кто у него первый заместитель?» Я ответил: «У генерала нет заместителя». Президент очень удивился и сказал: «Это непредусмотрительно; мы не можем так рисковать, все мы смертны, кто же заменит генерала, если завтра с ним произойдет несчастный случай? Будьте любезны немедленно найти человека, который бы в случае несчастья с генералом Амором мог бы заменить его. Можете располагать любым офицером или гражданским,

кто бы он ни был». Я не раздумывая назвал Лобана. Но мы с Президентом пришли к выводу, что Лобана, во-первых, нельзя отвлекать от тренировок с конюшней, на этом посту он тоже незаменим; во-вторых, Лобан не соответствует условию, которое выдвигается к руководителю ПРОГЛОДА — шалай-валяй и рубаха-парень, — а Лобан не прост, ох как не прост! Футбол и музыка — это о-о! До этого простак не додумается. Тогда я подумал и назвал фамилию еще одного кандидата. «Я что-то слышал о нем, — сказал Президент. — Разве он соответствует условию простоты?» Я ответил так: «Да, он простак, хотя и не в такой степени, как генерал Амор. Если генерал проще пареной репы, то этот простой, как велосипед». — «Я думаю, этого достаточно», — ответил Президент, но оставил окончательное решение на мое и ваше усмотрение. Итак, я записываю фамилию кандидата в ваши преемники, — дженераль сунул клюшку между ног, вынул из нагрудного кармана блокнот, что-то написал на чистом листке, оторвал и согнул листок пополам, — и спрашиваю вас: если вы завтра ненароком того... допьетесь до белой горячки <я потупил взор> или если вас завтра внезапно не станет — балкон на голову, — кого вы предлагаете назначить своим заместителем?

— Тиберия Войновича, — не раздумывая, ответил я. — Он, как и я, ни черта не понимает, что вокруг происходит, и потому лучше других годится для руководства ПРОГЛОДОМ.

Дженераль Гу-Син развернул листок. На нем была записана фамилия: «Войнович».

— Значит, мы втроем — вы, я, Президент — думаем в одном направлении, — с удовлетворением сказал дженераль и разорвал листок. — К сожалению, выяснилось, что Войнович нужен ПРОГЛОДУ для других целей, у него уже есть ответственное самостоятельное задание. Кого вы еще предлагаете?

Я подумал и неуверенно сказал:

— Степана Мазилу.

— А, этого... — усмехнулся дженераль и решительно сказал: — Вот что. Двух таких простаков, как вы, ПРОГЛОД не выдержит. Одного — вас — достаточно. Я окончательно убедился: вы незаменимы. Сдавайте дела самому себе и... продолжайте в том же духе. Только не до белой горячки. А я займусь политической частью Проекта. От политики вам лучше

держаться подальше. Я буду курировать Проект и помогать вам.

— А Степан? — невпопад спросил я.

— Значит, решили,— сказал дженераль, пропуская мой вопрос мимо ушей.— Но это еще не все... Я должен официально вам сообщить...

Дженераль выпрямился и развел плечи, но клюшка для гольфа, торчавшая между ног, не способствовала принятию официальной позы; дженераль положил ее на газон.

— По моему ходатайству и решением президента д'Эгроль-ля вам присваивается высшее воинское звание бригадного дженералья. Закрытый указ уже подписан Президентом. Поздравляю, коллега!

Я не мог выдавить из себя ни слова. Дженераль Гу-Син подошел и, воротя нос, трижды расцеловал меня в щеки и даже прослезился (от меня разило перегаром).

— А Сан Саныч? — опять невпопад спросил я.— Я хочу назначить его тренером-сантехником в спец-команду.

— Вы заботитесь о друзьях — это похвально,— сказал дженераль.— Решайте сами, ведь вы уже бригадный дженераль, мы с вами в равных званиях. Предоставьте всем вашим друзьям работу по вкусу и умению. Идите, идите, дженераль, пришивайте эполету с большой звездой к парадной форме.

НЕКУДА ПАДАТЬ.

<...> Был в «Метрополе», купил дженеральскую эполету, расшитую большой золотой звездой. <...>

<...> Руки еще дрожали, и я попросил фройлен фон Дюнкеркдорфф пришить эполету к парадной форме. <...>

— В небе висит молодая звезда, некуда падать,— сказала фройлен и перекусила нитку.

Опять я в смущении. Опять фройлен Ворона кого-то процитировала. Не знаю кого.

— Это Высоцкий,— объяснила она.

Наверно, хороший был футболист, подумал я. Но промолчал.

СОВЕЩАНИЕ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ. Я обнаглел до того, что решил проверить и утвердить свою власть, и про-

вел совещание Кабинета Министров, хотя и не был премьером,— тогдашний премьер-министр Р. любезно уступил мне свое место в торце стола, и за все совещание не произнес ни слова, показав тем самым, кто в доме хозяин. Решались вопросы дофинансирования строительства Шестой Установки, законсервирования Первой, секвестирования Четвертой и закладки одиннадцатой. Хотя проект и обеспечивался по высшей категории, но финансы пели романсы, а некоторые министры не очень-то понимали, кто я такой (строительный директор какого-то футбольного ПРОГЛОДА?), и почему их коллеги поддакивают мне или молчат в тряпочку.

В начале Проекта нам не хватало денег и материалов даже на Коровину Установочку (а ведь Приобский хант со своей отсталой промышленностью построил подобную установочку за два месяца!), а сейчас денег и материалов катастрофически не хватало для развертывания основного фронта работ, несмотря на высочайшие шифры и индексы первоочередности «три-а» и «три-нуля». Министр материального обеспечения разводил руками и говорил, что редкие изотопы жидкого эйнштейния-346 на складе не обнаружены, а в титановых тугоплавких контейнерах с надписью «эйнштейний» находится глубокий вакуум — как видно, произошла диффузия эйнштейния-346; а Министр финансов отвечал:

— А хоть и десять нулей припишите, денег все равно нет, ваш ПРОГЛОД все сожрал.

Я грубо их оборвал, произвольно используя сержантское р-раскатистое «р». И, кажется, даже послал обоих, куда следует, потому что после совещания они напросились на прием к Президенту и нажаловались ему на мою «нетактичность, некомпетентность и агр-рессивность». Что ж, они достигли великолепного результата: д'Эгролль тут же по инерции послал их еще дальше, т. е., отправил обоих в отставку и, по моей рекомендации, назначил министром материального обеспечения дядю Сэма. Правда, я предложил совмещение дядей Сэмом и поста министра финансов, но Президент на это не согласился и, может быть, правильно сделал:

— Слишком много соблазнов для одного человека,— объяснил он.

Теперь за мат-обеспечение я мог быть спокоен; министром же финансов чуть позже был назначен некий молодой да ранний N, поначалу я к нему с недоверием присматривался, но N быстро нашел общий язык с дядей Сэмом, и, когда они вдвоем вдохновенно припились делать деньги почти что из воздуха, а материалы для ПРОГЛОДА доставать буквально из вакуума, я успокоился за эту часть Проекта.

Наверно, я очень первичал на этом совещании. Я так много курил, что от кремня на зажигалке натер волдырь на большом пальце правой руки. Потом мне рассказали, что передо мной в пепельнице дымилась сигарета, о которой я забыл, вторую горящую сигарету я крутил между указательным и средним пальцами левой руки, третья, дымящаяся, искуренная до фильтра, торчала в зубах, четвертую я выдирал из пачки правой рукой, прищурив левый глаз и кашляя от едкого дыма тлеющего фильтра, а правым глазом разыскивая на столе зажигалку, которую придерживал мизинцем и безымянным пальцами левой руки. Министры с изумлением смотрели на эти мои манипуляции.

<ПРИМ. Лет через десять, когда все давно закончилось и были рассекречены некоторые документы, конгресс создал комиссию по проверке нашей финансовой деятельности. Президент д'Эгроль давно уже отдыхал на пенсии, нас некому было защитить. Комиссия замордовала нас проверками и следственными действиями, фужеры строчили статьи о наших злоупотреблениях, мне даже позволил уже старенький д'Эгроль и сказал: «Валите все на меня!», но до суда дело не дошло, его (дело) спустили на тормозах, потому что... потому! Не знаю, возможно, что-то и прилипло к рукам дяди Сэма и Лифшица, но ведь мы спасали Вселенную и, главное, спасли ее! Это надо понимать, и комиссия это поняла.>

ЕЩЕ ОДИН НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ — ЯСЕНЬ КЛЕНОВ. Сейчас я должен отчитаться об участии в Проекте Ясеня Кленова, хотя этот рассказ уведет мои «Отчеты» немного в сторону от основного направления наших исследований. Ничего не поделаешь, придется вильнуть хвостом,— не

могу не упомянуть об участии в Проекте такой знаменитости.

Дыня красно-фиолетового смещения угрожающе увеличивалась, ПРОГЛОД жрал все, что видел, а наши бессмертники все так же плохо представляли себе всю многомерность пространства—времени, блуждали в его закутках и пытались связать концы с концами этих пространственно-временных шнурков; что уж говорить о нас, простых смертных? Теоретики неуверенно рассуждали о каких-то генах времени и пространства, о двойной-тройной пространственно-временной спирали с «открытой и закрытой застежкой-молнией», прочее.

— Теория, конечно, верна,— говорили бессмертники,— но вот вопрос вопросов: соответствует ли она действительности?

Все понимал один лишь Корова, но он не умел по-человечески объяснить — мычал, фыркал и восклицал:

— Фространстфо—фремя, ну! Дфойная сфираль, фля (бля)! Застежка-молния, флин (блин)! Чефо тут нефонятного, тьм-у-у-таракань?!

Мне все это не нравилось. Так дело не пойдет. Я привык работать с твердыми материалами — бетон, кирпич, щебенка, но не с философскими камнями. Лон Дайк посоветовал мне пригласить на О'к-Аллисто еще одного бессмертного — прошлогоднего нобелевского лауреата по литературе Ясень Кленова <я о таком писателе даже не слышал, не то что не читал>, у него был хороший слог и буйная фантазия, более того, он один мог найти общий язык с Коровой, потому что в молодости, как и Корова, гостил лет пять у Приобского ханта на лесоповале.

— Он мог бы побеседовать с Коровой, во всем разобраться и на пальцах нам все объяснить,— сказал Лон Дайк.

— Хорошо, напишем заявку, пошлем приглашение. Где этот Ясень живет?

— На своем ранчо в Термической Терцине.

— Это где?

— На Нейтральной Полосе.

— Он что, ненормальный?

— Я бы сказал «неформальный». Космополит тот еще.

Пригласить не сложно, да вот согласится ли он?

— Ну, если его не вдохновит проект спасения Вселенной...

— Плевать он хотел на Вселенную. Он в законе. Этот тип похуже вашего Лобана.

Помыли косточки Лобану, вернулись к Ясеню Кленову:

— Так что делать? Приглашать?

— Попробуйте. Надо использовать любой шанс.

ДИСКРИМИНАЦИЯ БУКВЫ Ё. Я отдал приказ: достать Ясея Кленова! Фройлен Ворона заахала-закаркала — «Ах, Ясень Кленов, ах, лауреат Нобелевской премии по литературе!» — отпечатала на машинке (о компьютерах я уже говорил) и послала Кленову мгновенной пневматической почтой официальное приглашение. В ответ — молчанье. Послали повторное приглашение — молчит, как Гамлет. Я засомневался:

— Да может, он уже умер там, в своей Термической Терцине, и некому его похоронить на Нейтральной Полосе? Там же одни олениводы... Туда только ледоколом... да и то в навигацию и в светлое время года...

— Живой, живой,— ответил дженераль Гу-Син на мой запрос.— Ходит. Дышит. Прослушивается. Сердце стучит.

— Почему же не отвечает?

— Обижен. Творческая депрессия. Даже не приехал за своей половиной Нобелевской премии.

— Почему только за половиной?

— Вот за половину и обижен. Литературную премию в прошлом году разделили на двоих — ему и трем братьям-близнецам Грейпфрутам.

— Ему и трем братьям — значит, на четверых?

— Нет, на двоих. Кленову половина и трем братьям половина. Близнецы тоже обиделись. Причем почему-то не на Нобелевский комитет, а на Кленова.

— Тогда, может быть, выписать ордер на задержание Кленова и его силовой привод в Планетарий? — предложил я.

— Что вы, что вы! Слишком круто, скандала не оберешься! Да и по большому счету не в Нобелевской премии дело, а в букве «ё».

— ?

— Вы телеграммы ему послали, наверно, без буквы «ё». «Клёнов», наверно, написали через «е». Клёнов его фамилия, Клёнов! Эти две точки над «е» для него принципиальны! А у

нас же так с древних времен повелось — издатели «ё» обстригают, мол, «е» и «ё» одно и то же. Вот Клёнов и выступает против дискриминации буквы «Ё». Создал правозащитное общество «Ё», добивается справедливости. А девиз, девиз общества... не поверите!

— А что за девиз?

— «*б твою мать — через «Ё»!

— Смешно!

— Было смешно, уже надоело. Он вам очень нужен? Зачем связываться с этим *бнутым?

— Сам толком не знаю. Лон Дайк говорит, что это еще один шанс для успешного окончания Проекта.

— Я бы сказал «шансик»... А что если я попрошу президента д'Эгролля наградить Кленова, ну, скажем, орденом Почетного Легиона? И чтобы в указе «Клёнов» и «Почётный» были написаны через «ё»... А? Может быть, он клонет на орден и придет. Как вы думаете?

— За орденом я бы приехал. Тем более, через «ё».

<АКЦЕНТИРОВАННЫЙ УДАР. После лекции Кленова на Ок'Аллисто я говорил с ним насчет буквы Ё. Бывают случаи, говорил я, когда без «Ё» просто невозможно обойтись. Вот случай из бокса. Звукооператор забыл выключить микрофон, и в перерыве после второго раунда слышится совет секунданта (на все скопления галактик): «Коля, по очкам ничего не выйдет, судья, сука, не туда судит, надо поставить две точки над «е», надо два раза акцентировано ёбнуть, как учили — левой-правой, и всё!» И Коля вышел, и Коля поставил эти две точки.

— Вы правы! — воскликнул Ясень, когда я рассказал ему эту историю из олимпийского бокса.— Именно это я и хотел сказать о букве «Ё»!>

Был обнародован Указ о награждении Ясеня Кленова полным (не половинным) орденом Почетного Легиона, еще через три дня пришел ответ: «Ёлки-палки шью смокинг высылайте ледакол». Пригнали ему ледакол, но прошло еще много пространства—времени, пока был пошит смокинг и пока ле-

докол на' пыхтячем пару возвращался обратно, останавливаясь на каждой станции у каждого столба с оркестром. Сбегался простой народ — дети, дамы, творческая интеллигенция. Кленов выходил на капитанский мостик в смокинге и в старом зековском котелке, плакал, кланялся, котелок падал, он поднимал его и, значит, опять кланялся. «Вернулся! — вздыхал народ.— Мученик ты наш за общее дело!» Через месяц сам президент д'Эгролль (и мы, грешные, сзади и по бокам) с цветами встречал Ясеня Кленова в космопорте Метрополии. Этот мужичок меня удивил — сам с ноготь, борода с локоть, в глазах похоть. Был оживлен, депрессии как не бывало, в благодарность за цветы даже ущипнул Ворону за попку, а фройлен зарделась, смутилась, умилилась, расплакалась. Это был лучший день в жизни фройлен фон Дюнкеркдорфф (если не считать тот день, когда она, наконец-то, вышла замуж,— но тут я не уверен). Состоялось награждение, Президент попросил Кленова выступить перед бессмертными академиками, тому уже было неудобно отказаться, коготок увяз, птичке конец, он отправился со мной на О'к-Аллисто в гости к бессмертным и познакомился с Коровой. Они побродили по Облаку, повспоминали свое бывшее-приобское и общих знакомых на лесоповале, Ясень подписал Корове свою нобелевскую книгу «На берегах Приёбья», Корова же рассказал ему о своей Установочке.

Конечно, Ясень Клёнов был не прост,— ох, не прост! Посложнее Лобана. Он прочитал нашим академикам чуть ли не нобелевскую лекцию о единстве пространства—времени как формы—содержания. Все пришли, даже я и шеф-кок Борщ,— но я по долгу службы, а Борщ, уже приготовивший нобелевский банкет, из любопытства. Ясень начал так, будто перед ним сидел не бессмертный конклав, а факультет третьекурсников:

— Ну, мне все ясно. Вы, господа, не можете определиться с репликацией пространственно-временных генов, где матрицей попеременно является то пространство, то время. Понятно? Все это очень просто, как две точки над Е — что-то вроде известной фразы «Архип осип, а Осип охрип». В теории Гусочкина, по существу, речь идет о единстве формы и содержания, она <теория Гусочкина> перекликается с содержанием

моей Нобелевской лекции, которую я подготовил, но так и не прочитал, потому что не присутствовал на награждении. Приведу три парадокса.

Фройлен фон Дюнкеркдорфф стенографировала этот доклад, я сохранил стенограмму в своем сейфе, даю ее конспективно.

ПРОСТРАНСТВО—ВРЕМЯ КАК ДВЕ ТОЧКИ НАД Е.

(Доклад лауреата Нобелевской премии Ясея Клёнова.)

ПЕРВЫЙ ПАРАДОКС КЛЁНОВА, спортивный. Предположим, что чемпион мира по шахматам гроссмейстер К.<арасев> в партии с гроссмейстером Н.<удельманом> делает ход «e2—e4». Шахматные тиффози, собравшиеся в зале, начинают волноваться и обсуждать этот ход, прикидывать — а не испанскую ли партию разыграют гроссмейстеры? В это же время в каком-то шахматном клубе на астероиде О'к-Аллисто мальчик Ваия Тюлькин делает тот же ход «e2—e4». Почему никто из этих тиффози не мчится на О'к-Аллисто и не обсуждают этот ход — ведь ход-то один и тот же?

ВТОРОЙ ПАРАДОКС КЛЁНОВА, литературный. У Гроэма (или Квестертона, не помню) есть рассказ под названием «Портрет одного человека». Рассказ небольшой — всего пять страничек. Я (Кленов) начал его читать. На первой странице описывается портрет на стене. Просто: описание портрета — рама, холст, краски, глаза, нос, прическа; написано очень вкусно, я переворачиваю страницу — продолжается подробное и вкусное описание портрета — на щеке бородавка, форма подборода, галстук, пиджак; на третьей странице продолжается описание — выражение глаз, морщины на лбу и т. д. — я продолжаю читать с интересом и даже с возрастающим интересом, потому что чувствую приближение последней страницы и нарастающий вопрос: «ЗАЧЕМ автор описывает на пяти страницах этот портрет? Пять страниц для портрета — много!» Т. е., вопрос о «сверхзадаче». Последняя страница. И последняя фраза: «Читатель, наверно, спрашивает: зачем автор описывает этот портрет? Меня всего лишь интересовало, смогу ли я удержать внимание читателя описанием «всего лишь» портрета. Если читателю не было скучно — моя задача выполнена». Я (Кленов) рассмеялся — мне было не скучно, автор достиг своей цели.

ТРЕТИЙ ПАРАДОКС КЛЁНОВА, этический. Первая ситуация: некоему человеку, находящемуся в Благородном собрании,— предположим, это знаменитый эйнштейновский Посторонний Наблюдатель,— захотелось справить естественную нужду. Наблюдатель размял сигаретку, вышел из зала, зашел в туалет и сделал то, что требовала от него природа. Какова была реакция присутствующих? Не было никакой реакции (кроме, возможно, ленивой мысли: «приспичило»). Вторая ситуация: этот же Посторонний Наблюдатель, захотевший справить нужду, решил никуда не выходить, а просто и прямо посреди зала сделал то же самое. Какова сейчас должна быть реакция собравшихся?

— В морду ему! — не выдержал шеф-кок Борщ.

— Вы абсолютно правы! — тут же согласился Кленов.— Не вызывать же полицию?.. Дадут ему в морду, спустят с лестницы и больше никогда не пустят в Благородное собрание. А что, собственно, произошло? В обоих случаях этот человек совершил одно и то же действие... По содержанию. Но не по форме.>

Во всех «на примерах» форма оказывалась важнее содержания: ценность одного и того же содержания (ход «e2—e4») определяется формальной стороной дела: кто этот ход сделал — чемпион мира гроссмейстер К. или Ваня Тюлькин. Ценность одно и того же содержания, высказанного разными людьми, тоже определяется формально: кто это сказал — выдающийся писатель, познавший истину кровью, потом и головной болью; или бойкий шелкопер, суждения которого не интересны, потому что за ними не стоит личный опыт. Ясень ставит этический вопрос ребром. Этические нормы (форма), главенствуют над самим поступком (содержанием). Человек совершает один и тот же поступок, но в одном случае на этот поступок никто не обращает внимания, во втором случае — спускают человека с лестницы. Рассказ Гроэма подтверждает — главное не содержание (в описании портрета нет содержания — или это содержание неуловимо — что, зачем, почему?), а форма (как написано?). Тезис — единство формы и содержания, без формы нет содержания, без содержания нет

формы,— остается теоретически верным, но ничего толком не объясняет (вроде эйнштейновской неразрывности пространства—времени).

— Это как дважды два в десятиричной системе,— говорил Ясень.— Вы (мы) перешли диффузионный порог — и теперь стало не «вот Бог, а вот порог», а наоборот — «вот порог, а вот и Бог». Мой вам совет: вам надо ставить не точку над I, а две точки над E. Подумайте. И будьте мне здоровы.

ЧЕЛОВЕК В ФУФАЙКЕ. От Нобелевской лекции у меня в голове осталась одна лишь перхоть, пришлось ее вытряхивать; зато на Борща она произвела потрясающее впечатление. Его так потрясло поведение эйнштейновского Постороннего Наблюдателя, что на Нобелевском банкете он стоял в дверях и с подозрением разглядывал каждого, кто вставал из-за стола. Рядом со мной сидел Лон Дайк и что-то с увлечением рисовал на салфетках. Я тихо спросил его:

— Как вам лекция? Уяснили что-нибудь?

Он тихо ответил:

— Есть, есть у нас свой родной Посторонний Наблюдатель в фуфайке!

— Он в смокинге,— поправил я.

— Заблуждаетесь. Он всегда в фуфайке. Человек в фуфайке все знает. Он правильно посоветовал: нам надо ставить не точку над I, а две точки над E.

Я вопросительно взглянул на Лон Дайка.

— Мы думали, что нам надо делать один заряд и взорвать его в центре пересечения двух Вселенных, в центре «дыни». Смотрите...

Лон Дайк показал мне салфетку с двумя пересекающимися окружностями и с одинокой точкой в центре «дыни».

— Но это не так,— сказал он и перечеркнул рисунок.— А вот как,— и показал мне вторую салфетку с теми же окружностями, но с двумя точками у полюсов «дыни».— Я только сейчас понял: чтобы разъединить два пузыря, нам нужно сделать не одну бомбу, а две... не один заряд, а два заряда. И взорвать их синхронно не в «дыне», а у ее полюсов.

<Рисунки Лон Дайка см. в академическом издании «Отчетов».>

Наконец-то и я кое-что понял! Дошло! Наконец-то я понял, какие переговоры вел дженераль Гу-Син с моим антиподом из службы SOS!

— Нет! — сказал я. — Нам надо делать одну бомбу!

— Их должно быть две на полюсах «дыни», — сухо ответил Лон Дайк.

— Вы правы! Две! Не в центре, а на полюсах! Но мы должны сделать одну! Вторую сделают Там. Плюс—минус, пространство—время, форма—содержание, бог—черт! Вторую точку над Е поставят в анти-Вселенной!

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ВАКУУМНО-ДИФФУЗИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ. От литературоведческого визита Ясеня Кленова, который так помог нашим теоретикам, вернусь к своим обычным заботам в ПРОГЛОДЕ.

Строительство Вакуумно-диффузионного завода (ВДЗ — ВОДОВОЗ) уже шло полным ходом. ВОДОВОЗ должен был удовлетворять трем главным требованиям: быть НЕУЯЗВИМЫМ для известных или неизвестных источников опасности; обеспечивать НАДЕЖНОСТЬ в работе и БЫСТРОТУ достижения нужного уровня побочного и конечного продукта (диффузионной ткани и «энной пустоты»). Трудности, возникавшие на нашем пути, не поддаются описанию — ведь многие детали конструкции весом более 10 000 тонн нужно было собирать с точностью прецизионных механизмов; о пружинах, демпферах, клапанах и прочей мелочи до ста тонн нечего и говорить. «Лукойл», «Адидас» и «Кока-Кола» преодолели эти неслыханные трудности за каких-то полгода.

ЗАЩИТА ОТ КВАНТОВАННОГО ПРОСТРАНСТВА. Особую проблему составляла защита ВОДОВОЗА от квантованного пространства (это был уже не космос в обычном понимании, а «межвселенское пространство», — не знаю, как назвать, — тот самый эфир, в котором существуют сами Вселенные). Нужно было выбрать доступный и надежный материал. Песок, бетон и

свинец не подходили, кванты пространства—времени пронизывали их без всякого сопротивления, мы провели эксперимент, засыпали песком, залили свинцом и бетоном три глубоких каньона — толщина свинца достигала ста метров, бетона — еще больше, — и облучили их Коровиной Установочкой. Результат был «ноль на массу», кванты прошли песок, бетон и свинец, будто их там и не было, — сравнение пожа с маслом здесь не подходит, потому что на ноже остаются хотя бы следы масла, масло хотя бы сопротивляется. В ходе исследований нам случайно удалось найти (отличились академики Цукерман, Капельцын и я, грешный) простое, дешевое и эффективное решение проблемы. Дело было так: Цукерман и Капельцын уперлись в песок, бетон и свинец, в эти традиционные материалы защиты, и никак не могли выйти из этого сыпуче-тягучего треугольника и найти пригодную тормозящую субстанцию. Правда, они не опускали руки и сейчас подыскивали каньон поглубже, чтобы залить его серебром, но этот эксперимент оказался мне излишне дорогостоящим, и я попросил Цукермана и Капельцына поделиться с Коровой своими затруднениями, а сам решил присутствовать сбоку-припеку.

— Фазовый портрет явления очень интересен, — говорили они Корове. — В результате малых случайных флуктуаций исходное состояние пространственно однородно, или, как говорят, трансляционно инвариантно. Значит, уравнение, описывающее процесс, также трансляционно инвариантно. Тогда и решение должно быть трансляционно-инвариантным. Однако спонтанно возникающие объекты — например, кристаллический пузырь — таким свойством не обладают. Они нарушают пространственную однородность: возникает спонтанное нарушение трансляционной инвариантности.

И т. д. в том же д.

Корова слушал, бодал головой и шевелил ушами, ему было все понятно — понятно, что ничего не понятно; как вдруг я увидел, что проблема нарушения трансляционной инвариантности должна быть легко решена,

потому что центр тяжести частицы мог находиться в любой точке пространства—времени, значит, защита должна быть неоднородной, значит, годился всякий хлам вроде утиль-сырья и бытового мусора. Я неуверенно сказал об этом и, как бы невзначай, спросил:

— А фанеру нельзя?

Фанера! Очень часто решение проблемы приходит в голову постороннему, а не тому, кто бьется над ней. Фанера и клей! Таким материалом оказалась обычная фанера, обычный шпон для отделки мебели! Более того, фанера не богатых сортов (дуба или красного дерева), а малоценная березовая, липовая или осиновая. Технология: на лист фанеры насыпались тонким слоем намагниченные опилки железа, заливались эпоксидным клеем, сверху слой алмазной пыли, опять слой клея, сверху накладывался очередной лист фанеры, пока не набирался (до 1000 слоев) монолитный блок. Построили на далекой орбите монолитный километровый куб, с полым 40-миллиметровым кубиком в центре, и включили рубильник. Куб слетел с орбиты, вызвал взрыв сверхновой, специальные розыскные группы нашли его в черной дыре на окраине Гончих Псов, а наградой нам послужил утихомиранный квант пространства—времени ($p \rightarrow v$, конечно, поменялось местами и стало $v \rightarrow p$). Это было второе выигранное сражение. Мы нашли не только способ защиты, но и способ управления квантами. (И я тут был при чем! И тихо этим горжусь.)

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РАТЬ КАК СПАРРИНГ-ПАРТНЕР. А вот и еще один спарринг-партнер объявился — президент д'Эгроль прочитал докладную о секретной системе Лобана «оборотень», сжег ее в пепельнице и сказал мне, что его президентская команда хотела бы сыграть товарищеский матч с конюшней, и чтобы я уговорил Лобана.

Я спросил, знает ли д'Эгроль формулу Эйнштейна «Е-равно-эм-це-квadrat»?

— А как же! В школе проходили,— ответил д'Эгроль.— Я из-за этого эм-це-квadrата здесь и сижу.

Я ответил, что в нашей конюшне эйштейновская формула осмысливается иначе. У нас говорят: «Бэ равно эм-цэ квадрат».

— Что это «Бэ»? — спросил д'Эгролль.

— Бабки. Так ваш министр финансов называет деньги. Время—деньги—пространство. Деньги—пространство—время. Пространство — время, а время — бабки. Товарищеские игры мы играем только для того, чтобы заработать это самое «Бэ».

— Будто вы мало получаете по ПРОГЛОДУ!

— ПРОГЛОД — одно, а «Бэ» — другое.

— Будет, будет вам это «Бэ»! — усмехнулся д'Эгролль.

Лобан согласился играть за «Бэ» против этих профанов. «Против» — сильно сказано; просто — побегать с ними. Мы провели эту игру. За нас играли — Лобан, я, Макар, Ираклий, Брага, Племяш, другие, на замену (для смеха) выпускали доктора Вольфа, Корову, даже шеф-кок Борщ постоял в воротах,— против нас вышли президент д'Эгролль, дженераль Гу-Син, министр финансов (он-то и расплачивался живыми кварками после игры), несколько фужеров. Мы хотели усилить правительственную команду Племяшом, но они отказались от услуг какого-то мальчишки (зря отказались). Племяш обиделся и сказал, показывая пальцем на президента д'Эгролля:

— А я за этих жирных и не хотел играть.

Тогда Лобан выставил Племяша за нас. Мы сумели сыграть, не впадая в амбиции — это было сложно. Инстинкт профессионала не даст настоящему футболисту сыграть плохо, не даст схалтурить, но с президентской администрацией мы решили свести матч вничью — без халтуры, но с веселостью; вообще, игра в поддавки — занятие опасное, возникает кураж. Кураж опасен — когда все идет хорошо, ничего хорошего нет, потому что кто-то сорвется и отнесется к делу очень серьезно. Племяш играл против самого д'Эгролля и делал его как хотел по всему периметру полигона. На это было забавно смотреть — очкастый гигант д'Эгролль и маленький Катигорошек. Наверно, Лобан зря это сделал, выпустив Племяша,— я хотел, чтобы было смешно, но ребенок жесток,— ребенок так заботал д'Эгролля своими финтами, рывками и подсечками, что никто уже был не рад. Этот Гаврош играл всерьез, вот в чем дело. Д'Эгролль тоже играл всерьез, хотя и посмеивался. Я

сказал Лобану — и он согласился со мной, — что этот мальчик уже не мальчик, его надо ставить в основу и не дать засидеться в дубле до алкоголизма.

<...> Как закончилась игра — не помню, не имеет значения. С каким-то смешным счетом. После матча президент д'Эгролль пожал всем руки (с особым уважением Племяшу) и подарил нам два «торнадо-кванта»: салатовый лимузин — Лобану (водитель Хуго), вишневый — мне (водитель Гуго). <...>

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ВОДИТЕЛЕЙ. К водителям льнут тиффози. Перед ними заискивают фужеры, пытаюсь выведать тайны мадридского двора. Водители многое знают по мелочам — наверно, больше главного тренера. Хуго и Гуго ценят это к себе уважение и с достоинством принимают мелкие знаки внимания — пачку сигарет, кружку пива, стакан вина, иногда и что-нибудь покрепче. Они — тиффозные генералы. Они важны и косноязычны. Свои языки они никогда не развязывают — хотя бы потому, что эти морские узлы просто невозможно развязать, только вырвать или разрубить. Но еще они хорошо знают, что болтать не надо. <...>

ПОПЫТКА ОТРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА С ЖЕНОЙ. Они опять повторили свой номер! После игры мы пригласили Президента с женой откусать. Президент намазал горчицей отбивную и откусил. Глаза полезли на лоб, слезы. Что? Почему? Д'Эгролльша тоже попробовала — слезы, спертое дыхание. Вызвали доктора Вольфа — он понюхал, лизнул, и у него тоже полились слезы.

— Никому не прикасаться к горчице! — приказал Вольф.

Проверили другие приборы, там горчица была нормальная, вкусно горчила. Попытка отравления? Прибежал шеф-кок Борщ, выдавил горчицу в столовую ложечку и отправил в рот. Он чуть не умер.

«Козлы серосовые, — думал я в адрес Брагина и Гусочкина. — Им все шуточки. Нашли с кем шутки шутить. Опять подменили обычную горчичную приправу на острую горчицу, которой зэки догоняют кайф».

Потом Президент смеялся. А что еще ему было делать?

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ПРОБЛЕМА БОРЖОМИ. Одной из причин выбора Облака Оорта было наличие в этом районе в орбитальных кометах большого количества воды, которая требовалась для отвода тепла от ВОДОВОЗА. Если для добычи энного пространства в объеме дикого яблочка нам требовалась гора эйнштейния, размером с Эверест, а для добычи эйнштейния требовались гималаи урана, то для охлаждения ВОДОВОЗА нужны были Тихие океаны воды, воды, воды — и, как оказалось, холодной минеральной воды, вроде «Боржоми». Требовалось построить завод по очистке и растоплению грязных кометных айсбергов, рядом — второй, перегонный, для очистки воды до уровня дистиллированной, тут же — третий, для обогащения ее минеральными солями, и, наконец, четвертый — завод-холодильник. Корова побоялся обращаться ко мне с этим необъятным проектом самогонного аппарата и передал его через дядю Сэма.

— Подлость еще состоит в том, — объяснил мне дядя Сэм, — что перегонный, обогатительный и морозильный заводы могут вообще не понадобиться, наверное, и грязная вода сойдет. Но, если океаны «Боржоми» все-таки будут нужны, то их отсутствие сорвет весь ПРОГЛОД.

Я спросил его:

— Твое мнение?

— Нельзя рисковать. Надо строить.

— Начиная строить.

— Во что это обойдется?

Я прикинул на калькуляторе приблизительную смету четырех водоперегонных заводов и через минуту сказал:

— Итого: около 10 миллиардов золотых кварков.

— Гос-споди, твоя воля! — испугался дядя Сэм. — Хорошо, что я этого не знал минуту назад.

Такие вот методы были у нас в начале строительства. Строительство заводов по перегонке воды мы, недолго думая, поручили концерну «Кока-Кола» (кому же еще?) и не ошиблись — они отлично справились с этим заданием. Ну, а на «Боржоми» мы даже сэкономили:

третий, минеральный, завод мы законсервировали. Как оказалось (Лон Дайк подкорректировал вычисления Коровы), грязная вода все-таки не годилась для наших целей, но холодной дистиллированной было достаточно.

<ПРИМ. Потом возникла еще одна крупная проблема для «Кока-Колы» — рекультивация ландшафта, восстановление окружающей среды. Запасы ледяных комет в Облаке Оорта в результате нашей бурной деятельности начали истощаться, и нужно было проводить постоянные, даже непрерывные работы по их восстановлению. Специалистами «Коки» был предложен хитроумный план замкнутого цикла или «круговорот воды» — мы начали выкачивать из псевдо-пространства водород и кислород и загонять их на орбиту Оорта, где они превращались в куски, глыбы, айсберги чистого льда,— так что вскоре 1-й очистительный завод мы открыли.>

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Это была постоянная головная боль для меня и дяди Сэма: надо было обеспечить привычные бытовые условия не только бомжам (о них я уже отчитался) и бессмертным (три десятка удобных коттеджей, автомобили и заоблачная зарплата не были проблемой), академики и бомжи были довольны,— но и создать сносные условия жизни для всего персонала О'к-Аллисто. Я уже писал, напомним, что в окрестностях астероида был всего лишь один универсальный магазин под названием «Овраг», скорее напоминавший большую лавку с полуграмотной рекламой: «ЧАЙ, КОФЕ, МЫЛО, БЕЛЬЕ, КОЛБАСА, ПРЕЗЕРВАТИВЫ И ДРУГИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ», и весь этот колониализм был свален в одну кучу; здесь можно было выпить, подраться, посмотреть единственную программу ТВ, которую транслировали с Харона, это был скорее салун-магазин-харчевня, посещение «Оврага» на первых порах было способом убить время — «пошли в овраг, что ли?».

(Эта провинциальная кабельная ТВ-программа однажды поставила на уши наш Секретный отдел. В «Овраге» вдруг показали фантастический триллер «Не-помню-названия» о двух пузырях-Вселенных, которые, в результате какого-то подлого научного эксперимента, пошли на таран, наполнили друг на друга и сцепились в пространстве—времени. Главный супер-герой-полицейский (наш), он спасал Вселенные,— его, кажется, играл Питер Фальконе,— и анти-герой, злобный и гениальный старикашка-ученый (ихний) — это он пошел на таран,— гонялись друг за другом, примитивно крушили все, что под руку попадалось, и к концу фильма раскрушили столько всего, что от обеих Вселенных мало что осталось, и гениальный злодей мог уже спокойно помирать (что он и сделал), а Питер Фальконе мог зачехлить свои кулаки с сознанием выполненного долга — свое холостяцкое ранчо с прилегающими к нему бедными крестьянскими фермами он таки спас от светопреставления, привел в дом красавицу Анти-Гону, и на фоне финальной постельной сцены с вспыхивающими сверхновыми галактиками, следовало понимать так, что жизнь продолжается.

Я к чему описываю всю эту чепуху,— мне доложили об этом фильме, я насторожился — фабула очень уж напоминала проблематику нашего проекта — и спустился с нашим начальником секретного отдела (им уже был полковник Степан Мазила) в «Овраг», где нам на бис повторили сеанс. Мы к тому времени уже ввели строгую цензуру — в газетах, журналах, кинофильмах нельзя было упоминать даже слова и словосочетания «О'к-Аллисто», «облако Оорта», «конец Вселенной», «Маракканна-2-бис», а тут сюжет разительно вышивал узоры по проекту ПРОГЛОДА. Простое совпадение? У меня даже создалось впечатление, что кто-то, знающий подробности проекта, в пику нам снял этот фильм. Сразу же после сеанса Сайгон с опергруппой вылетел на Плутон-Харон и провел расследование с целью узнать: кто? Кто режиссер, кто сценарист, кто продюсер, кто спонсор? Вот что выяснилось: в офисе местного кабель-

ного ТВ ни хрена не знают, а фильм купили на черном видеорынке в Метрополии. Сайгон дождал расследование до конца — обнаружил и сценариста, и режиссера, и спонсора. Это были весьма непочтенные и циничные люди богемного склада, но ни к шпионажу, ни к проекту они не имели никакого отношения. Фильм был старый, снят за несколько лет ДО ТОГО, как появилось историческое письмо Президенту, но это случайное совпадение никак не выходило у меня из головы — не был ли этот фильм ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ, посланным нам с Того Света? Или Посторонними Наблюдателями с Перекрестка? Ведь сценарист, режиссер и продюсер, люди умные, но далекие от науки, могли создавать этот глупый фильм ВНУШАЕМО.

ЧЕРНАЯ ТЕТРАДЬ.

ДОМОСТРОЙ. Но вернусь к нашему домострою. Жизнь на разных объектах ПРОГЛОДА имела свои неповторимые особенности (например, на одном краю Облака Оорта вечно исчезала горячая вода, зато в районе 3-го Перегонного завода все ходили ошпаренные), однако были и общие черты: изоляция от внешнего мира, секретность, работа без выходных и отпусков, спартанские бытовые условия. Мы сразу построили несколько пивзаводов, больниц, бассейнов и полигонов для пляж-болла, открыли настоящие универсамы, рестораны и бистро и решили, что на этом, в сущности, бытовая проблема решена. Уюшки! Мы быстро поняли свою демографическую ошибку — предпочтение, которое мы отдавали холостякам и неженатым-незамужним молодым специалистам, чтобы не было проблем с детьми, — это предпочтение привело к взрыву, слава Богу, пока только демографическому — молодые (да и пожилые) специалисты начали плодиться и размножаться с таким остервенением, будто в самом деле завтра наступал конец света. Пришлось строить церкви, костелы, синагоги, мечети, роддома, детские сады, школы, дискотеки, аптеки, вспомнили о парикмахерских, за молодыми специалистами потянулись легкие на подъем и слабые

на передок дамы определенного сорта — в связи с этим нашествием на Облаке был введен строгий пропускной режим, но мы быстро поняли всю бессмысленность борьбы с этим контингентом, проявили разумную терпимость и построили дома с соответствующим названием, так что проблему с проститутками сняли.

Так, что еще? Законсервированный завод для «Боржоми» нам все-таки пригодился — не возить же газированную воду из Метрополии. <Но и его мощности сейчас маловато для 58 миллионов человек.> А вот крупные предприятия пищевой и консервной промышленности решили не строить, а мясо, муку, консервы и фрукты-овощи завозить, чтобы не возиться с коровами, свиньями и уборками урожая. Вот только построили и открыли много небольших пекарен и кулинарных магазинчиков.

Нам предстояло построить, и мы построили: административные корпуса, здания различных служб, склады, мастерские, ограды, электрические, водяные и паровые коммуникации, канализацию, украсить и озеленить все это розами-березами, заасфальтировать, создать ремонтные службы,— а проблема проблем: уборка мусора?! Мусорщики оказались самым наглым, дремучим и беспокойным отрядом рабочего класса (с углем и шахтерами нам, слава Богу, не пужно было связываться) — квалифицированные слесари-кузнецы-металлисты и даже мои родные горластые (вот с таким хайлом!) каменщики-бетонщики казались по сравнению с мусорщиками глубоко интеллигентными людьми. Мусорщики забодали дядю Сэма бесконечными требованиями и забастовками, не хотели работать по праздникам, требовали восстановить им День рабочей солидарности, мы им платили вдвое, втрое больше обычных расценок, только чтоб было тихо и, главное, чтоб не воняло на Облаке. Тщетно. Я убедился, что проблема мусора — главная проблема любой цивилизации, любой Вселенной. Я пригласил на должность Главного Мусорщика дядю Витю-Пентагона, и он тут же решил все дело силовыми мерами — вообще лишил мусорщиков зарпла-

ты, договорился с ВОДОВОЗОМ о переработке мусора в диффузионную ткань (технология уже была налажена) и объявил работникам: кто больше сдаст, тот больше получит. Начали гоняться за каждой пылинкой. Стало чисто и тихо.

ЕЩЕ ОБ АБСОЛЮТНОЙ СЕКРЕТНОСТИ.

Хотя мы уже понимали, с Кем имеем дело, и абсолютная секретность с Ними теряет всякий смысл, но мы продолжали соблюдать ее (секретность), надеясь, что нас примут за дураков. Быть дураками — в этом и оставался единственный здравый смысл.

Поначалу для сохранения абсолютной секретности мы решили, что я буду избегать письменных докладов даже президенту д'Эгроллю и дженералю Гу-Сину. С тех пор разговоры с ними велись только с глазу на глаз, и не в помещениях, а на открытых пространствах, вроде крыши планетария или лужаек для гольфа, причем лужайки время от времени менялись (но мы не были уверены, что нас и здесь не подслушивают, мы ни в чем не были уверены). Ну а после того, как в моих тетрадях обнаружили «закорючки», в отчетах для ФУФЛА я принялся валять откровенного дурака, и фуфлони меня таковым и считали; отчеты я уже писал для самого себя, это были уже не отчеты, а записки для памяти; но для маскировки я озаглавливал их по-прежнему «Отчеты для ФУФЛА» и для блезиру записывал их в титановом сейфе и никогда не выносил из бункера. (Уже потом, после окончания проекта, эти записки попали в архив СОС, а оттуда, по недоразумению и чьему-то недогляду, были переправлены в архив ФУФЛА, где и пылились двадцать лет.)

Сейчас понятно, что представляться дураком было правильной политикой, потому что в отношениях с Незнаемым, Непознаваемым и даже Непостижимым лучше было быть простым (но, конечно, не слабоумным) парнем — все равно ведь, Непостижимое ты не проведешь, нужно вести себя естественно, потому что для Непостижимого тобой Ты и сам, может быть, яв-

ляешься Непостижимым, вот пусть Невесть Кто в Тебе и разбирается. Быть дураком — это было правильная линия. Академики об этом догадывались, это предполагали, но тогда этого никто точно не знал.

Еще о бумагах. Напомню, что сделки, которые мы проводили с разными фирмами, чаще всего заключались устно и скреплялись честным словом и простым рукопожатием, чем очень огорчили будущих историков, архивистов и нашу бумагомарательную промышленность.

Вообще, для нас было обязательным строгое правило: если точно не известна степень опасности, принимать меры в расчете на наибольшую опасность. Это касалось секретности, правил мер безопасности, выбора места строительства — в неясных вопросах мы всегда шли ва-банк.

Дженераль Гу-Син сказал мне, что ему сказал адмирал Поплавко, которому сказали в штабе ВМФ, что Военно-Морской Флот не привлекается к работам проекта и морячки обижены. Я с удивлением спросил:

— Кто этот адмирал Поплавко, кто ему это сказал, и откуда вообще морячки знают о существовании проекта? Это при нашей-то «абсолютной секретности»?

Дженераль замялся с ответом. Тогда я намекнул на то, что обращение с секретными сведениями на всех уровнях стало несколько небрежным и что здесь нужно наладить должный порядок. Но дженераль хорошо понял, кого я имею в виду, информация протекала не снизу, а сверху, протекали не унитазы, а потолки, — президент д'Эгролль, да и сам дженераль, стали излишне болтливы на своих потолках, на всяческих конференциях и совещаниях, и должны укоротить свои языки. Дженераль ненадолго надулся, но потом признал мою правоту. А насчет морячков он оказался прав. Мы привлекли к работам лаборатории и спец-команды Военно-Морских Сил и не пожалели об этом — они бороздили тесные просторы псевдо-пространства, не выходя на поверхность по нескольку месяцев, — чего стоят только их разведывательные спуски в батискафах в зону наез-

да (в «дыню») или опасные и трудоемкие замеры на местности ультрафиолетового смещения! Уникальная, героическая работа!

О цензурном запрете отдельных слов и фраз, а также о таинственном случае с фильмом «не-помню-название», я уже рассказал.

Однажды-таки случилась диверсия, я, кажется, уже писал об этом,— в песущий кабель кто-то забил гвоздь. Розыски не дали результата. Видимо, это был какой-нибудь обозленный рабочий (падаюсь, не металлист, а мусорщик), который таким образом хотел отомстить начальству.

12 АПОСТОЛОВ. Еще о секретности. Этот любопытный разговор с дженералем Гу-Синю состоялся, кажется, после нобелевской лекции Ясеня Кленова, когда работы по Проекту шли полным ходом. Дженераль Гу-Син попросил составить список десяти самых ценных сотрудников проекта, подлежащих усиленной охране. Вот этот первоначальный список (он дает представление об относительной «ценности» некоторых наших сотрудников):

1. Анатолий Гусочкин, научный руководитель проекта.
2. Вал. Лобан, начальник спец-команды СОС.
3. Академик Лон Дайк, главный теоретик проекта.
4. Академик Тутт — математическое обеспечение.
5. Академик Капельцын — вакуумно-диффузионная теория.
6. Академик Цукерман — физико-химические процессы.
7. Миниглод Рафальский — материальное обеспечение.
8. Фройлен фон Дюнкеркдорфф, генеральный секретарь проекта.
9. Сан Саныч-сан. Сантехническое дело.
10. Ясень Кленов, человек в фуфайке, который все знает.

Дженераль внимательно прочитал список, согласился с ним (даже с выделением охраны Ясеню Кленову), но уточнил два момента:

— Эта ваша фря... то есть, фройлен-фон... Ворона, которая... она ведь не выходит из бункера. Нужна ли ей охрана?

— Она знает ВСЕ детали ПРОГЛОДА лучше кого бы то ни было, даже лучше меня,— ответил я.— По ценности информации, которой она владеет, и соображениям секретности я поставил бы ее на второе место после Коровы. Из бункера она выходит в обеденный перерыв — пройтись по магазинам, купить шпильки-булавки. Поздним вечером перед сном она совершает обязательную прогулку по-за Оврагом.

— По-за Оврагом — это опасно,— согласился дженераль.— Будет ей охрана. Но я не вижу имени еще одного человека.

— Кого я пропустил?

— Себя.

— Вы попросили составить список десяти. Для меня не хватило места.

— Запишите себя одиннадцатым.

— Тогда я лучше внесу в список министра финансов N.

— Эта должность охраняется другой парадией. Я сказал: запишите себя.

Я записал себя и протянул дженералю на подпись. Ему опять что-то не понравилось в списке.

— Одиннадцать — какое-то кривое число,— сказал он.

— Зато футбольное.

— Вот именно! Легкомысленное число. Запишите еще кого-нибудь, чтобы было двенадцать. Двенадцать — солидное, священное число. Двенадцать апостолов.

— Кого записать двенадцатым апостолом? Лифшица?

— Я сказал: он из другой парадии.

— Не знаю кого еще... председателя Сури'Нама?

— У него для охраны своих головорезов хватает.

Меня вдруг осенило. И я записал двенадцатого.

— Кто этот Племяшин? — спросил дженераль.

— Тот мальчик, который загнал Президента в кусты, а вас затаскал по всему Полигону.

— А, этот! — вспомнил дженераль.— Зачем вам этот мальчик?

— Я не уверен, что он мальчик. Тем более, в следующем году ему исполнится семнадцать лет.

— Вы хотите сказать, что Племяшин является главным претендентом на выход... туда?

— Да, я именно это хочу сказать. По своим техническим данным он превосходит всех. А физика — дело наживное.

— Физика?

— Физическая подготовка, атлетизм.

Дженераль понятно кивнул и подписал список.

Так у ПРОГЛОДА возникло двенадцать апостолов. Правда, первые же попытки «охранять» этих специалистов были смехотворны и привели к разным, никому не нужным инцидентам. Охранников за спиной Коровы тут же обозвали «коровьим седлом», два бугая для Племяша попросту испугали мальчика, фройлен сначала стала гонять своих телохранителей за шпильками и булавками, а потом нагрозила их какой-то общественной работой; Ясень Кленов, почувствовав, что за ним наблюдают, пригрозил политическим скандалом, — в общем, персональная охрана ни у кого не прижилась, и мы ее быстро убрали.

<Ну, а каждый из этих апостолов, кроме Племяша, через десять лет стал предметом следственного разбирательства в Конгрессе.>

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ДУРАКА. ВТОРОЙ ВИЗИТ ПРИОБСКОГО ХАНТА.

Ночной звонок.

— Давай, вставай!

— Куда в такую рань? — удивился я.

— Корову доить.

— Толика, что ли? — не понял я.

— С Днем Дурака! Ну, ты меня понял, да? Спи дальше!

— Тиберий? Ты?!

Вертушка отключилась. Я опять лег, но уже не мог заснуть. Возможно, это был последний День Дурака в жизни Вселенной. До Матча Смерти и до конца Вселенной оставалось сколько-то дней... что-то еще оставалось. Потом дураков не будет, потом вообще будет без дураков.

Еще через час меня подняли с постели дураки из охраны президента д'Эгролля:

— Вставайте, господин бригадный дженераль! Приобский Хант приехали. Мы не могли до вас дозвониться!

<Я то и дело забегаю вперед, а потом ухожу назад во времени и пространстве. Что делать, такова была тогда наша жизнь — некоторые сверхсложные проблемы Проекта были уже решены; другие, попроще или даже совсем простые (так нам казалось), не поддавались никакому воздействию. Одна из таких «простых» проблем — отношения с Приобским Хантом.>

Я возвращаюсь к Последнему Дню Дурака, о котором не мог тогда написать в «Отчетах». В тот день решалась наша судьба, судьба всего Проекта. Операция «Белая Ночь» во многом зависела от переговоров с Вездесущим Хантом Ханты-Приобским. Выход к «дыне» пролегал через подвластную ему территорию. Дипломатические отношения с хантством по существу были прерваны, недавно уже второй хантский посол, тоже застегнутый на все пуговицы, был отозван «для консультаций» и отколол тот же номер — пересекая границу хантства, расстегнул четвертую пуговицу на животе и сделал себе хакакири.

На этот раз визит Ханта должен был быть решающим. Тянуть дальше не было времени — нам нужно было строить в непосредственной близости с «дыней» целый комплекс, стартовые и посадочные площадки — основные и запасные, завозить оборудование, устанавливать «рогатку», испытывать ее, проводить тренировки спец-отряда. Памятуя происшествие с президентской задницей на утиной охоте, ружья попрятали и все охоты отменили, кроме медвежьей, с рогатиной. Но Хант вдруг изъявил желание посетить «Маракканну-2-бис».

— Ладно, будет ему «Маракканна», — решил Президент.

Было решено впустить Ханта в святая святых Проекта — в конюшню, которую, впрочем, мы уже избегали так называть, — в спец-отряд по спасению Вселенной.

ПИКАНТНАЯ СИТУАЦИЯ.

— Как его встречать? — спросил меня дядя Сэм.

— По-простому, по-деловому, по-быстрому. Но уважительно. Он должен все подписать. Узнай, что он любит, и предоставь.

— Я знаю, что он любит.

Оказалось, что Хант очень любит, чтобы ножки врозь ножницами и с кульбитом. Так сказал хантский протокольный секретарь.

— Нет вопросов. Предоставь ему б<слово прзб.> Верку, Надьку и Любку.

— Нет. Для этого дела нужен боевой офицер.

— Он что, дровосек, этот Хант? — удивился я.

— С чего вы взяли?

— Ты же сказал — для этого дела ему нужен боевой офицер.

— Он бросил глаз на Анфиску Легкостунову. Она — лейтенант. Старший. Хант видел ее прыжки на Олимпийских играх. Но ее ведь нет. Она же в командировке... Там, — дядя Сэм задрал глаза куда-то туда, в пахавшую на нас Вселенную.

— Так, — сказал я.

И задумался. Как-никак, в какой-то там из реальностей Анфиска была мне женой и, наверно, даже сейчас является. Если бы она сейчас была здесь — что бы я сделал? Уложил бы ее в постель к Ханту? Отбросил бы все сантименты и действовал бы с солдафонской прямоотой? Я представил себе эту сцену: «Господин лейтенант! Приказываю: лечь в постель к Приобскому Ханту. Кульбитом. С разведением ножиц. После исполнения задания — доложить. Исполнять!» А лейтенант генералу в ответ — по морде.

— Ерунда, — сказал я. — Бери, пиши: Верке, Надьке и Любке присваиваются звания старших лейтенантов. Приказываю всем троим офицерам: лечь в постель к Приобскому Ханту. Кульбитом. И так далее. Лягут в постель к Ханту — сразу станут майорами. Исполнять! И без разговоров! Это приказ!

— Можно и не приказывать, они согласятся! Да захочет ли Хант?

— Без разговоров! Должны сделать так, чтобы он захотел!

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ. Итак, нам нужен был доступ в «дыню», в ту заповедную зону «наплыва», которая прилегалa к границе Приобского Ханства. Проникнуть туда можно было лишь двумя возможными способами — договориться с Хантом или... Но боевые действия против Хантства были решительно отверг-

путы Президентом. Хант приехал на переговоры в красном лимузине «atass», с красным флажком, в красной чалме. Даже лимузин председателя Сури'Нама был поскромнее и покороче. За пропуск в «дыню» Хант требовал кое-что возможное и невозможное: выдачи ему Гусочкина и Лобана для публичной казни, 11 фуфаяк для своей сборной, компенсации убытков и меня (!) как главного тренера для его сборной. Со мной и с фуфайками он собирался выиграть чемпионат Вселенной.

Его принимал на «Маракканне» сам президент д'Эгролль (дженераль Гу-Син тоже присутствовал, но в сторонке — молчал и косил под какого-то третьего секретаря). Я сидел в своем бункере на О'к-Аллисто. Лобан с Гусочкиным тоже поса не высовывали. Ханта принимали, как родного, все улыбались так, что уши шевелились. Медведя тоже доставили, хороший был медведь, матерый, и Хант этого беднягу собственноручно завалил, но рогатина, конечно, была с квантовым аккумулятором — вроде обычной полицейской дубины или силовой монтировки.

— Медведь и ахнуть не успел, как на него Ханты напал, — так потом комментировал дженераль эту охоту.

Еще были парная и старшие лейтенанты Верка, Надька и Любка, которые распарили Ханта дубовыми веничками, и он так взялся за них, что из этой парной они выбрались сами не свои, долго не могли вздохнуть своими полными лейтенантскими грудями и лишь сказали:

— Ханты — во!

— Во — Ханты!

— Приобистый!

(За что и получили майорские звания, хорошее жалованье, виды на пенсию. После этого они оставили свое ремесло, покинули «Метрополь» и, кажется, вышли замуж. Горжусь, что принял посильное участие в их судьбе.)

После парной состоялись переговоры под водочку с красной рыбкой. Переговоры были трудными.

— Что ж ты такой нехороший, Ханты?! — говорил Президент. — Уселся на нефти, как собака на сене. Надо быть хорошим Хантом. Ладно, сиди на нефти, но в твоём Приобском Хантстве красное свечение исчезло... смещение, то есть; «дыня» образовалась, и ты всю Вселенную схватил за горло и

держишь ее за мыльный пузырь. На тебя — на всех нас! — кто-то наехал, а ты не даешь починить! Ты же первый туда и провалишься! Нам нужен проход в «дыню». Нехорошо, Ханты! Чего же ты хочешь, твое величество? Надо быть культурным хантом!

— Однако! — благодушно отвечал распаренный Ханты.

— Ты мне это брось — отнюдь и однако! Прямо отвечай: чего же ты хочешь, блин?

Хант, как я уже говорил, требовал: меня, Лобана, Толика Гусочкина, фуфак, возвращения каких-то островов и проливов у Спинно-электронной Гряды, передачи Приобскому хантству технологической документации по изготовлению диффузионного текстиля и долевого участия в ПРОГЛОДЕ. (Это он, конечно, рот раззявил и широко развернул карман.) Еще он потребовал тех 11 игроков, отчисленных из конюшни, для своей футбольной сборной. Были еще какие-то мелкие требования.

— А кто это, Толик Гусочкин? — невинно спрашивал Президент.

— Гражданин Приобского Хантства и мой подданный.

— Разве твой гражданин находится у нас? Я не в курсе. Я прикажу объявить розыск, и его интернируют.

Когда слова «розыск» и «интернируют» прозвучали с экрана (мы наблюдали за происходящим), Корова мелко задрожал и вышел из студии — он принял слова Президента за чистую монету.

Переговоры не ладились. Президент и Приобский Хант вышли на свежий воздух Мараканны и прогулялись до эксцентриситета. Никто не слышал, о чем они говорили.

<...>

Вернувшись, они подписали политический договор.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОГОВОР С ХАНТОМ. Что я могу сказать... Договор наконец был подписан, когда с нашей стороны последовало еще одно обязательство, о котором мне стыдно говорить, и я хотел бы умолчать о нем до самого окончания Проекта. (Это обязательство было оформлено секретным протоколом и подкреплено честным словом Президента.) Ханты пришел в восторг от этого предложения президента

д'Эгролля, сделался сговорчивым и уже не настаивал на крайностях, вроде интернирования Коровы.

Мы отдавали Ханту фуфайки и игроков для сборной (среди них Касанидис и Чайник!), Войновича — как главного тренера (вместо меня), знакомили хантских специалистов с некоторыми новейшими технологиями ПРОГЛОДА, решили еще какие-то мелочи — ну там острова и проливы.

Хант со своей стороны пропускал к «дыне» неограниченное количество наших специалистов и оборудования без таможенного досмотра и всяких формальностей.

<...>

И все-таки я не могу молчать перед самим собой. Я записываю в «Отчеты» содержание секретного протокола, хотя и не имею права этого делать. Слава Богу, Лобан об этом условии ничего не знает, иначе его хватит кондратий. По всем объективным тиффозным прогнозам (новые фуфайки и система «оборотень») в финал чемпионата Вселенной выйдем мы и приобы. Так вот, президент д'Эгролль пообещал, что в случае выхода в финал Чемпионом Вселенной по футболу станет сборная Приобского Хантства. Вот смысл секретного пункта:

РАДИ СПАСЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ МЫ СДАДИМ ХАНТУ МАТЧ СМЕРТИ.

Этот приобский диктатор и тиффозный дуболом пришел в восторг и подписал договор. Для него футбол был важнее самой Вселенной.

Возможно, кто-нибудь скажет, что подобная страсть достойна уважения?

Нет уж, извините.

ПОДГОТОВКА К МАТЧУ СМЕРТИ И К ОПЕРАЦИИ «БЕЛАЯ НОЧЬ»

**ПРЕДИСЛОВИЕ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ ПО ГЛОБАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЭЛЕМЕН-
ТАРНЫХ ВАКУУМНО-ДИФфуЗИОННЫХ ВЗАИ-
МОДЕЙСТВИЙ СЭРА АНАТОЛИЯ Ф. ГУСОЧКИ-
НА (КОРОВЫ).** У меня нет времени, не выспался,

спешу на Объект, ничего умного не могу придумать. Эти «Отчеты» — высокий класс! Никогда бы не подумал! Я, будучи еще деревенским пареньком (деревня Укропы Галактической Пустанайской губернии), уважал, даже боготворил господина Бел Амора, когда в составе СОС он забивал голы жлобам, конфедералам и троглодитам, потом мне посчастливилось работать рядом с ним и под его руководством на Маракканне в Шишкином Лесу, на О'к-Аллисто, в Облаке Оорта, в «дыне», но я никак не предполагал обнаружить в моем кумире скрытые литературные способности. Всю ночь читал, не мог оторваться. По-моему, единственный недостаток отчетов — вычеркнутые редактором столь любезные автору всевозможные «мать-перемать» да «пошел ты на». Жаль! Очень жаль! Надеюсь, что в полном, академическом издании «Отчетов» все эти, как называет их автор, «нenumерованные слова» возвратятся на положенные им по праву места.

Всё, бегу! Каждый уважающий себя научный работник должен прочитать эти «Отчеты». (Я и сам хотел бы написать о Тех событиях что-нибудь в этом же духе, но, к сожалению, в те времена по молодости лет не вел ежедневных записей и сейчас боюсь соврать, — поэтому мои мемуары будут всего лишь «му-муарами», всего лишь тухлыми воспоминаниями о предсмертном состоянии нашей Вселенной.) Дело в том, что надо продолжать трепыхаться, потому что в один прекрасный день человечество признает, что его главная функция — и посредством футбола тоже — интеллектуально проникать, объединять, улавливать, еще больше понимать и использовать окружающие его силы, и тогда для человечества минует опасность столкнуться с внешним пределом своего развития, и тогда мы перестанем быть посторонними наблюдателями, и тогда наступит наш праздник — День Человечества.

А пока в этой жизни нам остается одно: продолжать трепыхаться.

Vale! [Привет, пока, будь здоров (лат.).]

ВСЁ.

Всё, приехали. Точки над Ё подготовлены, осталось поставить. Точек больше нет, ничего нет, ничего не осталось. Пространства нет, времени не осталось. Настало начало начал. Или конец концов. Или не знаю что. Короче, началось. Мы должны выйти в начальное космогонное всё—пространство. Не в минус-пространство, не в плюс-, и даже не в ноль-, а во ВСЁ-.

ПОДГОТОВКА СПЕЦ-ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ. До Матча Смерти и Светопреставления оставалось всего ничего. Мы начали конкретную подготовку состава к решающей операции, которую называли «Белая Ночь». Собственно, эта подготовка началась три года назад, с начала этих «Отчетов», с момента моего прибытия на «Мараканну-2-бис», но сейчас подготовка вступила в решающую стадию. Как разъединить пузыри, чтобы они не лопнули и не сдулись? Группой Лон Дайка была разработана технология направленного взрыва «энной пустоты» на полюсах «дыни» — под шифром «дать в дыню» (так говорил Корова). <Такая же, но анти-технология, была продумана Там. Я говорю об этой минус-технологии, абсолютно не понимая, что Они Там делали и о чем я говорю.> Попробую объяснить. Сначала мы думали всего лишь остановить наплыв и стабилизировать красно-фиолетовое смещение. Мы рассчитывали просверлить в «дыне» три отверстия — на полюсах и в центре, вставить три силовых болта и закрутить на них «сухим листом» три гайки. Потом закрутить контргайки и поставить шплинты с **ТОЙ СТОРОНЫ**. (Все эти слесарные термины не более чем метафоры.) Но оказалось, что подобная операция чрезмерно опасна, сложна и, в конце концов, ничего не решает — может возникнуть опасная раскрутка, стабилизированные в зоне «дыни» Вселенные будут продолжать наплывать, вливаться одна в другую, обволакивать друг друга, как две студенистые массы... и тогда концов не найти — где **МЫ**, где **ОНИ**.

Теоретики выбрали взрывной вариант: они решили произвести два взрыва у полюсов «дыни» за пределами обеих Вселенных. С нашей стороны — один заряд у восточного полюса. С Их стороны — половина расходов и синхронный взрыв

у западного. <...> Связь с «потусторонними» разработчиками обеспечивал бригадный дженераль Гу-Сип, поэтому по поводу этой лакуны — все вопросы к нему; могу только сказать, что его официальные отчеты до сих пор не рассекречены.

КТО КОНКРЕТНО?

Кого выбрать? Сначала думали так: к решающей операции будем готовить девять связок «ведущих—ведомых» — три основных, три страхующих и три запасных-дублирующих. Всего восемнадцать человек. В первый отряд сантехников набрать 36 человек. Подготовка сантехников будет вестись на равных, отбор 18-ти человек в основу состоится за полгода до Матча Смерти, отбор трех связок — за три месяца до, выбор основной (центральной) связки, которая выйдет за пределы Вселенной и поставит заряд — за месяц до.

Потом поняли, что все это сплошной мазохизм — все стремятся в первачи и создается не нужная в этом деле конкуренция. Решили выбрать одну связку — первого и второго. Кто будет ставить заряд? Всем было ясно, кто. На президентском совещании, где присутствовали все бессмертники, главные специалисты и высшая администрация, мне, как Главному Руководителю Проекта, дали первое слово.

Я предложил себя. На том основании, что 25 лет назад я уже успешно прошел подобные испытания «рогатки», причем «рогатки» стихийной, непредусмотренной. Получилось тогда, почему бы не получиться сейчас?

Разве это не довод?

На меня посмотрели, как на идиота.

— У вас же руки дрожат,— сказал Президент.

— У меня руки в карманах,— показал я.

— Знаю я, что у вас в карманах,— ответил Президент.— Вы же не сможете донести дикое яблочко в двух пальцах за пределы Вселенной.

Хорошо. Шутки в сторону. Каждый из присутствующих записывает на листке имя претендента. Все зашуршали блокнотами и салфетками, записали и согнули пополам. Фройлен фон Дюнкеркдорфф собрала все записки, разогнула и огласила единоголосный (30 человек) результат:

ПЛЕМЯШ

Я тоже написал это имя.
Потом выбирали Ведомого.
Выбрали Брагина.

Значит, Племяш и Брагин не будут участвовать в Матче Смерти.

ТЕХНОЛОГИЯ ВЫХОДА И РАБОТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВСЕЛЕННОЙ.

Технология выхода (запуска, выстрела) за пределы Вселенной была разработана группой академика Цукермана и представляла собой не что иное, как ту самую «рогатку», в которую я угодил в молодости. Отличие: я попал в рогатку стихийную («катаклизма», как говорит Корова), рогатка же Цукермана — управляема; «это высшее достижение научно-технической человеческой мысли», как пишут фузеры. Добавлю: «человеческой мысли Цукермана».

<...>

Техническое описание «рогатки Цукермана» настолько сложно для внятного объяснения, что я его опускаю.

<Я опять соврал. Дело было не в сложностях описания рогатки Цукермана, я как раз популярно описал ее, но т. к. технология рогатки до сих пор не рассекречена, это описание было вычеркнуто издателем. Надеюсь на академическое издание.>

Племяшу предстояло войти в контейнер в тройной фуфайке Гусочкина, быть выстреленным из «рогатки» над восточным полюсом «дыни», выйти по баллистической орбите в межвселенское пространство в точку эксцентриситета между двумя Вселенными и, держа большим и указательным пальчиками «дикое яблочко», установить его в этой точке. На выход и установку ему отводилось 5 секунд. Но установкой зарядя операция не завершалась. Далее следовало самое сложное. После установки яблочка Племяшу оставалось 15 секунд (может, и меньше, точно никто не знал) — он должен был:

1. «Слить воду» — подорвать контейнер направленным взрывом, чтобы вернуть его обратно в нашу Вселенную и не оставить следов пребывания в абсолютной пустоте. (3 секунды.)

2. «Вертушка» и избавление от внешней фуфайки. (3 секунды.)

3. Самое сложное: «оборотень». Крутой вираж и вход в пике над Восточным полюсом «дыни». Раздвоение. «Крест». Оставление в псевдо-пространстве псевдо-Племяша. (5 секунд.)

4. «Люк». Вход в Красное смещение и сбрасывание второй фуфайки. (3 секунды.)

5. Как Бог поможет. (1 секунда.)

И — никакого героизма, никакой задержки и гибели в абсолютной пустоте. В абсолютной пустоте перед взрывом не должно остаться ни одного постороннего предмета, ни одной пылинки.

В то же время: Брагин будет «выстрелен» из второй рогатки на Западном полюсе «дыни». Его задача будет чисто наблюдательная, она не представляет подобной сложности (хотя и очень сложна) — проход над Западным полюсом по баллистической орбите, наблюдение за действиями Той Стороны и возвращение (без «оборота» и «люка»). На все действия — секунд 30.

ОТВЛЕЧЬ ПОСТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ.

ВЫБОР ВРЕМЕНИ. Чем меньше оставалось времени, тем больше чувствовалось напряжение пространства. Дыня угрожающе увеличивалась в размерах и уже напоминала вздувшийся женский живот на восьмом месяце. Лон Дайк мрачно шутил:

— Представляю, какой будет Вселенский потоп, когда воды отойдут!

Операцию назначили на День Летнего Равноденствия как раз во время проведения финального матча. Выгоды этой даты были следующими:

Первое. Все будут заняты футболом и, если операция не удастся и Вселенная лопнет, никто за футболом и не заметит светопреставления.

И самое главное, второе. Вот что сказал дженераль Гу-Син:

— Очень важен правильный выбор времени. Скорее всего, оба Посторонних Наблюдателя тоже будут смотреть Матч Смерти, а не какую-то там сантехническую операцию по ус-

ташовке унитаза. Кто же будет в унитазаы заглядывать, когда Матч Смерти?

Я с ним сразу согласился. Лон Дайк тоже.

— Очень правильно!

ТРЕНИРОВКИ. ОТКРОВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ С ФУТБОЛИСТАМИ.

НОВЫЙ МЕТОД тренировок приживался с большим трудом. Атлетические тренировки. Стипл-чез какой-то. Преодоление на местности барьеров тяготения с колючей проволокой анти-частиц и препятствий с нагромождением черных дыр и омутов с тяжелой водой. В полной выкладке с инструментом. «Вертушки», «кресты», «люки», «оборотни» — до автоматизма. Сан Саныч всех загонял. Техника — кручение планеты на кончике пальца — большого, указательного или мизинца по оси вращения с разгоном и торможением. Жонглирование разнотелыми конгломератами, пустотелыми пузырями. И все это на супер-световой, с учетом всех коэффициентов Гепплера,— там конь не валялся, и Ньютон не ночевал. Или такой дриблинг: провести пузырь по орбите, жонглируя им головой, при этом пролезть под барьером, пробежать по бревну, обойти метеоритный поток и т. д. Запыхаешься!

ПРИЕЗЖАЛ ПРЕЗИДЕНТ. Стоял за спиной Сан Саныча, наблюдал за сантехническими тренировками. Сан Саныч аж вспотел от ответственности, левую руку как всегда держал в кармане (Президент догадался, что там находилось), а правой руководил. После окончания тренировки Президент пожал руку Сан Санычу, а потом и каждому футболисту. Племяшу и Браге — с особым значением. Сказал:

— Действуйте по-суворовски: «В ученье — мученье, в бою — облегчение».

Это он хорошо сказал. Хороший был тренер, Суворов.

Президент пообедал с нами. На этот раз приобскую горчицу ему не подсунули.

<...>

Я хотел было обойти эту лауну, но чувствую, что не вправе это сделать. Я слегка повздорил с Президентом. После обеда, когда Лобан с Племяшом и Брагиным отправились на

тренировку, Президент решил воспользоваться случаем и втайне от Лобана сообщить футболистам о секретном протоколе. Я считал, что это преждевременно, впереди еще много матчей — их еще надо выиграть; а настроить ребят на поражение всегда успеется; это нужно сделать перед самым финалом. Президент нехотя согласился со мной и возложил эту злосчастную обязанность на меня. <...>

Ребята под командой Сан Саныч-сана с утра до вечера тренировались в очистке унитазов, меняли трубы и пр. Купались в галактическом дерьме. Что ж.

Услышал, как Сан Саныч ведет провокационные разговоры.

— Ребята, черт со мной, я давно одной ногой в той Вселенной, но вам ведь жить. Бросайте это грязное дело и уходите.

— Успокойся, Сан Саныч-сан, выпей, вздрогни, ляг, полежи. Все будет сделано.

— Нет, вы не понимаете. То, чем мы сейчас занимаемся,— это уже не футбол.

— А что это?

— Это давно уже не футбол. Это кое-что посерьезней.

— Это социальное явление, которое...— с юморком прокомментировал Фонарь.

— Нет. Это похуже, чем социальное явление. Бог с ним, с футболом. Это вообще не футбол.

— А что это?

— Красное смещение исчезло, вот что я вам скажу. Вселенная перестала расширяться. На нас наехали. Футбол — это война.

Сан Саныч уже где-то обьелся нашими терминами. Должно быть, шеф-кок его накормил. Ничего, пусть болтает.

<...>

А вот еще. Сидят на крыльце «Маракканшы», ждут Лобана. Сан Саныч напевает жалиспу песню: «А молодого космогона несут с разбитой головой». Ему подпевают.

— Ребята, полный порядок,— говорит Сан Саныч.— Вы смертники. И я вместе с вами.

Все очень обрадовались. Вот с кем можно умно поговорить.

— Чего вы радуетесь? Я не люблю футбол,— говорит Сан Саныч.

— Мы тоже не любим футбол.

— Правильно. Но мы ввязались в это дело. И мы это дело должны сделать. Это уже не игра. Это Дело.

— Сделаем, Сан Саныч, не беспокойся!

Это они чересчур беспечно ответили. Это хорошо. Ничего, все путем.

УЧЕНЫЙ РАЗГОВОР.

Корова ударился в сантименты:

— Кто мы? Что мы? Фредстафляете: фстреча за фределами Фселенной со сферхразумом, с другими очагами разума, что она нам фринесет?

— Какая-такая встреча? — ответил Лон Дайк.— Куда ни пойдешь, все равно, как в зеркале, встретишь самого себя, свою небритую и полусонную рожу. Пусть даже чисто выбритую и веселую рожу,— но свою собственную. Вот, господин Бел Амор в молодости сунул свой любопытный нос куда не следует — «А что это там такое?», — получил по шапке, раздвоился, и что же он там увидел? Самого себя.

Подобные разговоры предшествовали большой панике среди теоретиков.

ЗАПОЗДАЛАЯ ПАНИКА В УЧЕНЫХ КРУГАХ.

Не могу не упомянуть о том, что к концу Проекта, когда у нас почти все уже «было на мази», наши бессмертные теоретики внезапно запаниковали. Это понятно — когда начинаешь подобный Проект, его возможные результаты (катастрофические) видны как бы в тумане, записаны на салфетках, обсуждаются в кулуарах «коло урны»; в процессе работ все были отвлечены и увлечены этим самым процессом работ; к концу, когда уже можно увидеть-потрогать сделанное,— установки, заводы, фуфайки, рогатку, черт-те чего всего,— теоретикам стало не по себе.

Первым запаниковал академик Цукерман.

— На нас наехали, на нас наехали, на нас кто-то наехал,— тупо и беспомощно повторял Цукерман после первого (успешного) испытания своей рогатки.

— А вы разве этого не знали? — удивился я.

— Нет! Мне поручили делать рогатку, я и делал. Только сейчас узнал от академика Тутта! — чистосердечно ответил Цукерман и опять завел шарманку: — На нас наехали, на нас наехали...

— Ну почему на нас? — успокаивал его Корова. — Может быть, это мы на них наехали?

— Нет, мне все объяснил академик Тутт. Вселенная в предсмертном состоянии! Красное смещение исчезло, появилось фиолетовое, значит, давят и наезжают на нас. Мы вгибаемся... или выгибаемся... и уступаем свою территорию. Это война!

— Но ведь с противоположного бока красное смещение увеличивается, значит, наш пузырь расширяется. Значит, мы тоже вдавливаемся куда-то и в кого-то.

— В третий пузырь?!

— Гм-му, — задумался Корова. — О третьем пузыре я как-то не подумал...

С Цукермана и началась паника в ученых кругах.

БЕРЕМЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ. У доктора Вольфа был свой взгляд на состояние Вселенной. Он поделился этим взглядом с академиком Туттом.

Красное смещение — это расширение, разбухание, беременность. Все симптомы налицо. Сейчас Вселенная перестала расширяться. Красное смещение исчезло — воды отошли, начинаются роды. Это начало родов! Мы находимся внутри Материнской Вселенной, которая рождает детеныша, другую Вселенную! Значит, Большой Взрыв 15 миллиардов лет назад был актом зачатия! И тогда все эти 15 млрд. лет был утробный период для нашей Вселенной! И только сейчас мы появимся на ТОТ СВЕТ. НА ТОТ БЕЛЫЙ СВЕТ. То есть, произойдет не конец света, а начало Света. РОДЫ! Надо остановить Проект, чтобы не мешать родам!

— Эти академики рады стараться! — вскричал дженераль Гу-Син, узнав об этом. Сейчас дженераль не был похож на того гордого дикого гуся, прашуры которого спасли Рим. — Я несу ответственность за Проект! Они своими карандашами высчитывают и описывают разные экзотические состояния Вселенной, но у них карандаши, а у нас заводы! Я не могу

идти к Президенту и докладывать о родах Вселенной! Что делать?!

— Ничего не делать,— ответил я.

— Но если Вселенная в самом деле собралась родить?!

— Значит, надо вести себя так, как и положено при родах — просто вылезать вперед головой,— философски заметил доктор Вольф.

ГРОЗДЬ ВИНОГРАДА.

Корова:

— А что, если... Что, если наша Вселенная — всего лишь виноградина на грозди? Гроздь растет, растут виноградины, давят друг на друга, смещаются, вдавливаются, раздвигаются, гнилые отпадают...

— Не пойти ли вам на недельку в отпуск? — вкрадчиво спросил дженераль Гу-Син.

КОКОН СБРАСЫВАЕТСЯ! У академиков разыгралась фантазия. Вот еще новости о нашей Вселенной: прибежал взволнованный Корова и зафырчал нечеловеческим голосом:

— Кокон сбрасывается!

— Спокойненько,— сказал я.— Что ты сказал? Повтори членораздельно, чтобы я понял.

— Ко-конт сфра-сы-фа-ет-ся!

— Понял: кокон сбрасывается. Продолжай. Говори спокойней, без восклицательных знаков.

— Вот так номер! По новым расчетам Тутта и Лон Дайка! Эти м-м-му-му-у-мухоморы всю ночь сидели, считали! Эти м-м-му-му-у...

— Мухоморы,— помог я.

— Нет. М-му-му...

— Мудозвоны.

— Нет. Эти м-мудрецы к вам уже идут! Наша Вселенная в разных фременах и фространствах прошла несколько стадий развития и метаморфоз! Каждая стадия занимала в фространстве—фремени миллиарды километро-лет! Была стадия-взрыв — появление яйца! Второй взрыв — вылупление гусеницы и ее жизнедеятельность! Потом стадия сворачивания в кокон, спячка и превращение в бабочку! Наконец, освобождение из

кокона и взлет! Мы — в последней стадии! Красное смещение исчезло! Мы скоро взлетим! Это не роды! Это окуклившаяся гусеница! Это появление бабочки! Это переход в другое состояние!

— Значит, до сих пор мы были чем-то вроде гусеницы в коконе,— грустно сказал я.— Пусть Тутт и Лон Дайк держат эти вычисления при себе. Я запрещаю им — и тебе тоже — говорить о гусеницах и бабочках.— Я сорвался и заорал: — Запрещаю! Вселенные — мыльные пузыри, вселенные — гроздь винограда, вселенные — гусеницы в коконах, вселенные — икринки в паюсной икре... что еще? Запрещаю! Я тоже умею лапшу вешать на уши! А может быть, нашей Вселенной кто-то играет в футбол? Может быть, наша Вселенная является для кого-то футбольным мячом?!

Корова выпучил глаза.

— Это... это надо посчитать,— сказал он и вытащил логарифмическую линейку.

— Считай! А потом посчитай вариант монгольфьера — нас кто-то надул, прицепил к нам гондолу и полетел во вселенскую стратосферу. Сейчас мы сдуваемся и падаем.

Толик чуть не проглотил папиросу.

— Запрещаю считать! — заорал я.— Где Тутт и Лон Дайк?

— Идут! Сюда! Бегут! О том, что Вселенная — футбольный мяч или монгольфьер, они еще не знают!

— Заворачивай оглобли! Гони их в шею! Меня нет, я на объекте!

МОРЕПЛАВАНИЕ НЕОБХОДИМО. Но оглоблей по шее эта космогоническая проблема никак не решалась. «А молодого космогона несут с разбитой головой» — как раз та песенка. Под впечатлением всех этих новостей я собрал в бункере очередной симпозиум: что же все же представляет собой наша Вселенная? На какую структуру Вселенной указывает присутствие или отсутствие Красного смещения? В какой конфигурации мы находимся? В мыльном пузыре, на который наехал другой мыльный пузырь? В виноградине на грозди? В черной икринке в паюсной икре? В коконе с бабочкой? В беремном морском еже? В яйце с желтково-белковым цыпленком? Если мы живем в мыльном пузыре — это одно дело.

Во всех остальных случаях мы не можем повлиять на развитие событий.

Симпозиум продолжался два дня. Выступили все. Иногда доходило до перебранки. Наконец решили, что мы находимся в дурдоме. Этот ответ меня не устраивал.

— Конкретней, конкретней! — подначивал я.

В конце концов теоретики пришли к разумному выводу, его сформулировал Капельцын:

— Конкретное устройство Вселенной не имеет для нас, то есть, для ПРОГЛОДА, никакого значения. Мы должны продолжать плановую работу по версии мыльного пузыря. Если Вселенная окажется мыльным пузырем, то наш проект может спасти Вселенную. Во всех остальных случаях природа возьмет свое, ПРОГЛОД не поможет и Вселенная погибнет — вернее, перейдет в новое качество с нашим или без нашего вмешательства.

— Так, может быть, не будем трепыхаться и перейдем в новое качество вместе с Природой? — зловеще предложил Лон Дайк. — Против природы не попрешь. Посмотрим — что там да как там, да кто мы такие.

— Вам хорошо говорить, у вас нет детей, и вы и так одной ногой уже там, в новом качестве, — резко ответил ему Капельцын. — Мы должны заботиться о человечестве, как о своем зоологическом виде. Вот и все.

— Ах, заботиться о человечестве!

— Да, ах, заботиться о человечестве. Все остальное побоку, кто мы такие да куда мы идем — меня не интересует. Надо использовать единственный шанс — продолжать работу. *Navigare necesse est, vivere non est necesse*. Вам перевести с латыни?

— Не надо.

— Переведите для меня, — попросил я.

— Мореплавание необходимо, сохранение жизни обязательно, — перевел Капельцын.

— Вы правы, профессор. Но все равно ничего не выйдет, — прокаркал Лон Дайк. И добавил, снимая палет безнадежности: — Но все равно что-то надо делать.

Лон Дайк встал и пожал Капельцыну руку. Отношения бессмертных между собой иногда бывали напряженными, но

до раздвоя ни разу не доходило — что бессмертным делить?

КСТАТИ.

ЛЮБИМЫЕ ЛАТИНСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ АКАДЕМИКА КАПЕЛЬЦЫНА.

Записать и выучить. Вообще, неплохо бы подучить латынь.
Memento — Помни.

Memento mori — Помни о смерти.

Memento vivere — Помни о жизни.

Memento servitudinem — Помни о рабстве.

Memento patriae — Помни о родине.

Memento, quia pulvis es — Помни, что ты прах.

ОПЯТЬ ФУТБОЛ.

ВЫБОР ОСНОВНОГО СОСТАВА К ФИНАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЧЕМПИОНАТА ВСЕЛЕННОЙ.

Давно не писал в «Отчетах» о наших футбольных сражениях. Они продолжались своим чередом, но у меня не было ни сил, ни времени вникать в подробности тренировок и посещать матчи. Мне просто докладывали о том, что происходит в конюш... это была уже не конюшня, а спец-команда СОС для проведения решающей операции «Белая Ночь».

Даже перед обычной игрой Лобан нервничает, не может определиться с составом. Тренер, как гадалка, приглашая игрока, должен видеть линию его жизни в команде. Мучительно выбирает. Наконец, перед обедом называет состав, но некоторые, пробудившись после «мертвого часа», узнают, что они теперь уже в запасе, на полигон же выходит третий вариант, и лишь по ходу матча, заменив игроков, Лобан возвращается к первоначальному замыслу, который самым правильным и оказался,— т. е. победным. Что уж тут говорить о подборе спец-отряда для спасения Вселенной!

Наверно, надо верить своему первому впечатлению.

Лобан знает, что нужно тому или иному игроку,— знает лучше самого футболиста. Заглядывает в комнату Брагина, тот лежит, отдыхает.

— Давай, Брага, вставай, сколько можно лежать?

Но тут же в коридоре увидел фон Базиля:

— Чего ты все ходишь? Иди полежи.

Лобан думает в движении, ему не ложится и плохо сидится, мысли нужно разболтать в голове. Когда он говорит: «Пойду пройдуся», значит, он пойдет думать.

— Пойду пройдуся.

Он избегает ходить по людным улицам, но если уж ему приходится идти, — к примеру, в магазин за яблочками, морковкой и хлебом, — то он идет в глубокой задумчивости, сгорбившись, опустив голову и втупив глаза в асфальт. Но он ни о чем не думает. Он идет, как дезертир сквозь строй. На него все смотрят, оглядываются, тычут пальцами, забегают сзади, чтобы заглянуть в лицо, пытаются взять автограф. Он знаменитость, а все знаменитости и есть дезертиры с людных улиц. При переездах и перелетах, в автобусах и вагонах, в переполненных космопортах и на вокзалах Лобану тоже несладко. Это тяжело, по себе знаю — хоть я не столь знаменит, но тоже хожу по улицам, не вертя головой по сторонам. Случается, на меня нагло набрасывается какое-нибудь ошалевшее тиффозное Неуважай-Корыто (или, наоборот, робко подходит охрипший от уважения незнакомец) и начинает советовать, какого игрока поставить на очередную игру. Первых я тут же посылаю куда надо, а вторым вежливо объясняю, что они меня с кем-то спутали.

Но я о Лобане. Он пошел пройтись. Ему надо подумать над основным составом. Он еще не знает, что его ждет. Он не знает, что Матч Смерти продан Ханту на корню. Лучше бы никогда не узнал.

ЧТО МЫ ИМЕЕМ.

Состоялось совещание по составу. Кто остался в конюшне? У нас никого не осталось. Молодая, настоящая конюшня — у Ханта, другие — в спец-отряде, их нельзя задействовать. Остались старики. И сопляки. Лобан должен выбирать из них.

Я уж отведу душу перед концом света и вспомню старичков. (Молодых, которых пробует Лобан, я плохо знаю.)

ИРАКЛИЙ ТОРРИЧЕЛЛИ. ТОРРО. Торричелева пустога — это не о нем, Ираклий к ней ни при чем. Великий игрок. У громадного Ираклия мышцы ног очень мощные, а маленькая стопа (размер обуви 38) позволяет ему бить по планете почти без замаха, резким щелчком — в этом секрет его страш-

ного удара. В «оборотне», когда все раздваиваются, Ираклий безукоризнен, но продолжает задумываться в «спокойные» моменты игры.

БАЗИЛЬ ФОН БАЗИЛЬ. Просто БАЗИЛЬ. Под статью Ираклию. Хотели было заменить Ираклия на фон Базиля, но сейчас об этом и речи нет. Будут играть оба — волнолом и чистильщик — у нас нет игроков их класса.

МАКАР. О нем я много писал. Еще напишу. Счастливый человек Макар. У него словно нет нервов. «Какая разница кого обыгрывать? Федералы так федералы». Всегда бутылка с брютом за рамкой. Какой-то любопытный зарамочный фужер — из тех, кто ошивается там с фотоаппаратом, — подобрался к бутылке, хлебнул и чуть не скис от оскомины. Все голкиперы употребляют по ходу матча что-то взбадривающее — кофе или чай, немного алкоголя или марихуаны. Макар же прикладывается к брюту. Еще бы, когда лично в тебя целятся из 500-тонной дуры-мортиры и стреляют зажигательным 200-калиберным снарядом, который ты должен взять или отразить, надо взбодриться. Капитан команды и единственный человек в конюшне, в котором я уверен на все сто. Играть просто и надежно, без фокусов, так и надо. Всегда в серой поношенной кепке с антифотонным козырьком и со всевидящей пуговицей на макухе. Наверно, и спит в кепке. Рассудителен, молчалив, но может на любом полигоне корректно, не нарываясь, потолковать с арбитром, умеет дать краткое и толковое интервью фужерам, произнести тост на дипломатическом приеме. Арбитры, тиффози, все, даже английская королева, его уважают. Профессиональный недостаток (если это можно назвать недостатком голкипера) — первичает в рамке, когда ему бьют пенальти. Нужны ли все эти качества для нашей сантехнической спец-операции? Да. Но Макар — голкипер, а не виртуозный технарь-оборотень, как Племяш.

У нас нет хорошего второго вратаря. Жаль, что продали Чайника Ханту!

РАФАЭЛЬ ОФОНАРЕЛЛИ. ФОНАРЬ. Я уже писал о нем. Будет играть. Часто будем играть от него, от Фонаря.

ВАН ДЕР СТУУЛ. Ванька Стуло. В игре. Стар стал, но без него никак. Ничего — поиграет, отдохнет, отдохнет, поиграет.

АФАНАСИЙ КОСТАНЖОГЛО. КОСТОЛОМ, КОСИ-НОГА. О нем я еще не писал. Лобан долго сомневался — брать, не брать. Я посоветовал пригласить. Пригласили. Не жалею. Наш родной Костолом. Первый в драке, наводит страх на соперников. Иногда бьет и своих, чтоб чужие боялись. Родненький ты наш! Подкаты — страх Божий! — выпрыгивает из омута двумя ногами вперед и сзади. Рекордсмен по переломанным костям (чужим), желтым и красным карточкам (своим). Мы бы тебя не взяли в конюшню, но нам нужен свой родненький Костолом, чтобы нас хоть немного побаивались соперники (у конфедератов или у восьминогов таких костоломов по полкоманды и больше).

ЯКУБАСИ НИФУЯСЕБЕ. Кличка нецензурная. Тоже сомневались, но взяли. Любимчик тиффози, оттянутый хавбек; очень радуется, когда забивает гол (редко, голы в его задачу не входят). Недостаток: в конце Игры, при счете не в нашу пользу, когда нужно по-умному взорвать расклад, в нем умирает госпожа Фантазия, зато просыпается господин Камикадзе и прямолинейно идет на вульгарный примитивный таран, что не есть хорошо.

ХУАН ЭСТРЕМАДУРА. СТРЕМА. Племяш и Брага в спец-отряде. Остался единственный чистый форвард. Хуан в хорошей спортивной форме. «Водки для обводки, пива для отрыва» — это он завязал. Очень на него надеемся. Прирожденный Технар. Может один затаскать, замотать полкоманды соперника, обвести голкипера и пяточкой аккуратненько закатить планетку. Но не жадный — пас любит и понимает. Без него, как без ног. Хотя несколько медленноват. Иногда отдыхает на поле. Тоже нужно.

А вот новенькие. Лобан настоял, дядя Сэм подсуетился и прикупил в конюшню двух атакующих хавбеков:

НКОМО КИНШАССА. КОМА. Черный дьявол. Пригласили из расформированных жлобов-железнодорожников. Красавец! Хитер, сатана! Неожиданен. Никогда не поймешь — шутит он, что ли? Зачем он это делает? Козел африканский, куда побежал?! Зачем?!. В результате — положительный результат для команды: corner, aut, отбор, точный пас, иногда и нередко — гол! С физикой ему надо подтянуть, во втором

тайме сдыхает. (Что он постоянно жует на Поляне? Говорит, что обыкновенную фруктовую резинку.)

МНГОНО ПОШТУ ДЕ ЭЙШЕБИЯ. ГОМА. Вторая черная бестия, тоже из жлобов. С дружкой своим Комой — два черных сапога пара, те же характеристики. (Этот тоже что-то жует... Но допинговый контроль оба проходят с отрицательным результатом.)

Ничего, работают. Все видят, глаза на затылке, бьют одинаково с обеих ног, читают Игру в одно касание — даже по сиомметрической диагонали. Обучаем их «оборотно».

Ну, и молодые лошадки — темные, зеленые, подающие надежды.

ОДНА ВОСЬМАЯ ФИНАЛА. КОБРЫ И ВАФЛИ.

УСТАНОВКА НА ИГРУ: ИГРАТЬ НА НИЧЬЮ!

Итак. У кобр мы выиграли 4:1 и 2:0. У вафлей — тоже 4:1. Оставался последний матч с вафлями, результат не имел значения, — мы уже были в четвертьфинале.

Как вдруг появился Корова с какими-то таблицами. <...> Оказывается, Корова является прекрасным специалистом по футбольно-цифровой комбинаторике. Вот что он вычислил перед последним матчем с вафлями:

— Так вот, — сказал он Лобану. — Мы уже заняли первое место в одной восьмой, уже вышли в четвертьфинал и можем проиграть этот матч. Но нам нельзя его проигрывать.

— Я с тобой согласен, — ответил Лобан. — Проигрывать никогда нельзя.

— Считайте сами: если мы проиграем, то выйдем на самых сильных из сильных — на федералов. А они, как-никак, чемпионы Вселенной. Зачем нам это?

— Ты прав, — ответил Лобан. — Придется честно выигрывать у вафлей, чтобы не выходить на федералов.

— Но и выигрывать этот матч нельзя.

— Толик! — предостерегающе сказал Лобан. — А в глаз не хочешь?

— Не хочу. Считайте сами: если мы выиграем, то выйдем на слабый Северный БРИЗ, и нам предстоит играть с самыми слабыми.

— Отлично! Надо выигрывать — и нам достанется самый слабый соперник.

— Этим соперником окажется сборная Приоби. Нам нельзя выходить на Войновича. Если через неделю они выиграют матч на своем поле у лопухов — а они его выиграют, — то тоже выйдут в четвертьфинал. Прямо на нас.

<Они оба не знали об условии секретного протокола, но рассуждали правильно — на хантыйскую сборную в четвертьфинале нельзя было выходить.>

— Гм,— сказал Лобан.

— То-то и оно,— сказал Корова.— Мы с вами для них — нежелательные персоны.

— Мы с тобой для них желательные персоны,— ответил Лобан.— Очень желательные персоны.

— Да. Приобский хант ждет не дождется нас в свои объятия. Или он не посмеет?

— Еще как посмеет,— усмехнулся Лобан.— Покажи свои таблицы.

Все было верно — выигрыш с любым счетом выводил нас на сборную Приоби.

— Но вы можете не поехать на игру.

— Я — могу. Но поедет конюшня. Не во мне и не в ханте дело. Хант не нарушит договор. Дело в Постороннем Наблюдателе. Нам нельзя появляться в Приоби. Слишком рискованно.

— Думаете, будут провокации?

— Провокаций не будет. Будет дорожная катастрофа. На обратном пути. За границей ханства.

— Тем более, надо делать ничью. И мы выйдем на средненьких демократов.

Все эти соображения были доложены мне. Я взял на себя ответственность — даже не советуясь с дженералем Гу-Сином — и утвердил установку на последнюю игру с вафлями: «Играть на ничью». Более того, мы послали дядю Сэма в тайную командировку — потолковать со своим коллегой, администратором вафлей о нужном нам результате. Съездил, потолковал. Вафли тоже были не против ничейного результата.

Ноль—ноль не годилось — слишком откровенно. Договорились на счет 3:3, чтобы тиффози не скучали. Лобан лишь крикнул. Ему нужно было настроить команду на нужный результат — пропустить три гола, а забить три дадут соперники. Ладно, я взял на себя эту несправедливую миссию. Все было виртуозно исполнено с обеих сторон. Лобан всю игру просидел на скамейке, опустив голову. Даже не качался, только сплевывал под ноги. Мы вышли в четвертьфинал на домкратов. Гу-Син узнал об этом и молча показал мне большой палец (вверх). Так Лобан впервые в своей футбольной карьере «схимичил», сыграл на договорный результат. Он еще не знал, что его ждет впереди.>

НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ИГРА. Играли в футбол с оркестром Вячеслава Рыбакова. Лобан удивился его просьбе — сыграть с нами товарищеский матч. Тоже мне, спарринг-партнеры!

— Зачем вам это? Вы — маэстры и виртуозы! — будете натягивать на себя это... мм... водолазное обмундирование... Вы можете случайно пальчики подпортить.

Маэстро ответил, что им, виртуозам, это надо, очень надо. Футбол! Сыграть в футбол — это мечта всего оркестра. Это их детство.

Лобан ответил: ну что ж, сыграем.

— Но мы не можем вам заплатить,— сказал Рыбаков.

— От вас никто не требует денег, матч будет рекламным и благотворительным.

— Благотворительным,— со смаком повторил Рыбаков.— Хорошо, будем творить благо.

Игра состоялась. Рыбаков сам вышел на полигон, сменив фрак на амуницию футболиста. Ему предоставили право сделать первый удар, и маэстро немного побегал, но его быстро заменили,— дыхалка, хоть и дирижерская, оказалась не та. Но он рассказывал, что почувствовал в себе Бога, когда сумел-таки сдвинуть пузырь с орбиты. «Космическая симфония». Мы, конечно, дали музыкантам поиграть на струнах любви к футболу, играли с шутками-прибаутками, вот только в ворота им поставили Макара, потому что с фуфайкой голкипера шутки плохи. Некоторые из них были неплохими любителя-

ми (тамбур-мажор хорошо гасил гравитационные пружины). Ничья — 5:5. Тиффози смотрели и эту игру. Им бы только на что-нибудь поглазеть.

ЧЕТВЕРТЬФИНАЛ. ПРОГЛОДЫ-ДОМКРАТЫ.

ПРОГЛОДЫ — это Прогрессивная Лига Объединенных Демократов. Их аббревиатура совпадала с названием Проекта, нас иногда путали, эта путаница нас устраивала. Их еще называют домкратами (от «демократов»). Дядя Сэм тайно посетил тренировку домкратов. Прикинулся шлангом, обыкновенным тиффози — мол, стою, глазею. Но домкраты его опознали и очень вежливо, но решительно вывели.

Лобан провел в этом матче музыкально-футбольный эксперимент. Мы пригласили симфонический оркестр Вячеслава Рыбакова. Оркестр играл непрерывно, этот суровый матч проходил то под фуги Баха, то под арию Тореадора, то под всякое попури. Мы выиграли под литавры с уверенным результатом 3:1 (Стрема забил все три), ребята потом говорили, что музыка им не помогала, но и не мешала, — они ее попросту не слышали. Лобан решил этот музыкальный эксперимент не продолжать.

ПОЛУФИНАЛЫ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУФИНАЛ. КОНФЕДЕРАТЫ В ЗАКОНЕ.

Конфедераты и их торсида встретили нас без особой ажиотации. И поселили скромно — не в пятизвездочном отеле. Вообще, матчи такого уровня — событие, присутствовать на котором — вопрос престижа не только для тиффози, но и для тех накрашенных проституированных бездельников в голубых хламидах, которые приходили на полигон людей посмотреть, а в основном себя показать; что им футбол, что им Гекуба!

Стиль конфедератов — скрытый длинный нас через черные дыры с выходом в белые, стремительные перемещения в подпространстве, позиционная искушенность, атлетизм, надежность. Объективно — они сильнейшие во Вселенной. Если бы не наши фуфайки и «оборотень» Лобана. Мы выиграли крепко — 5:1. Это был лучший наш матч. Все старички справились на пять. Конфедератов удалось смять великолепной циркуляцией болоида — точной, синкопированной, ритмичной; они

предприимали сверхусилия, чтобы вырваться из этой круговерти, но пока они оглядывались и думали, на кого нападать — на Стрему или псевдо-Стрему, он на скорости обходил и забивал, а они стояли и не понимали.

— Хронос их маме,— сказал после матча Лобан.

ВТОРОЙ ПОЛУФИНАЛ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ.

ПРИБОБЫ И ФЕДЕРАЛЫ. Второй полуфинал закончился, когда мы начали выдвигаться на исходные позиции у полюсов «дыни». Мы потом смотрели этот матч в записи. Видели Войновича и всех наших молодых ребят, проданных Приобскому Ханту. Они были в наших фуфайках и довольно неумело применяли разные элементы «оборотня». У них плохо получалось, но федералы растерялись. Они (федералы) были сильнее, но никак не могли приспособиться к этим новшествам с раздвоением игроков — иногда приобов на полигоне бывало в два раза больше, особенно в конце игры, когда Касанидис забил гол и приобы ушли в глухую оборону. Федералы проиграли 0:1.

Последняя сцена была жуткой. Не пожелаю себе такого. По узкому бетонированному тоннелю брел человек. Он издавал какие-то печленораздельные вопли — смесь проклятий, рыданий и стонов. Через каждые два-три шага он изо всей силы бил кулаком о шершавую поверхность стены, оставляя на ней кровавые отметины. Это был Главный тренер федералов.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ УСТАНОВКА НА МАТЧ СМЕРТИ.

С установкой на Матч Смерти тяпуть уже было нельзя. Я не знал, как ее провести. Я не знал, как смотреть команде в лицо. Мы впервые вышли в финал чемпионата Вселенной. Я не мог, не хотел, не умел проводить установку на сдачу финального матча. Узнай об этом Лобан — он бы меня пристрелил и сам тут же застрелился бы. Я крутился, как вошь на гребешке. Наконец, поехал к президенту д'Эгроллю, вошел без доклада и объявил, что снимаю с себя все звания и полномочия, но его секретный протокол с Хантом оглашать команде не буду.

— А зачем оглашать команде? — ласково спросил Президент.

Он выдержал паузу, и я, наконец-то, понял, почему его выбрали Президентом. Оказывается, д'Эгроль был очень неглупым человеком.

— Поехали на «Маракканну», — сказал он.

— Дождь на улице, ливень, — сказал я. И тут же понял, почему меня никогда не выберут Президентом.

Мы приехали на «Маракканну» в моем лендровере, под ливнем, в плащ-палатках, на нас никто не обратил внимания.

— Пригласите кого нужно, — устало сказал Президент. — Трех человек достаточно.

— Достаточно двух, — сказал я. — Голкипера и центрального защитника.

— Отлично. Я буду молчать. А вы им все скажете, — и Президент положил на стол две сафьяновые коробочки с орденами Почетного Легиона.

Я пригласил к себе в комнату Макара и Ираклия. Они увидели Президента, мою рожу и коробочки с орденами.

— Ребята... — сказал я.

<...>

То, что я им говорил, я уже точно не помню. Я скверно себя чувствовал. Они на меня не смотрели, а переводили взгляд с Президента на коробочки. Когда я закончил, они посмотрели друг на друга, и Макар произнес:

— Мы подумаем.

— Ребята, о чем вы собрались думать?! — не выдержал Президент. — Судьба Вселенной в ваших руках!

— Мы подумаем, — упрямо сказал Макар.

— О том, как получше сдать игру, — объяснил Ираклий.

Президент кивнул и пожал им руки.

А я спрятал коробочки в сейф.

НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ «БЕЛАЯ НОЧЬ». Основным обоз добирался до Приоби целый месяц. Под видом Высокого посольства к Вездесущему Ханты мы (обозом руководил дядя Сэм) буксировали две вакуумно-диффузионные «штуки» — в центре обоза в стог сена везли основную, чистенькую 40-кубо-миллиметровую «Афину», а в возе навоза — запасную

(первую, экспериментальную, грязную) «Фрау», и все приципалды к ним, занимавшие 5 тысяч железнодорожных вагонов-контейнеров. Вдогонку досылали всякие забытые мелочи. Так, например, шеф-кок Борщ забыл на «Маракканше» свой черпак — в полуголодном Приобском Хантстве это была важная мелочь — и черпак прислали дополнительным рейсом. Путешествие было нелегким. <Оно описано в академическом издании.>

Главные специалисты приехали в Хантство скрытно, за три дня до Матча Смерти; всех участников операции, — спец-отряд, бессмертных, руководящий состав, подсобные службы, технический персонал везли разными трассами в разных автобусах — автобус на двух-трех человек, чтобы при случае дорожной катастрофы или, того хуже, нападения каких-нибудь потусторонних наблюдателей, жертв было по возможности меньше, и чтобы они (жертвы) были ЗАМЕНИМЫ. Я ехал в одном автобусе с бабой Валеи и тетей Катей. Они несли ответственность за эластичную ленту Мебиуса в «рогатке». Ее, ленту Мебиуса, плели бригады под их руководством. Женщина в автобусе — плохая футбольная примета. Но я уже стал немного разбираться в математике и решил, что две женщины — минус на минус дает плюс. Все обошлось без эксцессов. На границе нас встречали Сам Его Величество Вездесущий хант Ханты-Приобский — в медвежьей шубе и в оленьих унтах, хантыйский посол в Метрополии (уже третий по счету) — в ботиночках, в застегнутом на все пуговицы френче и с кинжалом на боку, и паш Временный посол в хантстве дядя Сэм — в «аляске» и в белых валенках. Дядя Сэм уже все подготовил.

Все было готово.

В ХАНТСКОМ-ЮРТЕ. Не могу не вспомнить обстановку в Хантском-Юрте. Мелочь, а неприятно. В центре Юрта пылал костер, над ним на вертеле жарился баран. По кругу — ковры и диваны, диваны и ковры. В розовый цветочек.

— Рафа, кому ты продал ковры и диваны?! — с ужасом прошентал я.

— Не прошло и трех лет, как вы об этом спросили, командор, — уныло усмехнулся Рафа.

- Я не хотел вмешиваться в твои дела.
- В наши, в наши дела, командор. Вы хотели быть чистеньким.
- Да, я хотел быть чистеньким. Отвечай: кому?
- Если вы задаете этот риторический вопрос, значит, вы знаете ответ. Вы же сами видите.
- Ему?!
- Ему.
- Ханту?!
- Ну.
- Фирма «НУ»?!
- Ну.

<ПРИМ. Лучше бы я не видел эти ковры и диваны в Хантском-Юрте. Через десять лет я давал показания Временной Приобской революционной комиссии — узкоглазому следователю по особо важным делам с травянистой, как приправа хантского барана, фамилией... Салат?.. Пастернак?.. Померанц?.. нет... Чемерица? Вспомнил, да, Чемерица!

- Ну? — спросил Чемерица.
- Что «ну»? — спросил я.
- Баран ел?
- Ну, ел.
- Народный баран ел, шкварка не платил. Не хорошо!
- Хант угощал.
- Знаю. Ковра сидел?
- Не сидел.
- Ага. Тогда дивана сидел?
- Сидел.
- Диван ханту продал? Подох не платил? Не хорошо!
- И т. д. Что он от меня хочет?
- Ну?
- Что «ну»?
- Фирма «НУ», — подмигнул мне следователь Временной революционной комиссии.

Умолкаю. Отчеты о деятельности «Народного Универсума» заняли далеко не две тетради и к моим футбольным отчетам имеют лишь косвенное отношение.>

ПИРОЖКИ С КАПУСТОЙ. В Дыню мы проникли, уже не секретясь. Мы отказались от протокольно-дипломатического обеда, не было времени. Верхне-Вартовский кордон-форпост наша колонна пересекала на автобусах, лимузинах, поездах и ледоколах двенадцать часов — бесконечная кавалькада. Я стоял рядом с Лон Дайком и Капельцыным. Проходя мимо нас, кавалькада разделялась на две колонны — одна (с Племяшиным) направлялась к Восточному полюсу «дыни», вторая (с Брагиным) — к Западному. Впереди полыхало инфракрасное смещение.

— Типичная люминесценция растворов солей эйнштейния, возбуждаемая пси-лучами, — с восторгом объяснял академик Капельцын. — В этом сиянии и состоит гравитационное проклятие Ньютона.

Я с ним полностью согласился. Хантские пограничники крестились и отдавали нам честь. Наверно, они принимали нас то ли за смертников, идущих Туда, то ли за выходцев Оттуда. Мы пропускали всю эту колонну мимо себя, чтобы удостовериться, что ничего не забыто.

Мы были очень голодны. Фройлен фон Дюнкеркдорфф принесла нам полную сумку каких-то пирожков. Сама готовила. Мы обрадовались.

— С чем пирожки? — любовно спросил я у фройлен.

— С говном, — встрял Лон Дайк.

<Я вынужден, я не имею права не записать это бессмертное высказывание лауреата Нобелевской премии академика Лон Дайка.>

— Фу! — улыбнулась фройлен и не обиделась. — С капустой. Мяса и картошки здесь нет.

Мы позавтракали, пообедали и поужинали.

В последний раз, думали мы.

Лон Дайк тоже ел с аппетитом. Ничего, вкусные были пирожки.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ БРИГАДНОГО ДЖЕНЕРАЛЯ БЕЛ АМОРА ПРЕЗИДЕНТУ Д'ЭГРОЛЛЮ О РЕЗУЛЬТАТАХ ОПЕРАЦИЙ «БЕЛАЯ НОЧЬ» И «МАТЧ СМЕРТИ». Прошу рассматривать эту записку не как служебный доклад, а как изложение моих личных впечатлений и

впечатлений непосредственных участников операции «Белая Ночь» в день Летнего галактического противостояния. В это же время проводился Матч Смерти, который рассматривался нами, как дополнительная, вспомогательная операция к «Белой ночи». Отчет о Матче Смерти прилагаю.

Обе операции начались «одновременно» в 17–00 по средне-галактическому относительно пространству—времени (если, конечно, можно сравнить тягучее безвремье «дыши» с напшигованным секундами пространством Федерального Олимпийского стадиона и, вообще, говорить об одновременности в разно-пространственных измерениях). Вначале Матч Смерти планировался как важная составляющая часть «Белой Ночи» под моим общим руководством, но впоследствии мы выделили «Матч Смерти» в особую отвлекающую операцию под руководством дивизионного генерала Лобана — операцию, отвлекающую внимание Посторонних Наблюдателей от «Белой Ночи». <...>

Привожу также отчет с раскладкой по минутам (запись фон Дюнкеркдорфф).

<Я не присутствовал на Матче Смерти по понятным причинам, но даже до сих пор, через 20 лет, не посмотрел его ни в полной записи, ни в эпизодах, хотя эта запись всегда у меня под рукой. Зачем? Не хочу. Сердце и без того пошаливает. С меня достаточно впечатлений Лобана, Вольфа, Мазилы, игроков, фужеров, тиффози,— их, этих впечатлений, столько, будто этот матч я сам видел.>

За 15 минут до НАЧАЛА.

МАТЧ СМЕРТИ.

Лобан провел установку на игру. Он давно заметил, что в финалах не происходит разведки, когда соперники посматривают друг на друга, подавляют первозность. Информация у тренеров к финалу есть «от» и «до», чрезмерное волнение остается в ангарах, а медленный вход в игру грозит быстрыми неприятностями. Поэтому: начинать сразу в полную силу, без раскачки. Сразу войти в «оборотень». Вы сильнее, вы уверены в себе, приобы вас боятся, нервничают, пусть они прощупывают и входят в игру постепенно. Забить быстрый гол.

Философия быстрого гола проста: футбол — это война, а война должна выигрываться блицкригом, в затяжной войне нет победителя или победитель случаен. Охранять Макара — второго голкипера у нас нет. Особая надежда на Стрему <Хуан Эстремадура — объяснение для Президента> — он играет впереди, на быстрых ногах, назад не возвращается.

— Не беспокойтесь, командор, мы выиграем,— сказал Стрема и пошел на разминку.

— Не хвались, идучи на рать,— сказал Лобан.

Разминка.

Лобан огляделся по сторонам. Знакомых лиц почти не было, вокруг, над, под ревели тиффозные. Войнович ему кивнул со своей скамейки, но Лобан отвернулся. Не нужно это. Они не знакомы. Они знакомы, но они враги. Наших фужеров обидели, не дали им достойных мест на полигоне, загнали на верхотуру в азимут, где ничего не видно. Сел на скамейку между Степаном Мазилой и доктором Вольфом.

На матче присутствуют президент д'Эгрোলль и Хант Ханты. Они разместились по разные стороны баррикад, то бишь, Олимпийского Полигона. Друг на друга не смотрят.

Исполнение гимнов. Музыкачку надо послушать. Встали. Сначала наш. «Боже милосердный, защити». Степан Мазила сказал:

— Посмотри на них...

Наши стояли «вольно», в последний раз расслабившись перед игрой, кто-то прикрыл глаза, кто-то шевелил губами, подпевая мелодичному гимну. Сели.

Заиграли гимн Приобского Хантства. Встали. «И смертный бой, священный бой».

— Посмотри на их лица,— сказал Степан.— Посмотри им в глаза.

Приобы (наша бывшая молодежная команда с капитаном Касанидисом) застыли «смирно», правая ладонь на сердце, в глазах гремучая, уже подожженная и шипящая горячая смесь,— злоба, ненависть, обреченность, но и одержимая вера, но и фанатичная надежда, но и... но только не расслабленность. Они ждали свой шанс, они знали, что свой шанс всегда есть, при любом раскладе. Перед нами стояли камикадзе. За каких-то полгода Хант с Войновичем сделали из наших ребят смертников.

— Плохо дело,— сказал Мазила.— Хант пообещал им секир башка, если не выиграют.

— Не каркай,— сказал Лобан, но тоже подумал, что дело плохо. Плохо для нас. Войну выигрывают с горящими глазами.

Ладно, послушали музыку. Сели.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. В сущности, операция «Белая Ночь» началась за несколько месяцев до начала Матча Смерти — транспортировка всего необходимого, подготовка стартовых комплексов, устройство форпостов в разных концах Вселенной для наблюдения и регистрации эффектов взрыва (если, конечно, будет что и кому наблюдать), экспериментальные выстрелы из рогатки. Начало окончательной стадии — время «000» — наблюдательный запуск Брагина из рогатки на Западном полюсе — теоретики назначили на первую минуту Матча Смерти (к тому времени мы уже произвели два запуска пустых контейнеров с чучелами и, в общем, были уверены в «западном» успехе); основной же, «восточный» запуск Племяшина был назначен на первую минуту второго тайма, сразу после возвращения Брагина и его информации. Теоретики подгадали так, чтобы возвращение Племяша — тыфу, тыфу, тыфу! — и окончание операции пришлось на окончание Матча Смерти, через сорок пять минут по нашей общевселенской шкале п.—в., которые для Племяша соответствовали 15–20 секундам в.—п. абсолютной пустоты.

Весь этот День Летнего Противостояния, а потом почти весь первый тайм мы (руководители Проекта) слонялись у «дыни» без дела. Руководить уже было нечем и некем, все спецы знали свой маневр. Вяло травили анекдоты, пытались шутки шутить. Кто тут со мной? Лон Дайк, Цукерман, дядя Сэм и наша Священная Корова. Капельцын и Тутт — там, с дженералем Гу-Сином.

1–15-я минуты.

МАТЧ СМЕРТИ. ПЕРВЫЙ ТАЙМ.

ОТ ЛОБАНА. Арбитр разыграл пузырь и ворота. Нам досталась Южная Рамка. Мы начинаем. Поехали. Ван дер Сту-

ул придает планетоиду вращательный момент, короткий пас Стреме, пас пяткой, не глядя и не уводя планетоид с орбиты, в наш тыл. (Зачем этот выпендрож — мог бы аккуратней, щечкой! — Лобан же им сказал: в простых ситуациях играть аккуратноенько!) Ираклий раскручивает планету над плоскостью полигона и отдает по легкой спирали Фонарю. <...> Быстро рассыпались! Играем от Фонаря! Сразу потрогать их за зябры, за зябры! Пошевелить их, опрокинуть на спинку, попробовать сразу! <...> Пузырь потерял. <...> Вот уже минут пять не можем вернуть пузырь, приобы (какие уж они приобы!) посятся с планетоидом, как сумасшедшие, мы не успеваем переключать скорости. Прессинг. <...> Они там поменяли имена, язык можно сломать (Касап теперь зовется Тпруглышжыщлыжи Ыштхблыштны — и это не самое крутое имя, у Чайника еще лучше), поэтому буду их называть, как помню и как вижу и чувствую со скамейки: Касап, Чайник, Тпрун, Краковяк, Шустряк, Горбыль, Кочедык и т. д. <...> Хорошо спрессовали, забрали. Входим в «оборотень»! Фон Базиль выдал длинный пас Стреме, тот ушел по краю, дал по тормозам, включил импульс, раздвоился... Теперь «крест»... Чайник бросился, но на псевдо-Стрему... Гол! Быстрый красивый гол! Стрема огорчил Чайника на 9-й мин. Отлегло от сердца. Ванька Стуло показывает Лобану большой палец вверх. Лобан кричит: «Хвались, идучи с рати!» <...> Приобы отчаянно атакуют, но сбиваются в навал. Управление фуфайками у них не ахти. Прямолинейны, но пока успевают. Ираклий ломает волны. Стрема нюхает цветочки. Пусть. Фонарь. Контратака. Что-то будет. <...> Стрема забивает! 2:0. Гол для учебника. Стрема молодец, но Фонарь, Фонарь каков! От Фонаря вся игра! <...> Чайник мандражирует. Приобы лезут на рожон. Пока все просто, даже «оборотень» не нужен.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. С Западного полюса «дыни» пришло сообщение от дженерала Гу-Сина (он руководил западным стартовым комплексом): операция «Белая Ночь» началась, наблюдательный выстрел произведен синхронно со свистком арбитра Матча Смерти, Брагин ушел туда...

— На Тот Свет,— сказал джепераль Гу-Син.

Через 45 минут (по часам Брагина — через 15 секунд) Брагин должен вернуться. Ловить его будут морячки на Нейтральной Полосе. (Оба экспериментальных контейнера с чучелами они отловили быстро и без проблем.)

За 60 минут до начала операции Племяш уже находился в контейнере, сжимая двумя пальцами вытянутой правой руки «Афину». Поза была неудобна, но тысячекратно оттренирована, к тому же ему не приходилось прилагать усилий — специальный рукав и перчатка с захватом надежно удерживали «Афину» и ориентировали ее по п.—в. и в.—п. (Эти рукав и перчатка за короткий срок были разработаны двумя исследовательскими институтами и одним экспериментальным текстильным заводом.) Специалисты из группы Цукермана принялись натягивать рогатку. В укрытия никто не уходил — мы решили не строить укрытий, какие уж там укрытия, если конец Света,— просто отошли подальше от стартового комплекса, чтобы не мешать спецам.

16–30-я минуты.

МАТЧ СМЕРТИ.

ОТ ЛОБАНА. Наши железнодорожные негры <Кома и Гома> разыграли быструю фланговую атаку с прицельным навесом. Стрема выпрыгивает, промахивается, Чайник бьет ему кулаком в лицо. Непарочно. Кровь из носа. <...> Арбитр не назначает пенальти. Доктор Вольф уже на месте. Играем без Стремы. <...> Несколько минут сумбурная беготня в центре полигона без выпадов. Стрема вернулся на полигон. Получил пас от Ираклия, отдал Нифуясе, тот ударил издали. По воробьям. <...> Макар еще даже не вступал в Игру, только мячи подкидывал. <...> Я даже не заметил, как мы забили третий гол! Повернулся к Степану что-то сказать, а тут гол! 3:0! Кто забил?! Фонарь! Как?! Степан объясняет: спружинил издалека, получился сухой лист, Фонарь сам не ожидал, Чайник среагировал, но пропустил под собой. Игра сделана!

Президент д'Эгролль даже не аплодирует. Странно. Хант поднимается из своего кресла и с ненавистью смотрит на Президента. Президент отводит свой мрачный взгляд.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. ПРИЗНАК КОШИ. От Брагиша никаких известий. А их и не может быть. Рано еще. Брагину еще пять секунд до своего возвращения, а нам — пятнадцать минут до его возвращения.

Рогатка натянута. От нечего делать — опишу ее. Рогатка представляет собой — что же она представляет собой? — обыкновенную рогатку: два креневских квазара, разнесенные на пять световых лет с минутами, а между ними или за ними, в нашем углу треугольника, — стартовая площадка с контейнером, который надежно схвачен натянутой от квазаров эластичной диффузионно-пространственной тканью Гусочкина. Были предложения использовать принцип лука или арбалета, но победила рогатка Цукермана — проще, надежней.

Цукерман рогаткой доволен. А Корова дрожит. Лон Дайк пытается его развлечь. Лон Дайк формулирует «Первый признак Коши» из учебника математики:

«Если при переходе через критическую точку производная функции меняет знак с положительного на отрицательный, то функция в данной точке имеет максимум».

— Как вы думаете, что это описано? — спрашивает Лон Дайк у Коровы.

Корова не может сообразить.

— Это математическое описание смерти, — отвечаю я наудачу.

— Как вы догадались? — поражается Лон Дайк.

— Почувствовал.

— А говорите, что не разбираетесь в математике.

31–45-я минуты.

МАТЧ СМЕРТИ.

ОТ ЛОБАНА. Хант уже 10 минут стоит, не садится. Угрожающе смотрит на президента д'Эгролля. Приобы огорчены, не то слово. Они не знают, как играть. Носятся, как угорелые. Наши стоят, посматривают и спокойно перекрывают направления. Войнович огорчен. Мне его жаль. Мне в самом

деле его жаль. Я думаю, ему не следует возвращаться за обещанной Хантом секир башкой. Игроков Хант, наверно, не тронет, а Войновичу следует сразу после матча просить у конфедералов политическое убежище. Хант стоит, не садится. <...> Стрема забивает четвертый гол, но свисток арбитра раздается раньше. Время первого тайма истекло, гол не засчитан. Команды уходят в ангары.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. Сообщение с Западного полюса: Брагин вернулся на 44-й минуте! На 45-й морячки вытащили его с Нейтральной Полосы и сейчас приводят в чувство! Молодцы, морячки! О'к! Мы даже минуту выиграли! Брагин в норме, только контужен и отшибло речь. Дают водки для доводки! Молодцы, морячки! Адмирал Поплавко может уже заполнять наградные листы... Ладно, подождем с наградами. Что-то я нервничаю, какие сейчас награды. Брага уже шевелит языком. Вторую фуфайку он даже не сбрасывал, потому и вернулся на минуту (секунду) раньше. Молодец, Брага! У нас все готово. Ждем, когда Брага заговорит.

<...>

Пришло сообщение, что первый тайм наши выигрывают три—ноль. Я в ужасе! Мы не сдаем игру! Наши стартовые комплексы окружены хантскими войсками — они нас охраняют (один из пунктов Договора — охрана), но, если не будет выполнен секретный протокол, это охранение тут же превратится в захват. Дженераль Гу-Син в шоке. Мы с Президентом заигрались! Следовало дать установку на матч всей команде, а не только Макару с Ираклием. Не установку, а приказ: проиграть! Хант не даст нам возможности закончить Проект. Это Конец Света.

В ПЕРЕРЫВЕ.

МАТЧ СМЕРТИ.

ОТ ЛОБАНА. Даже не знаю, что им сказать. Сказал всем, что они хорошо отыграли первый тайм, следует продолжать в том же духе. Мало ли что? Но я уверен в победе, ведь мы еще даже толком не входили в «оборотень».

— Сейчас станет трудно,— сказал фон Базиль.— Они сейчас прибавят. Они учатся на ходу.

— Конечно. А как же,— отвечаю я.— Что тут понимать? Создавайте вакуум, выходите на дискретные места. Ушел, вышел — и сразу длинный пас на любой свободный пустырь. Пусть бегают. Мы ведем три—ноль. Пусть учатся.

ОТ СТЕПАНА МАЗИЛЫ. Открылась дверь, и в ангар вошел президент д'Эгролль. Лобан приказал Гуго и Хуго не впускать посторонних, но Президента они не посмели задержать. Лобан стоял посреди ангара и давал установку на второй тайм. Он оглянулся на Президента и замолчал. <БЕЛ АМОР. Потом Лобан рассказывал, что в тот момент он впервые что-то заподозрил — что случилось? какого черта Президент сует свой нос в потную и воющую футбольную раздевалку?> Президент стал в сторонке. Свою добродушную харизму отца соотечественников он снял, как галстук. На нем лица не было. Вернее, такого злого лица на нем еще никто никогда не видел. Никто не понимал, чем Президент недоволен. Он молчал и злобно смотрел на Макара. Макар отводил взгляд. Потом Президент перевел гипнотизирующий взгляд на одноглазого Ираклия. Два глаза не один глаз. Ираклий заерзал. <БЕЛ АМОР. Именно в этот момент Макар и Ираклий окончательно сдались.>

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. В «Белой Ночи» перерыва не было. На Западном полюсе Брагин выпил еще сто грамм и пришел в себя. Джeneralь Гу-Син приступил к опросу (опросник был подготовлен заранее). Первый вопрос: что?

— Что видел?

— Ноль. Ничего,— сказал Брага.— Я ничего не видел.

— Но что-то же все-таки видел? Впечатления были?

— Ноль. Ночь. Кромешная тьма. Кромь. Темь. Чернь. Все засвечено.

Все приборы и снимки подтверждали впечатление Брагина: ноль на массу.

— Что слышал?

— Глушь. В ушах заложило.

— Гул? — с надеждой спросил дженераль.

Брагин подумал и покачал головой:

— Глушь. Вата.

— Ты — синхронизатор! Ты был там. Тебя видели. Или слышали. Или отметили. Или унюхали. Ты тоже должен был хотя бы что-то почувствовать. Запахи были?

— Пятнадцать секунд я не дышал носом. По инструкции.

— Вкусовые ощущения?

— Ротом тоже не дышал. По инструкции.

— Ртом! — обозлился дженераль. — Хоть что-нибудь! Где ты был 44 минуты?

— 14 секунд, — поправил Брагин.

— О чем думал 14 секунд? Мысли были?

— Бетон.

— Что?

— В голове был бетон.

— Хоть что-нибудь было?!

— Ноль.

— Подождите, дженераль, — сказал академик Капельцын и взял опросный лист. — Вернемся к началу. К первому слову. Вы спросили: что? Брагин ответил: ноль. Потом он часто повторял: ноль. Может быть, это и есть ответ?

— Не понимаю, — сказал дженераль.

— Вы видели НОЛЬ? — спросил Капельцын Брагина.

Брагин задумался и ответил:

— Ну... да. Ноль. Круги в глазах.

— Ага! Опишите эти круги. Цветные? Какие?

— Это был один круг. Ноль, но какой-то странный, заковыристый, — и Брагин провел пальцем перед собой какую-то закорючку.

— Нарисуйте этот НОЛЬ! — вскричал дженераль.

— Не могу, руки дрожат.

Дженераль понял намек:

— Налейте ему еще!

Брагин выпил еще сто грамм, взял карандаш и неуверенно нарисовал на опросном листе компьютерную закорючку:

@

— Запускай! — заорал мне через всю «дыню» дженераль Гусин. — Запускай Племяша! Нам ответили!

46–60-я минуты.

МАТЧ СМЕРТИ.

ВТОРОЙ ТАЙМ. ОТ ЛОБАНА. Конечно, Войнович что-то наговорил своим в перерыве. Посмотрим, что он там придумал. <...>

Мы прижаты к воротам, Макар взял два трудных мяча, но скоро приобы выдохнутся, долго носиться на таких скоростях невозможно. <...>

Приобы применяют прессинг и успевают возвращаться. Ощущение, что их раза в два больше на полигоне, чем нас. Мне это напоминает вертушку из оборотня, но не очень умелую. Макар в течение двух минут отбивает три мертвых удара. Что-то мне все это перестает нравиться. <...>

Ираклий ловит приобов на контратаке, пасует Стреме, тот принимает мяч один на один с Чайником, сзади его косят по ногам, Стрема падает, но успевает протолкнуть мяч за рамку. 4:0.

Арбитр удаляет защитника приобов. Все хорошо. Но Стрему уносят с полигона. Вольф сигналил: замена! У Стремы тяжелый перелом ноги. Хорошо. Шчас. Выпускаю Костанжогло в старой фуфайке. Только его, Костолома. Больше некого. <...>

Приобы начинают с центра, и сразу жуткая повальная драка — хавбек приобов бьет Костанжогло ногами в живот. Ногами в живот — это хамство. Костанжогло корчится на поле, фон Базиль отвечает сопернику ударом в лицо, рев трибун, кошная полиция, матч остановлен, драка продолжается. Арбитр удаляет хавбека приобов и фон Базиля. «Мне все это что-то не нравится», — говорит Мазила. <...>

Касанидис забивает нам гол после типичного креста с вертушкой из оборотня. 4:1. Они, кажется, нащупали Игру, они уже знают, что надо делать. Я команду Мазиле, он бежит к рамке, кричит Макару: «Пора!» Ребята спешно перестраиваются, переходят в сигму-оборотня. Невнятно, неуверенно. Костанжогло выпадает в осадок, Вольф над ним, ладно, вернется, будет блуждать, но ведь еще не хватает Стремы и фон Базиля, на правом крае какая-то рваная черная дыра. Плохо. <...>

Нет, хорошо! Нифуяся забивает невозможный гол карамболом из этой самой рваной дыры!!! 5:1.

Приобский Хант рвется на полигон. Телохранители успокаивают, удерживают его. Хант дерется с телохранителями. Президент д'Эгроль сплевывает себе под ноги. Очень красиво.

Костолом возвращается, но вряд ли сможет толком играть, у него перелом ребра, пусть он торчит где-нибудь сбоку, на подхвате. Приобам пора сдаваться или показать, что они смирились. Опять этот Шустрый. <...> Опять вертушка, Макар выходит из рамки, жестокое нападение на Макара, разбито лицо, рассечена бровь, Костанжогло безжалостно мстит нападавшему, в больнице этот Шустрый придет в себя. Удаление Костолома. Вольф приводит Макара в чувство, будет стоять. Все равно, заменить нечем.

Мне показалось?.. Нет, не может быть... Фальшивка?! Ребята имитируют игру, имитируют желание играть, имитируют активность? Никто не берет на себя ответственности. Пасы поперек и назад при общей невразумительной беготне.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

<...> Запуск Племяшина состоялся, как и было запланировано, на первой минуте второго тайма. Макар с Ираклием не сдают Матч. Хантские войска подняты по боевой тревоге и берут нас в кольцо. Это уже не охрана, это котел. Дядя Сэм отправился на переговоры с хантским послом.

61–75-я минуты.

МАТЧ СМЕРТИ.

ОТ ЛОБАНА. Не игра, а мельница. Нас бьют почему зря и по чем видят. Войнович, кажется, подсказал в перерыве единственно верный план игры — нет, не план игры, а план спасения от секир башка — избивание нас. Мельница. Нас калечат. Арбитр мог бы прервать матч, но, разумеется, не Такой Матч; Матч Смерти остановить нельзя, ни один арбитр не в силах остановить Смерть, разве что тот арбитр, имя которого я уже боюсь упоминать. Пропали он пропадом этот арбитр со своим футболом!

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. Дядя Сэм арестован. Сняли с него подтяжки; стоит рядом с хантским послом, придерживает рука-

ми брюки. Мы взяты в тройное окружение. Кольцо вокруг нас угрожающе сжимается. Что там у них — примитивные танки и автоматы Калашникова? Этот котел из трех дивизий наш спец-отряд мог бы разместить в три минуты, но мы умышленно безоружны.

Прерванное на полуслове сообщение: Западный комплекс уже захвачен, арестованы все — дженераль Гу-Син, Брагин, академик Капельцын, все. «Будем живы, не помрём...»

Еще сообщение с Запада: оказывается, захвачены не все, морячки не сдаются! Адмирал Поплавко на всю Вселенную: — Флот пропьем, но не сдадим!

Наверно, он хотел сказать «взорвем», но оговорился.

Ираклий с Макаром должны сдать Матч Смерти! Передать Лобану открытым текстом: сдать игру! Это приказ!

Нас глушат, приказ Лобану не передан.

75–90-я минуты.

МАТЧ СМЕРТИ.

ОТ ЛОБАНА. За 15 минут до конца все еще 5:1. Все наши старички уже стоят. Их бьют — удары с оттяжкой, как плетью. <...>

Приобов вдвое больше, они научились «оборотно» в процессе игры. Замкнули кольцо, стали в хоровод и бьют. <...>

Попали. 5:2. Макар не виноват, били в упор.

Через две минуты 5:3. <...>

Прорвало плотину, сливай воду.

За три минуты до конца — 5:4.

Приобов уже не остановить. Их больше. Их много. Они забьют еще один гол. Я уверен, что они успеют забить этот гол. Я даже болею за них. <...>

Касан забивает гол.

5:5.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ОТ БЕЛ АМОРА. Сорок пять минут истекло. Племяши на нет. Взрыва нет. У нас ничего не происходит. Хантский посол расстегивает пуговицу на животе и выхватывает кинжал. В случае конца Вселенной он сделает себе харакири. Вряд ли успеет. <...>

Пришло сообщение: в Матче Смерти счет 5:5. Как видно, Макар с Ираклием взялись за дело. Назначено дополнительное время. Хантский посол прячет кинжал, снимает одно кольцо окружения и отдает дяде Сэму подтяжки.

ПЯТИМИНУТНЫЙ ПЕРЕРЫВ.

МАТЧ СМЕРТИ.

Приобский Хант сидит в кресле, его телохранители утирают кровавые сопли. Президент д'Эгрولль вернулся в ложу.

В ангар не уходили, повалились прямо на полигоне. Теперь надо играть на зубах. Наши железнодорожные негры совсем плохи, кровавые пузыри на губах. Нифуясь им не помощник. Все сдохли. Но и приобам настал конец. У Шустряка хлещет кровь изо рта. Войновича, кажется, хватил удар, доктор Вольф при нем. И посматривает на меня. Теперь будем играть до первого гола. Меня качает вверх-вниз и туда-сюда... Ко мне спешит доктор Вольф... Все кончено. В меня закрадывается страшное подозрение. Нас кто-то продал, предал, сдал игру Приобскому Ханту! Не знаю кто. Президент?! <...>

Это конец.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

Нештатная ситуация: Саши Племяшина нет вот уже пять минут.

Взрыва нет.

Кажется, это в самом деле конец.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

ПЛЕЙ-ОФФ.

ГОЛ СМЕРТИ.

БЕЛ АМОР. Это был еще не конец, а тяжелый инфаркт у Лобана,— хорошо, что доктор Вольф был недалеко, обоих Главных тренеров — Лобана и Войновича увезли в Федеральный госпиталь, и они не увидели ни гола смерти, ни конца Вселенной, им уже было все равно.

СТЕПАН МАЗИЛА. Лобана увезла «скорая», и я на 11 минут сделался Главным тренером. Началась ненавистная мне обвальная игра, когда атакуй-не-атакуй, все равно получишь.

Нужно забить, а как забить — никто не знает, все куда-то несутся, сломя голову. Даже Ванька не усидел в центре притяжения, а пошел, пошел — куда ты пошел?! — пошел разбрасывать протуберанцы. Никто из наших уже не играл, а только гоняли (ползали!) по полигону и пинали эту несчастную планету. Пробовали играть от Фонаря, но и Фонарь уже не светил. Президент д'Эгротль сидел без лица. Приобы были не лучше. Хуже. Приобского Хапта тоже не было видно — над его креслом суетились белые халаты.

ГОЛ СМЕРТИ.

ОТ СТЕПАНА МАЗИЛЫ. Гол смерти — я уже подозревал, что этим голом все закончится, — мы пропустили бестолоковый, — как раз то редкое происшествие, когда Макар с Ираклием «пустили бабочку». Сейчас об этом я говорю спокойно, потому что этот пропущенный гол по сравнению со взрывом Вселенной не кажется мне какой-то уж трагедией; этот гол, забитый на 11-й минуте дополнительного времени Матча Смерти, прозвучал (если только гол может прозвучать, — думаю, может!) одновременно со взрывом Анти-Вселенной.

ДОКТОР ВОЛЬФ. Вот этот гол: оплавленная планетка (в начале матча стерильная, дезинфицированная, проверенная мной и тремя комиссиями) после отбойной свечи кого-то из приобов планировала на ногу Ираклию по крутой, но несложной тангенсоидной траектории. Ситуация была неопасной, надо было только прикинуть угол геодезического смещения, переключить скорость и сыграть по мячу (можно было вообще ничего не прикидывать и не переключать, а просто и импульсивно сыграть хоть как-нибудь). Но в этот момент Макар крикнул Ираклию:

— Играй!

СТЕПАН МАЗИЛА. Выяснений «кто виноват?» не было. Оказалось, что Ираклию вместо «Играй!» послышалось: «Играю!», и он уступил планету Макару. Обычная — детская! — ошибка, несогласованность бека и голкипера. Но ошибка голкипера больше — в таких случаях голкипер должен кричать: — «Я!»

ДОКТОР ВОЛЬФ. Ираклий неожиданно увернулся — даже шарахнулся в сторону, — и планетка, подпрыгнув на какой-то узловой подпространственной кочке, как бы нехотя и с удивлением — Макар бросился и достал ее кончиками даже не пальцев, а перчатки, — пересекла линию рамки.

Гол.

Конец.

ДЖЕНЕРАЛЬ ГУ-СИН. Вселенная вздрогнула.

ДЖЕНЕРАЛЬ БЕЛ АМОР. Взрыв.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

ВЗРЫВ.

БЕЛ АМОР. ЗАПИСЬ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ.

Взрыв последовал одновременно с голом смерти через 11 минут после критического срока.

Что Там могло произойти? Что Там делал Племяшин эти лишние 2–3 секунды? Выставлял заряд? Срывал фуфайку? Бог не помог? Что или Кто могли ему помешать? Этого мы никогда не узнаем.

Или узнаем, когда окажемся Там.

Не моим вечным кривым пером описывать этот взрыв. Тут нужен писатель-колорист. Недавно я попросил описать этот взрыв Ясения Кленова, но он сказал, что в тот момент спал и ничего, даже снов, не видел. Счастливый человек, его даже футбол не интересуется.

Рассказывали, что Федеральный Олимпийский Полигон заходил ходуном и чуть не сорвался со стационарной галактической орбиты. Миллионы тиффози слетели со своих мест, расшибли лбы, получили травмы, контузии, но, на удивление, жертв не было.

Гол!!!

Никто и не подумал: взрыв!!!

Что я видел. Звуковых эффектов не было. Все происходило в тишине. Дядя Сэм застегивал на пузе подтяжки, как вдруг зона «дыни» окрасилась в ядовито-красно-фиолетовую смесь чернил с кровью. Я видел, как телохранители-морячки набросили на Корова плащ-палатку и потащили его под хантыйский танк, чтобы он отсиделся под танком. Правильно действовали! Молодцы! Действовали по инструкции: спасти не самого главного, а самого ценного — Священную Корову.

Потом — темно в глазах, будто меня прихлопнули мешком из-за угла. На меня тоже пытались наброситься с плащ-палаткой, я ответил — кулаком, морячки среагировали мгновенно — тут же и тем же в ответ, и стало темно в глазах.

Я подумал, что Вселенная лопнула, что ей конец.

Очевидцы описывали белую вспышку, будто взорвалась сверхновая. Наш мерцающий звездами черный космос стал ослепительно-белым, потом ярко-розовым, потом заполнился какими-то кроваво-фиолетовыми ошметками мяса с белыми сверкающими прожилками. Я повторю давнее стихотворение Лобана,— наверно, он тогда, в своем побеге с Коровой, что-то предугадал:

«Инфракрас
Угас.
Ультрафиолет
Сместился в синий
Цвет.
Значит, осень.
На осине
Иней.
Значит, восемь.
Сколько зим, сколько лет
Отпечаталось в лужах?
И стрелки скрестил
В циферблатных рожах
Ужас».

Потом окровавленное мясо рассосалось, и Вселенная приняла прежний вид. «Дыня» исчезла.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА Д'ЭГРОЛЛЯ К СО-ОТЕЧЕСТВЕННИКАМ.

«О ВЗРЫВЕ СОСЕДНЕЙ ВСЕЛЕННОЙ». Обращение Президента к народу было скучным, не знаю уж, кто писал ему текст, мог бы попросить фройлен фон Дюнкеркдорфф. Откуда он взял, что «соседняя Вселенная взорвалась», я до сих пор не знаю; мы просто ничего не знаем о ее судьбе. Он начал: «Дорогие соотечественники!», а мог бы классически: «Братья и сестры!» Ладно. О'к. Привожу без комментариев фужерные цитаты из моих «Отчетов» и книги Лобана «Фут-

бол и сообщество», которые президент д'Эгротль использовал в своем обращении:

«Футбол — не просто игра. Вот факты и гипотезы об исторической и социальной эволюции футбола. <...> Проблемы образа жизни людей в последние годы привлекает все большее внимание ученых и государственных деятелей. <...> В этом свете важное значение имеет реальная оценка места футбола в жизни людей. <...> Футбол приобрел глубокую социальную значимость. Вместе с тем футбол испытывает огромное влияние других социальных явлений. В чем специфика футбола как особой формы жизнедеятельности людей, каковы взаимоотношения этой формы с другими? Какие конкретные социальные функции выполняет футбол в жизни людей? <...> Футбол — это средство воспитания характера в борьбе за выживание, в которой единственной вещью, имеющей значение, является победа. Любая группа, которая под психологическим давлением общества вынуждена принимать решения, затрагивающие интересы как отдельных членов, так и всей группы, обычно разделяется в определенное время на тех, кто «за», и на тех, кто «против». Таковой является основная модель поведения, которую можно наблюдать в современных ситуациях и которая отражает поведение болельщиков на полигоне во время футбольного матча. Поэтому не будет преувеличением заявить, что футбол выполняет социальную функцию не только в символическом смысле, но и в качестве фактора стабилизации общественной жизни. Это особенно справедливо по отношению к проблеме агрессивности, с которой сталкивается любое общество. Футбол оказывается барометром социальной напряженности, весьма чувствительным к малейшему повышению давления, то есть он чутко указывает на социальный климат общества. Естественно, это не является назначением футбола, а лишь одной из его социологических характеристик. Совершенно очевидно, что футбол влияет на настроение людей, а опосредовано — на их трудовую деятельность. Футбол стал неотъемлемой частью культурной жизни обшир-

нейших регионов Вселенной. Из среды популярных футболистов молодежь выбирает образцы для подражания. На высшем спортивном уровне футбольные поединки затрагивают престиж Галактик и даже, как выяснилось, судьбы целых Вселенных».

<И это обращение Отца нации к соотечественникам, которые только что спаслись от Светопреставления?! (Хотя и сами этого не знали.) В этой речи были певниятные фразы о «судьбах целых Вселенных» и о катастрофе, которую мы предотвратили, но Президент явно пытался скрыть от соотечественников цели и масштабы ПРОГЛОДА. Конгресс, отчеты, бюджет, то-се... Политика-с.>

ПОСЛЕДНИЙ АБЗАЦ.

ВПЕРЕД, КОНЮШНЯ! Пора заканчивать. Торможу. Не знал, с чего начать, теперь не знаю, как закончить. Боюсь показаться нескромным, но в последнем абзаце своих «Отчетов» я все же приведу цитату из недавно вышедших мемуаров Брагина (вот уже и Брага мемуары настрочил!):

«В связи с бригадным дженералем Бел Амором вспоминаю такую прошлогоднюю сцену. Ранней осенью в один из солнечных деньков я стоял на гранитной набережной Колымаги-реки у памятника Саше Племяшину. Хороший памятник, мне нравится,— Сашка задрал руку и держит двумя пальчиками дикое яблочко. Рядом на дворовом полигончике мальчишки играли в футбол, мимо неспешным прогулочным шагом проходил почтенный пожилой человек в расстегнутом старомодном кожаном пальто полувоенного покроя, в шляпе и с потертым портфелем, в котором, подумал я, лежала далеко не персональная пенсия. От сильного удара мяч взвился в воздух и полетел в его сторону. Пожилой человек мгновенно преобразился — сдернул шляпу с головы, выпрямился, раздвинул грудь (на лацкане пиджака сверкнул орден Почетного легиона — «значит, пенсия, все-таки, персональная», подумал я), по всем правилам футбольной координации широко расставил руки — в левой

портфель, в правой шляпа — и в высоком прыжке, отклонившись, сверкая лысиной на солнце, прицельным ударом крутого лба отправил мяч игрокам. Пацаны в восторге заплодировали, а я был в-умилении, — я узнал Бел Амора. Бригадный дженераль тоже меня узнал, улынулся, кивнул и сказал, будто оправдываясь:

— Вот, прогуливаюсь, смотрю футбол. Нельзя рвать связь пространств и времен!

— Как там у вас на планетке, дженераль?

— Ничего. Ращу помидоры, картошку, пасажаю ба-обабы.

— А как здоровье фройлен фон Дюнкеркдорфф? — спросил я.

— Относительно, — ответил дженераль. И застенчиво добавил: — Она уже мадам Амор. Мы недавно обвенчались.

— Поздравляю, дженераль!

(А сам подумал: все правильно — на ком еще жепиться занятым людям, если не на своих секретаршах?)

Дженераль кивнул, принимая мое поздравление, посмотрел на Сашкин памятник и сказал:

— Плохой памятник.

— Почему, дженераль? Мне нравится.

Бел Амор чуть подумал и вот что сказал:

— Плохой памятник. Непужный. Сашка живой, зачем живым памятники? Он живой, только он — Там. Дай Бог ему счастья.

Я немедленно согласился.

Дженераль надел шляпу, застегнул пальто и сказал:

— Заходи как-нибудь, не забывай стариков. *Memento vivere!*

Я переспросил.

— Помни о жизни, — перевел дженераль.

Надо будет подучить латынь, подумал я и пообещал обязательно зайти как-нибудь. Дженераль так обрадовался, что у меня даже слезы навернулись. Он поднял в древнефутбольном приветствии сжатую в кулак руку и сказал, прощаясь:

— Вперед, конюшня!

— Вперед, дженераль! — ответил я и смахнул слезу».

POST SCRIPTUM. Все вымышленные действующие лица в этих отчетах имеют своих прототипов и не являются вымышленными, а все случайные совпадения событий в пространстве—времени с событиями во времени—пространстве только кажутся случайными.

POST POST SCRIPTUM. О'к. Бог с ним, с футболом, пора о душе подумать. Единственное утешение — ну, не стали мы чемпионами Вселенной, зато спасли ее! Я очень надеюсь, что мы все же спасли Божественную Вселенную, а не ее чертову противоположность. Не знаю, не знаю... Надеюсь. Многие участники Проекта еще живы-здоровы, наша Вселенная не лопнула, не сдулась, не превратилась в сморщенный презерватив. Красное Смещение цветет и благоухает, у приобов недавно был праздник, то бишь, траур — похоронили Приобского Ханта с футбольными почестями, избрали Президентом Войновича. «Дыня» исчезла, Вселенная расширяется, все в порядке.

Цела ли Та, Противоположная? Не знаю. Помилуй меня, Господи, за грехи мои, а особенно за мое богохульство, если таковое случилось! Дай мне знак, что ты все видишь и не сердишься на меня, Боже! Один лишь знак, один маленький знак, всего лишь одну закорючку, чтобы я догадался, Б@же!

ПЛАНЕТА БЕЛ АМОР ЭПИЛОГ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

«Иногда писательская работа напоминает охоту молодого неопытного льва на антилопу гну»,— говорил один очень хороший писатель.

Мало ли что говорят хорошие и даже очень хорошие писатели... Они много чего говорят.

Из «Отчетов» Бел Амора

Высоко над молоденьким баобабом медленно пролетает космический челнок, надвое разрезая небо белоснежной ин-

версионной полосой. Над саванной рассыпается прах бригадного дженерала Бел Амора. Потом челнок совершит посадку, и здесь, под баобабом будет установлен скромный обелиск с соответствующей надписью в честь человека, спасшего однажды Вселенную от светопреставления.

ЭПИЛОГ ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Молодой (зеленый, салага) лев выгнан из прайда без выходного пособия — этот крепкий, уверенный в себе, но неумелый акселерат не нужен прайду, он мешает старому льву-вожаку своими сексуальными притязаниями. Что поделаешь, Природа. Она заставляет салагу начать самостоятельную жизнь.

Днем стада антилоп гоняют по Саванне пыль, перемешанную с прахом бригадного дженерала Бел Амора; ночью Саванна содрогается от львиных ревов и рыков, совсем не похожих на визги майских котов. Во тьме светятся желто-зеленые глаза. Утром старый ободранный лев бредет к Водопою. Несчастный зверь дрожит, еле стоит на ногах, шумно лакает, воняет, кости ходят под кожей, без ветра качается, чуть не свалился в реку.

«Осторожно, здесь крокодилы», — напоминает ему Водопой, хотя крокодилы на львов не охотятся, у крокодилов своя, хладнокровная биологическая ниша. Просто надо быть осторожным — эта зубастая ниша может пребольно цапнуть. Всегда надо быть настороже, кругом сплошное зверье. Даже свои — молодые гордые львы, полные сил после бессонной ночи, посматривают на старца свысока, даже как бы не замечают, даже с ленивой брезгливостью встают и уступают дорогу, чтобы не заразиться от него старостью и бессилием. Но в реальности все обстоит наоборот — главный здесь именно он, этот старик и есть первый любовный производитель, он никого не подпускает к красивой львице. Дело происходит на полянке в лесу на краю Саванны. У львицы началась течка, она ненасытна, она мурлычет, катается в траве и требует, требует, давай, давай, еще, еще, еще, и старый лев не смеет отказать, он, дрожа, взбирается к ней на спину и начинает пилить,

пилить, пилить — две недели такой каторги и, кажется, старому льву конец, но он не уступает красавицу львицу молодым львам, которые стерегут по краям поляны каждое его движение, но как бы не видят счастливых молодоженов, а смотрят вдаль и ждут, когда же этот старый хрыч сдохнет? Старый лев опять плетется к Водопою, лакает водички и бегом возвращается к ненасытной львице, которую молодежь не смеет в его отсутствие не то что тронуть, а даже подойти и понюхать. Но горе старому льву, если он не справится с супружескими обязанностями, если львица останется недовольна — молодые загонят, загрызут, зацарапают, в лучшем случае выгонят к чертовой матери.

Но пока выгоняют самого энергичного из молодых.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ.

Саванна! Свобода! О'к! Он им покажет!

Кому «им»?

Всем!

На планетке Бел Амор солнце поднимается стремительно, как солдат в казарме по команде «Подъем!», и весь день торчит в зените. Молодой лев зевает, потягивается, выходит из-за такого же одинокого, как и он, Баобаба и почесывается о старомодный обелиск с мутной любительской фотографией. С фотографии на льва внимательно смотрит лысоватый офицер в полевой форме, с фуражкой в руке. Лев чувствует этот взгляд. Под фотографией надпись:

**НАД ЭТИМ МЕСТОМ, СОГЛАСНО ЗАВЕЩАНИЮ,
БЫЛ РАССЕЯН ПРАХ
БРИГАДНОГО ДЖЕНЕРАЛЯ
БЕЛ АМОРА**

Лев не умеет читать, но умеет думать. Все чувства обострены, и самое первое из них — чувство голода. Свобода пахнет сырым мясом и горячей кровью. Правда, ночью ему приснилась молоденькая львица Люсьена — прошла мимо, мурлыкнула и подмигнула. Но льву сейчас не до Люськи, жрать очень хочется, какие уж тут сексуальные притязания!

«Сначала надо хорошенько поесть,— думает лев,— а уж потом всякие глупости».

(Это молодой, но самокритичный лев — лев-индивидуалист, лев-интеллигент, его зовут Лев Амор. Кто его так зовет — неизвестно; просто он знает, что его так зовут.)

Все верно, Лев Амор правильно думает. Он выходит из-под старого Баобаба на Тропу Войны. Впрочем, война — человеческое занятие, животные не воюют, они охотятся, — Лев Амор выходит на Тропу Охоты. Саванна. Утренние запахи свежи, еще не пережарились на солнце. Ноздри раздуваются. Где же она, где эта Тропа Охоты?.. Где-то недалеко. Вкусно пахнет антилопами гну. Но где, где они?..

Как вдруг — клубища пыли, грохот копыт... Ага, вот они, вон там — проносятся мимо колючих Кустов Акаций! Стадо несется на Водопой!

«Вроде, далековато, — прикидывает Лев Амор. — На глазок метров сто, но стоит попробовать, может быть, что-нибудь получится».

«Попробуй. Дуракам везет», — подначивает Тропа Охоты.

«Не трать куме силы. Далеко. Ничего не получится», — думают Кусты Акаций.

ПЕРВЫЙ ЗАХОД. Лев Амор срывается с места и со всех лап несется к Кустам Акаций наперерез Стаду, но вскоре тормозит когтями — низкое расположение глазомера обмануло его, тут не сто метров, а все двести, лев — не лошадь, такой спринт ему не выдержать, антилопы умчались, их не догнать.

«Не повезло. Видать, не дурак, а больно умный», — хихикает Тропа Охоты.

«Приляг под нами, отдохни, подумай», — подсказывают Кусты Акаций.

«Ничего, зато теперь я знаю тропу антилоп и знаю, как надо делать поправку на низкий глазомер», — оправдывается Лев Амор перед Тропой, Кустами и перед этим... Посторонним Наблюдателем, который пристально глядит на него с обелиска.

Лев тяжело дышит, чихает от пыли и мягкой неспешной поступью пробирается по Саванне к тропе антилоп. Здесь, в чахлой тени под колючими Кустами Акаций, он будет поджидать новое Стадо, идущее на Водопой, или возвращения с Водопоя прежнего Стада.

Проходит час, второй, третий. Лев Амор загорает, трудолюбиво дремлет в засаде. Жрать хочется, но и сон тоже пища — пища голодных: больше спишь, меньше кушать хочется. Вот только мешают мухи. И урчание в животе.

Но вот опять дрожит Саванна — что?! — где?! — Лев Амор сонно вскакивает и импульсивно спуртует.

ВТОРОЙ ЗАХОД. Уже знакомое утреннее Стадо антилоп гну возвращается с Водопоя,— но теперь уже мимо Баобаба, под которым Лев Амор провел ночь.

«Тьфу, черт! Стоп! Фальшстарт. Тормози».

Глазомер на этот раз не подводит льва — можно не рыпаться, далеко, слишком далеко! Зато льву становится ясно: ага, на Водопой антилопы гну проходят здесь, мимо Акаций, а с Водопоя возвращаются там, мимо Баобаба. О'к! Такой, значит, у антилоп гну круговорот жизнедеятельности: туда — мимо Акаций, обратно — мимо Баобаба.

«Верно»,— соглашаются Кусты Акаций.

«В теории верно, но что ты будешь делать с этой теорией?» — спрашивает мудрый Баобаб.

Лев Амор прядет ушами.

«Не слабо,— соображает он.— Это очень важное открытие, не уступающее открытию колеса. Оказывается, на антилоп гну действует природное расписание, как на железной дороге: «туда-сюда, туда-обратно». Закон природы. Павлов. Врожденный инстинкт. Впрочем, это, кажется, не Павлов, а Мендель. Генетика. Двойная спираль ДНК. Отлично! Лежи, отдыхай, шевели хвостом. Антилопы вернутся — железно! Тогда и посмотрим, что с ними делать».

Вот только вопрос: вернутся когда?

«Ясно: утром»,— отвечает Тропа Охоты.

СОЛНЦЕ НА ПЛАНЕТКЕ БЕЛ АМОР падает еще стремительней, чем поднимается. Все правильно: падать легче, чем подниматься. Ничего: упало и отжалось. Солнцу здесь тоже жарко, оно спешит поскорей спрятаться за ту сторону планеты, прижаться грудью к ее Северному полюсу и немного остыть. Сразу — ночь. Какая-то птичка-сплюшка поет в кустах: «сплю, сплю, сплю». В темнотище под Баобабом появляются

ся, исчезают, качаются вверх-вниз-туда-сюда рыжие глаза гиен и красные глаза шакалов. Эта иллюминация продолжается до утра. Ночной ветерок сдувает с Баобаба прах бригадного дженераля Бел Амора и обдувает льва. Лев Амор поменял ночлег — этой ночью он решил спать под Кустами Акаций у тропы антилоп, чтобы утром не прозевать Стадо. Люсьена уже ему не снится. Всю ночь ему снятся какие-то кровожадные тигры-людоеды с какого-то острова Пасхи и какая-то песенка (если песенки могут сниться):

У девушки с острова Пасхи
Тигры украли любовника.
Украли любовника
В форме чиновника
И съели в кустах под бананом.

«У этих тигров от голода явно поехала крыша,— думает Лев Амор во сне.— У людей, гиен и шакалов мясо горькое и вонючее от разлитой желчи. Болезнь Боткина этим тиграм и их потомству обеспечена».

ДЕНЬ ВТОРОЙ. Утро. Грохот копыт. Подъем! Несется Стадо антилоп гну.

«Я же говорил: железно! По расписанию! Боже ж мой, сколько их! — с восторгом думает Лев Амор, потягиваясь и выходя из кустов акаций прямо на генетические шпалы и спиральные рельсы этой железной дороги.— Сотни! Тысячи! Одна из них моя! Нет — две! Три! Столько, сколько успею добыть! Самые большие, самые жирные, самые вкусные! Удар лапой, клыки в горло, горячая кровь...»

Вперед! Кушать подано!

ТРЕТИЙ ЗАХОД. Лев Амор напрямик бросается на этот бронепоезд — в лоб, напролом, на таран! Вот, вот они, вот... самые отборные, первые, лобастые, горбоносые, рогатые, бородатые, вкусные антилопы гну — глаза разбегаются: какая из них, какую драть?.. Сейчас, сейчас... Но тут у Льва Амора срабатывает инстинкт смерти (чувство смертельного страха сильнее чувства голода), на него несется монолит — мохнатая армада из туш, рогов и копыт, эти глупые антилопы гну не боятся Льва Амора, попросту не видят его на своем пути,— и

царь зверей, даже не по-кошачьи, а по-собачьи поджав хвост, улепetyивает в сторону от этой слепой рогатой лавины. Глупая лавина ни о чем не думает.

«Поезд ушел, кушать удрало,— думает Лев Амор, опять улегшись под Кустами Акаций. Под взглядом Постороннего Наблюдателя он напускает на себя равнодушный вид.— А мне и не очень-то хотелось».

Подрагивает кисточка хвоста.

«Тупые дуры, дикарки, космополитки, дегенератки горбоносые... Хорошо, я подстерегу их на обратном пути с Водопоя. Но в чем же моя ошибка? — рассуждает Лев Амор.— Кушать не удрало, а пронеслось мимо, как скорый поезд, даже не заметив тебя. Но и ты хорош! Нельзя же быть таким жадным. Зачем тебе две, три, четыре, десять антилоп? А ху не хо? <Лев Амор где-то уже успел набраться непечатных слов.> Ты же их всех не съешь, а оставишь львиную долю грифам, гиенам и всяким другим шакалам! Зачем тебе работать на гиен и шакалов? Возьми из стада одну антилопу, одной достаточно — одна жирная антилопа обеспечит тебя калориями на всю неделю,— тогда-то и подзаймешься сексом. Надо только поделиться с Люсьеной — эта молодуха Люська из прайда очень хороша,— я не уверен, что на конкурсе красоты она займет призовое место, ей еще надо подрасти, но в первой десятке красавиц она, безусловно, будет,— надо ей только многозначительно подмигнуть, призывно подмахнуть хвостом и соблазнительно облизнуться — мол, есть тут недалеко в кустах филейная часть антилопы гну, отойдем в сторонку,— и Люська твоя! Это великое слово — филе!»

Но, чу! Грохот и пыль! Саванна опять дрожит и гудит, как пустой барабан. Еще одно Стадо! Какое стадо — Орда! Откуда она взялась — неизвестно, наверно, с дальневосточного края Саванны. Тропа Охоты расписана по часам и минутам! Да это и не тропа, и не узкоколейка, а целая Стратегическая Дорога! Филейные части антилоп гну стеной идут на водопой мимо Кустов Акаций! Кушать мчится!

Вперед! Инстинкт опять толкает льва, но теперь Лев Амор точно знает, что делать.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАХОД. Не жадничать! Лев выходит на встречу Орде, яростно колотя хвостом по бедрам. Задрать.

Одну. Только одну. Выбрать — одну из первых, жирных, вкусных. Одну. Какую из них?.. Первую. Какая из них первая?! Боже! Хвост расслабленно опускается. Лавина шерсти, рогов и копыт опять прет на него. Срабатывает инстинкт: тикать! И Лев Амор опять уступает дорогу этой слепой стихии.

Кисточка львиного хвоста опять подрагивает под кустом. Урчанье. Мухи. Подлые мухи. Подлая утроба.

«В чем же твоя ошибка, дурачок? — размышляет Лев Амор под гипнотизирующим взглядом Постороннего Наблюдателя. — Пойди, отдохни в тени Баобаба, подумай, проанализируй свое поведение. Нельзя же два раза наступать на одни и те же грабли, это же курам на смех! Еще хорошо, что Люсьена не видит твоих экзерциций. Нельзя лезть на рога, идти в лоб, на рожон против этой армады. Против лома нет приема. Эти дуры пробегут по тебе, проломают череп, затопчут, утрамбуют заподлицо с Саванной и даже не заметят. Это же асфальтовый каток».

Ночь, вой, иллюминация, дурные сны:

У девушки с острова Пасхи
Тигры украли соседа.
Украли соседа
Прям перед обедом
И съели в лесу под бананом.

...ТО ЛИ ЧЕТВЕРТЫЙ, ТО ЛИ ПЯТЫЙ ДЕНЬ, ЛЕВ СБИЛСЯ СО СЧЕТА. Ну вот, опять полдень. Саванна разметалась между джунглями и пустыней и лениво шевелит корнями:

«Истоптали меня, бедную...»

Сегодня на Тропе ни одного стада. Наверно, у них выходной день. Солнце, как раскаленная сковородка в негативе, — ослепительный шар с косматыми протуберанцами в сером небе. Рабское солнце, труд египетский — от звонка до звонка висеть и светить в самом центре этой вселенской кочегарки. Пить. Надо попить водички, потом подумать. Лев Амор выходит из тени Баобаба и направляется к Водопою. Все население Саванны расступается перед ним, хотя не очень-то боится его. Так принято — Лев идет попить водички, надо посторониться. Это не страх, это осторожность и хороший

тон. Водопой — это ритуал. У Водопоя не принято воевать — то есть, охотиться. Чувство жажды сильнее чувства голода. Охота — потом, потом, в сторонке, после Водопоя.

«Я не какой-то там участок реки,— думает Водопой.— Я — Царь реки. Все дороги ведут ко мне».

Разве что гадкие хладнокровные крокодилы не соблюдают этикет, а толстыми бревнами лежат в воде, подстерегая в засаде тех же антилоп гну, но крокодилы — они гады и есть, браконьеры, другая среда, дурное воспитание, моветон. О чем они думают? О чем могут думать эти обожравшиеся бревна?

«По такой жаре надо соблюдать хладнокровие,— думают крокодилы.— Притворяемся бревнами, кушать само придет. Сытые, довольные, лежим бревнами в засаде и любовию поглядываем на антилоп. Бросаемся для остротки, чтобы боялись, а антилопы нас не очень-то и боятся. Их тысячи, одну, другую... не жалко».

Лев Амор задумчиво лакает теплую водичку и вдруг получает пинок в зад. Упал в воду, окрысился, зарычал, оглянулся и... уступил место слоновьей семейке, пришедшей на водопой.

СЕДЬМОЙ И ВОСЬМОЙ ЗАХОДЫ.

Опять идут. Решено: надо попробовать сбоку. Прыжок на крышу — прыгнуть, выдрать и оттащить.

«Смертельный номер,— предупреждает с обелиска Посторонний наблюдатель.— Здесь тебе не цирк».

«Заткнись»,— рычит Лев.

Стойка. Напряг.

«Давай! Ап!» — подзуживает Тропа Охоты.

Но дрожь в коленках и внезапная слабость в желудке укладывают Льва в траву. Он празднует труса; прыжок в водопад на скалы — в самом деле, не цирк.

...НАДЦАТЫЕ ЗАХОДЫ.

«Не смейся козу — в лоб нельзя и сбоку нельзя! Надо пастись задних».

Продолжается метод проб и ошибок. Лев Амор пропускает Стадо и мчится за последними, отстающими антилопами гну. Спурт метров тридцать, язык отвалился, поезд ушел.

Еще заход. Ноль на массу.

Еще. Не догнать. У этой травоядной Орды крейсерская скорость намного выше.

КАКОЙ-ТО ДЕНЬ, КАКОЙ-ТО ЗАХОД И КОНЕЦ.

Антилопы идут потной стеной с белой слюной.

Если смотреть на стадо антилоп в лоб — на тебя идет бронепоезд. Если сбоку — проносится стена.

«А если сверху? — подумал Лев Амор — С борта космического челнока? Наверно, бурлящее пылевое облако».

Действуй! Ты — санитар Саванны. Но не связывайся с быками. У них мясо жесткое... А по правде, разъяренный бык-гну опасен, может поддеть на рога или так засветить копытом промеж глаз, что света божьего невзвидишь. Надо выбирать добычу по силам. Выбрать жирненькую корову-гну. Лев Амор несется по обочине Тропы, параллельно движению Стада. Догнал отбившуюся корову-гну, прыгнул ей на спину, но промахнулся, увидел перед собой филейную часть и получил задним копытом в переносицу. О!!! Посыпались искры из глаз, в башке вспыхнул костер. Вот, дура! От дура же! За что?!

Лев Амор опять ретируется. Он прилег в тощей траве. Левый глаз сразу же заплыл фиолетовым фонарем. Хорошо, что не по зубам — в Саванне нет стоматологов, лев со сломанной челюстью не может охотиться, не может жевать, он обречен на медленную голодную смерть.

«Это несправедливо! Антилоп тысячи, десятки тысяч, а я один! Какой, к черту, санитар саванны?! Мелко плаваешь! Я — доктор. Профессор! Я — Царь зверей. (О слоновьем пинке под зад Лев Амор предпочитает не вспоминать.) От них не убудет, а я один, один такой во всей Вселенной! Я их люблю, но я их и ненавижу за то, «что хочется мне кушать!». Почему говорят, что голод не тетка? Голод — он. Голод не дядька».

У девушки с острова Пасхи

Тигры украли сожителя.

Украли сожителя

В форме учителя,

Сожрали в лесу под бананом.

«Все придет со временем, — правильно думает Лев Амор. — Время все расставит на свои места; весь вопрос в том — ког-

да? Как долговременно будет продолжаться это состояние проб и ошибок — так ведь можно подохнуть с голоду. А я ведь еще ни разу не женился!»

«Шантрапа! Я — Царь зверей, а они — шантрапа,— презрительно думает Лев Амор об антилопах гну, но тут же спохватывается под укоризненным взглядом Постороннего Наблюдателя.— Нет, нет, я не прав! Я так не думаю. Я — Царь, а они — мой народ, мои подданные. Я Царь зверей, то есть, млекопитающих. До крокодилов и мух цеце мне нет никакого дела. Я хочу, чтобы антилопам гну жилось хорошо. Тогда и мне будет хорошо и спокойно на душе. Народ — это такое дело. Шакалы, гиены, жирафы, зебры — все это мой народ. Конечно, народ не однороден. В народе есть разные особи. Умные, глупые, злые, добрые, хамы и шантрапа всякая — это все мой народ. Да, да! Против народа не попрешь, народ — это лавина и стихийное бедствие, с народом надо держать ухо востро. Аккуратненько. В сторонке. Выбрать, выхватить одну — хилую, худенькую, пусть даже больную — не до жиру, быть бы живу, и, как бы играя, цапнуть когтистой лапой по бедру, тормознуть с краю, она заплуталась, не поняла, оглянулась — а ты не спеши, она поднялась, опять побежала, а ты опять — как кошка с мышкой, как удав с кроликом».

А вот и она — совсем молоденькая, маленькая испуганная антилопка. Она отбилась от стада и сталкивается нос к носу со львом.

«Господи, сделай так, чтобы львы и антилопы дружили!» — думает маленькая антилопа.

«Господи, благослови эту пищу!» — просит лев.

Но сил у него больше нет, Господь отвернулся от него, антилопа, едва перебирая дрожащими ногами, проходит мимо. От голода и жары у Льва Амора помутилось в голове, вестибулярный аппарат ни к черту, его шатает, начинаются судороги, нутро выворачивается наизнанку, но выблевать ему нечем. Это конец. Ночь. Лев лежит под обелиском. Живот прилип к спине. Это последняя ночь, к утру он подохнет.

У девушки с острова Пасхи
Тигры украли начальника.
Украли начальника
С бронзовым чайником,
Сожрали в лесу под бананом.

Ему это снится, что ли? Мимо проходит Люсьена и призывно подмигивает ему. Нет, это не сон. За эти две недели Люсьена налилась соком и стала неугодной прайду. Старшая львица ревнует ее к старому льву. Люсьена тоже выгнана из прайда. Лев тихо рычит во сне:

«Пусть идет куда подальше. Тут подыхаешь от голода, а она со своими глупостями».

У женщины с острова Пасхи
Тигры украли ребеночка.

«Совсем озверели»,— думает Лев Амор.

Украли ребеночка
Прямо в пеленочках,
Сожрали в лесу под бананом.

Но что это?! Люсьена возвращается и... о Боги!.. тащит ему жирную филейную часть антилопы гну! Лев Амор сконфужен. Люсьена умеет охотиться! Слеза благодарности скатывается по скуле льва. Он отводит взгляд и вгрызается в кровавое мясо. Люсьена ложится рядом и смотрит вдаль. Жена Царя зверей должна уметь охотиться лучше мужа — так диктует Природа. Здесь, под Баобабом у обелиска дженералю Бел Амору рядом с Тропой Охоты, они заведут свой собственный прайд, и за ними с любительской фотографии на обелиске будет приглядывать лысоватый человек в полевой форме бригадного дженерала. Здесь, под Баобабом, оживленный перекресток, стрелка. Отсюда удобно наблюдать.

«Человек, человек, а что — человек, зачем — человек? — презрительно думает Лев Амор, наливаясь антилопьем кровью и чувствуя на себе взгляд Постороннего Наблюдателя.— Воинская технократическая обезьяна, с которой не стоит связываться».

БАОБАБ — огромный, глубоко проросший корнями по саванне. Старый тысячелетний Баобаб думает: «Вот дам дуба, и не будет никому тени».

ТЕНЬ. «И не будет меня. Вот так вот. Вот смысл жизни Баобаба — давать меня».

Ночь. Он не один — Люсьена под боком. Можно кой-чем и подзаняться, но сил еще маловато. Утром они вдвоем вый-

дут на Тропу Охоты. Жена будет работать, а он будет смотреть и учить ее.

«И сам будет учиться»,— подсказывает с обелиска дженераль Бел Амор.

О'к.

Бананы давно облетели,
Тигры давно облысели,
Но каждую пятницу,
Лишь солнце закатится,
Кого-то жуют под бананом.

Киев, июнь 1997 — сентябрь 1998

СБОРНАЯ МЕТРОПОЛИИ-СОС НА XXXIII ЧЕМПИОНАТЕ ВСЕЛЕННОЙ

12 конференция

Ближний Юго-Запад (БЛЮЗ)

1. Башибузуки (БШБЗ — Барнаульский шлакобетонный завод).

2. Воблы-1 (Водородно-водопроводный БЛАговест). <Не путать с Воблой-2 (Восточная Бронетанковая ЛАтифундия) и с Воблой-3 (Военно-Баллистическая Академия).>

3. Жлобы (Железнодорожное Общество).

4. Оборвары (ОБщественная ОРганизация Ветеранов АР-мии).

5. Соски (или сосунки — это мы, СОС — Служба Охраны Среды).

ОТБОРОЧНЫЙ ЭТАП (1/16 ФИНАЛА)

12 группа, БЛЮЗ

Жлобы, башибузуки, оборвары, воблы, сугробы и мы (сосунки).

Результаты: Метрополия-СОС — Жлобы — 0:3 (т-поражение); 6:1.

Метрополия-СОС — Башибузуки — 0:3 (т-п.); 4:0.

Метрополия-СОС — Оборвары — 0:3 (т-п.); 3:1.

Метрополия-СОС — Воблы — 5:1; 6:0.

1/8 ФИНАЛА

ГРУППА G

КОБРы — Конфедерация Объединенных Банановых Республик.

ВАФЛИ — Всеармейская Футбольная Лига.

МЕТРОПОЛИЯ-СОС — Служба Охраны Среды.

Результаты: Метрополия-СОС — Кобры — 4:1; 2:0.

Метрополия-СОС — Вафли — 4:1; 3:3.

ЧЕТВЕРТЬФИНАЛ

МЕТРОПОЛИЯ-СОС — ПРОГЛОДЫ-ДОМКРАТЫ

(ПРОГЛОДЫ — та же аббревиатура, что и Проекта Гло-

бальной Диффузии — Прогрессивная Лига Объединенных Демократов; проглоты, домкраты или демократы).

Результат: 3:1.

ПОЛУФИНАЛ

МЕТРОПОЛИЯ-СОС — ФЕДЕРАЛЫ

Результат: 5:2.

ФИНАЛ

МАТЧ СМЕРТИ

МЕТРОПОЛИЯ-СОС — ПРИОБЫ

Результат: 5:6.

(3:0, 2:5, доп. время 0:1)

СПИСОК АББРЕВИАТУР

АББРЕВИАТУРА — АБразивно-БРЕмчащий Вокально-Инструментальный Ансамбль Турбо-Аномалии.

БЛЮЗ — Ближний Юго-Запад.

БСМ (басурманы) — Братство сексуальных меньшинств.

БУГ(аи) — Комбинат «Большой УГрюм».

БШБЗ (башибузуки) — Барнаульский шлакобетонный завод.

ВАФЛИ — Всеармейская Футбольная Лига.

ВСЕЛИ — Всемирная Лига.

ВОБЛА — Водородно-водопроводный БЛАговест.

ВОБЛА (еще одна) — Восточная Бронетанковая ЛАТИ-Фундия.

ВОБЛА (третья!) — Военно-баллистическая Академия.

ЕБЛО — Единый Блок Левых Организаций.

ЕСЛИБ — Енисейский СЛИвной Банк.

ЖЛОБ(ы) — Железнодорожное общество.

ЗК, ЗАКОН (Конфедераты в законе) — Западная КОН-Ференция.

КОБР(ы) — Конфедерация Объединенных Банановых Республик.

КОН (копюшня) — Команда Особого Назначения.

ЛИФТ — Литерное (литературное) Футбольное Товарищество.

МУДАКи — Межотраслевая УДыгейская АКадемия.
ОБОРВАРы — ОБщественная ОРганизация Ветеранов
АРмии.

ОБЛОМ(ы) — Общество Ломовых Извозчиков.

ПРОГЛОД(ы) — ПРОГрессивная Лига Объединенных
Демократов.

СОС (соски) — Служба Охраны Среды.

СУГРОБ(ы) — Самостийная Уголовно-розыскная бригада.

ТРОГЛОДИТ(ы) — ТРОйственное ГЛОбально-ДИаго-
нальное Товарищество.

ФЗУ — 1. Футбольно-Земельное Установление. 2. Фут-
больное Заводское Училище.

ФУЖЕРы — футбольные журналисты.

ФУЖЕРы (еще одни) — Футбольное Управление Жертв
Революции.

ФУФЛО (фуфлоны) — Футбольно-федеративная Лига.

ФУФФЛО (тоже фуфлоны) — Футбольная федерация
флота.

ПРИНЯТЫЕ СОКР.

в.—п.— время—пространство

др.— другое

и т. д.— и так далее

и т. д. в том же д.— и так далее в том же духе

квр.— кварки

м. б.— может быть

нрзб.— неразборчиво

оч. хор.— очень хорошо

п.—в.— пространство—время

пр.— прочее

сокр.— сокращение

т. е.— то есть

т. к.— так как

т. п.— тому подобное

ч-мо — черепно-мозговые

ПРИЛОЖЕНИЯ

1757

АЛЕКСАНДР КУЧЕРУК

ПАМЯТИ Б. Г. ШТЕРНА

Прощайте, Борис Гедальич!
Полста: это много иль мало?..
Прощайте, хохляцкий гидальго,
Лица не скрывавший забралом.

Прощайте, отец Бел Амора!
Прощайте, творец «Эфиопа»!..
Страна в черной краске позора:
Не Азия... и не Европа...

Прощайте, Борис Гедальич!
Полста — это все-таки много..
Прощайте, хохляцкий гидальго,
Теперь вы уже у Бога.

И, если писатель был нужен,
То значит тогда — настоящий...
Глядит на костер он снаружи,
Всю жизнь изнутри смотрящий.

АВТОБИОГРАФИЯ

ШТЕРН Борис Гедальевич

(1947 — предположительно 2010 г. г.)

Водолей. Родился в полпервого ночи в день Святого Валентина (международный День Любви, 14 февраля), в год Свины (Кабана?), в Матери Городов Русских, то ли накануне, то ли сразу после сталинской денежной реформы, когда старые деньги уже не «фунциклировали», а за новые нечего было купить. Нормальное состояние. С тех пор так и живу и до сих пор не пойму, почему Киев — именно «мать», а не «отец» городов русских? В этот же день (14 февраля), но в другие годы родились: Барух Спиноза и Петр Ефимович Шелест.

Таким образом, пережил всех правителей бывшего СССР, кроме, разумеется, Ленина — Ленин всегда живой. Хорошо помню похороны Сталина. С гордостью носил траурную повязку, стоял в карауле у портрета любимого генералиссимуса в детском саду. Слезы мамы. Слова отца: «Чего ты плачешь?.. Может, лучше будет». Хорошо помню Никиту. Видел его живьем на трибуне в дни 40-летия Советской Украины (1957). На Крещатике был парад. И я там был. Помахал ему рукой: мол, держись, Мыкита!.. Жаль, не удержался. Отлично помню всех остальных: Брежнев, Андропова, Черненко, Горбачева, Янаева и опять Горбачева (но уже другого). Особенно запомнились три дня правления Янаева (наверно, рекорд — кто еще на Руси правил меньше?). На вопрос: «Что делал во времена ГКЧП?», честно отвечаю: «Одним глазом смотрел «Лебединое озеро» и одним пальцем отстукивал на машинке фантастический рассказ о галактическом инспекторе Бел Аморе, который всегда клал на политику.

Где работал: где только не работал. Даже помогал добывать нефть в Сургуте и Нижневартовске, даже в Одессе жил и трудился 17 лет. А 17 лет жизни в Одессе — это не комар наплакал. Основная работа ныне: сижу дома на опушке леса на окраине Киева, курю «Беломорканал» и стучу чего-нибудь на пишущей машинке в надежде на гонорар. Член Спилки Пысьменныкив.

О фантастике (поскольку называюсь «писателем-фантастом»). Моя первая книжка (которую прочитал) — фантастический детектив с четырьмя покушениями и одним убийством. «Колобок». Восхищен по сей день. Очень советую.

Моя первая книжка (которую издал) — «Чья планета?». Вышла в свет в 1987 г., когда мне стукнуло ровно 40 лет. Вторую книжку собирался назвать тоже с вопросительным знаком: «Кто там?», но назвал почему-то «Рыба любви» (1991). Значит, называть третью книгу «Что делать?» уже не придется. И слава Богу! Вообще, пишу то, что в данный момент хочется писать — сказки, фантастику, реалистику, сатиру, иногда стихи. Специализироваться в каком-то одном жанре нет потребности. Недавно написал одноактную пьесу. Иногда под плохое настроение утверждаю, что фантастика — не литература, а мироощущение; и что писателей-фантастов вообще не существует, а существуют хорошие и плохие писатели.

О вкусах. Не люблю литературоведческие термины (эпитет, метафора, архитектоника и т. п.) — наверно, потому, что закончил одесский филфак и объелся этими терминами на всю оставшуюся жизнь.

Настороженно отношусь к писателям-деловарам. Никогда не доставал бумагу, не торговал книгами, не загонял вагоны с утильсырьем. Но вне литературы считаю эту деятельность весьма полезной. Пусть все же каждый занимается своим делом: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, издатель — поиздаевывает, а книжные пираты — попираствывают.

О женщинах: люблю.

О коллегах-фантастах: уважаю.

О женщинах-фантастах: люблю и уважаю.

Не признаю в литературе «школ» («школа Ефремова», ленинградская [санкт-петербургская?], малеевская, сибирская, одесская, дальневосточная...). Что за школярство? Писать научить нельзя. Умеешь или не умеешь. Но доброжелательное участие в судьбе молодого автора необходимо. Таким для меня

Шефом является Борис Стругацкий, с которым знаком с 1971 года, считаю это фактом своей биографии и иногда хвастаюсь перед читательской НФ-публикой.

О смерти. Замечено: хорошие российские фантасты умирают не старыми — Александр Беляев, Иван Ефремов, Аркадий Стругацкий... Скорбный список можно продолжить.

Об издательствах: ненавижу ходить по издательствам. Но: что делать?

О редакторах: когда с гордостью говорят: «Я — профессиональный редактор!», отвечай: «Такой профессии не существует!» Хорошему писателю редактор не нужен — он сам себе редактор. Редактор нужен плохому писателю (плохой писатель — это писатель без редактора в голове) — но кому нужен плохой писатель?

Любимый цвет: радуга.

Напиток: и пиво тоже.

Еда: что Бог пошлет.

Верю ли в Бога: неубеденный атеист, сомневающийся неверующий.

Любимый писатель: Антон Павлович Чехов.

Любимая книга: странно, любимый писатель — Чехов, а любимая книга — «Три мушкетера» («Колобок» не в счет), при том, что Дюма-отец — не самый сильный писатель. Почему так?

Любимый поэт: два—три десятка стихотворений разных поэтов.

Семейное положение: две жены (в разное время!) и две дочери.

Национальность: ежу понятно.

Что еще?

Еще о смерти. В юности одесская цыганка с Молдаванки нагадала мне 63 года в этой жизни. Вполне удовлетворен и с тех пор не гадаю. Значит, через 18 лет в 2010 году пора собирать вещички.

2 февраля 1992 г.

Б. Г. ШТЕРН — Г. М. ПРАШКЕВИЧУ

ПИСЬМА БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В течение двадцати с лишним лет практически ежемесячно мы обменивались с Борисом письмами. Полная переписка могла бы составить отдельный том собрания сочинений. Возможно, когда-то такое случится. Пока же — краткие выборки. Даже они, на мой взгляд, дают возможность во всем ощутить талант замечательного писателя, понять, что занимало и волновало его, в каких условиях он работал.

*Август 2001, Новосибирск.
Ген. М. Прашкевич*

«1.01.1978. Одесса.

...В одесском издательстве «Маяк» три месяца ходила моя рукопись с рассказами. Несколько дней назад пришел ответ.

Вот несколько выписок из:

«Занимательный по сюжету рассказ «Сумасшедший король» — об искусственном разуме. Но многие места в повествовании воспринимаются словно написанные наспех, с художественной стороны не разработаны...»

«Б. Штерну часто не хватает надлежащего художественного чутья. В рассказе «Дом» идут картины ужасно плохого поведения жильцов. От рассказа в целом остается довлеющее неприятное впечатление...»

«Так же нетребователен автор к форме воплощения своих неплохих замыслов в других рассказах, изобилующих вульгарными сценами, выражениями. Подобные выражения встречаются в рукописи Штерна частенько. Они конечно не могут восполнить недостаток образности письма. В некоторых рассказах автор

почему-то старается сделать фантастические и сказочные концовки, хотя они не вытекают из характера повествования...»

«В связи с недостаточно высоким идейно-художественным уровнем большинства произведений не представляется возможным ставить вопрос об их издании...»

Вот такие, Гена, дела.

Ожидал, конечно, что ничего в издательстве не выйдет, но чтобы такие глупые рецензии... Сiju и потихоньку переживаю... Переживу. Перекурю пару дней и начну новый рассказ».

«Май 1981. Одесса.

Мартович!

Ну, слава Богу, я в Одессе. Ночь. Только что вернулся с Пролетарского бульвара, был у родной дочки на дне рождения. Сiju в очередной квартире, которую мне любезно предоставили друзья (Дерибасовская совсем рядом, через три квартала), передо мной бутылка «Шампанского», она открыта, бокал выпит, продолжаю ее уничтожать и начинаю письмо тебе. Страсть, как хочется почесать язык с тобой. Я сейчас пьян, но в той хорошей мере, когда... Нет, не «когда»... а в той мере, которую дает хорошее вино, а не эта сволочная водка. Буду излагать в художественном беспорядке свои ощущения и приключения, начиная с 16 мая сего года (Борис прилетал в Новосибирск на мой день рождения, — *Г. П.*), хочу написать тебе письмо; *Письмо*, черт побери!

1. Самое главное: хотя я и проиграл тебе в шахматы, хотя и признаю поражение, но счет не окончен. Дело в том, что мы играли на диване (а неписанные правила требуют играть за столом); твои часы, несомненно, барахлили не в мою пользу; гипноз с твоей стороны был несомненный; меня нарочно отвлекали Григорий, Лида, Академгородок, твоя борода и вообще. Сейчас я читаю Ласкера, Крогиуса и Симагина. Готовься.

2. Побывал в июле в Сургуте. Милый сибирский город, не в пример Нижневартовску. Видел впервые настоящую сибирскую зону — оставляет впечатление! — вышки, заборы, проволока витками, железнодорожные пути, расконвоированные зеки, автоматические ворота (двойные), охранная часть, хоздвор, масштабы... Красиво!.. Как я это все рассмотрел — мой знакомый, к которому мы ездили, живет на шестом этаже рядом с зоной, и из его окна все видно, как на ладони.

3. Возвращался из Нижневартовска на перекладных — нашего постоянного самолета на этот раз не было, и пришлось лететь

просто в Европу, куда бог пошлет. Сначала он послал в Уфу, где пришлось с удовольствием просидеть более суток. И Уфу посмотрел, и ресторан изучил. И улетел в Киев. В Киеве был совсем недолго и помчался в Одессу к дочке на день рождения...

5. Все же я крепко потрясен тем, что ты потащил мои рукописи в издательство. Думал, что меня уже ничем не проймешь, но... задрожал, когда почувствовал, что появился шанс. **ТОРЖЕСТВЕННО ОБЕЩАЮ** (ультиматум самому себе): если книга будет поставлена в план, брошу к чертовой матери все свои финансово-художественно-хозяйственно-семейные дела, привяжу себя морскими узлами к письменному столу, обрею полголовы, ножницы выброшу в окно (закупаю на два года продовольствия, ключ отдам одной даме, которая будет меня раз в неделю проведывать — тсс... тайна!) и допишу Алешу Поповича...

7. Шутки в сторону. Я знаю, вернее, чувствую свою литературную слабость — гоняю по верхам. В то же время чувствую в себе силы нырнуть поглубже. Знаю, что излишне увлекаюсь расстановкой слов.

8. Вообще первый. От меня током бьет...

10. Гена, я прочитал все твое, что у меня было не читано за два года. Помню все твое. Мартович, ты живой, умный, веселый, грустный писатель... Литераторы очень одиноки. Я теряю друзей из-за этой проклятой литературы. Мои близкие (и далекие) в принципе не понимают, чем я занимаюсь. Ты прекрасно понимаешь, в чем тут дело. Например: Левитан поссорился с Чеховым из-за того, что Чехов написал «Стрекозу». Не понимают друг друга даже писатели: например: Толстой с Тургеневым чуть не застрелили друг друга. Но ты поймешь... Слова надо расставлять так, чтобы они пахли, цвели, звучали, играли...

11. Я Славке Рыбакову не давал жить из-за этих слов. Феликс (Суркис, — **Г. П.**) вроде обиделся, когда я начал трактовать форму и содержание. Виталию Бабенко я что-то тоже такое написал. Борису Стругацкому почему зря — я ботинка его не стою — что-то излагал — и он явно рассердился.

12. Шампанское допил. Жаль, не хватило.

13. Неожиданность — вот что должно быть в литературе, в шахматах, в футболе, в жизни. Тогда интересно. В любви.

14. Слово «неожиданность» можно интересно расчленить: нео-жид...

нео-реализм...

15. Все-таки шампанского нет. Спать!...»

«27 июля 1981. Одесса.

...Читал в Вартовске книжку Бугрова. Все-таки у меня на него зуб остался. Передай ему, что в книжке о современной фантастике (и вообще о фантастике) на двухстах с гаком страницах как-то странно ни разу хотя бы не вспомнить о таких малоизвестных писателях как братья Стругацкие».

«27 августа 1981. Одесса.

Гена, дорогой!

Вот, все. Теперь можешь вполне официально именовать меня сибиряком, работающим в Тюменской области, в Нижневартовске, в тресте «Нижневартовскнефтегаз», в РСУ-I (ремонтно-строительное управление), бригадиром художественно-оформительской бригады в составе двух человек. Правда, сейчас, как видишь, я нахожусь за своим письменным столом в Одессе и стучу письмо на своей машинке. Объясняю: такая у нас работа — учить самолеты летать. Это РСУ ремонтирует Нижневартовские детские сады (а их там уже 30 штук и строится еще 20), и мы вполне официально (не подумай, что это быстротечная договорная халтура) приняты на работу для художественного оформления этих детских садов; это одна половина дела; вторая половина — это наш режим работы. Бригады этого РСУ (и мы также) работают по так называемому «вахтово-экспедиционному методу»: работаем полный месяц в две смены, получаем двойную северную зарплату и за казенный кошт улетаем домой отдыхать. Месяц отдыхаем, возвращаемся в Нижневартовск, опять вкалываем и т. д. Не буду расписывать тебе все удовольствия от такого режима работы. Сам пофантазируй. Скажу только, что сколько себя помню на работе, столько мечтал избавиться от ежедневной тягомотины хождения и сидения с 8 до 17, а работать именно так: сделал — отдыхай. В общем, действительность превзошла мои ожидания — те, с которыми я ехал в Нижневартовск. На меня сваливается сейчас шесть свободных месяцев в году! Могу писать, это не шутка. Причем зарплата генеральская, в среднем просматриваются 500 р. в месяц (месяц рабочий ли, месяц ли отдыха — все равно). Долго ли протянется эта лафа? Тьфу-тьфу-тьфу — согласен лет на шесть вперед, на два сибирских срока. Впечатлений и приключений масса, с людьми навиделся и поговорился, на самолетах полетался (о, господи, где меня с марта не носило — и все по официальным сибирским делам — был в Ужгороде, Минске, Киеве, Таллине, Уфе, Куйбышеве — в пос-

ледних двух, правда, пролетом). Обязательно побываю в Свердловске и у тебя — и Свердловск и Новосибирск обязательно маячат при нелетных погодах на подступах к Нижневартовску...»

«26.06.1982. Киев.

...Только что брат принес твое письмо.

Ты поразительно верно подметил и точно высказал: «Ты иногда вызываешь впечатление неуверенного в себе человека, это мгновенно вызывает хищную реакцию у окружающих тебя людей». Абсолютная правда! В отношениях с людьми я очень мнителен и деликатен, эта деликатность переходит часто разумные границы и воспринимается как слабость. У Бабеля: «Мы молчим на площадях и кричим за письменным столом». Так, кажется. Я всегда готов уступить людям в мелочах, мои знакомые к этому привыкают, думают, что я такой и есть — когда же доходит до настоящих дел и серьезных принципов, они (мои друзья и знакомые) вдруг с удивлением обнаруживают, что перед ними рычащий зверь, идущий до конца и не идущий ни на какие уступки. В детстве я, тихий, культурный еврейский ребенок, услышав, например, слово «жид», не раздумывая, хватал кирпич или что под руку подворачивалось и стремился угодить прямо в голову, не соблюдая никакой уличной субординации к шаптрапе — а в пятидесятых годах, ты же знаешь, мы все росли на улице; мое поколение самое последнее, которое знает вкус коммунальных квартир, футбола, уличных драк, разведения голубей и т. д. И знаешь, после нескольких таких выходов все пацаны в нашем районе меня поняли и зауважали. Поняли, что я в серьезном деле не подведу. Да, очень жаль, что во мне нет внешней твердости, это очень мешает в жизни...»

«12.09.1982.

...Прочитал три рассказа Колупаева «Газетный киоск», «Билет в детство» и «Девочка». Самый лучший «Билет в детство». Он жизненный, умный, ласковый, грустный, чистый. Он запомнится, этот рассказ. В жанре «чувствительной» фантастики он очень хорош. Он сдержан, в нем чистое чувство. А вот в «Газетном киоске» и в «Девочке» мне показалось, что много соплей, излишней мелодрамы. В «Девочке» это ощущение из-за того, что рассказ чересчур затянут — там много можно зачеркивать и отжимать, а «Газетный киоск»... Скажу сейчас удивительную вещь в отношении фантастического рассказа, но... так в жизни не бы-

вает и быть не может. Точнее: так не могло бы быть. Посылка в рассказе отличная: в некоем киоске каждый день появляются завтрашние газеты. На этом строится лирическая история. Нормально. Но почему главного героя и героиню этот невероятный факт очень мало интересует? Газеты, ну и газеты, они не очень удивлены. Так не бывает. Нормальный человек в крайнем случае хотя бы обалдел, а деятельный человек попытался, наверное, выяснить, откуда эти газеты взялись. То есть, рассказ, по-моему, нелогично построен. Главному герою, наверно, совсем не надо делать доклады в научном обществе, а надо было бы бегать по городу и выяснять, откуда берутся газеты. Конечно, никакой Уэллс не объяснил бы появление завтрашних газет (впрочем, почему бы и нет?), но они должны быть в рассказе стержнем сюжета, а этого нет».

«15.09.82.

«...Так вот ты — писатель. Такая, в общем, чепуха.

Писатель сразу виден по тексту. Сразу. Пусть он будет самым последним из чукчей. Пусть правильно или неправильно расставляет слова, пусть его вкус подводит — главное, чтобы текст был живой. А с живым человеком всегда можно поговорить и договориться. А если не договориться по причине крайней отдаленности вкусов и характеров, то хоть разойтись, уважая друг друга.

Теперь шутка: если даже писатели подерутся, в этом тоже своя прелесть. Толстой и Тургенев — жаль, что дело не дошло до дуэли; единственный, кажется, был бы пример в истории, как стрелялись два больших писателя. Ах, как жаль! Вот где пришлось бы потомкам разбираться!.. А что Пушкин и Дантес, или Лермонтов с Мартыновым, тут и разбираться не надо, кто прав, кто виноват. Пушкин с Лермонтовым правы. И весь ответ. Потому что они были писателями; а Дантес и Мартынов всего лишь членами СП (стихи кропали, наверное). Вот».

«13.01.1983.

...«Кубатиев — Штерн». Сборник НФ. Почему бы и нет? (Будущий сборник — «Снежный август», — Г. П.)

Об Алане. М-да. С ним говорить невозможно. Он забивает своим фонтаном. Причем говорит очень интересно и красиво — но потом читаешь его рассказы и диву даешься, насколько его

правильные теории далеки от его же собственной практики. Те три или четыре вещи, что я прочел — любительские. Копировальные, без лица. Таких много. Странно. Аланова личность должна как-то выразиться в писательстве, а я не увидел. М-да. Кажется, он упивается разговорами, а писателю надо бы наоборот. Не знаю. Скажу тебе, как объективный реалист, — если сборник «Кубатиев — Штерн» состоится, то... Это будет разная весовая категория... Если у меня будут «Дом», «Производственный рассказ № 1», «Король», то что будет у Алана? Как воспримется такой сборник? Сам Алан как воспримет такой сборник?.. Гена, это объективная реальность. В сборнике из двадцати авторов один может быть лучше, хуже, талантливей, гениальней — тут все ясно. А когда двое? М-да. В сборнике на двоих—троих присутствует оттенок (даже цвет) соревновательности. Мне будет тоскливо смотреть на Алана, а ему на меня. Гена, ты же понимаешь, что я не задираю нос, а смотрю объективно. Алан — любитель, пишет много и не ведает, что пишет. Я — профи, писать давно надоело, каждое слово выгрызаю зубами. Силы не равные...

Еще раз пасчет высокой политики.

Я не способен ни вести какую бы то ни было политику (это невозможно даже из-за географически-практического моего положения), ни подносить кому бы то ни было снаряды — это невозможно из-за крайнего отвращения. Так. Но испортить себе жизнь вполне могу, когда меня потянет в лоб и искренне излагать свои суждения о том-то и о том-то. Тут я опасен. Сам для себя, конечно».

«4.07.83.

...Достал «Мир приключений-83». Сейчас прочитаю Алланов рассказ «Ветер и смерть» и чего-нибудь выскажу.

Начал читать.

Алан, оказывается, пишется через одно «л»:

.....
Многоточие — это значит «я читаю»..... Борис Стругацкий любит говорить: «Опять какие-то иностранцы».....
«Он медленно выплывал из темных вод сна»
В первой главе подробные описания всего, что попало на глаза, много необязательного..... японца будут перевоспитывать..... идут разговоры о том, о сем..... разговоры о войне для среднего школьного возраста..... вторая глава чрезвычайно затянута фразами: «колени тряслись, в горле

першило, ладони мокрые и холодные»..... Эпиграфы из японской литературы очень хороши, но литературно и умственно они сильнее основного текста — значит, лучше без эпиграфов..... Живой корабль..... «помогая онемевшему от пережитого Акире высвободиться из амортизатора»..... «шагал на ватных ногах по коридору»..... «сквозь гул в ушах просачивались обрывки фраз»..... «прямым следствием этого шага стало усвоение обильной информации»..... «еще одним неожиданным эффектом оказалось яростное сопротивление подсознания»..... «активно отторгал любую информацию»..... «дальнейшая психическая акклиматизация»..... ага, он не перевоспитался.

Прочитал.

Гена, самым лучшим «японским» рассказом в русской литературе я считаю куприновского «Штабс-капитана Рыбникова». Потому что он не об японцах, а об нас. «Штабс-капитан» — рассказ высшего класса, плотная смесь детектива, бытописательства и психпрозы. Рассказ Алана — не дальше пятого класса средней школы.

Что я могу поделаться? Это так. Алану не говори, он обидится. Его НФ вещи обычны. Вторичны, об иностранцах, о проблемах — он может быть спокоен, его будут печатать, у него будут книги, он будет писателем...

Испортил он мне настроение с утра, с утра было веселее».

«1 апреля 1983.

...Пока меня не было, объявился мой Первый Читатель. Скубент из Саратова, любитель фантастики. Прислал письмо в «ХиЖ» («Химия и жизнь», — Г. П.), мол, передайте писателю-фантасту Штерпу. Он читал все мною опубликованное — даже «Дом» в «Дебюте» (а это не Саратов) — прислал свои восторги. Гм... Всегда говорил, что существуют на свете придурки, которым я все же пужен! Да, это было приятно».

«26.04.83.

Мартович!

Вспомнил твою историю с милицейскими чинами — ты рассказывал ее в мае, — как тебя и еще кого-то чуть не загребли в участок; но тебе помогли ангелы-хранители. А нам не помогли.

Меня и Сашу Оганесяна — загребли! Позавчера. Взяли мы с ним две бутылки вина и отправились на природу в лесок почесать языки. Не успели даже половину выпить, тут нас и повязали. В принципе, всегда можно с этими фараонами договориться, но разговор как-то по-глупому повернулся. На вопрос «где работаю» я по привычке ответил, что в Нижневартовске; да сдуру у меня оказался паспорт. А в нем видно, что я одессит, недавно прописался в Киеве, да плюс к тому мое утверждение, что работаю в Сибири. В общем, товарищ старший сержант, сопляк, едри его мать, решил, что он взял в лесу если не рецидивиста, то личность крайне подозрительную. И тут уже ничего нельзя было доказать. Посадили в воронок и повезли. И начали составлять протокол. Мне, в принципе, начхать, потому что еще нигде не работаю; а Оганесяну ой как пехорошо. Потому что он уважаемый инженер на киевском заводе «Коммунист». В общем, пришлось принимать срочные меры, отводить начальника в сторонку, шелестеть купюрами, говорить: «Возьми штраф, квитанции не надо и порви протокол».

Возымело!

Но когда мы очутились на слободе, то: принципиально купили те же две бутылки, вернулись в тот же лесок и пазло кондуктору их распили. Чип (киевский поэт, — *Г. П.*) на следующий день страшно хохотал; причем напугал меня — позвонил и, изменив голос, сказал: «Вам звонят из милиции по поводу вчерашнего задержания».

Ну, все на пользу».

«Лето 1984.

...Решил собирать-коллекционировать все, что касается русских богатырей. Хорошую репродукцию Васнецова пока не могу найти, зато купил коробку папирос Львовской фабрики. Папиросы «Богатыри». Описать словами не могу то, что на папиросах изображено. Три кретины едут на трех... собаках, что ли. (Этот рисунок не на коробке, а на самой папиросе). Нет, описать невозможно».

«30.07.84. Киев.

...Бумаги нет, экономлю. На сл. неделе обещают украсть для меня на писчебумажной фабрике 10 кг бумаги — это, наверное, много».

Мартович!

«Снежный август» уже приносит плоды. Хороший украинский критик Михаил Слабошпицкий (и во всех смыслах отличный человек) взял книгу, взял меня и потащил в издательство «Молодь», и стал качать права — размахивал книгой перед гл. редактором и не давал мне рта раскрыть. Разнес к чертовой матери Дмитруков, Тесленков и Головачевых, объявив, что на Украине есть два писателя-фантаста: Светлана Ягупова и Б. Штерн, и что он, Михаил Слабошпицкий не потерпит и т. д. Ужас! Требуется поставить меня в план на 1987 г. В общем, сейчас что-то будут решать.

Гена, я довольный.

Да, конечно, это не совсем то, что мы хотели, но это хорошо. Шесть рассказов, и в них «Горыныч». Это не Книга, но это мощный довесок к той книге, которая будет в «Молоди», — и тогда никто ничего не поймёт, если я буду говорить, что у меня две книги.

Короче, еще одна книга — и можно попробовать в СП.

А с билетом уже другие ощущения. С билетом уже возникает право сидеть и писать».

«Осень 1986.

...Как проходил семинар (в Дубултах, — Г. П.)...

Знаешь, эти игры уже не для меня. Наверно, я уже вышел и из возраста, и из этого начального круга. В общем, семинар был не лучше и не хуже других. Подавляющее большинство — не писатели. И не будут. Безнадёжно. Из всего семинарского народа за эти четыре семинара (а это почти 100 человек), по-моему, имеют шансы — если будут расти, и если будет везти, вот кто: Бабенко, Геворкян, Веллер, Лукины, ну я, грешный, и Андрей Лазарчук. Обрати внимание на Лазарчука — он совсем новенький, 28 лет, только что появился — твой, сибирский, из Красноярска. Это, кажется, прирожденный писатель. Приятный порядочный человек — и это не молодоговардейский типаж в духе его земляка Корабелыникова...

Далее: еще несколько имен под вопросом — Покровский, Силецкий, Рыбаков, Витман-Логинов, Коралис (он из Ленинграда).

Елки-палки! Только что позвонил из Москвы Володя Баканов — сообщает, что «Производственный рассказ № 1» хотят

взять в «Литературной России». Надо прислать фотографию и биографию.

Обладеть можно!

Наверно, я кого-то упустил...

Клугер из Симферополя, говорят, хорош...

Но факт, что из 100 человек еле-еле наберется десяток. Но это всегда так — 90% всего на свете — дерьмо!

Владимир Михайлов мне очень понравился. Во-первых, он мудрый мужик, во-вторых, очень неплохой писатель, в третьих — у него жена секс-бомба. Он вел семинар, вместо Войскунского. Евгений Львович решил, что хватит.

Вторую группу вел Биленкин...

Пили совсем мало. Потому что в Юрмале был сухой закон, и за этим делом приходилось ездить аж в Ригу. А лень, в общем, то-се.

В Москве был 4 дня, у Виталия (Бабенко,— Г. П.) спал. Либкин очень хвалил твоего «Кота на дереве». Он хочет тебя иметь в журнале, но у них с весны сплошные беды, их бьют, Черпенко уволили с партийным выговором, и они боятся. Меня выбросили из сентябрьского номера («Голую девку»), три месяца выходили без фантастики, в № 12 опубликовали Булычева (за него им ничего не будет), в № 1 дадут переводного американца, № 2 выйдет опять без (съезд), в № 3 хотели опять засунуть «Голую девку» (март, женский день), но опять испугались и опять выбросили. Обещают теперь на лето».

«7.09.87.

...Прочитал «Историю» и «Поворот», перечитал «Огород». Мне нравятся твои сибирские мужики и по «Курильским повестям», и сейчас, и по «Краббену». Это все об жизни и об людях, то бишь то, чем занимаются хорошие нормальные писатели, а не «фантасты». Знаешь, я перестал любить фантастику. Я не могу ее читать. И не знаю, о чем говорить с этими НФ-сумасшедшими — как НФ-писателями, так и НФ-читателями. Они ни хрена не понимают ни в слове, ни в людях. Ни в жизни, ни в играх — это фанаты чего-то там такого.

А у тебя литература, у тебя проза.

В «Повороте к Раю» ты здорово использовал, порассуждал и вообще ввел по делу «организованные элементы» (какабения). Я в худож. литературе еще с ОЭ не встречался, а сам держал на

задворках памяти — нет, не сюжет, а тему — об ОЭ (у меня есть фолиант «Происхождение жизни» Руттена, а мне тема ОЭ близка, интересна, и давно охота запустить в какой-то свой рассказ свои знания — нет, чувства по ОЭ)».

«8.11.87.

...Я только что вернулся из Репино, где был семинар по кинофантастике. Ощущения всякие — и хорошие, и плохие. Фантастика как жанр — дерьмо (еще раз убедился). Но были там и хорошие люди — Стругацкие, Михайлов, Бабенко...

P. S.

Да! Фанаты решили составить сборник молодой НФ для «МГ» и «представить его на обширное рецензирование». Состав рецензентов: А. и Б. Стругацкие, В. Михайлов, Гапсовский, Прашкевич, Ларионова, Казанцев, Медведев, Щербаков».

«7.03.88. Киев.

...Звонил Чадович, говорит, что приедет на слет (Клубов любителей фантастики,— *Г. П.*), спрашивает, как в Киеве с виноводочными делами. Ответил, что очень даже неплохо с этими делами, все исправно работает с 2-х до 19-ти».

«Лето 1988.

Гена, дорогой!

Альманах вы пробили на отличных условиях — 6 раз в году по 20 листов... По существу это получается ежемесячный журнал по 10 листов... Больше, чем «Химия и жизнь». Гонорар нормальный. Тираж, конечно, небольшой. Дальше Новосибирска не пойдет (хотя фанаты всегда достанут). Все это здорово, кроме нескольких фамилий в редколлегии... Возьми альманах в свои руки и плюй на всех полуграфоманов и дилетантов как с той стороны (рыбины—фалеевы), так и с этой (дымовы—балабухи). И не печатай стругачевских сценариев, потому что шефов я очень люблю, но они, кажется, собрались сделаться приложением к «Ленфильму». И не позволяй Булычеву халтурить и публиковать в альманахе повести, написанные за неделю в гостинице левой ногой. И не устраивайте, конечно, «географический» альманах,

сибирский. Конечно, приоритет сибирякам, но все достойное по Союзу должно быть у тебя. И не подпускать эту клубную шантрапу с ихними клубно-любительскими делами и меморандумами... А Ковальчуку, как любителю НФ, разрешить делать на задние обложки информационные сообщения (краткие): вот, мол, «исполнилось 90 лет со дня рождения неизвестного и не представляющего интереса новозеландского писателя-фантаста Рейли Дейли. Краткое содержание его никому не известных сочинений...»

«7 июня 92. Киев.

...Ну, живем дальше. Лето началось, КПСС нет, советской власти нет, СССР нет — хрен знает что!»

«18.01.1993. Киев.

...Я был в Москве — знакомился с собственным зятем. Дочка в Израиле вышла замуж, а Володя прилетел в командировку в Москву. Попили с ним водки пару дней, а потом я отправился в «Ренессанс» (издательство, — Г. П.). Впечатление: очень хреновое. Все у них стоит, что-то они таскают наши наборы из Минска в Н. Новгород, взгляды отводят, поговорить толком некогда. Попросил авансу — мол, дайте на следующий весь год — тысяча 60–70 — деньги небольшие, — чтобы я к вам не приставал весь год, — они согласились, что деньги небольшие, но, вишь ли, в данный очень неудобный момент в кассе ничего нету, а вот вчера было, а сегодня нету, и что они могут выдать всего лишь 10 тыс. Тогда я развел руками и сказал, что это ниже всякого мизера, и тогда они посоветовались и решили выплатить 15 тысяч — а вот если я приеду в 20-х числах января, то деньги у них будут. (НЕ ВЕРЮ.)

Ушел с 15-ю тысячами в кармане. Зашел в «Текст». Не за авансом — а так, посмотреть на них. Всех застал, потолковали. Бедные они, бедные: бумага, налоги и т. д. С книжкой моей в «Тексте» решили окончательно — не делать. Им мешает договор с «Ренессансом». Бутылку принес, выпили, и побежал я на поезд.

Вот еще новость — и опять какая-то зависшая, нереальная — приехали в декабре в Киев два представителя из «Северо-Запада» (из Питера) — Белов и Миловидов (из фэнов, занятых издательской деятельностью). Разыскали меня. Предложили кни-

гу в «Северо-Западе» (4 тыс. за лист, 30 авт. листов), надо 25 декабря приехать в Питер, привезти рукопись, подписать договор, получить все деньги. Мои договоры с другими издательствами их не интересуют. Я согласился. Опять же, много пили. Они уже издали Снегова, подписали договор с Михайловым. Спросил, не собираются ли выходить на тебя? Ответили, что знают и уважают Прашкевича, и что в их планах связаться с тобой, и координаты есть. Так. Уехали. Я стал готовить рукопись (и прицеливаться на поездку). Но звонок: приезжай не 25-го, а 10 января... Не успели деньги подготовить... Прицеливаюсь на 10-е января — опять звонок: извини, неувязка, переносим на февраль... Такое вот. (НЕ ВЕРЮ.)

Живу неизвестно как, Гена. Неохота жаловаться. Надо что-то придумывать — гонорары смешные, и все равно их нет. А есть всякие предложения с редактурой глупой американской НФ — придется этим заняться,— значит, мое писательство опять будет стоять. Жаль. На душе гнусно. Пачка «Примы» в Киеве стоит 200 купонов (это рублей 120). Компьютер мой испортился, никак его не исправят. Зима гнусная. С Новым годом!»

«6.02.1993. Киев.

...Жалкие времена».

«10 октября 1993. Киев.

...А вот интересная летняя ситуация.

Леня Ткачук, мать его за ногу, взялся издать за деньги одного кировоградского мецената мою книгу. Дал ему тот меценат 24 миллиона карбованцев (это не очень и много, но тем не менее). Леня схватил их, как голодный шакал, и с криком «Да я! Да мы! Да одной левой!» помчался мою книгу издавать. Но хитрый меценат не совсем дурак: поставил Лене условие издать книгу в такой-то срок. Но хитрый Леня тоже не окончательный умница — договор с этим условием подписал не он, а дал подписать какому-то одесскому фирмачу. Результат: ни хера Леня в срок не сделал (и не в срок не сделал — просто ни хрена не сделал, ноль на массу). Тогда меценат очень корректно (сопровожаемый двумя бугаями-вышибалами) затребовал с Лени деньги-обратно плюс штрафные санкции за нарушение договора — этих санкций собралось 21 миллион. Деньги были отданы.

24+21=45 млн. Отдавал, естественно, не Леня, а тот, который. Леня сидел в кустах и молился Богу, чтобы морду не побили. Но с Ленкиной мордой обошлось, а книги моей опять же нету. Правда, сей меценат, довольный все же исполнением штрафных санкций, опять же отдал эти 45 млн. теперь уже на 2 книги — мою и Шуры Борянского из Одессы. Чем Шура сейчас и занимается. (Но есть у меня уверенность, что если что и получится, то одна книга Борянского, потому что 45 млн. карбованцев мало на две.) Такие вот пироги. Я на Леню не в обиде. Это он не со зла, а по глупости и некомпетентности. Тем не менее, он все же издал № 1 журнала «Одесей» — там твоя статья о Гуревиче и моя повестушка «Лишь бы не было войны»...

На Украине полный развал. Рубль идет 1 к 10 карбованцам. Нищета. Я даже пить бросил, не пью уже почти 3 месяца. Водка под 15 тыс.— нету попросту таких денег. Зарабатываю гнуснейшей редактурой... Сейчас мы за границей. Даже в Москве встретиться очень трудно — билет в Москву по госцене купить невозможно, а спекулянты дерут головуломно...»

«5 апреля 94.

...Да, приезжала Ольга, да, получил твое письмо, все это было зимой, а сейчас уже апрель. Птички блестят, солнышко поет. А литературная жизнь в глубокой дупе. Что и следовало ожидать — на Украине 2000 писателей, что им кушать?

Пройдусь по новостям.

Книга у меня в Одессе вышла, в январе, мне должны привезти 2000 экземпляров — это гонорар, книгами. Это неплохо, это 7–8 процентов от тиража, надо будет продать получше, мне ребята помогут. А планы у Онула и Борянского такие: а хрен его знает, что делать дальше, потому что инфляция сейчас рванется еще дальше. Говорят, что надо «погодить». Боюсь, что надолго их не хватит.

Интересные новости из «Северо-Запада». Впервые в жизни на моем пути встала стихия — в Питере сгорел к чертовой матери Дом Союза Писателей, а в нем на четвертом этаже этот самый «Северо-Запад». Остались голые стены. И десяток авторов, с которыми «С-З» заключил договоры и выплатил гонорар,— Рыбаков, Логинов и другие. Я в их числе. Книга, значит, насмерть застряла. Там застревание, конечно, не только из-за пожара (кстати, явный поджог, загоралось два раза), но и из-за их соб-

ственного издательского банкротства — склады у них затоварены. Ничего не продается и т. д. Смотри, что делается: «Ренессанс» меня не издал, «Северо-Запад» не издал, Ютанов не издал, «Текст» не издал — по!.. Но все в свое время что-то заплатили! Кто немного заплатил («Текст», Ютанов), а кто и очень даже неплохо («Ренессанс», «Северо-Запад»). И на эти шальные издательские деньги я с семьей эти годы живу, с 86-го, уже восемь лет (еще две книги в «Молоди», еще несколько авансов, гонорары от Ярушкина, из Симферополя...). Удивительно!

Не пью. Правда, недавно на похоронах подруги сорвался с крючка, скушал две бутылки самогона, но дальше не поехал. Пишу, пишу. Небольшую повестушку написал о Чехове (!), о том, как Чехов не умер в 1904 году, а прожил до 1944-го. То ли повестушка, то ли «фантастическо-литературоведческая статья». И неплохо вроде, нескучно. А куда пристроить, не знаю, как всегда.

«21 апреля 1994.

Гена, дорогой!

Новость о твоём журнале очень об-на-де-жи-ва-ю-ща-я и во-ду-шев-ля-ю-щая! Я очень впечатлился (и суммой предполагаемых гонораров тоже). Вот было бы здорово, если б журнал состоялся! Готов отдаться твоему журналу («Проза Сибири», — *Г. П.*) с потрохами — специально писать для тебя («специально» в том смысле, чтобы попадать в тональность журнала) и отдавать и первопечатать все, что тебе подойдет.

Теперь вопли.

Не советы, а именно вопли.

Не публикуй эту дурную фантастику!

Ни малеевскую, ни текстовскую, ни молодогвардейскую, ни петербургскую! Никакую! Михайлов уже пытался сделать из «Даугавы» журнал фантастики — неудачно, и не только из-за политики. Не нужно это. Нормальная крепкая литература нужна — и если она будет со странностями, с уклоном в фантастику — вот и отлично. Хорошие писатели нужны. А если появятся рукописи вроде «Человека-невидимки» или «Пикника на обочине» — публиковать, не разбирая «фантастика или не фантастика».

И еще.

За последние лет пять мы прекрасно увидели, кто чего стоит, кто писатель, кто не писатель, кто издатель, кто делец, кто книгопродавец, кто вообще никто. Все расчудесно раскрылось,

все очень понятно стало, хотя и прежде я не особенно заблуждался. Ну их всех... Недавно показали по РТР семинар Бориса Стругацкий — он в порядке, он был при исполнении, но вокруг него сидели все известные тебе семинаристы — всем далеко за 40 — и всерьез рассуждали о том: «Поэт в России больше, чем поэт, или меньше?» Стыдоба...»

«10 октября 94.

Гена, дорогой!

Я сейчас гоню для тебя своего «Эфиопа».

«Гоню» — это сильно сказано, но каждый день по странице в день; для меня это «ого!». Постараюсь дописать к ноябрю, а уж к Новому году — кровь из носу! Что-то получается, чем-то я доволен. Есть 5 черновых листов, нужно еще два, а потом подгонять, переделывать. Посылаю тебе десяток принтерных страниц на пробу, но дело сейчас не в «Эфиопе».

Дело вот в чем. Высылаю тебе три части моего большого романа, который я начал в позапрошлом и остановил в прошлом году. Здесь листов 5–6, вполне сделанных. Есть еще листа 2–3 очень черных, читать еще нельзя. И это половина романа. Он посвящен Виталию Бугрову. Мне еще в прошлом году хотелось показать Бугрову, потолковать, испросить разрешение на посвящение... И вот... разрешение уже можно не спрашивать... Остановил я роман потому, что писать там надо еще 8–10 листов, это много, долго, тяжело, это работа с полной отдачей на год–полтора. По моим прикидкам получится 16–18 листов — размер для меня колоссальный. Такого времени у меня нет — то есть, нету денег, чтобы полтора года заниматься только романом.

Вот и вопрос-предложение для «Прозы Сибири» (тебе, то есть): может ли (и захочет ли) «Проза Сибири» пойти с неким автором Б. Штерном на нижеследующий договор-заказ: автор предоставляет «Прозе Сибири» первые три части романа «Последний из Кагебе», которые уже можно публиковать. Автор обязуется через полтора года предоставить полный текст; со своей стороны «Проза Сибири» выплачивает автору аванс в размере... В размере, чтобы автор и его семья спокойно завтракали, обедали и ужинали в течение полутора годов. Если конкретней, то в Киеве еле-еле прожиточная сумма на трех человек составляет долларов 40–50 в месяц. Умножим сорок долларов на 18 месяцев — и получим округленно 700 долларов...

Ха, тут Гера Либкин был в Киеве. В «Тексте» узнали о биографии Чехова, затребовали почитать, прочитали, пондравилось, и предложили быстро поставить в шестой номер «Завтра». «Фигушки! — ответил я. — Давно поздно. Отдано Прашкевичу в журнал».

«5 ноября 1996.

Гена, дорогой!

У меня все лето на столе лежала записка: «Позвонить Прашкевичу». Без дела, просто позвонить. Два раза звонил, не дозволивался, третий раз дозволился. Говорил с Лидой, ты был в Москве. Надо общаться, надо. Мне здорово не хватает разговора с тобой. Позвонить, написать письмо — все стало проблемой.

Был я в апреле в Израиле (но не более того). Болгария не заграница. Израиль не совсем заграница. Русскому писателю там просто нечего делать. Спиваться. Клугера видел. Живет. Мама, сестра, сын. Издает на деньги Щарапского «Журнал израильской фантастики». Тираж 300 экз. Никому этот журнал не нужен. Русские писатели никому там не нужны. Хочет издаваться в России, в Украине. Такое вот.

Поехал я в Питер в конце сентября на три дня. Съезд писателей-фантастов СНГ. Думал, что ты там будешь, но тебя не было. Ты правильно сделал. Пил с Брайдером и Чадовичем. И с Васей Звягинцевым. Водку. Чадович рассказывал, что ты побывал у него в Минске. Эти три дня превратились (уже в Киеве) в месяц непросыхания. С мая по октябрь честно сидел, писал роман, — и срыв на целый месяц. Ужась. Бутылка водки в день. Не могу выйти. Сейчас тоже под газом. Женя Лукин с поломанной ногой замахнулся костылем на Ютанова за то, что тот не пускал на банкет Логинова. Я же на банкете устроил скандал некоему Саше Кисселю (ты его, кажется, знаешь) за то, что этот пацан забрал — не одолжил, — забрал у меня в мае 500 долларов (под предлогом, что я в Киев не довезу) и исчез, скрылся, не звонил, пять месяцев не отдавал. Ну и возмутило меня вот что: сидят на этом банкете Стругацкий, Михайлов. Сидят писатели с опытом, с книгами за спиной, а тут встает Саша Киссель (не написавший, кажется, ни одного рассказа) и начинает провозглашать тост «за литературу». Я ему: «Заткнись!» и не дал говорить. Ужась! Нельзя мне уже ездить на эти сборища...»

Гена, дорогой!

Меня тут заело. С мая уныло продаем мою квартиру, чтобы купить другую квартиру, потому что надоело 10 лет жить с женой и с дочкой отдельно через три длинных квартала. А вот сейчас вроде наклюнулось нужное жилье, и я надеюсь прислать тебе в сентябре свой новый адрес и телефон. (После этой сделки — придется доплачивать — опять стану нищ и гол.)

Что говорить, ты видел печальный сон. Ну да, мы шли по длинной пыльной дороге — еще идем. Еще не ползем — и за горизонтом нас что-то ждало. Что-то мы ожидали увидеть, — и что-то разное нас ожидало, и что-то разное мы ожидали, — мы ведь разные (даже в росте — у тебя под два метра, а у меня аж метр с кепкой), но тут главное «дорога», процесс ходьбы... Да. Грустно... Я почувствовал возраст. И ту самую «амортизацию сердца и души»... Но кусок жизни еще есть, надеюсь. Давай идти — или ползти — дальше. Тащить свой крест — каждый свой — дальше. Вспомнил хорошую, но грустную литературную шутку о Марке Шагале: «Шагал один, а пришли другие». Впрочем, Шагал вполне куда-то пришел...

У меня крепкое раздражение от литературных клоунов. Говорят, что Перумов (не знаком) запланировано пишет 20 листов в месяц. Это что же — 12 романов в год? Я пытался читать...

Да, «Эфиоп» появился. А ощущения мои... амортизационные. Впервые у меня вышла книга «сразу» — вот написал, а через 3 месяца вышла. Как и положено быть. Ну, вяло радуюсь. Ну, доволен тем, что написал и издал «толстый» роман. Но совсем нет того удовольствия, когда появлялись рассказы в «Химии» или «Дом» у тебя в «Дебюте». Тогда надежду юноши питали, а сейчас чем питаться?..»

«4 июня 98. Киев.

Гена, дорогой, привет!

Ох! Одним словом; ох. Я вчера роман закончил. «Вперед, копышня!» называется. 17 листов. Ровно год писал, не разгибаясь. Изнервничался — работал для Ютанова, на срок. Должен был закончить в марте, но взял еще два месяца, не успевал. Пару раз крепко запивал, Танька злилась. Но закончил — а удовольствия никакого. Нельзя работать «на срок». Спешешь, калечишь, идешь по верхам, нервничаешь. Кажется, роман получился не

скучным, «моим», но я в этом совсем не уверен. «Футбольно-астро-физический» роман о Бел Аморе. Не знаю. Посмотрим.

Я в Питере не был в мае. Не успевал с романом, вот и не поехал. И в прошлом сентябре не был. Паспорт был сдан на прописку, а ехать без паспорта — в Белоруссии высадят из поезда и завернут обратно. В другом государстве живу. Иностранец.

Я не был в Питере, а мне Стругач за «Эфиоп» Улитку дал. Я даже не знал, что «Эфиоп» был в номинации. Ни черта не знаю. У меня ощущение, что «Эфиоп» почти никто и не читал. Разбросали тираж 10 000 по городам и весям — как в бездонную бочку. Надо было р-рекламную компанию провести, как это многие делают, но у меня на это ни сил, ни желания, ни возможностей. Ладно. «Эфиоп» для тебя с зимы лежит, но выслать по почте нельзя — надо ехать на таможенку за разрешением. Сил нет на такие подвиги. Хочу подарить Войскунскому, Берковой, ребятам — на таможенку в очередь! Каждую книгу они проверят, я при них заверну, поставят печать, заплатить пошлину, потом уж на почту...»

Нам всё казалось, что настоящая жизнь еще впереди.
А она уже проходила.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Стругацкий. Об авторе</i>	5

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИНСПЕКТОРА БЕЛ АМОРА

Чья планета?	9
Спасать человека	19
Досмотр-1	37
Досмотр-2	47
Бесы, или В погоне за бессмертием	63
Кто там?	92
Мадемуазель Бель Амор — дочь инспектора Бел Амора, или Остров Змеиный, или Флот не подведет! или Флот пропьем, но не сдадим!	149
Недостающее звено, или Вторая смерть инспектора Бел Амора	158
Туман в десантном ботинке	175
Жена от Карданвала	185

ВПЕРЕД, КОНЮШНЯ! (Записки Непостороннего

Наблюдателя)	199

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Александр Кучерук. Памяти Б. Г. Штерна</i>	551
Автобиография	552
Б. Г. Штерн — Г. М. Прашкевичу. Письма без комментариев	555

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Штерн Борис Гедальевич
Приключения инспектора Бел Амора
Вперед, конюшня!

Издано в авторской редакции

Художественные редакторы И.Ю. Селютин, О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор А.В. Полтьев

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер»
83048, Украина, г. Донецк, ул. Артема, 147а
Свидетельство ДК 146 от 11.08.2000
E-mail: publish@stalker.donetsk.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-011911-9

9 785170 119110